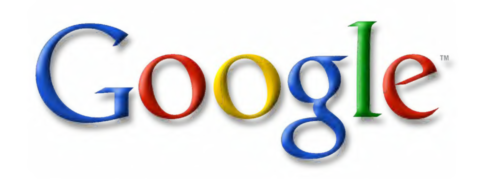

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ III

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

Желаніе уяснить себѣ смыслъ и происхожденіе народныхъ миѳовъ, вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ привело ученыхъ нашего времени къ необходимости сравнительнаго метода въ этнографіи, а сравнивая между собою записи этнографическаго матерьяла, добытаго отъ разныхъ народовъ земного шара, они неожиданно для себя натолкнулись на поразительное сходство всѣхъ сторонъ народной жизни не только у племенъ близкихъ между собою по языку, но и у такихъ, между которыми до тѣхъ поръ ничего общаго не предполагалось.

Оказалось, что многіе миѳы, вѣрованья, обряды и обычаи, которые прежде считались неотъемлемой принадлежностью какой-либо одной этнографической группы, имѣются въ такомъ же видѣ и у другихъ. Появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ международныхъ миѳовъ, международныхъ вѣрованій, международныхъ обычаевъ и т. д., число которыхъ чуть не съ каждымъ днемъ увеличивается по мѣрѣ того, какъ этнографическія изслѣдованія становятся глубже и область ихъ вѣдѣнія расширяется. Дошло наконецъ до того, что въ настоящее время трудно указать какое-либо вѣрованье, какой-нибудь обрядъ, которые принадлежали бы исключительно одной этнографической группѣ и внѣ ея нигдѣ болѣе не встрѣчались.

Замѣчательно, что международная общность не ограничивается какой-либо одной стороной народной жизни, но охватываетъ положительно всѣ ея стороны, начиная съ религіозныхъ вѣрованій и миѳовъ и кончая костюмами и мельчайшими деталями домашняго хозяйства.

Каждому образованному человѣку хорошо извѣстно, напримѣръ, широкое распространеніе по земному шару культа огня, культа камня, культа деревьевъ, культа водяного божества, вѣры въ дурной глазъ, вѣры въ колдовство и проч. Но особенно поучительно въ этомъ отношеніи, приводимое у Тайлора, число народовъ земного шара, между которыми распространены малоизвѣстные и непонятные обычаи. Такъ напримѣръ обычай называть отца по имени сына

найденъ у 34 народовъ, обычай, въ силу котораго родственники мужа воздерживаются отъ разговоровъ съ родственниками жены—у 66 народовъ, обычай левирата—у 120 народовъ и т. д. (1).

Неоспоримый въ настоящее время для европейской науки фактъ существованія международныхъ вѣрованій, обычаевъ и проч. не могъ пройти незамѣченнымъ въ ученомъ мірѣ, ибо онъ до нѣкоторой степени противорѣчитъ установившимся въ цивилизованномъ обществѣ взглядамъ на историческое прошлое человѣчества, на происхожденіе его цивилизаціи, на прогрессивное развитіе человѣческихъ обществъ и пр. А потому очень естественно, что усилія этнографовъ нашего времени направлены, во-первыхъ, къ выдѣленію всѣхъ тѣхъ вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч., которые могутъ считаться международными, а во вторыхъ къ выясненію причины ихъ происхожденія.

Но этнографическій матерьялъ разбросанъ въ десяткахъ цивилизованныхъ городовъ, въ сотняхъ библіотекъ и музеевъ, въ тысячахъ книгъ, изданныхъ чуть ли не на всѣхъ языкахъ міра, имѣющихъ письменность. Поэтому подъискать весь собранный и изданный на земномъ шарѣ матерьялъ даже по одному какому нибудь самому ничтожному вопросу немыслимо для одного человѣка. Вотъ почему вопросы о международныхъ вѣрованьяхъ во всѣхъ цивилизованныхъ центрахъ Европы принято разрабатывать коллективно. Въ этнографическихъ журналахъ западной Европы въ настоящее время можно найти не мало такого рода изслѣдованій. Кто-либо изъ этнографовъ даетъ иниціативу къ разработкѣ того или другого международнаго вѣрованія или обычая, указывая на его широкую распространенность, и вслѣдъ затѣмъ появляется цѣлый рядъ работъ по тому же вопросу, подъ однимъ и тѣмъ же заглавіемъ, принадлежащихъ людямъ различныхъ національностей, незнакомымъ между собой, живущимъ въ различныхъ городахъ и ничѣмъ несвязаннымъ кромѣ сотрудничества въ одномъ и томъ же журналѣ и общей имъ всѣмъ любви къ знанію.

Въ нашихъ этнографическихъ журналахъ также попадаются подобнаго рода коллективныя работы, но онѣ не бросаются въ глаза потому, что сравнительно рѣдки и не получили еще такой правильной организаціи, какъ за границей.

Что касается причинъ происхожденія международныхъ вѣрованій, то онѣ неизвѣстны, и западные ученые расходятся по этому поводу во мнѣніяхъ. Одни думаютъ, что человѣчество, одаренное отъ природы однообразной тѣлесной и психической организаціей, проходя по одному и тому же пути развитія, могло придти совершенно независимо въ разныхъ мѣстностяхъ къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ и обычаямъ. Другіе, наоборотъ, принимая въ разсчетъ сложность психической жизни человѣка и безконечное разнообразіе природы

вообще, не допускаютъ мысли, чтобы одно и тоже весьма сложное вѣрованье могло быть воспроизведено въ мельчайшихъ подробностяхъ въ разныхъ концахъ земного шара совершенно независимо. Они допускаютъ передачу и распространеніе вѣрованій отъ народа къ народу и расходятся лишь въ указаніи путей, которыми такая передача могла совершиться. Одни ищутъ посредниковъ по передачѣ вѣрованій въ купцахъ, въ женахъ, похищавшихся изъ среды чуждыхъ племенъ, и наконецъ въ народностяхъ вродѣ цыганъ, ведущихъ бродячую жизнь. Другіе передачу вѣрованій стараются объяснить передвиженіемъ народовъ и колонизаціей въ доисторическія времена.

Такое разногласіе во мнѣніяхъ вполнѣ естественно, такъ какъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, еще очень мало изслѣдованъ. Чтобы прійти въ этомъ дѣлѣ къ какому-нибудь соглашенію нѣтъ другого средства какъ изучить спорный вопросъ въ его мельчайшихъ деталяхъ.

Вотъ одна изъ необходимостей, заставляющихъ этнографовъ собирать международныя вѣрованья, обряды, обычаи и пр. и изслѣдовать ихъ географическое распространеніе по земному шару. Но такихъ необходимостей можно было бы насчитать очень много. Достаточно лишь припомнить, что ни одинъ обычай, ни одно вѣрованье нельзя сколько нибудь удовлетворительно понять и объяснить, не прослѣдивши ихъ варіанты на возможно большемъ пространствѣ земного шара. Словомъ этнографической наукѣ предстоитъ рѣшить неизбѣжную и весьма трудную задачу: изучить въ мельчайшихъ подробностяхъ международныя вѣрованья и объяснить ихъ происхожденіе. Не рѣшивши этой задачи, она не въ состояніи была бы продолжать свое движеніе впередъ.

Имѣя въ виду все сказанное, и мы, печатая настоящую статью, льстимъ себя надеждой, что она не будетъ лишнею въ ряду другихъ этнографическихъ изслѣдованій послѣдняго времени, несмотря на то, что вопросъ, нами взятый, „Труба въ народныхъ вѣрованьяхъ“, самъ по себѣ весьма маловаженъ. Мы собирали все, что только могли достать по этому вопросу, но отнюдь не имѣли въ виду его исчерпать. Какъ уже было говорено выше, такое дѣло не подъ силу одному человѣку, какъ бы онъ ни былъ трудолюбивъ и долговѣченъ. Съ насъ довольно и того, что вопросъ о трубѣ, незатронутый или почти незатронутый въ этнографической литературѣ, будетъ поднятъ, поставленъ на очередь и нѣсколько разъяснится темнота, его окружающая.

Трубою мы называемъ духовой музыкальный инструментъ, состоящій изъ полаго внутри цилиндрическаго или коническаго сосуда съ двумя отверстіями на двухъ концахъ его, однимъ широкимъ (раструбомъ), а другимъ малымъ, не превышающимъ площади рта (мундштучнымъ). Звукъ въ этомъ инструментѣ получается прохожденіемъ воздуха черезъ узкую щель

между двумя сближенными губами, плотно прижатыми къ малому, или мундштучному отверстію инструмента. Отъ инструментовъ изъ рода флейтъ труба отличается во-первыхъ способомъ выдуванія звука. Въ этихъ послѣднихъ губы музыканта не накрываютъ мундштучнаго отверстія и нота происходитъ отъ разсѣканія струи воздуха объ острый край отверстія. Во вторыхъ труба не имѣетъ какъ флейта дырочекъ для измѣненія тона перебираніемъ пальцевъ. Этимъ же послѣднимъ свойствомъ она отличается и отъ инструментовъ изъ рода гобоя и кларнета и сверхъ того отсутствіемъ вибрирующихъ тросточекъ и язычковъ, служащихъ для воспроизведенія звука въ этихъ двухъ послѣднихъ инструментахъ. Кромѣ того труба отличается отъ другихъ духовыхъ инструментовъ своимъ густымъ и сильнымъ звукомъ, слышимымъ съ далекаго разстоянія и тѣмъ еще, что она издаетъ очень мало звуковъ, раздѣленныхъ между собою интервалами, несравненно большими, чѣмъ въ остальныхъ духовныхъ инструментахъ. Это послѣднее свойство трубы до самыхъ новѣйшихъ временъ, когда она была усовершенствована, дѣлало ее непригодной къ воспроизведенію обыкновенныхъ мелодій, и потому труба не была инструментомъ музыкальнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а преимущественно сигнальнымъ и религіознымъ, обстоятельство особенно увеличивающее интересъ къ этому инструменту съ точки зрѣнія этнографической.

Раковины трубы.

Самой первобытной трубой человѣка былъ, вѣроятно, его собственный кулакъ. Замѣтивши, что кулакъ, приложенный ко рту, усиливаетъ звукъ голоса и нуждаясь въ такомъ усиленіи для сношенія съ себѣ подобными, человѣкъ естественно ищетъ въ окружающей его природѣ трубообразные предметы, способные по своей формѣ съ выгодой замѣнить его кулакъ. Такой предметъ онъ находитъ между крупными морскими раковинами и рогами животныхъ, и, вѣроятно, употребляетъ ихъ первоначально въ формѣ рупора или говорной трубы. Упражненіе съ такимъ рупоромъ и свистъ губами въ его узенькое отверстіе приводятъ человѣка къ открытію трубнаго звука. Несомнѣнно, что простѣйшій и самый первобытный видъ трубы были именно морскія раковины и рога дикихъ или домашнихъ животныхъ, такъ какъ приготовить подобный инструментъ нѣтъ ничего легче, стоило только отбить тонкій конецъ раковины или отрѣзать тонкій конецъ рога. Очевидно, что раковины были приспособлены въ качествѣ инструментовъ впервые непремѣнно жителями странъ приморскихъ, тропическихъ или подтропическихъ, гдѣ встрѣчаются крупныя раковины, а рога могли быть приняты и жителями странъ сухопутныхъ. То и другое случилось конечно въ очень отдаленныя отъ насъ

доисторическія времена, но что было принято ранѣе, рогъ или раковина, рѣшить пока еще очень трудно. Намъ кажется, что вопросъ этотъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о томъ, гдѣ была колыбель человѣческой цивилизаціи.

Изъ собраннаго нами здѣсь матерьяла видно, что центромъ распространенія по земному шару раковинъ—трубъ, повидимому, нужно считать переднюю Индію.

Въ комментаріяхъ къ Ведамъ или Эзуръ-Ведамъ браминовъ въ числѣ инструментовъ, извѣстныхъ древнимъ индусамъ, называется раковина—труба сонгъ (çankha), употреблявшаяся въ качествѣ музыкальнаго инструмента браминами (2). Въ болѣе позднія времена, въ 1792 году, англійскій историкъ Крафффордъ сообщалъ, что въ береговой полосѣ Индостана трубятъ въ древнюю трубу изъ раковины (3). Инструментъ этотъ существуетъ въ Индіи и до настоящаго времени (4). Въ Лондонскомъ India Museum сохраняется очень дорогая и рѣдкая коллекція изъ пяти индійскихъ раковинъ-трубъ, принадлежавшихъ, по народному преданію, пяти братьямъ Пандава; каждая изъ нихъ носитъ свое названіе:

1) Ananda vijava (изъ рода Triton) съ бурыми и желтыми пятнами и полосками.

2) Paundra (родъ Turbo)—съ радужной жемчугообразной поверхностью,

3) Devadatta (родъ—Turbinella)—бѣлая съ розовыми жилками, съ вырѣзанными на ней цвѣткомъ и почкой лотоса (см. табл. II, № 22),

4) Sughosha (родъ—Rostellaria)—бурая съ бѣлой внутренней поверхностью..

и 5) Munipushpaka (родъ—Trochus)—съ радужной жемчугообразной наружной поверхностью.

Кромѣ этой коллекціи раковинъ—трубъ въ томъ же музеѣ есть и другія, также индійскія:

6) Ananta vijaya (родъ Turbinella) бѣлая съ вырѣзаннымъ на ней цвѣткомъ и почкой лотоса.

7) Gomukha (родъ Cassis) шероховатая съ неровной поверхностью, внутри желто-бурая.

8) Barataka (родъ Pterocera) тоже шероховатая съ пятью выдающимися желваками у края.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ раковинъ есть и въ Берлинскомъ музеѣ. но видомъ своимъ онѣ не всегда сходятся съ англійскими:

9) Sughosha—маленькая бѣлая (ср. съ № 4),

10) Ananta widschaja—желтая (ср. съ № 6),

11) Gomukha—совершенно одинаковая съ № 7,

12) Harataka—желтая (названіе сходно съ № 8),

13) Sankha—небольшая бѣлая.

Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet также выставлена одна совершенно бѣлая раковина—труба изъ Индіи, но безъ всякаго названія.

Мундштуки у всѣхъ этихъ раковинъ металлическіе и придѣланы къ отбитому острому концу ихъ. Ось мундштучной трубки совпадаетъ съ осью раковины.

Такія же раковины—трубы распространены во всѣхъ странахъ Азіи, гдѣ господствуетъ буддизмъ.

Въ Берлинскомъ музеѣ есть одна бѣлая раковина изъ Бутана въ Гималаяхъ и такая же изъ Тибета.

Въ Кенсингтонскомъ музеѣ сохраняются бѣлыя раковины изъ Китая. Есть онѣ, по словамъ нашего соотечественника, А. Поздѣева (5) и въ Монголіи въ буддійскихъ кумирняхъ подъ названіемъ дунъ-бурѣ или дунъ-гаръ (по монгольски лабай), а также у бурятъ въ Забайкальи въ ихъ дацанахъ (храмахъ) (6) и у калмыковъ Европейской Россіи въ ихъ хурулахъ (кумирняхъ) (7).

Докторъ Мартенсъ въ своей статьѣ о трубахъ—раковинахъ (8) говоритъ, между прочимъ, о японскихъ трубахъ; онъ опредѣляетъ даже видъ ихъ: Tritonis sauliae. Въ Гамбургскомъ музеѣ für Kunst und Gewerbe выставлена японская раковина—труба подъ названіемъ japanisches Hora (табл. II, № 25). Она относится къ 17 или 18 вѣку; длиною эта раковина до ½ аршина, съ трубчатымъ серебрянымъ мундштукомъ, украшеннымъ художественной рѣзьбой. По углубленіямъ раковины, идущимъ по спирали, она перевита серебряной проволочной цѣпочкой. Вся раковина покрыта золотымъ лакомъ, а на широкой ея части врѣзаны въ видѣ инкрустаціи золотыя японскія письмена. Кромѣ того двѣ японскія раковины—трубы, снабженныя мѣдными посеребренными мунштуками, есть и въ Лейпцигскомъ музеѣ.

Изъ Лаоса (въ Индокитаѣ) бѣлая раковина—труба съ мѣднымъ мундштукомъ сохраняется въ Парижскомъ музеумѣ Guimet (табл. II, № 24).

Далѣе раковины—трубы распространяются на островахъ Индійскихъ:

Съ мелкихъ островов около Явы въ Берлинскомъ музеѣ есть три раковины съ такими же мундштуками, какъ и въ Индіи, но у раковинъ—трубъ (Тагоэри, тагури или тагуніа) въ томъ же музеѣ, принадлежащихъ племенамъ Альфуровъ, Сэрангъ, Горонгъ и туземцамъ острова Буру, мундштука уже не имѣется, а вмѣсто него устроено круглое мундштучное

отверстіе сбоку раковины. Туземцы острова Буру называютъ этотъ инструментъ huhut.

Въ Австраліи раковины—трубы есть въ Меланэзіи и Микронэзіи, на О-вѣ Новая Гвинея, на О-хъ Фиджи, Адмиралтейства, Гервей, Таити, Маркизовыхъ и Филиппинскихъ. Мѣстныхъ названій ихъ кромѣ будіонгъ (филиппинск. о-въ) намъ не удалось узнать.

Въ музеяхъ: Британскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ сохраняется 33 экземпляра Австралійскихъ трубъ—раковинъ, большинство которыхъ, также какъ и у Альфуровъ, имѣетъ мундштучное отверстіе сбоку и только у 8-ми (6 изъ Меланезіи, 1 съ О-въ Адмиралтейства и 1 съ О-въ Фиджи) отверстіе это въ самомъ тонкомъ концѣ, какъ въ Азіи. Діаметръ бокового мундштучнаго отверстія около 1-го дюйма. Трубящій въ раковину держитъ ее какъ флейту, т. е. раструбомъ въ бокъ. Губы свои, не смотря на то, что края мундштучнаго отверстія довольно остры, трубачъ прижимаетъ прямо къ поверхности раковины за исключеніемъ одного случая (съ О-въ Таити), гдѣ въ боковое отверстіе раковины вдѣланъ деревянный мундштукъ около 1 вершка длиной. Большинство Австралійскихъ раковинъ не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній за исключеніемъ двухъ, съ Маркизовыхъ островов, которыя украшены веревками изъ человѣческихъ волосъ.

Въ Америкѣ раковины—трубы существовали у воинственныхъ краснокожихъ племенъ Центральной Америки еще до прихода туда Европейцевъ. Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet есть Мексиканская труба—раковина, сдѣланная впрочемъ не изъ настоящей раковины, а изъ глины (terre cuitte) въ подражаніе виду раковины, причемъ съ тонкаго конца къ ней придѣланъ, какъ у Азіатскихъ трубъ, короткій трубчатый мундштукъ, а раструбу художникъ придалъ видъ раскрытой пасти какого-то звѣря (табл. I, № 2). По свидѣтельству миссіонеровъ 18-го столѣтія, труба изъ раковины Strombus gigas употреблялась въ старину и у негровъ на сахарныхъ плантаціяхъ Вестъ-индскихъ островов (9). Въ Южной Америкѣ въ настоящее время уже не находятъ болѣе трубъ—раковинъ, но, по свидѣтельству Георга Марегрnative, въ 1640 г. онѣ еще были извѣстны въ Бразиліи (10).

Въ Африкѣ труба—раковина извѣстна только на о-вѣ Мадагаскарѣ (11) на материкѣ же ея вовсе не знаютъ. Одинъ экземпляръ Мадагаскарской раковины съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Австраліи, мы находимъ въ Парижскомъ музеѣ Трокадеро (табл. I, № 29).

Въ Европѣ этотъ инструментъ существовалъ у древнихъ грековъ подъ названіемъ Lepadas (λεπάδας), о чемъ упоминается у Гомера и у грамматика Аристафана (12), а у древнихъ римлянъ его называли Buccina marina (13).

И до сихъ поръ еще трубы—раковины сохранились въ разныхъ мѣстностяхъ Европы. Есть онѣ у простонародья въ Кампаніи, у рыбаковъ на островахъ Эльба и Сицилія (14), у пастуховъ Португаліи, (15) въ южной Франціи (изъ провинціи Alpes Maritimes есть одна раковина въ музеумѣ Трокадеро въ Парижѣ) и наконецъ у чешскаго простонародья (16). Чешскія трубы—раковины были выставлены на Пражской этнографической выставкѣ 1895 года. По описанію Фр. Pareka (17) онѣ принадлежатъ къ роду Fussus Medius, бѣлыя съ свѣтло-красными пятнами. Мундштукъ у нихъ латунный вродѣ того, какъ у индійскихъ трубъ.

Трубы изъ роговъ животныхъ.

Распространеніе этихъ трубъ по земному шару нѣсколько шире, чѣмъ трубъ—раковинъ можетъ быть уже потому, что рога животныхъ матерьялъ болѣе доступный для человѣка, чѣмъ крупныя морскія раковины. Опредѣлить центръ ихъ распространенія представляется довольно затруднительнымъ, а потому мы начнемъ съ евреевъ, у которыхъ рогъ и по настоящее время считается священнымъ инструментомъ.

У древнихъ евреевъ еще въ книгахъ Моисея упоминаетъ рогъ шофаръ, который, по мнѣнію однихъ, приготовлялся изъ бараньяго или воловьяго рога, сильно изогнутаго, а, по мнѣнію другихъ, изъ мѣди и серебра. Другой сортъ рога—трубы, менѣе изогнутой, назывался керенъ (18). Этой послѣдней трубы современные евреи уже не знаютъ, но шофаръ, сдѣланный изъ бараньяго рога, имѣется въ настоящее время при каждой еврейской синагогѣ. У русскихъ евреевъ названіе его произносится въ разныхъ мѣстностяхъ различно: шоферъ, шойферъ, шофоръ, шуфаръ и т. д. Что касается способа его приготовленія, то онъ предусмотрѣнъ въ Талмудѣ до мельчайшихъ подробностей и, хотя правила эти первоначально имѣли въ виду чистоту звука инструмента и удобства игры на немъ, но составители Талмуда, по ихъ обыкновенію, пересолили. Минимальной длиной для шофера, по Талмуду, принимается средняя ширина ладони взрослаго человѣка. Натуральная форма рога не должна быть измѣнена, но дозволяется выбирать и прямые и изогнутые, послѣдніе впрочемъ считаются болѣе красивыми. Не дозволяется красить „шоферъ“ или разрисовывать его красками, но гравированные и рѣзные рисунки дозволяются. Оковывать рогъ серебромъ или золотомъ дозволяется, но по извѣстнымъ правиламъ, а именно: между губами трубача и рогомъ не должно быть никакого посторонняго тѣла, мѣсто, за которое рогъ держится при игрѣ, также не должно быть ничѣмъ покрыто. Что касается матерьяла для инструмента, то рекомендуется исключительно

бараній рогъ, воловій изгнанъ, потому что напоминаетъ „золотого тельца". Требуется кромѣ того, чтобы рогъ былъ цѣлый, безъ поврежденій, безъ трещинъ и не составленный изъ кусковъ (табл. Ш, лит. К).

Изъ другихъ азіатскихъ народовъ рога—трубы были у древнихъ Персовъ, (19) у древнихъ Армянъ подъ названіемъ pogh eghegnia (20) и у древнихъ жителей восточнаго Туркестана (по Китайскимъ лѣтописямъ) (21).

Въ Индостанѣ еще въ 18 столѣтіи рогами пользовались горные жители (22).

Въ настоящее время въ Индіи извѣстно нѣсколько родовъ роговыхъ трубъ.

1) Sringa—маленькій воловій рогъ. Подъ такимъ названіемъ два почти одинаковые инструменты есть въ India museum и въ берлинскомъ (табл. II, № 19).

2) Gangiam-Maa. Коротенькій коровій или бараній рогъ съ мундштукомъ на тонкомъ концѣ въ India museum (табл. II, № 20) и

3) Tuda—маленькій воловій рогъ, имѣющійся въ двухъ экземплярахъ въ Берлинскомъ музеѣ.

Всѣ эти три рога по наружному виду мало отличаются другъ отъ друга, а потому можно думать, что это три экземпляра одного и того же инструмента, носящаго въ разныхъ частяхъ Индіи различныя названія.

Нѣсколько отличается отъ нихъ рогъ Кондовъ изъ Ориссы (Khonds of Orissa) Британскаго музея, къ тонкому концу котораго придѣлана мѣдная трубочка (табл. II, № 21).

Въ Бутанѣ (въ Гималаяхъ) есть: 1) труба Гунка изъ рога какого-то мѣстнаго животнаго съ раструбомъ изъ желтой мѣди, а 2) Маунг—кандинъ—тоже рогъ, но съ раструбомъ изъ другого, болѣе широкаго рога, соединеннымъ съ первымъ кожаннымъ кольцомъ. Оба эти иструмента имѣются въ Берлинскомъ музеѣ.

Въ Парижскомъ музеумѣ Guimet есть еще воловій рогъ съ точенымъ мундштукомъ изъ южнаго Китая (табл. II, № 30).

О существованіи роговъ въ Сіамѣ и Японіи мы находимъ краткія замѣтки въ нѣмецкой и французской литературѣ.

Далѣе въ Британскомъ музеѣ есть труба изъ буйволоваго рога съ О-въ Индійскаго архипелага, а въ Берлинскомъ двѣ трубы изъ воловьяго рога съ мелкихъ острововъ около Явы.

Въ Австраліи трубъ изъ роговъ нѣтъ по той простой причинѣ, что тамъ до пріѣзда Европейцевъ не было вовсе рогатаго скота.

Въ Америкѣ также не особенно сильно распространены такія трубы. Въ Лейпцигскомъ музеѣ есть труба изъ воловьяго рога, изъ Сѣверной Америки.

но мѣстность и народъ, откуда она взята, не названы. Кромѣ того въ Берлинскомъ музеѣ есть три рога изъ Юго-Западной Бразиліи и изъ мѣстности Бароро. Два изъ нихъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ обыкновенныхъ охотничьихъ роговъ кромѣ того, что украшены птичьими перьями и пучками конскихъ волосъ, а у третьяго въ его тонкій срѣзанный конецъ вставлена трубочка длиною около 7 дюймовъ, замѣняющая мудштукъ. Что касается мундштучныхъ отверстій, то у всѣхъ 4-хъ роговъ они сдѣланы въ тонкомъ концѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи.

Въ Африкѣ рогъ былъ у древнихъ Египтянъ подъ названіемъ х н у но точная форма его неизвѣстна, такъ какъ ни на какихъ рисункахъ онъ не сохранился, мы знаемъ его только потому, что рогъ этотъ былъ извѣстенъ грекамъ подъ именемъ Египетскаго (23).

Рога изъ современнаго Египта есть въ Кенсингтонскомъ музеѣ: два воловьихъ, два изъ рога антилопы и одинъ сильно изогнутый изъ рога какого-то оленя.

Что касается остальной Африки, то въ музеяхъ Лейпцигскомъ, Берлинскомъ и Бременскомъ представлены 38 роговыхъ трубъ изъ всѣхъ концовъ Африки, а именно: 1) отъ Нильскихъ племенъ: Вакуафи, Масаевъ и Вандороббо, 2) изъ страны озеръ и государства Нямъ-Нямъ въ восточной Африкѣ, 3) отъ племенъ: Ваганда, Банту, Суагелли, зулусоподобныхъ народовъ: Багеге, Мафити, Маситу и Вайяо и племени Ushashi, изъ Центрально-Африки и 4) изъ западной, отъ народовъ: Того, Габунъ и туземцевъ Золотого Берега.

Любопытной особенностью всѣхъ Африканскихъ роговъ, отличающихъ ихъ отъ роговъ другихъ частей свѣта, является расположеніе ихъ мундштучнаго отверстія не въ концѣ рога, а сбоку, также какъ въ трубахъ—раковинахъ Австраліи. Такъ что музыкантъ держитъ здѣсь рогъ какъ наши флейтисты, т. е. раструбомъ въ бокъ. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ, видѣнныхъ нами, Африканскихъ роговъ только одинъ (народовъ Банту) составляетъ исключеніе: у него тонкій конецъ рога срѣзанъ и туда вставленъ обыкновенный чашкообразный костяной мундштукъ. Матерьяломъ для трубъ этого рода служатъ рога всевозможныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ: коровъ, барановъ, козловъ, оленей, антилопъ и проч. Одни изъ нихъ совершенно прямые, другіе согнуты въ дугу, третьи свернуты въ спираль, наконецъ четвертые изогнуты неправильно или змѣйкой. Длина ихъ въ обдѣланномъ видѣ колеблется отъ 6 вершковъ до 1 $^1/_2$ аршина.

Одна изъ этихъ трубъ (изъ Восточной Африки) съ очевиднымъ намѣреніемъ удлинить ее была составлена изъ двухъ роговъ, вставленныхъ одинъ

въ другой и соединенныхъ въ стыкѣ кожаннымъ кольцомъ совершенно такъ, какъ вышеупомянутый рогъ изъ Бутана (въ Гималаяхъ).

Украшенія на такихъ рогахъ встрѣчаются не часто. Они состоятъ иногда изъ рубцовъ, вырѣзанныхъ въ формѣ различныхъ фигуръ, въ другомъ случаѣ обтягиваются кожей съ шерстью или обматываются спирально узенькой полоской листовой мѣди или мѣдной проволокой.

Что касается Европы, то въ ней рога—трубы были повсемѣстны, они существовали у древнихъ грековъ подъ названіемъ keras, у римлянъ cornu, у французовъ corne, у нѣмцевъ и англичанъ horn, у скандинавовъ lurd (24), у славянъ—рогъ. Въ этнографической литературѣ есть указанія, что кое-гдѣ во Франціи (напр. въ Пуату), еще до сихъ поръ сохранились трубы изъ козлиныхъ (25), а у англичанъ (26) и чеховъ (27) воловьихъ роговъ.

Въ Россіи намъ удалось узнать о существованіи до настоящаго времени трубъ изъ воловьихъ роговъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ. (въ волостяхъ Мѣдянской и Ратайчицкой) и въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ., бараньихъ—въ Брестскомъ уѣздѣ (въ вол. Мѣдянской) и козлиныхъ—въ Пинскомъ уѣздѣ (въ с. Столинѣ).

У литовцевъ рога-трубы существовали въ древности. Такъ въ 1809 г. крестьянинъ Маріампольскаго уѣзда въ полѣ, недалеко отъ лѣваго берега Нѣмана, нашелъ вмѣстѣ съ разнымъ древнимъ оружіемъ мѣдный обручъ, которымъ былъ когда-то окованъ литовскій военный рогъ. Самый рогъ сгнилъ, но обручъ сохранился прекрасно. Судя по всѣмъ признакамъ, находка эта относится къ 13-му вѣку (28). Есть рогъ и у нашихъ латышей подъ названіемъ „чах", какъ это можно было видѣть на Рижской этнографической выставкѣ 1896 года. Наконецъ, трубы изъ воловьихъ роговъ есть и у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губ., какъ сообщилъ мнѣ братъ мой, Н. Мошковъ, служащій въ той мѣстности учителемъ. Въ тонкій конецъ черемисскаго рога вставляется оловянная трубочка вершка въ 3 длиною.

Рога изъ берцевой кости человѣка.

Эти рога существуютъ исключительно въ Азіи. Прежде всего мы встрѣчаемъ ихъ въ Индостанѣ. Для образованія канала берцовая кость человѣческой ноги разсверливается вдоль по оси, а такъ какъ она оканчивается двумя яблоками, раздѣленными между собою впадиной, то внутренній каналъ трубы также развѣтвляется на два, давая по одному выходному отверстію (раструбу) въ каждомъ яблокѣ. Иногда такая кость, ничѣмъ болѣе не укрѣпленная и неукрашенная, прямо поступаетъ въ пользованіе музыканта (India museum), а иногда мундштучное отверстіе укрѣпляется мѣдной оковкой.

середина же кости, за которую инструментъ держится при игрѣ, чтобы она не пачкалась, обтягивается кожей. Такой индійскій костяной рогъ длиною въ 14 д. есть въ Кенсингтонскомъ музеѣ.

Совершенно такой же рогъ изъ Бутана (въ Гималаяхъ) подъ названіемъ Конгъ-тунъ выставленъ въ Берлинскомъ музеѣ.

Есть такія трубы и въ Тибетѣ, гдѣ онѣ называются Конъ-донъ. Два экземпляра ихъ безъ всякихъ украшеній можно видѣть въ Лейпцигскомъ музеѣ и одинъ въ Парижскомъ музеѣ Guimet, кромѣ того въ этомъ послѣднемъ есть одинъ такой же Тибетскій рогъ съ мѣдной оковкой посрединѣ и съ раструбомъ изъ листовой мѣди на концѣ.

Два экземпляра того же рога есть въ Берлинскомъ музеѣ съ мѣднымъ мундштукомъ безъ всякихъ другихъ оковокъ и два—въ Лейпцигскомъ, обточенные снаружи, съ серебрянымъ мундштукомъ и съ серебрянымъ раструбомъ въ видѣ открытой пасти дракона.

Такія же трубы существуютъ въ Монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ подъ названіемъ Ганъ-линъ. По описанію г. А. Поздѣева, трубы эти, также какъ и Тибетскія, окованы серебромъ. Два отверстія раструба называются у монголовъ „лошадиными ноздрями", а звукъ Ганъ-лина долженствуетъ напоминать собою ржаніе миѳическаго коня. „Ачжинай-моринъ" (29).

Трубы изъ слоновыхъ клыковъ.

Такія трубы мы чаще всего находимъ на Африканскомъ материкѣ, родинѣ слоновъ. А кромѣ того путемъ торговли слоновая кость занесена была въ западную Европу, гдѣ изъ нея въ старину также приготовляли рога.

Намъ пришлось видѣть въ разныхъ музеяхъ западной Европы Африканскіе рога изъ слоновой кости въ числѣ 81 штуки. Европеецъ, привыкшій съ понятіемъ о слоновой кости соединять представленіе о чемъ-то въ высшей степени изящномъ, былъ бы сильно разочарованъ, увидавъ рога, приготовленные изъ этого матерьяла Африканскими неграми. Начать съ того, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ не обыкновенный, желтовато-бѣлый цвѣтъ слоновой кости, а весьма некрасивый на видъ грязновато-красный цвѣтъ. Существуетъ ли въ Африкѣ особая порода слоновъ съ клыками такого цвѣта или ихъ такъ окрашиваютъ искусственно, намъ не удалось узнать.

Для приготовленія трубы берутъ или цѣлый клыкъ, длина котораго доходитъ до 2¼ арш., или отпиливаютъ отъ тонкаго его конца кусокъ не короче ¼ аршина. Наружная поверхность такого клыка чаще всего сохраняетъ свой природный видъ и форму, изрѣдка только украшается она первобытнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ рубцовъ или бороздъ прямыхъ и

кривыхъ, образующихъ очень незамысловатые узоры. Еще рѣже покрывается она грубыми рѣзными изображеніями людей и животныхъ. Внутренняя часть клыка съ большимъ трудомъ выдалбливается долотами, начиная съ толстаго его конца. Но даже въ короткихъ рогахъ внутренній каналъ рѣдко доходитъ до самой острой оконечности клыка, онъ кончается гораздо ранѣе и принимаетъ въ себя поперечный каналъ, ведущій въ мундштучное отверстіе. Въ рогахъ изъ цѣльнаго клыка или изъ большаго куска его (около 1 аршина длиной) такой каналъ, по трудности его обработки, обыкновенно даже не доходитъ далѣе половины длины всего клыка и здѣсь также заканчивается боковымъ мундштучнымъ отверстіемъ (табл. I, № 4).

Остальная часть клыка никакого канала внутри себя не имѣетъ и только придаетъ рогу излишнюю тяжесть.

Повидимому, работа съ выдалбливаньемъ канала внутри слоноваго клыка настолько груба и настолько трудна для африканскихъ негровъ, что клыкъ иногда не выдерживаетъ ея и раскалывается. Это видно по нѣкоторымъ экземплярамъ роговъ, у которыхъ толстый конецъ стянутъ грубымъ желѣзнымъ или мѣднымъ обручемъ или обшитъ кожей, чтобы закрыть трещины въ клыкѣ.

Грубо выдолбленный, не гладкій и неправильной формы внутренній каналъ рога вмѣстѣ съ боковымъ расположеніемъ мундштучнаго отверстія, заставляющимъ звуковыя волны изгибаться подъ прямымъ угломъ, совершенно измѣняетъ обыкновенный звукъ трубы и дѣлаетъ его глухимъ, грубымъ и потрясающимъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ путешественники по Африкѣ (30).

Неумѣнье выдолбить каналъ рога и опасеніе, что стѣнки его при малой толщинѣ могутъ расколоться во время самой работы, заставляютъ африканскихъ трубныхъ мастеровъ оставлять эти стѣнки какъ можно толще, что также увеличиваетъ тяжесть рога. И дѣйствительно вѣсъ такого рога, по разсказамъ путешественниковъ, доходитъ иногда до 30 фунтовъ (31).

Чтобы облегчить вѣсъ инструмента мастера уменьшаютъ иногда толщину его стѣнокъ, сострогивая кость по наружной поверхности, уже послѣ того какъ продолбленъ его внутренній каналъ, но при этомъ оставляютъ утолщеніе вокругъ мундштучнаго отверстія, придавая ему болѣе или менѣе правильную форму (табл. I, №№ 11 — 20). Самое отверстіе имѣетъ то форму круга, то овала, то ромба, то прямоугольнаго четыреугольника съ закругленными углами.

Къ раструбу рога изъ слоновой кости иногда придѣлываютъ деревянный резонаторъ, который въ мѣстѣ его соединенія съ рогомъ обтягиваютъ кожанымъ кольцомъ.

Къ числу украшеній такихъ роговъ нужно отнести обтягиванье ихъ чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы. Кромѣ того они украшаются различными привѣсками. Такъ напримѣръ, одинъ рогъ изъ южнаго Конго украшенъ привѣской изъ нижнихъ челюстей человѣка.

Образцы Африканскихъ роговъ изъ слоновой кости есть въ музеяхъ Британскомъ, Кенсингтонскомъ, Парижскомъ (Трокадеро), Берлинскомъ, Гамбургскомъ, Лейпцигскомъ и Бременскомъ. Они собраны со всего Африканскаго материка: 1) въ современномъ Египтѣ, 2) у племенъ Сѣверо-восточной Африки: Момбутту, Уганда, Нямъ-Нямъ, Бубу и Ябиръ, 3) въ восточной Африкѣ у племенъ: Ваганда, Люнду, Ангола, Уссукума и на берегахъ рѣки Замбезе, 4) въ Центральной: у племенъ Судана, по верхнему Конго, у племени Арувими (по среднему Конго), по Южному Конго, у племенъ: Адамауа, Мури, Вукари и Видахъ (Whydah), 5) въ западной Африкѣ: въ Бафанѣ, по рѣкѣ Нигеру, у племени Вутэ и Янгуана, въ восточномъ Камерунѣ, у туземцевъ Золотого берега и 6) въ южной Африкѣ: у Бечуановъ.

Въ Европѣ рога изъ слоновой кости подъ названіемъ олифанта (oliphant) очень часто упоминаются въ историческихъ памятникахъ съ начала 12-го до конца 14-го вѣка. Названіе ихъ производятъ отъ слова l'elephant (слонъ). Въ отличіе отъ Африканскихъ, Европейскіе рога изъ слоновой кости были дорого стоившими, высоко художественными произведеніями, такъ какъ наружная поверхность ихъ покрывалась тончайшей рѣзьбой. Они въ свое время служили знакомъ отличія у коронованныхъ особъ, военноначальниковъ, рыцарей и вообще знатныхъ лицъ и носились на особой перевязи на шеѣ. Образчиковъ средневѣковаго олифанта не мало сохраняется въ храмахъ и музеяхъ западной Европы. Изъ нихъ особенно знамениты: 1) Олифантъ Тулузскаго музея, который, по преданію, принадлежалъ Роланду и употреблялся имъ въ битвѣ съ сарацинами при Ронсевалѣ (31 А), 2) Олифантъ Карла Великаго, хранящійся въ сокровищницѣ Аахенскаго собора, который, по преданію, былъ присланъ Императору Франковъ въ знакъ дружбы Гарунъ-аль-Рашидомъ и 3) Роскошный экземпляръ олифанта, сохраняющійся въ Вѣнской Императорской сокровищницѣ, въ который будто бы трубили въ сраженіи съ гуннами при Лехфельдѣ въ 955 году (32).

Деревянныя трубы, камышевыя и изъ березовой коры.

Трубы этого рода ведутъ свое происхожденіе отъ доисторическихъ временъ и распространены по всему земному шару. У евреевъ еще во времена библейскія была прямая труба Хазозра или Асосра (chatzotzeroth). приготовлявшаяся между прочимъ и изъ дерева. Изображеніе этой трубы

сохранилось въ проходѣ у тріумфальной арки римскаго Императора Тита (33). Еврейскіе историки подробно описываютъ „хазозру". По словамъ ихъ, длина этого инструмента была въ локоть; онъ былъ прямой и тонкій съ чашкообразнымъ мундштукомъ и съ раструбомъ (34).

Въ Индіи деревянныя трубы сравнительно рѣдки; къ нимъ относятся:

1) Туда, прямая, вершковъ въ 6 длиной, которую можно видѣть въ Берлинскомъ музеѣ и

2) Труба Вѣнскаго Hofmuseum, изогнутая въ видѣ буквы S, состоящая изъ 4 колѣнъ и оканчивающаяся плоскимъ тарелкообразнымъ раструбомъ.

Экземпляръ Сіамской деревянной трубы сохраняется въ Берлинскомъ музеѣ; она сдѣлана въ формѣ рога и имѣетъ деревянный, чашкообразный мундштукъ.

Въ музеѣ Напрстка (въ Прагѣ) есть прямая бамбуковая труба изъ Голландской Индіи около $1^3/_4$ арш. длиной и около 4 д. въ діаметрѣ.

Если мы прибавимъ ко всему этому, что деревянныя трубы еще сохранились у Мингрельцевъ въ Закавказьи и что древнимъ грекамъ была извѣстна Мидійская труба изъ тростника (35), то вотъ и всѣ мѣстности Азіи, въ которыхъ были или есть до настоящаго времени деревянныя трубы. Надо думать, что трубы эти когда-то были очень распространены по Азіатскому материку, но позже, по неудобству дерева, какъ матерьяла для трубъ, были замѣнены металлическими.

Изрѣдка попадаются деревянныя трубы также въ Австраліи. Такъ въ Британскомъ музеѣ есть такая труба съ О-ва Новая Зеландія около $2^1/_2$ арш. длиною (табл. I, № 31). Она имѣетъ около 1 дюйма въ діаметрѣ у мундштука и, постепенно утолщаясь, доходитъ до 5—6 д. у раструба. Вся труба туго обмотана тоненькой веревочкой за исключеніемъ 6 дюйм. отъ раструба и $1^1/_2$ д. отъ мундштука, гдѣ на ея наружной поверхности вырѣзано грубое изображеніе человѣческаго лица. Раструбъ оканчивается 6 глубокими зубцами. Кромѣ того въ этнографической литературѣ упоминается труба изъ древеснаго корня у папуасовъ Новой Гвинеи (36) и бамбуковая труба въ Полинезіи (37).

Въ Америкѣ деревянныя трубы преобладаютъ надъ всѣми другими, онѣ прямыя, но принадлежатъ къ двумъ главнымъ типамъ: 1) Трубы одинаковаго діаметра по всей длинѣ или съ постепенно увеличивающимся діаметромъ и 2) Трубы, состоящія изъ двухъ, соединенныхъ между собою, трубъ разнаго діаметра, узкой со стороны мундштука и широкой со стороны раструба.

Къ первому типу принадлежитъ во-первыхъ труба съ полуострова Флориды, изображенная у О. Кометтана (38). Кромѣ того въ Берлинскомъ музеѣ

представлены двѣ трубы индійскаго племени Мундруку съ нижняго теченія рѣки Амазонки, называющіяся на мѣстномъ нарѣчіи „Турэ“. Одна изъ нихъ длиною около 1-го, а другая около 2-хъ аршинъ, обѣ украшены перьями. Но это еще сравнительно короткія трубы, гораздо длиннѣе ихъ (около 3$^1/_2$ арш. длины при діаметрѣ около 2 дюйм.) встрѣчаются въ Венецуэлѣ и Бразиліи. Эти послѣднія оканчиваются небольшимъ деревяннымъ раструбомъ. Венецуэльскихъ трубъ два экземпляра можно видѣть въ Лейпцигскомъ и въ Берлинскомъ музеяхъ, Бразилійскую же—только въ Лейпцигскомъ.

Такія же тонкія и прямыя, но еще болѣе длинныя трубы существуютъ въ Чили. Въ Лейпцигскомъ музеѣ есть двѣ Чилійскія трубы около 3 арш. длиной, двѣ около 4 арш. и одна, самая длинная,—до 2-хъ саженъ. Сдѣланы эти трубы изъ бамбука и обмотаны снаружи или тонкимъ и гибкимъ тростникомъ или, также какъ въ Новой Зеландіи, тоненькой веревочкой. Самая длинная кромѣ того обтянута чѣмъ то бѣлымъ прозрачнымъ вродѣ пергамента. Другая особенность Чилійскихъ трубъ—это ихъ раструбы или резонаторы изъ короткихъ воловьихъ роговъ, плотно прикрѣпленныхъ къ концу трубы. Мундштучныя отверстія этихъ трубъ сдѣланы, также какъ въ Европѣ и въ Азіи. Для этого тонкій ихъ конецъ срѣзывается перпендикулярно къ оси или, если нужно получить отверстіе побольше,—наискось.

Прямыя деревянныя трубы второго типа, т. е. съ утолщеніемъ въ передней части, встрѣчаются только въ Южной Америкѣ. Въ Британскомъ музеѣ есть труба съ сѣверо-восточнаго берега Южной Америки около $^3/_4$ арш. длины, обвитая въ двухъ мѣстахъ тростникомъ (табл. I, № 10). Такой же формы труба есть въ Вѣнскомъ музеѣ (Naturhistor. Hofmuseum) около 1$^1/_2$ арш. длины изъ Банива, въ Бразильской Колумбіи (табл. I, № 1). Въ Пражскомъ музеѣ Напрстка есть такая же труба съ рѣки Атабапу отъ индійскихъ племенъ: Банива, Аранэри и Кароцана (табл. I, № 9). На мѣстномъ нарѣчіи она называется „Батуто“. Наружная поверхность ея украшена птичьими перьями, причемъ въ надписи сказано, что украшеніе это мѣняется всякій разъ, когда труба передъ ея употребленіемъ размачивается въ водѣ.

Кромѣ перечисленныхъ деревянныхъ трубъ, имѣющихъ мундштучное отверстіе такое же какъ въ Европѣ и Азіи, въ сѣверо-восточномъ углу Южной Америки мы находимъ деревянныя трубы съ мундштучнымъ отверстіемъ на боковой поверхности, какъ въ Африкѣ. Сюда принадлежатъ двѣ трубы Пражскаго музея Напрстка (около 2$^1/_2$ арш. длиной), которыя на мѣстномъ нарѣчіи называются „Япуруру“. Онѣ происходятъ изъ мѣстности Манаусъ на рѣкѣ Ореноко.

Первая изъ этихъ трубъ украшена перьями, а вторая множествомъ

круглыхъ черныхъ пятенъ. Тамъ же есть труба подъ названіемъ „Сикота" такого же вида какъ двѣ предыдущія, но немножко покороче.

Кромѣ того въ Вѣнскомъ музеѣ есть три трубы съ такимъ же боковымъ мундштучнымъ отверстіемъ: одна прямая около $1^{1}/_{4}$ арш. длины изъ мѣстности Ріо-Тапайозъ въ Бразиліи (табл. I, № 3), другая въ видѣ бутылки изъ Ріо Канома (тамъ же) (табл. I № 7), а третья прямая, тонкая съ раструбомъ, изъ высушенной тыквы на концѣ изъ Мундрука (табл. I № 8). Обѣ послѣднія около $1^{1}/_{2}$ арш. длиною.

Въ Африкѣ деревянныя трубы встрѣчаются въ Аббисиніи. Онѣ здѣсь называются по—эфіопски (на мертвомъ, книжномъ языкѣ) также какъ у евреевъ „керенъ", а по амгарски (т. е. на современномъ языкѣ) „мелекета" (meleketa) или „мелекетъ". По преданію, инструментъ этотъ былъ привезенъ Менеликомъ, сыномъ царицы Савской изъ Іудеи, какъ подарокъ отъ Іудейскаго царя Соломона. Въ настоящее время его приготовляютъ изъ тростника съ внутренними діаметромъ менѣе $^{1}/_{2}$ дюйм., а длиною въ 5 ф. 4 д. На одномъ концѣ этого длиннаго стебля укрѣпленъ раструбъ или резонаторъ изъ выдолбленной и высушенной тыквы, которая обсажена по наружной поверхности мелкими бѣлыми раковинами. Вся труба туго обтянута пергаментомъ и издаетъ только одинъ громкій, грубый и внушающій страхъ тонъ E (39).

Кромѣ того прямыя деревянныя трубы встрѣчаются у туземцевъ на берегахъ Бѣлаго Нила (длиною около 1 арш. при діаметрѣ раструба около 4 д. въ музеумѣ Guimet въ Парижѣ). Съ береговъ той же рѣки, отъ народа Динка, были присланы деревянныя трубы, обтянутыя кожей, на Парижскую выставку 1867 года (40). У народа Уганда (сѣверо-восточной Африки) также употребительны прямыя деревянныя трубы, обтянутыя чешуйчатой кожей змѣи или ящерицы (около 1 арш. длины въ Берлинскомъ музеѣ). У народа Мандинго (въ Западной Африкѣ) совершенно такія же прямыя, обтянутыя кожей трубы, какъ и въ Восточной Африкѣ (длина тоже 1 арш. въ Берлинскомъ музеѣ). Нѣсколько отличаются отъ вышеупомянутыхъ инструментовъ прямыя деревянныя трубы народа Уссукума (изъ Восточной Африки), которыя по своей длинѣ (свыше 2 аршинъ) и по устройству приближаются къ Аббисинскимъ. Онѣ также сдѣланы изъ тростника и снабжены раструбами изъ высушенной тыквы или просто деревянными (въ Берлинскомъ музеѣ, смотр. табл. I, №№ 26 и 27).

У всѣхъ перечисленныхъ пяти трубъ мундштучное отверстіе, также какъ и у остальныхъ африканскихъ инструментовъ этого рода, дѣлается на боковой поверхности трубы.

Самыми длинными изъ Африканскихъ деревянныхъ трубъ нужно считать

инструменты центральной Африки, въ Баггирми, которыя по разсказамъ путешественниковъ, доходятъ до 8 фут. длиною (41).

Если отъ Африки мы обратимся къ Европѣ, то увидимъ, что у древнихъ грековъ и римлянъ въ ихъ цвѣтущія времена деревянныя трубы уже вышли изъ употребленія и были замѣнены металлическими. Правда, у грековъ была одна труба тростниковая, но самое названіе ея, „Мидійская“ (42). говоритъ о чужеземномъ происхожденіи этой трубы.

Средневѣковая Европа наслѣдовала свои трубы отъ римлянъ; большинство ихъ были металлическія, кромѣ Buccin'ы одинаковаго названія съ римской, которая иногда приготовлялась изъ дерева, хотя чаще была металлической (43).

Что касается современной западной Европы, то въ ней инструментальная техника доведена до совершенства и нѣтъ въ настоящее время уголка, гдѣ бы не было оркестра, нѣтъ оркестра, въ которомъ бы не участвовала труба, и потому казалось бы, что при такихъ условіяхъ въ жизни западнаго европейца нѣтъ уже болѣе мѣста для архаической деревянной трубы, а между тѣмъ она кое-гдѣ еще сохранилась. Такъ напримѣръ во Французской этнографической литературѣ упоминается деревянная труба бюрлюаръ (burloir) въ Бурбонэ (44). Одинъ экземпляръ ея хранится между прочимъ въ Парижскомъ музеѣ Трокадеро; она дѣлается изъ буковаго дерева и бываетъ длиною болѣе 1 фута, а толщиною въ руку.

Кромѣ того деревянныя трубы подъ названіемъ Alpenhorn сохранились еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи, гдѣ онѣ приготовляются изъ еловаго дерева. Одну изъ такихъ трубъ намъ удалось видѣть въ Лаутербруненѣ при подъемѣ на Венгернъ-Альпъ. Она была аршина 2 длиной, прямая, съ огромнымъ раструбомъ. Старикъ швейцарецъ построилъ себѣ будку на той дорогѣ, по которой проходили путешественники, и всякій разъ, какъ они показывались, выходилъ на встрѣчу и трубилъ. Путешественники слушали звуки, издаваемые трубой, осматривали ее и самого игрока въ его оригинальномъ старинномъ костюмѣ, давали ему мелкія монеты и шли далѣе. Въ Парижскомъ музеѣ Трокадеро есть одинъ экземпляръ Альпенгорна около 2 саженъ длиной, снаружи обмотанный спирально липовой корой. На самомъ концѣ, около раструба, онъ отогнутъ въ сторону (табл. I № 21), а въ другой конецъ его вставленъ мундштукъ изъ твердаго дерева.

Въ Германіи тоже кое-гдѣ сохранились длинныя деревянныя прямыя трубы. Такъ въ Нюренбергскомъ историческомъ музеѣ есть двѣ нѣмецкія трубы, сдѣланныя изъ лубка и оплетенныя снаружи берестой. Діаметръ ихъ у мундштука около 1 дюйма и нѣсколько увеличивается къ раструбу. Раструбъ сдѣланъ въ видѣ маленькой воронки и въ самой широкой части имѣетъ около 2 дюйм. въ поперечникѣ. Длина одной изъ этихъ трубъ 3 арш.

10 верш., а другой около 3 арш. Онѣ еще только недавно сданы въ музей, а до тѣхъ поръ сохранялись въ городской ратушѣ и выносились оттуда въ особо-торжественныхъ случаяхъ для участія въ разнаго рода процессіяхъ.

У норвежскихъ крестьянъ также до сихъ поръ употребляются деревянныя ольховыя трубы (45).

Изъ числа славянскихъ народовъ мы встрѣчаемъ такія трубы у сербовъ-лужичанъ. Въ Пражскомъ этнографическомъ музеѣ сохраняется одинъ экземпляръ такой трубы длиною въ 14 верш. съ коническимъ раструбомъ, она совершенно прямая и снабжена мѣдной кольцеобразной оковкой по серединѣ длины. По словамъ надписи это послѣдній и единственный экземпляръ лужицкой трубы.

Есть деревянныя трубы и у Угорскихъ славянъ. Два экземпляра ихъ представлены въ Пражскомъ музеѣ Напрстка, обѣ прямыя въ $1^1/_2$ аршина и $1^3/_4$ арш. длиной. Одна изъ нихъ обмотана берестой.

У Гуцуловъ (русскихъ горцевъ Галиціи) существуетъ два вида деревянныхъ трубъ: одна пастушеская длиною около 7 вершковъ, изогнутая въ формѣ рога, а другая для обрядовъ прямая длинная около 4 аршинъ длины называется тромбета или трембита. Таковы образчики этихъ трубъ, выставленные въ Пражскомъ музеѣ Напрстка; трембита залита внутри смолой, а снаружи обмотана берестой.

У Поляковъ-горцевъ изъ Татровъ (Часть Карпатскихъ горъ) деревянная труба прямая около $1^1/_4$ арш. длины на деревянномъ каркасѣ сплетена изъ бересты (Пражскій музей Напрстка).

У Поляковъ Царства Польскаго, также какъ у Гуцуловъ, деревянныхъ трубъ различаютъ два сорта: 1) Тромба, пастушеская 2) Лигавка или Легавка, труба обрядовая. Послѣдняя отличается отъ первой своей большой длиной и вставнымъ мундштукомъ изъ твердаго дерева, котораго у тромбы вовсе не имѣется.

Слово trąba—общеевропейское, однозвучное съ русскимъ труба, чешскимъ trouba, нѣмецк. Trompette, французск. trompete и т. д. Что же касается слова ligawka или legawka, то происхожденіе его темно и потому даетъ поводъ ко многимъ толкованіямъ. Въ польскомъ словарѣ древностей (46) его производятъ отъ польск. leganie—лежаніе, такъ какъ при длинѣ легавки отъ 2 до 3 локтей она слишкомъ тяжела, чтобы можно было играть на ней безъ опоры, а потому при игрѣ ее обыкновенно кладутъ или опираютъ объ заборъ. Вотъ почему, думаетъ авторъ, это названіе и не придается обыкновеннымъ короткимъ пастушескимъ трубамъ.

Но это объясненіе кажется намъ маловѣроятнымъ: намъ удавалось видѣть много польскихъ легавокъ и всѣ онѣ не превосходили 4 футъ въ длину, а

при такой длинѣ, какъ намъ приходилось также не разъ убѣждаться на опытѣ, трубы эти вовсе не нуждаются въ опорѣ. Длинныя же трубы, доходящія до 7 футъ и дѣйствительно нуждающіяся въ опорѣ, встрѣчаются не у поляковъ, а у малороссовъ Сѣдлецкой губ. и Полѣсья, гдѣ ихъ называютъ не легавками, а трубами.

Другое объясненіе того же слова далъ извѣстный знатокъ польской рѣчи и этнографъ г. I. Карловичъ. Первоначально онъ производилъ слово ligawka а отъ латинскаго liga—родъ шнура, такъ какъ труба эта связана вицами или шнурками (47). Но позже имъ было найдено другое, какъ намъ кажется, болѣе вѣроятное объясненіе того же слова отъ латинскаго ligula или lingula, уменьшит. отъ ligna (итальянск. lingua, lingnetta)—мундштукъ. И дѣйствительно шнурами или вицами стягивается не только лигавка, но и тромба, вставной же мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева считается у польскаго простонародья отличительной особенностью лигавки.

Лигавка, какъ мы увидимъ ниже, соединена у польскаго простонародья, съ цѣлымъ рядомъ оригинальныхъ вѣрованій и обычаевъ, а потому является настолько выдающимся явленіемъ въ польской народной жизни, что она не разъ уже была описываема въ польской литературѣ. Сюда относится прежде всего замѣтка въ польскомъ повременномъ изданіи, нынѣ уже не существующемъ, Kmiotek (48), въ которой описывается устройство лигавки и способъ ея приготовленія, принятаго въ Ломжинской губ. въ особенности въ Замбровскомъ приходѣ.

Другую замѣтку о лигавкѣ помѣстилъ въ этнографическомъ журналѣ Wisla (49) г. I. Карловичъ по поводу народныхъ музыкальныхъ инструментовъ, экспонированныхъ на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Авторъ приложилъ къ своей замѣткѣ даже рисунокъ двухъ лигавокъ, представленныхъ на выставку, и краткое ихъ описаніе.

Наконецъ третья замѣтка есть въ словарѣ польскихъ древностей (50), о которомъ мы уже упоминали раньше. Здѣсь говорится, что естествоиспытатель 18-го вѣка, Клюкъ, въ своемъ сочиненіи о растеніяхъ упоминаетъ, что въ его время лигавки дѣлались изъ осины и вербы. Передается тамъ также, что лигавка издаетъ рядъ звуковъ: *g, c, e, g, c, a, g, c,* и т. д.

Два экземпляра этого инструмента, одинъ изъ дер. Дембовина Мазовецкаго уѣзда Ломжинской губ. (табл. III, лит. Д) а другой изъ мѣст. Стэрдынь Соколовскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. (табл. III, лит. А), намъ удалось пріобрѣсти для этнографическаго музея Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ. Это—труба около 4 локтей въ длину слегка изогнутая; подъ названіемъ лигавки она извѣстна въ Ломжинской губерніи и въ

Польскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губ.: Венгровскомъ, Соколовскомъ, Гарволинскомъ и Сѣдлецкомъ. Въ Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, у русскаго населенія, труба совершенно такая же какъ въ Ломжинской губерніи (табл. IV, лит. А), но называется не легавкой, а трубой; названіе же легавка, хотя извѣстно здѣшнему народу, но считается „шляхетскимъ". Въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. эта труба значительно измѣняется по своему внѣшнему виду и размѣрами много превосходитъ польскую трубу легавку (табл. V, лит. А, изъ Варшавскаго этнографическаго музея). Впрочемъ, такія трубы въ настоящее время становятся большою рѣдкостью и замѣняются жестяными. Во Влодавскомъ уѣздѣ трубы такія же какъ и въ Бѣльскомъ или же сплетенныя изъ бересты.

Въ Брестскомъ и Слонимскомъ уѣздахъ Гродненской губерніи деревянныя трубы совершенно прямыя, длиною до 1½ саженъ; тоже самое и въ Пинскомъ уѣздѣ Минской губ. Въ этомъ послѣднемъ мы пріобрѣли для этнографическаго музея Императорской Академіи двѣ деревянныя трубы: одну изъ села Козляковичи (табл. V, лит. Г), а другую изъ с. Бережное (табл. III, лит. В). Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губ. трубы короче, мы пріобрѣли одну изъ нихъ въ с. Давидъ-Городокъ (табл. III, лит. Б).

Далѣе на востокъ длинныя трубы около сажени длиной, обмотанныя берестой, какъ мы узнали изъ распросовъ, встрѣчаются еще въ д. Зимница Быховскаго уѣзда Могилевской губ.

Въ Минскомъ уѣздѣ въ д. Цна (подъ Минскомъ) пастухи дѣлали прежде короткія деревянныя трубы, но теперь замѣнили ихъ жестяными.

Изъ Свѣнцянскаго уѣзда Виленской губ. есть деревянная труба въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ (табл. V, лит. Е). Деревянныя трубы латышей представлены были на Рижской этнографической выставкѣ. Здѣсь кромѣ обыкновенныхъ прямыхъ деревянныхъ трубъ, стянутыхъ обручами изъ вицъ или обвитыхъ берестой были еще трубы, сложенныя вдвое, на подобіе фагота. Всѣ такія трубы у латышей извѣстны подъ общимъ названіемъ taure.

О существованіи деревянныхъ трубъ въ Великороссіи мы собрали свѣдѣнія только изъ слѣдующихъ мѣстностей: Орловская губ., Сѣверная часть Черниговской губ., Тверская, Костромская, Владимірская, Московская, Новгородская, Псковская, Петербургская, Олонецкая и Архангельская.

Въ Череповецкомъ уѣздѣ Новогородской губ. деревянныя трубы дѣлаются такой же формы какъ въ Южной Америкѣ, т. е. въ видѣ бутылки, состоящей изъ двухъ трубъ: тонкой въ сторону мундштука и большаго діаметра въ сторону раструба.

Экземпляръ Олонецкой трубы мы представили въ музей Императорской

Академіи Наукъ: она изогнута на подобіе мѣдныхъ трубъ и оплетена берестой (табл. V, лит. I).

Если направиться еще далѣе на востокъ, то деревянныя трубы (**палтемпут**), аршина въ полтора, длиною мы найдемъ у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи. Такія же трубы (**пуцо**), длиною въ 2—3 аршина, есть и у черемисъ Казанской губ. Царево-кокшайскаго уѣзда (табл. IV, лит. Б).

Въ древнія, доисторическія времена труба была для человѣка первымъ телеграфомъ, устанавливавшимъ сношенія между людьми на такихъ разстояніяхъ, на которыхъ голосъ человѣческій не долеталъ. Отсюда понятно важное значеніе того разстоянія, съ котораго звукъ этого инструмента становился слышнымъ. Изъ практики же съ трубами—раковинами и рогами человѣку не трудно было убѣдиться, что разстояніе, съ котораго слышна труба, тѣмъ больше, чѣмъ звукъ ея ниже, а слѣдовательно, чѣмъ она длиннѣе. Но естественная длина роговъ и раковинъ имѣетъ свой предѣлъ. Было у человѣка одно средство удлинить рогъ, это—складывать по нѣсколько роговъ вмѣстѣ, надѣвая одинъ на конецъ другого, какъ это мы видѣли въ Бутанѣ и въ восточной Африкѣ. Но здѣсь являлось новое препятствіе: трудность плотнаго герметическаго соединенія между собою роговъ. Это-ли препятствіе или что-либо другое было тому причиной, но, за исключеніемъ немногихъ единичныхъ попытокъ, человѣкъ пренебрегъ вышеупомянутымъ средствомъ и рѣшилъ, оставивши рога животныхъ и раковины, обратиться къ другому матеріалу, бывшему у него подъ рукой, къ дереву, которое давало возможность дѣлать трубу несравненно болѣе длинной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ при камышѣ или бамбукѣ, природа давала человѣку стволъ съ готовой трубообразной внутренней пустотой, оставалось только срѣзать такой стволъ и употреблять его какъ трубу. Но подобные пустые внутри стволы не вездѣ можно найти, а потому человѣку пришлось приготовлять ихъ искусственно. Операцію эту продѣлываютъ въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Такъ, напримѣръ, у французовъ сердцевину ствола выжигаютъ раскаленнымъ желѣзнымъ стержнемъ (51). Но этотъ способъ удобенъ только при короткихъ и тонкихъ трубахъ. Несравненно удобнѣе другой способъ, практикующійся въ Царствѣ Польскомъ и въ Полѣсьи. Стволъ дерева распиливаютъ въ длину на двѣ равныя половины, въ каждой половинѣ особымъ полукруглымъ стругомъ вырѣзаютъ полуцилиндрическій желобъ, затѣмъ обѣ половины ствола складываютъ вмѣстѣ и стягиваютъ обручами изъ вицъ, спиралью навернутымъ камышемъ, лыкомъ, берестой или желѣзными обручами. Наконецъ, третій способъ принятъ въ Швейцаріи: берутъ узенькія полосы такъ-называемаго бочечнаго, т. е. выструганнаго очень тонко, дерева, вымачиваютъ ихъ въ водѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ пріобрѣтутъ надлежащую степень гибко-

сти, и тогда складываютъ въ трубу, представляющую изъ себя правильный прямой конусъ, который затѣмъ стягивается обручами (52). Но этотъ способъ самый трудный, такъ какъ требуетъ спеціальной работы, чисто бочарной, да еще притомъ тонкой и замысловатой.

Всякому, играющему на трубѣ, извѣстно, что стѣнки этого инструмента, чтобы выдуть изъ него тонъ ясный, чистый и звонкій, должны быть вполнѣ непроницаемы для воздуха. Малѣйшая щель въ стѣнкахъ, даже незамѣтная для невооруженнаго глаза, дѣлаетъ звукъ трубы сиплымъ, неяснымъ и глухимъ и кромѣ того, требуетъ отъ игрока сильнаго напряженія легкихъ. Дерево же въ этомъ отношеніи самый неблагодарный матеріалъ, такъ какъ, высыхая, обязательно даетъ трещины, какъ бы ни было оно прочно. Чтобы устранить это важное неудобство, придумывались весьма различныя средства. Такъ, напримѣръ, въ южной Америкѣ, у насъ въ Сѣдлецкой губерніи и въ Полѣсьи трубу всякій разъ передъ игрой кладутъ въ воду и даютъ ея дереву набухнуть. При этомъ волокна расширяются въ поперечномъ направленіи и затягиваютъ всѣ мелкія щели. Во-вторыхъ, какъ это намъ приходилось лично наблюдать въ Ломжинской губерніи, трубятъ только зимой и преимущественно въ морозные дни. Трубачъ стоитъ возлѣ колодца, обмакнетъ трубу въ воду и даетъ ей замерзнуть, а потомъ трубитъ; когда же стѣнки трубы отогрѣются отъ теплаго воздуха, въ нее вдуваемаго, игра пріостанавливается, труба снова подвергается дѣйствію мороза и т. д. Съ той же цѣлью внутренность трубы заливаютъ расплавленной смолой или обтягиваютъ снаружи лыкомъ, гибкимъ тростникомъ, берестой, пергаментомъ или кожей. Но всѣ эти средства являются палліативами, такъ какъ устраняютъ трещины временно, окончательно же устраняетъ ихъ только замѣна дерева металломъ.

Получивъ возможность удлинять трубу по произволу, человѣкъ сталъ доводить ее до минимума, но при этомъ натолкнулся на новыя препятствія. Съ удлиненіемъ инструмента прежде всего увеличился вѣсъ его, что отнимало у трубы ея портативность, кромѣ того, въ прямыхъ и длинныхъ трубахъ получилось невыгодное распредѣленіе тяжести при игрѣ. Игра на очень длинныхъ трубахъ, какія мы видѣли въ Южной Америкѣ, невозможна безъ подпорокъ или безъ помощи другихъ людей. Эти неудобства должны были или остановить человѣка въ погонѣ за низкимъ звукомъ на извѣстныхъ очень небольшихъ предѣлахъ или подвинуть его къ новымъ усовершенствованіямъ въ области трубной техники. И дѣйствительно, одни уменьшали до минимума толщину стѣнъ трубы и ея діаметръ, другіе облегчали вѣсъ трубы, замѣняя дерево болѣе легкимъ матеріаломъ, какъ лыко, береста и кожа. Кожаныя трубы мы встрѣчаемъ, напримѣръ у древнихъ галловъ (53), а берестяныя— у галицiйскихъ поляковъ, у латышей и великороссовъ. Третьи стали приго-

товлять кривыя трубы, выбирая для нихъ изогнутые куски дерева и тѣмъ уменьшали общую длину инструмента. Но дерево рѣдко даетъ очень крутые изгибы, да и приготовленіе трубы изъ такихъ сильно изогнутыхъ кусковъ становится затруднительнымъ. Если же взять дерево слегка изогнутое, какъ это дѣлаютъ поляки для своихъ „лигавокъ“, то такая мѣра ощутительнаго удобства не принесетъ. Гораздо практичнѣе оказалось ломать деревянную трубу на куски и складывать ихъ такъ, какъ складываются въ настоящее время стволы фаготовъ и контръ-фаготовъ. Такія трубы, какъ было упомянуто выше, дѣлаютъ латыши. Однако, при складываніи колѣнъ трубы вѣроятно трудно было соединять концы ихъ, а потому такая труба, какую мы видимъ у латышей, представляетъ собою большую рѣдкость. Несравненно легче было изгибать мягкія трубы изъ кожи или бересты, какъ это мы видимъ у великороссовъ Олонецкой губерніи. Но такія трубы встрѣчаются тоже не особенно часто вѣроятно по трудности всегда имѣть подъ рукой изобиліе бересты. Словомъ и здѣсь полное устраненіе препятствій стало возможнымъ для человѣка только съ замѣною дерева, какъ матеріала для постройки трубы, металломъ.

Трубы металлическія.

Хотя металлическія трубы должны были явиться на свѣтъ какъ усовершенствованіе трубъ-раковинъ, роговъ и деревянныхъ и, слѣдовательно, позже всѣхъ другихъ трубъ, но начало этого инструмента уходитъ также въ доисторическія времена. Дѣйствительно, мѣдныя или бронзовыя трубы найдены въ раскопкахъ въ Европѣ, въ Азіи и въ Америкѣ. Въ Европѣ раньше всѣхъ была открыта знаменитая труба Копенгагенскаго музея, происхожденіе которой относятъ къ бронзовому періоду. Эта труба длиною въ 7 футъ, отлитая изъ двухъ кусковъ, была найдена въ началѣ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія въ одномъ изъ могильныхъ холмовъ Шлезвига. Рядомъ съ нею помѣщалась низкая могила, обложенная плоскими камнями, съ остатками: одеждъ изъ шкуръ животныхъ, полотняной ткани, деревянныхъ сосудовъ, бычачьихъ роговъ и проч. Труба эта прекрасно отлита изъ сплава 0,9 мѣди съ 0,1 олова, звукъ ея низкій, ровный и звонкій, мундштукъ широкій, а раструбъ плоскій какъ тарелка. Сама она изогнута въ видѣ буквы S съ такимъ разсчетомъ, чтобы обвивала тѣло трубача и въ то время, когда мундштукъ приходился противъ его рта, раструбъ былъ обращенъ назадъ. Сначала, предполагали, что труба эта была привезена въ Данію съ востока въ готовомъ видѣ, но позже должны были признать, что она чисто мѣстнаго, датскаго происхожденія. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ трубой, въ томъ же курганѣ, были

найдены и другіе предметы, отлитые изъ одного съ нею металла, и остатки тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ производилась отливка. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ Ютландіи и Шлезвига были найдены многіе предметы, отлитые подобнымъ же образомъ и изъ того же матеріала, вмѣстѣ съ формами, въ которыхъ производилась отливка и вмѣстѣ съ такими вещами, отливка которыхъ была неокончена (53). Позже такія же трубы много разъ находили въ Германской почвѣ, въ Мекленбургѣ и въ Швеціи; рисунокъ одной изъ нихъ, взятый у Вейса (54), мы помѣщаемъ на табл. VI № 1. Экземпляръ такой трубы есть между прочимъ, и въ Берлинскомъ музеѣ für Völkerkunde. Г. Мендель (55) въ своемъ музыкальномъ словарѣ говоритъ, что бронзовыя трубы встрѣчаются въ раскопкахъ кромѣ S-образной еще и въ формѣ, подражающей обыкновенному воловьему рогу. Эту послѣднюю трубу считаютъ даже древнѣе Копенгагенской. Тамъ же, гдѣ были найдены мѣдныя трубы, отрыта была каменная плита, на которой вырѣзана цѣлая сцена жертвоприношенія, сопровождаемаго танцами и игрой на трубахъ (56).

Кромѣ бронзовыхъ трубъ при раскопкахъ въ Шлезвигѣ былъ найденъ также „золотой рогъ“ съ фигурными украшеніями по наружной поверхности и съ рунической надписью по краю раструба (57).

Въ Индо-Китаѣ, въ Бирмѣ, была также откопана бронзовая труба длиною въ 2 аршина, которая, подобно европейскимъ трубамъ, имѣетъ форму буквы S, но состоитъ не изъ двухъ кусковъ, какъ въ Европѣ, а изъ 4-хъ. Эта труба хранится въ Парижскомъ музеумѣ Gurmet (табл. II № 27). Мѣдныя трубы находили также и въ Америкѣ въ раскопкахъ по берегамъ рѣки Мисисипи (57 А).

Какого рода были древнія Американскія мѣдныя трубы, мы не знаемъ, но европейскія и бирманскія приготовлялись отливкой по кускамъ, затѣмъ куски складывались и спаивались. Такой способъ приготовленія металлическихъ трубъ принадлежитъ глубокой древности, въ наши времена онъ уже почти не практикуется, такъ какъ отливкой никогда нельзя получить такого легкаго инструмента съ такими тонкими и плотными стѣнками, какъ сгибаніемъ изъ листовой мѣди, полученной проковкой или прокаткой. Однако, металлическія трубы, приготовленныя отливкой, попадаются еще кое-гдѣ въ народномъ употребленіи и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, въ Индіи есть труба S-образной формы, сходная почти до полнаго тожества съ бирманской, она называется Kombee и экземпляръ ея можно видѣть въ Лондонскомъ India museum. Но такія трубы даже въ Индіи не часты. Такъ изъ множества Индійскихъ металлическихъ трубъ, сохраняющихся въ Европейскихъ музеяхъ, кромѣ вышеупомянутой Kombee, есть только одна въ томъ же India museum подъ названіемъ Kombu, которая изогнута по дугѣ вродѣ

нашей валторны и состоитъ изъ 12, отлитыхъ изъ бронзы, колѣнъ, спаянныхъ между собою (табл. II, № 29). Хотя форма ея отличается отъ Kombee, но близость названія даетъ право предполагать, что Kombu или Kombee въ Индіи называются вообще трубы отлитыя, въ отличіе отъ согнутыхъ изъ листовой мѣди.

Всѣ металлическія трубы по ихъ формѣ можно раздѣлить на прямыя и согнутыя. Между прямыми различаются два сорта: 1) трубы постепенно расширяющіяся отъ мундштука къ раструбу, 2) похожія формою на бутылку съ выбитымъ дномъ, т. е. состоящія изъ двухъ короткихъ прямыхъ трубъ различнаго діаметра, соединенныхъ между собою.

Начнемъ съ прямыхъ перваго сорта и обратимся прежде всего къ Индіи, отличающейся особеннымъ обиліемъ металлическихъ трубъ. Сюда относятся:

1) Nyasataranga—мѣдная труба длиною около 1 ф. 2 д., представленная въ двухъ экземплярахъ въ Гамбургскомъ музеѣ (табл. II, № 2). Она очень близка по своему названію виду и размѣрамъ къ:

2) Nyasataranga, серебряной трубѣ India museum, длина которой 1 ф. 3 д. (табл. II, № 6),

3) Habatcha—мѣдная труба въ формѣ рупора или говорной трубы длиною около 1 ф. 9 д. (Берлинск. муз.),

4) Tuttari—труба изъ Мадраса, представленная въ двухъ экземплярахъ въ India museum, одинъ — около 1 ф. 10 д. длиной, а другой— болѣе 2 ф. 4 д. (табл. II, № 5); эта труба упоминается въ словарѣ Менделя подъ именемъ Tutare (58),

5) Труба оттуда же безъ названія въ томъ же музеѣ длиною 2 ф. 4 д. (табл. II, № 6),

6) Труба изъ Непала той же длины и того же музея (табл. II, № 3),

7) Hong—съ широкимъ раструбомъ, длиною около 3 ф. въ Берлинскомъ музеѣ (табл. II, № 12),

8) Bonu—изъ Ориссы мѣдная труба съ деревяннымъ мундштукомъ, дл. 3 ф. 8 д. (India mus.),

9) Kaha—длина 4 ф. 6 д. (Берлинск. муз.)

и 10) Tarai—изъ Мадраса длиною 9 ф. 3½ д. Кенсингтон. муз. (табл. II, № 4).

Послѣдняя труба, какъ кажется, одно и тоже, что Tare или Ramsinga, упоминаемая въ музыкальномъ словарѣ Г. Менделя (59) и у Амброса (60), длину ея г. Мендель опредѣляетъ въ 2 метра.

Въ Тибетѣ нѣтъ никакихъ трубъ кромѣ прямыхъ; повидимому, изогнутыя трубы не дозволяются тамъ обычаемъ. Самая короткая изъ нихъ, сохраняющаяся въ Кенсингтонскомъ музеѣ, имѣетъ 6 вершковъ длины, у ней нѣ-

сколько сплюснутый раструбъ. Затѣмъ слѣдуетъ Hwang teih длиною до 18 дюйм. съ раструбомъ въ видѣ разинутой пасти дракона (Кенсингтонск: муз.). Точно такого же вида два экземпляра трубъ около ½ аршина длиной есть въ Лейпцигскомъ музеѣ. Онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ латуни. Труба музея Guimet имѣетъ до 1¼ аршина длины (табл. II, № 14). Труба Слагъ-дунъ Гамбургскаго музея изъ красной мѣди имѣетъ 2¼ арш. длины. Оковки у нея изъ желтой мѣди, мундштукъ тарелкообразный, діаметръ раструба 5 д. (табл. II. № 26). Точно такія же двѣ трубы есть въ Лейпцигскомъ музеѣ и двѣ въ Берлинскомъ. Еще болѣе длинныя трубы до 1 сажени въ длину изъ красной мѣди съ оковками изъ латуни можно видѣть въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ музеѣ. Наконецъ, самыя длинныя изъ Тибетскихъ трубъ до 2½ саженъ длины при діаметрѣ раструба 10 дюйм. хранятся въ двухъ экземплярахъ въ Лейпцигскомъ и въ 4-хъ въ Берлинскомъ музеѣ. Всѣ онѣ сдѣланы изъ красной листовой мѣди съ оковками изъ бѣлаго металла, украшенными тисненымъ орнаментомъ. Около раструба къ нимъ приклепаны бляшки съ кольцами для подвѣшиванія инструмента къ потолку храма.

Въ буддійскихъ кумирняхъ Монголіи, по описанію г. Поздѣева, есть также длинныя мѣдныя трубы бӱрѣ около 1 сажени длиною, т. е. такія же какъ и въ Тибетѣ (61).

Повидимому длинныя, прямыя, мѣдныя трубы составляютъ неизбѣжную принадлежность буддійскаго богослуженія, потому что онѣ есть и у калмыковъ въ Европейской Россіи (62).

Нашъ путешественникъ, г. Грумъ-Гржимайло, упоминаетъ про такія же трубы въ западномъ Китаѣ и называетъ ихъ за исполинскіе размѣры іерихонскими (63). Китайскихъ прямыхъ трубъ въ Европейскихъ музеяхъ представлено нѣсколько сортовъ; въ отличіе отъ Тибетскихъ онѣ дѣлаются преимущественно изъ желтой листовой мѣди (латуни) и имѣетъ очень тонкій, ровный по своей длинѣ, стволъ около ½ или ¾ д. въ діаметрѣ. Такихъ трубъ есть одна въ Кенсингтонскомъ музеѣ, длиною 4 ф. 2 д. (табл. II, № 7), двѣ въ Луврскомъ и по одной въ музеяхъ Guimet, въ Лейпцигскомъ (табл. II, № 8) и въ Берлинскомъ (1½ аршина длины). Сюда же нужно отнести прямую, но болѣе короткую (2 фут.) трубу Кенсингтонскаго музея, названную однимъ именемъ съ Тибетской Hwang teih, а также трубу Берлинскаго музея Ля-па (около 1 арш. длин.).

Экземпляръ, похожій съ виду на китайскія прямыя трубы длиною въ 1½ аршина подъ именемъ „Японской трубы", Раппа (Rappa), представленъ въ Берлинскомъ музеѣ.

У Таранчинцевъ въ восточномъ Туркестанѣ, по описанію Н. М. Пан-

тусова, есть прямая мѣдная труба, называемая Карнай, длиною 5 футъ, съ раструбомъ до 10 дюйм. въ діаметрѣ (64). У киргизовъ эта труба извѣстна подъ именемъ керней (65).

Кромѣ того, прямыя металлическія трубы были и у древнихъ Ассирійцевъ, какъ показываетъ рисунокъ на одномъ изъ древнимъ барельефовъ (66) и существуютъ по сіе время у современныхъ персовъ (длиною въ человѣческій ростъ) (67), у грузинъ подъ именемъ „буки“ (68) и у сванетъ (69).

О прямыхъ древне-еврейскихъ трубахъ хазозра или асосра мы уже говорили при описаніи деревянныхъ трубъ, а потому здѣсь остается только напомнить, что трубы эти кромѣ дерева дѣлались изъ мѣди и серебра.

Къ еврейской хазозрѣ очень близка Египетская длинная труба; музыкальными историками она считается даже прародительницей еврейской трубы, аббиссинской, римской, этрусской и греческой (70). Справедливо-ли такое предположеніе, мы не знаемъ, да это для насъ и не важно, несомнѣнно только то, что всѣ шесть перечисленныхъ трубъ очень сходны между собою, иначе не было бы смысла искать для нихъ одну общую прародительницу. Кромѣ длинной трубы у Египтянъ существовала еще другая тоже прямая, но короткая, вродѣ нашего рупора.

Въ древней Европѣ прямая металлическая труба была у римлянъ подъ названіемъ Tuba, у грековъ подъ названіемъ Аргивской (71) и у кельтовъ подъ именемъ Karnix; у послѣдней раструбъ дѣлался въ видѣ раскрытой пасти животнаго (72). Въ средніе вѣка, какъ видно изъ историческихъ документовъ, хроникъ, древнихъ стихотвореній и рисунковъ тѣхъ временъ, въ западной Европѣ между множествомъ различныхъ трубъ встрѣчалась и римская tuba и, производная отъ нея, tubesta, но была тамъ и своя прямая очень длинная труба, извѣстная подъ именемъ Salphinx (73).

Въ восточной Европѣ прямыя и длинныя металлическія трубы, похожія на римскую, были также извѣстны съ незапамятныхъ временъ, онѣ изображены на фрескахъ катакомбъ, открытыхъ въ Керчи въ 1841 году. Фрески эти приписываются, какъ извѣстно, сарматамъ (74). Къ восточной же Европѣ нужно отнести турецкую и татарскую прямыя трубы, которыя были представлены на Парижской выставкѣ 1867 года (74 А). Польскія и русскія прямыя же, но не мѣдныя, а жестяныя трубы мы разсмотримъ отдѣльно.

Къ прямымъ бутылкообразнымъ трубамъ принадлежитъ Индійская труба Puuchama Attu — изъ Мадраса (табл. II, № 11), тонкая и болѣе короткая ея часть имѣетъ 1 д. въ діаметрѣ, а толстая около 4 д. (въ Кенсингтонскомъ музеѣ), экземпляръ такой же трубы изъ Китая есть въ музеяхъ Луврскомъ (табл. II, № 10), Guimet (въ Парижѣ), Британскомъ, Берлинскомъ (длин. около 1 арш.) и Гамбургскомъ (1 арш. 2 вершк., табл. II,

№ 15). Отъ индійской китайская труба отличается тѣмъ, что у нея тонкая часть длиннѣе утолщенной.

Такія же трубы были въ средніе вѣка и въ Европѣ, судя по древнимъ рисункамъ и образцу, видѣнному нами въ Пражскомъ Національномъ музеѣ (табл. II, №№ 6 и 25).

Между прямыми и изогнутыми трубами переходную форму составляютъ такія, у которыхъ раструбъ отогнутъ въ сторону или назадъ; онѣ напоминаютъ собою курительную трубку. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, китайскія мѣдныя трубы, которыя значатся въ спискѣ древнихъ инструментовъ, составленномъ Китайскимъ императоромъ-меломаномъ, Кангъ-хи, жившимъ въ концѣ VII вѣка по Р. Хр. (75). Совершенно одинаковые экземпляры этого рода китайской трубы имѣются въ Луврскомъ музеѣ, въ музеѣ Guimet (въ Парижѣ), въ Британскомъ, Лейпцигскомъ и Берлинскомъ (табл. II, № 9).

Такія же трубы существовали въ средніе вѣка въ западной Европѣ, какъ это видно изъ рисунковъ въ Кутногорской библіи 1489 года и изъ другихъ рисунковъ того же времени (табл. I, № 23) (76). Къ тому же типу трубъ принадлежалъ и римскій lituus, у котораго раструбъ отогнутъ въ сторону. Одинъ экземпляръ этой трубы былъ найденъ въ Англіи при очисткѣ рѣки Витамъ, около Таттерсгаля въ Минкольнширѣ. Онъ былъ мѣдный, но со слѣдами позолоты, длиною въ 4 фута, составной изъ 3 колѣнъ (табл. VI. №№ 3 и 4) (77).

Дальнѣйшій переходъ къ современнымъ европейскимъ, сильно изогнутымъ трубамъ, составляютъ трубы свернутыя по дугѣ круга, у которыхъ мундштукъ почти сходится съ раструбомъ. Изъ Индійскихъ трубъ сюда принадлежитъ, кромѣ вышеупомянутаго Kombu, двѣ трубы India museum:

1) Rana Sȓinga—изъ листовой мѣди, составленная изъ 5 колѣнъ, длиною въ 1 ф. 10 д., раскрашенная разными яркими красками (табл. II, № 18).

и 2) Труба безъ названія, составленная также изъ пяти колѣнъ и украшенная красными и желтыми рисунками.

Сюда же нужно отнести римскую металлическую трубу Cornu, которая первоначально приготовлялась изъ рога животныхъ, а позже изъ бронзы. Размѣры этой трубы были весьма значительны, а потому она укрѣплялась прямой металлической поперечиной, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и ручкой, за которую ее носилъ музыкантъ. Изображеніе ея можно видѣть на барельефахъ колонны Траяна (78). При дальнѣйшемъ сгибаніи такой трубы каналъ ея образуетъ болѣе чѣмъ полную окружность, раструбъ съ мундштукомъ разойдутся въ противоположныя направленія, а если при этомъ загибъ ея еще нѣсколько сплющенъ, то и получится современная европейская труба.

О трубахъ этой послѣдней формы въ Европѣ, образцомъ которыхъ можно

считать нашъ современный военный рожокъ, мы говорить не будемъ, такъ какъ вопросъ этотъ выходитъ уже изъ области этнографіи и относится цѣликомъ къ исторіи Европейской музыки, но необходимо указать на трубы такого же вида у другихъ народовъ земного шара. Казалось бы, что перейти отъ формы римскаго cornu къ современному европейскому корнету не было ничего легче; оставался лишь одинъ ничтожный шагъ, но между тѣмъ этотъ шагъ не переступилъ ни одинъ изъ цивилизованныхъ народовъ древняго міра, ни Египтяне, ни Евреи, ни Ассирійцы, ни древніе Греки, ни даже Римляне. Кромѣ Европейцевъ XV-го вѣка его сдѣлали только Арабы и жители Индостана. Дѣйствительно арабская труба Нэфиръ оказалась настолько близка къ современной Европейской, что среди историковъ музыки возникъ даже вопросъ, не заимствововали ли Европейцы форму своей современной трубы отъ Арабовъ. Что касается Индіи, то тамъ есть нѣсколько сортовъ такихъ трубъ:

1) Двѣ трубы India museum изъ Мадраса одна около $^3/_4$ арш. длины изъ 4-хъ колѣнъ (табл. II, № 17), а другая около 1 аршина длиною изъ трехъ,

2) Vanga—такая же труба длиною около 1 арш. (тамъ же и оттуда же) (табл. II, № 23),

3) Turl — изъ 6 колѣнъ, разрисованная красной, желтой и черной красками, длиною 2 ф. $3^3/_4$ д. (тамъ же),

и 4) Carnal—труба Непала длин. около $1^1/_2$ арш. (Берлинскій музеумъ) (табл. II, № 13).

Чтобы закончить перечень всѣхъ сортовъ металлическихъ трубъ необходимо еще упомянуть о трубахъ изогнутыхъ волнообразно или въ видѣ змѣйки. Въ Индіи такихъ трубъ мы знаемъ только двѣ:

1) Труба изъ Непала въ India museum длиною около 1 арш. изогнутая только 2 раза (табл. II, № 16)

и 2) Nackbhina—въ Берлинскомъ музеѣ, изогнутая нѣсколько разъ (табл. II, № 28).

Въ Европѣ этимъ трубамъ соотвѣтствуетъ средневѣковый Серпентъ, названіе котораго происходитъ отъ „змѣи“. Намъ случилось видѣть три образчика этого инструмента: одинъ въ Нюренбергскомъ музеѣ, другой въ Чешскомъ Національномъ, а третій на Варшавской музыкальной выставкѣ 1888 года. Онъ дѣлался и изъ металла и изъ дерева (табл. I, № 28).

Всѣ перечисленныя здѣсь металлическія трубы принадлежатъ исключительно Европѣ и Азіи, что же касается остальныхъ частей свѣта, то въ Америкѣ кромѣ замѣтки о мѣдныхъ трубахъ, отрытыхъ при раскопкахъ, мы не нашли никакихъ намековъ на металлическія трубы, ни въ литературѣ, ни въ

осмотрѣнныхъ нами, музеяхъ западной Европы. Въ Австраліи также не было металлическихъ трубъ до пріѣзда туда Европейцевъ. Что касается Африки, то, кромѣ металлическихъ трубъ древняго Египта, мы находимъ бронзовыя литыя трубы у негровъ Южнаго Конго; въ Берлинскомъ музеѣ ихъ есть 3 экземпляра. Всѣ онѣ короткія и приготовлены въ формѣ воловьихъ роговъ съ мундштучнымъ отверстіемъ сбоку. Наружная поверхность этихъ трубъ украшена орнаментомъ.

Надо замѣтить, что, приготовляя металлическія трубы, человѣкъ старался формой ихъ подражать болѣе раннимъ своимъ трубамъ изъ раковинъ, изъ роговъ или изъ дерева. Такъ, напримѣръ, у римлянъ была мѣдная прямая труба, подражавшая своимъ видомъ раковинѣ. Также, какъ эта послѣдняя, она называлась buccina (табл. VI, № 2). Другая римская труба, извѣстная подъ тѣмъ же названіемъ, была сильно изогнута и имѣла большой раструбъ (табл. VI, № 5). Римское cornu подражало рогу животныхъ, прямая Tuba—деревянной трубѣ, а lituus—деревянной трубѣ съ роговымъ раструбомъ (см. рисунокъ).

Этимъ же обстоятельствомъ, намъ кажется, возможно объяснить, почему буддисты въ Тибетѣ при своемъ богослуженіи держатся исключительно прямыхъ трубъ. Вѣроятно этимъ трубамъ предшествовали деревянныя, которыя почти не встрѣчаются другого вида, кромѣ прямыхъ, а современныя металлическія трубы Тибета очевидно подражаютъ своей формой деревяннымъ.

Трубы жестяныя.

Эти трубы мы помѣщаемъ отдѣльно отъ мѣдныхъ потому, что онѣ принадлежатъ новѣйшему времени, такъ какъ и самый матеріалъ для нихъ, жесть—произведеніе техники новѣйшихъ временъ. Несмотря на свою новизну, жестяныя трубы могутъ имѣть этнографическій интересъ; онѣ дѣлаются не для высшихъ классовъ народа, а исключительно для деревенской бѣдноты и появляются только тамъ, гдѣ уже и ранѣе ихъ существовали трубы или роговыя или деревянныя, взамѣнъ этихъ послѣднихъ. Жестяную трубу намъ приходилось встрѣчать только у славянъ. Чешскій экземпляръ такой трубы, сохраняющійся въ частной коллекціи профессора Варшавскаго университета, Ф. И. Іезберы, изъ Брезницы, Писецкаго округа, представленъ нами на фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. О). Сюда же относится труба русскихъ галичанъ изъ восточныхъ Карпатъ въ музеѣ Напрстка въ Прагѣ (табл. I, № 30). Въ Царствѣ Польскомъ намъ случилось видѣть жестяную трубу подъ названіемъ тромба у пастуховъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города Соколова, (въ дер. Воевудка) и въ окрестностяхъ города Плоцка, кромѣ того

она входитъ понемногу въ употребленіе взамѣнъ деревянной трубы въ уѣздахъ Радинскомъ и Влодавскомъ, Сѣдлецкой губ. Въ Россіи намъ извѣстно ея существованіе въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ гор. Рѣчицѣ Минской губ., въ ближайшихъ окрестностяхъ города Минска (табл. V, лит. M и N), въ м. Шкловѣ, Могилевской губ., въ окрестностяхъ города Брянска, Орловской губ., въ Череповецкомъ ѣздѣ, Новгородской губ. и въ Бердянскомъ уѣздѣ, Таврической губ.

Трубы стеклянныя.

Стеклянныя трубы представляютъ собою диковинку, которая впрочемъ не ограничивается какой-либо одной мѣстностью. Хотя по своей древности онѣ много уступаютъ трубамъ изъ раковинъ, роговъ и даже металлическимъ, но все-таки въ Европѣ онѣ далеко не новость. Такъ, въ Нюренбергскомъ историческомъ музеѣ выставлена старинная стеклянная труба, изогнутая какъ современный корнетъ-а-пистонъ съ воронкообразнымъ раструбомъ и съ металлическимъ мундштукомъ. Далѣе намъ удалось узнать о существованіи стеклянныхъ трубъ у крестьянъ Сѣдлецкой губ.: въ окрестностяхъ Лохова (станціи Варшавско-Петербургской желѣзной дороги), въ селѣ Стара Весь, Венгровскаго уѣзда, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Гарвалина и въ селѣ Долгоброды, Бѣльскаго уѣзда. Трубы эти, разумѣется, встрѣчаются только въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ есть стеклянные заводы.

Вѣрованья, соединенныя съ трубами.

Труба—инструментъ священный.

Изъ числа историческихъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о трубахъ, наиболѣе древними и полными нужно считать библейскія. Въ древней исторіи евреевъ труба играла весьма значительную роль, неразрывно связанную съ религіей. Такъ, напримѣръ, самый выдающійся моментъ религіозной жизни еврейскаго народа, законодательство на горѣ Синайской, сопровождалось трубными звуками: „на третій день при наступленіи утра были (на горѣ Синайской) громы и молніи и густое облако надъ горою и трубный звукъ весьма сильный... И вывелъ Моисей народъ изъ стана... и стали у подошвы горы... и вся гора сильно колебалась, и звукъ трубный становился сильнѣе и сильнѣе„... (79). Восхожденіе на гору Синай также было связано со звукомъ трубы (80): „...всякій, кто прикоснется къ горѣ, преданъ будетъ смерти... скотъ ли то, или человѣкъ, да не останется въ живыхъ, во время

протяжнаго звука трубы (когда облако отойдетъ отъ горы), могутъ взойти на гору...“ Въ библіи есть кромѣ того много мѣстъ, гдѣ трубленіе предписывается отъ лица Божія, но мы вернемся къ нимъ впослѣдствіи.

Не менѣе высокимъ уваженіемъ пользуется труба и у другихъ народовъ Стараго свѣта, такъ напр., въ Индіи маленькій воловій рогъ, Sringa, считается любимѣйшимъ инструментомъ божества Сивы (надпись Берлинскаго музея); раковина Dévadatta, по преданію, была подарена богами Арьюнѣ, третьему брату Пандава (India museum), а индійская труба изъ человѣческой берцовой кости считается инструментомъ священнымъ (Кенсингтон. муз.).

У буддистовъ въ Монголіи, по словамъ г. Поздѣева (81), о мѣдныхъ трубахъ существуетъ преданіе, что онѣ изобрѣтены въ угоду святому Падма Самбавѣ его индійскими поклонниками и звукомъ своимъ подражаютъ „реву небесныхъ слоновъ“. Употребленіе же раковины въ качествѣ богослужебнаго инструмента преданіе относитъ ко временамъ самого Будды. Одну изъ такихъ раковинъ, по преданію, Буддѣ преподнесъ царь драконовъ. Ученики Будды употребляли ее для призыва къ богослуженію, а потомъ Будда приказалъ спрятать эту раковину подъ горою Дурихту, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою (основателемъ одной изъ буддійскихъ сектъ), что дѣйствительно и случилось при постройкѣ монастыря Галданъ-Хита. Въ этомъ монастырѣ, упомянутая раковина хранится и до сихъ поръ какъ чудотворная святыня.

У Японцевъ пяти инструментамъ: флейтѣ-траверсу, флейтѣ Пана, литаврамъ, гонгу и морской раковинѣ приписываютъ священный характеръ. Въ былыя времена, какъ говоритъ народное преданіе, Великое Божество, освѣщающее міръ, не смогло выносить зрѣлища постояннаго безчеловѣчія людей и скрылось въ пещеры моря. Людямъ удалось выманить его оттуда игрою на пяти названныхъ инструментахъ; съ изобрѣтеніемъ музыки тьма исчезла съ лица земли (82).

По киргискому вѣрованію, солнце при восходѣ всегда упирается, а когда его заставляютъ восходить насильно, то „кричитъ пронзительнымъ голосомъ“. Если же люди не слышатъ этого крика, то это потому, что въ городѣ Джабулса, расположенномъ около того мѣста, гдѣ восходитъ солнце, трубятъ въ керней (трубу) и сурней (родъ гобоя) (83). Въ этомъ послѣднемъ разсказѣ можно видѣть какъ-бы отголосокъ японскаго преданія.

У грековъ Плиній называетъ изобрѣтателемъ военной трубы Пизія изъ Тиррена, сына Геракла и Лиды, т. е. человѣка полубожественнаго происхожденія. По другому миѳу, изобрѣтеніе страшной военной трубы приписывается Пану (84).

По сказаніямъ Германской миѳологіи, дорога къ Асгарду, небесному жилищу Боговъ, вела черезъ многоцвѣтный мостъ изъ радуги. По ней могли проходить только боги и герои, для великановъ же она была закрыта. Дорогу эту оберегалъ стражъ Асгарда, Геймдаль, который могъ слышать, какъ растетъ трава на лугу и шерсть у овецъ. Если богамъ грозила опасность, то стражъ давалъ объ этомъ знать звуками своего могучаго рога (85).

У древнихъ Египтянъ изобрѣтеніе рога приписывали Озирису (86).

Абиссинцы ведутъ происхожденіе своей трубы отъ Іудейской и думаютъ, что она была подарена царицѣ Савской царемъ Соломономъ (87).

Современные христіане вѣрятъ, что въ день страшнаго суда Архангелъ Михаилъ затрубитъ въ трубу, и всѣ мертвые воскреснутъ.

Албанцы думаютъ, что на ихъ трубѣ когда-то игралъ самъ царь Давидъ (88).

Даже чехи своей трубѣ-раковинѣ придаютъ священное значеніе, говоря, что она была подарена имъ папой (89).

Изъ сопоставленія этихъ вѣрованій и миѳовъ видно, что звукъ трубы пріятенъ для божества или же оказываетъ ему услуги, что само божество изобрѣло этотъ инструментъ и даровало его людямъ, а слѣдовательно игра на трубѣ прямо богоугодное дѣло. Это вѣрованіе особенно ярко обрисовывается вѣроученіемъ древнихъ и современныхъ евреевъ. Вопервыхъ всѣ предписанія еврейскаго Закона, касающіяся употребленія трубы въ разные моменты жизни народа Божія, не исключая и военной сигнализаціи, исходятъ отъ самого Бога и передаются отъ его лица; „и въ день веселія вашего и въ праздники ваши и въ новомѣсячія ваши трубите трубами при всесожженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ вашихъ...“ (90). „и когда пойдете на войну въ землѣ вашей противъ врага, наступающаго на васъ, трубите тревогу трубами...“ (91). Одинъ день въ году у древнихъ евреевъ даже исключительно посвящался трубѣ, что уже прямо граничитъ съ культомъ этого инструмента: „и въ седьмой мѣсяцъ, въ первый (день) мѣсяца, да будетъ у васъ священное собраніе, никакой работы не работайте, пусть будетъ это у васъ день трубнаго звука“

У современныхъ евреевъ, какъ извѣстно, сохранился обрядъ трубленія въ бараній рогъ въ синагогахъ и вотъ Талмудъ внушаетъ тѣмъ лицамъ, которыя берутъ на себя исполненіе этого обряда, благоговѣйное отношеніе къ нему, рекомендуя проникнуться мыслію, что трубленіе совершается не ради наслажденія музыкою, а во исполненіе закона. По объясненію Талмуда, звуки шофера даютъ Ангеламъ силу и возможность плести изъ нихъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. При этомъ требуется отъ каждаго правовѣрнаго еврея обязательное ежегодное выслушиваніе по крайней мѣрѣ девяти

пріемовъ игры на трубѣ, отъ котораго онъ не освобождается даже въ случаѣ тяжкой болѣзни. Тотъ, кто по болѣзни не въ состояніи прійти въ синагогу для присутствія при совершеніи обряда Текіотъ шоферъ (т. е. трубленія въ рогъ), обязуется пригласить трубача къ себѣ на домъ и тамъ его выслушать. Кромѣ того требуется, чтобы звукъ шофера шелъ отъ трубы прямо и непосредственно въ ухо слушателя, а не былъ бы отраженнымъ или преломленнымъ. Талмудъ перечисляетъ всевозможныя положенія, при которыхъ это можетъ случиться, вродѣ того, напримѣръ, что трубачъ находится на поверхности земли, а слушатель въ ямѣ и т. под. и прибавляетъ, что въ случаѣ сомнѣнія нужно начать выслушиванье съизнова. Женщинъ Талмудъ освобождаетъ отъ обязанности выслушиванья трубныхъ звуковъ, но обычай требуетъ его и вполнѣ приравниваетъ въ этомъ отношеніи женщинъ къ мужчинамъ.

Подобные же взгляды на трубу существовали и существуютъ и у другихъ народовъ, признающихъ трубленіе религіознымъ обрядомъ, обязательнымъ при богослуженіи. Что же касается такихъ народовъ, которые придерживаются обычая трубить въ извѣстные дни или времена года, но у которыхъ этотъ обычай вовсе не связанъ съ ихъ религіей, то въ большинствѣ случаевъ они трубятъ, не разсуждая, въ силу привычки и во исполненіе дѣдовскихъ преданій, а потому на вопросъ о цѣли трубленія не всегда могутъ дать опредѣленный отвѣтъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и они назовутъ трубленіе „дѣломъ богоугоднымъ“ или скажутъ, что „не трубить-грѣшно“. Такъ, напримѣръ, намъ случилось толковать объ этомъ съ поляками Мазовецкаго уѣзда, Ломжинской губерніи, которые считаютъ для себя обязательнымъ трубить ежегодно въ теченіе Рождественскаго поста. Они объяснили, что трубленіе дѣло очень „хорошее, богоугодное“. Но на вопросъ, для чего нужны Богу трубные звуки, большинство отвѣчало или, что это „имъ неизвѣстно“ или, что „такъ дѣлали ихъ отцы и дѣды“. Только нѣкоторые высказали робкое предположеніе, что трубный звукъ помогаетъ Богу разгонять нечистую силу или, что труба напоминаетъ людямъ о необходимости поститься. Когда мы пріобрѣли въ деревнѣ „лигавку“ для музея и возвращались на вокзалъ, въ полѣ попались намъ на встрѣчу два незнакомые парня, которые остановили экипажъ просьбой, дозволить имъ немножко потрубить на нашей „лигавкѣ“. Мы торопились на вокзалъ, а потому хотѣли имъ отказать, но возница изъ мѣстныхъ крестьянъ, объяснилъ, что „въ здѣшней мѣстности считается большимъ грѣхомъ не дать людямъ потрубить въ „лигавку“ во славу Божію“. Дѣлать нечего, пришлось согласиться, парни протрубили каждый по нѣскольку нотъ, похвалили покупку и съ благодарностью ее возвратили.

Въ Гродненской губерніи, по разсказамъ тамошнихъ крестьянъ-малороссовъ, обычай трубить каждую осень поддерживается суевѣріемъ. Если въ какую-нибудь осень въ деревнѣ забросятъ трубу, то потомъ всякое деревенское несчастіе, какъ-то: неурожай, пожаръ, эпидемическую болѣзнь и проч. объясняютъ наказаніемъ Божіимъ за небреженіе къ дѣдовскому обычаю.

Труба въ качествѣ священнаго инструмента сохраняется въ храмѣ и употребляется при богослуженіи.

У древнихъ евреевъ трубы не только сохранялись въ преддверіи храма, но и работать ихъ можно было только въ храмѣ и притомъ не иначе, какъ на ступеняхъ алтаря. Работа эта лежала на обязанности священниковъ изъ колѣна Ааронова (93). По словамъ еврейскихъ историковъ, труба употреблялась при каждомъ богослуженіи въ храмѣ Іерусалимскомъ. Въ будничные дни трубили семь разъ въ день: одинъ разъ утромъ, три раза—во время утренняго богослуженія и три раза—во время вечерняго. Въ праздники трубили чаще, и число инструментовъ тогда увеличивалось. Если трубили во время богослуженія, послѣ какой-либо молитвы, то трубный звукъ считался признакомъ того, что молитва принята Богомъ (94). У современныхъ евреевъ бараній рогъ въ одномъ или нѣсколькихъ экземплярахъ обязательно хранится при каждой синогогѣ, но работаютъ его и продаютъ въ лавкахъ обыкновенные токари. Въ богослуженіи этотъ рогъ участвуетъ разъ въ годъ, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

О богослуженіи древнихъ Египтянъ и Ассирійцевъ до насъ не дошло такихъ полныхъ свѣдѣній, какъ о Іудейскихъ, но мы знаемъ однако, что у Египтянъ звукъ рога служилъ сигналомъ къ предстоящимъ жертвоприношеніямъ (95), а у Ассирійцевъ труба была необходимой принадлежностью храма, такъ какъ звукомъ своимъ собирала вѣрующихъ на богослуженіе (96).

Изъ комментарій къ Ведамъ мы узнаемъ, что и въ Индіи труба-раковина употреблялась браминами въ храмахъ, для призыванія вѣрующихъ на молитву (97). Тотъ же обычай сохраняется въ Индіи и до настоящаго времени (98).

О Сингалезахъ острова Цейлона говорятъ, что они страшно любятъ трубу и посвящаютъ ее своимъ храмамъ (90).

О Тибетѣ уже и говорить нечего, тамъ ни одно богослуженіе не обходится безъ трубъ. Въ Тибетскихъ храмахъ ламы (священники) поютъ съ акомпаниментомъ музыкальныхъ инструментовъ, между которыми самую видную роль играютъ трубы (100). Впрочемъ, тоже самое можно сказать и о всѣхъ буддистахъ. Г. Поздѣевъ подробно описываетъ обычаи съ трубами въ буддій-

скихъ монастыряхъ Монголіи. По его словамъ, между всѣми трубами первенствующую роль играетъ раковина. На жертвенникѣ буддійскихъ кумирнеъ, противъ главнаго бурхана (идола), въ числѣ „восьми жертвъ“ обыкновенно помѣщается „Дунъ-гаръ — символъ счастія... бѣлая раковина, издающая пріятные звуки на 10 странъ свѣта“. Кромѣ того, на жертвенный столъ ставятъ иногда особый приборъ, называемый „жертвою пяти чувствамъ“, на которомъ въ качествѣ „жертвы чувству слуха“ находится опять таки труба— раковина (101). Эта же труба употребляется въ качествѣ сигнальнаго инструмента и для призыва къ богослуженію. Въ каждомъ буддійскомъ монастырѣ имѣется бурѣйнъ шата, т. е. деревянный помостъ на четырехъ столбахъ, вышиною сажени въ $1^1/_2$ или 2, замѣняющій наши колокольни. На такой помостъ по лѣстницѣ подымается лама съ раковиной и трубитъ. Мѣдными трубами, также призываютъ въ храмъ на богослуженіе, но только въ такомъ случаѣ, если жилища ламъ раскинуты на обширномъ пространствѣ. Звуками раковины извѣщаютъ также о наступленіи того или другого важнаго момента въ богослуженіи, о прибытіи хубилгана (буддійскаго святого) и т. п. (102).

Въ кумирняхъ нашихъ калмыковъ также сохраняется нѣсколько сортовъ музыкальныхъ инструментовъ, въ числѣ которыхъ есть раковины, рога и очень длинныя трубы. Во время богослуженія жрецы поютъ иногда безъ акомпанимента, иногда же съ акомпаниментомъ оркестра (103).

У Бурятъ въ Забайкальи, въ Гусиноозерскомъ дацанѣ (храмѣ) въ богослуженіи участвуютъ также длинныя мѣдныя трубы и большія раковины. По разсказу очевидца, „чтеніе длится съ полчаса и прерывается безъ мѣры оглушительнымъ концертомъ: бой барабановъ и прямо ревъ въ громадныя трубы. Кончится концертъ и снова начинается протяжное чтеніе Ганьчжура ламами, затѣмъ опять музыка и т. д. безъ конца“ (104).

У Китайцевъ, какъ видно изъ надписи Кенсингтонскаго музея, большія раковины-трубы также употребляются при буддійскомъ богослуженіи.

Въ древнемъ Римѣ участіе трубачей при богослуженіи и при жертвоприношеніяхъ также считалось обязательнымъ.

У древнихъ Литовцевъ музыка, состоявшая изъ трубъ, роговъ, бубновъ, котловъ и пищалокъ обязательно сопровождала обрядъ самой большой жертвы, приносившейся въ особо важныхъ случаяхъ главнымъ жрецомъ, Крэвэ-Крэвэйто, и вообще труба и бубенъ употреблялись при всѣхъ жертвенныхъ обрядахъ, когда ихъ совершали высшіе жрецы (105). У древнихъ поморскихъ славянъ въ ихъ Штетинскомъ храмѣ между прочими богатствами сохранялись рога, приспособленные къ музыкѣ (106).

Обычай сохранять трубы въ храмѣ и употреблять ихъ для благовѣста существовалъ въ старину и у христіанъ. Въ 9 вѣкѣ (107) онъ практи-

ковался между прочимъ въ Византіи. Что касается западной Европы, то тамъ и до сихъ поръ во многихъ христіанскихъ храмахъ сохраняются древніе рога. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы уже приводили съ олифантомъ Карла Великаго, сохраняемымъ въ сокровищницѣ Аахенскаго собора.

У французскихъ крестьянъ въ Пуату и Бурбонэ до настоящаго времени существуетъ, какъ остатокъ глубокой старины, обычай во время страстной недѣли, когда у католиковъ бываетъ такъ называемый „постъ колоколовъ", призывать народъ къ богослуженію игрой на деревянныхъ трубахъ. Молодые парни, на обязанности которыхъ лежитъ такой благовѣстъ, влѣзаютъ тогда на деревенскую колокольню (108). Такой же обычай сохранился и у христіанскаго народа Сванетъ на Кавказѣ. У нихъ въ числѣ древностей въ старыхъ церквахъ сохраняются мѣдныя трубы. Трубы эти, по преданію, замѣняли когда-то колокола и теперь еще по большимъ праздникамъ достаютъ эту традиціонную вещь и трубятъ въ нее, созывая народъ въ церковь, какъ это дѣлалось въ древности (109).

У Абиссинцевъ, сохранившихъ въ своихъ религіозныхъ обрядахъ много чертъ христіанства первыхъ вѣковъ, хотя нѣтъ обыкновенія употреблять трубу въ храмѣ при богослуженіи, но есть однако обычай трубленія, находящійся въ непосредственной связи съ храмовой службой. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ очевидцы:

„Кающіеся... не входятъ даже въ ограду храма, а молятся или у самой подошвы священнаго холма (на которомъ построена церковь) или далеко—далеко отъ него, въ какихъ нибудь уединенныхъ долинахъ... Клиры нѣкоторыхъ богатыхъ соборовъ, заботясь объ утѣшеніи всякаго рода плачущихъ, кающихся, подверженныхъ очищенію,—устраиваютъ для нихъ особую церковную музыку внѣ храма. Для этой цѣли употребляется труба „нагаритъ", необыкновенно дѣйствующая на чувство абиссинцевъ. Когда она издаетъ звуки церковной мелодіи, соотвѣтствующей той, которая одновременно съ этимъ раздается въ храмѣ,—стоящіе далеко отъ храма приходятъ въ молитвенный восторгъ" (109 А). А объ одномъ изъ абиссинскихъ народовъ, Галла, путешественники разсказываютъ, что у него „богослуженіе совершается подъ развѣсистымъ деревомъ. Молящіеся бьются головой объ стволъ дерева, поютъ и трубятъ въ бамбуковую трубу, называемую „fagga" и въ этомъ заключается весь богослужебный обрядъ" (110).

На трубахъ играютъ или духовныя лица или люди, занимающіе выдающееся положеніе въ обществѣ.

У древнихъ евреевъ игра на трубѣ была возложена на членовъ высшаго еврейскаго сословія, священниковъ. Въ библіи прямо говорится: „сыны

Аароновы, священники, должны трубить трубами, это будетъ вамъ постановленіемъ вѣчнымъ въ роды ваши“ (111).

Въ Индіи, какъ мы уже видѣли, трубленіемъ во время религіозныхъ торжествъ занимаются съ древнихъ временъ брамины, т. е. жрецы и въ тоже время люди, принадлежащіе къ высшей кастѣ. Кромѣ того, странствующіе дервиши, пользующіеся также высокимъ уваженіемъ въ Индійскомъ обществѣ, всегда имѣютъ при себѣ трубу-раковину и игрой на ней даютъ знать богомольцамъ о своемъ прибытіи въ городъ (112).

У Буддистовъ въ Тибетѣ, Монголіи и у бурятъ въ Забайкальи обязанность трубленія въ храмахъ возложена на буддійскихъ жрецовъ ламъ (113). По описанію г. Поздѣева, въ монгольскихъ монастыряхъ для игры на каждомъ инструментѣ есть лама—спеціалистъ, носящій особое названіе. Такъ называются дунчи или лабайчи, на мѣдныхъ трубахъ играютъ ламы бурѣчи, наконецъ благовѣстъ лежитъ на обязанности ламъ, мэдэчи (114).

Въ западномъ Китаѣ, у подножія Божьяго трона, по описанію Грумъ-Гржимайло, трубленіемъ во время богослуженія занимаются хошани т. е. жрецы (115).

Въ древне-римскомъ обществѣ трубачи также занимали почетное положеніе. Плутархъ разсказываетъ, что благочестивый Императоръ, Нума Помпилій, при распредѣленіи римскихъ гражданъ по профессіямъ и ремесламъ поставилъ трубачей на первое мѣсто, потому что они участвовали при богослуженіи. А изъ одного эпизода, разсказаннаго Ливіемъ изъ Самнитской войны, видно, что римскіе трубачи осмѣливались даже отказывать въ повиновеніи сенату, до такой степени высоко было ихъ общественное положеніе (116).

У древнихъ галловъ національная музыка стояла въ тѣсной связи съ ихъ религіозными обрядами, а потому находилась въ рукахъ друидовъ (жрецовъ), власть которыхъ была выше власти правительства. Музыкальными исполнителями являлись сами друиды и ихъ ближайшіе помощники, барды. Музыку этихъ послѣднихъ императоръ Юліанъ сравниваетъ съ воемъ дикихъ звѣрей и съ карканьемъ вороновъ, а Діодоръ разсказываетъ, что они производили страшный ревъ трубами (117). Позже, во времена процвѣтанія въ западной Европѣ рыцарства, рогъ, висящій на шеѣ (преимущественно олифантъ изъ слоновой кости), былъ однимъ изъ аттрибутовъ рыцаря, дворянина и военноначальника. Онъ служилъ для передачи приказаній на далекое разстояніе какъ въ бою, такъ и на охотѣ. У каждаго изъ насъ по романамъ и картинкамъ изъ средневѣковой жизни твердо запечатлѣлся въ памяти образъ рыцаря, подъѣзжающаго къ какому-нибуть замку и дающаго знать о своемъ прибытіи трубнымъ звукомъ. Подобныя картинки воспроизводили когда-то бывшую дѣйствительность. Вмѣстѣ съ паденіемъ рыцарства

исчезъ и этотъ обычай, или лучше сказать не исчезъ, а принялъ другую форму: когда позже короли, князья и важные сановники выѣзжали куда-либо въ путь, то они высылали впереди себя трубачей, дававшихъ знать игрой на трубѣ о ихъ приближеніи. Въ еще болѣе позднія времена исполнители этой функціи назывались laufr'ами (что-то вродѣ скороходовъ) (118). Обычай этотъ долго существовалъ въ такомъ видѣ во всей западной Европѣ, пока новыя условія жизни не заставили и его измѣниться, принявши еще болѣе новый видъ. Съ проведеніемъ дорогъ и съ устройствомъ почты, обязанности laufr'овъ мало по малу перешли къ почтовымъ служителямъ и кондукторамъ дилижансовъ. Въ наше время, когда почтовыя кареты въ свою очередь уступаютъ мѣсто желѣзно-дорожнымъ вагонамъ, трубленіе становится уже совершенно излишнимъ, но память о старинномъ обычаѣ не исчезла окончательно, такъ какъ труба становится эмблемой почтоваго вѣдомства и украшаетъ стѣны почтовыхъ вагоновъ. Вотъ какой рядъ превращеній потерпѣлъ поэтическій обычай средневѣковыхъ рыцарей извѣщать о своемъ прибытіи трубнымъ звукомъ. Но все это совершилось, конечно, не сразу, а въ строгой постепенности. Такимъ же образомъ, можно было бы возстановить рядъ переходныхъ ступеней между военноначальникомъ среднихъ вѣковъ, лично передававшимъ свои приказанія войскамъ при помощи трубы и современнымъ пѣхотнымъ солдатикомъ-горнистомъ, между привиллегіей, нѣкогда дававшей право трубить только лицамъ высокопоставленнымъ, и скромной обязанностью современнаго оркестроваго музыканта, трубящаго на танцовальныхъ вечерахъ, чтобы заработать свой скудный кусокъ хлѣба. Но мы этого дѣлать не будемъ, а лишь приведемъ въ видѣ иллюстраціи два примѣра, касающихся трубы, изъ времени промежуточнаго между поэтическимъ вѣкомъ рыцарей и нашей прозаической эпохой. Однимъ изъ этихъ примѣровъ можетъ служить преданіе, относящееся къ 15-му вѣку, которымъ нѣмецкіе историки музыки доказывали, что современная валторна (Waldhorn) была изобрѣтена нѣмцами. Изобрѣтеніе это приписываютъ Тюрингенскимъ крестьянамъ, которые трубили на своихъ празднествахъ въ прямую трубу, а когда этотъ инструментъ былъ имъ запрещенъ тогдашнимъ помѣщикомъ, такъ какъ прямыя трубы считались исключительной привиллегіей двора, то они согнули свою прямую трубу и назвали ее валторной (Waldhorn). Другой примѣръ—это разсказъ объ обществахъ трубачей, существовавшихъ когда-то въ Германіи въ тѣ времена, когда трубленіе уже перестало быть привиллегіей рыцарей. Интересно, что члены такихъ обществъ, по старой памяти, еще долгое время пользовались всеобщимъ почетомъ. Ученики въ эти общества выбирались съ большимъ разборомъ, а когда, по выдержаніи установленнаго

экзамена, они принимались въ члены общества, то надъ ними совершался, какъ нѣкогда надъ рыцарями, обрядъ посвященія посредствомъ пощечины (119)

Какъ отдаленное эхо рыцарскаго обычая носить при себѣ рогъ, до недавнихъ поръ сохранялось обыкновеніе у знатныхъ польскихъ магнатовъ и у нашихъ русскихъ помѣщиковъ старыхъ временъ вмѣстѣ съ образцами оружія собирать у себя коллекцію охотничьихъ роговъ и развѣшивать ихъ по стѣнамъ своихъ кабинетовъ. Еще недавно намъ пришлось осматривать богатую коллекцію такихъ роговъ, между которыми были и трубы-раковины, въ „палацѣ" князя Сангушко въ м. Славутѣ (Волынской губ.).

Что разсматриваемое нами почетное положеніе въ обществѣ трубачей не составляетъ исключительной принадлежности Европы и Азіи, видно изъ того, что разсказываютъ путешественники о султанствѣ Баггирми въ Центральной Африкѣ. Тамъ во время торжественныхъ выѣздовъ султана впереди процессіи идетъ отъ 8 до 12 человѣкъ музыкантовъ, играющихъ на длинныхъ деревянныхъ трубахъ. Трубы эти вмѣстѣ съ литаврами и барабанами принадлежатъ къ королевскимъ регаліямъ, а музыканты, на нихъ играющіе, ведутъ свой родъ отъ брата перваго баггирмійскаго короля, слѣдовательно, принадлежатъ къ королевскому роду. Благодаря своѣму высокому происхожденію, они пользуются даже особой привиллегіей, считающейся въ Баггирми весьма почетной, а именно: при входѣ во дворецъ султана всѣ подданные его должны снимать оружіе и обувь и обнажать свои плечи, тогда какъ трубачи, наравнѣ съ чужеземцами, имѣютъ право своихъ плечъ не обнажать (120). Здѣсь сходство съ Европой, кромѣ высокаго происхожденія трубачей, заключается также и въ томъ, что трубы принадлежатъ къ числу королевскихъ регалій и что въ торжественномъ выходѣ короля ему предшествуютъ трубачи. Другой примѣръ такого же обычая даетъ путешественникъ по Африкѣ, Швейнфуртъ, который разсказываетъ, что король народа Момбутту, въ восточномъ Суданѣ, появлялся на аудіенцію п р и з в у к ѣ р о ж к а (121). Наконецъ, въ южной Африкѣ у народа Мганге шаманы, соотвѣтствующіе сѣверно-Азіатскимъ и Американскимъ, имѣютъ при своихъ заклинаніяхъ не бубенъ и трещетку, какъ въ Азіи и Америкѣ, а в о л ш е б н ы й р о г ъ или т р у б у. Тоже самое и у папуасовъ на Ново-Гебридскихъ островахъ. Шаманы здѣсь, какъ извѣстно, замѣняютъ жрецовъ (122).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы убѣждаемся, что игра на трубѣ считалась въ старину какъ бы привилегіей двухъ почетнѣйшихъ классовъ общества: духовенства и военнаго сословія. Имѣя это въ виду и обращаясь къ другимъ народамъ, у которыхъ еще сохранился обычай трубленія въ различные моменты ихъ жизни, но игра на трубѣ уже не составляетъ привилегіи духовнаго или военнаго сословія, мы найдемъ, однако, въ современныхъ обы-

чаяхъ этихъ народовъ много остатковъ того же общаго правила, которое мы подтверждали вышеприведенными примѣрами. Мы увидимъ, что лица, на которыхъ у разныхъ народовъ возлагаются обязанности трубачей, стоятъ въ наиболѣе близкомъ соотношеніи или къ военному или къ духовному сословію. Дѣйствительно, у громаднаго большинства народовъ, сохранившихъ у себя трубу, за небольшими исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже, трубленіемъ занимаются только мужчины, т. е. тотъ полъ, изъ котораго у большинства народовъ рекрутируется и духовное и военное сословія. Кромѣ того, у многихъ народовъ изъ числа мужчинъ трубятъ только взрослые неженатые юноши, т. е. люди въ возрастѣ, когда они наиболѣе способны сдѣлаться воинами. Это мы наблюдаемъ, напримѣръ, у поляковъ Ломжинской и Сѣдлецкой губерніи и у малороссовъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, существуетъ обычай для взрослыхъ юношей ежегодно осенью трубить въ трубу. Въ иныхъ мѣстахъ трубленіе является даже какъ бы внѣшнимъ признакомъ того, что юноша уже достигъ совершеннолѣтія. Такъ у латышей Добленскаго уѣзда Курляндской губерніи, если молодой парень собирается жениться, то въ лѣтніе вечера трубитъ въ свой рогъ (123). Нѣчто подобное существуетъ и въ Полинезіи. Тамъ юноша, желающій, чтобы его приняли въ общество взрослыхъ, и имѣющій на это право по своимъ годамъ, подкрадывается къ сосѣдней деревнѣ, поражаетъ кого-нибудь стрѣлой, отрѣзаетъ убитому голову и, возвращаясь домой, въ свою деревню, еще издали даетъ сигналъ о своемъ прибытіи игрою на бамбуковой трубѣ (124). Даже общеизвѣстный и распространенный во всей Европѣ обычай, по которому труба неразлучна съ должностью пастуха подтверждаетъ высказанное нами положеніе, такъ какъ должность пастуха, стоящая въ наше время очень низко на общественной лѣстницѣ, въ древности далеко не была такою. Это мы видимъ во-первыхъ изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы пастухи занимаются врачеваніемъ, т. е. исполняютъ функцію, принадлежавшую нѣкогда исключительно духовному сословію. Такого рода явленіе хорошо извѣстно, напримѣръ, въ Польшѣ, гдѣ даже въ настоящее время интеллигентные или полуинтеллигентные люди, извѣрившись въ докторахъ, прибѣгаютъ къ помощи пастуховъ. Сюда же относится обычай, въ силу котораго у нѣкоторыхъ народовъ къ доенію коровъ допускаются только мужчины. Этотъ обычай мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ негритянскихъ племенъ въ Африкѣ (125), въ Европѣ же онъ соблюдается только при доеніи овецъ у гагаузовъ, болгаръ, молдаванъ, гуцуловъ (въ Галиціи) и у крымскихъ татаръ. Все это, конечно, только остатки нѣкогда широко-распространеннаго культа быка, который едва ли не въ наибольшей чистотѣ сохранился въ настоящее время у народа то-

довъ въ Остъ-Индіи. У этихъ послѣднихъ молоко-жидкость божественная, а доеніе—священнодѣйствіе. Доеніемъ занимается жрецъ изъ клана пейковъ (въ родѣ левитовъ), живущій въ безбрачіи, пока онъ доитъ; его помощникъ также обязуется соблюдать половое воздержаніе. Молочная—мѣсто святое, въ которое имѣютъ право входить одни только жрецы, другіе мужчины могутъ дотрагиваться до ея ограды, но женщинамъ нельзя приближаться къ частоколу ближе чѣмъ на 30—40 шаговъ... (126). У галицкихъ гуцуловъ на ихъ полонины (горныя пастбища) также не допускается ни одна женщина (127). Отсюда можно заключить, что и въ Европѣ пастухи нѣкогда были жрецами, а въ настоящее время удержали за собою трубленіе, какъ одну изъ древнихъ привилегій духовнаго класса.

Но есть, какъ мы говорили выше, мѣстности гдѣ трубятъ исключительно женщины или дѣвушки. Такой обычай, напримѣръ, наблюдается у черемисъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи по вечерамъ въ теченіе всей осени. Подобный же обычай существуетъ и у шведскихъ дѣвушекъ крестьянокъ: лѣтомъ на пастбищахъ (128). Кромѣ того, въ Парижскомъ музеѣ Guimet мы видѣли трубу-раковину изъ Лаоса (въ Индо-Китаѣ), принадлежащую племени Луангъ-Прабангъ, о которой въ надписи сказано, что въ нее трубятъ женщины при религіозныхъ профессіяхъ. Наконецъ, у военнаго отряда дагомейскихъ амазонокъ имѣется также женскій оркестръ, состоящій изъ трубъ (129). Эти четыре факта, повидимому, противорѣчатъ, высказанному нами выше, правилу о личностяхъ, на которыхъ возлагается трубленіе, но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Дѣйствительно, существованіе воинственныхъ женщинъ-амазонокъ, какова бы ни была причина появленія ихъ на свѣтъ, должно быть признано историческимъ или предъисторическимъ фактомъ, такъ какъ его подверждаетъ слишкомъ много данныхъ, историческихъ и этнографическихъ, чтобы можно было ими пренебречь. А въ такомъ случаѣ вполнѣ естественно, что вмѣстѣ съ функціей воина на женщинъ-амазонокъ переходили и другія права и привилегіи мужчинъ, а въ томъ числѣ и право трубленія. Интересно, что въ трехъ изъ упомянутыхъ нами мѣстностей, гдѣ трубятъ женщины, сохранились и другія данныя, если не доказывающія, то намекающія на пребываніе въ тѣхъ краяхъ амазонокъ. Про Дагомэ уже и говорить нечего, такъ какъ врядъ ли кто не знаетъ объ отрядѣ дагомейскихъ амазонокъ, доходившемъ численностью до 4000 и составлявшемъ гвардію дагомейскаго короля. Тоже самое, только въ меньшихъ размѣрахъ существуетъ и въ Сіамѣ, къ которому Лаосъ находится въ весьма близкихъ отношеніяхъ какъ политическихъ, такъ и этнографическихъ. При Сіамскомъ королѣ есть также батальонъ гвардіи изъ амазонокъ-дѣвушекъ, содержащій караулы при королевскомъ дворцѣ (130). У шведовъ, хотя не

существуетъ ничего подобнаго, но есть однако странный обычай въ провинціи Bleking, по которому новобрачной на другой день послѣ свадьбы дарятъ оружіе всѣхъ сортовъ (131). Очевидно, что это оружіе когда-то дѣйствительно нужно было тамошнимъ женщинамъ и обычай дарить его новобрачной сохранился до нашего времени только въ видѣ переживанія отдаленнаго прошлаго.

При богослуженіяхъ въ храмахъ изъ трубъ составляется оркестръ.

У древнихъ евреевъ по закону число трубачей въ храмѣ и внѣ его было не менѣе двухъ, хотя могло увеличиваться и до 120, но при этомъ всегда было четнымъ, т. е. трубачи считались не иначе, какъ парами (132). Правило это основывалось вѣроятно на слѣдующемъ мѣстѣ Библіи: „И сказалъ Господь Моисею: сдѣлай себѣ двѣ серебрянныя трубы... чтобы онѣ служили тебѣ для созыванія общества... (133)“.

Любопытно, что подобное же правило наблюдается и у буддистовъ, когда они составляютъ свои храмовые оркестры. У г. Поздѣева о монгольскихъ монастыряхъ говорится, что ламъ, играющихъ на трубахъ-раковинахъ, въ самыхъ малыхъ монастыряхъ бываетъ не менѣе двухъ, а играющихъ на мѣдныхъ трубахъ никакъ не менѣе четырехъ, хотя въ большихъ монастыряхъ, при особо торжественныхъ богослуженіяхъ, г. Поздѣевъ насчитывалъ ихъ до 40 и болѣе.

Тоже самое видимъ мы и въ Тибетѣ: англійскій путешественникъ 18-го вѣка, капитанъ Турнеръ, описывая одну изъ религіозныхъ процессій, которую ему случилось наблюдать въ этой мѣстности, говоритъ, что ламъ, игравшихъ на большихъ трубахъ, было *10*, барабанщиковъ *20*, цимбалистовъ *20*, и *2* дули въ раковины (134).

Въ Берлинскомъ этнографическомъ музеѣ выставлена модель самыхъ пышныхъ китайскихъ похоронъ. Здѣсь участвуютъ 3 пары музыкантовъ трубачей, идущихъ одна за другой, причемъ каждая пара снабжена однимъ сортомъ трубъ, одна пара играетъ на прямыхъ трубахъ, другая—на согнутыхъ, а третья на прямыхъ, утолщенныхъ на концѣ.

Соотвѣтственно этимъ азіатскимъ оркестрамъ, въ Европѣ, какъ извѣстно, оркестры приняты въ церквахъ католическихъ.

Порядокъ трубленія предписывается религіозными законами.

У древнихъ евреевъ порядокъ трубленія предписывался отъ имени самого Бога. Въ библіи говорится: „и когда пойдете на войну... противъ врага, наступающаго

на васъ, трубите тревогу трубами... когда одною трубою затрубятъ, поднимутся станы, становящіеся къ сѣверу, тревогу пусть трубятъ при отправленіи ихъ въ путь... (135)". Во время странствованія евреевъ по пустынѣ одинъ длинный звукъ призывалъ на собраніе старѣйшинъ, два такіе же звука собирали весь народъ, одинъ короткій звукъ означалъ снятіе стана и выступленіе, а два—призывъ къ битвѣ (136).

Что касается современныхъ евреевъ, то для ихъ трубленія въ синагогѣ выработана цѣлая сложная система звуковъ. Правила этой системы мы записали отъ кантора одной изъ Варшавскихъ синагогъ; вотъ они:

Трубачъ выдуваетъ изъ шофѐра всегда только одну ноту, наиболѣе легкую для него, но эта нота должна воспроизводиться по тремъ опредѣленнымъ пріемамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое названіе:

1) Тэкія—звукъ длинный и ровный съ начала до конца.

2) Тэру̀а—такой же протяжный звукъ, при которомъ трубачъ, не переводя духа, долженъ сдѣлать 9 ударовъ языкомъ. Пріемъ этотъ Талмудъ уподобляетъ плачу.

и 3) Шеварымъ (по еврейски-ломаный) группа изъ 9 равныхъ короткихъ звуковъ, взятыхъ Stacato съ ударами языкомъ при каждомъ. Это рядъ синкопъ въ такомъ родѣ:

. Талмудъ уподобляетъ этотъ пріемъ стенаніямъ. Продолжительность всѣхъ трехъ, перечисленныхъ нами, пріемовъ должна быть совершенно одинакова. Изъ нихъ, какъ мы увидимъ ниже, при служеніи въ синагогѣ, составляется извѣстная весьма сложная комбинація звуковъ, строго опредѣленная закономъ.

Нѣкоторыя изъ правилъ трубленія, предписанныхъ ламамъ въ буддійскихъ монастыряхъ, передаетъ намъ г. Поздѣевъ (137): при созываніи народа къ богослуженію звукъ раковины долженъ раздаваться 3 раза. Начавшись съ самаго сильнаго и пронзительнаго, онъ долженъ постепенно ослабѣвать въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не замретъ окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истощится запасъ воздуха въ груди трубача. Затѣмъ, передохнувъ, лама долженъ начать съ того самого слабаго звука, которымъ онъ кончилъ предыдущій пріемъ, и возвести его опять до степени максимума. Полный благовѣстъ заключаетъ въ себѣ три такихъ отдѣленія. Если благовѣстятъ мѣдными трубами, то тогда трубятъ уже два ламы поочередно каждый по 3 раза на всѣ четыре стороны свѣта. Послѣдняго правила, т. е. трубленія на четыре страны свѣта придерживались и древніе литовцы, но только не при богослуженіи, а при выступленіи на войну, это называлось у нихъ: трубить на четыре вѣтра (137 А).

Трубному звуку приписывается чудодѣйственная сила.

Вѣрованье въ чудодѣйственную силу трубныхъ звуковъ уже само собой вытекаетъ изъ убѣжденія, что труба—инструментъ священный и что изобрѣтеніе ея принадлежитъ божеству или совершено при участіи божества. Мы хотимъ здѣсь привести лишь иллюстраціи къ этому вѣрованью. Одну изъ такихъ иллюстрацій даетъ намъ вышеприведенное японское народное преданіе о томъ, какъ звуками музыки вызвано было само божество, но здѣсь труба не занимаетъ первенствующаго положенія, она поставлена наряду съ другими инструментами.

Несравненно болѣе характернымъ является, всѣмъ намъ хорошо извѣстный, эпизодъ съ Іерихонскими трубами. Вотъ какъ передается онъ въ библіи: „Тогда сказалъ Господь Іисусу (Навину): вотъ я предаю въ руки твои Іерихонъ—пойдите вокругъ города... и обходите городъ однажды (въ день)... и дѣлайте это 6 дней, и семь священниковъ пусть несутъ семь трубъ юбилейныхъ (въ славянскомъ текстѣ сказано: „трубъ рожаныхъ“ т. е. роговыхъ) передъ ковчегомъ, а въ седьмой день обойдите вокругъ города семь разъ и священники пусть трубятъ трубами, когда затрубитъ юбилейный рогъ, когда услышите звукъ трубы, тогда весь народъ пусть воскликнетъ громкимъ голосомъ, и стѣна города обрушится до своего основанія“... (138).

У буддистовъ, какъ мы уже приводили выше, раковина-труба, подаренная Буддѣ царемъ драконовъ, сохраняется въ монгольскомъ монастырѣ Галданъ-хита какъ чудотворная святыня (139).

Трубы участвуютъ въ религіозныхъ процессіяхъ.

О религіозныхъ процессіяхъ древнихъ евреевъ врядъ ли нужно много распространяться, такъ какъ у нихъ каждое торжество, каждое общественное собраніе сопровождалось трубными звуками, а прекрасный примѣръ религіозной процессіи съ трубами представляетъ семикратное обхожденіе Іерихонскихъ стѣнъ.

Объ употребленіи трубъ при религіозныхъ торжествахъ въ Индіи и Тибетѣ мы уже упоминали выше. Остается лишь добавить, что изъ числа трубъ, употребляемыхъ при религіозныхъ процессіяхъ въ Индіи, называютъ Rana Sringa (надпись India museum) и Nursingh (140).

О монгольскихъ буддійскихъ монастыряхъ г. Позднѣевъ пишетъ, что тамъ трубы кромѣ участія въ богослуженіи обязательно сопровождаютъ религіозныя процессіи, при чемъ каждый инструментъ носится въ двухъ экзем-

плярахъ двумя ламами. Всѣ ламы идутъ попарно, пара за парой и играютъ во все время движенія процессіи (141).

Объ игрѣ на трубахъ въ религіозныхъ процессіяхъ Китая и Лаоса мы уже упоминали ранѣе.

У буддистовъ—Калмыковъ на праздникъ Цоганъ-сара жрецы при звукѣ трубъ и другихъ инструментовъ выносятъ изъ „хурула" изображеніе божества Окунъ-тенгри, прикрѣпленное къ высокому шесту и обходятъ съ нимъ торжественно вокругъ палатокъ (142).

О японцахъ путешественникъ, Отто фонъ-Коцебу, разсказываетъ, что „когда они носятъ своихъ идоловъ въ процессіи вокругъ храма, то ихъ трубы и рога производятъ дьявольскую музыку" (143).

Далѣе у православныхъ грузинъ на праздникъ Нахицуроба, во время крестнаго хода вокругъ церкви, одинъ изъ участниковъ процессіи держитъ въ рукахъ трубу и трубитъ, что есть силы, по три раза у каждаго угла церкви (144).

Въ Европѣ, у католиковъ въ религіозныхъ процессіяхъ также очень часто участвуютъ оркестры изъ духовыхъ инструментовъ, у насъ въ Россіи это также иногда случается, но сравнительно очень рѣдко.

Мы здѣсь ведемъ рѣчь исключительно только о церковныхъ процессіяхъ, имѣющихъ чисто богослужебный характеръ и соотвѣтствующихъ нашимъ крестнымъ ходамъ, что же касается свадебныхъ и похоронныхъ процессій, то объ участіи въ нихъ трубъ будетъ сказано ниже.

Труба изгоняетъ бѣсовъ.

Есть много данныхъ полагать, что современному понятію народовъ о „нечистой силѣ", какъ о существѣ безплотномъ, предшествовало представленіе о ней вполнѣ матерьяльное. Такъ, напримѣръ, у вотяковъ мы находимъ разсказы о томъ, какъ человѣкъ убилъ изъ ружья Ву-Мурта (Водяного) или черта и о томъ, что Корка-Муртъ (домовой), также, какъ и великороссійскій Кикимора, имѣетъ способность уменьшаться до микроскопическихъ размѣровъ и прятаться въ щеляхъ дома. У мордвы Вирь-Ава (лѣшій), идя по лѣсу, выростаетъ вышиной съ дерево, а, идя по травѣ, уменьшается до высоты травы. Подобныхъ разсказовъ о „нечистой силѣ" можно было бы перечислить сотнями и не у однихъ только нашихъ восточныхъ инородцевъ, но достаточно и приведеннаго, чтобы согласиться съ ними, что подобныя вѣрованья могли образоваться только въ тѣ времена, когда „нечистая сила" представлялась существомъ совершенно матерьяльнымъ, подобнымъ человѣку или животнымъ, такъ какъ безплотному существу нѣтъ надобности сжиматься.

чтобы быть невидимымъ, и нельзя убить безплотное существо матерьяльной силой. Въ той же мысли убѣждаютъ насъ и пріемы, практикующіеся разными народами для „изгнанія бѣсовъ“, которое во многихъ мѣстностяхъ совершается періодически. Всѣ они указываютъ на существующее или существовавшее понятіе о бѣсахъ какъ о какихъ-то мелкихъ животныхъ, вродѣ насѣкомыхъ, которые окружаютъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Иллюстраціей къ такому теоретическому представленію о „нечистой силѣ“ можетъ служить во-первыхъ обычай месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ) изгонять тѣхъ бѣсовъ, которые „проникаютъ въ организмъ человѣческій „черезъ ротъ“(145). а во вторыхъ вѣрованье закавказскихъ татаръ, очень напоминающее современное ученіе о бактеріяхъ. „Вся вселенная, по мнѣнію татаръ, наполнена злыми духами. Духи эти находятся въ каждомъ углу дома, въ каждой щели, въ колодцахъ, въ рѣкахъ, въ озерахъ, въ лѣсу, дуплахъ деревьевъ и внутри животныхъ. Они всегда окружаютъ людей и даже норовятъ лѣзть имъ въ ротъ, въ носъ и т. д.“ (146). Впрочемъ, это вѣрованье отнюдь не составляетъ исключительной особенности закавказскихъ татаръ, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу международныхъ. Такъ, напримѣръ, малороссы о происхожденіи нечистой силы на землѣ разсказываютъ слѣдующую легенду:

„Однажды старый чертъ вздумалъ сравниться съ Богомъ. Для этого онъ велѣлъ выстроить чертямъ высокую башню. Когда была окончена башня, всѣ черти взобрались туда..., но Богъ разрушилъ это зданіе и черти летѣли оттуда (на землю) сорокъ дней и сорокъ ночей, и который куда падалъ. тамъ находится и до настоящаго времени. Который упалъ въ воду—„водяныкъ“, въ лѣсъ—„лісовыкъ“, въ болото—„болотяныкъ“, на поле—„полевой“, въ очеретъ—„очеретяныкъ“ и т. д. (147). Австралійцы воображаютъ также, что „сверхъестественныя существа разсѣяны повсюду: все лицо земли кишитъ ими: лѣсныя чащи, берега водъ, скалы“. Веддахи (на О-вѣ Цейлонѣ) убѣждены, что „воздухъ населенъ духами и что каждая скала, каждое дерево, каждый лѣсъ, каждый холмъ, короче сказать, каждая черта природы имѣетъ своего мѣстнаго духа“. Тасманійцы въ своемъ воображеніи „населяли цѣлыми толпами злыхъ духовъ пещеры, лѣса, разсѣлины скалъ, вершины горъ“. Карены въ Индо-Китаѣ говорятъ, что „міръ гораздо гуще населенъ духами, чѣмъ людьми“. Таитяне воображаютъ, что „живутъ въ мірѣ духовъ, который окружаетъ ихъ денно и нощно, наблюдая за каждымъ ихъ дѣйствіемъ“. Арабы „считаютъ пустыню столь густо населенной духами, что когда они бросаютъ какую-нибудь вещь въ сторону, то просятъ извиненія у тѣхъ кого, быть можетъ, задѣли при этомъ“ (148) и т. д. Мы говорили здѣсь объ „изгнаніи бѣсовъ“ и о средствахъ, для этого употребляемыхъ, потому что къ числу этихъ средствъ между прочимъ принадлежатъ и трубные звуки.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ“ у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Исполненіе этого обряда лежитъ на обязанности мужчинъ. Они заготовляютъ въ самый день обряда длинныя деревянныя трубы и затѣмъ обходятъ поочередно, начиная съ краю, всѣ крестьянскія избы. Въ то время какъ два пожилыхъ черемисина трубятъ въ трубы, стоя снаружи избы, у ея оконъ, одинъ съ улицы, а другой со двора (что-бы испугать бѣсовъ, находящихся въ избѣ), молодые парни и ребята бьютъ кнутами сначала по воротамъ и заборамъ, а потомъ внутри избы по стѣнамъ, лавкамъ, столамъ, печамъ и т. д. Если на лавкахъ случится одежда, то сбрасываютъ ее на полъ съ криками: „іу! іу! уй! у“! Окончивши изгнаніе бѣсовъ въ одной избѣ, переходятъ въ слѣдующую и продолжаютъ все это до поздней ночи. Если въ одинъ день не удастся обойти все село, то обходъ этотъ продолжается и на слѣдующій день..... Когда кончится обхожденіе всѣхъ избъ въ селѣ, то участники обряда собираются въ одинъ домъ и оттуда мчатся верхомъ на луга близъ лѣсу ломать трубы. Дорогою кричатъ дикимъ голосомъ: „іу! уй! уу! уа“! Для уничтоженія трубъ близъ лѣса есть особо назначенный пенекъ, о который ихъ и разбиваютъ со словами: „шайтаны ушли въ лѣсъ“. Затѣмъ такимъ же порядкомъ во весь опоръ мчатся домой (149). По объясненію черемисъ, трубнымъ звукомъ они изгоняютъ шайтановъ или, какъ ихъ называютъ, „кереметей“, которые заносятъ изъ деревни въ деревню различныя болѣзни. Черемисы вѣрятъ, что „кереметь“, услышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже болѣе не возвращается, такъ что въ той деревнѣ цѣлый годъ бываетъ благополучіе (150). Если мы сравнимъ тотъ же самый обрядъ у черемисовъ изъ разныхъ уѣздовъ и губерній, то увидимъ, что при общемъ сходствѣ между собою мѣстныхъ варіантовъ обряда, детали его измѣняются. Въ однѣхъ мѣстностяхъ онъ совершается ежегодно, въ другихъ въ три года или въ 5 лѣтъ разъ, въ однѣхъ весною, въ другихъ лѣтомъ, въ третьихъ осенью. Кромѣ того къ перечисленнымъ нами средствамъ, считающимся дѣйствительными противу шайтановъ, прибавляются новыя, какъ-то: шумъ, производимый трещетками, стрѣльба изъ ружей, прыганье черезъ огонь, втыканье въ землю горящихъ головней, ножей и т. под. (151). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, при прочихъ одинаковыхъ пріемахъ изгнанія нечистой силы, вовсе отсутствуетъ игра на трубѣ.

Если отъ черемисовъ мы перейдемъ къ другимъ нашимъ восточнымъ инородцамъ: вотякамъ, чувашамъ и зырянамъ, то и у нихъ найдемъ все тотъ же періодически совершающійся обрядъ „изгнанія бѣсовъ“, въ которомъ коекакіе изъ черемисскихъ пріемовъ повторяются съ прибавкою все новыхъ и

новыхъ деталей. Такъ напримѣръ, у вотяковъ обрядъ, сопровождаемый тѣми же пріемами, что и у черемисъ, совершается чаще т. е. два раза въ годъ въ іюнѣ и въ декабрѣ (152). У зырянъ Архангельской губерніи онъ совершается на Богоявленіе, а къ черемискимъ пріемамъ прибавляется быстрое катанье на лошадяхъ и на оленяхъ вокругъ села и по улицамъ его, сопровождаемое криками (153). У чувашъ трубу замѣняютъ скрипкой, кнуты— прутьями вербы, а къ выколачиванью стѣнъ, заборовъ и проч. прибавляютъ хлестаніе вербой всѣхъ, попадающихъ навстрѣчу, прохожихъ (154).

Если мы теперь будемъ сличать одинъ и тотъ же обрядъ у всѣхъ упомянутыхъ инородцевъ во всѣхъ его деталяхъ, то убѣдимся, что однѣ изъ этихъ деталей измѣняются, другія остаются постоянными. Измѣняется время совершенія обряда и большая часть пріемовъ для изгнанія бѣсовъ, а неизмѣнными остаются: 1) идея обряда „изгнанія нечистой силы", 2) его періодичность, 3) нѣкоторые изъ пріемовъ, какъ-то: шумъ всякаго рода и хлестаніе и 4) передвиженіе изгоняющихъ по улицамъ деревни.

Расширяя еще болѣе область нашихъ наблюденій и вводя въ сферу ихъ все новые и новые народы, мы увидимъ, что обрядъ, насъ интересующій, далеко не составляетъ исключительной принадлежности нашихъ восточныхъ инородцевъ, что онъ распространяется не только по всей Европѣ, но въ Азіи, въ Африкѣ и даже въ Америкѣ.

Возьмемъ первую и самую главную изъ найденныхъ нами, наиболѣе постоянныхъ деталей обряда, идею о возможности изгнанія изъ данной мѣстности нечистой силы и посмотримъ, у какихъ народовъ она существуетъ и какіе пріемы ими для этого употребляются. Мы найдемъ такимъ образомъ изгнаніе духовъ у нѣмцевъ при помощи шума (155), у лужичанъ-стрѣльбой изъ ружья и щелканьемъ хлыстами (156), у месховъ (одного изъ грузинскихъ племенъ)—прыганьемъ черезъ костры (157), въ Тибетѣ—трубленіемъ въ раковины, барабаннымъ боемъ и зажженными факелами (158) и, наконецъ у туземцевъ Никобарскихъ островов—шумомъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ у этихъ послѣднихъ такъ прекрасно иллюстрируетъ вѣрованье первобытнаго человѣка въ матерьяльность злыхъ духовъ и такъ поразительно близокъ къ черемисскому обряду, что мы позволимъ себѣ разсказъ о немъ передать здѣсь цѣликомъ:

„Одинъ разъ въ году...., они строятъ большой челнокъ; „минловенъ", или жрецъ, приказываетъ подвозить этотъ челнокъ вплоть къ каждому дому, и тогда, съ помощью поднимаемаго имъ шума, онъ принуждаетъ всѣхъ злыхъ духовъ покинуть жилище и войти въ челнокъ, при этомъ всѣ присутствующіе мужчины, женщины и дѣти помогаютъ ему въ его заклинаніяхъ; когда всѣ духи выгнаны, всѣ двери запираются и лѣстница отнимается прочь (никобар-

скіе дома строятся на столбахъ въ 8 или 9 футовъ высотою), послѣ такого очищенія всѣхъ домовъ, челнокъ оттаскивается на берегъ моря, гдѣ скоро уносится волнами со всѣмъ своимъ грузомъ чертей" (159).

Этотъ рядъ фактовъ доказываетъ намъ, что вѣра въ возможность изгнанія бѣсовъ пріемами, употребляющимися у нашихъ восточныхъ инородцевъ, принадлежитъ къ числу международныхъ. Если затѣмъ мы обратимся къ этнографическому матерьялу другихъ народовъ земного шара, то найдемъ новый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что разные народы, продѣлывая періодически рядъ такихъ же пріемовъ, какъ черемисы, цѣль ихъ объясняютъ нѣсколько иначе. Такъ въ Голландіи и въ Германіи стрѣльбой прогоняютъ колдуній (160). Ломжинскіе поляки разведеніемъ костровъ предохраняютъ себя отъ чаръ колдуній (161). Тульскіе великороссы прыганьемъ черезъ огонь отгоняютъ болѣзни и призоры (162). Кашубы (славянское племя) адскимъ шумомъ прогоняютъ старый годъ (163), а калифорнскіе индѣйцы ежегодно изгоняютъ духовъ усопшихъ, накопившихся въ продолженіе года (164) и т. д.

Можно было бы перечислить здѣсь цѣлый рядъ народовъ, сохранившихъ у себя такіе же обряды, какіе мы видѣли при „изгнаніи бѣсовъ", но цѣли, съ которыми совершаются эти обряды, варьируются до безконечности. Одинъ народъ желаетъ предохранить себя отъ какого-либо особенно вреднаго, злого духа, другой думаетъ избавиться отъ какой-либо спеціальной болѣзни, третій — отъ дикихъ звѣрей, града, молніи или неурожая, одинъ совершаетъ обрядъ для того, чтобы земля была плодороднѣе или чтобы былъ урожай, другой чтобы у женщинъ были легкіе роды или чтобы вѣдьмы не отбирали молока и т. д. Но при всемъ разнообразіи этихъ цѣлей въ нихъ видна одна общая мысль, что совершеніе обряда избавляетъ человѣка отъ зла, а зло представляется какъ бы въ видѣ живаго существа, на которое дѣйствуютъ одни и тѣ же устрашающіе пріемы.

Наконецъ у многихъ народовъ цѣль періодическаго совершенія обряда уже давно забыта, а онъ все-таки повторяется изъ года въ годъ въ силу многовѣковой привычки, во исполненіе дѣдовскихъ преданій или просто для развлеченія.

Что касается пріемовъ, изъ которыхъ обрядъ состоитъ, то они также разнообразны до безконечности, но сводятся въ общемъ къ слѣдующимъ: 1) Огонь въ различныхъ видахъ, какъ-то: костры, пылающія деревья, зажженные факелы, смоляныя бочки, горящія колеса, тлѣющіяся головни, прыганье черезъ огонь, бѣганье вокругъ огня и т. д.; 2) вода, въ которой купаются, или которою обливаютъ и опрыскиваютъ; 3) травы и разныя растенія, издающія запахъ то въ свѣжемъ видѣ, то при сжиганіи на

огнѣ, то дѣйствующія своимъ прикосновеніемъ, то самымъ своимъ присутствіемъ; 4) шумы всякаго рода, крики, пѣніе, игра на всевозможныхъ музыкальныхъ инструментахъ, выстрѣлы, бряцаніе оружіемъ; 5) магическіе жесты, магическіе возгласы, магическія формулы, наговоры и молитвы; 6) быстрыя движенія всякаго рода: скаканіе на лошадяхъ, бѣганье, пляска; 7) обхаживанье вокругъ извѣстнаго мѣста, очерчиванье его заколдованнымъ кругомъ и 8) удары и маханія по воздуху, кнутами, бичами, прутьями, палками и всякаго рода оружіемъ, по землѣ, по постройкамъ и даже по людямъ. Количество такихъ пріемовъ въ обрядѣ и ихъ сочетанія между собой разнообразятся также до безконечности, начиная съ одного какого-либо изъ нихъ и кончая самой сложной комбинаціей всевозможныхъ пріемовъ.

Расширяя еще болѣе область нашихъ изслѣдованій, мы увидимъ, что интересующій насъ обрядъ совершается не только періодически, но даже и безъ всякой періодичности въ разные болѣе или менѣе важные моменты человѣческой жизни, при которыхъ предполагается или предполагалась прежде возможность вреда со стороны нечистой силы.

Къ періодическимъ обрядамъ относятся: кромѣ „изгнанія бѣсовъ“ наше празднованіе Ивана Купала, польскія собутки, западно-европейскіе огни Ивановскіе, Петровскіе, Пасхальные, Рождественскіе и т. под.

Къ случайнымъ же или экстраординарнымъ принадлежатъ: такъ называемыя „опахиванья“, совершаемыя для предохраненія людей или домашнихъ животныхъ отъ эпидемическихъ болѣзней, обряды для отогнанія грозовыхъ тучъ, обряды во время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній, обряды, совершаемые для предохраненія отъ злыхъ духовъ роженицы и новорожденнаго, новобрачныхъ на свадьбѣ, больного во время его болѣзни, покойника во время похоронъ и т. п.

Если ко всему сказанному мы прибавимъ, что перечисленными здѣсь пріемами, служащими для отогнанія нечистой силы, сопровождаются также всякаго рода богослуженія у всѣхъ народовъ земного шара, то увидимъ, что нѣтъ почти ни одного болѣе или менѣе важнаго момента въ жизни народной и въ жизни отдѣльнаго человѣка отъ его рожденія и до могилы, гдѣ бы не имѣли мѣста разсматриваемые нами обряды, имѣвшіе когда-то своей цѣлью „изгнаніе бѣсовъ“.

Само собою разумѣется, что при своей обширной распространенности и при своей универсальности, какъ средство въ борьбѣ со всякаго рода зломъ, обрядъ „изгнанія бѣсовъ“ сравнительно рѣдко встрѣчается въ томъ чистомъ видѣ, какъ мы его находимъ у нашихъ восточныхъ инородцевъ; обыкновенно онъ входитъ въ комбинаціи со всевозможными культами, когда либо бывшими у человѣчества, а въ огромной массѣ случаевъ является даже просто риту-

зломъ, которымъ человѣчество на каждомъ шагу сопровождаетъ всевозможныя свои дѣйствія, имѣющія отношенія къ религіи.

Отсюда ясно, что разсмотрѣть приводимый нами обрядъ въ настоящемъ очеркѣ, сколько нибудь обстоятельно нѣтъ никакой возможности. Если же мы здѣсь заговорили о немъ, то только для того, чтобы освѣтить рядъ обычаевъ съ трубами, которые мы намѣреваемся здѣсь привести, выяснить себѣ ихъ значеніе въ народной жизни и связь ихъ между собою, указывающую на общность ихъ происхожденія. Придерживаясь принятаго нами порядка, мы обратимся прежде всего къ обычаямъ, повторяющимся періодически; ихъ можно подраздѣлить: 1) на такіе, которые справлялись или справляются въ весеннее полугодіе, т. е. въ періодъ времени отъ зимняго солнцестоянія до лѣтняго и 2) такіе, которые приходятся на осеннее полугодіе отъ лѣтняго солнцестоянія до зимняго. Къ первымъ надо отнести слѣдующіе;

Въ древнемъ Римѣ 1-го Марта, въ день празднества Марсу, саліи (служители бога войны) въ полномъ вооруженіи танцовали подъ звуки трубы и при этомъ ударяли копьями по священнымъ щитамъ (165). Здѣсь пріемы, употребительные при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ", какъ-то: удары оружіемъ, шумъ, пляска и звуки трубы, повидимому, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а являются только въ видѣ ритуала къ культу бога войны.

Быть можетъ, подобное же значеніе имѣли они когда-нибудь и въ обычаѣ современныхъ французскихъ крестьянъ (въ провинціяхъ Артуа и Булёнэ) разводить костры на горахъ въ первое воскресенье великаго поста (Сareme), но въ этомъ послѣднемъ случаѣ не сохранилось слѣдовъ какого-либо культа, а потому обычай въ общемъ и въ деталяхъ весьма близокъ къ черемисскому обряду „изгнанія бѣсовъ". Праздникъ начинается съ того, что дѣти обоего пола сходятся въ назначенное мѣсто и оттуда отправляются по деревнѣ для сбора горючаго матерьяла, причемъ даютъ знать о своемъ прибытіи трубными звуками. Вечеромъ разводятся костры на горахъ, и всѣ, отъ мала до велика, собравшись около костровъ, пляшутъ, кричатъ, трубятъ въ трубы и стрѣляютъ изъ револьверовъ. Цѣль, для которой совершается этотъ обычай, уже забыта, но, повидимому, онъ принадлежитъ къ числу весьма древнихъ, такъ какъ о существованіи такого обычая въ Пикардіи и въ другихъ мѣстностяхъ Франціи въ 13 и 14 столѣтіяхъ сохранились историческія свидѣтельства (166).

Въ Англіи есть такъ—называемый „праздникъ плуга", устраиваемый ежегодно въ первый понедѣльникъ послѣ Крещенія. Подробности этого праздника видоизмѣняются въ зависимости отъ мѣстности, но въ общихъ чертахъ онъ состоитъ въ томъ, что нѣсколько молодыхъ людей, увѣшанныхъ

разноцвѣтными ленточками, волокутъ отъ дома до дома плугъ, сопровождаемые музыкой и толпой товарищей, одѣтыхъ молотильщиками, жнецами, кузнецами, мельниками, шутами и т. под. Эта веселая процессія, кромѣ музыки, сопровождается криками, щелканьемъ бичей и пронзительными звуками воловьихъ роговъ (167).

Здѣсь разнаго рода шумы, производимые процессіей, напоминаютъ обрядъ „изгнанія бѣсовъ", что же касается плуга, то по всей вѣроятности въ древнія времена его не волокли отъ дома къ дому, а опахивали имъ селеніе. какъ это дѣлается у насъ въ Россіи во время скотскихъ эпидемій, для изгнанія „коровьей смерти" съ той только разницей, что у насъ этимъ дѣломъ занимаются женщины.

Кромѣ того въ Англіи же въ Финистерѣ (Lands End) и въ Оксфордѣ, ежегодно, въ первые дни мая мѣсяца молодые люди трубятъ въ рогъ, а дѣвушки въ это время плетутъ себѣ вѣнки. Говорятъ, что это очень древній обычай въ честь Тарана или Таракно, бога лѣта у древнихъ британцевъ (169).

Въ Швеціи тотъ день, когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, съ незапамятныхъ временъ считается большимъ праздникомъ. Онъ приходится каждый годъ въ различныя числа, смотря по погодѣ, но чаще всего около половины мая. Празднество начинается еще наканунѣ тѣмъ, что повсюду зажигаютъ огни, надѣясь предохранить такимъ образомъ скотъ отъ дикихъ звѣрей. Въ тоже время деревенскіе парни всю ночь разъѣзжаютъ по лѣсу, стрѣляютъ изъ ружей, трубятъ въ рога и производятъ всевозможный шумъ (170). У древнихъ литовцевъ былъ также пастушескій праздникъ подъ названіемъ Sekmine, который приходился около половины мая и также сопровождался игрою на трубѣ (171).

У поляковъ галицiйскихъ, въ окрестностяхъ города Кракова, справлялся прежде обычай, извѣстный подъ именемъ „Коника Звѣжинецкаго". Во второй четвергъ праздника „Божьяго тѣла" (въ іюнѣ мѣсяцѣ) человѣкъ, замаскированный всадникомъ, на конѣ, сдѣланномъ изъ палокъ и тряпокъ, и одѣтый по татарски въ желтыхъ сапогахъ и съ булавою, ѣздилъ подъ звуки музыки: трубъ и литавръ (172). Историческаго значенія этому обычаю нельзя придавать, такъ какъ безъ татарскаго костюма онъ соблюдается и у поляковъ Ропчицкаго уѣзда (въ Галиціи же) на остатки или бекусы (т. е. въ послѣдніе дни масляницы). Тамъ молодой человѣкъ, также замаскированный всадникомъ и также на искусственномъ конѣ, ѣдетъ улицей села и трубитъ, останавливаясь подъ окнами хозяевъ, чтобы получить отъ нихъ какой нибудь подарокъ (173).

Въ Царствѣ польскомъ въ городѣ Гродискѣ Блонскаго уѣзда Варшав-

ской губ. въ ночь на Ивана Купала костровъ не жгутъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, но молодые парни бѣгаютъ по городу съ зажженными факелами и трубятъ въ деревянныя трубы.

Вотъ и все, что мы могли подыскать въ литературѣ и собрать записью отъ народа объ обычаѣ трубить ежегодно въ весеннее полугодіе.

Въ осеннее полугодіе этотъ обычай наблюдается также у многихъ европейскихъ народовъ.

Такъ у венгровъ есть вѣрованье, что въ день Св. Люціи, 13 декабря, колдуньи рыскаютъ повсюду, а потому во многихъ мѣстностяхъ Венгріи въ этотъ день пастухи ходятъ вокругъ деревень съ трубами въ увѣренности, что звуки этихъ инструментовъ разгоняютъ вѣдьмъ (174).

У чеховъ въ Брезницѣ Писецкаго округа, какъ намъ передавалъ профессоръ Варшавскаго Университета, Ѳ. И. Езбера, происходящій родомъ изъ названной мѣстности, пастухи, наканунѣ Рождества ходятъ подъ окнами домовъ и трубятъ въ трубы, за что получаютъ отъ хозяевъ мелкія деньги и vánocky (особаго рода булки).

Совершенно подобный же обычай существуетъ и у галицкихъ гуцуловъ; тамъ рождественскія колядн сопровождаются игрою на трубахъ (175).

Кромѣ того трубленіе въ осеннее полугодіе совершается у поляковъ Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой губерній, у русскихъ Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ., у литовцевъ, у современныхъ евреевъ, у черемисъ и у мингрельцевъ. Но мы имѣемъ относительно обычаевъ этихъ народовъ такой обильный матерьялъ, что помѣщаемъ его ниже, въ отдѣльной главѣ.

Въ Тибетѣ, кромѣ того, что трубленіемъ въ морскія раковины встрѣчаютъ Новый годъ, празднующійся въ зимнее время (176), существуетъ еще обычай ежемѣсячнаго изгнанія бѣсовъ. „Въ былое время, говорятъ тибетцы, „бѣсы часто появлялись въ нашей странѣ; люди и животныя отъ нихъ заболѣвали, коровы не давали молока; они пробирались даже въ кельи тамъ и нарушали храмовое пѣніе. Ночью они толпами собирались въ близкомъ оврагѣ, кричали и стонали не человѣческимъ голосомъ. Наконецъ, одинъ благочестивый монахъ придумалъ ночныя молитвы и съ тѣхъ поръ не стало болѣе злыхъ духовъ“. И вотъ такого рода молитвы повторяются въ Тибетѣ 28-го числа каждаго мѣсяца. На всѣхъ домахъ укрѣпляются на шестахъ красные фонари; ламы, одѣтые по праздничному, сидятъ на крышахъ домовъ и поютъ молитвы, а такъ какъ въ молебствіи непремѣнно должны участвовать всѣ ламы, то число ихъ иногда доходитъ до 4000 человѣкъ. Вдругъ пѣніе на крышахъ умолкаетъ и раздаются звуки трубъ, ударяютъ въ колокола, слышатся протяжные звуки морскихъ раковинъ, бьютъ въ барабаны,

все это въ дикомъ безпорядкѣ и съ тремя промежутками. Къ тому же всѣ ламы вдругъ начинаютъ ревѣть какъ дикіе звѣри и поднимаютъ несносный крикъ. Этимъ и кончается молебствіе; фонари тухнутъ, ламы возвращаются въ кельи и все опять успокаивается (177).

В. Мошковъ.

(Продолженіе будетъ).

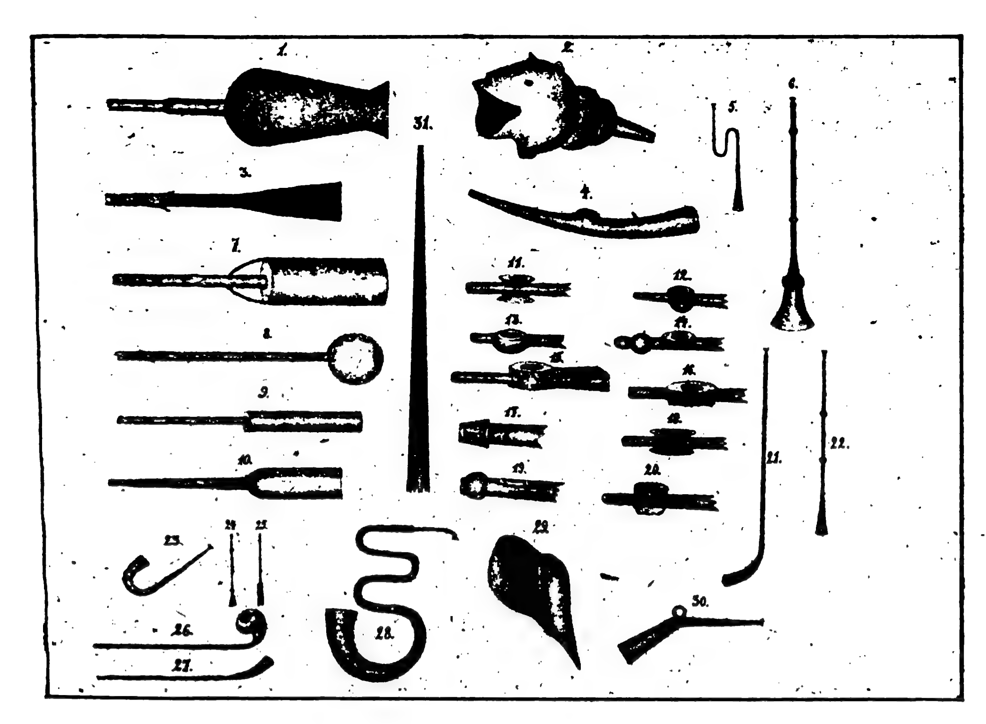

Таблица I.

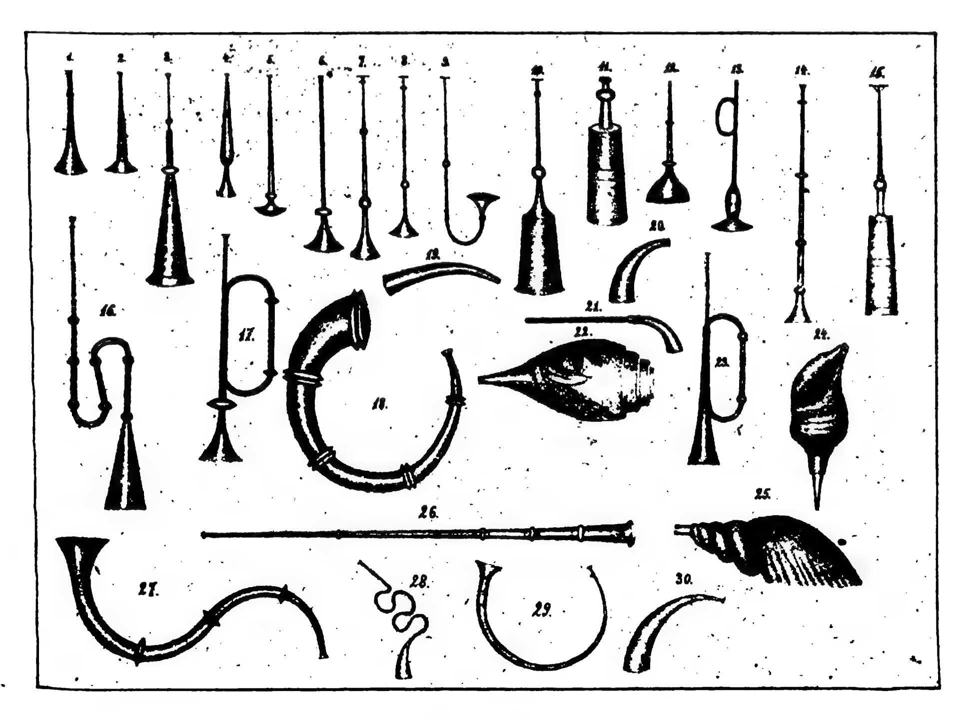

Таблица II.

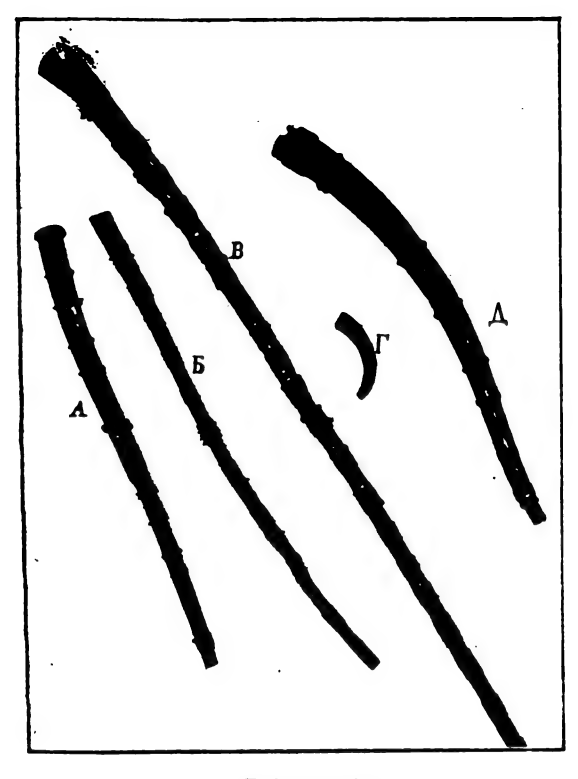

Таблица III.

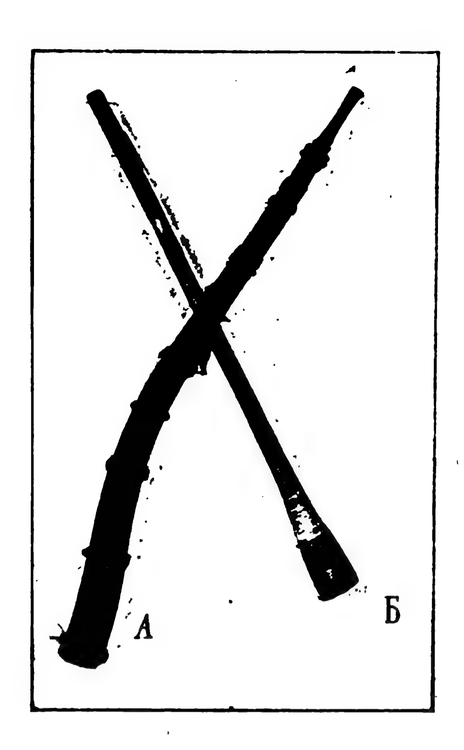

Таблица IV.

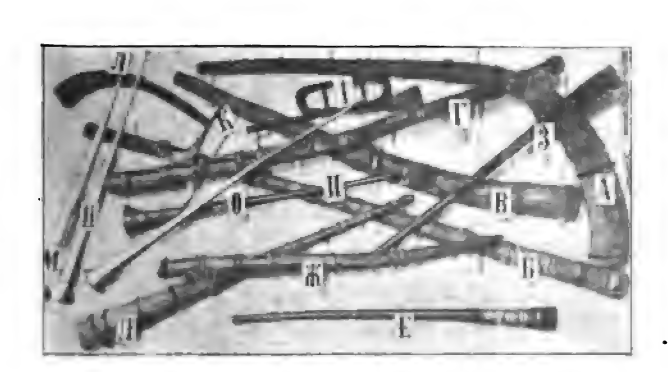

Таблица V.

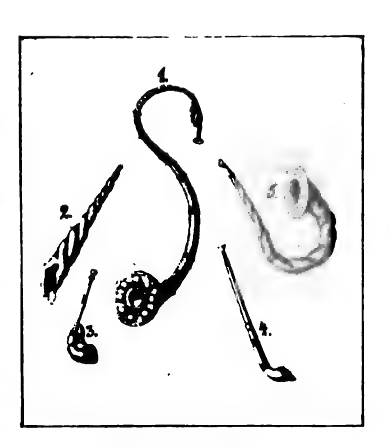

Таблица VI.

Хунъ-ну и Гунны.

(Библіографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изслѣдованіе есть извлеченіе, съ нѣкоторыми дополненіями, изъ моей студенческой работы на ту-же тему. Сначала, за недостаткомъ времени, я предполагалъ напечатать эту работу черезъ нѣсколько лѣтъ; съ тѣхъ поръ однако мои занятія обратились въ область, имѣющую очень мало общаго съ древнѣйшей этнографіей средней и сѣверо-восточной Азіи, а появленіе изслѣдованій проф. Хирта почти черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ гунскій вопросъ обсуждался въ послѣдній разъ (извѣстной полемикой В. Г. Васильевскаго и Д. И. Иловайскаго въ 1882 г. и Хоуорсомъ на шестомъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Лейденѣ въ 1883 г.), послужило доказательствомъ того, что этотъ вопросъ все еще настойчиво требуетъ разъясненія.

Располагая сравнительно большимъ количествомъ собраннаго и даже систематизированнаго матеріала, я рѣшилъ дать „библіографическій обзоръ“, основываясь на томъ соображеніи, что наука быстро идетъ впередъ и подобнаго рода обзоръ можетъ очень пригодиться будущимъ изслѣдователямъ. Въ наукѣ бываютъ иногда вопросы, литература о которыхъ настолько обширна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько запутана и разбросана, что является время отъ времени необходимость привести въ порядокъ всѣ высказанныя мнѣнія и оцѣнить ихъ значеніе. Такова моя задача.

Гунскій вопросъ, понимаемый въ широкомъ смыслѣ, заключаетъ въ себѣ какъ историко-этнографическую, такъ и чисто историческую сторону. Къ первой относится опредѣленіе этнографической принадлежности Хунъ-ну и Гунновъ, ко второй—взаимныя отношенія этихъ двухъ народовъ. Историко-этнографическая сторона вопроса распадается въ свою очередь на двѣ части:

опредѣленіе происхожденія Хунъ-ну и опредѣленіе происхожденія Гунновъ. Такимъ образомъ, гунскій вопросъ во всей совокупности распадается на слѣдующія три части: 1) выясненіе этнографической принадлежности Хунъ-ну, 2) выясненіе этнографической принадлежности Гунновъ и 3) взаимныя отношенія этихъ двухъ народовъ.

Какъ ни обширна литература по нашему вопросу, однако до сихъ поръ не было сдѣлано попытки дать по возможности полный и подробный обзоръ всѣхъ сочиненій, посвященныхъ ему. Краткіе-же обзоры нѣкоторыхъ изслѣдователей отличаются, какъ увидимъ ниже, неполнотою, а иногда прямо таки ошибочностью. Часть вопроса, именно отношенія Хунъ-ну и Гунновъ, въ самое послѣднее время была подробно разобрана проф. Хиртомъ, однако безъ историческаго обзора литературы по этому предмету. Литература историко-этнографической стороны тоже не приведена въ порядокъ.

Въ подобнаго рода библіографическомъ обзорѣ играетъ громадное значеніе классификація. По мнѣнію большинства изслѣдователей, гунскій вопросъ (понимаемый въ широкомъ смыслѣ) разсматривался съ точки зрѣнія трехъ теорій: монголизма, турчизма, и финнизма. При ближайшемъ разборѣ матеріала я долженъ былъ уклониться отъ общаго мнѣнія. Такъ, я выдѣлилъ въ особую (первую) главу двухъ изслѣдователей, стоявшихъ на совершенно особой точкѣ зрѣнія и поэтому чуждой какой-либо изъ трехъ вышеупомянутыхъ теорій. Въ послѣднюю (пятую) главу я выдѣлилъ касающіяся только части вопроса теоріи славянства и турчизма Гунновъ. Сюда же я включилъ обзоръ изслѣдованій проф. Хирта объ отношеніяхъ Хунъ-ну и Гунновъ. Такимъ образомъ, эта послѣдняя глава не заключаетъ въ себѣ, подобно четыремъ предъидущимъ, обзора мнѣній представителей опредѣленной теоріи, а скорѣе обзоръ современнаго состоянія отдѣльныхъ частей вопроса.

I.

Ученые миссіонеры XVIII-го вѣка и значеніе ихъ изслѣдованій въ изучаемомъ нами вопросѣ.—Дегинь и его исторія Гунновъ.—Политическая классификація народовъ Средней Азіи.—Дегинь—не сторонникъ монголизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Мнѣніе Дегиня въ новѣйшее время: Каёнъ и его сочиненіе.

Исторія народа, извѣстнаго подъ именемъ Хунъ-ну, тѣсно связана съ событіями древней исторіи Китая и потому естественно, что въ первыхъ-же сочиненіяхъ объ исторіи этого государства, мы встрѣчаемся и съ кочевниками, жившими къ сѣверу отъ Срединной имперіи, съ Хунъ-ну. Первыми

работами о Китаѣ обязаны мы миссіонерамъ-іезуитамъ, преимущественно французамъ. Они открыли Европѣ цивилизацію далекаго Востока, они, не жалѣя силъ и трудовъ, отправлялись за тысячи миль и селились среди народа, до тѣхъ поръ почти совершенно неизвѣстнаго, они-же старались содѣйствовать распространенію христіанства, что составляло по самому ихъ званію главную задачу. Въ то время какъ одни, въ самомъ Китаѣ, составляли астрономическія таблицы и строили обсерваторіи, изучали китайскій языкъ и его письменность, собирали и переводили лѣтописи и другія сочиненія, ѣздили съ одного конца обширной имперіи до другого и т. д., оставшіеся на родинѣ собирали извѣстія, присылаемыя ихъ собратьями, и, издавая ихъ, знакомили европейцевъ съ далекимъ, невѣдомымъ міромъ. Такія имена, какъ Вербистъ, Шаль, Жербильонъ, съ одной стороны, и Дюгальдъ, съ другой—навсегда останутся памятными въ исторіи востоковѣдѣнія. Исторіи Китая они удѣляли много труда и можно сказать, что ихъ работы до сихъ поръ имѣютъ громадное значеніе. Мы должны назвать Мальи, Аміо, Біо, Сибо, Гобиля, Грозье и др., которые извѣстны всякому, даже немного знакомому научно съ Китаемъ. Первому напр. принадлежитъ лучшая до сихъ поръ въ европейской литературѣ исторія Китая *).

Разработывая исторію Китая, миссіонеры касались и исторіи нѣкоторыхъ другихъ народовъ, входившихъ въ различныя сношенія съ китайцами. Приходилось имъ касаться и Хунъ-ну. Но они занимались ими только попутно, въ связи съ исторіей Срединнаго царства, а не ради самихъ народовъ, не для выясненія ихъ происхожденія и исторіи. Этихъ Хунъ-ну они, не сомнѣваясь, считали Гуннами. Никакихъ доказательствъ они не приводили—отожествленіе было основано исключительно на сходствѣ именъ. Вотъ напр. какъ выразился патеръ Гобиль (Gaubil, Traité de la Chronologie Chinoise, éd. Sylvestre de Sacy, 1814, p. 58). „Эти Хунъ-ну безспорно тѣ, которыхъ европейская исторія называетъ Гуннами“.

Фактами, сообщенными этими учеными, съ добавленіемъ многихъ другихъ изъ китайскихъ лѣтописей, воспользовался французскій ученый, профессоръ Французской коллегіи Дегинь (Deguignes). Онъ задался цѣлью прослѣдить историческій ходъ переселеній народовъ съ Востока на Западъ, изъ Азіи въ Европу и дать полную исторію этихъ движеній. Сначала онъ напечаталъ „Mémoire sur l'origine des Huns et des Sures“ (Paris, 1748) **),

*) Въ данномъ случаѣ мы основываемся на мнѣніи нашего покойнаго историка—синолога проф. С. М. Георгіевскаго. См. его «Первый періодъ китайской исторіи», стр. 185.

**) Мы, къ несчастью, не могли воспользоваться этой книгой, такъ какъ ея нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ, а выписать оказалось невозможнымъ, такъ какъ она - библіографическая рѣдкость.

а затѣмъ выпустилъ знаменитую четырехтомную „Histoire générale des Huns, des Turcs et des autres Tartares Occidentaux“ (Paris, 1756—8). Главная его заслуга состоитъ въ сопоставленіи китайскихъ извѣстій съ европейскими. Его отожествленіи народовъ, упоминаемыхъ въ китайскихъ лѣтописяхъ, съ народами такъ называемаго „великаго“ переселенія, за немногими исключеніями вполнѣ удачно и признается до сихъ поръ вѣрнымъ. Но Дегинь жилъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, когда не существовало многихъ наукъ, съ которыми въ настоящее время исторія должна считаться—въ его время не было ни науки о языкѣ, ни этнографіи, ни этнологіи. Ясно, что Дегинь не могъ рѣшать нѣкоторые историческіе вопросы такъ, какъ мы рѣшаемъ ихъ теперь.

Основой классификаціи народовъ Средней Азіи этотъ ученый беретъ не принадлежность народа къ извѣстной этнографической группѣ, а политическое раздѣленіе. Поэтому Дегинь и не дѣлаетъ существеннаго различія между Тюрками и Монголами. Всѣ обитатели этой части Азіи называются у него вообще Татарами (les Tartares) и раздѣляются на восточныхъ и западныхъ. Первые, по его мнѣнію, тожественны съ восточными варварами китайскихъ лѣтописей, а вторые съ западными. Восточные Татары, по Дегиню, тѣ народы, которыхъ мы теперь называемъ народами тунгузскаго и корейскаго племенъ, какъ то: То-ба (To-ba), Сянь-би (Sien-pi) и др. (T. I. P. I, pp. 179—212). За ними онъ признаетъ гораздо менѣе важную роль, чѣмъ за Татарами западными, которые и служатъ главнымъ предметомъ его сочиненія. Къ нимъ-то и относятся занимающіе насъ Хунъ-ну. Поэтому, мы остановимся на нихъ дольше и разсмотримъ то, что сообщилъ Дегинь.

„Римскіе историки“, говоритъ онъ: „знали ихъ (т. е. западныхъ Татаръ) подъ именемъ Гунновъ и разсказали много басенъ о происхожденіи этого народа, не говоря о томъ, откуда онъ пришелъ. Въ Татаріи они назывались Хунъ-ну (Hiong-nou) и основали большое государство, которое было разрушено китайцами. Тогда они разсѣялись. Одни пошли на западъ и впослѣдствіи вступили въ Римскую имперію. Всѣ знаютъ нашествіе знаменитаго Аттилы. Другіе остались на границахъ Китая и были разбиты только татарами Жу-жень (Gou-gen). Нѣкоторые поселились въ Китаѣ, гдѣ образовали много государствъ. Они были совершенно обезсилены или, по крайней мѣрѣ, не имѣли никакого значенія въ Татаріи, когда одинъ изъ вождей этого народа, по имени Ту-мынь (Tou-muen) сталъ во главѣ многихъ ордъ и образовалъ новое государство. Эти народы назывались тогда Турками. Они завладѣли всей Татаріей“. Далѣе онъ говоритъ, что „Чингизъ-ханъ происходилъ изъ монгольскаго народа, составлявшаго часть народа турецкаго“. Вышеприведенныя строки, взятыя нами изъ первой части перваго тома (pp. 213—215), которая посвящена генеалогическимъ таблицамъ государей,

правившихъ въ Азіи, выражаютъ, по нашему мнѣнію, достаточно ясно точку зрѣнія Дегиня. Мы видимъ, что онъ строго придерживался политической классификаціи. Разъ мы установимъ, что этотъ авторъ излагалъ только политическую исторію, очевидно, что онъ не былъ ни сторонникомъ монголизма, ни турчизма, ни финизма. Для него не существуетъ этнографическихъ различій, что можно видѣть изъ неоднократно высказываемыхъ имъ взглядовъ. Онъ признаетъ Хунъ-ну тожественными и съ Турками, и съ Монголами *).

Только одно мѣсто во всемъ сочиненіи могло-бы казалось дать поводъ думать, что Дегинь признавалъ нѣкоторое этнографическое различіе. Въ примѣчаніи на стр. 114 части II-й, тома I-го, онъ сказалъ слѣдующее: „Раздѣленіе имперіи Хунъ-ну на сѣверныхъ и южныхъ (48 г. по Р. Х.), кажется, имѣетъ большое отношеніе къ раздѣленію турецкаго государства на Монголовъ и Татаръ. Первые—Хунъ-ну сѣверные, вторые—южные“. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ авторъ старался примирить, вслѣдствіе обилія бывшихъ у него подъ руками источниковъ, тюркскія преданія мусульманской редакціи съ историческими фактами, сообщаемыми китайскими лѣтописями. Мы заключаемъ это изъ того, что раньше на стр. 5—12 II-й ч. I-го т., онъ изложилъ преданія, сообщенныя Абуль-Гази, въ одномъ изъ которыхъ говорится, что отъ общаго предка Тюрка произошли два брата, близнецы-ханы Татаръ и Монголъ. Весьма вѣроятно, что въ этомъ преданіи содержится какое-нибудь историческое воспоминаніе; какое — сказать трудно. Замѣтимъ, что у Дегиня замѣчается здѣсь нѣкоторая путаница. Взявъ извѣстіе Абуль-Гэза, что отъ Монголъ-хана происходятъ Монголы, а отъ Татаръ-хана-Татары, онъ не выяснилъ, кто такіе эти послѣдніе. Самъ онъ назвалъ Татарами всѣхъ жителей Средней Азіи—и тюрковъ, и монголовъ, и тунгузовъ и др. Судя-же по этому примѣчанію, Татары, по его мнѣнію, лишь часть тюрковъ. На стр. 368 II-й части I-го тома онъ, приступая къ изложенію исторіи восточныхъ тюрковъ, выводитъ ихъ, сообразуясь съ исторіей, изъ сѣверныхъ Хунъ-ну, которыхъ онъ въ вышеназванномъ примѣчаніи назвалъ Монголами. Поэтому, на одной и той-же страницѣ (368) онъ называетъ этихъ восточныхъ тюрковъ и тюрками, и монголами **).

---

*) Приведемъ нѣкоторые примѣры: «Гунны впослѣдствіи носили имя Турокъ» (T. I p. I, p. V). «Турки Татаріи происходили отъ древнихъ Хунъ-ну» (T. I, p. I, p. 225) «Исторія сохранила намъ только извѣстіе о времени нѣкоторыхъ вторженій этихъ народовъ (т. е. Гунновъ) или скорѣе Татаръ вообще» (T. I, p. II, p. 16). «Монголы, по словамъ всѣхъ писателей, особая орда, происшедшая отъ турецкаго народа» (T. I, p. I, p. 272) и т. д. см. T. I, p. II, p. 13, т. I, p. II, p. 368, т. II, p. 2 и др.

**) При полномъ отсутствіи точныхъ данныхъ возникли различныя предположенія. О. Іакинѳъ Бичуринъ, также старавшійся согласовать эти извѣстія («Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи». Введеніе къ первой части, стр. I—II), думалъ, что отъ Монголъ-хана произошелъ домъ Хунъ-ну, а отъ Татаръ-хана—домъ Дунъ-ху. И тѣ, и другіе были,

Разсмотрѣвъ мнѣнія Дегиня относительно происхожденія народа Хунъ-ну, перейдемъ къ воззрѣніямъ его на отношенія Хунъ-ну къ европейскимъ Гуннамъ. Тожество этихъ двухъ народовъ кажется Дегиню, какъ и предшествовавшимъ ему миссіонерамъ, несомнѣннымъ. Къ этому отожествленію склонило его конечно сходство именъ. Вопросъ о происхожденіи имени Хунъ-ну, подавшій впослѣдствіи поводъ къ многочисленнымъ спорамъ, разрѣшается имъ очень просто. Сообщивъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ при императорѣ Яо, т. е. за 2000 лѣтъ до Р. Х., назывался Шань-іонъ (Chanyong т. е. Шань-жунъ), черные варвары, при Шанской династіи Гуй-фанъ (Kuci-fang), при Чжу Хянь-юнь (Hien-yun), при Ханяхъ Хунъ-ну (Hiong-nou), онъ прибавляетъ: „это слово (Hiong-nou) можетъ быть переведено по китайски—несчастные рабы; но я думаю, что это татарское слово, которое китайцы выражали двумя знаками, образующими тотъ-же звукъ. Это слово измѣнено, какъ всѣ иностранныя слова, которые они хотятъ выражать на своемъ языкѣ. Однако, оно можетъ быть китайское по происхожденію; нерѣдко въ татарскомъ языкѣ встрѣчаются подобнаго рода имена“. (прим. Т. I, р. II, р. 13). Онъ, повидимому, не думалъ, что Гунны образовались сразу, путемъ единичнаго случая раздѣленія хуннуской орды, будь то въ половинѣ I-го вѣка до Р. Х. (когда Чжи-чжи, отдѣлившись отъ Ху-хань-а, пошелъ на западъ), или въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. (изгнаніе сѣверныхъ Хунъ-ну). Изъ его словъ скорѣе можно заключить, что это переселеніе происходило въ теченіе большого промежутка времени, цѣлыми рядами движеній отдѣлявшихся отъ главной орды частей. Такъ, говоря, какъ Гунны въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. разбили у Яика (Урала) Алановъ, онъ замѣчаетъ, что эти послѣдніе не всегда жили тамъ, а тоже пришли съ востока и причину ихъ прихода видитъ въ смутахъ, происшедшихъ отъ расположенія Хунъ-ну около теперешняго Тобольска, во времена Чжи-чжи. Впрочемъ, главнымъ движеніемъ онъ кажется считалъ переходъ на Западъ части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ пораженія въ 93 г. по Р. Х., такъ какъ именно съ этого года онъ начинаетъ исторію западныхъ Гунновъ. Относительно тожества Хунъ-ну и Гунновъ онъ совершенно убѣжденъ; напр., говоря о раздѣленіи Хунъ-ну на южныхъ и сѣверныхъ и объ удаленіи послѣднихъ на Западъ, онъ говоритъ: „Это тѣ Гунны, которые перешли впослѣдствіи въ Европу, въ правленіе императора Валента“. (Т. I, р. I. р. 217).

по его мнѣнію, Монголы. Вотъ его слова: «Хунну, по азіатскимъ (онъ различаетъ китайскихъ и азіатскихъ историковъ, разумѣя подъ послѣдними мусульманскихъ) историкамъ Домъ Могулъ-хана... Хунъ-ну, по азіатскимъ историкамъ Домъ Татаръ-хана». Шмидтъ (Forschungen, стр. 11) не вѣрилъ въ возможность существованія этихъ хановъ.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу причисленія Дегиня къ представителямъ теоріи монголизма Хунъ-ну *). Нѣкоторые ученые считаютъ его даже создателемъ этой теоріи. По прочтеніи его сочиненія, мы сдѣлали тотъ выводъ, что въ отношеніи нашего вопроса онъ высказалъ слѣдующія два положенія: 1) Хунъ-ну было кочевое государство, изъ котораго впослѣдствіи возникло государство Тюрковъ, а затѣмъ и Монголовъ и 2) Гунны Аттилы—потомки части населенія хуннускаго государства, ушедшей на Западъ. Разсматривая вопросъ съ особой точки зрѣнія, считая Хунъ-ну не столько народомъ, сколько государствомъ, сторонники политической классификаціи должны, по нашему мнѣнію, стоять особнякомъ **).

Если Дегинь былъ сторонникомъ политической классификаціи народовъ Средней Азіи, то это объясняется тѣмъ, что въ его время не существовало никакой исторіи, кромѣ политической, не было, какъ мы уже сказали, ни этнографіи, ни лингвистики. Совсѣмъ иное отношеніе видимъ мы со стороны другого представителя этой-же классификаціи. Любопытно, что сторонникомъ ея, непосредственно за первымъ писавшимъ по нашему вопросу, нужно поставить современнаго намъ ученаго, сочиненіе котораго можетъ считаться какъбы послѣднимъ словомъ науки по древней исторій Средней Азіи. Мы говоримъ о французскомъ изслѣдователѣ г. Каёнъ (L. Cahun). Свои взгляды на происхожденіе Хунъ-ну онъ высказалъ вкратцѣ въ XVI-й главѣ II-го тома Всеобщей исторіи подъ редакціей Лависса и Рамбо. Подробнѣе-же онъ говорилъ въ спеціальномъ сочиненіи „Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405“ (Paris, 1895). Эта книга посвящена исторіи Средней Азіи съ древнѣйшихъ временъ до смерти Тимура. Въ ней, помимо фактовъ, изложены и собственныя воззрѣнія автора на нѣкоторые, не вполнѣ еще выясненные вопросы. Хотя въ нашу задачу входитъ только разсмотрѣніе мнѣнія Каёна о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, однако, для яснаго пониманія этого, мы должны ознакомиться и съ его классификаціей народовъ Средней Азіи.

Нашъ авторъ является убѣжденнымъ сторонникомъ политической классификаціи. Вотъ что онъ говоритъ, напримѣръ, о группировкѣ по племенамъ: „Въ этническомъ смыслѣ слова никогда не существовало ни расы, ни даже

*) Напр. П. П. Семеновъ на 400 стр. I-го тома русскаго перевода «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера (Спб. 1850) выразился такъ: «Дегинь, а въ настоящее время о. Іакинѳъ, считали Хунну за тождественное съ Гуннами Аттилы монгольское племя. Впрочемъ, высокоуважаемый географъ на стр. 630 того-же сочиненія нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе и считалъ Дегиня только сторонникомъ тожества Хунъ-ну и Гунновъ».

**) Мнѣнію Дегиня слѣдовали многіе историки XVIII-го вѣка, его современники. Таковы напр. Pray (Annales veteres Hunnorum, Vindobonae, 1761, стр. 1—60) и Гиббонъ (Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, русс. пер. ч. III).

племени гунскаго, мадьярскаго, тюркскаго, монгольскаго или маньчжурскаго, но существовали только политическія соединенія, носившія ихъ имена". Примѣръ этому авторъ видитъ въ потомкахъ монголовъ, завоевавшихъ Россію въ XIII-мъ вѣкѣ и говорящихъ, какъ и ихъ предки, на тюркскихъ діалектахъ. Можно распредѣлить", говоритъ онъ (р.р. 39—40): „по группамъ финно-угорскіе, тюркскіе, монгольскіе, маньчжурскіе языки, но нельзя распредѣлить по расамъ или естественнымъ видамъ (espèces naturelles); мы видимъ ихъ, насколько можемъ видѣть въ прошломъ, только какъ искусственныя соединенія, націи". Вопросъ о расѣ кажется г. Каёну не нужнымъ въ подобномъ случаѣ. Даже имена этихъ народовъ при филологическомъ разборѣ оказываются не этническими (?) именами, а опредѣляющими образъ жизни народа. Такъ у Абуль-Гази первые пять тюркскихъ народа называются: Кипчакъ, Уйгуръ, Канглы, Калачъ и Карлукъ. Кипчакъ значитъ степнякъ, Уйгуры—люди соединившіеся т. е. цивилизованные, Канглы—люди повозокъ и т. д. *).

Съ доводами этого ученаго мы, однако, не можемъ согласиться. Живущіе въ настоящее время въ Россіи народы, пришедшіе въ XIII-мъ вѣкѣ съ Монголами и говорящіе на тюркскихъ языкахъ, конечно, потомки тюрковъ, пришедшихъ подъ властью Монголовъ. Политически они были монголами, какъ теперь они русскіе, этнически-же они тюрки. Въ классификаціи по племенамъ съ насъ даже достаточно лингвистическихъ признаковъ. Мы называемъ тюрками народы, говорящіе по тюркски, а монголами — говорящіе по монгольски **). Мы согласны съ тѣмъ, что въ Средней Азіи болѣе частое, чѣмъ въ другихъ странахъ, измѣненіе политическихъ группъ способствовало измѣненію и скорѣйшему изчезновенію племенныхъ чертъ и ничего не имѣемъ противъ утвержденія нашего автора, что „взаимное проникновеніе народовъ, принадлежащихъ къ финно-угорской, тюркской, монгольской и маньчжурской группамъ, очень древне—и если не доказываетъ единства, то, по крайней мѣрѣ, остается свидѣтелемъ продолжительныхъ и часто повторявшихся сношеній", но не считаемъ возможнымъ отрицать распредѣленіе этихъ народовъ

*) Этотъ взглядъ г. Каёна, какъ и многіе другіе, былъ осужденъ критиками. Такъ В. В. Бартольдъ, въ рецензіи на это сочиненіе, помѣщенной въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1896, Іюль), сказалъ слѣдующее: «Непріятно поражаетъ пристрастіе автора къ этимологическимъ объясненіямъ личныхъ, географическихъ и этнографическихъ именъ», а г. Аристовъ (Замѣтка объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ, Живая Старина, 1896), прямо отказался, въ виду общаго признанія важности и возможности этнографической классификаціи, опровергать мнѣніе г. Каёна, что эта классификація невозможна. Вышеприведенныя словопроизводства В. В. Радловъ въ статьѣ «къ вопросу объ Уйгурахъ» (Зап. Имп. Акад. Наукъ, г. 72, кн. I, Спб. 1893, стр. 2) назвалъ прямо «народными этимологіями».

**) Мы отлично знаемъ, что возможно усвоеніе народомъ чуждаго языка. Но это исключеніе, а мы говоримъ объ общемъ правилѣ.

по племенному происхожденію. Впрочемъ, г. Каёнъ признаетъ одно этническое имя; это имя—Тюркъ. Говоря объ этомъ, онъ касается вопроса относительно древнѣйшихъ обитателей Средней Азіи. „Древнее имя, которое китайцы давали предкамъ тюрковъ было Хунъ-ну. Это слово не имѣетъ ни этническаго, ни національнаго характера; оно ни тюркское, ни монгольское, а китайское и очень древнее“ (46).

А вотъ какъ нашъ авторъ говоритъ объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ: „Когда изслѣдовали происхожденіе Гунновъ, т. е. того народа, который пришелъ въ Европу подъ предводительствомъ Аттилы, тратили попусту время, чтобы доказать, что эти варвары были или не были то же самое, что Хунъ-ну, о которыхъ говорятъ китайцы; это напрасный споръ и поиски за рѣшеніемъ задачи, которая не имѣетъ рѣшенія. Мы можемъ сказать навѣрно, что всѣ тюрки были Хунъ-ну, но мы не можемъ сказать, чтобы всѣ Хунъ-ну были тюрки. Если давать Хунъ-ну общій смыслъ, который давали этому имени китайцы до II-го вѣка, то Гунны были Хунъ-ну, какъ тюрки, монголы и маньчжуры, но среди Гунновъ Аттилы были еще другіе этническіе элементы, какъ позже среди Монголовъ Чингизъ-хана“ (47). Вотъ мнѣніе г. Каёна о происхожденіи Хунъ-ну. Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ, почему этотъ изслѣдователь полагаетъ, что Хунъ-ну чисто китайское слово и не хочетъ считаться съ прежде высказаннымъ мнѣніемъ, что это слово китайская транскрипція туземнаго имени?

Многіе ученые, писавшіе до г. Каёна, придерживались этого взгляда на происхожденіе Хунъ-ну. Главная-же ошибка заключается въ томъ, что г. Каёнъ думаетъ, будто китайцы давали этому имени общій смыслъ. Достаточно прочитать даже тѣ отрывки изъ китайскихъ лѣтописей, которые приведены у о. Іакинѳа въ началѣ первой части „Собранія свѣдѣній о народахъ Средней Азіи“, чтобы увидѣть, что подъ Хунъ-ну китайцы разумѣли народъ, образовавшій обширное государство съ опредѣленными законами и единымъ государемъ, а не безпорядочную массу различныхъ племенъ и народцевъ, бродившихъ гдѣ-то на сѣверѣ. Они придавали этому имени совершенно особенный смыслъ и отличали ихъ отъ нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ границъ ихъ государства (напр., отъ Дунъ-ху). По мнѣнію г. Каёна, всѣ тюрки были Хунъ-ну—это вовсе не несомнѣнно. Мы слишкомъ плохо знаемъ древнюю этнографію сѣверо-восточной Азіи, чтобы имѣть право отрицать, что нѣкоторыя части тюркскаго племени даже въ ту отдаленную эпоху могли удалиться отъ границъ Китая и Монголіи, центра могущества Хунъ-ну. Г. Каёнъ утверждалъ, что среди Монголовъ Чингизъ-хана находились самые разнообразные этническіе эле-

менты; однако, онъ не будетъ отрицать, что во главѣ государства стоялъ народъ, говорившій монгольскимъ языкомъ. Для опредѣленія происхожденія Хунъ-ну нужно рѣшить вопросъ, какое племя играло у нихъ ту-же роль, что въ Монгольскомъ государствѣ Чингизъ-ханъ и его родичи, нужно выяснить, какое племя являлось господствующимъ въ этомъ государствѣ создателемъ его. Наконецъ, г. Каёнъ видимо не считаетъ Хунъ-ну праалтайцами, общимъ собраніемъ угро-финскихъ, тюркскихъ, монгольскихъ и тунгузскихъ племенъ, еще не раздѣлившихся на отдѣльныя группы, такъ какъ титулъ хуннускаго государя „тенгри-кутъ" онъ называетъ тюркскимъ (88).

Итакъ, при строгомъ проведеніи политической классификаціи неизбѣжно надо придти къ нѣкоторымъ непримиримымъ недоразумѣніямъ. Только при признаніи вліянія политическаго положенія, но основываясь на этнографической классификаціи, можно рѣшать вопросы о происхожденіи народовъ.

II.

Теорія монголизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Раздѣленіе ея сторонниковъ на двѣ группы.—Мнѣнія Палласа и Бергмана, разборъ ихъ.—Своеобразное мнѣніе Амедея Тьерри. — Изслѣдованіе Шмидта и работы о. Іакинеа Бичурина.— Разборъ ихъ. — Нейманъ и обобщеніе мнѣній сторонниковъ теоріи монголизма. — Разборъ его сочиненія. — Хоуорсъ и возобновленіе теоріи монголизма.—Значеніе этой теоріи.

Первая по времени теорія о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ была теорія монголизма. Она, въ мірѣ своихъ представителей, распадается на двѣ группы. Одни изслѣдовали вопросъ о Гуннахъ и о возможности ихъ азіатскаго происхожденія, считая этотъ народъ Монголами. Другіе занимались вопросомъ о Хунъ-ну, оставляя въ сторонѣ Гунновъ. Послѣ того, какъ представители обѣихъ группъ высказали свои взгляды, явилось стремленіе обобщить ихъ и такимъ образомъ свести къ общимъ выводамъ полученные въ частностяхъ результаты. Это обобщеніе особенно интересно своимъ взглядомъ на связь Гунновъ съ Хунъ-ну. Распадаясь на двѣ группы, теорія эта является, однако единой, проводящей мнѣніе, что и народъ, кочевавшій къ сѣверу отъ Китая, и орда „Бича Божія" принадлежали къ одному и тому-же племени, были близкими родственниками по крови. При нашемъ изложеніи мы будемъ придерживаться порядка этой группировки. Сначала изложимъ мнѣнія сторонниковъ монголизма Гунновъ и

разберемъ ихъ, затѣмъ доводы сторонниковъ монголизма Хунъ-ну съ ихъ разборомъ и, наконецъ, обобщенія съ указаніемъ на значеніе этой теоріи.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ появленія сочиненія Дегиня, высказался по поводу происхожденія Гунновъ извѣстный естествоиспытатель Палласъ. Онъ совершенно не касался вопроса о китайскихъ Хунъ-ну и ихъ происхожденія. Его замѣчанія касаются почти исключительно европейскихъ Гунновъ; онъ первый высказалъ убѣжденіе въ ихъ монголизмѣ. Сочиненіе его, озаглавленное „Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften“ состоитъ изъ двухъ частей и посвящено исторіи и быту монгольской группы (собственно монголовъ, бурятъ и калмыковъ) такъ называемыхъ „алтайскихъ народовъ“. Въ началѣ первой части (появилась въ 1776 году), Палласъ, излагая древнѣйшую исторію Монголовъ, коснулся мимоходомъ вопроса о происхожденіи тѣхъ страшныхъ Гунновъ, которые грозили Западной Европѣ въ V-мъ вѣкѣ. Такъ какъ онъ высказался объ этомъ въ немногихъ словахъ, то мы и считаемъ возможнымъ привести буквально то, что онъ написалъ: „Ölöты, именно та вѣтвь монгольскаго народа, которая извѣстна въ Западной Азіи и Европѣ подъ именемъ Калмыковъ. По древнѣйшимъ сказаніямъ этого народа, самая большая и могущественная часть его, задолго до Чингизъ-хана, совершила походъ въ Малую Азію и исчезла тамъ близь Кавказа. Очень можетъ быть, что это сказаніе говоритъ о древнихъ Гуннахъ, безобразіе и отсутствіе бороды у которыхъ описанныя Амміаномъ Марцеллиномъ, равно какъ и указываемыя древнія ихъ мѣстопребыванія на сѣверѣ отъ Китая, не могутъ относиться ни къ какому другому народу въ Восточной Азіи, кромѣ какъ къ Монголамъ, ихъ братьямъ Бурятамъ и, пожалуй, къ Тунгузамъ; современные-же Калмыки имѣютъ болѣе богатую растительность, чѣмъ тѣ племена, живущія на Востокѣ“ (стр. 6). Далѣе онъ говоритъ, что оставшіеся на родинѣ Ölöты получили отъ своихъ сосѣдей Татаръ прозвище „Калимакъ (т. е. оставшіеся позади)“. Вышеприведенными извѣстіями исчерпывается все то, что Палласъ сообщилъ о Гуннахъ. То же самое повторилъ онъ въ своемъ „Reise in den Kaukasus und nach Georgien“, t. I, s. 162. Мнѣніе его высказано только въ видѣ догадки, а сочиненіе посвящено собственно совсѣмъ другимъ вопросамъ; однако, его предположеніе подверглось критикѣ, именно со стороны представителей теоріи турчизма. Объ этомъ разборѣ мы скажемъ нѣсколько дальше.

Почти одновременно или немного позже писали о Гуннахъ Туманъ (Thunmann) въ „Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker, I“, Leipzig, 1774 *) и Энгель (Engel) въ „Ge-

*) Статья Тумана «De Chunis, Cunis, Hunnis et Cumanis» (помѣщена въ Acta societatis jablonovianae, 1773) не только ничего не говоритъ о происхожденіи Гунновъ, но и исторіи ихъ касается очень мало.

schichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer", 1797. Но они занимались только политической исторіей Гунновъ и не говорили объ ихъ происхожденіи. Поэтому мы отъ Палласа переходимъ прямо къ Бергману.

Сочиненіе этого изслѣдователя „Nomadische Streifereien unter den Kalmuken in den Jahren 1802 uud 1803" вышло въ Ригѣ въ 1804 г. Оно состоитъ изъ ряда писемъ съ пути и отдѣльныхъ статей по различнымъ вопросамъ исторіи, этнографіи, религіи Калмыковъ. По занимающему насъ вопросу, Бергманъ высказался спеціально въ особомъ письмѣ (четырнадцатомъ)—поэтому мы и обратимъ исключительно на него наше вниманіе. Этотъ изслѣдователь занялся только вопросомъ о происхожденіи Гунновъ, а потому и долженъ быть отнесенъ къ той-же группѣ, что и Палласъ. Этого послѣдняго Бергманъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, считаетъ основателемъ теоріи монголизма. „Г. Палласъ", говоритъ онъ (t. I, s. 125): „насколько я знаю, впервые выставилъ остроумную гипотезу, что древніе Гунны, которые наводнили значительную часть Европы, были монгольскіе народы. Наружность Гунновъ, равно какъ и преданіе о бывшемъ дѣйствительно движеніи калмыцкихъ ордъ на Западъ, побудили къ этой гипотезѣ знаменитаго автора". Далѣе Бергманъ указалъ на источники о Гуннахъ, именно на извѣстія Амміана Марцеллина, Прокопія и Приска, оставившихъ описаніе жизни и обычаевъ этого народа и приведшихъ значительное число гунскихъ именъ. По его мнѣнію, Гунны имѣютъ много общаго съ Калмыками. Относительно и тѣхъ и другихъ были распространены тѣ-же заблужденія (напр., относительно и тѣхъ, и другихъ говорили, что они клали мясо, употребляемое ими въ пищу, подъ сѣдла, занимались людоѣдствомъ и т. д.). Наружность Гунновъ, описанная этими писателями (маленькій ростъ, широкая грудь, небольшіе глаза, тупой носъ и др.), сходна съ наружностью вообще монгольскихъ народовъ. Гунскія одежды, описанныя Прокопіемъ, обычаи при дворѣ Аттилы, описанные Прискомъ — тожественны съ одеждами и обычаями Калмыковъ. Бергманъ замѣчаетъ даже недостатки, общіе Гуннамъ и Калмыкамъ, напр., нерѣшительность. Самое-же очевидное и убѣдительное доказательство тожества Гунновъ и Монголовъ нашъ авторъ видитъ въ собственныхъ именахъ. Іорнандъ (такъ пишетъ Бергманъ какъ и всѣ почти изслѣдователи до послѣдняго времени, вмѣсто правильнаго Іорданъ) приводитъ имя отца Аттилы-Мунцакъ (Muntzak). Слово это составлено изъ му -- дурной и цакъ—время. Не такъ давно, говоритъ онъ, жилъ на берегахъ Волги калмыцкій князь съ этимъ именемъ. Имя Аттила или Этцель тожественно, по мнѣнію Бергмана, съ Атель, что значитъ Волга. Денцикъ или Денцукъ (Dentsik, Dentsuk) тожественно съ именемъ божества у Монголовъ. Эмедзаръ (Emedsar) тоже самое, что виникцаръ, что значитъ по монгольски „дикій быкъ". Уто (Uto)—

длинный, высокій. Въ объясненіи слова Калимакъ Бергманъ не согласенъ съ Палласомъ. Этому слову онъ даетъ смыслъ „отступника", а не „оставшіеся позади". Онъ полагаетъ, что и Татары (Тюрки), и Монголы имѣли общую религію (подъ этой общей религіей онъ, вѣроятно, разумѣетъ шаманизмъ); когда Монголы приняли буддизмъ, то стали отступниками, т. е. калмыками. Тѣ-же Монголы, которые не приняли буддизмъ, и не назывались калмыками.

Приступая къ разбору теоріи монголизма Гунновъ, мы, прежде чѣмъ представить собственныя замѣчанія, считаемъ нужнымъ привести возраженія, сдѣланныя до насъ, лицомъ, съ мнѣніемъ котораго по этому поводу необходимо считаться. Извѣстный французскій монгололог Абель Ремюза въ своей книгѣ „Recherches sur langues tartares" (Paris, 1820, p.p. 245—6), приведя гипотезу Палласа, выразился такъ: „Прежде чѣмъ принять это мнѣніе, мнѣ кажется необходимымъ разслѣдовать, какъ называются Малая Азія и Кавказъ въ монгольскихъ книгахъ, которыя могли быть написаны самое раннее при Чингизъ-ханѣ, черезъ много столѣтій послѣ экспедиціи, о которой идетъ рѣчь". Онъ считаетъ возможнымъ весьма раннія переселенія монгольскихъ народовъ на Западъ, но думаетъ, что трудно сказать, что съ ними сталось и какъ называются тѣ страны, куда они пришли. Относительно предполагаемаго тожества Гунновъ и Монголовъ, высказаннаго Палласомъ и Бергманомъ, онъ выражаетъ сомнѣніе на томъ основаніи, что собранныхъ до сихъ поръ матеріаловъ совершенно недостатачно и нужно еще изслѣдовать многія сочиненія, касающіяся происхожденія Гунновъ. Въ частности Абель Ремюза остановился на производствѣ слова Калимакъ. Относясь скептически ко всѣмъ словопроизводствамъ Абуль-Гази, онъ указалъ на то, что Калмыками называются Монголы, ушедшіе впередъ, а не оставшіеся назади.

Замѣтимъ отъ себя, что производство слова Калимакъ, столь различное у Палласа и Бергмана, точно не установлено, можно производить это слово и отъ монгольскихъ словъ голанмакъ или калмукъ *). Даже нѣкоторые сторонники монголизма не принимаютъ отожествленія Гунновъ съ Калмыками. Такъ Шмидтъ въ своихъ „Forschungen" на стр. 48 заявляетъ, что это слово татарское, самимъ монголамъ непонятное, а Нейманъ на стр. 16 своего сочиненія „Die Völker des südlichen Russlands" тоже высказывается противъ этого отожествленія. Приведя преданіе, сообщенное Палласомъ, онъ выражаетъ мнѣніе, что въ этомъ преданіи „очевидно смѣшаны" древнія переселенія Калмыковъ съ болѣе поздними Гунновъ **). Итакъ, мнѣніе Палласа

*) См. Пешель, Народовѣдѣніе (русск. пер. Спб. 1890, стр. 388). В. В. Радловъ производство именъ Калмыкъ отъ калмакъ отнесъ къ разряду народныхъ этимологій (см. Къ вопросу объ Уйгурахъ, стр. 8).

**) Нейманъ считалъ народъ «льноголовыхъ», упоминаемый у Геродота, за Калмыковъ, «вѣтвь далеко распространеннаго монгольскаго народа». Онъ привелъ извѣстіе о

высказано мимоходомъ, безъ приведенія источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты извѣстія о фактахъ, а потому не заслуживаетъ большаго вниманія. Теперь перейдемъ къ Бергману.

Прежде всего мы должны сказать, что общность обычаевъ Гунновъ и Калмыковъ, какъ доказательство ихъ тожества не можетъ быть принято. Вспомнимъ только, какъ не такъ давно нѣкоторые ученые, именно на основанія сходства обычаевъ, считали Гунновъ славянами. Если уже между Славянами, которые являются въ исторіи осѣдлыми, и Гуннами находятъ общность въ обычаяхъ, то какъ же должны быть схожи обычаи двухъ кочевыхъ народовъ, жизнь которыхъ сложилась подъ всеуравняющимъ вліяніемъ степи? Неужели можно говорить, что Гунны и Калмыки одинъ и тотъ-же народъ, только потому, что относительно тѣхъ и другихъ были распространены тѣ-же самыя заблужденія? Впрочемъ, доводы на основаніи сходства обычаевъ не убѣдили многихъ, такъ какъ о нихъ больше и не говорили *). Указанное Бергманомъ сходство физическаго типа Гунновъ и Калмыковъ обратило на себя большее вниманіе. О немъ позже говорили и естествоиспытатели. Такъ, академикъ Бэръ, отрицавшій искусственное измѣненіе черепа у гунскихъ младенцевъ, о которомъ сообщилъ Аполлинарій Сидоній, а за нимъ и Ам. Тьерри, считалъ главное ядро этого народа—чистыми Монголами (см. стр. 45 статьи Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs § 6, Ob die verbildeten Köpfe von den Hunnen stammen? помѣщенной въ Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg, VII série, II tome, № 6). Однако, въ настоящее время пришли къ убѣжденію, что такъ называемый монгольскій типъ у восточно-финскихъ племенъ выраженъ нисколько не менѣе рѣзко, чѣмъ у собственно Монголовъ **). Западные Финны и Тюрки Османы не особенно рѣзко выражаютъ монгольскій типъ, но если мы возьмемъ какого-нибудь Вогула (этотъ народъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ угро-финскому семейству) или Каракиргиза (тюрка), то они по физическому типу не будутъ особенно отличаться отъ Монголовъ. Потому-то, при пересмотрѣ вопроса о Гуннахъ, антропологъ проф. Анучинъ, возражая Д. И. Иловайскому, считалъ этотъ народъ не арійцами, а урало-алтайцами (см. Труды этнографическаго отдѣленія Московскаго Общества любителей естествознанія, 1887, VII, 37-е засѣданіе). Еще Клапротъ высказался по

томъ, что въ глубокой древности эти Калмыки перешли съ Востока на Западъ и расположились у Кавказа и въ Малой Азіи, т. е. то самое преданіе, которое привелъ Палласъ.

*) По поводу заключенія о родствѣ народовъ на основаніи сходства обычаевъ см. слова А. Гумбольдта, цитованныя въ Geschichte der Völkerwanderung Пальмана, стр. 88.

**) На близкую связь между монгольскими, финскими, тюркскими, самоѣдскими, тунгузскими, сѣверо-восточно-сибирскими и сѣверо-американскими племенами первый указалъ извѣстный датскій филологъ Раскъ. Многіе авторитетные ученые согласились съ этимъ: см. Кастрена, Reiseberichte und Briefe, стр. 10.

поводу отожествленія Гунновъ и Монголовъ на основаніи сходства физическаго типа. На стр. 239 своихъ „Tableaux historiques de l'Asie" онъ писалъ слѣдующее: „Эти описанія могутъ быть примѣнены ко всѣмъ народамъ сѣверной Азіи, къ нимъ подходятъ какъ Вогулы, Самоѣды и Тунгузы, такъ и народы монгольскаго племени. Итакъ, сходства физическаго типа не достаточно для отожествленія Гунновъ съ Монголами. Совершенно оставляя въ сторонѣ такое бездоказательное мнѣніе, какъ заключеніе о тожествѣ Гунновъ и Калмыковъ изъ общаго имъ недостатка, переходимъ къ лингвистическимъ доводамъ Бергмана, которые самъ авторъ считалъ наиболѣе вѣскими. Однако, эти доводы были опровергнуты Клапротомъ (цитов. соч., стр. 241). Справедливо напавъ на произвольныя сопоставленія именъ и словъ, сохраненныхъ намъ древними авторами отъ языковъ исчезнувшихъ народовъ, со словами первыхъ попавшихся языковъ *), онъ считаетъ невозможнымъ производить имя Мунцакъ отъ м у и ц а к ъ, потому что оно пишется Mundiukhos и Omundios, изъ чего видно, что среднее „н"—коренное и его нельзя произвольно выбрасывать. Слово А т е л ь вовсе не значитъ В о л г а, а просто—б о л ь ш а я р ѣ к а (такое значеніе это слово имѣетъ у казанскихъ татаръ, киргизовъ, башкировъ и чувашей). Съ этими возраженіями Клапрота согласился позже и F. H. Müller (Der Ugrische Volksstamm, 1837, t. I, s. 88). Говоря о томъ, что имя Волги Итель или Итиль—тюркское, онъ считаетъ неосновательнымъ мнѣніе Бергмана и отвергаетъ его. Кромѣ этихъ двухъ ученыхъ, возсталъ противъ доводовъ Бергмана и Венелинъ (Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I 1829, стр. 166). Онъ-же справедливо указывалъ и на несостоятельность доказательствъ этого ученаго, основанныхъ на сходствѣ обычаевъ и физическаго типа. Мы, со своей стороны, должны сказать, что считаемъ лингвистическія доказательства такого рода, какія приводилъ Бергманъ, только вспомогательными и совершенно недостаточными, какъ единственный доводъ въ пользу принадлежности народа къ тому или другому племени. Мы въ данномъ случаѣ не говоримъ, разумѣется, объ остаткахъ народной письменности (каковы напр. Орхонскія надписи)—ихъ значеніе для исторіи очень велико и, если мы будемъ имѣть что-нибудь подобное въ исторіи Гунновъ и Хунъ-ну, то вопросъ о происхожденіи этихъ народовъ будетъ рѣшенъ безповоротно. Недостаточными для рѣшенія мы считаемъ отдѣльныя слова и имена, дошедшія въ транскрипціи на языкахъ другихъ народовъ.

Разсмотрѣвъ гипотезу Палласа и доводы Бергмана въ пользу монгольскаго происхожденія Гунновъ и спеціально ихъ тожества съ Калмыками, мы пришли къ убѣжденію, что ихъ мнѣнія уже достаточно опровергнуты, такъ что тѣ, которые желаютъ видѣть въ Гуннахъ Монголовъ или Калмыковъ,

*) Отъ чего впрочемъ не свободенъ и самъ Клапротъ.

должны привести новыя доказательства, а не ссылаться на двухъ вышеприведенныхъ ученыхъ—ихъ взгляды и доказательства въ настоящее время не выдерживаютъ критики.

Нѣсколько другихъ, хотя и близкихъ къ двумъ вышеупомянутымъ ученымъ, воззрѣнiй придерживался извѣстный французскiй историкъ Амедей Тьерри. Такъ какъ онъ писалъ значительно позже Палласа и Бергмана, тогда, когда появились и получили большое распространенiе другiя теорiи о происхожденiи Гунновъ, то, высказывая взгляды, онъ долженъ былъ считаться съ воззрѣнiями другихъ ученыхъ. Его своеобразное мнѣнiе, хотя и не высказанное такъ положительно въ пользу монголизма, какъ мы видѣли это у Бергмана, все-таки должно быть причислено къ этой теорiи. Высказалъ онъ его въ своемъ двухтомномъ сочиненiи „Histoire d'Attila et de ses successeurs" (Paris, 1856). Излагая исторiю великаго гунскаго завоевателя, онъ долженъ былъ коснуться вопроса о происхожденiи его народа. Этому онъ посвятилъ нѣсколько страницъ своего сочиненiя (6—9, I-го тома), при чемъ высказалъ свое мнѣнiе только, какъ предположенiе. Говоря о населенiи Восточной Европы во время появленiя Гунновъ и спецiально о Финнахъ, онъ замѣтилъ слѣдующее: „На Востокѣ имя Финновъ исчезло передъ названiями союзовъ, которые, образовавшись около Урала, оказывали дѣйствiе то на Европу, то на Азiю, чаще на послѣднюю. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ союзовъ былъ, кажется, союзъ Khounn, Hounn или Гунновъ, который покрывалъ своими ордами оба склона Уральскаго хребта и долину Волги. „Далѣе, сообщивъ извѣстiя Птолемея и Дiонисiя Перiегета объ этомъ народѣ, онъ передалъ то, что исторiя сохранила намъ о внутреннемъ устройствѣ этого союза. Онъ раздѣлялся на двѣ большiя группы, при чемъ принадлежащiе къ восточной или каспiйской назывались Бѣлыми Гуннами, а къ западной—Черными. Тьерри, по этому случаю, высказалъ предположенiе, что „гунское владычество простиралось къ Востоку на народы тюркскаго племени, а къ Западу на финновъ и, по весьма вѣроятной гипотезѣ, господствующее племя было монгольское, болѣе рѣзко выражающее физическiй типъ азiатовъ, чѣмъ финны. Дѣйствительно, исторiя рисуетъ намъ Аттилу и часть гунскаго народа съ типичною калмыцкою наружностью". Наружность Аттилы онъ, суда по сохранившемуся описанiю, признавалъ скорѣе монгольскою, чѣмъ восточно финскою. Далѣе, онъ привелъ извѣстiе Аполлинарiя Сидонiя о томъ, что Гунны искусственно безобразили своихъ дѣтей (вдавливали носъ, придавали черепу острую форму и т. д.). Объясненiе, которое даютъ этому древнiе писатели, т. е. что Гунны дѣлаютъ это для того, чтобы шлемъ сидѣлъ на головѣ, Тьерри считалъ не заслуживающимъ вниманiя. Онъ скорѣе думалъ, что, такъ какъ Монголы были господствующимъ племенемъ, то ихъ наруж-

ность считалась аристократической и потому подданные старались искусственно приблизиться внѣшнимъ видомъ къ господствующимъ—вотъ причина измѣненія ихъ наружности.

Итакъ, считая уральскихъ Гунновъ въ массѣ Финнами, Тьерри примкнулъ ко второй и третьей теоріямъ. Но господствующее племя онъ считалъ монгольскимъ, а такъ какъ въ нашемъ вопросѣ важно именно знать, каково было ядро народа, то мы и относимъ его къ теоріи монголизма.

Приступая къ разбору, мы прежде всего должны сказать, что очень трудно вообще критиковать мнѣнія, высказанныя въ видѣ предположеній или догадокъ; гдѣ нѣтъ доказательствъ, нѣтъ и критики. Тьерри высказался именно въ такой формѣ. Онъ, напр., утверждалъ, что Аттила имѣлъ чисто-монгольскую наружность и не походилъ на восточнаго финна. Мы сказали уже выше, что въ настоящее время считаютъ почти невозможнымъ указать на различія между типами монгольскимъ, восточно-тюркскимъ и восточно-финскимъ. Однако, на этомъ различіи Тьерри строитъ цѣлую гипотезу о верховномъ владычествѣ монгольскаго племени. Что касается до искусственнаго измѣненія Гуннами наружности своихъ дѣтей, то противъ предположеній Тьерри по этому поводу высказался еще Бэръ (въ названной выше статьѣ). Дѣло въ томъ, что единственный сообщавшій объ этомъ былъ Аполлинарій Сидоній, тогда какъ ни Амміанъ Марцеллинъ, ни Іорданъ, ни Прискъ—не говорятъ объ этомъ. Вотъ почему къ этому извѣстію надо относиться съ большой осторожностью и вполнѣ понятно задаться вопросомъ—не является-ли это сообщеніе попыткой объяснить до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстную западнымъ народамъ наружность Гунновъ. Вообще нужно сказать, что догадки этого ученаго, равно какъ и его воскрешеніе теоріи монголизма не основаны на точныхъ данныхъ, а потому какъ прежде, такъ и теперь не имѣли и не имѣютъ серьезнаго научнаго значенія, и если иногда встрѣчается въ литературѣ упоминаніе о его мнѣніи по данному вопросу, то это объясняется, думается намъ, доступностью и популярностью вышеупомянутаго сочиненія *).

Перейдемъ теперь ко второй группѣ сторонниковъ теоріи монголизма, именно къ тѣмъ, которые доказывали монголизмъ Хунъ-ну. Первымъ сторонникомъ монголизма Хунъ-ну явился монгологъ Шмидтъ въ своихъ „Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter, St. Pét. 1824“. Это сочиненіе, какъ видно изъ заглавія,

*) Относя Тьерри къ сторонникамъ монголизма, мы не можемъ сдѣлать того-же въ отношеніи г. Уйфальви, хотя г. Сайу (Sayous «Les origines et l'époque payenne de l'histoire des Hongrois», p. 30) и считаетъ мнѣнія ихъ тожественными, потому что оба они считали Гунновъ «находившимся подъ монгольскимъ вліяніемъ». Однако, на это вліяніе они смотрѣли различно.

касается различныхъ вопросовъ исторіи Средней Азіи. Хунъ-ну и Гуннамъ посвящено около тридцати страницъ (39—67). Будучи оріенталистомъ, Шмидтъ обратилъ вниманіе на сочиненіе Дегиня, съ критики котораго онъ и началъ свое изслѣдованіе о Хунъ-ну. Большимъ недостаткомъ этого ученаго считалъ Шмидтъ незнаніе имъ монгольскаго языка. „У Дегиня,“ говоритъ онъ, „Монголы являются тюркской ордой“. Не понимая системы классификаціи этого ученаго, Шмидтъ ближайшей причиной этого заблужденія считалъ мнѣніе, что Ту-гю (Tu-kiuei) были Тюрки. На основаніи китайскихъ лѣтописей заключали, что Хуину (Hiongnu) или Сунну (Siunnu) Ханьской династіи и Ту-гю Танской были одинъ и тотъ-же народъ. Изъ этого по мнѣнію Шмидта, и получилось, что „Ту-гю были Тюрки, болѣе ранніе Хунну—тоже Тюрки, а позднѣйшіе Монголы—тюркская орда“. Единственнымъ доводомъ въ пользу турчизма Ту-гю считаетъ Шмидтъ преданіе, по которому этотъ народъ получилъ свое имя отъ горы, имѣвшей форму шлема, слова, которое на ихъ языкѣ называется ту-гю (въ китайской транскрипціи). Въ османскомъ языкѣ шлемъ называется т а к ъ я—изъ этого заключили, что Ту-гю и Тюркъ одно и то-же. Но Шмидтъ задается вопросомъ (стр. 41): какимъ образомъ тюрки приняли китайскій выговоръ въ словѣ, бывшемъ ихъ народнымъ именемъ, и выпустили букву *р*. Онъ болѣе склоненъ видѣть въ транскрипціи Ту-гю монгольское слово т у л г а или д у л г а, которое тоже значитъ шлемъ. Если выпустить букву *л*, которая въ концѣ слога такъ-же трудна китайцамъ, какъ и буква *р*, то получится эта самая транскрипція. Поэтому Шмидтъ высказалъ убѣжденіе, что и Ту-гю, и Хунъ-ну вовсе не были Тюрки, а чистые Монголы. Еще болѣе его убѣждаетъ въ этомъ то, что изложеніе исторіи древнихъ Хунъ-ну у Дегиня вполнѣ тожественно съ древнѣйшей исторіей Монголовъ въ сочиненіи о. Іакинѳа. Кромѣ того, сходство видно и въ обычаяхъ—Хунъ-ну, какъ и современные Монголы, дѣлились на два крыла: правое и лѣвое. Извѣстно, что, по преданію Гуннамъ указала дорогу черезъ Меотійскія болота (Азовское море) лань. Шмидтъ указалъ на сходство имени этого животнаго съ именемъ жены миѳологическаго родоначальника Монголовъ Бюрте-Чино (Bürtä-Tschino) М а р а л ъ (лань) и еще съ тѣмъ, что по китайскимъ извѣстіямъ въ 967 г. до Р. Х. Чжоускій князь Му-вань отправился въ походъ противъ монгольскаго (?) племени Цюань-шунь и взялъ въ день 400 шкуръ бѣлыхъ волковъ и 400 шкуръ бѣлыхъ оленей. „Вездѣ здѣсь мы открываемъ Бюрте-Чино и Гоа-Маралъ въ монгольскомъ значеніи ихъ именъ“, добавляетъ Шмидтъ. Сдѣлавъ это неожиданное открытіе, онъ въ самомъ имени Хунъ-ну видитъ связь съ монгольскимъ миѳическимъ звѣремъ. Онъ указываетъ на то, что въ сѣверо-китайскомъ говорѣ гортанные звуки южнаго произношенія замѣняются

шипящими. Такъ сѣверное Ся (имя династіи) равно южному Хя, Бедзинъ-Пекинъ и т. д. Поэтому южное Хунну или Хюнну (Hiongnu, Hiungnu) равно сѣверному Сунну или Сюнну (Sionnu, Siunnu). По монгольски слово Чино (Tschino) выговаривается во всѣхъ діалектахъ Чюно (Tschiuno) или Чюнно (Tschiunno). Такимъ путемъ онъ сближаетъ китайское Сюнну съ монгольскимъ Чюнно. Самый титулъ хуннускихъ государей (по Дегиню Ценъ-ли-ко-то, Tseng-li-ko-to, по Абель Ремюза Тенгри-куту, (Tangri-kutu) онъ считаетъ тожественнымъ съ титуломъ Чингизъ-хана Суту-Богдо (Ssutu-Bokdo), такъ какъ по вышеуказанному правилу Суту равно Куту. Это слово, по мнѣнію Шмидта, ни въ монгольскомъ языкѣ, ни тѣмъ менѣе въ тюркскомъ, не значитъ сынъ. Суту по монгольски „правильное перо“. Богдо-же и Тенгри (небо) почти одно и тоже; кромѣ того въ нѣкоторыхъ монгольскихъ книгахъ хаганы прямо называются тенгри. Перейдя затѣмъ къ европейскимъ Гуннамъ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторые ученые (кто именно, онъ не говоритъ), сообразуясь съ описаніями наружности и обычаевъ Гунновъ, оставленными Амміаномъ Марцеллиномъ, Іорданомъ и Прокопіемъ, признали въ нихъ Монголовъ, а Бергманъ пошелъ еще дальше и съ большимъ основаніемъ, по мнѣнію Шмидта, открылъ, что гунскія имена—монгольскія. Соглашаясь съ производствомъ имени Аттилы, онъ считаетъ ошибкой производство имени Мунцакъ отъ **му** и **цакъ**. Это слово, по его мнѣнію, то же, что и однозвучное съ нимъ и до сихъ поръ употребляющееся у Монголовъ и значащее: круглый, шарообразный предметъ, или-же это слово близко къ „мунца“, которое значитъ: „клинъ“. Онъ думаетъ, что и многія другія приводимыя древними авторами имена можно объяснить монгольскими словами. Такъ, Донатъ (Donat) равно Доной (Donoi), Каратонъ (Caraton)—Харату (Charatu), Бледа (Bleda) или Буда (Buda)—Бода (Boda), что значитъ личность или Будунъ (Budun), что значитъ туманъ, Баламиръ (Balamir)—Баламбаръ (Balambar), Эллакъ (Ellak)—Аллакъ (Allak), Субтаръ (Subthar)—Субударра (Subudarra) и т. д. Вообще Шмидтъ вполнѣ довольствуется тѣмъ, что говорилъ о происхожденіи Гунновъ Бергманъ, и считаетъ ихъ Монголами.

Сходныхъ со Шмидтомъ взглядовъ придерживался и извѣстный русскій синологъ о. Іакинѳъ Бичуринъ. Онъ писалъ по этому вопросу сначала въ „Запискахъ о Монголіи“ (Спб. 1828), потомъ въ „Собраніи свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“ (Спб. 1851). Этотъ ученый, знатокъ китайскаго языка, совершенно не имѣлъ подготовки къ занятіямъ исторіей. По его мнѣнію, Средняя Азія всегда была населена тѣми народами, которые населяютъ ее теперь. Переводя изъ китайскихъ лѣтописей извѣстія о кочевыхъ народахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Китая, онъ довольствовался только переводами, не критикуя и не провѣряя данныхъ,

сообщаемыхъ этими лѣтописями. При такомъ способѣ работы, все написанное имъ по исторіи замѣчательно, главнымъ образомъ, какъ собраніе матеріаловъ, а не какъ научныя изслѣдованія. Мы начнемъ съ перваго изъ упомянутыхъ сочиненій, во-первыхъ потому, что оно появилось раньше, а во вторыхъ потому, что въ немъ о. Іакинѳъ сообщаетъ больше собственныхъ взглядовъ, чѣмъ во второмъ.

„Записки о Монголіи“ раздѣлены на четыре части. 1-я—дневникъ поѣздки автора отъ Пекина до русской границы, 2-ая—географическое и статистическое описаніе Монголіи, 3-ья—собраніе историческихъ свѣдѣній (въ пересказѣ по китайскимъ лѣтописямъ), 4-ая излагаетъ уложеніе, по которому китайцы управляютъ теперь Монголіей. По занимающему насъ вопросу болѣе всего данныхъ находится въ третьей части, хотя нѣкоторыя замѣчанія можно найти и во второй. Какъ синологъ и историкъ сѣверо-восточной части Азіи, о. Іакинѳъ касался только исторіи Хунъ-ну. „Болѣе нежели за двадцать вѣковъ до нашей эры скитался уже Монгольскій народъ со своими стадами по пустынямъ, сопредѣльнымъ сѣверному Китаю“, говоритъ онъ (т. II, стр. 1), вѣрный своимъ взглядамъ относительно неизмѣнности состава народовъ, населявшихъ Среднюю Азію *). Неизвѣстнымъ какъ предшественникамъ, такъ и нѣкоторымъ писавшимъ послѣ о. Іакинѳа, остался тотъ фактъ, что Хунъну въ 15 г. по Р. Х. получили отъ китайскаго императора Ванъ-мана предложеніе перемѣнить свое имя на Гунъ-ну. „Хунну, по китайски Хунъ-ну или Сюнъ-ну, значитъ: злой рабъ, а Гунну значитъ: почтительный рабъ. И такъ Хунну съ 15 г. по Р. Х. начали называться Гуннами“ (т. II, стр. 34, прим.). Слѣдовательно, по мнѣнію о. Іакинфа, отдѣленіе орды Чжичжи отъ Ху-хань-е, случившееся въ 51 г. до Р. Х., произошло до этого переименованія, тогда какъ распаденіе на сѣверныхъ и южныхъ (43 г. по Р. Х.) было уже позже. Что же касается до участи сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ по-

*) Замѣтимъ здѣсь, что о. Іакинѳу принадлежитъ мнѣніе. которое мы находимъ и у сторонниковъ политической классификаціи—Дегиня и Каѣна, мнѣніе, что у кочевыхъ народовъ Средней Азіи племенное или родовое имя распространяется на цѣлый народъ. т. е. на совокупность племенъ и родовъ. Однако, мы видимъ, что это воззрѣніе нисколько не мѣшаетъ о. Іакинѳу придерживаться этнографической классификаціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. «Поколѣніямъ. т. е. владѣтельнымъ домамъ, занимающимъ Монголію, даемъ нынѣ названіе Монголовъ не потому, чтобы они происходили отъ дома Монголовъ, не потому что сей домъ, усилившись, наконецъ, всѣ прочія поколѣнія своего племени покорилъ своей власти и составилъ какъ-бы новое государство, которое мало-по-малу привыкли называть Монголами-же, по прозванію господствующаго дома. Симъ образомъ, разныя Монгольскія (ошибка о. Іакинѳа въ томъ, что онъ думалъ, будто все населеніе теперешней Монголіи всегда принадлежало къ монгольскому племени) поколѣнія и прежде назывались общими именами: Татаньцевъ, Киданей, Хойхоровъ (Уйгуровъ), Тумасцевъ, Сяньбійцевъ, Хунновъ и т. д.» (т. I, стр. 157). «Цѣлое государство или народъ получаетъ у Монголовъ названіе отъ имени господствующаго дома, а каждый аймакъ отъ владѣтельнаго поколѣнія. Съ паденіемъ владѣтельныхъ домовъ народъ ихъ не теряетъ своего бытія, но съ перемѣною оныхъ получаетъ только новыя названія. Симъ образомъ одинъ и тотъ-же Монгольскій народъ существуетъ отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣ подъ разными только именами» (Т. II, стр. 2).

раженія Сяньбійцами (92 г. по Р. Х.), то часть ихъ, по мнѣнію о. Іакинѳа, подчинилась новымъ побѣдителямъ, а другая, сначала поселенная рядомъ съ южными Хунъ-ну по южную сторону Великой стѣны, ушла оттуда, и послѣ долгихъ странствованій и остановокъ у Урумцы, въ Тарбагатаѣ и Восточномъ Туркестанѣ, была разбита китайцами. „Послѣ сего сѣверные Гунны дѣйствовали слабо и, наконецъ, мало-по-малу и самое имя ихъ исчезло. Несмотря на сіе, нѣкоторыя поколѣнія Гунновъ долго еще существовали въ Тарбагатаѣ подъ другими именами и впослѣдствіи учинились извѣстными по своимъ военнымъ подвигамъ“ (Т. II, стр. 52). Очевидно, что послѣднія слова указываютъ на европейскихъ Гунновъ. Итакъ, въ своемъ первомъ сочиненіи о. Іакинѳъ явился рѣшительнымъ сторонникомъ теоріи монголизма. Перейдемъ теперь къ его второму сочиненію.

Какъ указываетъ заглавіе, въ немъ излагается исключительно исторія. Разница между нимъ и третьей частью „Записокъ о Монголіи“ та, что въ немъ передается исторія не только кочевниковъ, жившихъ въ Монголіи, но и вообще народовъ Средней Азіи, а также и то, что въ первомъ сочиненіи ведется разсказъ по лѣтописямъ, а во второмъ только даны переводы съ примѣчаніями и добавленіями автора, такъ что оно уже вполнѣ носитъ характеръ сборника матеріаловъ; по собственному заявленію о. Іакинѳа это сочиненіе „есть точный, болѣе буквальный переводъ“ (т. I, отд. I, стр. 2). Несмотря на то, что „Собраніе свѣдѣній“ явилось на 23 года позже „Записокъ о Монголіи“, взгляды автора совершенно не измѣнились. О. Іакинѳъ все такъ-же считаетъ, что Монголы издавна жили въ сосѣдствѣ съ Китаемъ. Такъ, онъ говоритъ: „Монголы съ незапамятныхъ временъ смѣшанно жили съ китайцами на сѣверныхъ предѣлахъ Китая“ (Т. I, отд. I, стр. I) „Хуньній, Хань-юнь и Хунну суть три разныя названія одному и тому-же народу, извѣстному нынѣ подъ названіемъ Монголовъ“ (Т. I, отд. I, стр. 2). „Почти за двадцать столѣтій до Р. Х. Монголы и Тунгузы въ китайской исторіи представляются какъ два самобытные народа. Одни Тюрки, по причинѣ отдаленности, нѣсколько позже ознакомились съ жителями Срединнаго государства“ (Т. I, отд. II, стр. 477). О. Іакинѳъ прямо заявляетъ, что „на всей полосѣ Средней Азіи отъ Восточнаго океана до Каспійскаго моря искони обитали тѣ-же самые народы, которые и нынѣ населяютъ эту страну“ (Т. I, отд. I, стр. VII). Исторію Хунъ-ну о. Іакинѳъ помѣщаетъ въ первую часть, въ которой говорится только о народахъ монгольскаго племени. Тутъ онъ касается вопроса объ имени этого народа, вопроса, о которомъ онъ ничего не говорилъ въ „Запискахъ о Монголіи“, и замѣчаетъ слѣдующее: „Китайцы, при голосовомъ переложеніи сего слова на свой языкъ, употребили двѣ буквы: хунъ злой и ну невольникъ. Но монгольское слово Хунну есть

собственное имя и значенія китайскихъ буквъ не имѣетъ“ (Т. I, отд. I, стр. 1). Имя перваго славнаго шаньюя Хунну Мо-дэ онъ сближаетъ съ монгольскимъ словомъ модо, что значитъ „лѣсъ“ (тамъ-же, стр. 11). По поводу переименованія изъ Хунъ-ну въ Гунъ-ну онъ замѣчаетъ: „Здѣсь измѣнено не подлинное народное названіе Монголовъ, а голосовое переложеніе названія на китайскій языкъ“ (Т. I, отд. I, стр. 107). О. Іакинѳъ, писавшій уже послѣ выхода въ свѣтъ многихъ изслѣдованій касавшихся Хунъ-ну и считавшихъ ихъ не Монголами, высказалъ мимоходомъ свое мнѣніе о двухъ ученыхъ, особенно извѣстныхъ своими работами по этому вопросу, въ слѣдующей формѣ (Т. I, огд. I, стр. 10): „Дегинева исторія о Хуннахъ, Тюркахъ и Монголахъ и Клапротовы записки объ Азіи отъ начала до конца наполнены превратными понятіями о древнихъ народахъ монгольскаго племени, потому что ни Дегинь, ни Клапротъ не читали китайской исторіи во всей ея обширности, почему то, что читали безъ связи въ цѣломъ, не все ясно и правильно понимать могли“. По мнѣнію этого изслѣдователя ни многолѣтній, обширный трудъ Дегиня, ни работы Клапрота не заслуживаютъ вниманія, такъ какъ съ начала до конца полны ошибками. Ту-гю о. Іакинѳъ, какъ и Шмидтъ, относилъ къ монгольскому племени. „Оріенталисты Западной Европы“, говоритъ онъ: „пренебрегли увѣреніемъ китайской исторіи, а обратили вниманіе на созвучность Ту-гю съ Тюрки и приняли въ основаніе, что Монголы, извѣстные подъ народнымъ названіемъ Дулга, были Тюрки, а какъ предки дулгасскаго дома происходили изъ дома Хунновъ, то и Хунны были народы тюркскаго-же племени. Сіе-то смѣшеніе Монголовъ съ Тюрками повело ученыхъ Западной Европы къ превратнымъ понятіямъ о народахъ монгольскаго племени, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена“ (Т. I, отд. II, стр. 256). Здѣсь мы видимъ возраженіе противъ раздѣляемой многими учеными теоріи о турчизмѣ Хунъ-ну. Какъ убѣдительно возразилъ на нее о. Іакинѳъ, насколько доказательны его взгляды,—скажемъ далѣе, при разборѣ.

Начнемъ съ Шмидта, какъ высказавшаго первымъ мнѣніе о монголизмѣ Хунъ-ну. Клапротъ во второмъ томѣ (стр. 301—411) своихъ „Mémoires rélatifs à l'Asie“ (1826) написалъ критику на Forschungen Шмидта. Этотъ ученый, доказавшій, что Ту-гю были Тюрки (объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ), особенно возсталъ противъ того, чтобы считать ихъ Монголами, какъ это сдѣлалъ Шмидтъ. Его возраженія не только опровергли доводы Шмидта, но и доказали противоположное. Впрочемъ распространяться по этому поводу не стоитъ, такъ какъ въ настоящее время Орханскія открытія сдѣлали несомнѣннымъ турчизмъ Ту-гю. Поэтому по нашему мнѣнію доводы Шмидта по вопросу о монголизмѣ Ту-гю могутъ остаться безъ возраженій. При изложеніи мнѣній этого изслѣдователя, мы видѣли, что

именно предположеніе монголизма Ту-гю содѣйствовало тому, что Шмидтъ принялъ Хунъ-ну тоже за Монголовъ—вѣдь по китайскимъ извѣстіямъ Ту-гю происходили отъ Хунъ-ну. Если опровергнутъ монголизмъ Ту-гю, то этимъ опровергнутъ и монголизмъ Хунъ-ну. Разсмотримъ теперь другіе доводы въ пользу монголизма этихъ послѣднихъ. Шмидтъ указалъ на сходство древней исторіи Хунъ-ну въ изложеніи Дегиня съ тѣмъ, что передалъ о. Іакинѳъ о древнѣйшей исторіи Монголовъ. Однако, о. Іакинѳъ самъ писалъ съ тенденціей, принимая Хунъ-ну за Монголовъ. Поэтому, вполнѣ понятно, что его исторія сходна съ тѣмъ, что сообщалъ Дегинь—оба они писали исторію одного и того-же народа, только называли его различными именами. Что касается до отожествленія Хунъ-ну и Монголовъ только потому, что и тѣ, и другіе дѣлились на два крыла или сопоставленія имени Маралъ съ преданіемъ о лани, указавшей Гуннамъ дорогу черезъ Меотійскія болота, то при критикѣ нельзя не сказать, что подобнаго рода мнѣнія совершенно не заслуживаютъ вниманія. Далѣе, по мнѣнію Шмидта, Хунъ-ну или Сюнъ-ну равно Чюнно. Если такъ, то конечно Сюнъ-ну ближе къ истинному имени этихъ кочевниковъ, чѣмъ Хунъ-ну. Однако же подданные Аттилы не назывались Сюннами и Чюннами, а Гуннами. Разъ истинное названіе этого народа Чюнно, то что-же общаго между этимъ именемъ и Гуннами? Шмидтъ этого не разъясняетъ. Относительно отожествленія Тенгри-куту и Сото-Бокда, мы приведемъ въ видѣ лучшаго опроверженія слова Клапрота (упом. статья стр. 394): „Хотя китайскіе историки вполнѣ ясно говорятъ, что Тенгри-куту (какъ и китайское Тянь-цзу, Thien-tsu) означаетъ „сынъ неба“, г. Шмидтъ желаетъ объяснять этотъ титулъ, какъ „небесное перо“... Кута значитъ родственникъ, двоюродный братъ въ тюркскихъ нарѣчіяхъ Сибири“. Титулъ „сынъ неба“ понятенъ, но что это за „небесное правильное перо“—мы совершенно не понимаемъ. Что побудило государя Хунъ-ну называться такъ? Относительно Гунновъ нашъ авторъ не высказалъ ничего особенно важнаго. Примкнувъ къ мнѣнію Бергмана, онъ только привелъ еще нѣсколько гунскихъ именъ и сопоставилъ ихъ съ монгольскими. Въ общемъ, доводы этого изслѣдователя совершенно не выдерживаютъ критики. Въ одномъ случаѣ онъ прямо таки ошибается (принимая Ту-гю за Монголовъ), въ другомъ видитъ отличительныя черты народа тамъ, гдѣ ихъ совершенно нѣтъ (сопоставленіе лани въ преданіи о переходѣ Гунновъ въ Европу—съ именемъ Маралъ), въ третьемъ даетъ такое объясненіе словамъ, что смыслъ ихъ остается совершенно непонятнымъ (Сото-Бокда). Мы можемъ смѣло сказать, что гипотеза Шмидта относительно происхожденія Гунновъ, опиравшаяся только на мнѣніе Бергмана, рушится, разъ отвергнуты доводы этого послѣдняго. Относительно Хунъ-ну онъ приводилъ такія доказательства, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи

не выдерживаютъ критики. О. Іакинѳъ, какъ мы уже говорили, доказывалъ очень мало; онъ довольствовался, главнымъ образомъ изложеніемъ историческихъ фактовъ. Мы привели выше его критику мнѣній Дегиня и Клапрота, двухъ ученыхъ, которые по нашему вопросу сдѣлали очень много. И что-же говоритъ о нихъ о. Іакинѳъ? Онъ совершенно отрицаетъ значеніе ихъ работъ, думая, что они только перепутали извѣстія. Относительно происхожденія Тугю онъ придерживался того-же мнѣнія, что и Шмидтъ—слѣдовательно ошибался, какъ и тотъ. Изученіе историческихъ фактовъ убѣдило его повидимому въ томъ, что откочевавшіе сѣверные Хунъ-ну могли быть предками Гунновъ. Полное отсутствіе какихъ-бы то нибыло доказательствъ лишаетъ насъ возможности разбирать подробно мнѣнія этого ученаго. Ему казались совершенно ясными такіе вопросы, которые требовали и даже теперь требуютъ рѣшенія.

Хотя оба изъ раннихъ сторонниковъ монголизма Хунъ-ну придерживались, думается намъ, по большей части недоказанныхъ мнѣній, мы все-же отдаемъ преимущество о. Іакинѳу. Онъ далъ намъ въ русскомъ переводѣ извѣстія о Хунъ-ну, существовавшія въ китайскихъ лѣтописяхъ. Относительно происхожденія Хунъ-ну онъ почти не приводилъ никакихъ собственныхъ доводовъ, а принялъ воззрѣнія другихъ. Шмидтъ-же принялся доказывать; какого рода эти доказательства—мы видѣли. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ (выраженнымъ правда въ рѣзкой формѣ) Клапрота въ упомянутой выше рецензіи. Шмидтъ и о. Іакинѳъ принесли гораздо больше пользы наукѣ, первый изданіемъ и переводомъ Сананъ-Сэцэна, второй китайской грамматикой или переводомъ китайскихъ лѣтописей, чѣмъ мнѣніями о происхожденіи и племенной принадлежности народа Хунъ-ну.

Если Палласъ, Бергманъ и Тьерри писали объ европейскихъ Гуннахъ, а Шмидтъ и о. Іакинѳъ о китайскихъ Хунъ-ну, причемъ и тѣ, и другіе, обративъ свое вниманіе на одинъ народъ, или совсѣмъ не касаясь другого, или говорили о немъ мимоходомъ, то Нейманъ (C. F. Neumann) можетъ считаться такимъ представителемъ этой теоріи, который писалъ и о тѣхъ, и о другихъ. Онъ считался какъ съ воззрѣніями другихъ сторонниковъ той-же теоріи, такъ и писавшихъ до него приверженцевъ прочихъ теорій. Еще въ 1837 году высказалъ онъ въ своихъ „Asiatische Studien“ (Leipzig, 1837, S. 126) слѣдующее: „Хунъ-ну мы вмѣстѣ съ Гобилемъ, Виделу и Дегинемъ считаемъ за западныхъ Гунновъ“. Гораздо подробнѣе коснулся онъ этого вопроса въ небольшомъ изслѣдованіи о переселеніяхъ народовъ, озаглавленномъ „Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung“ (Leipzig, 1847) и увѣнчанномъ наградой Французскимъ Институтомъ. По нашему мнѣнію въ вопросахъ, касающихся Хунъ-ну и Гунновъ, Найманъ изложилъ въ сжатой, болѣе или менѣе науч-

ной формѣ взгляды вышеназванныхъ писателей, съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями. Поэтому, мы считаемъ его сказавшимъ какъ-бы послѣднее слово монгольской теоріи и остановимся нѣсколько подробнѣе на его взглядахъ. Сочиненіе это было отвѣтомъ на данную Французскимъ Институтомъ тему—дать исторію отношеній и странствованій всѣхъ народовъ, жившихъ къ сѣверу отъ Чернаго и Каспійскаго морей съ начала третьяго до конца одиннадцатаго вѣка. Съ этой исторіей связаны нѣкоторые другіе вопросы, касающіеся переселеній народовъ и ихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства. Однимъ изъ такихъ вопросовъ является нашъ вопросъ о происхожденіи Хунъ-ну и ихъ отношеніяхъ къ Гуннамъ. Какъ серьезный историкъ Нейманъ, разумѣется, не могъ оставить безъ вниманія событій, происшедшихъ въ глубинѣ Азіи, особенно движеній кочевыхъ народовъ на западъ и юго-западъ. Почти при каждомъ появленіи новаго народа въ исторіи южной Руси, онъ обращается къ далекому Востоку и старается выяснить причины движенія этого народа, а не то даже найти упоминаніе о немъ въ китайскихъ лѣтописяхъ.

Изложивъ въ первой главѣ своего изслѣдованія древнѣйшія извѣстія объ исторіи юга Россіи до второго вѣка и господства тамъ Готовъ, онъ во второй главѣ передалъ исторію Хунъ-ну и движеніе ихъ на западъ. Эта вторая глава, главнымъ образомъ, и интересуетъ насъ. Впрочемъ, относящіеся до нашего вопроса факты и соображенія находятся также въ первой, равно какъ и въ главахъ третьей (исторія государства Аттилы) и четвертой (паденіе гунскаго государства и изложеніе судебъ Средней Азіи при Сянь-би и То-по, а также появленіе Тюрковъ). Въ началѣ второй главы, прежде, чѣмъ излагать исторію, онъ вкратцѣ коснулся вопроса объ отношеніяхъ кочевниковъ къ Китаю, а затѣмъ мнѣнія китайцевъ относительно племенной принадлежности этихъ народовъ. Онъ указалъ на громадное значеніе этихъ кочевниковъ для сосѣднихъ, осѣдлыхъ народовъ и на стремленіе этихъ осѣдлыхъ народовъ ближе ознакомиться съ законами и обычаями, числомъ и мѣстами обитанія этихъ страшныхъ враговъ, чтобы легче бороться съ ними. Далѣе онъ сообщилъ, что, по воззрѣніямъ китайцевъ, всѣ эти народы принадлежали къ одному и тому-же племени и различались только мѣстами жительства. „Это одинъ и тотъ-же народъ, говорятъ китайцы, который при различныхъ династіяхъ назывался различными именами. Хунъ-ну (Hiong-nu), Ту-гю (Tu-kiuei), Монъ-гу (Mong-ku), Та-та (Ta-ta)“ (стр. 24). Авторъ вполнѣ согласенъ съ этимъ взглядомъ, говоря, что хотя и существуетъ различіе въ физическомъ типѣ между Тюрками, Монголами и Тунгузами и хотя это различіе даже указывается самими китайцами, языки этихъ народовъ указываютъ на ихъ первоначальное единство. Затѣмъ онъ переходитъ къ исторіи. „Кажется во времена древнѣйшей китайской династіи Хя (Hia) узнали впервые

собственное имя народа Хунь-ё, которое, вѣроятно, значитъ—люди, потому что народы и племена рѣдко даютъ себѣ собственныя имена; они обыкновенно называютъ себя только — народъ, люди“ (25). Итакъ, Нейманъ считаетъ именно Хунь-ё (Hun-io) именемъ народа, а всѣ остальныя, позднѣйшія имена только передѣлками этого. Оно совсѣмъ не значитъ „проданные рабы“, какъ перевелъ его Абель-Ремюза и не выговаривается Чонъ-ё (Tschong-io), какъ писалъ Дегинь, принявъ ошибочное наименованіе, сообщенное Ма-ту-ань-линемъ. Истинное значеніе этого слова, по мнѣнію Неймана, „лукоѣды“. Когда впослѣдствіи эти варвары вступили въ болѣе близкія и болѣе враждебныя отношенія къ китайцамъ, эти послѣдніе стали имъ давать разныя обидныя клички, напр. Хунъ-ну (Hiong-nu), что значитъ „поднимающіе шумъ рабы“ (lärmende Sclaven). „Эти оскорбительныя слова, только по звуку сходныя съ собственнымъ именемъ Хунь-ё, вытѣснили это и стали употребляться вмѣсто него“ (стр. 26). Объ обычаяхъ этого народа Нейманъ сообщаетъ какъ по китайскимъ, такъ и по византійскимъ источникамъ, замѣчая, что извѣстія Сы-ма-цяня и Ма-туань-линя настолько сходны съ тѣмъ, что сообщилъ Амміанъ Марцеллинъ, что кажется будто они списали другъ съ друга (стр. 29). Сообщая далѣе, что европейцевъ поражала наружность Гунновъ, тогда какъ китайцы ничего особеннаго въ ней не находили, онъ заключаетъ, что слѣдовательно и жители Срединнаго царства и эти варвары принадлежали къ одной расѣ. Имъ, напротивъ, казался страннымъ видъ народовъ кавказскаго племени — они разсказываютъ о Тюркахъ и о другихъ народахъ, принадлежащихъ къ этой-же расѣ, что у нихъ впалые глаза и выдающійся носъ. Этого достаточно для признанія, что Хунь-ё и Монголы одинъ и тотъ-же народъ. Если бы они были Тюрки, то китайцы отмѣтили-бы и у нихъ эти отличительныя черты“ (стр. 30). Описанія ихъ наружности убѣждаютъ Неймана въ ихъ несомнѣнной принадлежности къ монгольскому племени. Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній Нейманъ восклицаетъ: „какой-же благоразумный историкъ можетъ послѣ этихъ, до мелочей сходныхъ, описаній Хунь-ё, Гунновъ и Монголовъ въ восточныхъ источникахъ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. и въ западныхъ IV, V, и XIII вѣковъ, сомнѣваться еще, что всѣ эти народы принадлежали къ монгольской расѣ?“ (стр. 31). Въ этихъ словахъ Нейманъ выразилъ свое убѣжденіе, что Хунъ-ну (по его мнѣнію скорѣе Хунь-ё) китайскихъ лѣтописей, европейскіе Гунны IV и V вѣковъ и Монголы Чингизъ-Хана—одинъ и тотъ-же народъ. Объясненіе гунскихъ именъ и словъ изъ тюркскихъ и финскихъ языковъ нисколько, думаетъ онъ, не противорѣчитъ монголизму этого народа. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу: „Мы знаемъ, что изъ одного татарскаго *) племени

*) Подъ татарскими въ его время подразумѣвали тюркскіе, монгольскіе и тунгузскіе языки; см. по этому поводу Абель Ремюза «Recherches sur les langues tartares».

языковъ, существовавшаго въ глубочайшей древности, съ теченіемъ времени развились три, различествующіе въ частностяхъ, въ общемъ-же обнаруживающіе одно происхожденіе языка, съ которыми финскіе болѣе или менѣе родственны. Однако, изъ арійскаго или индо-китайскаго племени вышли многіе своеобразные какъ въ корняхъ, такъ и въ формахъ языки. Не нужно никакихъ дальнѣйшихъ доводовъ для того, что, хотя и существуетъ соотношеніе между татарскими и финскими идіомами, заходящее далеко за границы всякой исторіи, оно не можетъ быть взято какъ доказательство общаго происхожденія или родства физически столь несходныхъ народовъ". Изъ этихъ словъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что Нейманъ придавалъ гораздо больше значенія физическому сходству или различію, чѣмъ лингвистическому; Монголы могутъ имѣть въ своемъ языкѣ тюркскія или финскія слова, но физически они всегда будутъ отличаться отъ тюрковъ и финновъ. Въ передачѣ историческихъ фактовъ Нейманъ строго слѣдуетъ за китайскими лѣтописями. Онъ, какъ и о. Іакинѳъ, признаетъ, что въ концѣ I-го вѣка по Р. Х. сѣверные Хунъ-ну были разбиты. Одна часть ихъ подчинилась Китаю, другая Сянь-би, третья-же откочевала на западъ. Эти откочевавшіе Хунъ-ну заняли область Юе-бань. Нейманъ считаетъ вѣроятнымъ, что китайцы называли такъ всѣ области, лежавшія къ сѣверо-западу отъ Согдіаны до земель Римской имперіи. Можетъ быть, что Юе-бань Угорская земля (das Land der Jugri), и можетъ быть это слово есть измѣненное Eulysia, которое Прокопій даетъ всей степной области на Востокъ отъ Азовскаго моря. Что касается отношеній Хунъ-ну и Гунновъ, то Нейманъ признавалъ этихъ ушедшихъ въ Юебань Хунъ-ну Гуннами. Онъ указалъ на то, что извѣстія китайскихъ и европейскихъ писателей вполнѣ согласуются. „Какъ разъ около того времени", говоритъ онъ (стр. 38—39): „къ концу перваго вѣка нашего лѣтосчисленія, когда Гунны по китайскимъ извѣстіямъ расположились въ Юе-банѣ (Jue-pan) и завладѣли частью земли Аланъ, и западные писатели знаютъ о присутствіи ихъ въ этихъ мѣстахъ. Это—сходство, которое также должно убѣдить самую осторожную критику въ тожествѣ Хунь-ё, Хунь-ну и Гунновъ". Изъ этихъ западныхъ писателей онъ называетъ Діонисія, который говоритъ, что Гунны живутъ за Скиѳами, и Амміана, который знаетъ объ ихъ вторженіяхъ въ Арменію. Что касается до этническаго состава вторгнувшихся въ Европу Гунновъ, то Нейманъ, думая вполнѣ справедливо, что кочевые народы вообще немногочисленны, признавалъ, что они не могли быть чистыми Монголами. „Часто случается, что народы завоевывающіе страну, удерживаютъ имена коренныхъ жителей или жившихъ до нихъ. Поэтому Болгары, Авары, Мадьяры и Секлеры (Szekler), принадлежавшіе частью къ финскому, частью къ татарскому племени, позже Тюрки и даже Славяне у относившихся безъ кри-

тики писателей Запада и Востока назывались Гуннами (стр. 77). Что касается до производства слова тюркъ, то по этому поводу Нейманъ высказалъ своеобразное мнѣніе. Приведя извѣстія о происхожденіи этого имени отъ слова такъя, онъ прибавилъ (стр. 85): „Это, безъ сомнѣнія, одно изъ позже выдуманныхъ производствъ, которыхъ много въ восточныхъ и западныхъ сочиненіяхъ". Онъ думаетъ, что это имя происходитъ отъ слова Туранъ, означающаго страны, лежащія по ту сторону Окса и впервые названныя такъ Персами (стр. 11). Наконецъ, оригинальны его воззрѣнія и относительно происхожденія Ту-гю отъ Хунъ-ну. Онъ думаетъ, что эта орда была подчинена Гуннамъ и даже говорила на языкѣ этихъ послѣднихъ и только позже отдѣлилась отъ бывшихъ побѣдителей (стр. 85—86).

Приведя вкратцѣ мнѣнія Неймана, мы можемъ сказать, что онъ въ общемъ придерживался тѣхъ-же воззрѣній, что и его предшественники по теоріи монголизма. Хунъ-ну и Гунны, по его воззрѣніямъ, одинъ и тотъ же народъ и при томъ монгольскаго происхожденія. Его доводы должны обратить наше особенное вниманіе какъ потому, что онъ завершилъ и обобщилъ то, что было сдѣлано до него сторонниками монголизма, такъ и потому, что онъ обладалъ бо́льшимъ матеріаломъ и большей наукоспособностью, чѣмъ вышеупомянутые изслѣдователи. Согласіе Неймана съ тѣмъ мнѣніемъ китайцевъ, что всѣ названія народовъ Средней Азіи только названія династій, а не народовъ, не оправдывается по нашему мнѣнію его собственными словами, что Хунъ-ну были Монголы, а Ту-гю—Тюрки. Совершенно уже нельзя согласиться, если даже вопросъ о народности Хунъ-ну считать спорнымъ, съ тѣмъ, что Ту-гю и Минъ-гу т. е. Тюрки и Монголы одинъ и тотъ-же народъ. Можно сказать, что въ государство Ту-гю входило много монгольскихъ элементовъ, а въ Монъ-гу тюркскихъ, но необходимо признать, что въ одномъ случаѣ власть принадлежала Монголамъ, а въ другомъ—Тюркамъ. Мы вполнѣ согласны, что нѣкогда и Тюрки, и Монголы, и Тунгузы составляли одно цѣлое но это не значитъ, что они всегда оставались въ такихъ отношеніяхъ, что ихъ даже трудно отличить однихъ отъ другихъ. Очень возможно, что китайцы, знавшіе ихъ съ глубокой древности, продолжали считать ихъ за одинъ и тотъ же народъ, знакомясь-же ближе, стали отмѣчать отличительныя черты каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ и получилось, что кочевые народы на сѣверѣ Китая считались то однимъ народомъ, то разными. На первоначальное единство этихъ народовъ указываетъ не только сходство языковъ при „физическомъ различіи", но сходство и того, и другого. Излагая исторію, Нейманъ высказался въ пользу того, что истинное имя страшныхъ кочевниковъ было Хунь-ё, всѣ-же прочія—передѣлки этого названія. Мы не понимаемъ какъ ругательное слово Хунъ-ну могло вытѣснить народное имя и при

томъ, если оно дѣйствительно вытѣснило его, то у кого—у китайцевъ или у самихъ Хунь-ё? Что китайцы могли употреблять его вмѣсто настоящаго—съ этимъ мы можемъ согласиться, но принятіе его самими кочевниками отрицаемъ. Трудно опредѣлить, къ какому имени изъ сообщаемыхъ лѣтописями всего ближе истинное имя народа. Сходство гунскихъ и хунхускихъ обычаевъ въ описаніяхъ европейскихъ и китайскихъ авторовъ объясняется общими кочевыми условіями жизни. Это сходство не можетъ быть принято какъ доказательство тожества народовъ. Мы вполнѣ согласны, что китайцы были ближе къ этимъ народамъ по расѣ, чѣмъ жители Европы и что ихъ поражалъ видъ народовъ кавказской расы, но замѣтимъ, что Нейманъ очень ошибался, принимая Тюрковъ за представителей кавказской расы *). Извѣстія, которыя онъ приводитъ изъ китайскихъ лѣтописей о наружности Тюрковъ, относятся не къ нимъ. Очевидно Нейманъ имѣлъ въ виду сообщеніе „Исторіи сѣверныхъ дворовъ“ и Ма-ту-ан-линя, такъ какъ онъ и сослался на этого послѣдняго. Но въ этихъ извѣстіяхъ дѣло идетъ не о Тюркахъ, а объ Арійцахъ **). Мы не можемъ также согласиться съ этимъ ученымъ относительно предпочтенія классификаціи по физическому типу и такимъ образомъ поставить на второе мѣсто лингвистическую классификацію. Въ этнографіи въ настоящее время придается языку не менѣе, если даже не болѣе важное значеніе. Видимо знакомый съ доводами Клапрота, Нейманъ считалъ возможнымъ видѣть въ гунскомъ языкѣ финскія слова, но продолжалъ считать эти народы совершенно различными. Теперь, однако, Финны и лингвистически и физически причисляются къ тому-же племени, къ которому принадлежатъ Тюрки, Монголы и Тунгузы. Далѣе, трудно сказать откуда Нейманъ взялъ опредѣленіе мѣстоположенія страны Юе-бань. Относительно отожествленія ея съ Угорской землей Нейманъ высказалъ только предположеніе безъ всякихъ доказательствъ. Измѣненіемъ слова Eulysia Юе-бань не могло быть потому, что это греческое слово, котораго быть можетъ не знали даже туземцы, а если и знали, то оно было имъ совершенно чуждо. Только этотъ изслѣдователь и Дегинь думали, что страна Юе-бань находилась западнѣе Кангюя. Съ этимъ, однако, нельзя согласиться на томъ основаніи, что китайскія лѣтописи точно указываютъ мѣстоположеніе Юе-баня—страна эта лежала къ востоку отъ Кангюя (киргизскія степи) и къ западу отъ Усу-ня (Дзунгаріи). Поэтому Юе-бань скорѣе всего соотвѣтствуетъ Тарбагатайскому округу и областямъ къ югу отъ

*) Это заблужденіе было, впрочемъ, распространено и въ его время, и ранѣе. Напр. Абель Ремюза, державшійся совсѣмъ другихъ взглядовъ относительно происхожденія Хунъну, считалъ Тюрковъ принадлежащими къ кавказской расѣ. См. его Recherches, стр. XXXVI.

**) См. В. В. Григорьевъ, выпускъ второй «Восточнаго Туркестана», (Землевѣдѣніе Азіи Риттера), стр. 10. Китайскій текстъ переведенъ у о. Іакинѳа. «Собраніе свѣдѣній», т. III, стр. 145; ср. тамъ-же, стр. 61.

него *). Если нельзя ничего сказать против мнѣнія Неймана относительно этническаго состава Гунновъ, какъ смѣси всевозможныхъ народовъ и племенъ, то нельзя согласиться съ производствомъ слова Тюркъ отъ слова Туранъ. Помимо бездоказательности этого словопроизводства, нужно сказать, что Туранцы были Арійцы, а вовсе не Тюрки. Своеобразно мнѣніе Неймана относительно происхожденія Ту-гю отъ Хунъ-ну. Не будучи уже въ состояніи раздѣлять воззрѣній Шмидта и о. Іакинѳа относительно монгольскаго происхожденія Ту-гю, онъ считалъ ихъ Тюрками и думалъ, что они не этнически, а политически произошли отъ Хунъ-ну т. е. что государство Ту-гю возникло на развалинахъ государства Хунъ-ну. Не признавая видимо существованія тюркскаго языка въ сѣверо-восточной Азіи до появленія Ту-гю, онъ выразилъ мнѣніе, что Тюрки, бывшіе подъ властью Хунъ-ну, даже говорили на языкѣ этихъ послѣднихъ. Доказательствъ какъ первому, такъ и второму изъ этихъ предположеній, мы, однако, нигдѣ не находимъ.

Изложивъ мнѣнія Неймана и разобравъ ихъ, я долженъ сказать, что въ причисленіи его къ теоріи монголизма не всѣ согласны. Именно, П. П. Семеновъ называетъ его однимъ изъ новѣйшихъ авторовъ, которые возвращаются мало по малу къ прежнему мнѣнію о тожествѣ Гунновъ и Хунъ-ну, не возобновляя конечно уже оставленной гипотезы о соплеменности Хунновъ съ Монголами (Риттеръ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I, Спб., 1850, стр. 631). Въ опроверженіе этому можно привести слова самого Неймана на стр. 31 его сочиненія, въ которыхъ онъ рѣшительно высказался за монголизмъ Хунъ-ну и Гунновъ. Впрочемъ, изъ того, что П. П. Семеновъ ссылается тамъ-же въ подтвержденіе своихъ словъ на „Asiatische Studien" (спеціально на стр. 132, гдѣ Нейманъ только мимоходомъ высказалъ мнѣніе о тожествѣ Гунновъ и Хунъ-ну), можно думать, что почтенный ученый считалъ это сочиненіе главнымъ или единственнымъ, касающимся вопроса о Хунъ-ну, тогда какъ другое, болѣе важное въ данномъ случаѣ, изслѣдованіе „Die Völker des südlichen Russlands" осталось ему неизвѣстнымъ.

Съ Нейманомъ теорія монголизма сказала какъ бы свое послѣднее слово. Онъ поставилъ въ тѣсную связь извѣстія о Хунъ-ну и Гуннахъ; онъ уклонился отъ произвольныхъ сопоставленій словъ, что являлось отличительной чертой предшествовавшихъ ему сторонниковъ теоріи монголизма, равно какъ и другихъ теорій; онъ-же обратилъ вниманіе на отношенія кочевыхъ народовъ Средней Азіи къ Восточной Европѣ. Наиболѣе крупнымъ недостаткомъ его является не вполнѣ вѣрная группировка народовъ по ихъ про-

*) См. о. Іакинѳъ «Собраніе свѣдѣній», т. III, стр. 163 и географическій указатель тамъ-же, стр. 109; Аристовъ «Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ», Живая Старина, 1896. выпуски IГ и III, стр. 293.

исхожденію и предпочтеніе классификаціи на основаніи физическаго сходства передъ классификаціей по языкамъ.

Однако теорія монголизма Хунъ-ну и Гунновъ вовсе не исчезла съ упомянутыми учеными. Правда, послѣ Неймана, т. е. съ 1847 г. мы не можемъ назвать ни одного ученаго, раздѣлявшаго воззрѣнія этой теоріи во всей ея полнотѣ, до 1883 г., когда извѣстный англійскій изслѣдователь, авторъ History of the Mongols Х. Хоуорсъ (H. Howorth) на шестомъ международномъ съѣздѣ оріенталистовъ въ Лейденѣ сообщилъ свои взгляды на этотъ вопросъ. Его докладъ былъ напечатанъ въ изданной въ 1885 г. четвертой части трудовъ съѣзда (Actes du sixième congrès international des Orientalistes, tenu en 1883 à Leide. 1885 Leide, Brill) подъ заглавіемъ „Some notes on the Huns". Въ этой статьѣ онъ возобновилъ теорію монголизма, понимая ее въ томъ видѣ, какъ понималъ Нейманъ.

Хоуорсъ считаетъ вопросъ о происхожденіи Гунновъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ въ древней этнографіи Азіи, а результаты изслѣдованій признаетъ очень незначительными. Трудность окончательнаго рѣшенія зависитъ, по его мнѣнію, отъ многихъ причинъ: бѣдности матеріала для филологическихъ изысканій, неизвѣстности физическаго типа и т. д. Задача изслѣдователя заключается въ рѣшеніи вопроса — были ли Гунны тюркскаго, монгольскаго, финскаго происхожденія или они состояли изъ различныхъ элементовъ. У армянскихъ писателей Гунны упоминаются какъ жители областей къ сѣверу отъ Кавказа еще до II-го в. до Р. Х. Однако, отожествленію гунскихъ именъ съ именами кавказскихъ Аваровъ, изъ котораго слѣдуетъ по мнѣнію Хоуорса признаніе того, что Гунны и Авары были лезгинскаго племени, противорѣчатъ исторія, преданіе и физическій типъ. Нашъ изслѣдователь указываетъ на то, что нельзя опираться только на лингвистическія данныя, такъ какъ эти данныя измѣнчивы (онъ приводитъ въ примѣръ племя Хезаре въ Афганистанѣ, которое, хотя и говоритъ на персидскомъ языкѣ, однако принадлежитъ несомнѣнно къ монгольскому племени). Онъ находитъ, что лучше всего руководиться историческими фактами („установленіемъ исторической преемственности", какъ выражается онъ), дополняя ихъ лингвистическими и другими данными. Справедливо указавъ на отсутствіе этнографической классификаціи у Дегиня, Хоуорсъ считаетъ отожествленіе Хунъ-ну съ Ту-гю, сдѣланное Клапротомъ, смѣлымъ на томъ основаніи, что китайцы не дѣлали никакого различія въ этнографическомъ отношеніи между своими кочевыми сосѣдями и когда нападенія этихъ сосѣдей на ихъ страну возобновились, они назвали нападавшихъ потомками Хунъ-ну. Хоуорсъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что Хунъ-ну были Монголы. Этотъ выводъ дѣлаетъ онъ изъ слѣдующихъ соображеній. 1) Хунъ-

ну занимали страну Монголовъ. Что тюрки занимали южную часть этой страны въ VI-мъ вѣкѣ, не доказываетъ того, что они занимали ее раньше. Монголы-же, насколько мы знаемъ, были исконными обитателями этой страны. 2) Чингизъ-ханъ, въ разговорѣ съ даосскимъ монахомъ Чань-Чунемъ, называетъ шань-юя Хунъ-ну „нашимъ“ шань-юемъ. Хоуорсъ принимаетъ и сдѣланное Шмидтомъ отожествленіе словъ Шань-юй съ Чи-но и Суту-Бокда съ Тенгри-Куту. Въ подтвержденіе своему мнѣнію онъ приводитъ также и сходство нѣкоторыхъ обычаевъ (употребленіе извѣстнаго рода знамени и особаго рода костюмовъ при свадьбахъ). Жуань-жуань, ближайшіе преемники Хунъ-ну въ сѣверо-восточной Азіи, происходили, по словамъ Ма-ту-ань-линя отъ Хунъ-ну; это весьма вѣроятно, прибавляетъ Хоуорсъ, такъ какъ „они были дѣйствительно въ тѣсной связи между собою“. Если мы обратимъ вниманіе на ожесточенную вражду Жуань-жуань съ Ту-гю, то можно опять таки думать, что первые были монголы, такъ какъ выдающуюся роль въ Средней Азіи могли играть только или тюрки, или монголы. Шмидтъ, основываясь на лингвистическихъ данныхъ, то-же пришелъ къ тому мнѣнію, что Жуань-жуань—монголы. Въ своихъ выводахъ Хоуорсъ идетъ еще дальше признанія монголизма этихъ двухъ народовъ и думаетъ, что Хунъ-ну были предками собственно Монголовъ, а Жуань-жуань были предками Ойратовъ. Онъ даже сближаетъ слово ойратъ со словомъ Аваръ, такъ какъ „ат“ есть окончаніе множественнаго числа, а ойр-уар т. е. авар; въ этомъ онъ видитъ даже подтвержденіе гипотезы Дегиня, что Жуань-жуань и Авары одинъ и тотъ-же народъ. Признавая тожество Хунъ-ну и Гунновъ, Хоуорсъ однако указываетъ на то, что въ Средней Азіи часто династія была одного происхожденія, а масса народа—другого (напр. Золотая Орда, гдѣ династія была монгольская, а масса народа—тюрки). Затѣмъ, Хоуорсъ переходитъ къ монгольскому происхожденію династіи Гунновъ. Главное основаніе для этого отождествленія по мнѣнію Хоуорса,—сходство гунскихъ обычаевъ съ монгольскими (напр. одежда Аттилы сходна съ одеждой монгольскихъ князей; гунны, какъ и монголы, ѣли только мясо особымъ образомъ убитыхъ животныхъ и т. д.). Признавая тотъ фактъ, что среди Гунновъ были и германцы, и славяне, онъ, однако, считаетъ главнымъ составомъ народной массы—тюрковъ и финно-угровъ. Затѣмъ, Хоуорсъ останавливается на имени „Бѣлые Гунны“, которое какъ-бы подразумѣваетъ другое, именно „Черные Гунны“, подобно тому, какъ были Черные и Бѣлые Угры, Кара (черные) и Акъ (бѣлые) Хазары. „Бѣлые“ Хазары, Угры и Гунны были вѣроятно Тюрки, а „Черные“ Хазары, Угры и Гунны—Угры. Впрочемъ Хоуорсъ отказывается отъ окончательнаго рѣшенія вопроса; рѣшить его нельзя—можно лишь выставлять гипотезы.

Изъ вышеприведеннаго содержанія статьи Хоуорса можно, какъ намъ кажется, замѣтить, что онъ далъ очень мало новыхъ матеріаловъ по вопросу о монголизмѣ Хунъ-ну и Гунновъ сравнительно съ тѣмъ, что было уже сообщено сторонниками этой теоріи до него. Пріемы этого изслѣдователя тоже не особенно отличаются отъ пріемовъ другихъ сторонниковъ монголизма, не смотря на то, что историческая этнографія очень двинулась впередъ даже со временъ Неймана. Въ нѣкоторыхъ-же вопросахъ Хоуорсъ, какъ увидимъ ниже, высказываетъ такія голословныя сужденія, отъ которыхъ Нейманъ вѣроятно воздержался-бы. Передавая извѣстія о Гуннахъ у Армянъ, Хоуорсъ ошибся въ опредѣленіи времени ихъ пребыванія въ областяхъ къ сѣверу отъ Кавказа. Сенъ-Мартенъ, указавшій на эти извѣстныя у армянскихъ писателей (см. ниже главу IV) сообщилъ лишь то, что Гунны извѣстны армянамъ во второй половинѣ III-го вѣка по Р. Х. Хоуорсъ-же полагалъ, что упоминаніе о нихъ относится ко II-му вѣку до Р. Х. Разница во времени получается, какъ видно, значительная. Клапротъ, на котораго такъ нападаетъ Хоуорсъ, вовсе не думалъ, какъ увидимъ ниже, что Гунны и Авары были Лезгины—онъ прямо даже отрицалъ это. Признавая незначительность одних лингвистическихъ данныхъ въ нашемъ вопросѣ, нельзя однако согласиться съ примѣромъ, приведеннымъ Хоуорсомъ—племя Хезаре является несомнѣнно исключеніемъ и этнографическая классификація возможна въ настоящее время главнымъ образомъ по даннымъ лингвистическимъ. Въ признаніи Хунъ-ну Монголами, Хоуорсъ по нашему мнѣнію, опирается на недостаточныя основанія. Если мы не можемъ сказать, что Тюрки занимали Монголію до IV вѣка по Р. Х., то мы также не можемъ сказать, что Монголы — исконные обитатели этой страны; мимоходомъ-же сказанныя слова Чингизъ-хана могутъ еще менѣе служить доказательствомъ. Относительно доводовъ Шмидта, которымъ Хоуорсъ придаетъ такое значеніе, равно какъ и относительно отожествленія народовъ по сходству обычаевъ, мы уже говорили выше и поэтому не считаемъ нужнымъ вторично опровергать ихъ. Признавать Жуань-жуань монголами только потому, что они вели ожесточенную войну съ Ту-гю, мы не считаемъ возможнымъ на томъ основаніи, что ожесточенная борьба можетъ происходить и между народами одного происхожденія (вспомнимъ хотя-бы борьбу между тюркскими народами Ту-гю и Уйгурами въ началѣ VII-го вѣка). Въ опроверженіе того мнѣнія, что только Тюрки и Монголы играли выдающуюся роль въ исторіи Средней Азіи, мы укажемъ на народъ, игравшій нисколько не меньшую роль, чѣмъ Жуань-Жуань, именно на Сянь-би и который тѣмъ не менѣе былъ ни тюркскаго, ни монгольскаго, а либо тунгузскаго, либо корейскаго происхожденія. Что касается до вопроса о Гуннахъ, то тутъ Хоуорсъ вполнѣ сходится съ взглядами Тьерри, хотя и не говоритъ

объ этомъ изслѣдователѣ. Къ гипотезѣ о Черныхъ Гуннахъ, возникшихъ въ представленіи Хоуорса по аналогіи съ Черными Уграми и Хазарами, за отсутствіемъ историческихъ извѣстій, нельзя относиться съ довѣріемъ.

Въ заключеніе всего вышеизложеннаго мы должны сказать, что возобновленіе теоріи монголизма не было вызвано открытіемъ новаго матеріала, а личными убѣжденіями одного ученаго. Въ небольшомъ докладѣ на съѣздѣ, въ общихъ чертахъ, онъ изложилъ то, что по большей части было извѣстно и до него.

Подводя итоги всей монгольской теоріи, нужно сказать, что ее никоимъ образомъ нельзя считать сданной въ архивъ. Это доказываетъ не только появленіе вышеприведенной статьи Хоуорса, но сравнительная распространенность ея среди не спеціалистовъ *). Ея вліяніе бываетъ замѣтно и въ строго нанаучныхъ трудахъ и въ популярно научной литературѣ, и въ простыхъ учебникахъ. Эта теорія, первая въ хронологическомъ порядкѣ, въ вопросахъ о происхожденіи Хунъ-ну и Гунновъ по большей части строго придерживалась этнографической классификаціи, а въ вопросахъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ считалась съ историческими фактами. Тѣмъ не менѣе нужно сказать, что для того, чтобы признать ее дѣйствительной, нужны новыя доказательства, новые матеріалы, а большинство изслѣдователей въ настоящее время не можетъ быть причислено къ сторонникамъ теоріи монголизма.

К. Иностранцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

*) См. напр. Реклю, «Земля и люди», т. VII, стр. 157 (изд. Ильина).

ОПЕЧАТКИ

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
355	15	Мальи	Малья
—	34	des Sures	des Turcs
356	4	отожествленіи	отожествленіе
—	31	Gou-gen	Geou-gen
358	9	Chanyong	Chan-yong
—	10	Kuci-fang	Kuei-fang
—	20	Ху-хань-а	Ху-хань-е
—	39	Дунъ-ну	Дунъ-ху
359	36	монгольское племя.	монгольское племя».
—	38	и Гунновъ».	и Гунновъ.
360	36	Замѣтка	Замѣтки
362	23	въ мірѣ	въ лицѣ
364	4	nnter	unter
—	39	виникцаръ	емникцаръ
365	2	отступника	отступники
—	11	sur langues	sur les langues
—	38	именъ	имени
—	40	льноголовыхъ	лысоголовыхъ
366	5	принято	принята
368	22	Волги. «Далѣе	Волги». Далѣе
369	11	имѣтъ	имѣлъ
370	8	Tn-kiuei	Tu-kiuei
—	34	въ день	въ дань
373	26	ній	юй
378	7	Ма-ту-ань-линемъ	Ма-туань-линемъ
—	41	зыки	языки
379	4	индо-китайскаго	индо-германскаго
—	30	Хунь-ну	Хунъ-ну
380	1	Гуннами	Гуннами»
—	24	Минъ-гу	Монъ-гу
381	5	хунхускихъ	хуннускихъ
—	14	Ма-ту-ан-линя	Ма-туань-линя
—	33	Усу-ня	Усуня
382	40	выпуски II и III.	выпуски III и IV.
383	11	teuu	tenu
384	10	Ма-ту-ань	Ма-туань
—	16	то-же	тоже
385	11	извѣстныя	извѣстія

Объ одномъ старославянскомъ оборотѣ съ точки зрѣнія современныхъ славянскихъ нарѣчій.

Употребленіе именительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ выраженіяхъ любы (прѣлюбы) дѣяти, творити, сътворити (греч. μοιχευειν) представляетъ въ синтаксическомъ отношеніи явленіе крайне загадочное. Встрѣчаясь только въ этомъ оборотѣ почти во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ македоно-паннонской редакціи, оно находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ извѣстной наклонностью славянскихъ языковъ замѣнять въ этой категоріи основъ не винительный пад. именительнымъ, а, наоборотъ, именительный — винительнымъ. Такъ, исключая случаи, гдѣ основы на согл. — v перешли въ склоненіе основъ на а, въ русс. яз. мы постоянно имѣемъ въ именительномъ п. любовь, церковь и т. п., въ польск. bukiew, cerkiew, въ верхнелуж. cyrkej, krej, въ нижнелуж. cerkvej, kšej, въ чешск. cirkev, krev, словенск. cîrkev, krv, сербо-хорв. љубав, кр̑в, болг. любовъ, кръвь. Правда, въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка встрѣчаются иногда старинныя образованія на ы, напр. свекры *), но это слово только повидимому принимаетъ функцію винительнаго п., такъ какъ на самомъ дѣлѣ представляетъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ т. н. nominativus cum infinitivo, извѣстнаго еще древне-русскимъ памятникамъ. Нерѣдкая въ болгарскомъ и сербскомъ форма винит. п. луби, љуби, обозначающая „возлюбленную“, „любовницу“, а въ словенскомъ въ той же функціи kri (кровь) не противорѣчатъ указанной тенденціи уже потому, что представляютъ несклоняемыя образованія. Миклошичъ въ своей Vrgl. Gr. (B. III², S.243) цитируетъ напр. изъ „Османа“ Гундулича три примѣра употребленіе ljub въ знач. им. п. ед., три примѣра — въ знач. род. ед., одинъ — въ знач. винит. ед., одинъ — въ знач. мѣстн. п. ед., два — въ творит. ед., два — въ знач. именит. множ. и два — въ знач. винит. множ. Подобныя же несклоняемыя формы слова kri тотъ же ученый указалъ въ сочиненіяхъ Трубера и Богорича (ibid., S. 141), а г. Фр. Курелацъ такую же форму kami въ стихотвореніяхъ хорватовъ Ветранича, Лучича, Налешковича, Дивковича, Пальмотича и Газаровича **).

---

*) Vetter. Zur Geschichte der nominalen Declination im Russischen. Leipz. 1883. S. 67.
**) Stariji oblici samostavni (Rad, Knj. XX (1872). s. 145—146).

Итакъ, всѣ живыя славянскія нарѣчія замѣняютъ древній именительный падежъ основъ на—v винительнымъ. Этотъ фактъ самъ по себѣ еще не исключаетъ возможности, чтобы старославянскій языкъ въ извѣстныхъ случаяхъ поступалъ и обратно, если бы въ его памятникахъ не попадались совершенно аналогичные случаи. Уже въ древнѣйшихъ средне-болгарскихъ рукописяхъ, являющихся органическимъ продолженіемъ старославянскихъ, довольно часты формы именит. п. вродѣ любовъ въ Слѣпч. Ап. XII в., црьковь въ Струм. Окт. XIII в., любовь Мак. Ап. XIII., црьковь Берл. Сб. XIII в. и мн. др. (A. Kalina Studyja, t. II, str. 432). Подобныя же явленія извѣстны и старославянскимъ памятникамъ. Оставляя въ сторонѣ формы именит. п. основъ на —n— вродѣ камень, корень, встрѣчающіяся кромѣ Супрасльской рукописи рѣшительно во всѣхъ памятникахъ македоно - паннонской рецензіи *), яркимъ доказательствомъ исконнаго вліянія винит. п. на именительный въ категоріи основъ на —v— служитъ ф. кръвь, вытѣснившая форму именит. кры (о которой мы знаемъ только изъ польскаго и словенскаго языка) едва-ли не въ эпоху Кирилла и Меѳодія. Правда, другихъ словъ той же категоріи процессъ вытѣсненія формы именит. п. винительнымъ въ старославянскихъ памятникахъ, повидимому, не коснулся; но что и здѣсь первый п. не остался совершенно безъ вліянія второго, доказываетъ такое образованіе, какъ смокви, встрѣчающееся въ Супрасльской рукописи и представляющее своеобразную контаминацію именит. п. съ винительнымъ **). Послѣдній фактъ особенно драгоцѣненъ въ томъ отношеніи, что онъ ослабляетъ значеніе формъ именит. п. камы и пламы, тринадцать разъ употребленныхъ въ Супрасльск. ркп. въ функціи винительнаго п. ***). Такъ какъ во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ македоно-паннонскихъ памятникахъ именительный и винительный пп. именно этихъ словъ находятся какъ разъ въ обратномъ отношеніи, и такъ какъ съ другой стороны именно только Супрасльская рукопись не употребляетъ формы любы въ значеніи винительнаго п.,—то очевидно, что употребленіе камы и пламы въ функціи винительнаго обязано въ послѣднемъ памятникѣ какимъ-то особымъ діалектологическимъ условіямъ, анализъ которыхъ отвлекъ бы насъ здѣсь въ сторону.

---

*) Именно форма камень 7 разъ встрѣчается въ Зогр. Ев., 4—въ Ассем., 1 — въ Маріинск., 1—въ Клоцов. Сб., 4—въ Супр. ркп. и 1—въ Савв. Кн.; слово корень 1 разъ употреблено въ Клоц. Сб. и 3 — въ Супрасл. ркп. (R. Scholvin, Beiträge zur Declination in den pannonisch-slovenischen Denkmälern der Altkirchenslovenischen, Arch., B. II, S. 521—522).

**) R. Scholvin, o. c., S. 514. Подобные же примѣры замѣчены Миклошичемъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ: любви Панегирикъ Михановича, цръкви Болонск. пс. и др. (Vergl. Gr. B. III S. 39).

***) R. Scholvin, o. c. S. 528. A. Leskien, Handbuch, S. 60.

Составляя странную аномалію вряду другихъ формъ винит. п. основъ на —v—, наша форма *любы* противорѣчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ общей тенденціи славянскихъ языковъ передавать синтаксическія функціи именительнаго падежа винительному, — тенденціи, весьма опредѣленно проявившейся (какъ показано Лескинымъ въ его знаменитомъ „Declination...“) еще въ эпоху общеславянскую.

Уже одного этого факта самого по себѣ вполнѣ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ правильности обычнаго объясненія формъ *любы*, *прѣлюбы* въ нашемъ оборотѣ какъ именительныхъ пп. отъ основъ на согласную *). Сомнѣніе это перейдетъ въ увѣренность, какъ только мы примемъ во вниманіе еще слѣдующіе факты.

Кромѣ винит. п. на—ъвь и ъı (въ нашемъ случаѣ) основы на — v— употребляютъ иногда винит. п. на —*ъве*—**). Послѣдняя форма, довольно частая въ другихъ случаяхъ, никогда не встрѣчается въ оборотѣ *прѣлюбъı дѣяти*. Это явленіе нельзя не признать очень страннымъ, если форма *любы* въ нашемъ выраженіи есть слово того же образованія, какъ и, напр., во фразѣ *Богъ любы есть*.

Во вторыхъ, вступая въ соединеніе съ другими словами, *любы* всегда вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ въ категорію основъ на—о: ср. напр., *любодѣяти*, *прѣлюбодѣяние*, напротивъ, другія слова той же категоріи сохраняютъ въ этомъ случаѣ слѣды своего согласнаго происхожденія. Напр. отъ **кры* мы имѣемъ множество словъ въ родѣ *кръвосмѣшеніе*, *кръвопролитіе* и пр. При предполагаемомъ единствѣ обоихъ образованій, это явленіе опять-таки въ высшей степени странно ***).

Въ третьихъ, въ Маріинскомъ ев. дважды (Марк. X, 19, Луки XVIII, 20) и Ассемановомъ однажды (Матѳ. XIX, 18) вмѣсто *прѣлюбъı* въ нашемъ оборотѣ употреблена форма *прѣлюбъ* ****). Такъ какъ эта форма встрѣчается въ двухъ совершенно разныхъ памятникахъ и притомъ на совершенно разныхъ мѣстахъ, то ее невозможно объяснить опиской, перешедшей изъ оригинала по традиціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она находится въ какой-то морфологической связи съ *прѣлюбъı*, но въ какой,—на этотъ вопросъ популярное объясненіе отвѣтъ не даетъ, да и дать не можетъ...

„Нарушеніе безъ всякой видимой причины строго соблюдаемой въ другихъ случаяхъ разницы между именительнымъ (*любъı*) и винительномъ (*любъвь*)“ заставило нѣкоторыхъ ученыхъ искать болѣе раціональнаго объясненія явленію. Такъ, ак. Ягичъ высказалъ мнѣніе, что *любъı* въ соеди-

*) Оно принято и Лескинымъ см. Handbuch[3], S. 65.
**) R. Scholvin, o. c. s. 522—525, A. Leskien, Handbuch[3]. S. 65.
***) Указаніемъ на этотъ фактъ мы обязаны пр.-доц. И. Л. Лосю, за что и приносимъ ему здѣсь нашу глубокую благодарность.
****) A. Leskien, Handbuch[3], S. 65.

ненiи съ дѣяти не имѣетъ ничего общаго съ основами на —v—, но представляетъ или винительный п. мн. ч. или нарѣчiе отъ прилаг. любъ (ср. малы). Самый же оборотъ любы дѣяти знаменитый славистъ считаетъ аналогичнымъ съ извѣстнымъ выраженiемъ милъ ся дѣю *). Противъ такого объясненiя, во-первыхъ, можно возразить, что если бы любъı представляло винит. п. мн. отъ прилаг., то это прилагательное, конечно, получило бы форму средняго р., а не мужескаго; во-вторыхъ, объясненiе любъı и какъ нарѣчiя не объясняетъ указанной формы Мар.-Ассем. Евв. прѣлюбъ. Гораздо болѣе правдоподобное объясненiе предложилъ К. Бругманнъ, который въ ок.—ъı нашихъ словъ видитъ совершенно правильный рефлексъ индоевр. окончанiя согл. основъ $\bar{u}$m **). Но и это объясненiе не проливаетъ свѣта на указанныя три особенности употребленiя нашихъ формъ въ памятникахъ.

Но если любъı и прѣлюбъı въ соединенiи съ дѣяти не могутъ быть ни винит. п. отъ существительныхъ на согласн. основу, ни прилагательнымъ, ни нарѣчiемъ, то не могутъ-ли онѣ быть формами отъ основъ на —о—? Другими словами, не представляютъ-ли наши слова формъ винит. п. множ. ч. исчезавшихъ еще въ македоно-паннонскую эпоху существительныхъ муж. р. любъ, прѣлюбъ основы на—о?

Хотя въ старославянскихъ памятникахъ мы и напрасно стали бы искать даже признаковъ существованiя такихъ словъ, тѣмъ не менѣе богатыя данныя лексическаго матерьяла живыхъ славянскихъ языковъ указываютъ на то, что эти существительныя нѣкогда были извѣстны и старославянскому языку.

Такъ, въ словенскомъ языкѣ довольно употребительно слово ljûb, i, f., означающее „любовь“. Творительный п. множ. ч. этого слова ljûbmi встрѣчается и въ формѣ нарѣчiя въ значенiи freiwillig. О древности этого нарѣчiя не можетъ быть никакого сомнѣнiя, такъ какъ оно встрѣчается еще въ Фрейсингенскихъ отрывкахъ (Vondrák, Index). Правда, слово ljûb принадлежитъ къ категорiи основъ на —i—, но что въ словенскомъ языкѣ могло существовать подобное же образованiе и на —о—, это доказываетъ слово poljub, a, м. р., „поцѣлуй“, der Kuss (Pleteršnik, см. это слово). Это существительное образовано отъ глагола poljubiti zu lieben anfangen, abstreicheln, einen Kuss geben (ibid). Слово poljûb въ свою очередь дало начало существительному poljûbek, a, который сходится отчасти по фармѣ и всецѣло по значенiю съ сербскимъ пољубац. Послѣднее имя предполагаетъ существованiе и въ сербск. слова пољуб, тѣмъ болѣе, что и здѣсь существуетъ глаголъ пољубити „цѣловать“. То же понятiе лежитъ и въ болгарскомъ глаголѣ полюбамъ.

---

*) Марiинское четвероевангелiе. Спб. 1883, стр. 438.

**) Grundriss, B. II, S. 550.

Такимъ образомъ, въ южнославянскихъ языкахъ находятся хотя и малочисленныя, но все-таки положительныя указанія на то, что въ нихъ нѣкогда существовало слово *lub, склонявшееся по темѣ на — о и обозначавшее вѣроятно „плотскую“ или „чувственную любовь“. Въ послѣднемъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что глаголъ любити, отъ котораго могло быть образовано существительное *lub, во всѣхъ трехъ языкахъ обозначаетъ, главнымъ образомъ, „цѣловать“, а въ словенскомъ „behagen“ т. е. „нравиться“.

Гораздо меньше указаній даютъ южнославянскіе языки относительно существованія имени *prelub. Косвеннымъ доказательствомъ возможности его существованія можетъ служить словенское прилагательное preljub, „zu lieb“ (см. Pleteršnik это слово), образованное отъ глагола preljúbiti, „vorziehen“, „zu viel lieben“. Послѣдній глаголъ извѣстенъ и въ сербскомъ языкѣ, гдѣ обозначаетъ не только „чрезмѣрную любовь“, но и главнымъ образомъ „незаконную, преступную“. Нельзя не сознаться, что это послѣднее значеніе гораздо лучше подходитъ къ смыслу старославянскаго оборота прѣлюбы творити, чѣмъ первое. Поэтому, Миклошичъ поступаетъ ошибочно,— видя въ прѣлюбы вліяніе д. в. н. ubarhuor „adulterium“ при huor „scortatio“ (Vrgl. Gr. B. II. S. 363).

Весьма опредѣленныя указанія относительно былого существованія слова *lub даютъ и западно-славянскіе языки. Если въ словенскомъ и сербскомъ языкахъ это существительное сохранилось только въ сложеніи съ предлогомъ po, то въ чешскомъ языкѣ оно встрѣчается и въ видѣ чистой основы т. е. какъ въ старославянскомъ. Именно Kott въ своемъ Slovník'ѣ приводитъ драгоцѣнный для насъ примѣръ lib, u, м. р. (изъ lub, a, м. р.) извлеченный имъ изъ одной рукописи XIV в. и обозначающій milý předmět т. е. „пріятный, дорогой предметъ“. Правда, примѣръ, приведенный Коттомъ, единственный, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ выходомъ въ свѣтъ „Историческаго словаря чешскаго языка“ проф. Гебауэра число примѣровъ этого слова увеличится. Отголоскомъ его служитъ и современное чешское libek-milek.

Несравненно чаще употребляется въ чешскомъ языкѣ слово lib (т. е. lub) въ сочетаніи съ префиксами. Какъ и въ сербскомъ и словенскомъ, и въ чешскомъ существуетъ имена polib и polibek, образованныя отъ глагола polibiti, обозначающаго „цѣловать“. Но особенно часто оно встрѣчается въ видѣ слова slib, которое имѣетъ множество значеній при главномъ „votum“, das Gelübde. Какъ polib образовано отъ polibiti, такъ slib—отъ slibiti.

Въ тѣхъ же словахъ, что и въ чешскомъ, слово lub продолжаетъ жить и въ польскихъ polub и slub (при глаголахъ polubic' и slubic'). Мы не нашли только слова lub, что, впрочемъ, и неудивительно при крайней устарѣлости словаря Линде.

Особенно много словъ, образованныхъ отъ именной основы lub, имѣетъ верхне - лужицкій языкъ. Изъ нихъ мы приведемъ здѣсь по словарю Пфуля, только lubc, „Buhle“, lubčik, Liebstöckel, lubkar', „Liebstenjäger“ при глаголахъ lubkowac' Libsten haben, prelubkowac' mit Liebsten verbringen. Какъ въ польскомъ и чешскомъ, такъ и въ верхне-лужицкомъ яз. есть слово slub, происшедшее изъ *sъlubъ.

Меньше всего указаній относительно слова *lub даетъ, какъ это ни попокажется страннымъ на первый взглядъ, русскій яз. Въ словарѣ Даля, мы могли найти только нарѣч. слюбомъ, которое тождественно по образов. съ чешск. slib и польск. slub.

Итакъ, во всѣхъ живыхъ славянскихъ языкахъ находятся болѣе или менѣе ясныя указанія на то, что въ общеславянскомъ языкѣ нѣкогда существовали имена lub, а и prelub, а. Весьма возможно, что именно эти слова и сохранились въ старославянскомъ оборотѣ любы (прѣлюбы) сътворити. Какъ формы винит. п. мн. ч., они имѣютъ поэтому лишь случайное сходство съименит. п. слов. на согл. основу. Если это такъ, то намъ теперь сразу дѣлается ясной встрѣчающаяся въ Мар. и Ассем. Евв. форма прѣлюбъ, которая очевидно представляетъ здѣсь винит. ед. ч. отъ забытаго существит. *prelub.

Точно также теперь насъ не будетъ удивлять и тотъ фактъ, почему въ нашемъ оборотѣ любы никогда не замѣняется словомъ любъвь. Если обѣ эти формы были бы формами одного и того же слова, то было бы очень странно, что такіе тонкіе знатоки старославянскаго языка, какими были изобрѣтатели слав. азбуки, употребили одно и тоже слово и въ такомъ возвышенномъ значеніи, какъ Богъ любы есть и, напротивъ, въ такомъ пошломъ какъ любы сътворити. Напротивъ, ларчикъ открывается просто, если предположить, что въ первомъ случаѣ слово любы представляло образованіе на согласную и обозначало „идеальную любовь“, а во второмъ,— образованіе на гласную и значило любовь „чувственную“.

Г. Ильинскій.

ОТДѢЛЪ II.

Распредѣленіе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляя при семъ настоящій мой трудъ, считаю прежде всего долгомъ указать источники, коими я пользовался при составленіи статистическихъ таблицъ народонаселенія.

Главными источниками были Салнаме (ежегодная справочная книга) Солунскаго Вилаета, списки доставленные Епархіями о числѣ входящихъ въ составъ ея христіанскихъ домовъ и, наконецъ, свѣдѣнія разныхъ частныхъ лицъ. Но при всемъ стараніи собрать точныя цифры населенія, я не могу ручаться за безусловную точность моихъ свѣдѣній и допускаю, что онѣ уклоняются отъ истины процентовъ на 15.

Хотя турецкія оффиціальныя данныя, заключающіяся въ издаваемомъ ежегодно Салнаме, не всегда отличаются вѣрностью, тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ драгоцѣнный матеріалъ, такъ какъ служатъ единственнымъ источникомъ для подсчета мусульманскаго населенія. Вслѣдствіе сего я не могу согласиться съ мнѣніемъ Г. Теплова, высказаннымъ въ его «Матеріалахъ для статистики Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи», что при составленіи числовыхъ данныхъ Салнаме большую роль играетъ собственное вдохновеніе властей. Можетъ быть, это такъ было въ 1877 году, когда Г. Тепловъ печаталъ свое сочиненіе, но не теперь, такъ какъ лѣтъ 15 тому назадъ Турецкое Правительство ввело систему «нуфузъ-тескере» (видъ на жительство), которыми всѣ турецкіе подданные обязательно снабжены. Эти нуфузъ-тескере должны всегда находиться при собственникѣ для удостовѣренія его личности. О каждомъ рожденіи приходскій священникъ у христіанъ и имамъ у мусульманъ обязанъ донести компетентнымъ властямъ и получить для новорожденнаго мальчика или дѣвочки нуфузъ-тескере, за который уплачивается піастръ ($8^1/_2$ коп.). Такимъ же образомъ вышеупомянутые лица сообщаютъ и о случаяхъ смерти, для исключенія умершихъ изъ списка жителей, такъ какъ въ противномъ случаѣ семейство покойнаго будетъ продолжать уплачивать подати за умершаго. Единственное, въ чемъ можно упрекнуть Салнаме, это то, что, печатая число жителей даннаго села или города, доставленное управленіемъ, нуфузъ-тескере не принимаетъ во вниманіе, что многіе, родившись въ одномъ мѣстѣ и будучи тамъ записаны, проводятъ всю свою жизнь въ другомъ мѣстѣ, числясь оффиціально въ спискахъ по мѣсту рожденія. Вслѣдствіе сего населеніе городовъ, притягивающихъ къ себѣ на заработки жителей селъ, всегда показано въ Салнаме ниже дѣйствительности. Но если нельзя основываться на оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ для счета христіанъ, отличаю-

щихся большею предпріимчивостью и потому переселяющихся въ торговые и промышленные центры, то для мусульманъ, остающихся большею частью на родинѣ, свѣдѣнія Салнаме почти вѣрны.

Что же касается получаемыхъ отъ епархіальныхъ властей свѣдѣній о числѣ христіанскихъ домовъ въ епархіи, то ихъ слѣдуетъ различать по источнику полученія. Цифры, доставляемыя болгарскими митрополитами, достовѣрнѣе цифръ греческихъ архіереевъ, такъ какъ первые, будучи поставлены во главѣ школьнаго дѣла, получаютъ свѣдѣнія и отъ учителей и отъ священниковъ, которые не имѣютъ надобности скрывать истину отъ архіерея, получающаго годовой окладъ жалованія отъ Екзархіи и потому не требующаго въ свою пользу съ паствы налога въ 12 піастровъ (1 р. 2 коп.) въ годъ съ каждаго семейства.

Греческіе митрополиты фактически отстранены отъ завѣдыванія школами и потому не имѣютъ для провѣрки свѣдѣній отъ учителей, а довольствуются только цифрами приходскихъ священниковъ, старающихся всегда скрыть истину изъ опасенія, во первыхъ что архіерей наложитъ больше ежегоднаго налога на прихожанъ, а во вторыхъ что при посвященіи сына и дачи ему отцовскаго прихода придется заплатить болѣе архіерею. Но кромѣ того греческіе митрополиты и слышать не хотятъ о различіи по національности жителей, а называютъ ихъ просто православными, считая таковыхъ исключительно греческимъ достояніемъ. Тогда какъ болгарскіе строго придерживаются національности и не стараются даже распространять своего вліянія на не славянъ.

Чтобы покончить съ источниками, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ, въ особенности Г. Шопову, болгарскому торговому агенту въ Солуни, доставившему мнѣ богатый матеріалъ.

Относительно этнографическаго распредѣленія народностей необходимо замѣтить, что настоящіе греки, эллины, живутъ болѣе или менѣе компактной массой только въ приморскихъ частяхъ Виляета, въ другихъ же мѣстахъ они группируются въ нѣсколькихъ торговыхъ городахъ какъ-то Мельникъ, Сересъ, Драма и т. д. Эти греческія колоніи, благодаря своей сплоченности, а также богатству и большему развитію, сильно вліяютъ на окрестное населеніе какъ городское, такъ и сельское. Первое греки успѣваютъ даже эллинизировать, а второе, находящееся часто въ матеріальной зависимости отъ нихъ, удерживаютъ отъ перехода въ вѣдомство болгарскаго Экзарха.

Влахи разбросаны небольшими колоніями по всему Виляету и большею частью настолько эллинизированы, что оскорбляются, если ихъ назвать влахами. Исключеніе составляютъ влахи, живущіе въ казѣ Гевгели, въ мѣстности такъ называемой Могленъ (по турецки Караджово), изъ коихъ жители села Нонте въ числѣ около 4000 человѣкъ приняли въ концѣ 18-го столѣтія мусульманство (единственный примѣръ принятія влахами мусульманства), а жители другихъ селъ по свидѣтельству Вейганда болгарятся (Vlacho-Meglen. стр. XXVIII).

За исключеніемъ приморскихъ частей, въ коихъ, какъ было сказано выше, живутъ греки, весь Солунскій Виляетъ занятъ турками османлисами и славянами.

Въ число турокъ я помѣстилъ также жителей Долно-Яболчица и Горно-Яболчица казы Велесъ, всего 737 человѣкъ албанцевъ, а также небольшія поселенія черкесовъ и цыганъ-мусульманъ. Сдѣлалъ это, чтобы не заводить отдѣльныхъ графъ для ничтожнаго количества, не мѣшающаго моей задачѣ выяснить процентное отношеніе и распредѣленіе по мѣсту жительства различныхъ народностей въ Солунскомъ Генералъ-Губернаторствѣ. Руководствуясь такими же соображеніями, я причислилъ въ казѣ Зихна къ грекамъ часть жителей селъ Зиляхово, Нуска, Еровище, Зихна и Порна, въ числѣ 3000 человѣкъ, христіанъ, употребляющихъ въ домашнемъ обиходѣ исключительно турецкій языкъ. Кто они такіе? я не берусь судить.

Такого большаго числа турокъ османлисовъ, какъ въ Солунскомъ Виляетѣ, не встрѣчается нигдѣ болѣе въ Македоніи. Объясняется это во-первыхъ тѣмъ, что Солунскій Виляетъ былъ сразу завоеванъ турками, тогда какъ въ другихъ частяхъ Македоніи еще долго существовали вассальныя и даже почти независимыя княжества, куда туркамъ доступъ былъ закрытъ, а во вторыхъ тѣмъ, что, благодаря плодородію почвы, завоеватели добивались получать тамъ отъ Султановъ тимары и сіаметы (земли, раздаваемыя

турецкимъ воинамъ въ качествѣ леновъ), причемъ христіанскіе земледѣльцы оставлялись на своей землѣ (Иречекъ. Исторія Болгаръ стр. 416). Это же плодородіе почвы привлекло также изъ Азіи турокъ-земледѣльцевъ, занявшихъ деревни, опустошенныя еще ранѣе предшествовавшими безконечными войнами Византіи съ Сербіей и Болгаріей.

Благодаря розданнымъ тимарамъ и сіаметамъ, въ Македоніи появились такъ называемые чифлики т. е. помѣстья, въ коихъ земля принадлежитъ собственнику чифлика, а жители обработываютъ землю съ половины, при чемъ хозяинъ чифлика обязанъ дать дома съ необходимыми пристройками, а жители обзавестись рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями. Хотя законъ и разрѣшаетъ чифчіямъ (половинщикамъ) переходить отъ одного хозяина къ другому, въ случаѣ, если они прежнему ничего не должны, но это почти никогда не практикуется, такъ какъ всѣ чифчіи находятся въ неоплатныхъ долгахъ хозяевамъ, у которыхъ они заняли деньги для первоначальнаго обзаведенія необходимымъ инвентаремъ, за каковой заемъ они съ трудомъ платятъ одни проценты только. Такимъ образомъ чифчіи какъ бы прикрѣплены къ землѣ и переходятъ только въ случаѣ, если хозяинъ другаго чифлика заплатитъ ихъ долгъ прежнему, другими словами просто купитъ, такъ что, избавившись отъ одной кабалы, попадаютъ въ другую.

Деревни же, въ коихъ земля принадлежитъ самимъ жителямъ, называются въ Македоніи селами.

Въ Солунскомъ Вилаетѣ большинство христіанскихъ деревень—чифлики, хозяева коихъ изъ собственной выгоды стараются имѣть чифчіевъ, обладающихъ многочисленными семействами, могущими обработывать и лучше и больше земли. Если мы еще примемъ во вниманіе, что священники уменьшаютъ нарочно число домовъ въ приходѣ изъ опасенія увеличенія архіереемъ налога, (я лично убѣдился, что во многихъ отдаленныхъ селахъ священники скрыли отъ архіерея до 1/10 домовъ), то необходимо, по моему, считать, что въ каждомъ христіанскомъ домѣ живетъ около 8 душъ. Эту цифру я принялъ для исчисленія числа жителей христіанъ, такъ какъ епархіальныя власти сообщали мнѣ только число домовъ, и я скорѣе допускаю, что полученныя мною числа скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительности. Что же касается мусульманскихъ домовъ, то въ виду того, что семейства ихъ малочисленнѣе христіанскихъ, я принялъ турецкую систему подсчета населенія, что въ каждомъ домѣ живетъ въ среднемъ пять душъ. Этотъ способъ считать, что въ христіанскомъ 8 а въ мусульманскомъ домѣ 5 душъ, я примѣнялъ въ селахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, а въ чисто христіанскихъ или мусульманскихъ руководствовался данными Салнаме, не раздѣляющаго къ несчастью жителей ни по религіи, ни по національности.

До появленія болгарскаго національнаго движенія только въ казахъ Велесъ, Тиквешъ и Гевгели было славянское богослуженіе, во всѣхъ же остальныхъ частяхъ Вилаета со славянскимъ населеніемъ въ церквахъ и школахъ употреблялся исключительно греческій языкъ, удержавшійся еще и до сихъ поръ среди славянъ-патріархистовъ, за исключеніемъ перешедшихъ отъ болгаръ на сторону сербовъ.

Въ виду все болѣе и болѣе разгорающейся борьбы между болгарами и сербами, а также безпрестанныхъ переходовъ съ одной стороны на другую, я не счелъ возможнымъ дѣлить славянъ на сербовъ и болгаръ, а внесъ ихъ въ общую рубрику славянъ, раздѣливъ ихъ только на экзархистовъ, уніатовъ и мусульманъ.

Что касается славянъ уніатовъ, то они, принявъ въ большомъ числѣ унію, при самомъ началѣ болгарскаго національнаго движенія, теперь постепенно отрекаются отъ нея, и можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ унія совсѣмъ изчезнетъ въ Македоніи.

А. Ростковскій.

Епархіи находящіяся въ Солунскомъ Виляетѣ.

	Экзархисты.	Патріархисты.			Общее число христіанъ.
		Славяне.	Греки.	Влахи.	
Солунская	33017	26058	63166	1566	123807
			90790		
Состоитъ изъ казъ: Солунь, Лангаза, Авретъ-Хиссаръ (Кукушъ), Катерина, Дойранъ (за исключеніемъ 8 селъ, входящихъ въ Струмицкую епархію) и 10 селъ казы Касандра.					
Въ составъ Солунской Епархіи входятъ подчиненныя ей слѣдующія Епископіи:					
а) *Кампанія* (Кулака),					
состоящая изъ села Кулака и нѣсколькихъ селъ нахіи Вардаръ солунской казы;					
б) *Поляни*,					
состоящая изъ нѣсколькихъ селъ нахіи Каламарія Солунской казы, а также изъ казъ Авретъ-Хиссаръ (Кукушъ) и Дойранъ, за исключеніемъ 8 селъ, принадлежащихъ Струмицкой епархіи;					
в) *Ардамеріонъ*,					
состоящая изъ части казы Лангаза и нѣсколькихъ селъ казы Касандра;					
г) *Іерисо*,					
состоящая изъ нѣсколькихъ селъ казы Касандры (номинально ей принадлежитъ Аѳонъ);					
д) *Китро*,					
состоящая изъ казы Катерина;					
Верійская	—	2301	15185	6875	24361
Состоитъ изъ казы Караферія.					
Касандрійская	—	39	22925	—	22964
Состоитъ изъ казы Касандра за исключеніемъ 10 селъ, принадлежащихъ Солунской епархіи.					
Воденская	20176	45670	14537	496	80879
			60703		
Состоитъ изъ казы Водена, Ениндже-Вардаръ и Гевгели (за исключеніемъ 5 селъ, принадлежащихъ Струмицкой и 9 селъ принадлежащихъ Флоринско-Могленской).					

	Экзархисты.	Патріархисты.			Общее число христіанъ.
		Славяне.	Греки.	Влахи.	
Флоринско-Могленская	—	—	—	7618	7618
Состоитъ изъ казы Флорина и Джума Битольскаго Вилаета и части казы Гевгели.					
Велесская	32877	2962	—	550	36389
Состоитъ изъ казы Велесъ и 9 селъ казы Тиквешъ.			3512		
Струмицкая (Тиверіупольская).	29803	10330	—	—	40133
Состоитъ изъ казы Струмица, Тиквешъ (за исключеніемъ 9 селъ, принадлежащихъ Велесской епархіи), 5 селъ казы Гевгели, 8 селъ казы Дойранъ, а также нахіи Малишъ и казы Радовишъ Коссовскаго Вилаета.					
Сересская	9738	28936	34593	497	73764
Состоитъ изъ казы Сересъ и части казы Зихна.			64026		
Драмская	4548	5749	4611	—	14808
Состоитъ изъ казы Драма и части казы Зихна.			10360		
Елефтерупольская	—	275	5760	—	6035
Состоитъ изъ казы Правища (за исключеніемъ 5 селъ, принадлежащихъ Ксанѳійской).					
Ксанѳійская	—	—	14210	—	14210
Состоитъ изъ казъ Кавала у Сари-Шабанъ, 5 селъ казы Правища, а также изъ казы Скаче Адріанопольскаго Вилаета.					
Неврокопская.	47776	125	1000	1135	50036
Состоитъ изъ казъ Неврокопъ и Разлогъ.			2260		
Мельникская	69553	8833	2100	3627	84113
Состоитъ изъ казъ Мельникъ, Петричъ. Демиръ-Хиссаръ и Горная Джума.			14560		

Примѣчаніе. Въ епархіяхъ Флоринско-Могленской, Струмицкой и Ксанѳійской не все число жителей показано, а только число жителей, населяющихъ тѣ части епархій, которыя находятся въ границахъ Солунскаго Вилаета.

ОБЩАЯ ТАБЛИЦА
Населенія Солунскаго Виляета.

Солунскій Мутесарифликъ.	Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Каза Солунь	38304	9176	14601	155	—	32718	77	—	—	47000	142031
» Струмица	15619	10703	9120	—	—	—	—	—	—	600	36012
» Велесъ	17636	29535	2962	—	—	—	—	550	—	—	50683
» Тиквешъ	2098	21680	—	—	17722	—	—	—	—	—	41500
» Гевгели	14844	11137	8961	580	—	—	—	7618	3917	—	47057
» Водена	3720	7203	15215	—	8932	—	—	276	—	—	35346
» Ениджe-Вардаръ	12852	2589	21991	190	5605	—	—	220	—	—	43447
» Дойранъ	23804	3642	3231	—	1238	—	—	—	—	250	32145
» Авретъ-Хиссаръ (Кукушъ)	19216	19570	1962	1235	—	—	—	—	—	—	41983
» Караферія	4000	—	2301	—	—	15185	3127	6875	—	—	31488
» Катерина	3003	—	—	—	—	14818	—	1566	—	—	19387
» Лангаза	27400	1579	6977	—	—	9390	—	—	—	—	45346
» Касандра	4239	—	39	—	—	29165	—	—	—	—	33443
Въ Мутесарифликѣ	186735	116814	87340	2160	33497	101276	3204	17105	3917	47850	599898
Сересскій Мутесарифликъ.											
Каза Середъ	31033	7609	25819	—	—	34593	—	447	—	—	99501
» Горная Джума	5442	17646	—	—	—	—	—	550	—	—	23638
» Разлогъ	—	19389	—	—	11907	—	—	350	—	—	31646
» Мельникъ	6419	14797	500	1513	—	2000	—	725	—	—	25954
» Петричъ	13679	18291	—	—	1570	100	—	200	—	—	33840
» Неврокопъ	14077	28387	125	—	33133	1000	590	785	—	200	78277
» Демиръ-Хисаръ	15504	18819	8333	—	1187	—	—	2152	—	—	45995
» Зихна	6939	3479	6084	—	—	16041	—	510	—	—	33053
Въ Мутесарифликѣ	93093	128417	40861	1513	47777	53734	590	5719	—	200	371904
Драмскій Мутесарифликъ.											
Каза Драма	39686	3198	2782	—	2528	4611	—	—	—	—	52805
» Сари-Шабанъ	13530	—	—	—	—	110	—	—	—	—	13640
» Прависта	11390	—	275	—	600	9830	—	—	—	—	22095
» Кавала	17150	—	—	—	3440	10030	—	—	—	—	30620
Въ Мутесарифликѣ	81756	3198	3057	—	6568	24581	—	—	—	—	119160
Во всемъ Солунскомъ Виляетѣ	361584	248429	131258	3673	87842	179591	3794	22824	3917	48050	1090962

ОБЩІЙ СВОДЪ

распредѣленія жителей.

I. По вѣроисповѣданіямъ.

Христіанъ	585775
Мусульманъ	457137
Евреевъ	48050
	1090962

II. По національностямъ:

Турки османлисы	361584
Славяне	471202
Греки	183385
Влахи	26741
Евреи	48050
	1090962

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Солунь.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Гор. Солунь	8321	30000	6000	4000	—	—	13000	—	—	—	47000	100000
Нахія Вардаръ.												
Харманъ Кіой	37	—	—	253	—	—	—	—	—	—	—	253
Даутъ Бали	39	—	130	103	—	—	—	—	—	—	—	233
Махмутово	8	—	—	58	—	—	—	—	—	—	—	58
Чаляково	25	—	—	107	—	—	—	—	—	—	—	107
Лапра	18	—	—	108	—	—	—	—	—	—	—	108
Горно Каваклієво	10	—	—	108	—	—	—	—	—	—	—	108
Долно Каваклієво	10	—	—	49	—	—	—	—	—	—	—	49
Колопанци	17	—	—	152	—	—	—	—	—	—	—	152
Топчієво	42	—	—	212	—	—	—	—	—	—	—	212
Керджеларъ	70	—	—	225	—	—	—	—	—	—	—	225
Кияли	68	463	—	—	—	—	—	—	—	—	—	463
Сариджа	35	270	—	—	—	—	—	—	—	—	—	270
Юнчіитъ	93	—	—	750	155	—	—	—	—	—	—	905
Акъ-Бунаръ	6	—	—	33	—	—	—	—	—	—	—	33
Тритъ-хана (учъ-ханларъ).	15	—	—	72	—	—	—	—	—	—	—	72
Арабли-Шамля	21	—	—	124	—	—	—	—	—	—	—	124
Рахманли и Принаръ . .	131	742	—	—	—	—	—	—	—	—	—	742
Камара	10	—	—	48	—	—	—	—	—	—	—	48
Нарешъ	19	—	—	128	—	—	—	—	—	—	—	128
Чинаръ Фурнусъ	93	—	—	—	—	—	469	—	—	—	—	469
Даванджа	49	276	—	—	—	—	—	—	—	—	—	276
Трикала	35	—	—	245	—	—	—	—	—	—	—	245
Гюндюглеръ	223	754	—	—	—	—	—	—	—	—	—	754
Мустафаджа	35	149	—	—	—	—	—	—	—	—	—	149
Градоборъ	123	—	625	—	—	—	—	—	—	—	—	625
Варланджа	120	150	—	400	—	—	—	—	—	—	—	550
Яхаля	35	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Кушъ-бала	101	871	—	—	—	—	—	—	—	—	—	871
Ялайджи	26	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	207
Ментешли	30	266	—	—	—	—	—	—	—	—	—	266
Чихлеръ	37	229	—	—	—	—	—	—	—	—	—	229
Кара-Оглу	30	210	—	—	—	—	—	—	—	—	—	210
Ель-ханли	22	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	103
Куфалово Горно	204	—	665	600	—	—	—	—	—	—	—	1265
Лампоръ	40	—	—	—	—	—	174	—	—	—	—	174
Доганджа	56	67	—	140	—	—	—	—	—	—	—	207
Каляни	34	—	—	—	—	—	204	—	—	—	—	204
Неохоръ	50	—	—	—	—	—	326	—	—	—	—	326
Шкипатъ	44	—	—	—	—	—	228	—	—	—	—	228
Клиди	90	—	—	—	—	—	688	—	—	—	—	688
Палеохара	16	—	—	—	—	—	112	—	—	—	—	112
Текели	81	200	—	227	—	—	—	—	—	—	—	427
Сарамурово	18	—	—	84	—	—	—	—	—	—	—	84
Зорба	40	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—	161
Карба	29	—	—	—	—	—	145	—	—	—	—	145
Неохори	78	—	—	—	—	—	390	—	—	—	—	390
Кючюкъ Фурносъ	8	—	—	—	—	—	96	—	—	—	—	96
Долно Куфалово	80	—	400	—	—	—	—	—	—	—	—	400

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Солунъ. Нахія Вардаръ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Неохориди	10	—	—	—	—	—	54	—	—	—	—	54
Палеохоръ	50	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Ватилякъ (Види-Кіой)	103	—	590	—	—	—	—	—	—	—	—	590
Гидохоръ	117	—	—	—	—	—	390	—	—	—	—	390
Бунардже	64	—	466	—	—	—	—	—	—	—	—	466
Кулакія	309	—	—	—	—	—	1700	—	—	—	—	1700
Ялайджикъ	97	612	—	—	—	—	—	—	—	—	—	612
Кара-Хусейнъ	11	—	—	51	—	—	—	—	—	—	—	51
Лембетъ	10	—	—	60	—	—	—	—	—	—	—	60
Балджа	362	—	—	—	—	—	2050	—	—	—	—	2050
Дермили	318	—	—	—	—	—	1898	—	—	—	—	1898
Айватово	229	—	—	1111	—	—	—	—	—	—	—	1111
Лайна	95	—	—	—	—	—	778	—	—	—	—	778
Дурмашли	26	—	—	214	—	—	—	—	—	—	—	214
Кури-Ени-Кіой	122	—	300	249	—	—	—	—	—	—	—	549
Дудулари	21	—	—	146	—	—	—	—	—	—	—	146
Коритени (Гюрдина)	40	—	—	331	—	—	—	—	—	—	—	331
Плати	50	—	—	—	—	—	229	—	—	—	—	229
Ялохори	70	170	—	159	—	—	—	—	—	—	—	329
Итого въ Вардарской Нахіи	4605	5863	3176	6708	155	—	10181	—	—	—	—	26083
Нахія Каламарія.												
Капуджиларъ	189	—	—	—	—	—	1205	—	—	—	—	1205
Аксакли	55	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	207
Кранъ	23	106	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106
Седесъ	27	—	—	—	—	—	135	—	—	—	—	135
Маджарликъ	15	—	—	—	—	—	—	77	—	—	—	77
Туханли	31	153	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153
Гедикли	21	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Исинли	51	327	—	—	—	—	—	—	—	—	—	327
Бурназли	28	113	—	—	—	—	—	—	—	—	—	113
Пишона	24	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Василика	325	—	—	—	—	—	1978	—	—	—	—	1978
Анастасъ	3	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	25
Сюрвекли	5	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Ени-Кіой	21	—	—	—	—	—	99	—	—	—	—	99
Касапли	13	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97
Угъ-евлеръ	21	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Месимери	30	—	—	—	—	—	115	—	—	—	—	115
Апаноми	364	—	—	—	—	—	2423	—	—	—	—	2423
Буюкъ Кара Бурну	23	—	—	—	—	—	116	—	—	—	—	116
Кучюкъ Кара Бурну	19	—	—	—	—	—	118	—	—	—	—	118
Бахчели	9	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45
Чаиръ	9	—	—	—	—	—	28	—	—	—	—	28
Узунъ-Али	49	235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Аджи Бали	5	—	—	—	—	—	20	—	—	—	—	20
Замбатъ	160	—	—	—	—	—	1099	—	—	—	—	1099

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Солунь. — Нахія Каламарія.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Караговали	36	227	—	—	—	—	—	—	—	—	—	227
Бахшешли	32	171	—	—	—	—	—	—	—	—	—	471
Загорджи	13	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70
Парнаръ Чифликъ	8	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	40
Башензъ	7	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	35
Адали	74	473	—	—	—	—	—	—	—	—	—	473
Хортачъ	218	—	—	—	—	—	1533	—	—	—	—	1533
Киречъ Кіой	505	—	—	3893	—	—	—	—	—	—	—	3893
Гарбія	78	—	—	—	—	—	488	—	—	—	—	488
Итого въ Нахіи Каламарія	2491	2441	—	3893	—	—	9537	77	—	—	—	15948
Всего въ Казѣ Солунь	15417	38304	9176	14601	155	—	32718	77	—	—	47000	142031
Каза Струмица.												
Струмица	1760	3000	2000	4000	—	—	—	—	—	—	600	9600
Балдевци	40	50	400	—	—	—	—	—	—	—	—	450
Коклишъ	115	—	650	—	—	—	—	—	—	—	—	650
Свидовица	210	1036	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1036
Банско	150	571	100	—	—	—	—	—	—	—	—	671
Габрово	130	220	—	400	—	—	—	—	—	—	—	620
Кулешино	115	—	—	560	—	—	—	—	—	—	—	560
Борисово	165	789	—	—	—	—	—	—	—	—	—	789
Макріево	356	700	—	818	—	—	—	—	—	—	—	1518
Мокрино	100	—	—	538	—	—	—	—	—	—	—	538
Зибово	62	—	—	380	—	—	—	—	—	—	—	380
Сячево	46	—	227	—	—	—	—	—	—	—	—	227
Муртино	75	—	520	—	—	—	—	—	—	—	—	520
Моноститово	133	—	1090	—	—	—	—	—	—	—	—	1090
Боріево	40	—	—	242	—	—	—	—	—	—	—	242
Секирникъ	130	687	—	—	—	—	—	—	—	—	—	687
Турново	75	350	—	161	—	—	—	—	—	—	—	511
Радово	54	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Нейчино	65	45	320	80	—	—	—	—	—	—	—	445
Робово	32	—	220	—	—	—	—	—	—	—	—	220
Еднокукево	92	620	—	—	—	—	—	—	—	—	—	620
Дабиля	70	—	590	—	—	—	—	—	—	—	—	590
Драгомиръ	20	—	65	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Петреличъ	14	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	99
Сарай	21	49	100	—	—	—	—	—	—	—	—	149
Пиперово	70	139	200	—	—	—	—	—	—	—	—	339
Василево	35	—	265	—	—	—	—	—	—	—	—	265
Добрейци	40	—	221	—	—	—	—	—	—	—	—	221
Баница	50	150	—	110	—	—	—	—	—	—	—	260
Водача	20	—	180	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Ангелици	60	135	200	—	—	—	—	—	—	—	—	335
Градошоръ	55	180	300	—	—	—	—	—	—	—	—	480
Владово	55	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Струмица.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Едрениково	9	—	40	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Седлярци	18	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Велюса	155	220	—	570	—	—	—	—	—	—	—	790
Требичъ	14	—	70	—	—	—	—	—	—	—	—	70
Чамъ	11	—	71	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Три Води	12	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	80
Костурно	119	—	—	665	—	—	—	—	—	—	—	665
Раборци	13	—	65	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Злешево	34	105	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105
Бѣлотино	13	—	43	—	—	—	—	—	—	—	—	43
Ричъ	33	—	—	218	—	—	—	—	—	—	—	218
Варварица	16	—	136	—	—	—	—	—	—	—	—	136
Ново село	185	—	1200	—	—	—	—	—	—	—	—	1200
Барбарово	78	—	406	—	—	—	—	—	—	—	—	406
Сушица	160	1053	—	100	—	—	—	—	—	—	—	1153
Иловица	147	828	140	—	—	—	—	—	—	—	—	968
Дервошъ	37	—	—	198	—	—	—	—	—	—	—	198
Амзалія	141	960	—	—	—	—	—	—	—	—	—	960
Гечерля	70	489	—	—	—	—	—	—	—	—	—	480
Чанакля	69	408	—	—	—	—	—	—	—	—	—	408
Ени-Махале	89	570	—	—	—	—	—	—	—	—	—	570
Доброшинци	70	240	60	—	—	—	—	—	—	—	—	300
Сушево	35	245	—	—	—	—	—	—	—	—	—	245
Карачали	10	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	47
Кадарля	20	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Юксекъ-Махале	45	185	—	—	—	—	—	—	—	—	—	185
Раянци	18	—	83	—	—	—	—	—	—	—	—	83
Нивичено	25	—	154	—	—	—	—	—	—	—	—	154
Просениково	60	120	200	—	—	—	—	—	—	—	—	320
Попчево	31	—	208	—	—	—	—	—	—	—	—	208
Щука	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Чепеліево	66	405	—	—	—	—	—	—	—	—	—	405
Итого въ Казѣ Струмица	6283	15619	10703	9120	—	—	—	—	—	—	600	36012
Каза Велесъ (Кюпрюлю).												
Велесъ (Кюпрюлю)	4000	6500	9400	—	—	—	—	—	500	—	—	16400
Чалшово	41	120	130	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Сояклари	38	170	100	—	—	—	—	—	—	—	—	270
Комарино	20	—	134	—	—	—	—	—	—	—	—	134
Пашино село	178		582	305	—	—	—	—	—	—	—	887
Новочани	65	—	337	—	—	—	—	—	—	—	—	337
Сопотъ	12	—	62	20	—	—	—	—	—	—	—	82
Ветерско	13	—	107	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Рудникъ	48	—	60	268	—	—	—	—	—	—	—	328
Лугукци	19	—	218	—	—	—	—	—	—	—	—	218
Дуганъ	13	30	32	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Махмуджиларъ	81	427	—	—	—	—	—	—	—	—	—	427

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Велесъ. / Нахія Велесъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Чука	3	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Ново-село	26	78	70	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Карасларъ (Горно) . . .	13	40	51	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Карасларъ (Долно) . . .	56	138	130	—	—	—	—	—	—	—	—	268
Кури-дере	66	150	162	—	—	—	—	—	—	—	—	312
Кочилеръ	108	621	—	—	—	—	—	—	—	—	—	621
Чилтекъ (Горно)	132	761	—	—	—	—	—	—	—	—	—	761
Чилтекъ (Долно)	38	100	122	—	—	—	—	—	—	—	—	222
Врановица (Горно) . .	295	1855	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1855
Врановица (Долно) . . .	76	212	200	—	—	—	—	—	—	—	—	412
Мельници	232	1381	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1381
Яболчица (Горно)	48	338	—	—	—	—	—	—	—	—	—	338
Яболчица (Долно) . . .	70	399	—	—	—	—	—	—	—	—	—	399
Карабунище	10	70	82	—	—	—	—	—	—	—	—	152
Витаница	9	—	56	—	—	—	—	—	—	—	—	56
Согла	97	391	—	—	—	—	—	—	—	—	—	391
Оморани	139	283	500	—	—	—	—	—	—	—	—	783
Бусильци	24	—	148	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Хотильцина	19	—	113	—	—	—	—	—	—	—	—	113
Влахчани	10	40	49	—	—	—	—	—	—	—	—	89
Ногаевци	32	—	249	—	—	—	—	—	—	—	—	249
Исаръ-Бейли	50	283	—	—	—	—	—	—	—	—	—	283
Иванлія	224	1245	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1245
Ясеново	16	—	91	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Раковецъ (Горно)	23	—	173	—	—	—	—	—	—	—	—	173
Раковецъ (Долно)	8	—	75	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Чашка	22	—	212	—	—	—	—	—	—	—	—	212
Ехловецъ	34	—	262	—	—	—	—	—	—	—	—	262
Галозинци	37	—	214	—	—	—	—	—	—	—	—	214
Крива-Круша	19	—	147	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Леспче	102	—	599	—	—	—	—	—	—	—	—	599
Баница	35	—	251	—	—	—	—	—	—	—	—	251
Бистрица	133	—	1061	—	—	—	—	—	—	—	—	1061
Черешнево	28	—	241	—	—	—	—	—	—	—	—	241
Капиново	12	—	—	131	—	—	—	—	—	—	—	131
Нежилово	55	—	—	461	—	—	—	—	—	—	—	461
Владиновци	87	—	989	—	—	—	—	—	—	—	—	989
Смиловци	25	—	140	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Церковино	63	269	110	—	—	—	—	—	—	—	—	379
Орѣховецъ	103	—	593	—	—	—	—	—	—	—	—	593
Гермища	107	340	300	—	—	—	—	—	—	—	—	640
Згоропольци	8	30	31	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Карнина	39	—	223	—	—	—	—	—	—	—	—	223
Хвойници	149	—	920	—	—	—	—	—	—	—	—	920
Крайници	90	—	566	—	—	—	—	—	—	—	—	566
Итого въ Нахіи Велесъ	7500	16271	20313	1185	—	—	—	—	500	—	—	38260

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Велесъ. Нахія Никодимъ.	Число домовъ.	Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
		Число жителей.										
Никодимъ	134	—	847	—	—	—	—	—	—	—	—	847
Глоговица	4	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Дворища	16	133	—	—	—	—	—	—	—	—	—	133
Херловци	27	—	272	—	—	—	—	—	—	—	—	272
Градско	16	—	107	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Солпъ	70	—	447	—	—	—	—	—	—	—	—	447
Бѣлещевица	11	—	97	—	—	—	—	—	—	—	—	97
Ращани	32	—	257	—	—	—	—	—	—	—	—	257
Ново-село	15	—	121	—	—	—	—	—	—	—	—	121
Стари-Градъ	46	—	306	—	—	—	—	—	—	—	—	306
Габровникъ	27	—	218	—	—	—	—	—	—	—	—	218
Плуніе	5	32	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32
Техово	132	—	418	400	—	—	—	—	—	—	—	818
Итого въ Нахіи Никодимъ	535	165	3111	400	—	—	—	—	—	—	—	3676
Нахія Богомилъ.												
Богомилъ	152	—	55	795	—	—	—	—	50	—	—	900
Мокрино	55	—	—	432	—	—	—	—	—	—	—	432
Попадія	75	—	537	—	—	—	—	—	—	—	—	537
Подлечъ	110	—	800	—	—	—	—	—	—	—	—	800
Чичово (Горно)	42	—	298	—	—	—	—	—	—	—	—	298
Чичово (Долно)	150	—	893	—	—	—	—	—	—	—	—	893
Виничани	132	649	—	—	—	—	—	—	—	—	—	649
Водовратъ	118	551	150	—	—	—	—	—	—	—	—	701
Свекяни	24	—	70	—	—	—	—	—	—	—	—	70
Ораховдолъ	77	—	362	150	—	—	—	—	—	—	—	512
Путово	46	—	380	—	—	—	—	—	—	—	—	380
Изворъ	63	—	374	—	—	—	—	—	—	—	—	374
Житопулъ	2	—	14	—	—	—	—	—	—	—	—	14
Папрадища	77	—	397	—	—	—	—	—	—	—	—	397
Орѣше	81	—	433	—	—	—	—	—	—	—	—	433
Мартолци	51	—	320	—	—	—	—	—	—	—	—	320
Дреново	60	—	430	—	—	—	—	—	—	—	—	430
Бабуна	5	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Гузимилци	21	—	135	—	—	—	—	—	—	—	—	135
Скачинце	65	—	428	—	—	—	—	—	—	—	—	428
Итого въ Нахіи Богомилъ	1406	1200	6111	1377	—	—	—	—	50	—	—	9688
Всего въ Казѣ Велесъ	9441	17636	29535	2962	—	—	—	—	50	—	—	50685

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Тиквешъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Кафадарци	830	—	1720	—	—	2817	—	—	—	—	—	4537
Радня	60	—	369	—	—	—	—	—	—	—	—	369
Челевецъ	66	383	—	—	—	—	—	—	—	—	—	383
Софуларъ	11	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	74
Клисура (Турлукъ)	60	—	306	—	—	—	—	—	—	—	—	306
Каліанъ	65	301	—	—	—	—	—	—	—	—	—	301
Копривчица	24	—	30	—	—	107	—	—	—	—	—	137
Кошрака	138	702	—	—	—	—	—	—	—	—	—	702
Курашница	139	—	—	—	—	547	—	—	—	—	—	547
Лупа	16	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	99
Неготино	385	—	1889	—	—	175	—	—	—	—	—	2064
Дисанъ (Горно)	50	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	303
Дисанъ (Долно)	277	—	100	—	—	1369	—	—	—	—	—	1469
Дренъ	10	—	57	—	—	—	—	—	—	—	—	57
Бухля	162	—	200	—	—	635	—	—	—	—	—	835
Баня	12	—	53	—	—	—	—	—	—	—	—	53
Беша	135	—	132	—	—	575	—	—	—	—	—	707
Боянчица	47	—	200	—	—	125	—	—	—	—	—	325
Криволакъ	150	—	50	—	—	609	—	—	—	—	—	659
Градецъ	89	—	480	—	—	—	—	—	—	—	—	480
Бистрецъ	122	—	50	—	—	514	—	—	—	—	—	564
Дражевица (Горна)	47	—	60	—	—	295	—	—	—	—	—	355
Дражевица (Долна)	10	—	—	—	—	53	—	—	—	—	—	53
Войшанци	101	—	255	—	—	200	—	—	—	—	—	455
Дуброво	30	—	181	—	—	—	—	—	—	—	—	181
Дублянъ	70	—	75	—	—	200	—	—	—	—	—	275
Хамамъ	20	—	122	—	—	—	—	—	—	—	—	122
Чемерско	43	—	368	—	—	—	—	—	—	—	—	368
Тремникъ	132	—	50	—	—	607	—	—	—	—	—	657
Темяникъ	233	—	—	—	—	1144	—	—	—	—	—	1144
Бесвица	265	—	—	—	—	1014	—	—	—	—	—	1014
Поржево	317	—	400	—	—	1066	—	—	—	—	—	1466
Барово	85	—	150	—	—	272	—	—	—	—	—	422
Пещерникъ	22	103	—	—	—	—	—	—	—	—	—	103
Пепелища	229	—	50	—	—	957	—	—	—	—	—	1007
Брусникъ	47	274	—	—	—	—	—	—	—	—	—	274
Промешъ (Горно)	31	169	—	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Промешъ (Долно)	16	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Страмашъ	50	—	319	—	—	—	—	—	—	—	—	319
Ибирли	102	—	—	—	—	487	—	—	—	—	—	487
Оризаръ (Будуръ-чифликъ)	13	—	55	—	—	—	—	—	—	—	—	55
Шибецъ	31	—	164	—	—	—	—	—	—	—	—	164
Кесендра	16	—	139	—	—	—	—	—	—	—	—	139
Раецъ	32	—	133	—	—	60	—	—	—	—	—	193
Рибарци	20	—	128	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Бегница	193	—	841	—	—	—	—	—	—	—	—	841
Бунарче	52	—	334	—	—	—	—	—	—	—	—	339
Каменъ-долъ	19	—	100	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Команичево	45	—	306	—	—	—	—	—	—	—	—	306
Градища	19	—	64	—	—	60	—	—	—	—	—	124
Мрежичко	55	—	240	—	—	75	—	—	—	—	—	315
Праведникъ	45	—	270	—	—	—	—	—	—	—	—	270
Голѣмо-Радобилъ	76	—	360	—	—	93	—	—	—	—	—	453
Мало-Радобилъ	20	—	116	—	—	—	—	—	—	—	—	116

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Тиквешъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Куруислямъ	32	—	—	—	—	163	—	—	—	—	—	163
Добротинъ	16	—	95	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Даганя	32	—	198	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Монастирецъ	29	—	80	—	—	82	—	—	—	—	—	162
Возорци	27	—	124	-	—	—	—	—	—	—	—	124
Врушани	25	—	147	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Сопотъ	68	—	66	—	—	270	—	—	—	—	—	336
Драгоженъ	25	—	152	—	—	—	—	—	—	—	—	152
Дабница	30	—	183	—	—	—	—	—	—	—	—	183
Горниково	63	—	376	—	—	—	—	—	—	—	—	376
Конопица	123	—	733	—	—	—	—	—		—	—	733
Ресово	110	—	548	—	—	—	—	—	—	—	—	548
Шейково	44	—	334	—	—	—	—	—	—	—	—	334
Терстеникъ	19	—	86	—	—	—	—	—	—	—	—	86
Полошко	6	—	42	—	—	—	—	—	—	—	—	42
Моклища	25	—	111	—	—	—	—	—	—	—	—	111
Дреново	215	—	180	—	—	766	—	—	—	—	—	946
Ватоша	394	—	1023	—	—	600	—	—	—	—	—	1693
Кошани	22	—	121	—	—	—	—	—	—	—	—	121
Рожденъ	110	—	420	—	—	273	—	—	—	—	—	693
Круштовица	116	—	—	—	—	524	—	—	—	—	—	524
Сирково	235	—	—	—	—	1237	—	—	—	—	—	1237
Горбавца	29	—	203	—	—	—	—	—	—	—	—	203
Копово	11	—	101	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Клино	98	—	300	—	—	271	—	—	—	—	—	571
Бошова	51	—	326	—	—	—	—	—	—	—	—	326
Галища	85	—	330	—	—	134	—	—	—	—	—	464
Фаришъ	83	—	521	—	—	—	—	—	—	—	—	521
Мерзенъ	72	—	500	—	—	—	—	—	—	—	—	500
Росоманъ	105	—	815	—	—	815	—	—	—	—	—	815
Кукуричане	10	—	50	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Худаверди Темшиваръ	48	—	—	—	—	257	—	—	—	—	—	257
Кара-су	9	—	56	—	—	—	—	—	—	—	—	56
Глишикъ	50	—	143	—	—	120	—	—	—	—	—	263
Мраморъ	38	—	183	—	—	—	—	—	—	—	—	183
Марина	100	—	200	—	—	310	—	—	—	—	—	510
Корша	20	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Паликура	15	—	90	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Страгово	40	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Дебрица	28	—	189	—	—	—	—	—	—	—	—	189
Всего въ Казѣ Тиквешъ	8992	2098	21680	—	—	17722	—	—	—	—	—	41500
Каза Гевгели.												
Гевгели	1000	1070	1300	3500	—	—	—	—	—	—	—	5870
Алчакъ	282	1140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1140
Баянли	69	—	419	—	—	—	—	—	—	—	—	419
Бекирли	65	377	—	—	—	—	—	—	—	—	—	377
Бериславци	52	—	—	—	—	—	—	—	326	—	—	326
Богданци	484	1000	1200	620	100	—	—	—	—	—	—	1920

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Гевгели.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Богородица	87	75	180	102	125	—	—	—	—	—	—	482
Боемица	282	600	400	443	—	—	—	—	—	—	—	1443
Вардино	4	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	25
Габрово	16	—	104	—	—	—	—	—	—	—	—	104
Горгопикъ	103	—	719	—	—	—	—	—	—	—	—	719
Горній Четь	126	950	—	—	—	—	—	—	—	—	—	950
Горчище	67	—	377	—	—	—	—	—	—	—	—	377
Гувито	42	—	378	—	—	—	—	—	—	—	—	378
Давидово	28	—	—	197	—	—	—	—	—	—	—	197
Даудли	61	267	—	—	—	—	—	—	—	—	—	267
Деведжили	73	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Долни Калиби	17	—	—	72	—	—	—	—	—	—	—	72
Древено	34	—	182	—	—	—	—	—	—	—	—	182
Дубово	41	—	—	226	—	—	—	—	—	—	—	226
Изворъ	25	—	130	—	—	—	—	—	—	—	—	130
Кара Сенакъ	362	1786	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1786
Кара-Сулу	129	150	200	171	—	—	—	—	—	—	—	521
Кованци	26	—	197	—	—	—	—	—	—	—	—	197
Конско	73	—	—	515	—	—	—	—	—	—	—	515
Купа	78	—	—	—	—	—	—	—	521	—	—	521
Лесково	69	—	446	—	—	—	—	—	—	—	—	446
Ливади	389	—	—	—	—	—	—	—	2041	—	—	2041
Люмница	290	—	—	—	—	—	—	—	1224	—	—	1224
Лугунци	98	—	—	—	—	—	—	—	646	—	—	686
Мачуково	179	—	1181	—	—	—	—	—	—	—	—	1141
Мая Дагъ	702	3929	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3924
Милетово	21	—	119	—	—	—	—	—	—	—	—	119
Миравци	88	—	300	300	—	—	—	—	—	—	—	600
Модинъ	62	—	—	273	100	—	—	—	—	—	—	373
Мерзенци	74	200	209	—	—	—	—	—	—	—	—	409
Негорци	87	250	—	233	—	—	—	—	—	3917	—	483
Нонте	511	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3917
Орѣховица	133	300	—	597	—	—	—	—	—	—	—	897
Опанъ	169	—	—	—	—	—	—	—	1010	—	—	1000
Пальорци	13	—	—	—	77	—	—	—	—	—	—	77
Петрово	42	—	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Турдейци	147	300	—	411	—	—	—	—	—	—	—	411
Подрегово	39	226	—	—	—	—	—	—	—	—	—	226
Росели	46	252	—	—	—	—	—	—	—	—	—	252
Серменинъ	77	—	—	—	—	—	—	—	489	—	—	489
Сахово	119	—	350	365	—	—	—	—	—	—	—	365
Сулимли	82	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Сайдили	59	371	—	—	—	—	—	—	—	—	—	371
Смоквица	80	—	461	—	—	—	—	—	—	—	—	461
Смолъ	33	—	219	—	—	—	—	—	—	—	—	219
Спанчево	7	—	—	35	—	—	—	—	—	—	—	35
Стояково	207	—	650	650	178	—	—	—	—	—	—	1478
Тушимъ	113	—	778	—	—	—	—	—	—	—	—	778
Харджанъ	10	—	61	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Хума	67	—	—	—	—	—	—	—	561	—	—	561
Чанарли дере	123	624	—	—	—	—	—	—	—	—	—	624
Чійдимли	49	282	—	—	—	—	—	—	—	—	—	282
Шлопенци	47	—	347	—	—	—	—	—	—	—	—	347

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Гевгели.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Бубрекъ	39	—	—	226	—	—	—	—	—	—	—	226
Черна рѣка	80	—	—	—	—	—	—	—	800	—	—	800
Всего въ Казѣ Гевгели	7977	14844	11137	8961	580	—	—	—	7618	3917	—	47057
Каза Водена.												
Нахія Водена.												
Водена	1200	2500	900	4100	—	—	—	—	—	—	—	7500
Мечкили (св. Илія)	114	155	—	200	—	—	—	—	—	—	—	355
Бихаръ	118	300	—	327	—	—	—	—	—	—	—	627
Вещица	43	—	—	227	—	—	—	—	—	—	—	227
Арсенъ	89	—	—	451	—	—	—	—	—	—	—	451
Вечени	23	350	—	186	—	—	—	—	—	—	—	536
Коршноръ	112	—	—	577	—	—	—	—	—	—	—	577
Владово	150	—	—	993	—	—	—	—	—	—	—	993
Оризари (Челтикъ)	35	70	—	84	—	—	—	—	—	—	—	154
Вертекопъ	51	—	—	254	—	—	—	—	—	—	—	254
Треболицъ	16	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—	90
Браняне	16	—	—	82	—	—	—	—	—	—	—	82
Камнекъ	37	—	—	163	—	—	—	—	—	—	—	163
Пископія	56	—	—	258	—	—	—	—	—	—	—	258
Голимани	10	—	—	68	—	—	—	—	—	—	—	68
Нія	61	—	—	255	—	—	—	—	—	—	—	255
Потъ	55	—	—	263	—	—	—	—	—	—	—	263
Ошляни	19	—	—	109	—	—	—	—	—	—	—	109
Яворани	6	—	—	23	—	—	—	—	—	—	—	23
Кутучери	10	—	—	132	—	—	—	—	—	—	—	132
Баня	14	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85
Черноморниково	41	—	—	185	—	—	—	—	—	—	—	185
Орманъ чифликъ	2	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	13
Ризово	36	—	—	144	—	—	—	—	—	—	—	144
Церковени	56	—	—	270	—	—	—	—	—	—	—	270
Голема рѣка	50	—	—	—	—	—	—	—	276	—	—	276
Месимеръ	152	—	500	475	—	—	—	—	—	—	—	975
Самаръ	34	—	—	149	—	—	—	—	—	—	—	149
Велкояново	46	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Почемъ	37	—	186	—	—	—	—	—	—	—	—	186
Луковецъ	35	—	—	164	—	—	—	—	—	—	—	164
Суботско	160	—	488	—	—	750	—	—	—	—	—	1238
Прибудище	205	—	—	500	—	503	—	—	—	—	—	1003
Сарнешово	145	—	—	400	—	424	—	—	—	—	—	824
Струпено	70	—	300	—	—	284	—	—	—	—	—	584
Монастирджикъ	85	—	—	—	—	424	—	—	—	—	—	424
Бизево	137	—	260	—	—	500	—	—	—	—	—	760
Поляни	210	—	—	—	—	1393	—	—	—	—	—	1393
Тресино	119	—	—	528	—	200	—	—	—	—	—	728
Цакони	95	—	—	607	—	—	—	—	—	—	—	607
Биджево	135	—	—	—	—	796	—	—	—	—	—	796

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Водена. / Нахія Водена.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Джедидъ	18	—	—	—	—	99	—	—	—	—	—	99
Торманли	45	—	—	—	—	275	—	—	—	—	—	275
Костурени	100	—	—	350	—	196	—	—	—	—	—	546
Рудино	106	—	—	—	—	542	—	—	—	—	—	542
Карладово	36	—	—	—	—	232	—	—	—	—	—	232
Драгоманци	203	—	—	274	—	900	—	—	—	—	—	1174
Сборско	120	—	977	—	—	—	—	—	—	—	—	977
Бахово	85	—	680	—	—	—	—	—	—	—	—	680
Пожарско	170	—	1280	—	—	—	—	—	—	—	—	1280
Серакиново	75	—	453	—	—	—	—	—	—	—	—	453
Цакопска махала	35	—	—	—	—	259	—	—	—	—	—	259
Горно Радево	22	—	227	—	—	—	—	—	—	—	—	227
Долно Радево	23	—	235	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Итого въ Нахіи Водена	5193	3375	6739	12986	—	7677	—	—	276	—	—	31053
Нахія Острово.												
Острово	205	345	—	600	—	—	—	—	—	—	—	945
Ослуй	267	—	—	—	—	1205	—	—	—	—	—	1205
Кронцелево	16	—	57	—	—	50	—	—	—	—	—	107
Русилово	46	—	—	224	—	—	—	—	—	—	—	224
Друшка	8	—	—	42	—	—	—	—	—	—	—	42
Гугово	37	—	252	—	—	—	—	—	—	—	—	252
Чеганъ	96	—	—	724	—	—	—	—	—	—	—	724
Жерви	40	—	155	—	—	—	—	—	—	—	—	155
Панточинъ	6	—	—	40	—	—	—	—	—	—	—	40
Теово	84	—	—	476	—	—	—	—	—	—	—	476
Янакиво	28	—	—	123	—	—	—	—	—	—	—	123
Фетица	6	—	—	—	—	—	—	—	63	—	—	63
Итого въ Нахіи Острово	839	345	464	2229	—	1255	—	—	63	—	—	4293
Всего въ Казѣ Водена	6132	3720	7203	15215	—	8932	—	—	276	—	—	35346
Каза Ениджe Вардаръ.												
Нахія Ениджe Вардаръ.												
Ениджe (Яница)	1616	5400	1000	1700	190	—	—	—	—	—	—	8290
Сари Кади (Выдрица) .	118	—	—	664	—	—	—	—	—	—	—	664
Ескидже (Ветхи Базаръ)	25	—	—	140	—	—	—	—	—	—	—	140
Паликастра	8	20	—	26	—	—	—	—	—	—	—	46
Дерменликъ (Оборъ) . .	1	—	—	6	—	—	—	—	—	—	—	6

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Ениджe Вардаръ. / Нахія Ениджe Вардаръ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Пургазъ	13	—	—	61	—	—	—	—	—	—	—	61
Баладжа	14	—	—	67	—	—	—	—	—	—	—	67
Чичегязъ	63	—	—	314	—	—	—	—	—	—	—	314
Крушари	64	150	—	170	—	—	—	—	—	—	—	320
Литариново	19	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	120
Кашякчи (Лыжичаръ)	11	—	—	73	—	—	—	—	—	—	—	73
Армудчи	37	349	—	—	—	—	—	—	—	—	—	349
Радоміръ	20	—	—	103	—	—	—	—	—	—	—	103
Чанчаръ	29	—	—	163	—	—	—	—	—	—	—	163
Рамна	23	—	—	115	—	—	—	—	—	—	—	115
Пролекъ	27	—	—	189	—	—	—	—	—	—	—	189
Литовой	29	—	—	132	—	—	—	—	—	—	—	132
Романово	8	—	—	38	—	—	—	—	—	—	—	38
Лібаново	18	—	—	106	—	—	—	—	—	—	—	106
Петгазъ	48	—	—	320	—	—	—	—	—	—	—	320
Корнишоръ	50	—	—	478	—	—	—	—	—	—	—	478
Крива	193	—	—	1011	—	—	—	—	—	—	—	1011
Баравица	125	—	—	913	—	—	—	—	—	—	—	913
Черна рѣка	85	—	—	527	—	—	—	—	—	—	—	527
Гуменджа	495	—	—	2833	—	—	—	—	—	—	—	2833
Чиркалово	33	—	—	219	—	—	—	—	—	—	—	219
Ала-Клисе	82	—	—	477	—	—	—	—	—	—	—	477
Доганджи	41	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Ремлѣ	37	—	—	201	—	—	—	—	—	—	—	201
Грубевци	56	—	—	321	—	—	—	—	—	—	—	321
Кониково	18	—	—	178	—	—	—	—	—	—	—	178
Чаушли	6	—	—	29	—	—	—	—	—	—	—	29
Ахляръ	25	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—	161
Тегармишово	19	—	—	114	—	—	—	—	—	—	—	114
Ашикларъ	131	—	—	—	—	779	—	—	—	—	—	779
Кашиново	18	106	—	—	—	—	—	—	—	—	—	106
Тумба	81	—	590	—	—	—	—	—	—	—	—	590
Торшилово	32	—	—	235	—	—	—	—	—	—	—	235
Вавлатъ	23	—	—	125	—	—	—	—	—	—	—	125
Оризарци (Челтикъ)	41	—	333	—	—	—	—	—	—	—	—	333
Баба-кіой	68	—	466	—	—	—	—	—	—	—	—	466
Бозецъ	95	—	—	709	—	—	—	—	—	—	—	709
Петрево	116	—	—	840	—	—	—	—	—	—	—	840
Ени-Кіой	10	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	55
Памасъ Кіой	9	—	—	52	—	—	—	—	—	—	—	52
Ливадица	41	—	—	—	—	—	—	—	220	—	—	220
Карапотица	66	—	—	365	—	—	—	—	—	—	—	365
Волчица	16	—	—	84	—	—	—	—	—	—	—	84
Врежотъ	63	—	—	364	—	—	—	—	—	—	—	364
Власи	65	150	—	198	—	—	—	—	—	—	—	348
Голото село	63	166	—	150	—	—	—	—	—	—	—	316
Пласничево	40	100	—	124	—	—	—	—	—	—	—	224
Гропяно	34	—	—	175	—	—	—	—	—	—	—	175
Кулибелеръ	8	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Дортъ Армудъ	12	—	—	75	—	—	—	—	—	—	—	75
Сюкютли	52	—	—	273	—	—	—	—	—	—	—	273
Невранъ	42	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
Трифульчево	45	158	—	80	—	—	—	—	—	—	—	238
Карамзино	54	180	—	104	—	—	—	—	—	—	—	284

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Енидже-Вардаръ. / Нахія Енидже Вардаръ.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Гроковъ христіанъ.	Гроковъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреовъ.	Всего.
Сенделчово	20	—	—	83	—	—	—	—	—	—	—	83
Ячкіой	155	402	—	400	—	—	—	—	—	—	—	802
Недирчово	57	324	—	—	—	—	—	—	—	—	—	324
Хасаръ-бей	70	—	—	350	—	—	—	—	—	—	—	350
Явучи	24	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
Мандалево	15	—	—	78	—	—	—	—	—	—	—	78
Мавроянъ	7	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	50
Бабяни	28	—	—	160	—	—	—	—	—	—	—	160
Стирлитъ	78	452	—	—	—	—	—	—	—	—	—	452
Кяшларъ	94	463	—	—	—	—	—	—	—	—	—	463
Призна	18	54	—	50	—	—	—	—	—	—	—	104
Сулукли	13	—	—	61	—	—	—	—	—	—	—	61
Итого въ Нахіи Енидже Вардаръ	5250	8522	2589	17621	190	779	—	—	220	—	—	29921
Нахія Караджe Абатъ.												
Фущани	401	1200	—	789	—	—	—	—	—	—	—	1989
Терстеникъ	200	820	—	200	—	—	—	—	—	—	—	1020
Кужумани	245	—	—	661	—	500	—	—	—	—	—	1161
Карладово	130	—	—	396	—	300	—	—	—	—	—	696
Истранище	61	—	—	336	—	—	—	—	—	—	—	336
Новосельци	100	—	—	—	—	511	—	—	—	—	—	511
Продромъ	85	—	—	—	—	412	—	—	—	—	—	412
Гостолюби	257	—	—	—	—	1240	—	—	—	—	—	1240
Слатино	108	—	—	300	—	351	—	—	—	—	—	651
Кара дере	46	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Габровци	129	—	—	367	—	300	—	—	—	—	—	667
Раниславци	71	—	—	—	—	338	—	—	—	—	—	338
Севирли	260	1412	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1412
Неворъ	126	704	—	—	—	—	—	—	—	—	—	704
Ружино	71	—	—	200	—	173	—	—	—	—	—	373
Капиняни	305	—	—	700	—	701	—	—	—	—	—	1401
Изворъ	11	—	—	51	—	—	—	—	—	—	—	51
Тудурча	52	—	—	280	—	—	—	—	—	—	—	280
Плугаръ	16	—	—	90	—	—	—	—	—	—	—	90
Итого въ Нахіи Карадже-Абатъ	2664	4330	—	4370	—	3826	—	—	—	—	—	13526
Всего въ Казѣ Енидже Вардаръ	7924	12852	2589	21991	190	5605	—	—	220	—	—	43447
Каза Дойранъ.												
Дойранъ	1237	4000	1200	1000	—	—	—	—	—	—	250	6450
Адже-огулари	16	81	—	—	—	—	—	—	—	—	—	81
Горно-Горбасово	122	—	—	—	—	526	—	—	—	—	—	526

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Дойранъ.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Долно Горбасово	132	—	—	—	—	712	—	—	—	—	—	712
Айрянли	42	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170
Акунджи	120	400	260	—	—	—	—	—	—	—	—	660
Горно Сборе	37	162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	162
Долно Сборе	19	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85
Аразли	73	390	—	—	—	—	—	—	—	—	—	390
Атли	41	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Ашага-махале	23	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Байрамъ Обаси	95	524	—	—	—	—	—	—	—	—	—	524
Геокчали	110	575	—	—	—	—	—	—	—	—	—	575
Долно Геокчали	41	213	—	—	—	—	—	—	—	—	—	213
Балинци	25	—	130	—	—	—	—	—	—	—	—	130
Бахчели	67	308	—	—	—	—	—	—	—	—	—	308
Бахчи	53	255	—	—	—	—	—	—	—	—	—	255
Брайковица	32	—	160	—	—	—	—	—	—	—	—	160
Баракли	117	665	—	—	—	—	—	—	—	—	—	665
Брестъ	38	80	—	110	—	—	—	—	—	—	—	190
Буламачли	29	134	—	—	—	—	—	—	—	—	—	134
Булунтули	61	310	—	—	—	—	—	—	—	—	—	310
Буюкли	30	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	173
Валандово	202	900	—	325	—	—	—	—	—	—	—	1225
Вейсели	71	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Владая	22	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Воловецъ	68	—	—	327	—	—	—	—	—	—	—	327
Гевшекли	33	65	—	100	—	—	—	—	—	—	—	165
Гюлели	24	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Дедели	130	639	—	—	—	—	—	—	—	—	—	639
Дервишли	21	202	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202
Джума-Обаси	17	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84
Димонци	16	30	—	56	—	—	—	—	—	—	—	86
Доаджели	19	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	97
Добровци	9	—	—	55	—	—	—	—	—	—	—	55
Дорбали	28	—	145	—	—	—	—	—	—	—	—	145
Дорлобаси	125	645	—	—	—	—	—	—	—	—	—	645
Дургутли	12	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Дурутли	44	235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Ерджели	17	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Козелъ Долный	188	903	—	—	—	—	—	—	—	—	—	903
Калково	124	600	80	—	—	—	—	—	—	—	—	680
Калчково	146	812	—	—	—	—	—	—	—	—	—	812
Караджели	13	85	—	—	—	—	—	—	—	—	—	85
Карали	58	248	—	—	—	—	—	—	—	—	—	248
Караолари	63	297	—	—	—	—	—	—	—	—	—	297
Карапазарли	38	144	—	—	—	—	—	—	—	—	—	144
Карло-Обаси	33	157	—	—	—	—	—	—	—	—	—	157
Кояли	55	260	—	—	—	—	—	—	—	—	—	260
Колули	24	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Кращали	81	396	—	—	—	—	—	—	—	—	—	396
Куртамзали	54	276	—	—	—	—	—	—	—	—	—	276
Квойлеменли	55	280	—	—	—	—	—	—	—	—	—	280
Меймишли	41	210	—	—	—	—	—	—	—	—	—	210
Мешенли	6	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33
Мравинци	32	—	160	—	—	—	—	—	—	—	—	160
Николичъ	33	—	165	—	—	—	—	—	—	—	—	165

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Дойранъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Органджели	101	505	—	—	—	—	—	—	—	—	—	505
Ормакли	113	560	—	—	—	—	—	—	—	—	—	560
Пазарли	45	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Парава	157	425	420	75	—	—	—	—	—	—	—	920
Патаросъ	45	—	—	225	—	—	—	—	—	—	—	225
Плавутъ	184	930	—	—	—	—	—	—	—	—	—	930
Попово	67	75	300	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Перстанъ	22	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110
Раброво	67	362	—	—	—	—	—	—	—	—	—	362
Раторицы	16	—	87	—	—	—	—	—	—	—	—	87
Робово	41	100	120	—	—	—	—	—	—	—	—	220
Саваджали	42	210	—	—	—	—	—	—	—	—	—	210
Севендекли	81	463	—	—	—	—	—	—	—	—	—	463
Сульово	150	500	290	—	—	—	—	—	—	—	—	790
Татарли	62	313	—	—	—	—	—	—	—	—	—	313
Терзели	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Фурка	72	—	—	420	—	—	—	—	—	—	—	420
Хакимдже	6	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Хаганли	62	200	—	120	—	—	—	—	—	—	—	320
Худово	92	523	—	—	—	—	—	—	—	—	—	523
Церничани	33	165	—	—	—	—	—	—	—	—	—	165
Чаушли	46	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Чалакли	75	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Чаушли	36	172	—	—	—	—	—	—	—	—	—	172
Честево	66	—	—	313	—	—	—	—	—	—	—	313
Чили	20	102	—	—	—	—	—	—	—	—	—	102
Шаншали	21	105	—	—	—	—	—	—	—	—	—	105
Всего въ Казѣ Дойранъ	6089	23804	3642	3231	—	1238	—	—	—	—	250	32145
Каза Авретъ-Хисаръ (Кукушъ).												
Нахія Кукушъ.												
Кукушъ	1550	1000	6900	—	200	—	—	—	—	—	—	8100
Сари-гьолъ	55	337	—	—	—	—	—	—	—	—	—	337
Хасанъ Обаси	64	326	—	—	—	—	—	—	—	—	—	326
Кавакли	10	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Салманли	29	70	84	—	—	—	—	—	—	—	—	154
Ягджиларъ	82	95	—	387	—	—	—	—	—	—	—	482
Кара-бунаръ	54	259	—	—	—	—	—	—	—	—	—	259
Авретъ Хисаръ	54	—	249	—	—	—	—	—	—	—	—	249
Дурусанли	41	100	100	—	—	—	—	—	—	—	—	210
Ашикли	26	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Арапи	27	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Калиново	78	—	300	—	178	—	—	—	—	—	—	478
Хаджи Юнусъ	54	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—	234
Армудчи	77	372	—	—	—	—	—	—	—	—	—	372
Приклія	74	—	385	—	—	—	—	—	—	—	—	385

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Аврета-Хисаръ. Нахія Кукушъ.	Число домовъ.	Число жителей: Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Патарашъ	34	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Уклюзли	107	543	—	—	—	—	—	—	—	—	—	543
Сересмли	47	239	—	—	—	—	—	—	—	—	—	239
Куркутово	193	870	—	—	—	—	—	—	—	—	—	870
Папратъ	145	300	406	—	—	—	—	—	—	—	—	706
Ниманци (Чомлекчи)	49	—	218	—	—	—	—	—	—	—	—	218
Варланъ	122	584	—	—	—	—	—	—	—	—	—	584
Сари Кіой	34	189	—	—	—	—	—	—	—	—	—	189
Біолъ-оваси	33	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Али Ходжа	54	—	289	—	—	—	—	—	—	—	—	289
Постоларъ	56	—	238	—	—	—	—	—	—	—	—	238
Сари-Базаръ	18	—	92	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Хайдарли	17	30	56	—	—	—	—	—	—	—	—	86
Даутли	15	—	68	—	—	—	—	—	—	—	—	68
Караджа Хадярля	36	—	183	—	—	—	—	—	—	—	—	183
Енешово	55	—	—	302	—	—	—	—	—	—	—	302
Гарбошелъ	30	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Микалево	25	—	—	—	132	—	—	—	—	—	—	132
Чугунци	38	—	176	—	—	—	—	—	—	—	—	176
Килиндиръ	39	—	—	172	—	—	—	—	—	—	—	172
Ени-Кіой	22	—	99	—	—	—	—	—	—	—	—	99
Стрезово	26	—	115	—	—	—	—	—	—	—	—	115
Шекерли	12	—	—	—	65	—	—	—	—	—	—	95
Итого въ Нахіи Кукушъ	3382	6052	10294	861	575	—	—	—	—	—	—	17782
Нахія Карадагъ.												
Раяново	176	285	566	—	150	—	—	—	—	—	—	901
Башанли	75	370	—	—	—	—	—	—	—	—	—	370
Пейково	166	813	—	—	—	—	—	—	—	—	—	813
Кюлахли	58	293	—	—	—	—	—	—	—	—	—	293
Радила	73	274	—	—	—	—	—	—	—	—	—	274
Дерели	13	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73
Озанджели	16	72	—	—	—	—	—	—	—	—	—	72
Хасанли	19	49	52	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Баирли	25	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	126
Алексово	68	—	160	—	166	—	—	—	—	—	—	326
Алчакъ-Кли	6	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—	27
Ахматово	24	—	—	115	—	—	—	—	—	—	—	115
Амбаръ Кіой	75	—	180	183	—	—	—	—	—	—	—	363
Анадолу	67	304	—	—	—	—	—	—	—	—	—	304
Араседи	37	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Арборъ	138	638	—	—	—	—	—	—	—	—	—	638
Асп-Огулари	3	16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Бали-Огулари	59	263	—	—	—	—	—	—	—	—	—	263
Бала Махмудли	16	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Башъ-башли	52	231	—	—	—	—	—	—	—	—	—	231
Беглери	19	—	—	—	119	—	—	—	—	—	—	119

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Карадагъ Аретъ-Хисаръ. Нахія Карадагъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Баязъ Едили	17	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	121
Ваисли	8	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Вардаровци	37	—	—	178	—	—	—	—	—	—	—	178
Враги-Турги	18	—	83	—	—	—	—	—	—	—	—	83
Гавалянци	26	—	126	—	—	—	—	—	—	—	—	126
Гола	15	—	74	—	—	—	—	—	—	—	—	74
Горно Махмудли	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53
Горно Тодарасъ	164	—	400	375	—	—	—	—	—	—	—	775
Грамада	102	—	558	—	—	—	—	—	—	—	—	558
Гюченли	4	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17
Джами-Бахчели	17	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Доганджи	78	155	200	—	—	—	—	—	—	—	—	355
Долно Тодоранъ	59	—	155	100	—	—	—	—	—	—	—	255
Догушли	36	145	—	—	—	—	—	—	—	—	—	145
Драгоміръ	120	—	632	—	—	—	—	—	—	—	—	632
Дурмушли	10	59	—	—	—	—	—	—	—	—	—	59
Ейбелеръ	7	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41
Елезли	13	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Ени Махале	16	96	—	—	—	—	—	—	—	—	—	96
Инджекли	6	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45
Исманли	35	185	—	—	—	—	—	—	—	—	—	185
Казаново	30	—	186	—	—	—	—	—	—	—	—	186
Камберли	45	219	—	—	—	—	—	—	—	—	—	219
Кара-Амарли	13	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54
Кара Ахматли	17	79	—	—	—	—	—	—	—	—	—	79
Кара Махмудли	39	174	—	—	—	—	—	—	—	—	—	174
Кара-Муто-Огуларъ	9	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45
Кара-Чаля	5	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54
Касамли	17	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Кепджели	16	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Коджа Амарли	45	—	247	—	—	—	—	—	—	—	—	247
Козъ-башли	52	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—	234
Козъ-Ходжа-махала	35	156	—	—	—	—	—	—	—	—	—	156
Кочо-огулари	35	180	—	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Крецово	79	—	483	—	—	—	—	—	—	—	—	483
Кушово	106	191	383	—	—	—	—	—	—	—	—	574
Кійлименли	24	122	—	—	—	—	—	—	—	—	—	122
Кіосе-Мурджали	13	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	66
Кіойрчаляклaръ	11	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Кулали	104	549	—	—	—	—	—	—	—	—	—	549
Делово	125	200	291	—	100	—	—	—	—	—	—	591
Маловци	5	—	27	—	—	—	—	—	—	—	—	27
Маршали	11	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Междерехъ	83	—	422	—	—	—	—	—	—	—	—	422
Мирово	76	—	341	—	—	—	—	—	—	—	—	341
Мозгали	88	471	—	—	—	—	—	—	—	—	—	471
Муравци	183	—	800	—	125	—	—	—	—	—	—	925
Мурджали	23	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Мурсали	53	248	—	—	—	—	—	—	—	—	—	248
Мутулово	146	—	956	—	—	—	—	—	—	—	—	956
Олашли	22	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Отманли	13	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84
Папгразли	22	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Порчали	12	52	—	—	—	—	—	—	—	—	—	52

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Авретъ-Хисаръ. Нахія Карадагъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Планиница	150	400	572	—	—	—	—	—	—	—	—	972
Рамна	49	150	152	—	—	—	—	—	—	—	—	302
Сакали Оглуларъ	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Сарайли	18	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Саракли	12	51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	51
Сари Доганджи	30	154	—	—	—	—	—	—	—	—	—	154
Саслево	41	—	72	100	—	—	—	—	—	—	—	172
Слефче	145	200	494	—	—	—	—	—	—	—	—	694
Сырачли	13	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	66
Тодорево	42	—	254	—	—	—	—	—	—	—	—	254
Узунъ-Махале	38	164	—	—	—	—	—	—	—	—	—	164
Уручъ-Овали	11	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46
Фенерли Хаджи Елесъ	27	132	—	—	—	—	—	—	—	—	—	132
Хаджи Аселеръ	25	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Халачли	15	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Хапанджали	21	101	—	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Хемзели	39	184	—	—	—	—	—	—	—	—	—	184
Ходжа Башли	59	284	—	—	—	—	—	—	—	—	—	284
Хундули	13	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Хырсово	67	—	318	—	—	—	—	—	—	—	—	318
Чаушли	6	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Чинъ-Кыяли	13	77	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77
Чафликъ башли	29	123	—	—	—	—	—	—	—	—	—	123
Чифлинджикъ	21	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Чоколево	60	322	—	—	—	—	—	—	—	—	—	322
Черналъ-Махале	138	740	—	—	—	—	—	—	—	—	—	740
Чоранли	14	94	—	—	—	—	—	—	—	—	—	94
Чоруклеръ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Шерметли	27	—	65	50	—	—	—	—	—	—	—	115
Якубли	8	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41
Ярдемли	19	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Яхали-Мурванли	51	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	221
Итого въ Нахіи Карадагъ	4756	13164	9276	1101	660	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ Казѣ Авретъ-Хисаръ (Кукушъ)	8138	19216	19570	1962	1235	—	—	—	—	—	—	—
Каза Караферія.												
Караферія	2000	4000	—	—	—	—	2100	2700	—	—	—	8800
Аги-Яни	39	—	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280
Алаборъ	37	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Аркудахоръ	23	—	—	240	—	—	—	—	—	—	—	240
Асамата	40	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
Барбешъ	7	—	—	—	—	—	75	—	—	—	—	75
Брайнатъ	8	—	—	30	—	—	—	—	—	—	—	30
Весинда	84	—	—	—	—	—	495	—	—	—	—	495
Весово	51	—	—	—	—	—	345	—	—	—	—	345

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Караферія.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Вучища	7	—	—	—	—	—	61	—	—	—	—	61
Меле Айляси	452	—	—	—	—	—	—	—	3425	—	—	3425
Алаборъ	20	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
Горно Купаново	29	—	—	170	—	—	—	—	—	—	—	170
Дирачко	66	—	—	—	—	—	380	—	—	—	—	380
Долно Купаново	40	—	—	277	—	—	—	—	—	—	—	277
Дрихалево	7	—	—	—	—	—	41	—	—	—	—	41
Ераки	7	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	40
Кавача	14	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Гида Капсохаръ	40	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
Кара Чали	5	—	—	—	—	—	—	25	—	—	—	25
Катафя	15	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Кастаня	12	—	—	—	—	—	70	—	—	—	—	70
Кохура	50	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—	270
Костемаръ	11	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	50
Кухово	60	—	—	—	—	—	355	—	—	—	—	355
Кумощица	16	—	—	—	—	—	75	—	—	—	—	75
Кутишъ	12	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—	60
Курджалъ	57	—	—	—	—	—	—	402	—	—	—	402
Лидатосъ	47	—	—	—	—	—	240	—	—	—	—	240
Лонджакосъ	2	—	—	—	—	—	10	—	—	—	—	10
Луковица	28	—	—	135	—	—	—	—	—	—	—	135
Лутросъ	58	—	—	—	—	—	489	—	—	—	—	489
Макросъ	73	—	—	—	—	—	385	—	—	—	—	385
Алаборъ	40	—	—	—	—	—	170	—	—	—	—	170
Микро Аги Яни	167	—	—	—	—	—	—	—	1000	—	—	1000
Межъ	26	—	—	—	—	—	126	—	—	—	—	126
Мейликъ	79	—	—	—	—	—	550	—	—	—	—	550
Милово	27	—	—	—	—	—	285	—	—	—	—	285
Минощица	30	—	—	190	—	—	—	—	—	—	—	190
Ніауста (Агустосъ)	1030	—	—	—	—	—	3390	—	2000	—	—	5390
Нео Кастро	19	—	—	—	—	—	71	—	—	—	—	71
Неселъ	13	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—	60
Ниши	53	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Ени Кіой	18	—	—	110	—	—	—	—	—	—	—	110
Палатисъ	29	—	—	—	—	—	250	—	—	—	—	250
Пископи	42	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—	270
Пожаришъ	42	—	—	—	—	—	210	—	—	—	—	210
Продромъ	38	—	—	—	—	—	235	—	—	—	—	235
Райко	30	—	—	—	—	—	150	—	—	—	—	150
Рапсиманикъ	26	—	—	—	—	—	125	—	—	—	—	125
Ретинаки	96	—	—	—	—	—	660	—	—	—	—	660
Решина	32	—	—	—	—	—	210	—	—	—	—	210
Рашинъ	9	—	—	—	—	—	40	—	—	—	—	40
Решяни	9	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—	60
Садина	14	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—	65
Сели	77	—	—	—	—	—	—	—	450	—	—	450
Свинче	11	—	—	—	—	—	80	—	—	—	—	80
Св. Марина	31	—	—	—	—	—	180	—	—	—	—	180
Скиличъ	15	—	—	—	—	—	65	—	—	—	—	65
Сполта	29	—	—	—	—	—	245	—	—	—	—	245
Ставросъ	24	—	—	—	—	—	115	—	—	—	—	115
Тавромунъ	11	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—	51
Триховиста	40	—	—	—	—	—	170	—	—	—	—	170

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Караферія.	Число домовъ.	Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
		Число жителей.										
Туркохоръ	30	—	—	150	—	—	—	—	—	—	—	150
Хоропа	13	—	—	84	—	—	—	—	—	—	—	84
Славохаръ	40	—	—	—	—	—	200	—	—	—	—	200
Черново	48	—	—	285	—	—	—	—	—	—	—	285
Шеразлинъ	40	—	—	—	—	—	265	—	—	—	—	265
Яворница	12	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	60
Янчища	54	—	—	370	—	—	—	—	—	—	—	370
Всего въ Казѣ Караферія	5761	4000	—	2301	—	—	15185	3127	6875	—	—	31488
Каза Катерина.												
Нахія Катерина.												
Катерина	989	1500	—	—	—	—	2369	—	1000	—	—	4869
Вромери	28	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
Испупи	37	—	—	—	—	—	213	—	—	—	—	213
Храносъ	16	—	—	—	—	—	88	—	—	—	—	88
Китросъ	34	—	—	—	—	—	229	—	—	—	—	229
Тохово	236	953	—	—	—	—	—	—	—	—	—	953
Скутерина	36	—	—	—	—	—	280	—	—	—	—	280
Морна	19	—	—	—	—	—	106	—	—	—	—	196
Мила	103	—	—	—	—	—	554	—	—	—	—	554
Карисъ	7	—	—	—	—	—	37	—	—	—	—	37
Жажако	51	—	—	—	—	—	270	—	—	—	—	270
Вронтосъ	59	—	—	—	—	—	379	—	—	—	—	379
Кондорюца	45	—	—	—	—	—	279	—	—	—	—	279
Колиноръ	30	—	—	—	—	—	136	—	—	—	—	136
Керемитъ	22	—	—	—	—	—	126	—	—	—	—	126
Драница	151	—	—	—	—	—	897	—	—	—	—	897
Будохія	12	—	—	—	—	—	69	—	—	—	—	69
Агіояни	31	—	—	—	—	—	215	—	—	—	—	215
Итого въ Нахіи Катерина	1906	2453	—	—	—	—	6450	—	1000	—	—	9913
Нахія Колиндро.												
Колиндро	393	—	—	—	—	—	1669	—	—	—	—	1669
Лефтерохоръ	16	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—	76
Кадаха	31	—	—	—	—	—	190	—	—	—	—	190
Паліонещени	30	—	—	—	—	—	190	—	—	—	—	190
Кючюкъ-Мпля	31	—	—	—	—	—	180	—	—	—	—	180
Лабаново	141	350	—	—	—	—	360	—	—	—	—	710
Итого въ Нахіи Колиндро	642	350	—	—	—	—	2665	—	—	—	—	3015

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Катерина. / Нахія Литохоръ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Литохоръ	602	—	—	—	—	—	3641	—	—	—	—	3641
Лефтокарія	108	—	—	—	—	—	619	—	—	—	—	619
Скотина	70	—	—	—	—	—	330	—	—	—	—	330
Пантелеймонъ	91	—	—	—	—	—	422	—	—	—	—	422
Турли	28	—	—	—	—	—	123	—	—	—	—	123
Авраница	11	—	—	—	—	—	45	—	—	—	—	45
Фикри и Карица . . .	127	—	—	—	—	—	—	—	566	—	—	566
Карица Саракачянъ . .	6	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—	42
Малатрія	11	—	—	—	—	—	71	—	—	—	—	71
Малатрія Саракачанъ . .	32	—	—	—	—	—	164	—	—	—	—	164
Кориносъ	53	200	—	—	—	—	184	—	—	—	—	384
Брахина	13	—	—	—	—	—	62	—	—	—	—	62
Итого въ Нахіи Литохоръ	1152	200	—	—	—	—	5703	—	566	—	—	6469
Всего въ Казѣ Катерина.	3700	3003	—	—	—	—	14818	—	1566	—	—	19387
Каза Лангаза.												
Лангаза.	350	1300	—	200	—	—	250	—	—	—	—	1750
Адемъ-Кіой	188	—	—	—	—	—	775	—	—	—	—	775
Андули	39	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Ашаръ	36	182	—	—	—	—	—	—	—	—	—	182
Джами	97	460	—	—	—	—	—	—	—	—	—	460
Караджали	36	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	173
Румели	40	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Аивасилъ	51	—	—	—	—	—	204	—	—	—	—	204
Анджиларъ	24	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111
Айси Оваси	24	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	126
Акъ-Топракъ	35	148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Алайли	80	378	—	—	—	—	—	—	—	—	—	378
Алчели	22	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—	114
Аракля	22	—	—	109	—	—	—	—	—	—	—	109
Аспровалта	38	—	—	—	—	—	183	—	—	—	—	183
Инджакли	39	186	—	—	—	—	—	—	—	—	—	186
Индахилеръ	19	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	99
Курджали	34	162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	162
Хайдерларъ	14	78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	78
Чевабли.	25	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Шахинли	12	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Балавча	96	—	—	481	—	—	—	—	—	—	—	481
Башъ-Кіой.	17	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Берво	174	—	—	—	—	—	803	—	—	—	—	803
Богородица	34	—	—	154	—	—	—	—	—	—	—	154
Булайли.	68	382	—	—	—	—	—	—	—	—	—	382
Закуфъ Ени-Кіой . . .	15	—	—	85	—	—	—	—	—	—	—	85
Вереносъ	116	—	—	—	—	—	512	—	—	—	—	512
Вереносъ	36	—	—	—	—	—	169	—	—	—	—	169
Висока	238	—	—	1478	—	—	—	—	—	—	—	1478

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Лангаза.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Гиренъ	45	—	—	—	—	—	218	—	—	—	—	218
Гнойна	18	—	—	78	—	—	—	—	—	—	—	78
Говашъ	202	—	—	—	—	—	970	—	—	—	—	970
Буюкъ Бешикъ	47	94	—	—	—	—	100	—	—	—	—	194
Гермичъ	181	933	—	—	—	—	—	—	—	—	—	933
Гбоменичъ	35	—	—	—	—	—	155	—	—	—	—	155
Гболбаши	10	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	50
Джерна	23	—	—	—	—	—	121	—	—	—	—	121
Доганджи	64	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—	260
Доганджи	24	—	—	—	—	—	122	—	—	—	—	122
Дермилъ	96	—	—	—	—	—	433	—	—	—	—	433
Ени-Махале	52	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300
Загливеръ	167	508	—	—	—	—	500	—	—	—	—	1008
Зарево	217	—	979	—	—	—	—	—	—	—	—	979
Ибрахимли	38	167	—	—	—	—	—	—	—	—	—	167
Игрибуджакъ	163	802	—	—	—	—	—	—	—	—	—	802
Каваларци	120	248	—	300	—	—	—	—	—	—	—	548
Кавакъ	45	207	—	—	—	—	—	—	—	—	—	207
Караамарля	179	917	—	—	—	—	—	—	—	—	—	917
Караджа Кіой	203	965	—	—	—	—	—	—	—	—	—	965
Карчи Кіой	69	308	—	—	—	—	—	—	—	—	—	308
Клепеле	202	965	—	—	—	—	—	—	—	—	—	965
Клисели	83	—	—	386	—	—	—	—	—	—	—	386
Кокала	52	—	—	—	—	—	203	—	—	—	—	203
Курфали	71	357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	357
Кочкаръ	15	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Кулакджели	22	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110
Кіолели	45	193	—	—	—	—	—	—	—	—	—	193
Кіолче	62	278	—	—	—	—	—	—	—	—	—	278
Кузели	65	349	—	—	—	—	—	—	—	—	—	349
Ланговикъ	44	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170
Ланджа	34	167	—	—	—	—	—	—	—	—	—	167
Лахана	154	723	—	—	—	—	—	—	—	—	—	723
Левенъ	18	—	—	—	—	—	84	—	—	—	—	84
Лезикъ	86	150	—	—	—	—	216	—	—	—	—	366
Ливадичъ	283	700	—	—	—	—	644	—	—	—	—	1344
Ахутли	26	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—	109
Дундарли	48	216	—	—	—	—	—	—	—	—	—	216
Огурли	43	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Пазарли	56	273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	273
Рамазанли	38	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
Техиме	28	140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Маврово	47	189	—	—	—	—	—	—	—	—	—	189
Кучукъ Башикъ	69	130	—	—	—	—	160	—	—	—	—	290
Масларъ	159	300	—	—	—	—	463	—	—	—	—	763
Медемахале	30	148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Модя	41	—	—	—	—	—	177	—	—	—	—	177
Неби Даутли макале	14	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Негованъ	305	400	600	560	—	—	—	—	—	—	—	1560
Нуда	56	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—	277
Орехъ	80	373	—	—	—	—	—	—	—	—	—	373
Остролонга	8	—	—	—	—	—	43	—	—	—	—	43
Караджали	35	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Каракорджали	31	118	—	—	—	—	—	—	—	—	—	118

Мутесарифликъ Солунъ.

Каза Лангаза.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Киратъ	46	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	221
Отманли	68	292	—	—	—	—	—	—	—	—	—	292
Пазарлякъ	78	120	—	—	—	—	270	—	—	—	—	390
Памиксъ	2	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	8
Пещера	99	—	—	—	—	—	500	—	—	—	—	500
Равна	122	604	—	—	—	—	—	—	—	—	—	604
Салтакля махале	51	273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	273
Сарай	51	256	—	—	—	—	—	—	—	—	—	256
Сарачово	39	—	—	205	—	—	—	—	—	—	—	205
Сариджели	24	136	—	—	—	—	—	—	—	—	—	136
Сарняръ	139	678	—	—	—	—	—	—	—	—	—	678
Селе Неби Даутли	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Севри	34	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Сиври-махале	26	138	—	—	—	—	—	—	—	—	—	138
Слатина	19	40	—	56	—	—	—	—	—	—	—	96
Софуларъ	39	178	—	—	—	—	—	—	—	—	—	178
Сохо	572	—	—	2885	—	—	—	—	—	—	—	2885
Ставросъ	40	—	—	—	—	—	200	—	—	—	—	200
Стефана	111	—	—	—	—	—	567	—	—	—	—	567
Стефана	139	611	—	—	—	—	—	—	—	—	—	611
Сулово	58	277	—	—	—	—	—	—	—	—	—	277
Тегри-Вирлишили	18	126	—	—	—	—	—	—	—	—	—	126
Тумба	5	—	—	—	—	—	30	—	—	—	—	30
Хаджи Байрамли	186	886	—	—	—	—	—	—	—	—	—	886
Хаджиларъ	54	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Хаслиджекли	27	114	—	—	—	—	—	—	—	—	—	114
Хламуръ	366	1659	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1659
Чали-махале	71	324	—	—	—	—	—	—	—	—	—	324
Дере	22	111	—	—	—	—	—	—	—	—	—	111
Джами	16	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	74
Коджа-Алилеръ	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53
Марешлеръ	20	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Чешме	16	71	—	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Чокали	44	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Джами-махале	22	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Караба	35	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
Карга	28	129	—	—	—	—	—	—	—	—	—	129
Котокчи	11	53	—	—	—	—	—	—	—	—	—	53
Хаджи	30	153	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153
Ярамазли	36	140	—	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Дере	19	93	—	—	—	—	—	—	—	—	—	93
Джали	25	127	—	—	—	—	—	—	—	—	—	127
Кабулу	38	201	—	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Кара язли	60	275	—	—	—	—	—	—	—	—	—	275
Муменли	24	118	—	—	—	—	—	—	—	—	—	118
Пурнаръ-баши	35	206	—	—	—	—	—	—	—	—	—	206
Чили	18	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Всего въ Казѣ Лангаза	9391	27400	1579	6977	—	—	9390	—	—	—	—	45346

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Касандра.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Полигиросъ	400	—	—	—	—	—	2134	—	—	—	—	2134
Аванли-махале	61	352	—	—	—	—	—	—	—	—	—	352
Аймама	89	—	—	—	—	—	423	—	—	—	—	423
Акбунаръ	31	135	—	—	—	—	—	—	—	—	—	135
Анастасъ	7	—	—	—	—	—	42	—	—	—	—	42
Атмаджели	33	304	—	—	—	—	—	—	—	—	—	304
Баракли	32	146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
Бозаланъ	47	223	—	—	—	—	—	—	—	—	—	223
Вулгаръ	5	—	—	39	—	—	—	—	—	—	—	39
Вавдо	252	—	—	—	—	—	1350	—	—	—	—	1350
Валта	155	—	—	—	—	—	774	—	—	—	—	774
Варвара	111	—	—	—	—	—	590	—	—	—	—	590
Враста	277	—	—	—	—	—	1170	—	—	—	—	1170
Галарно	25	—	—	—	—	—	174	—	—	—	—	174
Галача	398	—	—	—	—	—	1839	—	—	—	—	1839
Гоматъ	100	—	—	—	—	—	518	—	—	—	—	518
Дариджиларъ	9	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Даутли	39	185	—	—	—	—	—	—	—	—	—	185
Добролу	18	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Емерджели	19	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108
Ени-Кіой	85	—	—	—	—	—	569	—	—	—	—	569
Изворъ	106	—	—	—	—	—	496	—	—	—	—	496
Ирисо	281	—	—	—	—	—	1422	—	—	—	—	1422
Каландра	74	—	—	—	—	—	409	—	—	—	—	409
Калаузли	7	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Капу	6	—	—	—	—	—	51	—	—	—	—	51
Капсохора	64	—	—	—	—	—	278	—	—	—	—	278
Кара-тепе	23	92	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Кара-Юсуфларъ	10	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Каркара	99	522	—	—	—	—	—	—	—	—	—	522
Касандрано	27	—	—	—	—	—	184	—	—	—	—	184
Каяджикъ	34	—	—	—	—	—	225	—	—	—	—	225
Карменъ	29	—	—	—	—	—	173	—	—	—	—	173
Кили	3	—	—	—	—	—	20	—	—	—	—	20
Козина	4	—	—	—	—	—	24	—	—	—	—	24
Кіорпе	42	173	—	—	—	—	—	—	—	—	—	173
Кіолахли	7	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	35
Кіочукли	38	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Кызганджи	42	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Леригово	318	—	—	—	—	—	1558	—	—	—	—	1558
Локово	132	—	—	—	—	—	831	—	—	—	—	831
Маріана	8	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	37
Мера-чифликъ	7	—	—	—	—	—	35	—	—	—	—	35
Метенгичъ	61	—	—	—	—	—	297	—	—	—	—	297
Миріофито	34	—	—	—	—	—	156	—	—	—	—	156
Никита	180	—	—	—	—	—	977	—	—	—	—	977
Пазараки	28	—	—	—	—	—	174	—	—	—	—	174
Пазарли	25	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108
Палеохоръ	114	—	—	—	—	—	566	—	—	—	—	566
Палеохоръ	60	—	—	—	—	—	426	—	—	—	—	426
Паморъ	63	—	—	—	—	—	350	—	—	—	—	350
Папая	3	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	16
Партеніона	67	—	—	—	—	—	340	—	—	—	—	340
Полихронъ	29	—	—	—	—	—	194	—	—	—	—	194

Мутесарифликъ Солунь.

Каза Касандра.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Портарія	81	—	—	—	—	—	346	—	—	—	—	346
Правита.	2	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	9
Равна	85	—	—	—	—	—	562	—	—	—	—	562
Ревежикъ	173	—	—	—	—	—	1120	—	—	—	—	1120
Решетникъ	96	—	—	—	—	—	549	—	—	—	—	549
Св. Никола	170	—	—	—	—	—	955	—	—	—	—	955
Св. Параскева	71	—	—	—	—	—	384	—	—	—	—	384
Сенджели	10	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56
Селели	23	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Сопотникъ	60	—	—	—	—	—	318	—	—	—	—	318
Сохуларъ	42	—	—	—	—	—	233	—	—	—	—	233
Сохуларъ махале . . .	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Стано	100	—	—	—	—	—	547	—	—	—	—	547
Таганджи	10	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	47
Телкели	101	528	—	—	—	—	—	—	—	—	—	528
Тумба	42	—	—	—	—	—	204	—	—	—	—	204
Туплйкъ	40	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—	260
Урумиля	232	—	—	—	—	—	1833	—	—	—	—	1833
Урумъ-Сыртъ	20	128	—	—	—	—	—	—	—	—	—	128
Фурка	81	—	—	—	—	—	413	—	—	—	—	413
Ханіотъ	12	—	—	—	—	—	76	—	—	—	—	76
Хасана	68	—	—	—	—	—	393	—	—	—	—	393
Хатита	93	—	—	—	—	—	482	—	—	—	—	482
Чапрапъ	12	—	—	—	—	—	64	—	—	—	—	64
Ченгели	29	182	—	—	—	—	—	—	—	—	—	182
Чепешли	8	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Чилли	19	98	—	—	—	—	—	—	—	—	—	98
Чобанли	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Шикя	318	—	—	—	—	—	1597	—	—	—	—	1597
Кромѣ того имѣются еще метохи (хутора), принадлежащіе Аѳонскимъ монастырямъ, гдѣ живутъ монахи.												
Всего въ Казѣ Касандра	6222	4239	—	39	—	—	29165	—	—	—	—	33443
Каза Аѳонъ.												
Обитаема исключительно монахами.												
Во всемъ Солунскомъ Мутесарификѣ . .	101467	186735	116814	87340	2160	33497	101276	3204	17105	3917	47850	599898

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько духовныхъ стиховъ

(по записямъ В. Чернышева).

Стихъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божьемъ записанъ, съ большими пропусками (такъ мнѣ кажется), со словъ слѣпого нищаго изъ Юхновскаго у. Смоленской губ. На вопросъ, отъ кого онъ научился стихамъ, онъ отвѣтилъ, что «отъ царя Давыда, отъ него это пошло». Народное произношеніе при записываніи имѣлось въ виду передать въ точности. Время записи—лѣто 1898 года.

Въ говорѣ разсказчика сильное аканье: не только *я*му̀, *я*во̀, ш*а*сто̀й, з*я*мны̀й и др., н*я*слѝ, ж*а*нѝхъ, исц*а*лѐнья. Иногда вмѣсто *а* видимъ *и*—это въ слогѣ передъ удареніемъ передъ слѣдующимъ *а*: пр*и*ст*и*ѝли (2 раза), раст*и*ча̀ютъ, м*и*ща̀мъ; въ соотвѣтствіе этому находимъ: нар*и*ка̀ли, сл*и*за̀ми, справ*и*да̀ла. *У* на мѣстѣ *о* только въ словѣ В*у*г*у*рдица.

Е замѣняется *и*: *и*му̀, узна̀*и*тъ, ку̀шань*и*мъ, также: св*и*щѐнными; въ словѣ ищ*е* (еще) на концѣ *е* не *ё*. *Г* произносится какъ латинское *h*; есть *у* или *у̀* на мѣстѣ *в*: *у*тай, *у*мѣсти, *у̀* Божію и обратно; замѣтимъ также произношеніе: кристіянами, *г* *г*робу (собственно: *h* *h*робу). На концѣ словъ можно услышать твердый губной: семъ. Окончаніе 3-го лица то мягко: принима̀*ить*, идё*ть*, пла̀ч*ить*—то твердо: хо̀д*ютъ*, плач*итъ*; также ться (жениться)—не тца или цца; возврат. залогъ то на ся: пакланѝся, праслезѝлся—то на са: занѧ̀лса, молѝлса *). Въ удареніи нужно указать: саздалъ, занѧ̀лся, нача̀лъ. Вмѣсто онъ говорятъ ёнъ. Въ склоненіи словъ нужно указать: на сырой землѝ (на правой рукѝ, можетъ быть, по вліянію подобныхъ склоненій); въ склоненіи прилагательныхъ видимъ формы: Бо̀жай (им. п. е. ч. м. р.), Бо̀жава (р. п.), Бо̀жиму (д. п.), въ жен. родѣ: на Бо̀жай, Бо̀жей церкви; также: турѐцк*аю* землю, всѧ̀к*аю*; ско̀рнамъ, болѣзн*амъ* (скорбнымъ, болѣзнымъ), го̀рьк*ами* слезами.

Вмѣсто гдѣ—игдѣ, вмѣсто по̀ясъ—по̀ястъ (какъ мостъ при мосъ). *Ц*ару вмѣсто чару, я думаю, не даетъ права заключить о цоканьѣ. Запись сдѣлана очень спѣшно и, вѣроятно, содержитъ не мало неточностей.

Въ скобкахъ поставлены слова и произношенія, которыя слышались при повтореніи.

Алексѣй Божій человѣкъ.

Ва сла̀внамъ ва гаради ва въ Рими
При томъ царю̀ при Янорью,
При виликаму князю Афимьяну (Ахимьяну),
И въ нихъ жа дѝтишша не была ни единава,
Создалъ имъ Гасподь дѝтишшу единава,

---

*) Эти слѣпые обыкновенно ходятъ подъ Москвою, откуда тъ, са и др.

При младасти есть на паглядѣнія,
При старасти на сбереженіе,
Паслѣднимъ канцу̂ на паминъ души,
Па Божьяму павилѣнію,
Па ихъ па усердному прашенію.
Хадилъ князь па гораду па Вриму,
Сабиралъ онъ папофъ, многа священства,
Папы къ яму въ домъ прихадили,
На имя младенца нарикали,
Нарикли (нарякли) иму имя звать Аликсѣямъ (Ликсѣямъ),
Божьява свѣта чилавѣку будитъ Аликсѣю ему семъ лѣтъ—
Атда̀лъ яво батюшка ва школу
Святой Божій грамати абучитца.
Грамати (граматы) святой абучился (абучилса),
Выучился скораму писанью (заня̀лса).
Младъ Алексѣй сталъ на возрдсьи лѣтъ семнатцать—
Паневолилъ ево батюшка *жениться*—
Жениться Алексѣю ни хатѣлася—
Принималъ онъ къ яму мла̀дую княгиню.
На Божію (у̂ Божію) церкавъ призвадили (привадили),
Подъ златыми вѣнцами (винцами) прыстыяли (прастыяли),
Залатыми персиями обручались,
Перинойную цару *) испивали.
Пашолъ Аликсѣй изъ Божей церкви къ сваимъ каминнымъ бѣлымъ палатамъ,
Садился Алексѣй за трапезу;
Онъ хлѣба и соли не скушаитъ.
Ва втаромъ часу была ночи—
Павели Алексѣя пачивати,
Ва шастомъ часу была ночи—
Увставалъ Алексѣй съ упакдя,
Снималъ (сонималъ) Алексѣй свой шелковый пояс*ть*,
Са правой руки златой перстинь.
«Малися ты Госпаду, трудися
За Алексѣя (Лексѣя) Божава чилавѣка».
Самъ пашолъ ва иншую землю,
Ка гораду ка Іудѐсту;
Прихадилъ ка Вожай святой цѐрквы (церкв*и*),
Сталъ Алексѣй на папѐрьти,
На правай рук*и* на притвори,
Молитца Богу са слизами
(Клалъ поклоны-та зямныи).
Ва то время славанъ Афимьянъ княсь
Хватилса любимава сваво сына.
Пдслы ево люди пахадили,
Турецкаю землю исхадили,
Ка граду Іудѐсту (Юдесту) прихадили,
Ва Божіи ва церкви прыстыяли,
Тамъ Алексѣя ни признали,
Миластйну яму саздавали.
Семнатцать лѣтъ Госпаду малилса,
Всякаю нидѣлю спавѣда̀лся,
Шастую суботу причащался (причашшался),
Скушалъ на недѣлю па адной (падной) крошки,

*) Въ записи такъ; вѣроятно, по ошибкѣ?

Испивалъ (спивалъ) вадицы па адной чарки.
Ричетъ иму Мать присвятая Бугуродица,
Аликсѣю Божиму чилавѣку:
Пади-ка ты ва свой ва славенъ Римъ гратъ,
Ка великаму князю Аѳимьяну:
Атецъ тибя съ матерью ни узнаитъ,
Ни узнаитъ твоя абру̀чивная княгиня.
На то время славенъ Ахимьянъ князь
Выхадилъ изъ Божей церкви.
Аликсѣй атцу пакланился:
«Здраствуй ты, нашъ батюшка славинъ Ахимьянъ князь,
Любишь ли ты насъ, нищую братью,
Сдѣля̀ишь (сасдѣляишь) ли ты убогимъ миластѝну?
Пастрой-ка ты мнѣ (страннику) келью,
Не ради минѐ, а ради Бога,
Ради сваво сына Аликсѣя Божава чилавѣка».
(Стоючи князь праслезился,
Горь*ками* слезами заливался):
Пастроилъ ёнъ келью не такую
Ищѐ (е не ё) ни въ этакамъ мѣсти;
Пазатъ сваихъ ка̀минныхъ палатъ,
*И*гдѣ рабы слуги ход*ятъ*, соръ и памои вазливаютъ,
На то бы Аликсѣй ни прагнѣвался.
Съ радост*юй* нужды принимаитъ.
Малился онъ Госпаду трудылся тритцать лѣтъ и читыри (чатыри).
Ва славнамъ ва гаради ва Врими
Святымъ духамъ—ладанамъ запахла.
Слуги ка князю прихадили,
Великаму князю атвѣщали:
«Въ нашамъ во гради свѣтъ переставился,
Пазадъ вашай бѣлай каминнай палаты,
Гдѣ рабы слуги ход*ютъ*, соръ и памои выливаютъ.
Царь Янорій падымаитца
Са всѣми священными (свищенными) соборами,
Съ праваславными царь кристіянами—
Царю рукапѝсьма ни сдалося:
Сдалось рукопѝсьма патріярху.
Нача̀лъ патріярхъ письмо читать:
Дачю̀лся *) князь сваво сына,
Аликсѣя Божава чилавѣка.
«Чада ты маё нараждѐнная,
Алексѣй ты Божій чилавѣкъ,
Чаво ты жилъ—былъ ни сказался,
Съ какой бы ты славой набъявлялся,
Пастроилъ бы тибѣ келью ни такую,
Ище (не ё; вар. *в*ще) бы ни въ эдакамъ мѣсти!
Справидȧла ево мать радная,
Идеть ка святому сама слезна плачитъ,
Ка гробу (вар. безъ предлога: гробу) святому упадала,
Грабницу слизами заливала.
«Свѣтъ маё любимая чада,

*) У Безсонова въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ: дочёлся (патріархъ), вып. 1, с. 108, стихъ 387, дочелся (князь), вып. 1, ср. 141, стихъ 246, но въ томъ и другомъ случаѣ слово относится къ читателю.

Аликсѣй ты Божій чилавѣкъ,
Ты для чиво жилъ-былъ ни сказàлса,
Съ какой бы ты славай нибъявлàлса,
Кармила бъ панла бъ сваимъ кушаньимъ,
Надзирала бъ сваимъ вѣрнымъ глазамъ.
(Насилъ бы ты ризы ни такіи,
Насилъ бы ты ризы залатыи)».
Справидàла ево млàдая княгиня,
Идёть ка святому сама плачить,
Гг гробу святому припадала,
Грабницу слезами заливала.
«Свѣтъ мой жанихъ былъ обручевный,
Преславнай мой князь вазлюбленнай,
Аликсѣй Божай (Божій) чилавѣкъ.
Утай бы я въ келью прихадила,
Свѣчи бы ладанъ принасила,
Умѣсти бы съ табой Богу малилисъ,
Промежъ бы насъ воздухъ былъ святой (былъ святой воздухъ),
Гарѣла *) бы свѣча ниугасимая.
Аликсѣя Божава чилавѣка
Нясли (несли) иво (яво) (мощи пагребати).
Три дня и три ночи за народамъ князя ни дапускали (дапустили).
Князь казну рассыпаитъ
(Князь казну растычàитъ,
Па сырой землѣ рассыпàитъ)—
А міръ атъ казны прочь атшатнулса,
Ка святымъ мащамъ (мощàмъ) прилажилса;
Атъ святыхъ машшей была прашшенья,
Сляпымъ давалъ Гасподь праузрѣнья,
Глухимъ давалъ Гасподь праслушѐнья,
Скорнамъ, балѣзнамъ Гасподь давалъ исцалѣнья.
Са славаю мощи пагрибали
Ва славнамъ ва гаради ва въ Рими.
Яму жа славу паёмъ ва вѣки вѣковъ, аминь.

Слѣдующіе стихи записаны отъ молодого слѣпца Клинскаго уѣзда. Изъ нихъ виденъ обыкновенный московскій умѣренно акающій народный говоръ. Произношеніе, вѣроятно, передается точнѣе, чѣмъ въ предыдущей записи, такъ какъ она сдѣлана менѣе спѣшно.

Лексѣй Божій чилавѣкъ.

Ва славнамъ ва гради и ва Римѣ (гаради ва Римѣ),
При томъ царѣ была при Анðрьи (Анўрьи),
У ве˙ликава князя *И*фимьяна (*А*фимьяна),
У нихъ не была дѣтища ни единава;
То велиmіи (*и* или *й* неясно) славенъ Афимьянъ князь
Ходитъ ва Божію ва церкафь (ръ или рь неясно),
Молитца Богу са слезами
И са праведными Богу са трудами,
У Гаспада миласти упрашàитъ:
«О свѣтъ Присвятая (*и* неясно) Мать Багародица,

---

*) Въ Записи: гарѣ.

А ты вѐзри на наша умалѐнья
И на наши гарю̀чи слёзы,
Саздай намъ Бо*х*ъ *д*ѣтищю (*д* съ слабымъ оттѣнкомъ?) единава,
При (*и* неясно) младасти князю на патѣху,
При старасти князю на призрѣнія,
Паслѣднимъ канцѣ на памииъ душы (душѣ).
По ве̇ликава князя Афимьяна
Малитва да Госпада дахадила,
Кня̇ння *) пандсъ скора панасѝла,
Панасёмши ана чяду парадила,
Парадила се̇бѣ сына вазлюблиннава.
То великій нашъ славинъ Афимьянъ князь
Па гораду Рыму (па Рымскаму граду) пахаждантъ,
Свищенникафъ въ домъ къ се̇бѣ призывантъ;
Маладенцу святоя имя нарекають,
Наре̇кли е̇му имя звать Лексѣ̀имъ.
То будитъ Алексѣй Божій на вазрдсти (*а* неясно)
И на вѐзрасти лѣтъ семи гадофъ—
Атдавалъ ево грамати князь учити.
Алексѣй Божій грамати скора абучился,
Онъ выучился скора сталъ писати.
(То) будитъ Алексѣй Божій на вазрдсти (*а* неясно)
И на вѐзрасти лѣтъ семна̀тцати—
Паизволилъ ево князь мла̀да же̇нити,
Принималъ къ не̇му мла̀даю кни̇ню (княи̇ню).
Ва Бож*у*ю ва церкву (*ръ* или *рь* неясно) призвадѝли,
Падъ златыми в*и*нцами (и неясно) придстаяли,
Залатыми перьсня̀ми абручялисъ
И на весь тутъ Законъ Божій принимали.
Пашолъ Ликсѣй изъ Божій церкви (*ръ* или *рь* неясно)
(Божій вонъ исъ церкви)
Въ бѣлы каминны палаты,
Садился Але̇ксѣй (Божій) за трапѐзу—
Онъ хлѣба и соли ни вкушаитъ,
На Спаситиля образ*а* взираитъ.
«О свѣтъ Пре̇святая Мать Багародица,
Ты не дай жа мнѣ Госпади прагрѣшыти
Са сваею са мла̀даю са княгѝняй!»
Ва шестымъ чя̇су была на рассвѣти—
Вставалъ Алексѣй са пастели,
(Онъ) снималъ шолкавай поясъ
И съ свасй (са правай) ру*т*ѝ залатдй пѐрьстинь
И дарунтъ абру̀чнаю княиню.
«Ты вазьми съ миня шдлкавай ндвай пдясъ (пдсъ)
И са правай рути златой перьстинь
И мал*ся* Госпаду трудѝ*са*
(О Лексѣѣ Божьева (такъ!) чялавѣ*ти*),
А я самъ пайду ва йншіи земли (иншую землю).
Патходитъ ка гораду къ Іюдѣйству
И ка той ка святой саборнай церкви (*ръ* или *рь* неясно),
Станави*лса* Лексѣй (Аликсѣй) на папе́рьти,
На правой рутѣ возли притвору.
Въ эфта время славинъ Афимьянъ князь

*) Въ Записи: княиня.

Хватилса любезнава сваво сына.
Онъ начя ͤ лъ пасланникафъ рассыляти.
Паслы ево люди пахаждали,
Всїё нишую землю исхаждали,
Алексѣя Божьява чилавѣка ево ни признали
(За убогава старца ево почитали),
Ему миластыню принимаитъ,
Па нищай па братіи раздѣляитъ.
Се ͤ мнатцать лѣтъ Госпаду малилса.
Речётъ (не *ё*) ему Мать Пре ͤ святая Багарѳдица:
«Спасетъ тебя Господи, трудникъ Божій,
Што пришолъ ты на мнѣ Богу памалитца,
За младаи годы патрудитца;
Гля ͤ ди жа (такъ!) таперь ва свой (ва славнъ) Римъ-гратъ
Ка великаму князю Афиньяпу)—
Те ͤ бя мать съ атцомъ ни признаютъ,
Ни твая абречёвная кня ͤ иня.
Пашолъ Алексѣй ва свой Римъ-гратъ.
Литургію Божію прачитали,
Ве ͤ лікій славинъ Афимьянъ княсь
Выхадилъ изъ Божій святой церкви (*ръ* или *рь* неясно)—
Алексѣй сваму атцу пакланился:
«Любишъ ли ты насъ, нища ͧ ю братію
(Здѣляишъ ли ты намъ святую миластину)
Ты здѣвли мнѣ убогаму старцѣ *тел*ью,
Ты не ради меня, ради Бога,
Ради сына Алексѣя».
Какъ *стая*лъ (а неясно) княсь предъ нимъ—праслезилса.
«Спасетъ жа тебя Госпади, трудникъ Божій,
Што ты радашнаю вѣсь мнѣ вазвѣщаишъ
Пра маво пра любезнава сына.
Гля ͤ ди жа, убогай рапъ, за мною
(Къ маёмъ (*е* неясно) бѣлымъ каминнымъ палатамъ),
Пастрою те ͤ бѣ *тел*ью пазать сваихъ каминныхъ палатафъ,
Дѣ вногіи (г сбивается на д) слуди (д неясно) праслаждаютъ,
Дѣ памои сорнаи вазливаютъ».
Але ͤ ксѣй (жа) на эта ни прагнѣвалса;
Онъ съ радасью нужды принимаитъ.
Малилса онъ Госпаду тритцать че ͤ тыри года,
Онъ свѣдалъ сваю смерть, часъ каньчины,
Папрасилъ онъ лисъ (почти такъ) бумази и черьнила.
Онъ пишытъ свае р*а*капісанія (р*у*капісанія) и святоя пахажденія,
Ва славнамъ ва гради перестaвилса.
Са славай тѣ мощи пагребали
Свищённай саборнай церквы (*ръ* или *рь* неясно, *и* неясно; вар. церкви).
Ениму жа слава ни минуптца
И ва вѣки вѣкофъ, аминь.

О пьяницѣ.

Малилса Василій къ ка Господу Богу отъ желанія
Съ сваёмъ пламенемъ (пламеньемъ сь серьдечами) и съ гарючими слезами,
Былъ ему гласъ атъ святой атъ чесной атъ иконѣ

И атъ Матери присвятой (пресвятой) Багародицы:
«Патинь, Василій, хмель
Навапітія *) испивать —
То будитъ тебя
Мать пресвятая Багародица сахранять.
Дватцать пять лѣтъ
У Василія хмелю въ рóти ни бывала.
Однажди Василій хмельнава спилъ.
Самъ не свѣдалъ (вѣдалъ).
Тритцать пять лѣтъ
Злыи (а злыи) каренья съ галавы далой не сóйдутъ.
Горя всякаму чилавѣку
Хмель навапітія испивать,
Ни падабаетъ (падабаитъ) ни женскаму полу ни мускому,
Ни свищеннаимъ (священнаимъ) атцамъ іереямъ.
Падабаетъ (падабаитъ) свищеннику
Ва Божью ва церкву (ръ или рь неясно) прихаждàть,
Съ вѣраю бажественнай литурдію (литурдію) саверщать,
Пьянава въ Божью церкву (ръ или рь неясно) ни пущать.
Пьянай идетъ ва Божію церкафь нибихóденъ
(Малитвы сибѣ ни сатваряетъ),
Онъ креста вапалнѣ ни васкладаетъ
(Пьянъ у страху стаитъ—
Страху Божьява ни убаитца),
(Пьянъ) атца духовнава за престоламъ осуждаетъ.
Глядя чилавѣкъ (и неясно) на пьянава
Удивятца, рассмѣютца,
Ноипаче пьянава согрѣшаютъ,
Грѣхъ себѣ на душу принимаютъ.
Поуказана всякаму чилавѣку
Прочь атъ пьянава атхадити (атхадить).
Хто матирнымъ словамъ сквернйтца, бранитца?—Пьяница.
Онъ ни мать сваю скверниiтъ бранитъ и ругаитъ—
Мать присвятую Бугарóдицу (у очень слабо) съ престолу патранàитъ.
Какъ единъ чилавѣкъ матирнымъ словамъ однавàжды избранѣтца,
То сатворшая неба и земля мать патрясётца,
Мать пресвятая Багародица
Съ престолу патранётца.
Хто вичерню (ръ или рь неясно) скачитъ и пляшитъ?—Пьяница.
И заутриню прасыпаитъ?—Пьяница.
Хто васкреснаю (васкресну) абѣдню бесѣду бесѣдаваитъ?—Пьяница.
Ни умытыми руками ѣсть рана садитца?—Пьяница.
Абажрàлся и аблевàлса?—Пьяница.
Ни падабаитъ у пьянава блевóтину (е сбиваетъ на ё) псамъ излахтàть.
Хто на баю на дрàти?—Пьяница.
Хто ва грязи валяитца?—Пьяница.
На каво плюютъ хàркаютъ?—На пьянава.
Каво абсуждаютъ и пересмѣхаютъ?—Пьянава.
Горя таму чилавѣку, хто пьянава абсуждаитъ!
Грѣхъ себѣ нà душу принимаитъ.
Пауказана всякаму чилавѣку
Прочь атъ пьянава атхадить,
И ни падабаитъ съ пьянаимъ на встрѣчу вастрѣвать,

*) Читай: хмельнава питія.

Рѣчи гаварить, на дабро ево учить.
Пьянава ни научишь на добрая,
А больши развратишь;
Пьянай злой абсерьзитца,
Древамъ зашибётъ или ножикамъ зарѣжытъ.
Пьяница злой убйвицъ,
Пьяница злой канышникъ *),
Пьяница самъ себѣ живой прадàвецъ.
Пьянай видитъ волны марс*ти*и (марстія і сбивается на е).
На судна садйлса (садйтца)—патапаитъ,
Валны ни убаитца,
Самъ сеибѣ скораю смерть получаитъ.
Когда ходитъ свѣтъ Василій
Да Божей да церквы (*ръ* или *рь* неясно),
Онъ и рӳ*ти* и нȍ*ди* объ камѐньи абишбаитъ,
И бȍйнаю гȍлаву да крȍви праламàитъ;
На папѐрти стаитъ, малитву тварить,
Яко громъ (h) гремитъ (h),
Мать присвятую Багародицу изъ усъ ни выпущаитъ:
«(Прасти ты миня, Мать присвятая Багародица, раба памилуй),
Если ты мпня ни прастишъ,
То я жифъ, Василій, съ пàперти далой не сȍйду,
Убъюсъ я, Василій, абъ каминь да смѐрти.
Былъ ему гласъ атъ святой атъ чеснȍй атъ икбнъ
(Атъ матери присвятой Багародицы):
«Ни беиса, Василій, апъ каминь да смѐрти,
Даходна твая малитва,
Да Гȏспада (h) Бога (h) дастyпила
Ноипаче **) всѣхъ свя*тыхъ (святыхъ) чюдатвȍрн*аи*хъ иконафъ.
Въ сатвȍрш*аи* Госпадамъ—Богамъ
Въ Давйдавамъ (Давыдавымъ) доми
Тамъ есь три виликія (первое *и* неясно) упакȍя
Первай упакȏй—висятъ-висятъ чѐръва лютая—ѣды
Ради *в*нога душъ грѣшныхъ.
Втарой упакȏй—тичётъ (*и* неясно) рѣка агненная
Ради хмельнава чилавѣка.
Третій упакȏй—рай растворѐннай (послѣ *в о* или *а* неясно), царскія (цавс*т*ія) двери.
Какая душа сама умалйля
И да Госпада Бога дастyпила—
Ана будитъ царствавàть и викавать и ва царствіи (*ръ* или *рь* неясно) ва небеснамъ).
Паѐмъ (не ё) славу Василію великаму Кисаринскому ч*и*датвȍрцу (*и* слабо; при повтореніи сказано ясно ч*ю*)
Е*му (*я*му) ***) же (жа) слава (славу) ва вѣки вѣкофъ, аминь.

---

*) Разсказчикъ не понимаетъ этого слова, сказалъ, что «къ стиху выходитъ складно», а объяснить не можетъ.

**) Очевидно, для разсказчика это слово является въ видѣ двухъ: *но* иначе; отсюда и *о* при его аканьѣ.

***) Это произношеніе не обычное для разсказчика.

О голубиной книгѣ.

Окалъ городу Ирусалимскава (Е*русалимскава)
Сабиралиса и заѣзжялиса
Соракъ царей са царевичами,
Соракъ кня*зёй са князёвичами;
Единъ Валадимиръ (*и* послѣ *м* неясно) князь прагòварилъ:
«Ой инъ еси, сударь (перемудрай царь),
Перемỳдрай царь, Давидъ (Давыдъ; *ы* слабо) Евсѣевичъ,
Ты скажи-ка намъ и прапавѣдавай,
Атъ че*во у насъ начàлся бѣлай свѣтъ,
Атъ че*во начàласъ сонца, красная,
Заря ясная, звѣзды чàст*аи*?
Атъ че*во начàлисъ дажьжи част*аи*,
Атъ че*во у насъ начàлся младъ мѣсицъ (мѣсяцъ),
Атъ че*во начàлись вѣтры (вѣтры̀) буйн*аи*, ночи тёмнаи?»
(Перемудрай царь Давитъ Евсѣевичъ)
Вотъ я вамъ скажу и прапавѣдаю:
«Начиналса бѣлай свѣтъ
Атъ духà Божьива самаво (сам*а*во, *а* послѣ *м* неясно) Христа, царя не*беснава,
Сонца красная атъ ачей Божьихъ (лица Божьява),
Самаво Христа, Царя Небèснава;
Заря ясная атъ ачей Божьихъ
Самаво Христа, Царя Небеснава;
(Дажьжи частаи атъ сле*зы Божiй
Самаво Христа, Царя Небеснава),
Звѣзды частаи атъ рицы̀ *) (такъ!) Божiй
Самаво Христа, Царя Небеснава;
Млатъ мѣсицъ атъ грудей Божьихъ
Самаво Христа, Царя Небèснава;
Начинались вѣтры бỳйнаи атъ валосъ Божьихъ
Самаво Христа, Царя Небèснава;
Ночи тёмнаи атъ думы̀ Бож*iй*
Самавò (а передъ ударенiемъ неясно) Христа Царя Небèснава».
Ище (не *ё*) Валадимиръ князь прагòварилъ:
«Ой инъ еси, сударь,
Перемудрай царь, Давидъ Евсѣевичъ,
Ты скажи-ка намъ и прапавѣдавай:
Какой жа у насъ царь надъ царями царь,
Какой жа горатъ всѣмъ гарадамъ мати,
Какая шъ цѐрква (*р*ъ или *р*ъ неясно) всѣмъ церквамъ (*р*ъ или *р*ъ неясно) мати.
Какое шъ моря всѣмъ марямъ мати,
Какая шъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Какая рыба всѣмъ рыбàмъ (ры̀бамъ) мати,
Какоя древа всѣмъ древамъ мати,
Какая трава всѣмъ травамъ мати,

*) Никакого опредѣленнаго понятiя съ такимъ произношенiемъ разсказчикъ не соединяетъ.

Какая гара (h) всѣмъ гарамъ мати,
Какая птица всѣмъ птицамъ мати,
Какой жа звѣрь всѣмъ звѣрьямъ мати?»
— «Вотъ я вамъ скажу и прапавѣдаю:
(У насъ бѣлай царь натъ царями царь),
Старай Русалимъ (Ерусалимъ: е слабо) горатъ
Всѣмъ гарадамъ мати.
Какая шъ церква (*ръ* или *рь* неясн) всѣмъ церквамъ (*ръ* или *рь* неясно) мати?
Фъ старомъ Ерусалими церква (*ръ* или *рь* неясно) всѣмъ церквамъ (*ръ* или *рь* неясно) мати.
Кіянъ-моря всѣмъ марямъ мати,
Ердàнь рѣка всѣмъ рѣкамъ мати,
Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати,
Кипарисъ древа всѣмъ древамъ мати,
Плакунъ трава всѣмъ травамъ мати,
Сіонъ гара всѣмъ гарамъ мати,
Страфѝнъ птица всѣмъ птицамъ мати,
Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрьямъ мати».
Выпадала книга галубиная,
Въ далину книга сарака саженъ,
Въ ширину (*и* послѣ *ш* сбиваетъ на *е*) книга двадцати саженъ,
Въ вышинỳ (*ы* сбиваетъ на *а*) книга дисети саженъ.
Нихто эту книгу ни магли распечятати—
Сама книга распечяталась,
И всѣ листà сами разстилàлиса,
И всѣ слава Божьи сами прачитàлиса.
Мы славимъ Тибѐ мать Христе Боже насъ.

„Падаконнаи стишки".

I.

О человѣче, внимай,
А смѐртнай (не *ё*) часъ никагда не забывай.
Аще да хто смерьти ни памятỳетъ,
Таво мука ни минуитъ.
Есь житіà великава Пимена (Пимина),
Три глàвнаи дабрадѣтели
Патребна имя че•лавѣку.
Первая: бойса Бога,
Вторая: малиса (малисъ) чяста,
Третья: дабрò твари ближняму.

II.

Аще пъ я зналъ канчину дней маихъ,
Зашелъ бы я нà гору высòкаю,
Зглинулъ бы безну глубокаю (*у* неясное),
Увидилъ бы я гропъ свой.
Гробикъ (h) ты мой гробикъ,
Предвѣчнай мой домикъ,
Сколька мы здѣсь ни викуимъ,
Те•бя гробія ни минуимъ!

Писокъ (*и* неясное) тòчитца—
То есь пастѣ̀ля мая,
Кàмени—тѣ есь сусѣди маи (маѐ)
(Черьви—тѣ есь друзья маѐ),
Сырая зимля—мати мая,
И пакрой мя ва вѣки вѣкофъ, аминь.

III.

О Госпади, Боже мой миласердная (*р* почти не слышится),
Какой я, Госпади, сталъ рапъ твой ниваздѐржнай,
Сталъ на миня очинна сильна вракъ нападать.
Гаспоть сказалъ: «Ни унывай,
Ни унывай, душа грѣшная;
Упавай, душа, на Гòспада
И на всю силу небѐснаю,
На Владычицу пречистаю
Пресвятую мать Багародицу)»,
Хто Госпада Бога любитъ,
Тотъ и въ раю будитъ,
А хто за нечистымъ врагамъ идётъ,
Тотъ и давно въ аду живетъ.
И ва вѣки вѣкофъ, аминь.

При пѣніи произношеніе этого слѣпца значительно измѣняется: Рымъ, *Я*нỳрьи, пи*ри*мỳдрай, сахранà*ти*, князейчями...

Тогда какъ на нашихъ глазахъ угасаетъ не только былина, но и старая народная пѣсня, духовные стихи еще держатся и должны держаться, потому что они служатъ средствомъ къ существованію для тѣхъ людей, которые распѣваютъ ихъ, ходя по деревнямъ и пробираясь на большія ярмарки или на монастырскіе праздники. Если бы погоняться за этими людьми, разыскивая ихъ по ярмаркамъ и по монастырямъ въ тѣ дни, когда въ нихъ собирается много народу на богомолье, то, вѣроятно, можно бы было найти у нихъ нѣчто и новое и интересное, что послужило бы дополненіемъ и поясненіемъ къ богатымъ старымъ записямъ, вообще неточно передававшимъ мѣстныя произношенія.

В. Чернышевъ.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Die Slowinzen und Lebakaschuben. Mit einer Sprachkarte und 3 Tafeln Abbildungen. Von Dr. F. Tetzner. Berl. 1899. 8°. VIII + 242.

Въ послѣднее время въ славянской этнографической наукѣ наблюдается замѣчательное оживленіе интереса къ кашубамъ—небольшому славянскому народцу, населяющему границы Поморской (Померанской) и Западно-прусской провинцій Германской имперіи: почти каждый годъ послѣдняго десятилѣтія ознаменованъ появленіемъ болѣе или менѣе подробныхъ изслѣдованій языка, быта или историческихъ судебъ этого угасающаго нынѣ славянскаго народца. Оставляя въ сторонѣ сдѣлавшіе эпоху труды Ст. Рамулта [1]), достаточно напомнить здѣсь работы Л. Бискупскаго-Берки [2]), Надморскаго [3]), А. Калины [4]), Г. Вронишa [5]), Парчевскаго [6]), А. Степовича [7]), Зоммерфельда [8]), I. Микколы [9]) И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ [10]), Я. Карловича [11]), Ф. Лоренца [12]) и нѣк. др.

Не послѣднее мѣсто между указанными трудами займетъ и настоящая работа г. Тетцнера. Правда, предметъ ея составляетъ не весь кашубскій народъ какъ одно цѣлое, и даже не всѣ поморскіе кашубы, но только часть ихъ, именно та, которая, населяя безплодные берега Лебскаго озера, извѣстна болѣе подъ названіемъ словинцевъ или кабатковъ; но съ одной стороны, будучи основана на самостоятельныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ во время его путешествія въ Поморье въ 1896 г., а съ другой стороны, представляя сводъ матеріала, погребеннаго въ разныхъ изданіяхъ нѣмецкой провинціальной прессы, книга г. Тетцнера заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны славянскаго этнографа.

Книга распадается на четыре главы.

Первая глава, посвященная общему описанію кашубской земли, открывается маленькимъ этюдомъ о племенныхъ названіяхъ кашубовъ. Авторъ, къ сожалѣнію, не до-

---

[1]) Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego W Krakowie 1895 и «Statystyka ludu Kazsubskiego», тамъ-же, 1899.

[2]) Słownik kaszubski porównawczy Warszawa, 1891 (Prace filolog. T. III).

[3]) Kaszuby i Kociewie Poznan, 1892.

[4]) Mowa Kaszubska jak narzecze języka polskiego. Prace filolog. IV (1893).

[5]) Kaszubische Dialektstudien I. Leipz. 1896. II 1898.

[6]) Szczątki Kaszubskie w prowincyi pomorskiej. Poznan 1896.

[7]) Изъ семазіологическихъ наблюденій надъ словаремъ кашубскаго нарѣчія (Кіевск. Унив. Изв. 1896).

[8]) v. Sommerfeldt, Geschichte der Germanisierung des Herzogthums Pommern Leipz. 1896.

[9]) Нѣсколько замѣтокъ по кашубскимъ говорамъ въ сѣверо-восточной Помераніи (Изв. отд. русск. яз. и слов. И. А. Н. II, 1897).

[10]) Кашубскій «языкъ», кашубскій народъ и «кашубскій вопросъ» (Ж. М. Нар. Пр. 1897).

[11]) O mowie Kaszubskiej Wisła. 1898.

[12]) Zur älteren Kaszubischen Litteratur. Arch. f. Sl. Ph. B. XX (1899).

статочно знакомъ съ славянскими языками, какъ это видно изъ его сопоставленія названія «кашубъ» съ польскимъ словомъ kozub и литовскимъ kuzabas, а названіе «словинецъ» — съ «слава» (§ 1). Сравнивъ современное національное названіе кашубовъ съ тѣми названіями, о которыхъ сообщаютъ намъ историческіе источники, г. Тетцнеръ приходитъ къ выводу, что нынѣшніе кашубы суть прямые потомки древнихъ поморянъ (§ 2). Особый параграфъ (2) посвященъ опредѣленію границъ этнографической территоріи кашубскаго народа. Авторъ указываетъ на постепенное уменьшеніе этой территоріи, заливаемой безпощадными волнами нѣмецкаго моря, причемъ, излагая, въ хронологическомъ порядкѣ, показанія разныхъ путешественниковъ, особенно долго останавливается на извѣстной книгѣ Гильфердинга. Въ заключеніе этого мартиролога кашубскаго населенія, г. Тетцнеръ утверждаетъ, что во время своего путешествія по краю онъ встрѣтилъ кашубовъ только въ трехъ деревняхъ, расположенныхъ по юго-западному берегу Лебскаго озера: Чарновской, Гизебицѣ и Клукахъ. Приведя въ 3 § нѣсколько статистическихъ данныхъ о численности кашубскаго народа, уже не имѣющихъ для насъ значенія послѣ извѣстной работы Рамулта, г. Тетцнеръ въ 4 § дѣлаетъ бѣглый обзоръ путешествій, совершенныхъ въ страну кашубовъ, начиная съ конца XVIII в. (поѣздка Бернулли въ 1748 г.) и кончая нашимъ временемъ. Наиболѣе мѣста посвящено опять-таки описанію путешествія Гильфердинга.

Вторая глава представляетъ этнографическій (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) очеркъ кашубовъ. Авторъ описываетъ здѣсь прежде всего внѣшній типъ (Aussehen) и характеръ кашубовъ, причемъ ставитъ и тотъ и другой по серединѣ между нижненѣмецкимъ и польскимъ (§ 1); далѣе авторъ выясняетъ условія постепеннаго искаженія кашубскаго языка, во многихъ мѣстахъ насыщеннаго до nec plus ultra нижненѣмецкими варваризмами (§ 2). Слѣдующіе §§ (3 и 4) посвящены описанію внѣшняго и внутренняго устройства дома кашубовъ, а также ихъ одежды, національный типъ которой находится нынѣ въ состояніи почти полнаго исчезновенія. Въ 5 § г. Тетцнеръ изучаетъ экономическія условія быта населенія, принужденнаго вслѣдствіе крайняго безплодія почвы заниматься почти исключительно рыбною ловлею, которая доставляетъ ему и его почти единственной пищевой продуктъ (§ 6). Все это заключается довольно подробнымъ описаніемъ праздниковъ и обычаевъ кашубскаго народа, въ особенности же главнѣйшихъ событій его жизни: обрученія и свадьбы, рожденія и крещенія дѣтей и погребенія. Не оставлены безъ вниманія и праздники труда (Arbeitsfeste) (§ 6).

Въ третьей главѣ,—«Aus der Geschichte und Kulturgeschichte»,—авторъ, напомнивъ нѣсколько общеизвѣстныхъ фактовъ изъ политической исторіи кашубскаго народа, рисуетъ неприглядную картину современнаго культурнаго состоянія трехъ кашубскихъ округовъ: Бытовскаго, Слупскаго и Лемборскаго вообще, и отдѣльныхъ ихъ населенныхъ пунктовъ въ частности. Такъ какъ въ основу этого описанія положены почти исключительно личныя наблюденія и впечатлѣнія автора, то эту часть книги и слѣдуетъ признать наиболѣе самостоятельной.

Послѣдняя IV-ая глава «Словинская и Лебокашубская литература» имѣетъ довольно пестрый характеръ; она содержитъ: 1) этюдъ о Симонѣ Крофѣ, бытовскомъ священникѣ, издавшемъ на словинскомъ языкѣ въ 1586 г. переводъ «Духовныхъ пѣсенъ» Лютера; 2) этюдъ о Мельхіорѣ Понганѣ, издавшемъ на кашубскомъ діалектѣ «Катихизисъ» въ 1643 г.; 3) нѣсколько образцовъ говоровъ поморскихъ кашубовъ, извлеченныхъ изъ книги Гильфердинга; 4) довольно подробное описаніе трехъ рукописей XVII и XVIII, сохранившихся на кашубскомъ языкѣ: а) Шмользинской книги церковъ, б) Шмользинскаго молитвенника и г) Виржензинской присяги; 5) образцы пѣсенъ, сказокъ, и разнаго рода произведеній гномическаго содержанія на кашубскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и 6) составленное по Гильфердингу и Лоренцу краткое описаніе говора словинцевъ и лебскихъ кашубовъ.

Г. Ильинскій.

Ор. Шкапскій. Аму-Дарьинскіе очерки. Ташкентъ. 1900.

Въ высокой степени интересная и поучительная книга, заглавіе которой мы выше выписали, принадлежитъ отличному спеціалисту и давнему работнику по изученію современнаго Туркестана (см. статьи Ор. Шкапскаго въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ, Окраинѣ, Русскомъ Туркестанѣ, Сборникахъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области, Русской мысли 1898 г.). Ея интересъ заключается не только въ трактуемыхъ вопросахъ, но и въ томъ свѣжемъ матеріалѣ, который она даетъ, благодаря личнымъ наблюденіямъ автора, разспросамъ его у туземцевъ, наконецъ, работамъ, которыя авторъ поручалъ низшимъ чинамъ мѣстной администраціи *). Поучительность книги заключается въ указаніи того, что русскіе могли бы сдѣлать для дальнѣйшаго процвѣтанія своихъ азіатскихъ владѣній.

Не останавливаясь на вопросахъ экономическаго характера, которыхъ мы коснемся въ другомъ мѣстѣ, укажемъ здѣсь лишь на то, что можетъ быть интересно для читателей «Живой Старины».

Въ I главѣ авторъ даетъ физико-географическій очеркъ Шураханскаго участка, составляющаго часть Аму-Дарьинскаго отдѣла. Огромная площадь въ 54400 кв. вер. и ничтожное сравнительно населеніе 67436 человѣкъ (по 1,2 человѣка на квадратную версту)! Объясняется это тѣмъ, что Шураханскій участокъ почти весь лежитъ въ Кизылъ Кумахъ, среди безотрадной песчаной пустыни, на безплодномъ солончакѣ, при тяжеломъ климатѣ (суровыя зимы, жаркое лѣто, малое количество осадковъ, постоянные вѣтры). Лишь неуклонная энергія неприхотливаго киргиза, да помощь рѣки поддерживаютъ здѣсь нѣкоторую культуру.

Во II главѣ характеризуется рѣка Аму-Дарья съ точки зрѣнія ея значенія для мѣстной сельско-хозяйственной культуры; отмѣчается ея большая скорость теченія, мутность воды, образованіе мелей, баровъ, полуостровов и островов. Ея разрушительные разливы причиняютъ много хлопотъ населенію, которое поэтому селится и обрабатываетъ земли возможно дальше отъ Аму-Дарьи; кромѣ того населеніе устраиваетъ береговыя дамбы, отбивныя полуплотины (боны) и пр. Но эта же рѣка является и благодѣтельницей населенія, какъ видно изъ III главы (Ирригація). Какъ Нилъ для Египта, такъ и Аму-Дарья для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній имѣетъ первостепенное значеніе въ борьбѣ населенія съ песками.

Авторъ подробно останавливается на ирригаціонной системѣ и описываетъ своеобразное устройство арыковъ, водопріемниковъ (баши), а также способы пользованія водою (тукуртка, чигирь, торнау), распредѣленія работъ и завѣдываніе ирригаціей. Несмотря на слабую администрацію—заключаетъ авторъ III главу—система орошенія Шураханскаго участка находится въ хорошемъ состояніи, что зависитъ въ значительной степени отъ сознанія народомъ важности соблюденія тѣхъ обычаевъ, которые выработаны народомъ же.

Глава IV (Земледѣліе) больше, чѣмъ всѣ другія главы, показываетъ, какъ много труда приходится употреблять аму-дарьинскому пахарю на то, чтобы привести въ годное состояніе глинисто солонцоватую почву оазиса, на которой пришлось ему поселиться. Характеризовавъ почву, прослѣдя съ самаго начала ея меліорацію (обработка, удобреніе, выщелачиваніе), авторъ обстоятельно описываетъ самыя орудія обработки (кунде, мала, мала-дандани и др.) и даетъ статистическія данныя о культивируемыхъ растеніяхъ.

Слѣдующія три главы говорятъ о землевладѣніи и землепользованіи въ Шураханскомъ участкѣ. Авторъ разсматриваетъ этотъ важный вопросъ исторически, причемъ во многихъ случаяхъ ему приходится быть первымъ изслѣдователемъ, привлекать новые матеріалы (ярлыки) или по-новому ихъ освѣщать. До присоединенія къ Россіи праваго берега Аму-Дарьи (1873), юридическія отношенія земледѣльческаго населенія къ землѣ регулировались мѣстнымъ закономъ и обычаемъ, по которому собственность исходитъ отъ верховной власти и сохраняется при условіи постояннаго труда. Авторъ приводитъ не мало основательныхъ аналогій съ европейскимъ землевладѣніемъ и излагаетъ эволюцію земельной собственности въ Хивинскомъ ханствѣ, которую можно резюмировать

*) Въ 1894 г. авторъ былъ и. д. завѣдующаго Шураханскимъ участкомъ.

слѣдующимъ образомъ. Изъ первоначальной формы пользованія государственною землею, съ уплатой въ казну хана за право пользованія должной подати натурою, выросло право частной собственности на землю путемъ укрѣпленія земли за лицами, обрабатывающими ее, и путемъ пожалованія служащимъ хану лицамъ ненаселенныхъ крупныхъ земельныхъ владѣній съ обложеніемъ ихъ салгытной податью и, наконецъ, почти полное освобожденіе крупныхъ собственниковъ земли отъ платежа податей (113 стр.).

К. П. фонъ-Кауфманъ, истинный устроитель Туркестанскаго края, при организаціи землевладѣнія въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ, исходилъ изъ правильнаго принципа необходимости дѣлать уступки прошедшему «и въ особенности понятіямъ, сложившимся на основаніи этого прошедшаго въ средѣ общества». Поэтому послѣдовавшія реформы 1877, 1886 годовъ не внесли коренныхъ перемѣнъ въ жизнь населенія: земли были признаны государственными, въ виду особой необходимости поддерживать постоянную культуру земли въ краѣ; опредѣлены подати и постепенно стали укрѣпляться за населеніемъ земли, на правахъ полной собственности, причемъ узаконены существовавшія и раньше договоры о землепользованіи (ярымчи).

Въ послѣдней главѣ авторъ приводитъ гипотетическія соображенія о доходности земли и балансъ средняго хозяйства. Особенно важными намъ кажутся послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ дробленія земли, и тѣ отношенія, которыя складываются между крупными землевладѣльцами и наемными рабочими (дихканы); послѣднія прямо напоминаютъ рабство или кабалу. Изъ примѣровъ, приведенныхъ авторомъ на 193 стр. и особенно въ статьѣ, служащей приложеніемъ къ книгѣ (Аму-Дарьинскіе кулаки передъ судомъ Шаріата и Казіевъ 223—283), укажу на два случая. Въ 1893 году былъ данъ въ долгъ 91 рубль, за каковую сумму два сына должника обязывались служить у своего кредитора въ работникахъ и, по окончаніи службы, срокъ которой не указанъ, должны обратно уплатить взятую сумму денегъ. Другой примѣръ. Дихканъ одного узбека, пробывъ въ работникахъ нѣсколько лѣтъ, пожелалъ жениться и просилъ хозяина ссудить его на это деньгами. Хозяинъ помогъ, но взялъ съ работника обязательство вмѣстѣ съ женою служить у него безъ срока. Масса подобныхъ фактовъ удостовѣряется судебными процессами.

Въ заключеніи, написанномъ съ лирическимъ воодушевленіемъ, авторъ указываетъ, чѣмъ бы мы могли помочь населенію, не только въ замѣнѣ его примитивныхъ орудій болѣе совершенными (землечерпательныя машины, самодѣйствующій насосъ, плугъ и др. сельско-хозяйственныя машины), проведеніи рельсоваго пути отъ нижней Аму-Дарьи къ Европейской Россіи (къ Красноводску или Уральску), но и лучшемъ устройствѣ соціальномъ (земледѣльческія артели), развитіи школъ и распространеніи знаній въ народѣ, наконецъ, организаціи суда на основѣ общихъ законовъ Имперіи.

Желаемъ, чтобы книгу Ор. Шкапскаго прочли не только любители просвѣщенія, но и власть имущіе привести въ исполненіе то, что просвѣщенными людьми сознано за важное и неотложное.

А. Липовскій.

П. Н. Милюковъ: 5 этнографическихъ картъ Македоніи—съ текстомъ. Спб. 1900 г.

І. П. Рогановичъ: Македонскій вопросъ на почвѣ своей исторіи, этнографіи и политики. Казань 1900 г.

Сп. Гопчевичъ: Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1899 г.

Съ 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія Македонія служитъ предметомъ притязаній мелкихъ націй Балканскаго полуострова и является въ силу этого яблокомъ раздора между ними. На нее предъявляли свои права болгаре, сербы, греки, албанцы, а владѣютъ и вліяютъ по-нынѣ турки. Вопросъ объ обладаніи Македоніей особенно обострился въ послѣднее десятилѣтіе между сербами и болгарами. Появилась у нихъ цѣлая литература по этому вопросу, не щадящая красокъ: литература эта должна быть

подведена подъ рубрику шовинистической. Мы, разумѣется, исключаемъ отсюда тѣ немногія серьозныя работы, которыя обладаютъ чисто научнымъ аппаратомъ и политическихъ цѣлей не преслѣдуютъ. Македонскій вопросъ заинтересовалъ въ наши дни и нѣкоторыхъ изъ русскихъ ученыхъ. П. Н. Милюковъ, пропутешествовавъ по Македоніи и Старой Сербіи, напечаталъ рядъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Вѣстникѣ Европы» и въ «извѣстіяхъ Археологическаго Института въ Константинополѣ». Статьи эти должны скоро появиться отдѣльной книжкой.

Нынѣшнимъ лѣтомъ снаряжена научная экспедиція въ Македонію, состоящая изъ нѣсколькихъ русскихъ профессоровъ, представителей различныхъ отраслей науки: археологіи, исторіи и языкознанія. Мы не сомнѣваемся въ компетентности и правдивости тѣхъ свѣдѣній, которыя далъ въ своихъ статьяхъ П. Н. Милюковъ (онъ стоитъ за преобладаніе болгаръ въ Македоніи), но, допуская, что одинъ человѣкъ могъ иногда и ошибаться, желаемъ скорѣйшаго обнародованія результатовъ экспедиціи. Мы ждемъ отъ нея окончательнаго разрѣшенія интереснаго вопроса, тѣмъ болѣе, что члены ея будутъ смотрѣть на дѣло съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Для ознакомленія русской публики съ македонскимъ вопросомъ П. Н. Милюковъ издалъ пять прекрасно выполненныхъ этнографическихъ картъ Македоніи.

1-ая карта составлена по даннымъ, собраннымъ въ тридцатыхъ годахъ путешественникомъ Ami Boué. Это первыя по времени свѣдѣнія о Македоніи: они появились задолго до возникновенія тенденціозныхъ споровъ. Славянское населеніе Македоніи Ami Boué причисляетъ къ болгарамъ.

2-ая карта составлена по Киперту, тридцать лѣтъ спустя послѣ путешествія Boué. Карта имѣетъ то значеніе, что на основаніи ея установлены границы Болгаріи по Санъ-Стефанскому договору. И по этой картѣ (1876 г.) славянское населеніе Македоніи—болгаре.

3-ья карта, появившаяся передъ Берлинскимъ Конгрессомъ, характеризуетъ греческія притязанія на Македонію. По этой картѣ, все славянское населеніе Македоніи—«греки, говорящіе по-болгарски» (ромеи-вульгарофоны). Въ этой картѣ мало реальныхъ чертъ.

4-ая карта характеризуетъ фантастическія притязанія сербовъ на Македонію. Составлена она въ 1891 г. «Обществомъ сербской университетской молодежи». По этой картѣ все славянское населеніе Македоніи—сербы. Въ ней тоже мало правды, и въ нынѣшнее время даже ярые сербскіе патріоты отказываются отъ нея.

Такимъ образомъ первыя четыре карты представляютъ какъ бы исторію македонскаго вопроса со времени его возникновенія до нашихъ дней.

Болѣе другихъ интересна 5-ая карта. Составлена она по только-что собраннымъ и еще не обнародованнымъ матеріаламъ лучшаго знатока Македоніи болгарина Кънчева. Любопытна она особенно въ томъ отношеніи, что показываетъ, на что должны обратить все свое вниманіе болгаре и сербы, сплотившись въ общихъ интересахъ и бросивъ свой споръ. Съ двухъ сторонъ въ Македонію вплываетъ враждебный славянамъ элементъ, съ юго-востока (и юга) – турки, а навстрѣчу имъ, съ сѣверо-запада—албанцы. Характерны отмѣченные на картѣ внутри страны въ разныхъ мѣстахъ оазисы потурченныхъ славянъ (помаки). Славянскому населенію Македоніи грозитъ серьезная опасность отъ надвигающагося отовсюду ислама. Вмѣсто того, чтобы попусту спорить, тратить деньги и энергію, болгаре и сербы должны обратить все свое вниманіе на грозящую имъ опасность съ этой стороны.

Поименованныя выше книги г. Рогановича и г. Гопчевича представляютъ образецъ беззастѣнчивой шовинистической литературы сербовъ по Македонскому вопросу.

Первый изъ нихъ—русскій воспитанникъ безъ нужды кадитъ ѳиміамъ передъ Россіей; попутно онъ сообщаетъ русской публикѣ свои біографическія данныя и въ концѣ концовъ разрѣшаетъ долго волновавшій вопросъ о Македоніи весьма оригинально. «Турціи слѣдовало бы лично, безъ чужого вмѣшательства, примириться съ сербскимъ народомъ передачей Старосербіи и Македоніи въ руки Черногоріи» (65 стр.). А если Турція sua sponte этого не сдѣлаетъ, то, конечно, Россія должна у нея отнять Македонію и подарить ее Черногорскому княжичу Мирко (sic.).

Въ томъ же родѣ, хвастливо и беззастѣнчиво, написана и книга Сп. Гопчевича, вышедшая одновременно на сербскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и уже оцѣненная въ свое время по достоинству на страницахъ «Живой Старины» Т. Д. Флоринскимъ. Плохой переводъ съ нѣмецкаго или б. м. съ сербскаго сдѣланъ сербомъ, русскимъ воспитанникомъ. Любопытно, какой изъ русскихъ издателей такъ легко попался на удочку? (Книга напечатана въ типографіи В. В. Комарова).

Мы здѣсь не рѣшаемъ вопроса, имѣютъ ли Сербы хоть какое-нибудь право на Македонію, но должны замѣтить, что книги, въ родѣ только что названныхъ, вредятъ самимъ же Сербамъ.

Русскимъ читателямъ мы рекомендуемъ атласъ П. Н. Милюкова: онъ поможетъ имъ пока оріентироваться въ Македонскомъ вопросѣ. Но предостерегаемъ ихъ отъ «изслѣдованій» господъ Рогановичей, Гопчевичей и К°.

В. Кораблевъ.

Е. Т. Смирновъ. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ.

Главная цѣль устройства въ сентябрѣ 1899 г. выставки въ гор. Хабаровскѣ заключалась въ томъ, чтобы дать наглядное и точное представленіе о производительныхъ силахъ края предъ вступленіемъ его, съ проведеніемъ Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, въ новую эру экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужить дальнѣйшему развитію мѣстнаго сельскаго хозяйства и промышленности. Г. Смирновъ въ своей книгѣ не ограничился описаніемъ только одной выставки; онъ старался сдѣлать ее первою попыткою болѣе или менѣе систематической сводки современныхъ свѣдѣній о нашемъ Далекомъ Востокѣ. Конечно, выставка представляла прекрасный матеріалъ для всесторонняго описанія Приамурскаго Края, который и донынѣ слишкомъ мало знакомъ русской интеллигенціи. Но прекрасная задача, поставленная г. Смирновымъ, выполнена имъ очень плохо: достаточно сказать, что его книга подробностью описанія уступаетъ далеко статьямъ «Приамурскихъ Вѣдомостей», посвященнымъ описанію выставки. Даже г. Смирновъ ссылается на указанный оффиціальный органъ, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній. О неполнотѣ исторической части и говорить нечего. Рядъ мѣропріятій въ сферѣ административной не освѣщенъ имъ достаточно ярко, что лучше всего видно будетъ, если читатель сравнитъ книгу г. Смирнова съ недавно появившимся въ свѣтѣ трудомъ г. Унтербергера «Приморская Область 1858—1896 гг.» Вообще, книга составлена очень спѣшно и неряшливо, да и г. Смирновъ оказался не на высотѣ своей задачи: онъ, очевидно, мало знаетъ край, новичекъ въ немъ.

Выставка, между прочимъ, представляла прекрасный этнографическій матеріалъ, преимущественно касающійся быта инородцевъ. Въ отдѣлѣ рыболовства экспонированы—снасти, коими орочоны, гольды, гиляки и др. племена ловятъ рыбу. Здѣсь даже имѣлись невода и ловушки японцевъ. Модели лодокъ инородцевъ, равно китайскихъ и японцевъ подобраны очень хорошо. Еще болѣе интереса представляли модели ловушекъ на всевозможнаго звѣря въ «Охотничьемъ отдѣлѣ» выставки. Кромѣ орудій охоты и рыболовства, на выставкѣ экспонировались подѣлки инородцевъ изъ рыбьей кожи и шкуры и мѣховъ звѣрей. Особенно интересны подѣлки орочонъ и гольдовъ.

Меньше было данныхъ изъ жизни инородцевъ Камчатки, хотя интересующіеся обозрѣватели выставки могли дополнить свѣдѣнія обзорѣніемъ коллекцій изъ быта чукчей, камчадаловъ и коряковъ, хранящихся въ Хабаровскомъ музеѣ.

Въ заключеніе долженъ упомянуть, что на выставкѣ имѣлись модели жилищъ инородцевъ; много бытовыхъ предметовъ корельскихъ. Но въ отдѣлѣ охотничьемъ не было представлено ни одного чучела звѣровой и ѣздовой собаки, которыя являются важнымъ факторомъ въ быту инородцевъ Приамурья.

Повторяю, если бы г. Смирновъ, не мудрствуя лукаво, описалъ подробно данныя выставки, то его книга имѣла бы больше цѣны, чѣмъ теперь, когда онъ наполнилъ ее разнаго рода скороспѣлыми и подчасъ нелѣпыми выводами собственнаго издѣлія.

Приложенія къ книгѣ имѣютъ значеніе и въ этнографическомъ отношеніи: они даютъ свѣдѣнія о жизни и бытѣ нашего крестьянства въ краю, о которомъ нѣкогда мечтали, какъ о странѣ обѣтованной, текущей молокомъ и медомъ.

С. Брайловскій.

Кубанскій сборникъ. «Труды Кубанскаго Областнаго Статистическаго Комитета, издаваемые подъ редакціей С. В. Гуденко. Томъ VI. Екатеринодаръ. 1900.

Въ составъ настоящаго тома вошли статьи:

Н. Кириченка. Годъ у нѣмецкихъ колонистовъ. Описаніе колоніи Эйгенфельдъ Кавказскаго отдѣла Кубанской области.

Записка, составленная канцеляріей наказнаго атамана Черноморскаго казачьяго войска о состояніи сего войска съ 1 января 1825 по 1 января 1850 г. Сообщеніе П. П. Короленка.

А. М. Мельникова: Иногородніе въ Кубанской области.

Рядъ статистическихъ матеріаловъ, собранныхъ и обработанныхъ Областнымъ Статистическимъ Комитетомъ: 1) Статистическія данныя о пространствѣ, составѣ населенія, формахъ землевладѣнія, урожаѣ и др. въ поселеніяхъ, расположенныхъ въ районѣ, ограниченномъ среднимъ и нижнимъ теченіями р. Урупа и Бѣлой и Верхнимъ р. Кубани; вѣдомость о числѣ родившихся въ Кубанской области мужескаго пола войсковаго сословія съ 1879 по 1898 г. и числѣ умершихъ за тотъ же періодъ; 3) Свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ станичныхъ, хуторскихъ и сельскихъ обществъ Кубанской области за 1897 и 1898 гг.

Большую цѣнность настоящему тому придаетъ помѣщенный въ немъ второй отдѣлъ «Библіографическаго указателя литературы о Кубанской области, Кубанскомъ казачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи, составленный Е. Д. Фелицынымъ при участіи В. С. Шашрая. Второй отдѣлъ посвященъ географіи, этнографіи, статистикѣ, естествознанію и медицинѣ. Въ этомъ II отдѣлѣ перечислено 1168 названій статей, книгъ, брошюръ, картъ. Неудобство указателя состоитъ въ томъ, что статьи распредѣлены не по отдѣламъ, а по алфавиту авторовъ; поэтому за небольшой справкой, напримѣръ, по отдѣлу этнографическому, читатель вынужденъ внимательно пересмотрѣть весь указатель. — Первая часть труда г. Фелицына (археологія, нумизматика, исторія, біографіи, некрологи и правительственныя распоряженія) помѣщена въ V томѣ «Кубанскаго Сборника».

А. Лященко.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

Въ отвѣтъ на вопросъ мой о происхожденіи румынско-литовскаго doina (см. Ж. Ст. 2. V. 1895. Отд. IV, стр. 119) получилъ я отъ студента Лѣсного Института Николая Дмитріевича Кожухарова изъ Кишинева слѣдующія свѣдѣнія:

1. Приблизительное объясненіе слова Doina.

Дойна—названіе румынской пѣсни, означающее сказаніе, вродѣ русскихъ балладъ (приблизительно). Дойна состоитъ изъ двухъ частей:

I) По мотиву и содержанію—очень грустная, такъ какъ пастухъ ищетъ пропавшую овцу.

II) По мотиву и содержанію словъ разгульно—веселая, такъ какъ этотъ же пастухъ нашелъ свою потерю—овцу.

Сообщилъ г. Кожухаровъ мнѣ 26 дек. 1898 г.

Э. Вольтеръ.

2) Эта дойна Румынская очень длинная, мелодія грустная. Существуетъ разсказъ о чортѣ и Румынѣ, который сумѣлъ безконечными повтореніями одной дойны надоѣсть чорту въ осеннюю пору непролазной грязи Бессарабской. Текстъ и подробности содержанія разсказчику неизвѣстны. (Сообщ. осенью 1899 года).

Желательно получить запись мелодіи, тексты дойны, равно какъ и другія извѣстія о дойнахъ в Молдавіи и Румыніи.

Спб. 1900 г. 10 авг.

Э. Вольтеръ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Отрывки изъ свадебныхъ причетовъ Ляменгскаго прихода, Никольскаго уѣзда, Вологодской губерніи.

Предлагаемые здѣсь образцы свадебныхъ причитаній представляютъ лишь одну незначительную часть всѣхъ многочисленныхъ причитаній или плачекъ, коими сопровождается крестьянская свадьба. Изъ нихъ мнѣ пришлось записать только слѣдующія.

При «сгѳворахъ» или при такъ-называемыхъ «пропивкахъ» невѣсты, когда сваты окончательно условятся съ родителями невѣсты о предстоящей свадьбѣ, невѣста, вызванная въ избу, гдѣ происходятъ «сгѳворы», уходитъ въ «кутній» уголъ (противъ печки) и здѣсь причитаетъ съ подругами:

Я живу, молодешенека,
У схожà-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
Я была невольна вольница,
Невольная самовольница:
Не спросясь не ухòдила
Я схожà-красна солнышка,
Я родимаго тятеньки,
Не ухòдила дѣвица
Изъ высокаго терема.
Видно, осердился—гнѣвался
Схòжо—красное солнышко:
Полы я испротòптала,
Середы [1]) испронòшала;
Я бѣло умывалася,
Хорошо наряжалася...
Сидѣлà я, тятенька,
У краснàго окошечка,
Глѣдѣлà я, тятенька,
Сквозь стекло сквозь нѣмецкое»...
Какъ на то-то тятенька
Осердился—гнѣвался,
На меня молодешеньку...
Такъ запоручивай, тятенька,
Ты мою буйну голову
Въ три поруки великія,
Въ три поруки крѣпкія!
Ты сходи-ка, тятенька,
Къ кузнецамъ да во кузницу,
Къ хитрымъ, мудрымъ мастерамъ,
Скуй мнѣ-ка, тятенька,
Трои желѣзà нѣмецкія!
Что сковалъ мнѣ-ка тятенька
Трои желѣзà нѣмецкія:
Первыя желѣзà сковалъ—
Онъ на поженьки рѣзвыя,
Другія желѣзà сковалъ—
Онъ на рученьки бѣлыя,
Третія желѣзà сковалъ—
На уста на сахарныя,—
Для-ради того сковалъ,
Чтобы съ людямъ не ѣлося,
Съ людямъ не говорилося.
Какъ у меня, молодешеньки,
Болитъ сердечко злыдовское,
Болитъ сердечко несчастное:
Отдаетъ меня тятенька
На чужу-дальну сторону,
Сгубляѣтъ да погубляетъ
Мою буйную голову!...

---

[1]) Собственно, по буквальному значенію, середина избы, но такъ какъ она приходится приблизительно около того мѣста, гдѣ при входѣ въ подполье помѣщается рукомойникъ, то отсюда и послѣдній получилъ названіе «середы».

Чужая сторона и богоданые отецъ съ матерью рисуются въ причетахъ «дѣвишника» такими красками.

«На чужой на сторонушкѣ
Тамъ добро да добро житье:
Тамъ полюшка чистыя,
Сахарамъ изнасѣяны,
Меда-меды поливаны,
Горюшкомъ изнасѣяны,
Слезами да поливаны,
Вѣшаньемъ огорожены...
Мнѣ не гляда [1]) да кажется,
Что чужой-отъ отецъ, мати
Идутъ ко постеленькѣ,
Что и громко-то говорятъ,
Все и честно-то говорятъ;
Стелятъ постеленьку
Мнѣ мягкимъ мягкошеньку
Для меня молодешеньки.
Богоданая матушка
Идетъ ко постеленькѣ,
Она громко-то говоритъ:
«Ты вставай, мое дитятко,
Ты, дитя нерожоное,
Ты, дитя не сердечное!»

Въ банѣ, т. е. въ отдѣльной избѣ или въ другой комнатѣ, гдѣ для невѣсты и жениха приготовляется особенный столъ и особое отъ прочихъ гостей, бывающихъ на «дѣвишникѣ», угощеніе, невѣста проситъ своихъ подругъ:

Господаревы вы мои,
Вы любыя подруженьки!
Не сдавайте, голубушки,
Меня-красную дѣвицу—
Вы родимому тятенькѣ
На безчестье великое!
Сократите, голубушки,
Вы схожа-красна солнышка,
Родимаго-то тятеньку,
Состоялъ бы тятенька
Горою да высокою,
Стѣною бѣлокаменной.
Отдаетъ меня тятенька
На чужую сторонушку
Не за пѐнью [2]), не за винушку:
Была я, молодешенька,
Зродная да изродная,
На бесѣды веселыя
Не спросясь не уходила
Я схожа-красна солнышка,
Я родимаго тятиньки,
И бѣлыя лебедушки,
Я родимыя матушки.
Часъ [3]) потеряла я—дѣвица
Чес(т)ную дивью красоту
Въ темныхъ во заулочкахъ;
Потеряла я—дѣвица
Чес(т)ныя дивьи красоты,
Золотыя поталинки,
Бисерные грибочики.
Часъ у меня молодешеньки,
У меня, красны дѣвицы,
Это все да рѣшилося,
Это все повершилося.
Видно, съѣла—погубила
Я себя молодешеньку,
Я душу—красну дѣвицу,
Запоручную голову...

При извѣстіи о приближеніи поѣзда жениха къ дому невѣсты, послѣдняя причитаетъ.

Я учула—услышала,
Это я молодешенька,
Я душа—красна дѣвица:
Что не подломилися,
Что не покорилися,
Что не лѣсы темные,
Перелѣски зеленые...
Вьются, развиваются,
Да не къ намъ разстилаются,—
Ко высокому терему.
Что не синь да синѣется,
Не краса-то красѣется
И не чернь-то чернѣется:
Это синь-то синѣется
Да краса-то красѣется—
Такъ чужіе люди добрые;

---

[1]) Гляда равносильно: кажется.
[2]) Пеня.
[3]) Теперь, сейчас.

Это чернь-то чернѣется—
Такъ чужи люди вороги.
У схожа-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
На широкой на улочкѣ
У меня—молодешеньки,
У души красны дѣвицы,
Вышли голубушки
На широкую улицу.
На широкой на улицѣ
Чужiѐ люди добрые,
Добрыѐ да гордые [1]),
Ступнулѝсь, колонулися
У высокаго терема [2]).
Терема пошатилися,
Двери отворилися,
Чужи люди добрые
Въ терему появилися.
Тамъ у схожа̀-красна солнышка,
У родимаго тятеньки,
Отдаютъ молодешеньку
На чужую сторонушку,
Ко чужимъ да добрымъ людямъ,
Къ богоданому батюшку,
Къ богоданой матушкѣ...

Подруги, окружающія невѣсту, бранятъ свата и сватью—

Чтобы свату-то большому
На печѣ заблудитися,
На палатяхъ дверей искать,
Въ печурку [3]) с . . . ь ходить.
Три чирья [4]) въ бороду,
Четвертый пдъ пяту,
Пятый подъ горлышко
Виѣсто краснаго запонка.
Тысяцкой садитъ,
Ровно угольный пестерь;
Чужая сваха княжая
Она сопли развѣсила,
Виѣсто поцѣпки серебряной,—
Зубы оскалила...

При дареньи родныхъ съ жениховой стороны невѣста говоритъ:

Вы примите-ка здарвице,
Почитайте за бо̀льшое!
Не осу̀дьте, не о̀дивте:
Я не тонко выпряла,
Не чисто̀ я выткала,
Не бѣло да выбѣлила,
Не красно да вышѝвала...

Въ «дѣвишникъ», когда приходятъ въ домъ родителей невѣсты жениха и гости съ его стороны, невѣста обращается къ нимъ со словами:

Хотя видъ-отъ не вѝжу [5]),
Я по голосу слышу:
Появились во теремѣ
Гости званые—жданые,
Гостеньки небывалые,—
Дорогой небывалой гость,
Мой родимой дядюшка
И родимая тетушка...
Не осу̀дьте, не о̀дивте: [6])
Я не вышла, не встрѣтила,
Не взяла во бѣлы̀ рукѝ,
Въ мѣсто я не поса̀дила,
Челомъ я не ударила,
Низко я не поклонилась,
Ужъ я низко-то до̀ полу,
До полу̀ перебранаго
И до шелкова пояса,
О перстеньѐ злаченоѐ,
О руку̀ да о правую:
Въ горюшкѣ не услышала,
Во слезахъ не увидѣла..

(Записано въ селѣ Ляменьгѣ, въ Августѣ 1898 г.).

Михаилъ Пшеницынъ.

Ноября 24, 1898 г.

---

[1]) Гордые.

[2]) Здѣсь указывается на обычай запирать предъ поѣзжанами двери дома родителей невѣсты.

[3]) Печурка—углубленіе въ лицевой части печи. Сюда кладутъ спички, сырыя рукавицы для просушки и т. п.

[4]) Вередъ.

[5]) Она сидитъ въ это время въ «кутѣ», завѣшанная большимъ платкомъ.

[6]) Не удивляйтесь, что «не вышла, не встрѣтила»..., потому что—«въ горюшкѣ не услышала, во слезахъ не увидѣла».

Изъ старыхъ журналовъ.

Въ журналахъ прошлаго вѣка попадаются, хотя и рѣдко, интересные этнографическіе матеріалы. Особенно богаты этими матеріалами «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», издававшіяся при Академіи Наукъ. Первыми нашими этнографами были большею частью чиновники; одновременно и особенно позднѣе выступали любители; наконецъ, этнографическія изученія получили болѣе серьезное научное направленіе. Одна изъ первыхъ программъ для собиранія свѣдѣній объ обитателяхъ нашего отечества была составлена въ 1785 г. и касалась быта самоѣдовъ. Отвѣтомъ на нее явился рядъ статей въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1786 («Вопросы и отвѣты о вѣрѣ самоѣдской», «О состояніи земли, обитаемой самоѣдами», «О правахъ самоѣдовъ», «О хозяйствѣ», «О россійскихъ селеніяхъ въ Самоѣдской землѣ»). Эти статьи плодъ трудовъ чиновниковъ, сдѣлавшихся этнографами по приказанію начальства. «Съ сими вопросами—читаемъ въ редакціонной замѣткѣ съ первой статьи—посланы были въ 1785 г. изъ города Архангельскаго въ Самоѣдскую землю ассесоръ Андрей Тряпицынъ и регистраторъ Степанъ Зуевъ, которые отбирали отъ малоземельныхъ самоѣдовъ прилагаемые здѣсь отвѣты, сообщенныя намъ отъ г. Крестинина, здѣшней Императорской Академіи Наукъ корреспондента, засѣдателя Совѣстнаго суда въ городѣ Архангельскомъ». Въ общемъ, отвѣты даны довольно толковые и обстоятельные.

Придавая значеніе первымъ матеріаламъ для изученія Россіи, мы рѣшаемся предложить читателямъ «Живой Старины» извлеченіе или перепечатку нѣкоторыхъ изъ нихъ, сохранившихъ извѣстную научную цѣнность доселѣ. На первый разъ помѣщаемъ: 1) Древнія россійскія простонародныя загадки, напечатанныя въ «Парнасскомъ Щепетильникѣ» 1770 г. 2) небольшой Двинскій словарикъ, составленный извѣстнымъ въ свое время любителемъ мѣстной старины и быта архангельскимъ купцомъ Александромъ Ивановичемъ Ѳоминымъ (1713—1802). Словарикъ перепечатывается вполнѣ. Нѣкоторыя неправильныя объясненія, въ немъ встрѣчающіяся, видны съ перваго раза.

А. Лященко.

I.

Древнія русскія простонародныя загадки.

1. Два царя въ золотыхъ вѣнцахъ, люди имъ покланяются, а они людямъ покаряются.
2. Летитъ птица орелъ, несетъ въ носу огонь, по конецъ хвоста человѣчья смерть
3. Велико поле Романаво; много скота рогатаго, а одинъ пастухъ Полуяшечко.
4. Породила меня каменна гора, принимала меня огненна рѣка, кости мои распадущи и въ гробъ не кладущи.
5. Лежитъ лось протепя нось, а какъ встанетъ, такъ до неба достанетъ.
6. Родится отъ воды, ростетъ отъ огня, и отъ воды умираетъ.
7. Богъ не видитъ, цари видятъ рѣдко, а мы завсегда.
8. Боярыня княгиня весь миръ нарядила, а сама нагая ходитъ.
9. Кругленько, маленько, всему миру миленько.
10. Летаетъ птица долгоносая, носитъ платье рудожолтое, а кто ее убьетъ, тотъ кровь свою прольетъ.
11. Выше лѣсу, ниже травы, съ лѣсомъ ровно, а не видно ево.
12. Мать толста, дочь красна, сынъ хороберъ подъ небесы пошелъ.
13. Тоненько, маленько, по всему миру скачетъ, весь миръ наряжаетъ.

14. По утру на четырехъ, въ полдень на двухъ, а въ вечеру на трехъ.
15. Черненько, маленько, въ палату вскочило, царя разбудило.

(«Парнасскій Щепитильникъ» 1770, май стр. 46—43).

II.

Роспись словъ и рѣченій, изъ остатковъ древняго россійскаго языка въ Двинской странѣ собранныхъ и по нынѣшнему образованію изъясненныхъ.

Бажоный, бажоный то же значило, что миліонный. Ибо божить и молить глаголы дѣйствительнаго залога неопредѣленнаго наклоненія прежде одно имѣли знаменованіе; то есть умаливать Бога. Нынѣ первый глаголъ въ страдательномъ залогѣ принимается въ разумѣ клясться. Божоный и милбоный означали прежде вымоленнаго отъ Бога; примѣръ: нѣжная мать, лелѣя свою дочку, говоритъ: милая ты моя, божоная моя.

Говѣть: принималось въ испорченномъ смыслѣ, поститься. Оттуда произошло говѣнье—постъ; заговѣнье—послѣдній предъ постомъ день; разговѣнье—первый послѣ поста день. Прямой древній смыслъ сего глагола быть почтительну. Оттуда говѣйнъ или говѣйный,—почтательный, учтивый; благоговѣть, высокопочитать, набожность наблюдать.

Ино: да, такъ; примѣръ: ино божоный—такъ, сударь.

Истый: подобный, точный. Примѣръ: истый во отца: точно подобенъ отцу.

Конъ: рядъ, порядокъ, загражденіе, связь, мѣсто неперемѣняемое, постоянное. Конъ, по ребяческому умоначертанію, въ играхъ ихъ означалъ: 1) мѣсто, гдѣ обыкновенно собирались они играть говяжьими медыгами или бабками, 2) Конъ означалъ рядъ бабокъ, поставленныхъ въ прямую линію гнѣздами или четами, составляющій равночленную цѣпь. Сіи гнѣзда выбивали они таковыми-жъ бабками или каменными плятками, бросая оныя изъ дали въ поперешникъ сея ладѣжныя линіи, изъ коей коль скоро выбьютъ одно, два или болѣе гнѣздъ, то сей проломъ застанавливали взятыми съ концовъ кона гнѣздами.

Прилѣжнѣйшіе охотники, собирающіеся завсегда для игры на сіе коновое мѣсто или конъ, назывались коновыми:

Изъ сего имени проистекли и въ употребленіи были слѣдующія реченія:

На̀конъ: разъ. Прим.: Я уже два накона былъ (sic).

По̀конъ: обыкновеніе всегдашнее, оброкъ, или зборъ обыкновенный, прим.: у нихъ уже тотъ поконъ, т. е. таковый обычай. Поконъ вирный: зборъ, оброкъ веревочный, на веревочную земляную мѣру, разполагаемый.

Ко̀наться, поконаться: настоять въ прозбѣ, повторить прозбу. Прим.: поконайся братъ хорошенько, т. е. подокучь, попроси братъ прилежнѣе.

Одноконно, неотмѣнно. Прим.: онъ мнѣ еще лони конался, что бы я одноконно къ нему приворотилъ, т. е. онъ минувшаго еще годъ меня убѣждалъ, чтобъ я къ нему неотмѣнно заѣхалъ, или зашелъ.

Изконный: изъ вѣковъ бывшій.

Законъ: правило, порядокъ, учрежденіе. Имя сіе введено въ нашъ языкъ, кажется, послѣ временъ Владимировыхъ и Ярославовыхъ, которые законодательства свои называли правдою, наприм.: правда Русская, правда Ярославля. Мы не имѣемъ начальныхъ библейныхъ русскихъ переводовъ, которые были писменные; а первонапечатанная Острогожская (sic) содержитъ уже второзаконіе и пр.; но она напечатана въ концѣ шестнатцаго столѣтія.

Конецъ: край кона.

Кро̀шни: сума берестяная, носимая крестьянами за плечами, для поклажи лѣсныхъ пріобрѣтеній. Прим.: доторговался изъ корабля въ крошни.

Лони: минувшаго последняго года. Сіе нарѣчіе въ польскомъ языкѣ въ томъ же смыслѣ употребляется.

Миляшъ: любовникъ, украдкою любимый.

Наводить: въ дѣтскихъ играхъ очередь, или службу отправлять.

Наволокъ; между окружающею рѣкою высунувшійся мысъ, чрезъ который переходъ въ прямую линію называется наволокъ.

Опричный: опредѣленный, приставленный къ какому-либо дѣлу.

Опружить: опрокинуть, вывалить.

Повѣть: большія надъ скотскимъ дворомъ сѣни, въ кои кладется сѣно.

Пора: время, сила, мощь, могущество.

Порато: очень сильно.

Пòренъ: силенъ, усилокъ.

Порòзно: праздно, прим.: порозной карманъ.

Пàдѣра: мокрый снѣгъ.

Патрать: непорядочно, худо писать, марать.

Пахàть: вести вѣникомъ или метлою.

Прилупъ: вогнувшаяся кривизна рѣчнаго берега, которому противной называется мысъ, или наволокъ.

Рàда: лѣсистое, мокрое мѣсто.

Рòвдуга: на замшаной видъ выдѣланная кожа.

Рòзно: дировато.

Рынутыя. Броситься вдругъ. Оттуда риновеніе, такъ-же ребячьи спросы: рынь или не рынь, т. е. бѣжать или нѣтъ.

Спожè: сокращенное имя звательнаго падежа, госпоже!

Тўясъ: берестяной, изъ береста сдѣланный цилиндрическій сосудъ, съ деревяннымъ дномъ и крышкою; буракъ.

Токà: ежели, буде.

Торчило: выдавшееся что-нибудь изъ широкаго узкое и острое, на прим.: у галеры носъ, кареты дышло.

Шàлга! глубокій, отдаленный отъ селенія лѣсъ.

Купецъ Архангелогородскій *А. Ѳоминъ.*

(«Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія», 1787 г. XI, май, стр. 83—84).

„ЖИВАЯ СТАРИНА“

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

под редакціею предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи

В. И. ЛАМАНСКАГО

и въ десятомъ году своего существованія будетъ выходить 4-мя выпусками, по 8—10 листовъ выпускъ. Подписная цѣна въ С.-Петербургѣ 5 р. съ доставкою, въ Имперіи—5 р. 50 к. за границу—6 р.

Книжки „Живой Старины“ съ 1891 по 96 г. включительно продаются въ Географическомъ Обществѣ по пониженной цѣнѣ: за годъ—3 р. въ Петербургѣ, 3 р. 50 к. въ Имперіи и 4 р. за границу.

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Оглавленіе.

Отдѣлъ I.

Стран.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка, народной словесности, живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1900

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Оглавленіе 40 выпусковъ «Живой Старины» за десять лѣтъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Выпускъ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ VI.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV

Вопросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Стр.

Отдѣлъ II

Памяти языка, народной словесности и живой старины.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

опросы и отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпуски III и IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія и разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

Выпускъ I.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

Выпускъ 1.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности

Стр.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV

Смѣсь.

Стр.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Смѣсь.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

Выпускъ I и II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

ОПЕЧАТКИ:

Къ ст. К. А. Иностранцева о Гуннахъ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
528	33	могли быть	не могли быть
530	5	рушивщееся	рушившееся
531	20	о Гуннахъ	о Тюркахъ
544	11	сыну неба.	сыну неба».
549	39	Sprachengeschlechte	Sprachengeschlecht
553	32	къ слѣдующимъ	къ слѣдующему

Къ статьѣ В. Мошкова: «Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ».

(«Живая Старина» вып. III и IV, 1900 г.).

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
304	7 сверху	Pareka	Рачека
—	17 »	Упоминаетъ	Упоминается
307	14 снизу	чах	гах
308	19 сверху	коня. «Ачжинай»	коня «Ачжинай»
318	4 »	палтомпут	палтем пут
319	6 »	выдуть	выдуть
—	13 снизу	минимума,	максимума,
321	18 »	Gurmet	Guimet
323	19 сверху	бӯрѣ	бӯрѣ
324	5 снизу	Pnuchama	Puuchama
325	19 сверху	Минкольнширѣ	Линкольнширѣ
333	2 »	Кумирнеъ	Кумиренъ
335	12 »	Такъ называются дунчи	Такъ напримѣръ ламы, трубящіе въ раковину называются дунчи
—	1 »	когда одною трубою затрубятъ поднимутся	когда одною трубою затрубятъ, соберутся князья и тысяченачальники Израилевы: когда затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ востоку; когда во второй разъ затрубите тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ югу; когда затрубите въ третій разъ тревогу, поднимутся станы, становящіеся къ морю, когда въ четвертый разъ затрубите тревогу поднимутся
342	5 »	привости	привести
351	16 »	vánocky	vánočky
—	10 снизу	тамъ	ламъ
453	19 »	Phounda	Phounga
455	8 »	прыгали стучали ногами	прыгали, стучали ногами
456	3 сверху	колдовство мы находимъ	колдовство, мы находимъ
—	13 »	по близости находится кто нибудь	по близости кто-нибудь
459	8 снизу	дли	для
—	4 »	примѣненіемъ почти	примѣненіемъ трубы почти
—	3 »	пользованіе трубою	пользованіе ею
460	6 сверху	ужасъ въ особенности	ужасъ, въ особенности
465	» »	самы	самый
460	» »	пословица.	пословица:
460	» »	Дадинскомъ	Радинскомъ
467	18 »	а въ случаѣ	въ случаѣ
467	» »	въ случаѣ непослушанія	въ случаѣ же непослушанія
—	22 »	клубка,	лубка,
—	3 снизу	здѣшіе	здѣшніе
468	5 сверху	Владавскомъ	Влодавскомъ
469	4 »	Хоромановскій	Хороманьскій
—	6 »	Заборахъ	Замборахъ
471	8 снизу	Градиска	Гродиска,

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
471	6 снизу	«Светэго Яна».	«Свентэго Яна».
—	5 »	Гарвелина.	Гарволина,
—	4 »	Вуковскомъ	Луковскомъ
472	2 сверху	Сокалова,	Соколова,
473	8 снизу	Ziemienika	Ziemienika
476	8 сверху	въ колдовствѣ считается	въ колдовствѣ, считается
480	12 снизу	въ мѣстѣ	вмѣстѣ
—	8 »	габая	габаа
481	1 сверху	8)	3)
482	20 »	онъ	отъ
483	» »	Алоніями	Адоніями
—	» »	свищеннаго	священнаго
484	» »	вамъ	намъ
485	10 »	духовные	духовые
—	10 »	вредѣ	вродѣ
487	2 »	Родинскаго	Радинскаго
488	6 »	ототнать	отогнать
—	18 снизу	Талтшинцы	Тальшинцы
—	17 »	Шемаханскаго	Шемахинскаго
—	11 »	Африкѣ	Америкѣ
—	2 »	которые не были бы	которые были бы
489	13 »	мудштукомъ	мундштукомъ
480	» »	Sine	Sinc
490	8 »	busaune,	posaune,
491	7 »	спектики	скептики
496	20 сверху	4 платки	4) платки
497	16 »	«Менахотъ» 44)	«Менахотъ» (44
—	17 »	«алузэнъ».	«халузэнъ».
497а	15 »	Шиминна).	Шуминна).
—	19 »	Каннежуровской	Камнежуровской
—	11 снизу	Радиканскомъ	Радинскомъ
—	19 »	н	и
498а	16 »	канатами	кантами
499	4 сверху	болѣ,	болѣе,
—	10 »	какъ кажется, что мы	какъ кажется, мы
—	8 снизу	полосатымя	полосатыми
—	1 »	Веляки,	Вельки,
501	11 сверху	тебетцахъ	тибетцахъ
502	7 »	множно	можно
513	4 »	мати	Мати,
—	6 »	свѣтъ истинный	Свѣтъ истинный,
514	6 »	я проговорю	и проговорю
—	7 снизу	мѣдные	мѣдныя
516	1-я графа, 4 снизу	Весь	Весь,
—	1-я графа, 2 »	Бендажэ	Беднажэ
517	1-я графа, 10 »	ки	ки,
518	1-я графа, 2 свер.	Бокинка,	Бокинка
—	1-я графа, 3 »	Панская, докудовъ.	панская, Докудовъ,
—	2-я графа, 5 снизу	Камнжуровская	Камнежуровская
—	3-я графа, 12 свер.	ДуМица	Дубица.
519	1-я графа, 8 снизу	Олизоровъ	Олизаровъ
—	2-я графа, 8 свер.	коростичи.	Коростичи.
—	2-я графа, 19 »	зановинъ,	Зановинъ, [1])

---

[1]) Въ слѣдствіе лѣтняго пребыванія редактора за границею, оплошности его замѣстителя и поспѣшности типографіи въ III вып. и въ началѣ IV вып. Ж. Ст. вкралось много опечатокъ, особенно въ ст. В. А. Мошкова. На бѣду къ пріѣзду редактора въ Петербургъ статья В. А. Мошкова уже была отпечатана и оригиналъ ея былъ уничтоженъ. Пришлось безпокоить живущаго въ Варшавѣ автора просьбою о возстановленіи значительныхъ пропусковъ (см. стр. 72 и пр.) и исправленіи разныхъ ошибокъ. Доброе намѣренье замѣстителя помочь Живой Старинѣ выходить безъ запозданія къ сожалѣнью привело лишь къ тому, что запоздали выходомъ въ свѣтъ и IV вып. 1900 г. и I вып. 1901 г. Благодаря за благія желанія и услуги, Ред. Ж. Ст. проситъ извиненія у подписчиковъ въ запозданіи книжекъ, но прибавляетъ, что это изданіе, не посвященное ни политикѣ, ни модамъ, отъ поспѣшности и своевременности выхода, ничего не выигрываетъ. Имѣя на рукахъ и другія дѣла, редакторъ прежде всего заботится о внутреннемъ содержаніи книжекъ и ихъ исправности.

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(Окончаніе).

Трубы при рожденіи ребенка.

По вѣрованью, чрезвычайно широко распространенному въ старомъ свѣтѣ, человѣку съ перваго же дня его жизни грозитъ серьезная опасность со стороны нечистой силы. Средства, которыми въ это время стараются устранить отъ роженицы и новорожденнаго опасность, отгоняя нечистую силу, повторяются повсюду почти тѣже самыя, которыя употребительны при періодическомъ изгнаніи бѣсовъ, т. е. бьютъ палкой или кнутомъ по стѣнамъ дома, кладутъ подъ голову роженицѣ оружіе, употребляютъ сильно пахучія растенія, вродѣ чеснока, стрѣляютъ изъ ружей, жгутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней неугасаемый огонь, ставятъ около роженицы воду, обводятъ ее очарованнымъ кругомъ и т. под. Но случаи, когда при родахъ обращаются къ помощи трубы, повидимому, очень рѣдки. Намъ удалось найти въ этнографической литературѣ только одинъ такой случай у кавказскихъ евреевъ въ С. Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елизаветпольской губ. Но и тамъ къ трубленію въ рогъ и стрѣльбѣ изъ ружей прибѣгаютъ не при каждомъ рожденіи, а только въ случаѣ трудныхъ родовъ (178).

Труба на свадьбахъ.

Вѣрованье, что на свадьбѣ надо ожидать вредъ для новобрачныхъ со стороны нечистой силы, также весьма широко распространено по земному шару и опасность въ этомъ случаѣ опять-таки устраняется тѣми же излюбленными средствами: заставляютъ свадебный поѣздъ переѣзжать черезъ огонь, разливаютъ передъ нимъ воду, кричатъ, шумятъ, поютъ, сопровождаютъ свадьбу музыкой и стрѣльбой, ходятъ съ обнаженнымъ оружіемъ, съ бичами или кнутами, устраиваютъ пляски, бѣга или скачки на лошадяхъ, причемъ

обходятъ или объѣзжаютъ вокругъ молодыхъ съ разными священными предметами или же заставляютъ ихъ самихъ обходить вокругъ чего либо, считающагося священнымъ и т. д.

Объ участіи музыки на свадьбахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, но на свадьбахъ современныхъ евреевъ оркестръ, а въ особенности духовой, такая необходимая принадлежность, что безъ него не обойдется ни одинъ самый бѣдный еврей и, насколько намъ приходилось наблюдать, собирая матерьялы объ еврейской свадьбѣ въ г. Варшавѣ и въ мѣстечкахъ Волынской губерніи, еврейскій свадебный оркестръ никогда не обходится безъ какой-либо трубы; по общественнымъ понятіямъ, такой оркестръ непремѣнно долженъ быть громокъ и оглушителенъ.

Въ книгѣ г. Расинэ (Costume historique) приведена копія съ оригинальнаго индійскаго рисунка, относящагося къ началу текущаго столѣтія, на которомъ изображена свадебная процессія. Во главѣ этой процессіи идутъ трубачи, играющіе на своихъ инструментахъ. Кромѣ того въ Бременскомъ музеѣ есть огромная модель базара въ Остъ-Индскомъ городѣ Агра, гдѣ изображены различныя уличныя сцены и, между прочимъ, индійская свадебная процессія, впереди которой идутъ трубачи съ ихъ инструментами у рта.

У Абисинцевъ во главѣ свадебной процессіи шествуютъ музыканты съ трубами, флейтами и бубнами (179).

У хорватъ въ Муракёзѣ (въ Венгріи), когда свадебная процессія направляется въ церковь, то впереди ея выступаютъ два музыканта, играющіе на трубѣ и на гармоникѣ (180).

У русскаго народа въ старину свадьбы также сопровождались трубами, по крайней мѣрѣ у богатыхъ людей, что видно изъ великороссійской пословицы: „съ трубами—свадьба и безъ трубъ—свадьба", приводимой у Даля (181).

У жителей г. Борну (въ Суданѣ), по разсказу извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Эдуарда Фогеля, въ день свадьбы женихъ совершаетъ торжественное шествіе черезъ весь городъ, а затѣмъ усаживается на возвышенномъ сѣдалищѣ передъ своимъ домомъ, причемъ публика тѣснится около него, барабанитъ, дудитъ въ рога и кричитъ: „вѣчно вамъ жить. Аллахъ благослови васъ. Дожить бы вамъ до сѣдыхъ волосъ" (182).

Труба на похоронахъ.

По вѣрованью Китайцевъ, есть злые духи Фунгъ-шуэ, которые бродятъ вокругъ гроба и мучатъ покойника во время похоронъ, а потому обрядъ этотъ сопровождается у нихъ куреніемъ пахучихъ травъ, а также игрой

на трубахъ и другихъ духовыхъ и ударныхъ инструментахъ, наполняющихъ воздухъ оглушительнымъ шумомъ. Думаютъ, что такими пріемами можно отогнать отъ покойника злыхъ духовъ (183). Повидимому, вѣрованье китайцевъ принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ у иныхъ народовъ практикуются на похоронахъ тѣже и многіе другіе пріемы, употребляемые при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ", какъ то: огни, которые жгутъ вокругъ покойника, вода, которая ставится возлѣ умирающаго и та, которой его обмываютъ, музыка, сопровождающая похороны, стрѣльба изъ ружей и пушекъ, куреніе душистыми травами, конскія скачки и т. д. Къ числу этихъ пріемовъ у многихъ народовъ земного шара принадлежитъ, также, какъ у Китайцевъ, и игра на трубахъ.

Объ участіи трубы въ похоронахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но у современныхъ этотъ обычай еще кое-гдѣ сохранился. Такъ у кавказскихъ евреевъ села Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ., если умираетъ очень почетный и уважаемый человѣкъ, то его несутъ во дворъ синагоги, читаютъ тамъ молитвы и играютъ въ рожокъ (шуфаръ), а затѣмъ уже несутъ на кладбище (184).

На рисункѣ, приводимомъ у Расинэ, взятомъ изъ Пондишери, можно видѣть похороны брамина на югѣ Остъ-Индіи, также сопровождаемыя трубачами. Въ объясненіи къ рисунку сказано, что два человѣка обыкновенно играютъ на длинныхъ мѣдныхъ прямыхъ трубахъ (Phounda или Tare) съ акомпаниментомъ другихъ, болѣе короткихъ трубъ.

У буддистовъ, въ Монголіи, звуками музыкальныхъ инструментовъ, съ преобладаніемъ трубъ, также сопровождаются похороны, но только не простыхъ смертныхъ, а князей (185).

Обычай хоронить покойника съ трубными звуками практиковался также у древнихъ обитателей Таврическаго полуострова. Въ катакомбѣ, отрытой въ Керчи въ 1841 году, фрески изображаютъ похоронную процессію, во главѣ которой выступаютъ трубачи съ длинными прямыми трубами (186).

У древнихъ Римлянъ при похоронахъ во главѣ процессіи шли музыканты (tibicines), число которыхъ по закону было ограничено десятью, съ трубами, кларнетами и рожками (tubae, tibiae, cornua). Отсюда произошло латинское выраженіе „ad tubicines mittere", что значитъ въ переносномъ смыслѣ „приготовлять къ смерти" (187).

Въ настоящее время, во всей западной Европѣ съ духовымъ оркестромъ, состоящимъ изъ трубъ, хоронятъ лицъ военнаго сословія и особъ, пользующихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, но кое-гдѣ похороны съ трубами сохранились и въ низшемъ классѣ, какъ напримѣръ: у Итальянцевъ (188), у баварскихъ нѣмцевъ (189) и у гуцуловъ (въ Галиціи). У этихъ

послѣднихъ кромѣ того, что провожаютъ умершаго съ трубнымъ звукомъ до самаго кладбища, передъ опусканіемъ гроба въ могилу, приподнимаютъ крышку его и трижды трубятъ надъ головой покойника (190).

Подобный этому обычай существуетъ и въ Полинезіи на островахъ Тонга. Тамъ при похоронахъ Туи-Тонга (короля островов), когда покойникъ уже зарытъ въ землю, два воина трубятъ надъ его могилой въ военныя трубы-раковины (191).

Обычай трубить надъ могилой покойника былъ въ старину также и у Литовцевъ (191).

Сюда же нужно отнести употребленіе трубы на такъ называемомъ „праздникѣ мертвыхъ", т. е. на годовыхъ общественныхъ поминкахъ покойника. Такой обычай существуетъ до настоящаго времени въ Остъ-Индіи (193). Кромѣ того рогъ употребляется у африканскаго народа Латуковъ (въ верховьяхъ Нила) при пляскахъ, совершаемыхъ въ честь каждаго покойника (194). Наконецъ, извѣстный обычай Остъ-Индіи сожиганіе вдовъ, который близокъ по своему смыслу къ похоронамъ, также сопровождался трубами (195).

Трубнымъ звукомъ встрѣчаютъ восходъ солнца и провожаютъ солнце при закатѣ.

Такой обычай есть у русскихъ горцевъ, гуцуловъ, въ Галиціи и соблюдается лѣтомъ на полонинахъ (на пастбищахъ). Пастухи ежедневно встаютъ передъ зарей, а когда солнце покажется на горизонтѣ, то читаютъ молитву, оборотясь лицомъ къ востоку и 3 раза трубятъ въ трубу. Исполнивши обрядъ, они снова ложатся спать.

Очень близко къ этому обычаю стоитъ вѣрованье албанцевъ, которые думаютъ, что ночью на трубѣ играть грѣшно, такъ какъ это значитъ только тѣшить черта, который подъ звуки трубы танцуетъ (196).

Нѣчто подобное было у древнихъ Персовъ, а именно трубою изъ палатки царя подавался сигналъ къ выступленію и къ битвѣ, но, вслѣдствіе религіознаго вѣрованья, такой сигналъ не могъ быть поданъ передъ восходомъ солнца (197). Въ современной Персіи также соблюдается до настоящаго времени древній обычай звуками трубы и барабана ежедневно оповѣщать народъ о восходѣ и заходѣ солнца. Исполняется этотъ обычай тремя музыкантами на самой возвышенной террасѣ дворца (198).

Профессоръ Варшавскаго Университета Ѳ. И. Езбера, родомъ чехъ, разсказывалъ намъ, что въ старину, за его память, лѣтъ 40 тому назадъ во

многихъ городахъ Чехіи придерживались обычая, чтобы ночные сторожа, влѣзая на башни, ежедневно въ 11 часовъ вечера играли на трубѣ, давая тѣмъ знать жителямъ города о наступленіи времени для сна. Въ настоящее время этотъ обычай уже совершенно исчезъ.

Въ древнемъ Римѣ ночные сторожа (vigiliae) и слуги при римскихъ магистратахъ трубными звуками оповѣщали народъ о каждомъ часѣ дня и ночи (199).

Хотя въ приводимыхъ нами примѣрахъ трубные сигналы имѣютъ скорѣе практическое, чѣмъ религіозное значеніе, но, судя по тому, что съ трубленіемъ при восходѣ солнца кое-гдѣ соединены и вѣрованья, можно думать, что разсматриваемый нами обычай въ древніе времена имѣлъ какое-то религіозное основаніе, которое съ теченіемъ времени было забыто.

Труба при лунныхъ затменіяхъ.

Вѣрованье, что солнце и луну во время ихъ затменія поглощаютъ, сосутъ или ѣдятъ демоны, змѣи, драконы или другія миѳическія чудовища, распространено во всѣхъ частяхъ свѣта, а вмѣстѣ съ нимъ распространенъ и способъ прогонять этихъ чудовищъ различнаго рода шумами. Изъ обычаевъ, основанныхъ на такомъ вѣрованіи, мы приведемъ только одинъ, въ которомъ участвуетъ труба.

Англійскіе путешественники, братья Ляндеръ, во время своего пребыванія въ Африкѣ на берегахъ Нигера, въ гор. Бусса, были свидѣтелями луннаго затменія. Описывая ужасъ, который вызываетъ это явленіе среди дикарей, они передаютъ слѣдующее: „Дикари собрались на огромной площади города, забравъ съ собою все необходимое для воспроизведенія звука, шума и треска. Взрослые образовали большой тройной кругъ, бѣгали то туда, то сюда со скоростью волчка, съ криками, воемъ и стонами, издававшимися изо всей силы африканскихъ легкихъ, бросались во всѣ стороны, какъ бѣшеные, изгибались корпусомъ и крутили руками и ногами, производя тысячи судорожныхъ движеній, скакали, прыгали стучали ногами объ землю и поднимали руки къ небу. Внѣ круга бѣгали въ полномъ отчаяніи маленькія дѣти, ударяя другъ о друга пустыми тыквами и горько плача. Группы мужчинъ дули до полнаго изнеможенія въ огромныя трубы, другіе въ воловьи рога съ хриплыми нестройными звуками, иные со страшными усиліями били въ старые надтреснутые барабаны, тогда какъ отъ желѣзныхъ прутьевъ и цѣпей, сталкивающихся между собою, неслись ноты самыя зловѣщія въ этомъ дьявольскомъ концертѣ“ (200).

Труба отвращаетъ чары.

Вѣрованье, что труба можетъ отогнать отъ человѣка направленное на него колдовство мы находимъ не только въ Старомъ Свѣтѣ, есть оно и въ Новомъ, но только нѣсколько въ иномъ видѣ.

На Ново-Гебридскихъ островахъ (въ Полинезіи), какъ извѣстно, существуютъ шаманы, почти такіе же, какъ, въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ. Шаманы эти, по вѣрованію туземцевъ, если пожелаютъ, могутъ вызвать болѣзнь или смерть человѣка, раздобывши отъ него нагакъ. Нагакомъ называются здѣсь брошенные кѣмъ-нибудь остатки пищи, которые бросать отнюдь не слѣдуетъ, а нужно тайно сжечь или закопать. Если какой-нибудь полинезійскій шаманъ найдетъ чьи-нибудь остатки пищи, то онъ завертываетъ ихъ въ древесную кору, а когда наступитъ ночь, то садится при огнѣ и понемногу сжигаетъ нагакъ. Если по близости находится кто-нибудь боленъ, то онъ проситъ кого-либо изъ своихъ домашнихъ заиграть на трубѣ-раковинѣ для того, чтобы шаманъ оставилъ свое вредное дѣло. На утро шаману приносятъ выкупъ за возвращеніе „нагака". Такой же обычай лишь съ малыми измѣненіями существуетъ кромѣ того на Маркизовыхъ островахъ и на островахъ Фиджи (201).

Труба излечиваетъ болѣзни.

Особенно любопытно соединенное съ трубою вѣрованіе Семиградскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Образованіе гнойнаго нарыва они приписываютъ тому, что злой духъ, по имени Омъ (Ohm), входитъ въ человѣческое тѣло. Противъ него употребляютъ слѣдующее оригинальное средство: держатъ надъ нарывомъ трубу и просятъ кого-нибудь на ней поиграть. Во время этой игры больной долженъ приговаривать: „Heilige Blazius (отъ слова blazen- дуть, трубить), du frommer Knecht, thu mir recht, erhör' mein Gebet, treib' in den Wald meinen Ohm" (т. е. Святой Блязіусъ, ты благочестивый слуга, окажи мнѣ справедливость, исполни мою молитву, выгони въ лѣсъ моего Ома). При этомъ наблюдается, чтобы надъ больнымъ мужчиной трубила женщина и наоборотъ. Послѣ произнесенія наговора приглашенная особа (а отнюдь не самъ больной) должна выдуть на трубѣ еще нѣсколько звуковъ, обращая раструбъ инструмента въ сторону лѣса (202).

У монгольскихъ буддистовъ, по разсказу французскихъ миссіонеровъ Гюка и Габэ, вѣрятъ, что причиною болѣзни всегда бываетъ Чутгуръ, т. е. бѣсъ, а потому леченіе больного заключается въ изгнаніи этого бѣса. Вышеупомянутые миссіонеры были свидѣтелями излеченія одной жен-

щины отъ лихорадки; по ихъ описанію, въ шатеръ, гдѣ была больная, собралось не менѣе восьми ламъ съ цимбалами, морскими раковинами, барабанами и колокольчиками. Изъ сушеныхъ кореньевъ они сдѣлали большую куклу, которую назвали „бѣсомъ лихорадки" и больную посадили противъ этой куклы. Передъ докторомъ-ламой стоялъ большой мѣдный тазъ; въ немъ было пшено и разныя фигуры изъ тѣста. По извѣстному знаку раздалась музыка, которая могла бы перепугать самаго неустрашимаго и упорнаго чорта. Когда музыка прекратилась, лама открылъ книгу заклинаній и сталъ пѣть томнымъ, унылымъ голосомъ и при этомъ выбиралъ изъ таза по нѣскольку пшенныхъ зернушковъ и бросалъ ихъ кругомъ. Кончивъ заклинанія, лама подалъ знакъ остальнымъ своимъ товарищамъ, чтобы они начали „свою страшную музыку". Монголы быстро вскочили, бѣгали другъ за другомъ вокругъ шатра и такъ при этомъ кричали, что у слушающаго „волосы могли бы стать дыбомъ на головѣ". Сдѣлавши такимъ образомъ три тура вокругъ шатра, который они обсыпали палочными ударами, они опять вошли внутрь и сѣли на прежнія мѣста. Затѣмъ кукла была сожжена и всѣ присутствовавшіе процессіей вышли изъ шатра, неся въ рукахъ горящія головни. Шествіе открывали лица недуховныя, за ними больная, и въ концѣ ламы, снова затянувшіе свою „адскую музыку". Этимъ былъ законченъ обрядъ леченія (203).

Труба сопровождаетъ главнѣйшія занятія человѣка: скотоводство и земледѣліе.

Свѣдѣнія объ употребленіи трубы у пастуховъ мы имѣемъ только изъ Европы. Обычай этотъ несомнѣнно принадлежитъ къ глубокой древности, но намъ удалось найти самое раннее свидѣтельство о немъ только въ исторіи древняго Рима. Тамъ мѣдная труба buccina, подражавшая своей формой морской раковинѣ, употреблялась пастухами для собиранія скота и для вызыванія его изъ лѣсу (204).

Въ настоящее время пастухи вооружены трубами въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Европы: во Франціи (205), въ Швейцаріи, въ Швеціи и Норвегіи (207), въ Венгріи (208), у Чеховъ (209), у Гуцуловъ (въ Галиціи) (210), у Литовцевъ и Латышей, у Поляковъ въ губерніяхъ: Ломжинской, Сувалкской, Плоцкой и Сѣдлецкой, у малороссовъ въ губ. Сѣдлецкой и Гродненской, у Бѣлоруссовъ и Полѣшуковъ въ губ. Минской, Виленской, Витебской, Могилевской, Смоленской и Черниговской, у Великороссовъ въ губ. Псковской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Тверской, Костромской, Московской, Орловской и Владимірской.

Употребленіе трубы пастухами въ большей части Европы въ настоящее время почти утратило свой смыслъ вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ и дикихъ звѣрей, но на сѣверѣ ея, въ Швеціи и въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, и лѣсовъ и дикихъ звѣрей еще очень много, а потому тамъ трубы служатъ кромѣ созыванія скота еще и для отпугиванія звѣрей. У Шведовъ, какъ мы уже видѣли, до сихъ поръ сохранился праздникъ пастуховъ, справляющійся при первомъ выгонѣ скота въ поле. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ день этотъ празднуется почти также, какъ въ Швеціи. Надъ скотомъ служится молебенъ, его опрыскиваютъ святой водой и иногда перегоняютъ черезъ огонь, обходятъ вокругъ него съ образомъ и т. под., но вмѣсто трубныхъ звуковъ дѣлаютъ наговоры надъ трубами, сопровождая ихъ разными обрядами. Обряды эти въ с. Уница Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи, по записи нашего знакомаго, доктора С. В. Тучемскаго, состоятъ въ слѣдующемъ:

Пастухъ, нанимающійся пасти деревенскій скотъ въ теченіи наступающаго лѣта, беретъ воскъ отъ свѣчи, горѣвшей сперва передъ плащаницей, а потомъ во время Христовской (Пасхальной) заутрени. Съ этимъ воскомъ онъ приходитъ къ своему стаду, беретъ по волосинкѣ отъ каждаго животнаго и закатываетъ ихъ въ воскъ. Надъ воскомъ онъ говоритъ такъ называемый отпускъ или наговоръ. Такихъ отпусковъ въ С. Уницахъ три: Майскій, Іюльскій и Сентябрскій. Изъ нихъ пастухъ въ началѣ лѣта произноситъ только первый и при этомъ трижды обходитъ вокругъ стада по солнцу. Наговоренный воскъ раздѣляется на двѣ половины; одну половину пастухъ носитъ при себѣ, т. е. кладетъ ее подъ берестяную обкладку трубы, а другую въ какое-либо мокрое мѣсто, гдѣ бы ее никто не тронулъ. Такой же самый обрядъ повторяется потомъ въ Іюлѣ и въ Сентябрѣ. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ, мы печатаемъ три названные отпуска цѣликомъ, а здѣсь приведемъ только слова ихъ, относящіяся къ трубѣ. Вотъ что говорится въ Іюльскомъ отпускѣ: „заиграю я, рабъ Божій, пастырь (Им. р.), въ свой рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малыя телята, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся и свиваются къ своему царю, большому муравью и какъ шаетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ шаяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божіемъ, пастырѣ (Им. р.) по моемъ трубномъ голосѣ“....

Кромѣ приводимыхъ нами Олонецкихъ отпусковъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, въ нашей этнографической литературѣ, есть еще нѣсколько ихъ

записанныхъ: 1) въ Олонецкой же губерніи, но въ Пудожскомъ уѣздѣ (211), 2) въ Новгородской (212) и 3) въ Архангельской (213). Въ Новгородскомъ отпускѣ про воскъ (съ закатанной въ него шерстью) сказано: „одну часть положи пастухъ въ свою трубу подъ берестку или въ рогъ, а другую часть воска съ шерстью положи въ замокъ и тотъ замокъ замкни"... А про трубный звукъ говорится. „И какъ сходится народъ Божій, крещеный по колокольному звону и приходило бы мое счетное стадо коровье, конное и овечье на мой голосъ и трубу". Въ другомъ мѣстѣ: „и затрублю въ свою трубу или въ рогъ заиграю тогда бы на голосъ трубы мой скотъ, Власьевъ родъ, со всѣхъ сторонъ всѣ скоплялись"... Въ Архангельскомъ отпускѣ про воскъ сказано: „положи треть въ дерево, другую треть— въ замокъ, третію треть заверти въ рогъ, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замкни и ключъ утопи въ воду"...

Что касается земледѣлія, то наиболѣе интересный обычай связанный съ этимъ родомъ занятій существуетъ у чеховъ. Ихъ раковины-трубы называются trouby proti mračnum (т. трубы противъ грозовыхъ тучъ). Г. Рачекъ, описывая эти трубы, говоритъ, что въ Кучерѣ съ незапамятныхъ временъ онѣ употреблялись для отогнанія грозовыхъ тучъ. Полевой сторожъ (Glidač polný) постоянно носитъ такую трубу при себѣ въ полотняномъ чехлѣ, чтобы отогнать тучу, пока она еще въ зародышѣ. Такой трубачъ, если только гдѣ нибудь завидитъ зловѣщую тучу, становится противъ нея, поднимаетъ свою трубу вверхъ и не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока туча не разойдется, хотя бы около него ударяла молнія и самъ бы онъ промокъ до костей. Когда такой трубачъ въ первый разъ съ весны выходитъ въ поле, онъ долженъ выполоскать свою трубу свяченой водой и обтереть свяченой солью. Онъ трубитъ все лѣто, пока не начнется жатва. Народъ вѣритъ въ силу этой трубы и никакимъ образомъ нельзя его въ этомъ разубѣдить (215).

Къ этому можно еще прибавить, что малороссы Ковельскаго уѣзда трубятъ по окончаніи жатвы, во время посѣва озимаго хлѣба, дли того, чтобы, по ихъ выраженію, „жито крутилося въ трубу", а въ Тибетѣ ламы выходятъ въ полѣ и трубятъ передъ началомъ жатвы (216).

Труба, какъ боевой инструментъ.

Едва ли не самымъ важнымъ практическимъ примѣненіемъ почти у всѣхъ народовъ земного шара было пользованіе трубою на войнѣ. Изъ перечисленныхъ нами народовъ, у которыхъ принята труба, едвали найдутся такіе, которые бы не примѣняли этого инструмента въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ

болѣе, что даже въ европейскихъ арміяхъ онъ не утратилъ еще до сихъ поръ нѣкоторой доли своего значенія.

Труба оказывала людямъ на войнѣ услугу трояклго рода: во первыхъ, какъ сигнальный инструментъ, облегчавшій сношеніе между людьми на большихъ разстояніяхъ, во вторыхъ, какъ инструментъ громкій, наводившій на враговъ ужасъ въ особенности, когда игроки на немъ соединялись въ массы, и въ третьихъ, какъ такой инструментъ, который мощнымъ звукомъ своимъ въ состояніи былъ вызвать энтузіазмъ въ рядахъ воюющихъ.

Мы видѣли уже, что въ Библіи труба, какъ сигнальный инструментъ, рекомендовалась евреямъ отъ имени самого Бога, и тогда же опредѣлено было значеніе каждаго отдѣльнаго трубнаго сигнала. Изъ Библіи же мы узнаемъ, что евреи пользовались на войнѣ огромными военными оркестрами или лучше сказать скопленіями музыкантовъ. Такъ, напримѣръ, благодаря трубачамъ, Гедеонъ при одномъ изъ столкновеній съ мадіанитянами обратилъ въ бѣгство своего многочисленнаго непріятеля. Въ его распоряженіи было только 300 человѣкъ солдатъ, а мадіанитянъ было, по словамъ Библіи, такъ много, „какъ саранчи“. Гедеонъ, по приказанію Божію, вооружилъ свою маленькую армію вмѣсто оружія трубами и кувшинами, скрывавшими въ себѣ зажженные факелы. Эти триста Израильтянъ ночью окружили лагерь непріятеля и своей игрой на трубахъ вмѣстѣ со свѣтомъ факеловъ навели такой ужасъ на мадіанитянъ, что тѣ обратили свое оружіе другъ противъ друга и бѣжали въ полномъ безпорядкѣ (217).

Въ другой разъ Авія, царь Іудейскій, съ войскомъ своимъ былъ окруженъ превышавшимъ его силы войскомъ невѣрнаго царя Израильскаго, Іеровоама. Не потерявши присутствія духа, Авія приказалъ священникамъ затрубить въ трубы. Музыка эта возбудила такой энтузіазмъ въ его солдатахъ, что они, бросившись на своего многочисленнаго противника, не только избѣжали опасности, но еще и заставили войска Іеровоама обратиться въ бѣгство (218).

Въ древности, кромѣ евреевъ, труба употреблялась въ Азіи въ качествѣ военно-сигнальнаго инструмента еще у Ассирійцевъ (219), у Персовъ (220), у Мидійцевъ (221), и у Армянъ (222), въ Африкѣ—у Египтянъ (223), а въ Европѣ—у Римлянъ (224), Этрусковъ (225), Грековъ (226), Ѳракійцевъ (227), Германцевъ (228), Галловъ (229), Бриттовъ (230), Скандинавовъ (231), Литовцевъ (232) и Славянъ (233).

Кромѣ краткихъ замѣтокъ и данныхъ, добытыхъ раскопками, о военной трубѣ у всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ, мы имѣемъ о томъ же предметѣ еще кое-какія историческія свидѣтельства. Такъ о древнихъ Персахъ говорятъ, что у нихъ труба считалась „національнымъ“ инструментомъ. О другихъ народахъ древности, какъ о Ѳракійцахъ, Галлахъ и Сла-

вянахъ, передаютъ, что у нихъ сигналъ къ началу боя подавался страшнымъ или ужаснымъ ревомъ трубъ. Наконецъ, о Грекахъ историки думаютъ, что у нихъ труба, какъ военный инструментъ, вошла въ употребленіе только въ историческія времена, т. е. сравнительно позже, чѣмъ у другихъ народовъ, которые употребляли на войнѣ трубу съ незапамятныхъ временъ. Гомеръ, хотя и знаетъ трубу, но еще не упоминаетъ о ней какъ о военномъ инструментѣ, впервые она является таковымъ у Эсхила (234).

У насъ на Руси начало употребленія трубы въ качествѣ военнаго инструмента также теряется въ глубокой древности. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ" говорится: „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ". Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ древней Руси трубили всякій разъ при выступленіи въ походъ, и что въ 12 столѣтіи русскія военныя трубы были совершенно прямыя, вродѣ нынѣшнихъ пастушьихъ рожковъ (235).

Въ настоящее время труба, какъ военный инструментъ, распространена повсюду, гдѣ только армія устроена на европейскій ладъ. А потому мы не будемъ ничего говорить о современной Европѣ, гдѣ арміи во всѣхъ ея государствахъ болѣе или менѣе одинаковы.

Объ Азіи можно сказать, что тамъ труба, какъ военный инструментъ, независимо отъ Европейскаго вліянія существовала кромѣ евреевъ, ассирійцевъ, персовъ, мидійцевъ и армянъ еще у арабовъ, у нѣкоторыхъ изъ тюркскихъ народовъ и у китайцевъ. Такъ извѣстно, что она была принята въ Ново-Персидской монархіи временъ Сассанидовъ (отъ 3 до 7 вѣка по Р. X.) (236), извѣстно также, что у турокъ-османъ была своя собственная военная труба подъ названіемъ кабуцурна (237) и что по образцу „турецкой или янычарской" музыки были сформированы европейскіе военные оркестры (238). Есть также военныя трубы у Коканцевъ, хотя войска ихъ устроены вовсе не по Европейскому образцу (239). Что касается китайцевъ, то въ ихъ войскѣ, которое менѣе всего можно упрекнуть въ заимствованіяхъ изъ Европы, для военныхъ сигналовъ употребляется двоякаго рода трубы: 1) длинныя, прямыя, металлическія и 2) раковины (240).

Въ Африкѣ военныя трубы имѣютъ весьма важное значеніе въ Абиссиніи. Тамошняя труба издаетъ только одинъ звукъ громкій, грубый и внушающій страхъ. Въ походахъ, когда еще не видно непріятеля, она звучитъ умѣренно, но во время атаки въ нее дуютъ такъ сильно и бурно, что звукъ ея приводитъ абиссинскихъ солдатъ въ ярость и бѣшенство. Не заботясь о своей жизни, они съ жаромъ бросаются тогда на непріятеля. Даже въ мирное время, по словамъ англійскаго путешественника Брюса, пока эта труба зву-

чить, никто не оставался сидѣть, всѣ вскакивали и испытывали необходимость двигаться (241).

Въ другихъ мѣстностяхъ Африки труба также является военнымъ инструментомъ у негритянскихъ племенъ: Вакуафи (въ Нубіи) (242), Вагого (во внутренней Африкѣ) (243), Дагомейцевъ (въ западной Африкѣ), Говасовъ Мадагаскара (244) и у негровъ Самори (245).

Въ Австраліи, на о-хъ Тонга, военной трубой считается раковина, а на Новой Зеландіи деревянная труба (Британскій музей).

Въ Америкѣ еще до прихода туда европейцевъ воинственныя краснокожія племена, жившія въ Центральной Америкѣ, по берегамъ Мексиканскаго залива, производили дикую военную музыку раковинами — трубами, дудками и барабанами (246).

Въ прямомъ отношеніи къ военному дѣлу въ древности стояли всевозможныя состязанія въ физической силѣ и ловкости, какъ то: скачки, борьба, рыцарскіе турниры и проч., а потому во многихъ мѣстахъ земного шара принято было начинать ихъ непремѣнно по сигналу трубы. Такъ, въ древнемъ Римѣ трубою сопровождались игрища (247), въ средніе вѣка въ западной Европѣ buccina обязательно присутствовала на всѣхъ турнирахъ, ею подавали сигналъ къ началу и окончанію боя (248). Кое-гдѣ въ видѣ переживанія обычай начинать состязанія звуками трубы сохранился и до нашего времени. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи трубою подается сигналъ къ началу боя быковъ (249), а на островѣ Корфу — къ началу скачекъ, бывающихъ во время карнавала (250). У Имеретинъ трубою подается сигналъ къ началу полурелигіозной игры „въ мячъ“ (251).

Трубами позорятъ людей, совершившихъ безнравственный поступокъ.

Изъ предъидущаго мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ человѣкъ считалъ трубные звуки однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ нечистой силы, а трубу — инструментомъ священнымъ. Вѣра эта была въ древнія времена настолько искреннею, что человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы злоупотреблять трубой и не могъ бы допустить пользованія ею въ случаяхъ, несоотвѣтствующихъ тому высокому положенію, которое инструметъ этотъ занималъ въ его религіи. Съ этой точки зрѣнія, если мы видимъ въ настоящее время какой-либо обычай, злоупотребляющій трубой, напримѣръ направляющій звуки ея вмѣсто нечистой силы противъ самаго человѣка, то мы вправѣ сдѣлать заключеніе двоякаго рода: или, что обычай, нами взятый, относится не къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда труба высоко стояла въ глазахъ человѣка, а къ болѣе позднимъ, когда этотъ инструментъ

ужъ успѣлъ потерять свое религіозное значеніе, или же въ нашемъ обычаѣ есть какой-либо элементъ, незамѣтный съ перваго взгляда, который ставитъ его наравнѣ съ другими древними обычаями и примиряетъ кажущуюся его нелогичность и противорѣчіе съ общимъ порядкомъ вещей.

Если, исходя изъ сказаннаго, мы обратимся къ обычаю пользоваться трубою на войнѣ, гдѣ предполагаемая сила трубы направлена не противъ злого духа, а противъ человѣка, то не можемъ прійти къ первому изъ нашихъ двухъ заключеній, потому что употребленіе трубы на войнѣ относится къ самой глубокой древности. Слѣдовательно остается заключить, что человѣчество приравнивало своего непріятеля на войнѣ къ злому духу. И дѣйствительно мы знаемъ не мало фактовъ изъ исторіи войнъ, когда, по древнимъ вѣрованьямъ, войска обѣихъ враждующихъ сторонъ направлялись другъ на друга не самопроизвольно, а по внушенію божества. Множество примѣровъ такого вѣрованья мы находимъ между прочимъ въ исторіи Троянской войны. Слѣдовательно, если признано, что нашу армію ведетъ на войну доброе божество, то нашихъ непріятелей направляетъ на насъ божество злое, нечистая сила, противъ которой употребленіе трубы одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и самыхъ законныхъ средствъ.

Гораздо труднѣе доказать древность обычая, поставленнаго въ заголовкѣ настоящей главы, который у французовъ называется шаривари и направляется противъ вдовца или вдовы, вступающихъ во второй бракъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ доказательству, необходимо познакомить читателей съ деталями обычая, какъ онѣ передаются во французскихъ этнографическихъ журналахъ.

Французскіе простолюдины различаютъ шаривари малое и большое. Какъ то, такъ и другое по своей идеѣ выражаютъ протестъ деревенскаго общества противъ безнравственнаго поступка кого-либо изъ его членовъ. Шаривари малое состоитъ въ томъ, что крестьяне собираются въ свободное отъ работы время, т. е. по вечерамъ или по ночамъ подъ окнами того изъ своихъ членовъ, которому устраивается шаривари. Всѣ собравшіеся вооружены деревянными и роговыми трубами и различными домашними ударными инструментами въ родѣ котловъ, кастрюль, сковородокъ, горшковъ, щипцовъ и т. под. При помощи всѣхъ этихъ инструментовъ, на которыхъ играютъ одновременно, при помощи криковъ и пѣсенъ, сочиненныхъ на этотъ случай, иногда неприличныхъ, получается невыносимая, оглушительная какофонія, продолжающаяся иногда цѣлые часы въ теченіи многихъ дней. Всякіе протесты противъ подобнаго нарушенія спокойствія со стороны, страдающей отъ него, въ большинствѣ случаевъ оказываются безполезными. Полиція въ малыхъ деревняхъ или очень слаба, чтобы помѣшать подобнымъ концертамъ, или же, что̀ бываетъ чаще, смотритъ на нихъ сквозь пальцы. Если страдающее лицо попытается своими собственными силами возстановить свои нарушенныя права, или

выразить свое неудовольствіе бранью, то устроители концерта переходятъ ко второй степени малаго шаривари: призывными звуками трубы собираютъ они своихъ друзей и пріятелей и увеличиваютъ число концертантовъ въ нѣсколько разъ. Шаривари малое устраивается преимущественно тогда, когда происходитъ свадьба между вдовцами или когда одинъ изъ брачующихся вдовецъ. Въ большинствѣ случаевъ въ такомъ шаривари нѣтъ даже никакого протеста, такъ какъ бракъ вдовца, по современнымъ понятіямъ, не предосудителенъ. Вѣроятно оно совершается просто въ силу обычая, какъ переживаніе прошлаго. Что касается шаривари большого, то оно очень часто выражаетъ дѣйствительный протестъ деревенскаго общества, такъ какъ практикуется въ томъ случаѣ, если брачующіеся извѣстны въ деревнѣ своей безнравственностью. Въ такомъ случаѣ вмѣсто концерта устраивается настоящее драматическое представленіе. Какого-либо изъ сосѣдей того лица, которому хотятъ устроить шаривари, одѣваютъ и гримируютъ такъ, чтобы онъ по возможности походилъ на виновника торжества, затѣмъ ему придаютъ карриватурный видъ, сажаютъ на осла лицомъ къ хвосту и возятъ по деревнѣ съ трубнымъ звукомъ, съ барабаннымъ боемъ, съ криками и пѣснями. Шаривари большіе и малые практикуются въ настоящее время во Франціи: въ Пуату, Бурбонэ, въ департаментѣ Шаранты, въ Анжу, въ Котъ-дэ Нордъ, а кромѣ того на о-вѣ Коренкѣ и въ Бельгіи (252).

Такой же самый обычай есть и въ Германіи, онъ очень древній и назывался прежде „Тиръягдъ" (Tierjagd). Въ настоящее время онъ почти исчезъ и сохранился только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной Баваріи подъ названіемъ Haberfeldtreiben. Народъ прибѣгаетъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ собственнымъ самосудомъ покарать кого-либо изъ своихъ согражданъ за обманъ, ростовщичество, мошенничество, кутежъ, не имѣющій границъ, и, такъ же какъ во Франціи, за нарушеніе общепринятаго кодекса нравственности. Въ общихъ чертахъ нѣмецкій Тиръягдъ напоминаетъ французское „шаривари": также собирается народъ со всевозможными инструментами, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ труба, дѣлаемая нарочно для этого случая изъ древесной коры. Также производится адскій шумъ вокругъ дома виновнаго. Но все это дѣлается болѣе неожиданно, чѣмъ у французовъ, непремѣнно ночью, при свѣтѣ факеловъ и людьми, одѣтыми въ маски. Въ отличіе отъ „шаривари", Тиръягдъ обставляется особенной таинственностью, такъ какъ результаты его бываютъ менѣе невинны, чѣмъ во Франціи: виновнаго не только подвергаютъ публичному посрамленію, но кромѣ того и побоямъ, которые, въ случаѣ активнаго сопротивленія жертвы самосуда, не всегда кончаются благополучно (253).

Въ Кампаньи, въ Италіи, труба изъ морской раковины и воловій рогъ обязательно участвуютъ при воспроизведеніи той страшной какофоніи,

которою тамошніе крестьяне угощаютъ новобрачныхъ въ первые три вечера послѣ свадьбы въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ вдовецъ. Антоніо Дэ Нино разсказываетъ, что ему довелось быть свидѣтелемъ подобной же сцены въ Монтреалѣ на свадьбѣ стараго вдовца. „Свадебный поѣздъ весело двигался по улицѣ, сопровождаемый большою толпой зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, бренчанье связками ключей, ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Спеціалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна веселая компанія отвязала на колокольнѣ колоколъ и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ“ (254).

Несомнѣнно, что этотъ обычай принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его не въ одной западной Европѣ. Въ с. Косковѣ, Свіяжскаго уѣзда (у великороссовъ) ко дню бракосочетанія вдовца мальчики и взрослые парни заготовляютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей, въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются къ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчики и парни начинаютъ бросать въ него гнилыя лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку повѣсить новобрачному на шею. Бросанье лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ, или выѣзда за полевыя ворота (255).

У Уфимскихъ черемисъ, гдѣ жители села строго наблюдаютъ за нравственностью другъ друга, въ случаѣ замѣченныхъ близкихъ внѣбрачныхъ отношеній между холостымъ парнемъ и дѣвушкой, заставляютъ ихъ вѣнчаться; въ случаѣ же если въ томъ же попадется вдова съ парнемъ или женатымъ, выводятъ виновныхъ на улицу, привязываютъ другъ къ другу шнурками отъ штановъ, обвѣшиваютъ обоихъ старыми метлами, вѣниками, лаптями и т. под. и водятъ по улицамъ села, при чемъ одинъ изъ сопутствующихъ десятскихъ бьетъ въ барабанъ (256).

Нѣчто подобное французскому большому шаривари въ старину устраивалось у гагаузовъ Бендерскаго уѣзда, гдѣ замѣченныхъ въ незаконной связи сажали, такъ же, какъ у французовъ, на осла и съ крикомъ возили по улицамъ села. Тоже самое дѣлается и до настоящаго времени у имеретинъ (257).

Видоизмѣненіемъ того же обычая можно считать практикующіеся въ разныхъ мѣстахъ Россіи способы публичнаго посрамленія воровъ, которыхъ водятъ по улицамъ, обвѣшивая украденными вещами, или родителей и родственниковъ дѣвушки, несоблюшей невинности на которыхъ надѣваютъ хомуты и т. под. Сюда же надо отнести обычай студентовъ всего цивилизованнаго міра устраивать передъ окнами неугодившаго имъ профессора кошачьи серенады и т. п.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно въ обычаѣ, нами разсматриваемомъ, то, что во Франціи, Германіи и Италіи онъ сопровождается трубами или рогами. Если ихъ нѣтъ въ данной мѣстности въ то время, когда нужно устроить шаривари, то ихъ нарочно заказываютъ „саботьерамъ“ (мастерамъ деревянной обуви), какъ это дѣлается въ Бельгіи, или берутъ у жнецовъ, какъ въ Пуату. Отсюда самый обычай шаривари въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Бельгіи, называется cornage, т. е. трубленіе, отъ слова corne—рогъ. Отсюда же и русское фигуральное выраженіе трубить, протрубить, въ смыслѣ разнести какую либо вѣсть въ обществѣ (258), у французовъ—corner, у нѣмцевъ—ausposaunen, у англичанъ—to trumpet и т. д.

Итакъ, изъ прилагаемыхъ примѣровъ видно, что народъ въ разныхъ мѣстахъ Европы приравниваетъ бракъ между вдовыми къ мошенничеству, ростовщичеству, кутежу, незаконному сожительству и другимъ несомнѣнно безнравственнымъ поступкамъ. А такъ какъ въ наше время бракъ вдовцовъ вовсе не считается безнравственнымъ, то значитъ, что онъ когда-то считался таковымъ, но взгляды народа на нравственность перемѣнились, а способъ карать лицъ безнравственнаго поведенія пережилъ свое время.

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, доказываетъ древность обычая шаривари, что̀ подтверждаетъ также и его широкое распространеніе. Какимъ бы способомъ это распространеніе не совершилось, оно несомнѣнно требовало большой промежутокъ времени для своего осуществленія. Если же обычай шаривари принадлежитъ къ числу древнихъ, т. е. относится къ тѣмъ временамъ, когда на трубу смотрѣли съ уваженіемъ и не стали бы ею злоупотреблять, то значитъ, что въ старину на преступленія противъ общественной нравственности смотрѣли, какъ на дѣйствіе злого духа, и трубой старались отогнать его отъ преступника.

Обычай трубить періодически во второе (осеннее) полугодіе въ теченіи извѣстнаго промежутка времени.

Хотя обычай періодическаго трубленія въ осеннее полугодіе нами уже разсматривался выше, но мы выдѣлили здѣсь частый случай этого обычая въ отдѣльную главу и главнымъ образомъ, потому что ради него собственно собранъ нами весь этнографическій матерьялъ, вошедшій въ настоящую статью.

Записывая вѣрованья, обряды и обычаи отъ малороссовъ, бывшихъ уніатовъ, въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, мы натолкнулись на обычай, поставленный въ заголовкѣ настоящей главы, который поразилъ насъ своею странностью, какъ по его внутреннему содержанію, такъ и потому, что въ матерьялахъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, собранныхъ раньше, мы не нашли ничего къ нему подходящаго. Такъ какъ

обычай этотъ и его, повидимому, нерусское происхожденіе насъ заинтересовали, то намъ и пришлось обратиться за разъясненіемъ сначала къ этнографическому матерьялу ближайшихъ сосѣдей: поляковъ и литовцевъ, а потомъ, расширяя все болѣе и болѣе область изслѣдованія, собрать всѣ тѣ данныя, изъ которыхъ составилась настоящая статья. Часть ихъ мы почерпнули изъ этнографической литературы, а часть собрали сами записываньемъ отъ народа. Надо добавить, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ самаго обычая, нашъ интересъ возбуждали и другіе вопросы: во-первыхъ, общій вопросъ о томъ, какъ распространяются одни и тѣже вѣрованья среди различныхъ народныхъ группъ, а во-вторыхъ смутная надежда на то, что факты, нами собранные и еще неизвѣстные наукѣ, могутъ пролить свѣтъ на историческія судьбы заинтересовавшаго насъ русскаго Забужья, или же укажутъ правильный путь къ такого рода изслѣдованіямъ. Насколько оправдались наши надежды, читатель увидитъ изъ послѣдующаго.

Начавши съ Радинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., мы прослѣдили районъ распространенія интересовавшаго насъ обычая во всѣ стороны и старались по возможности опредѣлить его границы, чего намъ удалось достигнуть только отчасти, такъ какъ районъ этотъ оказался слишкомъ великъ для его полнаго изслѣдованія силами одного человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы не упускали ни малѣйшаго случая отмѣчать въ записную книжку: 1) тѣ села и деревни. въ которыхъ нашъ обычай существуетъ по настоящее время, 2) тѣ, въ которыхъ онъ былъ прежде, но уже оставленъ и 3) тѣ, въ которыхъ онъ вовсе неизвѣстенъ.

Во многихъ изъ этихъ мѣстностей мы побывали сами, о другихъ расспрашивали людей, тамъ живущихъ, живавшихъ прежде или только что оттуда пріѣхавшихъ, изъ духовенства, помѣщиковъ и сельскихъ учителей, а, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ, собиравшихся на базарахъ, ярмаркахъ и въ мѣстахъ богомолья. Кромѣ того намъ помогали въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ мѣстныхъ крестьянъ, не на шутку заинтересовавшихся нашимъ изслѣдованіемъ. И вотъ въ результатѣ всего этого у насъ накопилось столько данныхъ, что оказалось возможнымъ составить карту, если не всего, интересовавшаго насъ района, то его центральной, наиболѣе извѣстной намъ части. Карту эту и списокъ населенныхъ мѣстъ, о которыхъ были получены свѣдѣнія, мы прилагаемъ къ настоящей статьѣ.

Центръ нашего обычая находится приблизительно въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи около рѣки Буга и распространяется отсюда узкой полосой на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ Гродненской губ. мы нашли его въ уѣздахъ: Брестскомъ, Бѣльскомъ, Пружанскомъ, Кобринскомъ и Слонимскомъ. Самый обычай заключается здѣсь въ томъ, что молодежь мужскаго пола въ свободное время, чаще всего вечеромъ или ночью, трубитъ въ очень

длинную трубу въ теченіи всей осени, начиная съ того времени, когда окончена жатва и вывезенъ съ поля послѣдній снопъ и вплоть до наступленія зимы, т. е. до появленія перваго снѣгу. При этомъ строго наблюдается, чтобы кто-нибудь, сохрани Богъ, не началъ трубить раньше времени, что считается большимъ грѣхомъ. Если нетерпѣливая молодежь раньше опредѣленнаго срока издастъ хоть одинъ звукъ на трубѣ, то старшіе отбираютъ трубу и ломаютъ, иначе той деревнѣ, гдѣ это случилось, по ихъ мнѣнію, грозитъ неминуемое наказаніе отъ Бога. Исключеніе составляетъ только сѣверо-западный уголокъ Брестскаго уѣзда (Ратайчитцкая волость), гдѣ начинаютъ трубить, не справляясь съ состояніемъ жатвы, а съ Ильина дня (20 Іюля), и продолжаютъ трубленіе, какъ и въ иныхъ мѣстахъ Гродненской губ., до наступленія холодовъ, по поводу чего въ этой мѣстности есть даже пословица: „Одъ Ильи берыся до трубы“. О цѣли, съ которой производится трубленіе, большинство крестьянъ отзывается незнаніемъ, иначе прибавляютъ, что такъ ведется изстари, что обычай унаслѣдованъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а что онъ дѣйствительно угоденъ Богу, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали его „скасовать“ (уничтожить), но потомъ всегда за этимъ слѣдовали наказанія въ видѣ эпидемій, пожаровъ, неурожаевъ и проч.

На востокъ отъ Гродненской губ. тотъ же обычай намъ удалось прослѣдить въ уѣздахъ Пинскомъ и Мозырскомъ Минской губ. Онъ тамъ совершенно одинаковъ съ обычаемъ Гродненской губ., но причину, почему нельзя начинать трубленіе раньше окончанія жатвы, здѣсь объясняютъ тѣмъ, что труба „призываетъ зиму“, а потому, если приняться за нее раньше времени, то зима наступитъ раньше обыкновеннаго и будетъ суровая.

Въ с. Давыдъ—городкѣ Мозырскаго уѣзда, составляющемъ по всѣмъ признакамъ крайній восточный пунктъ распространенія нашего обычая, трубы тоньше и короче, чѣмъ въ Пинскомъ уѣздѣ и трубятъ на нихъ не взрослые парни, а ребятишки-подростки, осенью, когда пасутъ коней и ночуютъ въ полѣ.

Въ Волынской губерніи обычай нашъ заходитъ въ сѣверную часть уѣздовъ: Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго. Здѣсь трубятъ въ такія же длинныя трубы, какъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ, но для трубленія не ждутъ окончанія жатвы, а сопровождаютъ имъ посѣвъ озимаго хлѣба для того, какъ выражаются здѣшніе крестьяне (с. Самари и Кортылисы Ковельскаго уѣзда), „шобы жито крутылося въ трубу“.

На западъ отъ Гродненской губерніи тотъ же обычай продолжается за рѣку Бугъ въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Бѣльскомъ, Влодавскомъ, Константиновскомъ и Радинскомъ, среди русскаго населенія такъ-называемаго Подляшья.

Въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ нашъ обычай совершенно одинаковъ съ гродненскимъ. Трубятъ здѣсь преимущественно по вечерамъ и по ночамъ, но особаго какого-либо порядка въ этомъ трубленіи не существуетъ.

Кто-нибудь изъ парней передъ окончаніемъ жатвы смастеритъ себѣ трубу и, когда жатва уже окончена, выйдетъ вечеркомъ на улицу, чтобы позабавиться трубой. На звукъ его инструмента выходятъ на улицу другіе парни и каждый изъ нихъ попроситъ у своего товарища поиграть на его трубѣ, чтобы показать или испытать свое искусство. Трубленіе не считается здѣсь богоугоднымъ дѣломъ и не имѣетъ ничего общаго съ религіей, сохраняется же просто въ силу привычки, а также потому, что игра на трубѣ при однообразіи деревенской жизни представляетъ собою очень веселое развлеченіе. Для молодыхъ деревенскихъ хлопцевъ всегда доставляетъ большое удовольствіе пользоваться трубою по ночамъ, какъ телеграфомъ: они перекликаются со своими знакомыми или пріятелями изъ сосѣднихъ деревень и по манерѣ трубить стараются узнать, кто именно изъ ихъ пріятелей трубитъ въ настоящую минуту. Начинаются объ этомъ разговоры, споры и т. д., что наполняетъ вечеръ вмѣстѣ съ соревнованіемъ въ музыкальномъ искуствѣ. Если же все это дѣлается, также какъ въ Гродненской губерніи, только въ урочное время отъ окончанія жатвы до начала зимы, то не изъ страха передъ Божьимъ наказаніемъ, а потому, что только въ это время старики дозволяютъ играть, а въ остальное низачто не позволятъ трубить, а въ случаѣ непослушанія сломаютъ трубу. Словомъ, здѣсь трубятъ, потому что наступилъ для этого сезонъ, также какъ въ другихъ мѣстахъ маскируются исключительно во время святокъ.

Въ Радинскомъ уѣздѣ въ прежнія времена приготовляли на осень оригинальныя трубы гигантскихъ размѣровъ, изогнутыя и склееныя изъ клубка, какъ швейцарскій Alpenhorn, но теперь такія трубы стали большою рѣдкостью, онѣ замѣнились „бляшаными“ (жестяными) покупными, жидовскаго издѣлія. Одна изъ такихъ старинныхъ трубъ, привезенная изъ села Береза, сохраняется въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ и представлена нами въ фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. А). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ употребляются трубы, отличающіяся отъ Гродненскихъ, Минскихъ и Волынскихъ тѣмъ, что онѣ короче и слегка согнуты, а кромѣ того имѣютъ вставной мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева, чѣмъ сама труба, т. е. это совершенно тоже самое, что польская л и г а в к а, (смотр. табл. IV, лит. А); различается эта труба отъ польской лигавки только своимъ русскимъ названіемъ т р у б а. Польское названіе трубы лигавка, хотя извѣстно здѣшнимъ крестьянамъ, но считается „шляхетскимъ“. Трубятъ здѣсь не такъ, какъ настоящіе европейскіе трубачи, т. е. не серединой губъ, а ихъ углами, передъ игрой непремѣнно размачиваютъ трубу въ водѣ, чтобы она набухла и чтобы слѣдовательно легче выдувались изъ нея звуки. Здѣшіе старики, которые какъ и вездѣ ревниво соблюдаютъ ненарушимость дѣдовскихъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, вовсе не требуютъ отъ молодежи, чтобы она непремѣнно трубила, но строго наблю-

даютъ, чтобы не было трубленія несвоевременнаго, т. е. до окончанія жатвы. Интересно при этомъ замѣтить, что картофель, какъ растеніе чужеземное, хлѣбомъ не считается и до окончанія его уборки трубить разрѣшается безпрепятственно.

Обычай трубленія во Владавскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, на границахъ съ Бѣльскимъ нѣсколько отличается отъ Бѣльскаго и Радинскаго, а именно, здѣсь не ждутъ полнаго окончанія жатвы и начинаютъ трубить, какъ только на полѣ появятся первыя копны сжатаго хлѣба или какъ только убрана гречиха. Въ селѣ Любень и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, т. е. въ самомъ центрѣ Влодавскаго уѣзда начинаютъ трубить не осенью, какъ въ другихъ селахъ уѣзда, а съ 20 Іюля (въ Ильинъ день), также какъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ., и продолжаютъ до 1-го Октября (до Покрова). Трубы во Влодавскомъ уѣздѣ дѣлаются такія же какъ въ Бѣльскомъ, или же свертываются изъ бересты. Но мѣстами, такъ же, какъ и въ Радинскомъ уѣздѣ самодѣльныя трубы уже замѣняются покупными изъ жести. Смыслъ періодическаго трубленія здѣшніе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что звуки трубы разгоняютъ волковъ.

Въ Константиновскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи только въ южной его части обычай трубленія такой же какъ въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ, но уже въ селѣ Гуслевѣ русскій обычай смѣшанъ съ польскимъ, т. е. трубятъ осенью по окончаніи жатвы по русски, а кромѣ того трубятъ еще въ теченіи всего Филиповскаго поста (Адвента) по польски. Въ селѣ Журавлевка (гмины Гуслевъ) и далѣе на сѣверъ обычай уже исключительно польскій, хотя населеніе въ этихъ мѣстахъ еще русское (бывшіе уніаты). Труба здѣсь остается таже самая, что и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но тамъ, гдѣ соблюдается обычай трубленія польскій, принято и трубу называть по польски, т. е. лигавкой.

Если въ вышеперечисленныхъ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, какъ было уже говорено, обычай трубленія сохраняется, какъ переживаніе отдаленнаго прошлаго и неимѣетъ почти никакого отношенія къ современной христіанской религіи, то нельзя этого же сказать и о мѣстностяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской и Варшавской губ., въ которыхъ сохранился обычай ежегоднаго періодическаго трубленія. Повидимому, въ дѣлѣ соблюденія сказаннаго обычая у поляковъ потрудилось польское духовенство. Прежде всего хотя у поляковъ и сохранился обычай періодическаго трубленія осенью, но сроки его начала и окончанія вполнѣ согласованы съ католическимъ календаремъ: трубятъ въ продолженіи всего Рождественскаго поста и кончаютъ въ Рождественскій сочельникъ (по польски „Вилія“) передъ началомъ обѣдни, которая у поляковъ называется „Пастэркой“ (пастушеской). Кромѣ того, какъ намъ при-

ходилось наблюдать, польское духовенство вообще поддерживаетъ этотъ обычай между крестьянами, ибо находитъ его вполнѣ совмѣстимымъ съ католичествомъ. Такъ, въ словарѣ польскихъ древностей мы находимъ замѣтку по поводу лигавки, что „Варшавскій архіепископъ Хоромановскій, умершій въ 1838-мъ году, былъ большимъ любителемъ поэтическаго обычая трубить въ лигавку. Когда онъ былъ еще приходскимъ священникомъ въ с. Заборахъ (около г. Ломжи), то во время „Пастерки“ (обѣдни въ канунъ Рождества) вся приходская молодежь собиралась на кладбище и трубила въ „лигавки“.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селахъ съ польскимъ населеніемъ въ Сѣдлецкой губ., на нашъ вопросъ: трубятъ ли здѣсь въ „лигавку“? мы получали отъ деревенской молодежи отвѣтъ, что обычай этотъ былъ здѣсь уже оставленъ: но мѣстный приходскій ксендзъ потребовалъ отъ прихожанъ, чтобы они трубили въ Рождественскомъ посту, какъ это было въ старину. Передавшіе намъ этотъ фактъ, повидимому, были очень недовольны на своего ксендза за то, что онъ искусственно возобновляетъ обычай, отжившій свой вѣкъ и въ настоящее время неимѣющій никакого смысла. Одинъ изъ нихъ обратился даже къ намъ съ вопросомъ: не грозитъ ли имъ опасность со стороны гражданскаго начальства, если они не исполнятъ требованіе ксендза и не станутъ трубить?

Въ этомъ сближеніи польскаго обычая трубленія съ современной религіей, какъ намъ кажется, и заключается главное его отличіе отъ русскаго, если не считать того, что у поляковъ, также какъ и у галицкихъ гуцуловъ, различаются двѣ трубы: одна — назначаемая только для обрядоваго трубленія—„лигавка“, а другая „тромба“—пастушеская иного устройства, чего мы не встрѣчали у русскихъ. Во всемъ остальномъ польскій обычай такъ близокъ къ русскому, что въ происхожденіи ихъ обоихъ изъ одного источника не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Начинаясь въ Константиновскомъ уѣздѣ, нашъ обычай переходитъ затѣмъ въ уѣзды Соколовскій и Венгровскій Сѣдлецкой губерніи. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ населеніе состоитъ изъ бывшихъ уніатовъ, говорящихъ между собою по польски, а слѣдовательно бывшее когда-то русскимъ, но ополячившееся, а во второмъ — чисто польское. Далѣе, по направленію на сѣверозападъ, тотъ же обычай переходитъ черезъ р. Бугъ въ Ломжинскую губернію, въ уѣзды Мазовецкій, Островскій, Ломжинскій и Остроленскій. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ Венгровскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. и въ уѣздахъ Ломжинской губ. обычай трубленія въ „лигавку“ мы встрѣчали исключительно только у шляхты (мелкаго дворянства), живущей въ этихъ мѣстностяхъ въ деревняхъ сплошною массой. Впрочемъ, мы не можемъ все-

таки поручиться, что гдѣ-нибудь въ тѣхъ же мѣстностяхъ нельзя его найти и у простыхъ крестьянъ.

Изъ Ломжинской губ. обычай съ „лигавками“ распространяется еще далѣе на западъ въ Пултусскій уѣздъ Варшавской губерніи, гдѣ и кончается. Но если отъ прослѣженной нами полосы подвинуться на югъ, то мы увидимъ, что здѣсь среди чисто польскаго населенія нашъ обычай снова подвергается измѣненію. Въ сѣверной и въ средней части Сѣдлецкаго уѣзда „лигавокъ“ вовсе не знаютъ, въ южной же части послѣ перерыва въ нѣсколько десятковъ верстъ, начиная съ села Мрочна, мы снова встрѣчаемъ „лигавки“ и обычай трубленія въ нихъ, но только уже не въ Рождественскомъ посту, а раньше, отъ 7-го сентября, т. е. съ кануна Рождества Богородицы (по польски праздника „Матки Боски сѣвной“) и до кануна Рождества Христова. Этотъ обычай представляетъ собой какъ-бы переходъ отъ русскаго обычая къ чисто польскому, вопервыхъ потому, что онъ, также какъ и русскій, имѣетъ связь съ жатвой и посѣвомъ, чего обычай Ломжинской губерніи вовсе не имѣетъ, а вовторыхъ, онъ начинается раньше, чѣмъ въ Ломжинской губ., т. е. почти въ тоже время, какъ и русскій. Такой обычай соблюдается въ юго-западномъ углу Сѣдлецкаго уѣзда, въ сѣверной части Луковскаго и въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губ.

Наконецъ въ восточной части Гарволинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. обычай трубленія снова измѣняется: здѣсь трубятъ въ теченіе всего Рождественскаго поста, какъ въ Ломжинской губ., но на Рождествѣ не кончаютъ трубить, а продолжаютъ во весь такъ называемый „карнавалъ“, т. е. вплоть до начала Великаго поста. Самая труба, служащая въ этой мѣстности при исполненіи обычая, совершенно такая же какъ въ Ломжинской губ., но названіе ея произносится не лигавка, а легавка.

Вотъ и вся область распространенія нашего обычая. Намъ остается только болѣе подробно прослѣдить ея границы. Пройти эти границы, мы не имѣли возможности, а потому намѣтили лишь нѣсколько граничныхъ пунктовъ и собрали свѣдѣнія о томъ, гдѣ изслѣдуемый нами обычай вовсе неизвѣстенъ. Разумѣется, при такомъ способѣ изслѣдованія у насъ получилось множество пробѣловъ и данныя, нами собранныя, конечно далеко не исчерпали вопроса.

И такъ начнемъ съ восточной границы. Здѣсь мы уже намѣтили конечный пунктъ распространенія нашего обычая, с. Давыдъ-Городокъ Мозырскаго уѣзда (на р. Горыни, близъ впаденія ея въ Припеть). На востокъ отъ этого пункта въ с. Туровѣ и въ г. Мозырѣ съ ихъ ближайшими окрестностями не только не знаютъ обычая трубить, но даже вовсе не имѣютъ деревянныхъ трубъ. Трубы изъ воловьихъ роговъ употребительны въ этихъ мѣстностяхъ только у пастуховъ и только тамъ, гдѣ сохранялись большіе

лѣса, т. е. далеко въ сторону отъ береговъ Припети. Еще далѣе на востокъ, въ гор. Рѣчицѣ Минской губ. (на р. Днѣпрѣ), о трубѣ слышно еще менѣе, чѣмъ въ г. Мозырѣ. Въ самой Рѣчицѣ въ „бляша̀ную“ (жестяную) трубу трубятъ, по словамъ городскихъ мѣщанъ, только „панскіе“, т. е. помѣщичьи пастухи, „а нашъ и жидовскій скотъ“, добавляли разсказчики, „пасется безъ всякихъ трубъ“. Трубы у пастуховъ они приписывали какой-то блажи или капризу помѣщиковъ.

Отъ с. Давыдъ-Городокъ на сѣверо-востокъ до уѣзднаго города Волковысска Гродненской губ. границу обычая съ трубами намъ не удалось прослѣдить. Мы знаемъ только, что въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ Минской губ. нашего обычая нѣтъ. Въ г. Волковысскѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ намъ приходилось бывать, употребленіе трубы вовсе неизвѣстно; какъ на ближайшіе отсюда пункты, въ которыхъ труба принята, намъ указывали съ одной стороны на Слонимскій уѣздъ, а съ другой на Бѣлостокскій уѣздъ Гродненской губ.

Еще далѣе на западъ мы прослѣдили границы обычая только до р. Буга, но есть ли онъ за р. Бугомъ и далеко ли тамъ продолжается къ сѣверу мы не знаемъ. Точно также мы не знаемъ гдѣ онъ кончается на сѣверъ отъ Ломжинской губ. Только въ одномъ мѣстѣ намъ удалось совершенно точно намѣтить граничный пунктъ нашего обычая, — это на р. Наревѣ возлѣ г. Остроленки Ломжинской губ. Здѣсь на лѣвой сторонѣ рѣки живетъ шляхта, у которой есть лигавки, а на правой — курпи-крестьяне, у которыхъ труба (trąba) употребляется только пастухами.

Въ Пултусскомъ уѣздѣ Варшавской губ. мы не знаемъ точной границы, но если направляться отсюда на юго-востокъ, то увидимъ, что здѣсь обычай нашъ захватываетъ только восточный край Радзиминскаго уѣзда Варшавской губ.; въ деревняхъ Рувнэ, Страхувка и Боруча, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Радзимина уже лигавокъ не знаютъ. Далѣе граница направляется на деревни Ариновъ и Цыганка Новоминскаго уѣзда, а отсюда къ ближайшимъ окрестностямъ гор. Гарволина Сѣдлецкой губ. Здѣсь намъ удалось даже прослѣдить, что западнѣе Варшавско-Люблинскаго шоссе обычай не переходитъ, за исключеніемъ развѣ городка Градиска, о которомъ мы говорили выше, и въ которомъ крестьяне трубятъ только одинъ вечеръ въ году въ канунъ Ивана Купала, или по здѣшнему „Светэго Яна“.

Гдѣ кончается этотъ обычай на югъ отъ г. Гарволина, мы не знаемъ, не знаемъ также ничего о Луковскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ., за исключеніемъ сѣверной его части, т. е. деревень: Ягодна, Ружа, Вулька и Правда, въ которыхъ лигавки извѣстны. Сѣдлецкій уѣздъ, такимъ образомъ, въ отношеніи нашего обычая представляетъ какъ-бы оазисъ, внутри котораго лигавки не-

извѣстны. Граничные пункты этого оазиса намъ удалось прослѣдить 1) въ деревнѣ Воевудка въ окрестностяхъ гор. Сокалова, 2) въ дер. Суходолъ Венгровскаго уѣзда (по шоссе изъ г. Венгрова въ гор. Сѣдлецъ) и 3) въ дер. Олесница по Сѣдлецко-Гарволинскому шоссе.

Что касается мѣстностей южнѣе Радинскаго и Влодавскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губ., то по словамъ нѣкоторыхъ учителей, тамъ служившихъ, нашъ обычай не переходитъ южной границы названныхъ уѣздовъ, а по словамъ другихъ, заходитъ даже въ сѣверную часть Холмскаго уѣзда Люблинской губ., но распространяется не сплошь, а спорадически и почему-то только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пашутъ землю не на лошадяхъ а на волахъ. Но мы знаемъ навѣрное, что въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Холма, обычай трубить неизвѣстенъ вплоть до самой Австрійской границы, но, какъ намъ случилось записать отъ крестьянъ села Туромля Грубешовскаго уѣзда, тамъ есть вѣрованье, весьма близкое къ Гродненскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ во все время отъ начала посѣва яровыхъ хлѣбовъ до окончанія уборки всего хлѣба съ поля“.

На востокъ отъ гор. Холма и до Луцкаго уѣзда Волынской губ. граница обычая намъ неизвѣстна, но въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ мы намѣтили два пункта: 1) село Полицы (возлѣ Колокъ), гдѣ обычай такой же какъ въ Гродненской губ. и 2) с. Борохово, въ которомъ обычай съ трубой неизвѣстенъ, но существуетъ вѣрованье, подобное Грубешовскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ отъ того времени, когда хлѣбъ въ полѣ уже созрѣлъ, и до тѣхъ поръ, пока не закончится его уборка“.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губ. намъ случилось быть въ селѣ Заболотьи. Здѣсь трубъ вовсе не употребляютъ, но указываютъ на двѣ ближайшія мѣстности, гдѣ существуетъ обычай каждую осень трубить въ длинныя деревянныя трубы, это—1) село Ляховцы Брестскаго уѣзда Гродненской губ. и 2) мѣстность, извѣстная здѣсь подъ названіемъ „Ветельщины“, къ которой принадлежатъ села: Самары и Кортылисы, расположенныя всего только въ 3-хъ верстахъ отъ границы Гродненской губ.

Такимъ образомъ южная граница нашего обычая, повидимому, начиная отъ рѣки Буга, вдается угломъ въ Луцкій уѣздъ, а далѣе на востокъ почти совпадаетъ съ границей Волынской губ. Въ уѣздахъ: Острожскомъ, Заславльскомъ и Новоградъ-Волынскомъ Волынской губ., гдѣ намъ случилось бывать во многихъ деревняхъ и селахъ и собирать этнографическій матерьялъ, не только не знаютъ трубы, но даже и не слыхали, гдѣ существуютъ трубы. Но въ Ровенскомъ уѣздѣ, гдѣ многіе крестьяне ходятъ на заработки по сплаву лѣса рѣками Горынью и Случемъ, рѣдкій не видалъ длинныхъ трубъ Полѣсья и не слыхалъ игры на нихъ во время своихъ поѣздокъ на плотахъ,

но всѣ они указываютъ на обычай трубить какъ на признакъ Полѣшука. Ровенскій уѣздъ мы проѣхали на лошадяхъ отъ с. Нѣмовичи и до м. Высоцка и нигдѣ интересующаго насъ обычая съ трубами не нашли. Только отъ Высоцкаго помѣщика мы слыхали, что труба въ этихъ мѣстностяхъ считается самымъ вѣрнымъ признакомъ, по которому можно отличить полѣшука отъ малоросса и что въ селѣ Гупковѣ, около м. Людвиполя (гдѣ намъ самимъ не случилось побывать) существуетъ рѣзкая граница между полѣшуками и малороссами, которая обнаруживается въ различіи построекъ, костюма и обычаевъ, а между прочимъ и въ обычаѣ трубить осенью въ длинныя трубы, какого нѣтъ у малороссовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ передъ собой обычай весьма древній, который неизвѣстенъ ни малороссамъ-украинцамъ, ни бѣлоруссамъ, ни великороссамъ, но въ которомъ, разсматриваемая нами отрасль русскаго народа сходится съ поляками. Первое, что можетъ придти въ голову при разсматриваніи очерченнаго нами района, это то, что онъ входилъ когда-то въ составъ бывшаго литовско—русскаго государства и что въ Сѣдлецкой губерніи кромѣ того историки указываютъ на слѣды нынѣ исчезнувшаго литовскаго племени ятвяговъ. А потому мы и обратились къ литовскому этнографическому матерьялу. И дѣйствительно у литовцевъ-язычниковъ мы находимъ нѣчто подобное: во время ежегодно совершавшагося общественнаго жертвоприношенія, которое бывало въ концѣ года (т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ), собирались 4—6 деревень и на общій счетъ покупали быка или козла; жрецъ читалъ надъ жертвеннымъ животнымъ молитвы, затѣмъ животное закалывали, варили и ѣли вмѣстѣ съ лепешками, изготовленными изъ общественной муки. Пиръ продолжался цѣлую ночь и сопровождался пѣснями и игрой на длинныхъ трубахъ (259). Уже и здѣсь замѣтно нѣкоторое сходство литовскихъ обычаевъ съ обычаемъ, нами только - что разсмотрѣннымъ, но еще болѣе и несомнѣннѣе замѣчается такое сходство, если мы приведемъ описаніе языческаго торжества древнихъ литовцевъ въ такъ называемый Великій праздникъ. Торжество это справлялось ежегодно непремѣнно осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по окончаніи жатвы, въ честь бога земли и земледѣлія „Земеника“ (Ziemienika или kurko, kurchus). Отъ воли этого божества, по вѣрованью литовцевъ, зависѣли урожаи, оно считалось защитникомъ домовъ и всего края и олицетворялось въ видѣ ужа или какого-нибудь другого фетиша. Въ день его празднества, считавшагося самымъ главнымъ въ году, народъ собирался въ какую-нибудь одну деревню съ цѣлой округи, причемъ каждый несъ съ собою все, что могъ, чтобы принести въ жертву божеству. Въ самой обширной изъ деревенскихъ построекъ, посрединѣ ея, помѣщался большой столъ, накрытый скатертями. По четыремъ угламъ стола ставили

большіе открытые сосуды съ пивомъ. Затѣмъ приводили жертвы, состоявшія изъ первыхъ плодовъ текущаго года: теленка съ телкой, барана съ овцой, гуся съ гусыней и т. д. Жрецъ совершалъ тѣ моленія, которыя слѣдовали по обычаю, послѣ чего связанныхъ животныхъ избивали палками, чтобы не пролить капли крови. При этомъ всѣ присутствующіе выкрикивали: „Земеникъ богъ нашъ. Приносимъ тебѣ жертву и благодаримъ за то, что въ прошлые годы ты давалъ намъ здоровье и въ изобиліи всякаго добра, хлѣба и имущества, охранялъ насъ отъ огня, желѣза, мороваго повѣтрія и отъ всѣхъ бѣдъ нашихъ". Послѣ того убитыхъ животныхъ варили, жарили и приготовляли изъ нихъ разныя кушанья. Усѣвшись за столъ, жрецъ бралъ частичку каждаго блюда и бросалъ въ разные углы дома, приговаривая: „это тебѣ, Земеникъ, богъ нашъ. Соблаговоли принять наши жертвы и милостиво отвѣдать нашихъ кушаній". Тоже самое повторялось и съ напитками. Въ теченіи цѣлаго торжества пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ, что продолжалось непрерывно цѣлую ночь (260). Впрочемъ божеству, въ честь котораго справлялся такой праздникъ, поклонялись не одни литовцы, у латышей оно было извѣстно подъ именемъ Zeemneeks. Онъ также считался защитникомъ дома и всякаго имущества, его называли Mahjac kungs, т. е. господинъ дома, хозяинъ. Праздникъ его справлялся также осенью, причемъ ему приносилась жертва изъ первыхъ плодовъ хозяйства. У литовскаго племени Пруссовъ онъ также былъ однимъ изъ главныхъ боговъ. Ему былъ построенъ знаменитый въ свое время храмъ, въ которомъ горѣлъ неугасимый огонь и стояла статуя божества. Статую эту ежегодно подъ праздникъ (осенній) разбивали и затѣмъ воздвигали взамѣнъ ея новую (261).

Эти данныя изъ этнографическаго матерьяла литовскаго народа указываютъ прежде всего, что странный обычай западной отрасли русскаго племени, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, ведетъ свое происхожденіе отъ язычества; во вторыхъ, онѣ свидѣтельствуютъ о близости языческихъ вѣрованій у древнихъ литовцевъ и той части русскаго народа, которая входила когда-то въ составъ бывшаго литовскаго княжества или жила съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Дѣйствительно: тѣ и другіе имѣли обычай трубить въ длинныя деревянныя трубы, тѣ и другіе трубили осенью, у тѣхъ и другихъ обычай трубленія имѣлъ отношеніе къ земледѣлію. Все это при близкомъ сосѣдствѣ и при несомнѣнно существовавшихъ сношеніяхъ русскаго народа съ литовскимъ съ самыхъ древнихъ временъ совершенно естественно, въ особенности, если принять во вниманіе, что часть литовскаго племени слилась, какъ полагаютъ, съ предками нынѣшнихъ малороссовъ Сѣдлецкой губерніи.

Но оказывается, что близкій къ русскому и литовскому обычаямъ съ трубой сохранился до настоящаго времени не только у литовцевъ, но и у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Такая близость уже гораздо болѣе трудно объяснима съ исторической точки зрѣнія.

Задолго до того времени, какъ мы узнали о существованіи обычая трубить у русскихъ и поляковъ, лѣтъ 8 тому назадъ намъ случилось записать отъ солдата изъ черемисовъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи Караксалинской волости дер. Нижняго Кижляя, что у нихъ въ деревнѣ существуетъ деревянная труба аршина въ 1$^1/_2$ длиною, называемая „пàлтэм пут", на которой черемисскія дѣвушки играютъ осенью по вечерамъ, перекликаясь съ сосѣдними деревнями. Солдатъ, отъ котораго мы записали это свѣдѣніе, прибавилъ тогда, что играть на трубѣ у нихъ не дозволяется до тѣхъ поръ, пока весь хлѣбъ не убранъ съ поля, а иначе, какъ они думаютъ, зима будетъ очень холодная. Въ то время мы не придали сообщенію черемиса никакой важности, такъ какъ насъ интересовали не обычаи съ трубой, а вообще народные музыкальные инструменты. Но теперь, когда такой же обычай оказался и у русскаго народа и притомъ у той его части, которая живетъ далеко не въ сосѣдствѣ съ черемисами, разсказъ черемиса получилъ для насъ большой интересъ. Позже мы узнали, что Нижній Кижляй вовсе не составляетъ исключенія въ ряду другихъ черемисскихъ селъ и деревень: нами былъ уже описанъ обрядъ изгнанія бѣсовъ, практикующійся во время празднованія „Сюрэма" у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда. Здѣсь остается еще добавить свѣдѣнія объ обрядахъ съ трубой у черемисовъ того же уѣзда, присланныя мнѣ моимъ братомъ, живущимъ въ той мѣстности.

„Здѣсь, пишетъ мнѣ братъ, трубятъ исключительно мужчины и преимущественно пожилые. Трубы имѣются двухъ сортовъ: однѣ для исполненія обрядности, другія—пастушескія (совершенно какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, прибавимъ мы отъ себя, которые имѣютъ лигавки — трубы для обрядностей и тромбы—трубы пастушескія). Въ первыя изъ нихъ трубятъ для изгнанія такъ называемыхъ „кереметей" (бѣсовъ, которые, по вѣрованію черемисовъ, заносятъ изъ деревни въ деревню различныя болѣзни). Предполагается, что „кереметь", заслышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже никогда болѣе не возвращается. Во вторыхъ, черемисы думаютъ, что трубными звуками они приносятъ благодарность Богу за помощь во время лѣтнихъ работъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ трубою по черемиски называется: „пуцом пуалташъ цэр толмолец" т. е. „трубить въ трубу отъ нашествія нечистаго духа". Трубленіе начинается послѣ заката солнца и продолжается только до полуночи, до первыхъ пѣтуховъ. Кереметы, по вѣрованію черемисовъ, могутъ причинять имъ вредъ только въ это время. Въ

трубы трубятъ осенью, начиная съ 16-го Августа и до Филиппова поста, трубить же въ остальное время считается величайшимъ грѣхомъ, за который Богъ непремѣнно покараетъ или смертью или ударомъ молніи, бездождіемъ, голодомъ или сильнымъ вѣтромъ въ лѣтнее время. Для трубленія выходятъ на улицу, ибо въ избѣ отнюдь трубить не дозволяется. Труба по черемисски называется „пуцо", надъ нею дѣлаются наговоры, а потому давать потрубить въ нее человѣку постороннему, а въ особенности подозрѣваемому въ колдовствѣ считается очень опаснымъ. Трубленіе осенью передъ посѣвомъ производится обыкновенно въ роговую трубу и практикуется на чердакѣ или сѣновалѣ. Трубятъ тогда цѣлую ночь, выдѣлывая на трубѣ различныя рулады, причемъ для измѣненія тоновъ вкладываютъ два пальца въ раструбъ рожка и перебираютъ ими. Трубить въ такой рожокъ очень трудно, а потому, протрубивши цѣлую ночь, черемисинъ слѣзаетъ съ сѣновала въ полномъ изнеможеніи, какъ будто разбитый".

Въ заключеніе о черемисахъ намъ необходимо передать о томъ, какъ справляется у нихъ самый важный въ году праздникъ ихъ „Сюрэм". Праздникъ этотъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ справляется или въ самый Петровъ день или въ одинъ изъ ближайшихъ, за нимъ слѣдующихъ дней, преимущественно въ понедѣльникъ. По описанію священника О. Яковлева, послѣ полудня въ назначенное мѣсто въ полѣ съѣзжаются черемисы со всего околотка и привозятъ съ собой узелки съ кушаньями, а жители ближайшихъ деревень выносятъ туда же столы. Кушанья разставляются по столамъ и начинается моленіе надъ ними. Молящіеся призываютъ имена боговъ, причемъ снимаютъ шапки и прикладываютъ ихъ три раза къ груди, кланяются и три раза приподнимаютъ со стола чашки съ ѣдой. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, а по окончаніи его благодарственная молитва. Во все время моленія и пира играютъ на трубахъ, а молодежь, пріѣхавшая верхомъ, устраиваетъ состязательныя скачки и въ заключеніе три раза объѣзжаетъ вокругъ молящейся толпы. Этимъ заканчивается моленіе и всѣ разъѣзжаются по домамъ (262).

Если сравнивать черемисскіе обряды и обычаи, соединенные съ трубой, съ обычаями литовцевъ, поляковъ и русскихъ въ вышеописанномъ районѣ, то сходство тѣхъ и другихъ окажется поразительнымъ. Здѣсь, также, какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, различаютъ трубу для обрядностей отъ пастушеской, также, какъ у русскихъ нельзя трубить, пока хлѣбъ не убранъ съ поля и несвоевременное трубленіе, по вѣрованью народа, должно отразиться на наступающей зимѣ. Также какъ у русскихъ, поляковъ и литовцевъ главнѣйшіе обряды съ трубой совершаются осенью или вообще во второе (осеннее) полугодіе. Также какъ у поляковъ трубленіе разгоняетъ злыхъ духовъ и является богоугоднымъ дѣломъ, также какъ у русскихъ и у литовцевъ труб-

леніе производится ночью и продолжается въ теченіе довольно длиннаго промежутка времени (2 мѣсяца). Кромѣ того общественное празднованіе черемисскаго „Сюрема“ очень напоминаетъ празднованіе литовцами ихъ „Великаго праздника“: онъ также приходится въ осеннее полугодіе, также устраивается на общій счетъ, изъ припасовъ, приносимыхъ каждымъ изъ молящихся, также сопровождается игрою на прямыхъ деревянныхъ трубахъ.

Объясненіе такой общности въ обрядахъ и обычаяхъ между народами, не живущими между собою въ ближайшемъ сосѣдствѣ, какъ мы сказали раньше, представляется довольно труднымъ съ исторической точки зрѣнія. Но хотя мы не имѣемъ историческихъ фактовъ о непосредственномъ сосѣдствѣ, когда то бывшемъ между литовцами и черемисами, однако оно не можетъ представляться для насъ слишкомъ неожиданнымъ и поразительнымъ, такъ какъ въ нашей этнографической литературѣ уже не разъ высказывалось предположеніе, что черемисы, мордва, вотяки и другіе наши восточные инородцы финскаго племени передъ началомъ русской исторіи жили гораздо западнѣе теперешняго своего мѣстожительства и были отсюда вытѣснены русскимъ народомъ, подвигавшимся при своей колонизаціи съ юга на сѣверъ. Къ такого рода предположеніямъ, насколько намъ помнится, было немало поводовъ: 1) остатки финскихъ племенъ въ Тверской губерніи, 2) финскія названія мѣстностей въ Московской губерніи, 3) нѣмецкія слова въ языкѣ восточныхъ финновъ (черемисское „тейтеръ“—дочь, пермяцкое „зон“, „зонка“—сынъ) и т. под. Словомъ этнографическая близость между восточными финнами и литовцами не можетъ представляться для насъ ни неожиданной, ни особенно поразительной. Несравненно поразительнѣе сходство въ тѣхъ же интересующихъ насъ обрядахъ между литовцами и евреями. Заимствованіе чего либо литовцами отъ евреевъ мы легко могли бы допустить и объяснить себѣ, еслибы дѣло касалось какихъ - нибудь христіанскихъ обрядовъ или обычаевъ, но когда, какъ здѣсь, рѣчь идетъ объ обычаяхъ очевидно относящихся ко временамъ дохристіанскимъ, приходится отказаться отъ какихъ-либо историческихъ объясненій фактовъ.

Данныя объ обычаяхъ съ трубою у евреевъ мы собрали сами распросами у нашихъ знакомыхъ евреевъ, знающихъ обычаи своего народа, въ Варшавѣ и въ Волынской губерніи, а также воспользовались этнографическимъ матерьяломъ о русскихъ евреяхъ, собраннымъ у Чубинскаго („Труды экспедиціи... т. 7). Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Трубленіе въ „шоферъ“ (бараній рогъ) у современныхъ евреевъ совершается только разъ въ году осенью. Библія предписывала древнимъ евреямъ трубить въ первое число 8-го мѣсяца въ воспоминаніе объ ангелахъ, трубившихъ на горѣ Синай. Начало седьмаго мѣсяца приходится около нашего 5-го Сен-

тября. Въ этотъ день современные евреи празднуютъ свой Новый годъ (Рошъ Гашана, по Чубинскому, или Рошъ Ашуна по произношенію Варшавскихъ евреевъ), хотя у древнихъ евреевъ Новый годъ долженъ былъ справляться въ началѣ не седьмого, а перваго мѣсяца, т. е. въ Мартѣ. Праздникъ продолжается 10 дней и заканчивается „Суднымъ днемъ (Іомъ-Кипуръ) (263).

Г. Брафманъ въ своей „книгѣ кагала“ такъ описываетъ празднованіе современными евреями Новаго года:

„Во время существованія іудейскаго царствованія храмъ, оглушенный гимнами левитовъ и радостными звуками священныхъ трубъ, открывалъ днемъ Рошъ-Гашана 10-ти дневный періодъ, въ которомъ народъ, духовенство и даже самая святыня очищались и приготовлялись къ великому народному торжеству, къ тому именно моменту, когда въ послѣдній и самый важный день этого праздника, Іомъ-Кипуръ, разверзались передъ первосвященникомъ, недоступныя для него въ теченіе всего года, двери Святая Святыхъ, и онъ, войдя туда съ искупительными дарами приносилъ оттуда народу прощеніе и благоволеніе Іеговы... Въ настоящее время, также по закону Моисееву, внѣ Іерусалима и внѣ стѣнъ храма, должное служеніе не можетъ быть совершаемо, а потому представители народа еврейскаго ввели такъ называемую мусафъ, синагольное служеніе, открываемое обрядомъ Текіотъ-Шоферъ—трубленіемъ въ рогъ... Согласно народному вѣрованію, въ этотъ день Іегова подтверждаетъ все то, что было предначертано каждому еврею въ Рошъ-Гашанъ. Если человѣкъ, которому былъ предначертанъ горькій жребій на будущій годъ, не успѣлъ во время періода покаянія исправить приговоръ, то по прошествіи Іомъ-Кипура уже поздно“.

Трубленіе въ шоферъ у современныхъ, покрайней мѣрѣ у русскихъ евреевъ, начинается ежегодно съ 1-го числа мѣсяца Элюля, предшествующаго Новому году. Оно совершается въ синагогѣ ежедневно, за исключеніемъ субботъ, при началѣ утренней молитвы. Трубачъ выдуваетъ при этомъ только одну Тэкію (объясненіе смотр. выше). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что ежедневнаго трубленія въ теченіе цѣлаго мѣсяца требуетъ отъ евреевъ не Библія и не Талмудъ, а народный неписанный обычай. Только, начиная съ перваго дня Новаго года трубятъ согласно предписанію Талмуда. Вышеописанный порядокъ трубленія, кромѣ мѣсяца Элюля, продолжается и въ началѣ мѣсяца Тишри, за исключеніемъ самаго кануна Новаго года, въ который трубленія вовсе не бываетъ. Первый день Новаго года можетъ иногда прійтись въ субботу и тогда трубить тоже нельзя. Но второй день никогда въ субботу не приходится, а потому всегда сопровождается трубнымъ звукомъ. Въ первые

два дня Новаго года трубленіе совершается всегда въ строго опредѣленномъ порядкѣ, выражаемомъ слѣдующей схемой:

Отдѣленіе первое:

1) Одна Тэкія
2) Одна Тэруа
3) Одна Тэкія

Все отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $3 \times 3 = 9$ пріемовъ.

Отдѣленіе второе:

1) Одна Тэкія
2) Одинъ Шэварымъ
3) Одна Тэкія

Отдѣленіе повторяется 3 раза, $3 \times 3 = 9$ пріемовъ.

Отдѣленіе третье:

1) Одна Тэкія
2) Одинъ Шэварымъ
3) Одна Тэрýа
4) Одна Тэкія.

Отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $4 \times 3 = 12$ пріемовъ.

И того во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ—10 пріемовъ безъ повтореній, а съ повтореніями—30 пріемовъ. Полученная, такимъ образомъ, цифра пріемовъ съ повтореніями—30 считается минимальной. Ея придерживаются между прочимъ въ Варшавской самой большой синагогѣ (на Тлумацкой), принадлежащей евреямъ талмудистамъ, которыхъ Хасиды называютъ нѣмцами. Но въ иныхъ еврейскихъ общинахъ, какъ напримѣръ въ городахъ Минской губерніи цифра эта доводится до максимума, состоящаго изъ 100 пріемовъ. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ 30 пріемовъ повторяютъ 3 раза, получается: $30 \times 3 = 90$ пріемовъ и кромѣ того всѣ три отдѣленія исполняются одинъ разъ безъ повтореній, получится: $3 + 3 + 4 = 10$ пріемовъ, а всего выходитъ 100 пріемовъ.

Такъ какъ трубачемъ на шоферѣ можетъ быть всякій, а слѣдовательно и человѣкъ, не вполнѣ знакомый съ порядкомъ богослуженія, и такъ какъ кромѣ того вышеописанная схема трубныхъ звуковъ перемежается молитвами, то при каждомъ трубачѣ имѣется ассистентъ изъ людей, свѣдущихъ „въ законѣ“, который громко произноситъ названіе пріема, когда трубачу приходитъ очередь исполнять тотъ или другой номеръ изъ приведенной нами схемы. Читая свои молитвы, онъ вскрикиваетъ: „тэкія“ и трубачъ исполняетъ одну

„тэкію“, „шэварымъ“ и трубачъ играетъ шеварымъ. Если трубачъ неправильно исполнитъ какой-либо изъ своихъ пріемовъ, то ассистентъ заставляетъ его повторить во второй и въ третій разъ, пока трубный пріемъ не будетъ исполненъ вполнѣ безукоризненно.

Такъ какъ еврейскій народъ вѣритъ, что во время праздника Рошъ-Гашана на небѣ совершается судъ надъ дѣйствіями людей въ прошломъ и рѣшается судьба ихъ въ будущемъ году, то соотвѣтственно съ этимъ вѣрованьемъ объясняется талмудистами обрядъ трубленія. По ихъ объясненію, обрядъ этотъ имѣетъ значеніе воззванія къ роду человѣческому, чтобы онъ оглянулся на свои суетныя дѣла и поступки и возвратился на путь истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ звукомъ рога еврейскій народъ напоминаетъ о себѣ предъ престоломъ Всевышняго. Каждый звукъ шофера, по мнѣнію талмудистовъ, громитъ цѣлыя полчища злыхъ духовъ и даетъ силу и возможность ангеламъ плести изъ этихъ звуковъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. Трубленіе совѣтуютъ сопровождать разными нашептываньями, часть которыхъ возлагается на самаго трубача, а часть на остальныхъ молящихся.

Обряду Тэкіотъ-Шоферъ суевѣрное еврейское общество придаетъ особенно важное значеніе, и потому во время его исполненія въ синагогѣ водворяется необычная въ этомъ мѣстѣ глубокая благоговѣйная тишина: всѣ молящіеся отъ мала до велика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за трубными звуками, стараясь не проронить ни одного изъ нихъ, такъ какъ по звукамъ этимъ гадаютъ о событіяхъ наступающаго года. Малѣйшая оплошность трубача, малѣйшая его неудача, какой-либо слабый или нечистый звукъ предвѣщаютъ въ наступающемъ году крупное несчастіе для общины, а потому тотчасъ же повергаютъ всѣхъ присутствующихъ въ уныніе. Наоборотъ, безъукоризненная игра на рожкѣ предвѣщаетъ счастіе, а потому вызываетъ всеобщее ликованіе.

Послѣдній день праздниковъ, судный день (Іомъ-Кипуръ) и въ мѣстѣ съ нимъ десятидневный періодъ покаянія заканчивается тѣмъ же, чѣмъ начался въ Рошъ-Гашанъ: послѣ почти безпрерывной молитвы въ теченіе цѣлаго дня подъ вечоръ раздается въ синагогѣ трубный звукъ, сопровождаемый кликами всего молящагося народа: „л е ш а н а г а б а я б и р у ш а л е и м ъ“, т. е. „на будущій годъ въ Іерусалимѣ“. Этотъ послѣдній трубный пріемъ состоитъ только изъ одной, очень протяжной Т э к і я, послѣ которой рогъ болѣе уже не трогается до слѣдующаго Новаго года.

Мы видимъ изъ этого описанія еврейскаго Тэкіотъ-Шофера, что въ немъ повторяются всѣ элементы обычая съ трубой, существующаго у литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисовъ: 1) благоговѣйное отношеніе къ трубнымъ звукамъ, 2) исполненіе обряда осенью — въ теченіи довольно продол-

жительнаго промежутка времени, 3) вѣра въ способность трубныхъ звуковъ разгонять нечистую силу и 4) трубленіе въ самый важный годовой праздникъ, соотвѣтствующій литовскому „Великому празднику“ и черемисскому „Сюрэму“. Что касается жертвоприношенія, совершавшагося въ этотъ день литовцами и черемисами, то его мы находимъ почти въ томъ же видѣ у древнихъ евреевъ.

Предполагать, что евреи заимствовали свои вышеприведенные обычаи у литовцевъ или у черемисъ было бы разумѣется слишкомъ неправдоподобно, зная древность еврейскихъ вѣрованій и упорство, съ которымъ этотъ народъ держится за всякую мелочь, изъ того, что онъ считаетъ закономъ Божіимъ.

Довольно близко къ вышеописаннымъ обычаямъ стоятъ также обычаи Мингрельцевъ. У этого народа подъ именемъ „Чечетоба“ извѣстны кануны праздниковъ Св. Ильи Пророка (20 іюля) и Успенія Богоматери (15 августа). Въ ночь „Чечетоба“, по повѣрью Мингрельцевъ, злые духи летаютъ по землѣ и стараются дѣлать людямъ зло. Въ эти ночи никто не долженъ спать, иначе злой духъ войдетъ въ спящаго и причинитъ ему болѣзнь, отъ которой ужъ никто его не вылечитъ. Въ сумеркахъ молодежь обоего пола собирается гдѣ-либо на холмѣ вблизи деревни и здѣсь при кострахъ предается шумному веселью до самой зари. Оставшіеся въ деревнѣ тоже не спятъ: отовсюду слышатся выстрѣлы, крики, звуки деревянныхъ трубъ... Все это дѣлается для того, чтобы напугать и прогнать нечистую силу.

Мужчины и женщины „съ недобрымъ глазомъ“, т. е. замѣченные въ сношеніяхъ съ нечистою силою, отправляются въ эту ночь на уединенную возвышенность, ближайшую къ селу, и оттуда подслушиваютъ, что дѣлается въ обывательскихъ домахъ. Стукъ топора, напримѣръ, знаменуетъ, что въ этомъ домѣ умретъ кто-либо изъ мужчинъ въ теченіи года... и т. под. На утро подслушиватели объявляютъ по деревнѣ, что и гдѣ они слышали. Народъ вѣритъ въ неизбѣжность угаданной колдунами судьбы (264).

Мингрельская „Чечетоба“ походитъ на литовскій „Великій праздникъ“ и еврейскій „Іомъ-Кипуръ“, а въ особенности на этотъ послѣдній, такъ какъ въ теченіе его рѣшается судьба людей на наступающій годъ. Гаданье о будущей судьбѣ по звуку также напоминаетъ еврейское гаданіе, о которомъ мы только что сообщали. Изъ приведенной нами замѣтки не видно, существуетъ ли у Мингрельцевъ обычай трубить въ промежуткѣ между двумя „Чечетобами“, но если его и нѣтъ, то можно думать, что онъ утратился, оставивъ послѣ себя трубленіе въ началѣ урочнаго времени и въ его концѣ.

Далѣе сходство Мингрельскаго обычая съ предъидущими заключается въ томъ, что время трубленія приходится также во второе (осеннее) полугодіе и въ томъ, что Мингрельцы считаютъ необходимымъ бодрствовать въ

теченіи цѣлой ночи, какъ это дѣлали и литовцы въ ихъ „Великій праздникъ“. Наконецъ Мингрельцы подобно черемисамъ вѣрятъ, что въ извѣстное время года, осенью, нечистая сила становится особенно опасной для человѣка и употребляютъ для ея изгнанія такіе же пріемы, какъ и черемисы.

Ко всему этому нужно добавить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тибета передъ жатвой ламы собираются на вершинѣ холма, невдалекѣ отъ селенія и также трубятъ въ трубы въ знакъ благодарности за урожай, а затѣмъ при звонѣ колокола имъ приносятъ первые плоды, и работы по уборкѣ хлѣба начинаются (265). Кромѣ того, у Тибетцевъ существуетъ обычай встрѣчать Новый годъ трубленіемъ въ трубы (266).

Тибетскій обычай трубленіемъ встрѣчать Новый годъ сходится съ еврейскимъ; обычай трубить передъ жатвой напоминаетъ обычаи русскихъ и черемисъ, а обычай приносить ламамъ свои первые плоды, напоминаетъ жертвоприношеніе древнихъ литовцевъ.

Если сходство еврейскихъ обычаевъ съ обычаями литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисъ исключало возможность для его объясненія прибѣгать къ помощи исторіи, то тѣмъ болѣе неумѣстны были бы историческія объясненія загадочной общности въ обычаяхъ между вышеупомянутыми народами съ одной стороны, и Мингрельцами и Тибетцами съ другой. Очевидно, что факты подобнаго рода ведутъ свое происхожденіе онъ временъ доисторическихъ, когда международныя отношенія могли быть совершенно иными, чѣмъ во времена историческія.

Что касается смысла интересующаго насъ обычая, то изъ всѣхъ приведенныхъ нами примѣровъ проглядываетъ довольно ясно, что онъ не имѣлъ другой цѣли, какъ только изгнаніе бѣсовъ, могущихъ повредить урожаю хлѣба и его жатвѣ. А связь того же обычая съ земледѣліемъ указываетъ, что вѣрованье, послужившее ему основой, должно было первоначально принадлежать народу земледѣльческому. Хотя этому послѣднему заключенію, повидимому, не соотвѣтствуютъ обряды евреевъ и мингрельцевъ, которые ничего общаго съ земледѣліемъ какъ-будто бы не имѣютъ, но мы настаиваемъ на немъ вопервыхъ потому, что на немъ сходятся пять народовъ (поляки, литовцы, русскіе, черемисы и тибетцы), а во вторыхъ, что съ вѣрованіемъ этихъ народовъ сходится еще вѣрованье суданскихъ негровъ, сохранившееся въ своей первобытной чистотѣ. Путешественникъ по западному Судану, французскій капитанъ Binger описываетъ, что въ Котэдугу ему пришлось быть свидѣтелемъ одного обычая, сильно напоминающаго, замѣтимъ мы отъ себя, черемисское изгнаніе бѣсовъ и находящагося также въ связи съ земледѣліемъ. Субъекты мужескаго пола, называемые на мѣстномъ языкѣ “Ду“, наряжаются въ странный костюмъ: вся ихъ одежда обшивается волокнами туземной

конопли и листьями пальмы, такъ что видомъ своимъ напоминаетъ длинную густую шерсть. Изъ такой же матеріи дѣлается и шапка, закрывающая всю голову до шеи только съ отверстіями для глазъ. Въ такомъ нарядѣ „Ду“ бѣгаютъ, вооруженные палками, по деревнѣ и по полямъ, сопровождаемые толпой, поющей пѣсни, которыя по временамъ прерываются дикими выкриками. Если кто-либо изъ встрѣтившихся съ маскированными дѣтей или взрослыхъ испугается ихъ, то они колотятъ его не на шутку. Подобный обрядъ продолжается день и ночь; онъ совершается только во время осенняго посѣва и по словамъ г. Binger'а имѣетъ своею цѣлью выгнать злыхъ духовъ, могущихъ помѣшать посѣву. У Тоновъ, одного изъ негритянскихъ племенъ западнаго Судана, сходство того же обряда съ черемисскимъ увеличивается еще тѣмъ, что ихъ „ду“, называющіеся на мѣстномъ нарѣчіи „субакха“ (хозяева ночи), сопровождаютъ свои манипуляціи игрой на трубѣ изъ роговъ дикаго быка (267).

Въ одной старой французской книгѣ (Océanie ou cinquième partie du monde . . . . . par M. G. L. Domeny de Rienzi. Paris 1855, стр. 49 и 85) описаніе религіозной церемоніи, совершающейся подъ названіемъ „Начі“ ежегодно, разъ въ годъ, у дикарей на островахъ Тонга въ Австраліи. Празднество это, какъ увидитъ читатель, имѣетъ поразительно много общаго съ „Великимъ праздникомъ“ древнихъ литовцевъ и съ „Сюрэмомъ“ черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда, а потому мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести его описанія, сдѣланнаго путешественниками.

Церимонія, о которой мы говоримъ, въ первый разъ наблюдалась и была описана знаменитымъ мореплавателемъ, Кукомъ, въ одно изъ его путешествій по Океаніи. Торжество это у жителей Острововъ Тонга считается настолько важнымъ и, священнымъ, что не смотря на уваженіе, которымъ пользовался среди нихъ Кукъ, ему, какъ иностранцу, долго не разрѣшали оставаться въ качествѣ зрителя при совершеніи религіозныхъ церимоній. А когда любознательному англичанину удалось таки настоять на своемъ, разрѣшеніе остаться было получено имъ только послѣ того, какъ онъ согласился вмѣстѣ со своими спутниками раздѣться до гола и спрятаться за высокимъ полисадомъ, да и то еще въ самые важные моменты торжества туземцы умышленно закрыли отъ него зрѣлище своими спинами.

„Начі“ (въ буквальномъ переводѣ—часть или доля) состоитъ въ жертвѣ богамъ въ лицѣ божественнаго владыки, первосвященника острововъ, „Туи-Тонга“, первыхъ плодовъ земли текущаго года. Она, какъ было уже сказано, совершается только разъ въ году (въ іюлѣ мѣсяцѣ) и имѣетъ цѣлью призвать покровительство боговъ на народъ и на произведенія земли, изъ числа которыхъ самымъ драгоцѣннѣйшимъ считается „Ямсъ“ или „Иньямъ“. Сборъ ямса совершается обыкновенно въ концѣ Іюля, а одна изъ его разновидностей, „Kahokaho“, поспѣваетъ въ началѣ того же мѣсяца. Вотъ это-то послѣднее растеніе и употребляютъ при религіозной церимоніи. Какъ только оно созрѣетъ, король („Hou“) извѣщаетъ о томъ Туи-Тонга и проситъ его назначить день для совершенія обряда. Такимъ днемъ назначается обыкновенно десятый, считая съ того дня, когда первосвященникомъ получено извѣщеніе короля. Въ продолженіе девяти сутокъ, предшествующихъ этому дню,

по цѣлымъ ночамъ бываютъ слышны звуки трубы—раковины, раздающіеся съ разныхъ концовъ острова. На девятый день вырываютъ изъ земли ямсъ и украшаютъ его красными лентами. Торжество совершается обыкновенно на томъ островѣ, который Туи-Тонга выбираетъ резиденціей, а потому жители отдаленныхъ острововъ начинаютъ свои приготовленія къ совершенію обряда нѣсколькими днями раньше. Въ канунъ празднества, тотчасъ по закатѣ солнца, по всему острову раздаются звуки раковинъ и все усиливаются по мѣрѣ приближенія ночи, въ тоже время на всѣхъ плантаціяхъ поютъ что-то въ родѣ молитвы, называемой „Нофо". Такъ продолжается всю ночь и только затихаетъ за 3—4 часа до восхода солнца, послѣ чего шумъ разгорается съ новой силой.

Около 8-ми часовъ утра на кладбище, огороженное палисадомъ, начинаютъ сходиться жители того острова, гдѣ совершается обрядъ, а въ тоже время подъѣзжаютъ на лодкахъ съ пѣснями и при звукахъ раковинъ жители сосѣднихъ острововъ. Всѣ прибывшіе входятъ въ ограду торжественной процессіей, мужчины, вооруженные палицами и копьями, а женщины въ новыхъ „гнату" (куски матеріи изъ волоконъ тутоваго дерева), украшенныя красными лентами и гирляндами цвѣтовъ. Мужчины навѣшиваютъ ямсъ на длинныя толстыя жерди, кладутъ концы жердей на плечи двухъ человѣкъ и въ торжественной процессіи направляются къ могилѣ послѣдняго Туи-Тонга: они умышленно выступаютъ медленными шагами, дѣлая видъ, что ноша ихъ очень тяжела, чтобы показать, какъ милостивы боги, давшіе имъ такой обильный урожай и такой крупный и тяжеловѣсный ямсъ. Впереди процессіи идутъ два молодыхъ человѣка, трубящихъ въ раковины, а двое другихъ, также съ раковинами, замыкаютъ шествіе. Около могилы полукругомъ усаживаются начальники съ ихъ помощниками; головы ихъ наклонены, а руки сложены на груди. Процессія дефилируетъ между ними и могилой и описываетъ три или четыре круга, послѣ чего складываютъ передъ могилой ямсъ и усаживаются на землю. Тогда поднимается съ своего мѣста одинъ изъ „матабулей" (помощниковъ) Туи-Тонга, выходитъ впередъ, садится противъ могилы и говоритъ молитву, въ которой онъ обращается сначала ко всѣмъ богамъ, потомъ къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности и наконецъ къ покойному Туи-Тонга. Затѣмъ встаютъ снова всѣ присутствующіе, берутъ свой ямсъ, снова обходятъ нѣсколько разъ процессіей около могилы и наконецъ снимаютъ ямсъ съ жердей. Послѣ того приносятся всѣ остальныя жертвы, состоящія изъ двухъ плодовъ земли, сушеной рыбы, кусковъ матеріи, цыновокъ и проч. Одинъ изъ „матабулей" Туи-Тонга производитъ тогда дѣлежъ всего пожертвованнаго: четвертую часть онъ отдаетъ жрецамъ, а остальное дѣлитъ поровну между королемъ и Туи-Тонга. Затѣмъ начинается приготовленіе и питье любимаго, національнаго напитка, „кава", а въ это время одинъ изъ „матабулей" обращается къ народу съ рѣчью, въ которой онъ говоритъ, что, исполнивши свою священную обязанность, народъ можетъ разсчитывать на защиту и покровительство боговъ и на долгую жизнь.

Празднество заканчивается танцами, борьбой и кулачными боями.

Сходство этого обряда съ описанными нами обрядами евреевъ, литовцевъ, черемисъ и другихъ выше перечисленныхъ народовъ заключается 1) въ

томъ, что обрядъ приходится на вторую половину года, 2) онъ пріурочень ко времени созрѣванія и уборки плодовъ земныхъ, 3) совершенію обряда предшествуетъ еженощное трубленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней, 4) трубленіемъ же сопровождается самый обрядъ, 5) празднество имѣетъ національный характеръ, такъ какъ на него съѣзжаются люди съ далекихъ окрестностей, 6) жертва богамъ приносится изъ первыхъ плодовъ текущаго года, 7) торжество совершается только одинъ разъ въ годъ, 8) въ ряду другихъ торжествъ оно считается самымъ важнымъ или однимъ изъ самыхъ важныхъ, какъ „Великій" праздникъ у литовцевъ, 9) цѣль жертвы—испросить у боговъ покровительство земледѣлію, 10) кромѣ покровительства земледѣлію жертвователями ожидается въ видѣ награды за жертву долгая жизнь, о которой во время своихъ, соотвѣтствующихъ Полинезійскому „Начи", торжествъ гадаютъ евреи и мингрельцы и 11) празднество, также какъ черемисскій „сюрэмъ", заканчивается состязаніями въ силѣ и въ ловкости.

По времени своего совершенія (осеннее полугодіе), разбираемый нами обрядъ напоминаетъ кромѣ того Сиро-Финикійскій культъ Адониса, извѣстный также и грекамъ и олицетворявшій собою ежегодное умираніе и возрожденіе растительной силы на землѣ. Согласно греческому миѳу, Адонисъ, по волѣ Зевса, отъ весенняго до осенняго равноденствія живетъ въ высшихъ небесныхъ сферахъ съ богиней Афродитой и ежегодно умираетъ отъ вепря, высылаемаго его противникомъ, богомъ Аресомъ. На второе же осеннее полугодіе онъ переходитъ въ подземныя сферы, гдѣ живетъ съ богиней Прозерпиной, пока на весну снова не возвратится въ небесныя сферы. Празднества въ честь Адониса, называвшіяся у грековъ Адоніями, происходили въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи не одновременно, то въ началѣ лѣта, то во время жатвы, то наконецъ поздней осенью во время уборки плодовъ и винограда (268). Культъ этотъ, вѣроятно, былъ не безъизвѣстенъ и древнимъ евреямъ, судя по одному изъ титуловъ, которымъ они называли Бога: „Адонаи". А на знакомство съ тѣмъ же культомъ литовскаго народа намекаетъ приведенный нами выше обычай древнихъ Пруссовъ (народа литовскаго племени) ежегодно осенью разбивать статую своего божества Земеника и замѣнять ее новою.

Труба можетъ считаться этнографическимъ признакомъ, характернымъ для нѣкоторыхъ народныхъ группъ.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла мы видимъ, какую важную роль играла труба въ жизни человѣчества. Ей приписываютъ божественное происхожденіе, ее сохраняютъ въ качествѣ реликвіи или священнаго предмета въ хра-

махъ, звукъ ея считаютъ чудотворнымъ, имъ призываютъ въ храмъ. Трубою сопровождаются богослуженія, жертвоприношенія и религіозныя процессіи, восходъ и закатъ солнца, религіозныя празднества, приходящіяся на всѣ времена года и на всѣ мѣсяцы въ году, рожденіе ребенка, свадьбу, похороны и наконецъ главнѣйшія занятія человѣка, какъ скотоводство и земледѣліе. Словомъ, почти нѣтъ ни одного важнаго момента въ человѣческой жизни, который бы не сопровождался трубнымъ звукомъ. Причиной такого высокаго значенія трубы въ глазахъ человѣка были, конечно, ея мощные звуки, способные внушать страхъ живымъ существамъ, а слѣдовательно придавать извѣстную силу ея обладателю. Сила же во всѣхъ ея видахъ и во всѣ времена была предметомъ человѣческихъ желаній, стремленій и надеждъ. И такъ въ трубѣ и ея звукахъ человѣкъ высоко чтилъ ту силу, которую она ему давала. Но кто же были тѣ враги человѣчества, противъ которыхъ помогала ему эта сила? Были-ли то существа равныя ему въ умственномъ отношеніи или низшія, чѣмъ онъ? Послѣднее намъ кажется вѣроятнѣе. Дѣйствительно о многихъ народахъ древности намъ передаютъ, что ихъ нападенія сопровождались „ужаснымъ“ ревомъ трубъ, изъ примѣра Гедеона и Авіи мы видѣли, что благодаря трубамъ иногда выигрывались сраженія. Но дѣйствовалъ-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ устрашающимъ образомъ самый звукъ трубъ? Разумѣется нѣтъ: труба была страшна только потому, что извѣщала о нападеніи многочисленнаго и грознаго противника. Можетъ быть, и было когда-нибудь такое время, впервые послѣ изобрѣтенія трубы, когда народъ, сдѣлавшій это изобрѣтеніе, пользовался преимуществами надъ своими противниками, которымъ трубы еще не были извѣстны, но во всякомъ случаѣ время это не могло быть продолжительнымъ, каждый народъ могъ воспользоваться очевидными преимуществами, дававшимися трубой, такъ какъ матерьяла для постройки этого инструмента вездѣ много, а сдѣлать его себѣ по готовому образцу не особенно трудно. Слѣдовательно военныя свойства трубы, намъ кажется, были бы недостаточны для того, чтобы она пріобрѣла такое, какъ мы видѣли, высокое значеніе у человѣчества, близкое къ ея культу. Вѣрнѣе всего допустить, что труба въ самыя первобытныя времена оказала огромную помощь человѣку въ его борьбѣ съ хищниками животнаго царства, которые въ началѣ были опасны для самого человѣка, а позже для его домашнихъ животныхъ.

Какъ бы ни было, но сознавая извѣстную силу, пріобрѣтенную при помощи трубы, человѣкъ естественно стремился примѣнить этотъ инструментъ всюду, гдѣ только видѣлъ для себя враговъ. Испытавши могущество трубнаго звука надъ звѣрями и людьми, онъ думалъ устрашить тѣмъ же и своихъ невидимыхъ враговъ, бѣсовъ, которые въ первоначальномъ представленіи человѣка не были могучими безплотными духами, какъ мы знаемъ ихъ теперь,

а существами, одаренными плотью и кровью, но невидимыми по ихъ малой величинѣ, чѣмъ то вродѣ мелкихъ насѣкомыхъ.

Позже взглядъ на бѣсовъ измѣнился, ихъ стали считать духами безплотными, но обряды для ихъ изгнанія остались все тѣ-же. Трубный звукъ продолжаетъ считаться страшнымъ для всей нечистой силы, а игра на трубѣ дѣломъ богоугоднымъ.

И такъ въ трубѣ человѣкъ цѣнилъ ея мощный звукъ, но вѣдь извѣстны еще и другіе музыкальные инструменты, которые даютъ звукъ не менѣе сильный и далеко слышный, какъ напр. барабанъ, тарелки, тамъ-тамъ и колоколъ, или духовные инструменты вродѣ флейты и гобоя, звуки которыхъ хотя и уступаютъ трубѣ на далекомъ разстояніи, но на близкомъ чуть-ли не превосходятъ ее своей пронзительностью. Было бы интересно въ высшей степени прослѣдить сравнительное значеніе всѣхъ этихъ инструментовъ въ жизни человѣчества, но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета настоящей статьи, такъ какъ вопросъ этотъ весьма обширенъ, а потому мы ограничимся на этотъ разъ лишь нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

Металлическія ударные инструменты какъ тарелки, тамъ-тамъ и колоколъ по всей вѣроятности болѣе новаго происхожденія, чѣмъ труба, такъ какъ для ихъ производства нужны были металлы, а труба могла быть извѣстна человѣку еще въ каменный періодъ, когда металлы не были извѣстны. Слѣдовательно, инструменты эти, какъ болѣе новые, не могли отнять отъ трубы всей ея славы, укрѣпленной вѣками, также какъ не можетъ этого сдѣлать ни ружейный или пушечный выстрѣлъ, ни свистки локомотива, дающіе несравненно болѣе сильные звуки. Но все-таки значительную долю этой славы металлическіе ударные инструменты, какъ будетъ описано ниже, уже отняли, а мѣстами быть можетъ и совершенно вытѣснили трубу, занявши ея мѣсто, Что касается барабана, то онъ по своей древности врядъ ли уступаетъ трубѣ, а потому сплошь и рядомъ фигурируетъ вмѣстѣ съ нею и очень часто ее замѣняетъ. Кромѣ того, есть случаи, въ которыхъ съ трубою очень успѣшно конкурируютъ такіе же древніе, какъ труба, деревянные инструменты изъ рода флейтъ и гобоевъ и даже волынка. Такимъ образомъ, есть народы, которые въ своей религіозной жизни не пользуются иными инструментами кромѣ трубы, есть такіе, которые кромѣ трубы имѣютъ и другіе инструменты: ударные и духовые и, наконецъ, есть такіе, которые вовсе не признаютъ значенія трубы, но выше всего ставятъ барабаны, флейты или гобои. Если мы теперь обратимся къ тѣмъ моментамъ изъ жизни народовъ и къ тѣмъ приведеннымъ выше обрядамъ и обычаямъ, которые сопровождаются трубными звуками, то увидимъ, что въ массѣ случаевъ они вовсе не связаны съ трубами нераз-

рывно, такъ какъ трубные звуки замѣняются сплошь и рядомъ звуками другихъ инструментовъ или же просто шумомъ и криками.

Изъ всего собраннаго здѣсь матерьяла видно, что наибольшее распространеніе по земному шару труба имѣла въ качествѣ инструмента военнаго и сигнальнаго. На войнѣ ея громкіе звуки, повидимому, болѣе всего были необходимы для человѣка, а потому эта необходимость скорѣй всего могла вызвать заимствованіе и передачу трубы отъ народа къ народу. Но при всемъ томъ мы находимъ историческія свидѣтельства, что древніе греки, напримѣръ, заимствовали свою военную трубу сравнительно въ очень позднія историческія времена, а до тѣхъ поръ довольствовались на войнѣ киѳарами и флейтами. Кромѣ того, есть свидѣтельства о древнихъ Парѳянахъ, что у нихъ барабанъ былъ такимъ же національнымъ военнымъ инструментомъ, какъ у персовъ труба. Далѣе у арабовъ, у османовъ, у киргизъ и въ старинныхъ польскихъ войскахъ дудки изъ рода гобоевъ считаются военными инструментами наравнѣ съ трубами. У китайцевъ съ трубою въ качествѣ военнаго инструмента соперничаетъ гонъ-конгъ, а у австралійскихъ дикарей тамъ-тамъ. Да наконецъ и въ наше время въ европейскихъ войскахъ барабанъ пользуется совершенно одинаковыми правами гражданства съ трубой. Такимъ образомъ въ военномъ дѣлѣ труба не представляетъ собою единственнаго и неизбѣжнаго инструмента.

Но еще рѣже встрѣчается она въ качествѣ инструмента религіознаго. Даже у евреевъ, гдѣ уваженіе къ трубѣ граничило съ ея культомъ, рядомъ съ нею были употребляемы при богослуженіяхъ арфы или гусли. Тоже самое мы видимъ въ Индіи, гдѣ брамины пользуются трубой при своихъ религіозныхъ обрядахъ вмѣстѣ съ колокольчикомъ и у буддистовъ, гдѣ кромѣ трубы при храмахъ существуетъ много другихъ музыкальныхъ инструментовъ духовыхъ и ударныхъ. У древнихъ литовцевъ при жертвоприношеніяхъ кромѣ трубъ и роговъ употреблялись бубны, котлы и пищалки. У черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда при ихъ жертвоприношеніяхъ кромѣ трубы мы находимъ гусли и „пузырь“ (родъ волынки). Послѣдній инструментъ считается у нихъ даже священнымъ. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ, у лопарей, самоѣдовъ и другихъ арктическихъ народовъ сѣвернаго полушарія трубы вовсе нѣтъ, а роль священнаго инструмента играетъ знаменитый бубенъ шамановъ и т. д.

Какъ инструментъ для храмового благовѣста въ Европѣ и во многихъ странахъ Азіи, труба замѣняется колоколами, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, колотушками и трещетками. Тѣ же самые инструменты замѣняютъ колокола и во время такъ называемаго „поста колоколовъ“, какъ это при-

ходится наблюдать у поляковъ католиковъ Ломжинской губерніи Островскаго уѣзда и у бывшихъ уніатовъ Сѣдлецкой губерніи Родинскаго уѣзда.

Для ежедневнаго оповѣщанія жителей о восходѣ и закатѣ солнца у персіянъ, до сихъ поръ соблюдающихъ этотъ обычай, кромѣ трубы, употребляется еще барабанъ.

Выше мы приводили рядъ ежегодно совершаемыхъ и сопровождающихся трубой обрядовъ или прямо называемыхъ „изгнаніемъ бѣсовъ", или хотя не называемыхъ такъ, но вполнѣ имъ соотвѣтствующихъ. И вотъ у французовъ во время совершенія обряда „огней", кромѣ трубныхъ звуковъ, раздаются еще выстрѣлы, а у черемисовъ при „изгнаніи бѣсовъ" стрѣляютъ и шумятъ трещетками. Въ иныхъ мѣстностяхъ труба въ такихъ же случаяхъ даже вовсе отсутствуетъ и замѣняется: стрѣльбой и щелканьемъ бича — въ Эльзасѣ (269), игрой на дудкахъ — у малороссовъ (270), игрой на бубнахъ, сопѣляхъ и издѣліяхъ струнныхъ—въ старину у великороссовъ (271), трещеткой и скрипкой—у современныхъ чувашъ (272) и т. под.

Обрядъ трубленія въ Новый годъ, соблюдаемый у современныхъ евреевъ, имѣетъ также свои варіанты, въ которыхъ труба или отсутствуетъ или замѣняется другими музыкальными инструментами.

Такъ, въ Германіи въ Новый годъ стрѣляютъ изъ ружей и щелкаютъ хлыстомъ, чтобы отогнать злого духа; на Гарцѣ обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ „Новогодней стрѣльбы" (273). Кашубы въ Помераніи поднимаютъ адскій шумъ, чтобы прогнать старый годъ изъ своихъ деревень и съ полей (274).

У имеретинъ (275), грузинъ (276) и гурійцевъ (277) Новый годъ встрѣчаютъ стрѣльбой.

Въ Тибетѣ въ полночь послѣдняго дня стараго года молодые люди съ барабаннымъ боемъ выходятъ въ поля (278).

У Молдаванъ наканунѣ Новаго года молодежь ходитъ отъ дома къ дому со звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей и дружными криками (279).

Тоже самое можно сказать объ обычаѣ саксонскихъ нѣмцевъ и Тибетцевъ изгонять трубнымъ звукомъ злого духа, производящаго болѣзни. Идея изгнанія болѣзни шумомъ, повидимому, широко распространена по земному шару. Такъ на о-вѣ Мадагаскарѣ, по словамъ очевидца, для излеченія болѣзни считаютъ необходимымъ изгнать изъ заболѣвшаго злого духа ангатру, для чего бьютъ, что есть мочи, надъ ухомъ больного топорикомъ по клину, подвѣшенному на струнѣ (280). Въ западной Австраліи на обя-

занности лекаря лежитъ бѣгать кругомъ паціента и, уходя отъ него, стрѣлять, чтобы отпугнуть злыхъ духовъ (281) и т. под.

Вѣрованье чеховъ, что труба отгоняетъ грозовыя тучи, также не можетъ считаться оригинальнымъ, потому что существуетъ у многихъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, поляки думаютъ, что грозовыя облака тянутъ особые духи, называемые планетниками и что ихъ можно отогнать звономъ колоколовъ (282). Съ тою же цѣлью звонятъ въ колокола въ бельгійскомъ Люксембургѣ (283) и въ Эльзасѣ (284). У одного изъ южно-американскихъ племенъ гуайкурусовъ, предвидя бурю, мужчины вооружаются своими манканами и выходятъ изъ деревень, а женщины и дѣти, слѣдуя за ними, кричатъ изъ всѣхъ силъ, думая такимъ образомъ прогнать демона, который причиняетъ бурю (285).

Еще больше варіантовъ имѣетъ приведенный нами выше обычай негровъ съ береговъ Нигера отгонять съ трубою демоновъ или драконовъ, проглатывающихъ, по народному вѣрованью, луну во время ея затмѣнія. Такъ, напримѣръ, вангуаны восточной Африки въ томъ же случаѣ колотятъ въ металлическую посуду (286). Въ Константинополѣ производятъ шумъ при помощи чугуновъ, кострюль, котловъ и т. под. звонкой посуды (287). У Бессарабскихъ Гагаузовъ стрѣляютъ изъ ружей, стучатъ въ мѣдную посуду и всячески шумятъ. У Грузинъ—подымаютъ крикъ и стрѣляютъ изъ ружей (288). У Армянъ стрѣляютъ изъ ружей, звонятъ въ колокола, поднимаютъ шумъ и гамъ (289). Мусульмане Талтшинцы Ленкоранскаго уѣзда стучатъ въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей (290). У татаръ Шемаханскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ палкой въ мѣдные тазы и вообще поднимаютъ шумъ и гвалтъ (291). Удины православные и грегоріане с. Варташена Нухинскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей и шумятъ (292). У тюркскаго племени карагасовъ (въ Сибири) стрѣляютъ изъ ружей (293). Въ Китаѣ самъ императоръ бьетъ въ барабанъ. У Стіеновъ въ Камбоджѣ издаютъ дикіе крики. На о-вѣ Суматрѣ производятъ сильныя шумъ съ помощью различныхъ инструментовъ. Ирокезы въ Африкѣ кричатъ, шумятъ, стучатъ, бьютъ въ барабаны и стрѣляютъ изъ ружей. Караибы—кричатъ и шумятъ въ священную трещетку. Индѣйцы Чикитосы пускаютъ въ небо тучи стрѣлъ, сопровождая все это громкими криками. Нѣкоторыя племена сѣверной Мексики и полуострова Юкатана били своихъ собакъ и производили шумъ всякаго рода. Древніе Перуанцы также били своихъ собакъ, чтобы заставить ихъ выть. Гренландцы колотятъ въ котлы (294) и т. д.

Словомъ, повидимому, нѣтъ или почти нѣтъ такихъ обрядовъ, которые не были бы неразлучны съ трубою.

Вотъ почему мы думаемъ, что особое пристрастіе къ трубѣ и употребленіе

ея при тѣхъ или другихъ обрядахъ у какой-либо этнографической группы можетъ служить для нея характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ однѣхъ группъ и сближающимъ съ другими.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла видно, что труба широко распространена по земному шару за исключеніемъ развѣ сѣверной Сибири (295) и всѣхъ арктическихъ странъ. Однако, можно думать, судя по примѣру Польши, въ доброй половинѣ которой нѣтъ трубы въ народномъ употребленіи, всей Малороссіи, Гагаузовъ, у которыхъ на языкѣ нѣтъ даже слова для понятія труба, молдаванъ, болгаръ, древней Греціи, въ которой труба введена была въ историческія времена и проч., что труба распространяется по земному шару далеко не сплошь, а спорадически. Причемъ въ этомъ отношеніи сходны между собою такіе отдаленные народы какъ австралійцы съ литовцами, негры Гвинеи съ бурятами, американскіе индѣйцы съ французами и т. под., а въ тоже время отличаются такія близкія племена, какъ малороссы украинскіе и галиційскіе или поляки Ломжинской губ. и поляки же Петроковской губерніи.

Есть въ этомъ распространеніи трубы что-то какъ бы нанесенное извнѣ, неимѣющее ничего общаго съ родствомъ людей по цвѣту кожи, по строенію тѣла, по языку, по исторической судьбѣ и т. д.

Первое, что можетъ прійти въ голову при разсмотрѣніи, собраннаго нами матерьяла—это то, что труба могла быть изобрѣтена самостоятельно у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ она существовала или существуетъ. Но такому предположенію противорѣчатъ факты изъ области трубной техники. Такъ напримѣръ одинъ и тотъ же инструментъ, одинаковаго устройства, можно найти на огромныхъ пространствахъ. Трубы изъ слоновыхъ клыковъ съ мундштукомъ на боковой поверхности встрѣчаются на всемъ Африканскомъ материкѣ отъ Египта до мыса Доброй Надежды и отъ Занзибара до Гвинейскаго залива.

Раковины-трубы съ мудштукомъ на боковой поверхности можно найти по всей Полинезіи отъ Индійскаго Архипелага до Маркизовыхъ острововъ. Трубы съ мундштукомъ на концѣ распространяются по всей Европѣ, Азіи и Америкѣ. Прямую и длинную деревянную трубу въ Южной Америкѣ можно встрѣтить отъ Венецуелы черезъ всю Бразилію до Чили.

Мало того, если приглядѣться поближе къ собранному нами здѣсь матерьялу, то можно даже построить нѣсколько догадокъ о томъ, какими путями и въ какомъ направленіи одна часть свѣта вліяла на другую. Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ трубы-раковины, то ихъ центромъ была, повидимому, Индія, откуда онѣ распространились на востокъ въ Полинезію, но въ этой послѣдней съ Азіатскимъ вліяніемъ столкнулось Африканское, такъ какъ раковины имѣютъ здѣсь боковое мундштучное отверстіе, составляющее характерную особенность трубъ Африканскаго материка. Обратнаго же вліянія со сто-

роны Полинезіи въ сторону Африки незамѣтно, такъ какъ трубы-раковины дальше о-ва Мадагаскара въ Африкѣ не распространяются. Что касается южной Европы, то общность ея съ Индіей въ этомъ отношеніи очевидна, хотя эти мѣстности раздѣлены между собой передней Азіей, въ которой раковинъ-трубъ не было.

Наконецъ, центральная Америка, къ немалому нашему удивленію, въ отношеніи трубъ обнаруживаетъ близость не съ Австраліей, какъ-бы того слѣдовало ожидать, а со старымъ свѣтомъ, такъ какъ расположеніе мундштучнаго отверстія во всей Америкѣ одинаково съ Европейскимъ и Азіатскимъ, за исключеніемъ Сѣверо-восточнаго угла южной Америки, которая по своему боковому мундштучному отверстію сходна съ Африканскимъ материкомъ (табл. 1 №№ 3, 7 и 8).

Такъ что, если труба возникла самостоятельно въ нѣсколькихъ пунктахъ земного шара, то пунктовъ этихъ могло быть сравнительно очень немного.

Въ томъ же убѣждаетъ насъ сравненіе между собою названій для трубъ, встрѣчающихся на разныхъ концахъ земного шара. Повидимому большинство этихъ названій происходятъ изъ нѣсколькихъ звукоподражательныхъ корней:

Такъ напримѣръ цѣлый рядъ названій для трубы происходитъ отъ корня кр.: у древнихъ евреевъ и абисинцовъ: керенъ, греч. keras, кельтск. karnix, латинск. cornu, итальян. corno, француз. corne, нѣмец. и англійск. horn, таранчинск. карнай, киргизекое корней, османское цурна, индійск. carnal, японск. hora.

Отъ другого корня *тр:* итал. tromba, франц. trompette, нѣм. Trompette, англ. trumpet, чешск. trouba, русск. труба, польск. trąba, галиц. трембита или трубета, средневѣков. европ. taurea, латыш. taure, остъ-индск. tare, tutare, turl, tarai, южно-америк. ture.

Отъ корня *бр:* инд. buri, bhere, bherubnathi, монгольское бурѣ.

Отъ корня *рг, рк:* русск. рогъ, латышск. rax.

Отъ корня *tud:* индійск. tuda, русск. туда, чувашск. тудутъ.

Отъ корня бук, буц, пуц: латин. buccina, франц. busine, buisine, испан. bozina, старонѣмец. pusine, новонѣмец. busaune, черемиск. пуцо, путъ, Филип. остров. budiong, южн. Америк. batuto, греч. βυκανη, грузинск. и имерет. буки, армянс. pogh peghenstia, индійск. punga.

Отъ корня *кб:* индійск. kombee, kombu, осман. кабу-цурна и т. д.

Но что труба переносилась по земному шару съ мѣста на мѣсто, болѣе всего убѣждаетъ насъ сравненіе между собою обычаевъ и обрядовъ, соединенныхъ съ ея употребленіемъ, изложенное въ началѣ настоящей главы.

И такъ невозможно отрицать, что между народами земного шара относительно трубы и, связанныхъ съ нею, обычаевъ существуетъ нѣкоторая общность. Вопросъ только въ томъ, какъ себѣ ее объяснить. У насъ для такого рода фактовъ есть только два объясненія: 1) прямое заимствованіе отъ сосѣдей и 2) заимствованіе черезъ купцовъ. Объяснить такимъ образомъ передачу самого инструмента еще кое-какъ возможно, но понять распространеніе тѣмъ же путемъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ уже гораздо труднѣе, зная какъ всѣ народы консервативны и какъ цѣпко они держатся за свою родную старину. Однако, дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе сложныя и и запутанныя явленія, понять которыя при вышеизложенномъ способѣ объясненія уже совершенно невозможно. Какъ, напримѣръ, объяснить распространеніе одинаковыхъ обычаевъ не между сосѣдними народами, а между такими, которые говорятъ совершенно на различныхъ языкахъ, отдѣлены между собою тысячами верстъ и живой стѣной изъ другихъ народовъ, такихъ обычаевъ неимѣющихъ. Или какъ объяснить заимствованіе тѣмъ же путемъ и при такихъ же условіяхъ обычаевъ не одного какого-либо рода, а цѣлаго ряда обычаевъ самыхъ разнородныхъ, цѣлой комбинаціи ихъ, составленной какъ бы совершенно случайно. Рядъ такого рода трудно объяснимыхъ фактовъ мы и намѣреваемся привести въ слѣдующей главѣ.

Загадочныя параллели.

Есть не мало скептиковъ, даже среди людей, занимающихся этнографіей, которые не ждутъ большой пользы отъ сравнительнаго изслѣдованія такъ называемыхъ международныхъ сказочныхъ темъ, вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч. Для нихъ вовсе не кажется страннымъ, совпаденіе хотя бы даже въ мельчайшихъ подробностяхъ вѣрованій, обычаевъ и темъ у народовъ самыхъ отдаленныхъ между собою по языку и раздѣленныхъ морями и океанами. Человѣчество въ ихъ глазахъ представляется настолько однообразнымъ психически, что отдѣльные его народы и племена должны были совершенно независимо, безъ всякихъ международныхъ сношеній прійти къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ, обрядамъ и обычаямъ. Но есть однако случаи, въ которыхъ даже эти скептики не могутъ объяснить международную общность только однообразной организаціей психической природы человѣка. Сюда относится вопросъ о человѣческихъ языкахъ. Ни одинъ самый отчаянный приверженецъ теоріи машинообразнаго дѣйствія человѣческой психики не могъ бы допустить, напримѣръ, что такіе, близкіе между собой языки, какъ русскій и польскій, нѣмецкій и голландскій, французскій и итальянскій могли возникнуть совершенно самостоятельно, независимо другъ отъ друга и только слу-

чайно сойтись между собою на однихъ и тѣхъ же корняхъ и грамматическихъ формахъ. Спрашивается: что же именно въ этомъ случаѣ заставляетъ принимать за неоспоримый фактъ общее происхожденіе изъ одного источника такихъ близкихъ между собою языковъ? Отчего, принимая у всего человѣчества однообразную психическую организацію, мы неможемъ однако ни на минуту допустить, чтобы два народа, живя совершенно отдѣльно другъ отъ друга и вырабатывая самостоятельно свои языки, могли бы сойтись на ихъ корняхъ и формахъ такъ близко, какъ сходится напримѣръ русскій народъ съ польскимъ? Ясно, что здѣсь играетъ роль прежде всего огромная сложность такого психическаго явленія какъ народный языкъ. А слѣдовательно, если мы находимъ у двухъ или нѣсколькихъ народовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ ихъ историческихъ судьбахъ, общія вѣрованья, обряды и обычаи, то мы до тѣхъ только поръ можемъ сомнѣваться въ доисторической общности этихъ народовъ, пока ихъ общія вѣрованья, обряды и обычаи не очень сложны, но какъ только сложность этихъ этнографическихъ признаковъ увеличится, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и вѣроятность ихъ общаго происхожденія.

Вотъ этотъ-то законъ и даетъ въ руки этнографа изслѣдователя ключъ къ мысленному проникновенію въ такія отдаленныя эпохи изъ минувшей жизни народовъ, о которыхъ исторія не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Путей къ такого рода изслѣдованіямъ можетъ быть очень много, но мы хотимъ указать здѣсь на одинъ изъ нихъ, который, какъ намъ кажется можетъ привести къ очень плодотворнымъ результатамъ. Изслѣдователи должны прежде всего собрать свѣдѣнія о какомъ-либо международномъ вѣрованьи подобно тому, какъ мы собрали здѣсь свѣдѣнія о трубахъ. При этомъ по отношенію къ данному вѣрованью человѣчество раздѣлится на двѣ части: одна — несомнѣнно имѣющая у себя искомое вѣрованье, а другая — его не имѣющая. Вотъ—первый шагъ по пути подобнаго рода изслѣдованій.

Если обратиться къ трубѣ и обычаямъ, съ нею соединеннымъ, то при помощи собранныхъ здѣсь свѣдѣній мы можемъ раздѣлить все человѣчество на двѣ большія группы: 1) народы, имѣющіе у себя трубу и пользующіеся ею для разныхъ своихъ цѣлей и 2) на народы, неимѣющіе трубы и не пользующіеся ею. Назовемъ первую изъ этихъ группъ—А.

Сдѣлать предположеніе, что у всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ группы А, труба могла быть изобрѣтена самостоятельно еще до нѣкоторой степени возможно, хотя не безъ натяжки, но при дальнѣйшемъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ собраннымъ нами матерьяломъ такое предположеніе, какъ мы увидимъ, становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ.

Если мы сличимъ между собою вѣрованья, соединенныя съ трубой, у

народовъ, входящихъ въ группу А, то увидимъ что эти народы можно снова подраздѣлить на двѣ группы по сходству въ деталяхъ ихъ вѣрованій и обычаевъ. Напримѣръ, мы получимъ: 1) такіе народы, у которыхъ есть религіозное уваженіе къ трубѣ и 2) такіе, у которыхъ никакого религіознаго уваженія къ этому инструменту не имѣется.

Если мы назовемъ первую изъ этихъ новыхъ группъ черезъ В, то увидимъ вопервыхъ, что группа В меньше группы А, а во вторыхъ, что вѣроятность доисторической общности между народами, входящими въ группу В стала больше, чѣмъ она была для народовъ группы А, такъ какъ между народами группы А общею была только одна черта: пользованіе трубою, тогда какъ между народами группы В есть уже двѣ общія черты: 1) пользованіе трубою и 2) религіозное уваженіе къ трубѣ.

Если мы тѣмъ же порядкомъ снова подраздѣлимъ группу В на двѣ новыя группы напримѣръ на такую, въ которой приняты исключительно прямыя трубы и такую, въ которой имѣются кромѣ прямыхъ еще и изогнутыя, то получимъ еще новую группу С, которая будетъ менѣе В, но у которой вѣроятность доисторическаго общенія народовъ, входящихъ въ группу, еще болѣе увеличится и т. д.

Слѣдовательно, если мы для сравненія между собою народовъ по отношенію ихъ къ какому-либо общему обычаю будемъ вводить одну общую черту за другой, то будутъ получаться все меньшія и меньшія группы, а вѣроятность до историческаго общенія между народами въ этихъ группахъ будетъ становиться все болѣе и болѣе и изъ области предположеній будетъ все болѣе и болѣе передвигаться въ область неоспоримыхъ фактовъ.

Разсуждая подобнымъ же образомъ, мы могли бы дойти въ концѣ концовъ и до той небольшой группы народовъ, между обычаями которыхъ, связанныхъ съ трубой, сравненіе было сдѣлано нами выше, мы говоримъ: о евреяхъ, литовцахъ, полякахъ (губерній: Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой), русскихъ (губерн. Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской), черемисахъ, мингрельцахъ и тибетцахъ. Между народами этой группы сходство по отношенію къ вѣрованьямъ, соединеннымъ съ трубой, оказалось такъ велико, что мы считаемъ себя въ правѣ искать между ними и другія сходственныя черты, ничего общаго съ трубой не имѣющія. И дѣйствительно, ниже мы увидимъ нѣсколько поистинѣ странныхъ загадочныхъ паралелей въ числѣ этнографическихъ признаковъ этихъ народовъ.

Легко понять, что если бы мы подобнымъ же образомъ изслѣдовали и другія международныя вѣрованья, то получили бы рядъ народныхъ группъ, между которыми были несомнѣнныя близкія сношенія въ доисторическія вре-

мена, а это открыло бы передъ нами широкую картину доисторической жизни народовъ.

Переходя затѣмъ къ параллелямъ между обычаями евреевъ, литовцевъ, поляковъ (Плоцкой, Варшавской, Ломжинской и Сѣдлецкой губ.), русскихъ (Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ.), черемисъ, мингрельцевъ и тибетцевъ, мы должны предупредить читателей, что мы не занимались подробнымъ сравнительнымъ изученіемъ этнографическаго матерьяла всѣхъ перечисленныхъ здѣсь народовъ и взяли для сравненія только такія общія имъ черты, которыя такъ сказать слишкомъ бросались въ глаза, а потому и подборъ такихъ чертъ получился совершенно случайный. Кромѣ чертъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ взятымъ нами здѣсь народамъ, мы между прочимъ обратили вниманіе и на такія, которыя общи только двумъ или тремъ изъ нихъ.

У большинства народовъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторые излюбленные цвѣта въ одеждѣ или въ украшеніяхъ, у одного—бѣлый, у другого красный, у третьяго—синій, зеленый, желтый и т. д. У европейскихъ народовъ нашего времени цвѣтъ одежды и украшеній сдѣлался предметомъ моды. Измѣнчивая мода не только выдвигаетъ по произволу то тотъ, то другой цвѣтъ, отдавая ему временное преимущество надъ другими и называя его моднымъ, но даже отъ времени до времени придумываетъ новые цвѣта или лучше сказать оттѣнки цвѣтовъ. А потому мы уже привыкли смотрѣть на цвѣтъ одежды только съ точки зрѣнія его красоты. Но есть и въ нашей жизни такіе случаи, когда всесильная мода принуждена бываетъ сообразоваться съ народными вѣрованьями. Такъ, напримѣръ, никакая мода не въ состояніи была бы измѣнить цвѣтъ нашихъ траурныхъ костюмовъ, хотя цвѣтъ траура вещь совершенно условная: мы знаемъ что у нѣкоторыхъ народовъ траурнымъ цвѣтомъ считается бѣлый, а у другихъ синій и даже желтый. Точно также мода не пытается измѣнить цвѣта свадебнаго костюма невѣсты, всегда бѣлаго, хотя привычка къ употребленію этого цвѣта на свадьбѣ не имѣетъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ какихъ-то древнихъ, совершенно забытыхъ вѣрованій. Если же отъ европейскаго интеллигентнаго общества обратиться къ простолюдинамъ, то тамъ мы найдемъ несравненно болѣе подобныхъ привычекъ къ извѣстнымъ цвѣтамъ, сдѣлавшихся для народа второй натурой. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ цвѣту народнаго костюма, то мы найдемъ огромныя области, гдѣ преобладаетъ красный цвѣтъ и другія, гдѣ преобладающимъ цвѣтомъ является черный, бѣлый или синій. Отсюда берутъ свое начало такъ называемые національные цвѣта. Но кромѣ національныхъ цвѣтовъ есть еще цвѣта религіозные, составляющіе отличительный признакъ, какъ бы знамя, для людей, принадлежащихъ къ одной религіи или же считающихся любимымъ цвѣтомъ того или другого божества. Очень понятно, что привычка къ

такому цвѣту, предписываемому религіей, укрѣпляясь въ народѣ цѣлыми столѣтіями, впослѣдствіи дѣлалась для него второй натурой и не легко было народу отдѣлаться отъ нея даже и въ томъ случаѣ, если онъ перемѣнялъ свою религію. Вотъ почему намъ кажется, что предпочтеніе, отдаваемое народомъ той или другой мѣстности какому-либо цвѣту должно быть интересно для этнографа, такъ какъ происхожденіе его въ большинствѣ случаевъ беретъ свое начало изъ глубочайшей древности.

Шарль Летурно (297) говоритъ, что „во всѣхъ мѣстахъ земного шара человѣкъ для украшенія себя употреблялъ яркіе цвѣта. Въ этомъ отношеніи всѣмъ человѣчествомъ единогласно отдается предпочтеніе красному цвѣту. Однако, прибавляетъ тотъ же авторъ, существуютъ и исключенія"... Далѣе онъ перечисляетъ народы, у которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Къ такимъ народамъ принадлежатъ между прочимъ и евреи, хотя г. Летурно о нихъ вовсе не упоминаетъ. Особенно уважался голубой цвѣтъ у древнихъ евреевъ, какъ это видно изъ книги исхода (гл. 25). Передъ постройкой скиніи Богъ приказалъ Моисею принимать отъ сыновъ Израилевыхъ разный матерьялъ для нея и между прочимъ „шерсть голубую, пурпуровую и червленную". Говоря объ этихъ трехъ родахъ шерсти и перечисляя разныя составныя части и принадлежности скиніи, которыя должны быть изъ нихъ сдѣланы, Библія, отличающаяся точностью своихъ выраженій, на первомъ планѣ вездѣ ставитъ шерсть голубую. Такимъ образомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ шерсти были сдѣланы (гл. 26): 1) 10 покрывалъ, составляющихъ скинію, 2) два завѣса у входа въ скинію, 3) Эфодъ (часть одежды Аарона), 4) Поясъ Эфода и 5) Наперсникъ (нагрудникъ) судный, а изъ одной голубой: 1) Петли къ покрываламъ, изъ которыхъ была составлена скинія (гл. 26), 2) Шнуръ, прикрѣпляющій наперсникъ къ кольцамъ Эфода (гл. 28), 3) Верхняя риза къ Эфоду (гл. 28) и 4) Шнуръ, прикрѣпляющій золотую дощечку съ надписью: „Святыня Господня" къ Кидару (головному убору первосвященника) (гл. 28). Кромѣ того верхній покровъ скиніи былъ сдѣланъ изъ синихъ кожъ (гл. 26).

Что касается одежды древнихъ евреевъ, не священниковъ, то каждый изъ мужчинъ къ четыремъ концамъ своего плаща долженъ былъ пришивать кисти (цыцэс) обязательно голубаго цвѣта („схелес"), которыя назывались „кистями видѣнія" и служили какъ бы національнымъ отличительнымъ признакомъ еврея. Впослѣдствіи этотъ плащъ (онъ называется Талэс) сталъ носиться евреями только во время молитвы, а кисти были перенесены съ него на такъ называемый Талэс Кутонъ, т. е, Малый Талэсъ, съ которымъ еврей почти не долженъ разставаться (благочестивые евреи даже спятъ въ немъ). Въ настоящее время 4 кисти Талэсъ Кутона, изъ 7-ми нитей каждая, стали

дѣлаться уже не голубаго, а бѣлаго цвѣта, но авторы Талмуда знаютъ ихъ еще голубыми. Такъ, напримѣръ, въ Талмудѣ поднимался вопросъ о томъ, избавляетъ ли плащъ, окрашенный цѣликомъ въ голубой цвѣтъ, отъ необходимости имѣть кисти на немъ непремѣнно голубыя и былъ рѣшенъ отрицательно.

Въ жизни современныхъ евреевъ въ особенности русскихъ голубой и синій цвѣта, повидимому, не играютъ никакой или почти никакой роли, по крайней мѣрѣ, они не являются преобладающими. Такъ у А. С. Дембовецкаго (298), описавшаго бытъ Могилевскихъ евреевъ, мы находимъ объ этомъ вопросѣ краткія замѣтки, которыя, впрочемъ, ничего не говорятъ о преобладаніи синяго или голубого цвѣтовъ. Мы узнаемъ здѣсь, что до 1845-го года евреи въ Россіи носили бѣлые или синіе чулки, что пуховыя перины и подушки у современныхъ Могилевскихъ евреевъ дѣлаются изъ синяго ситца, а ихъ бѣлое молитвенное покрывало (Талэсъ) обшивается по краямъ тремя полосами синяго цвѣта. Наконецъ, сами мы, наблюдая домашній и общественный бытъ евреевъ преимущественно въ Волынской губерніи, встрѣчали синяго или голубого цвѣта: 1) тѣ полосы по краямъ „Талэса", о которыхъ говоритъ г. Дембовецкій; 2) занавѣсъ кивота, въ которомъ хранятся свитки Торы; 3) такъ-называемыя „рубашечки" или чехлы, въ которыхъ сохраняются самые свитки и 4 платки, обыкновенно составляющіе собственность синагоги, которыми женихи на еврейскихъ свадьбахъ накрываютъ, по обряду, голову своихъ невѣстъ. Но всѣ эти предметы намъ приходилось встрѣчать и другихъ цвѣтовъ; занавѣси и „рубашечки" Торы—темно-коричневаго цвѣта, полосы на краяхъ Талэса—чернаго, а свадебные платки бѣлаго цвѣта. Знатоки еврейскихъ законовъ и обычаевъ, спрошенные нами по этому поводу, дали слѣдующія небезъинтересныя свѣдѣнія: „дѣйствительно, говорили они, у древнихъ евреевъ голубой цвѣтъ, называвшійся по древне-еврейски „Схелесъ" (что по научному словарю Штетберга значитъ: „конецъ видимаго міра, туманная даль, глубь небеснаго свода, синева, лазурь небесная, а отсюда пряжа синяго цвѣта"), игралъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь у насъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библіи слово „схелесъ" передано словомъ „желтый", но это совершенно невѣрно: въ Талмудѣ (трактатъ Babamezia 61) разсказывается, что фарисеи, чтобы показать народу свое благочестіе, носили въ изобиліи части одежды синяго цвѣта, но при этомъ фальсифицировали очень дорогую краску цвѣта „схелесъ", предписанную закономъ, при помощи индиго. Кромѣ того, въ сборникѣ легендъ, изданномъ на древне-еврейскомъ языкѣ Шульманомъ, приводится на этотъ счетъ очень интересная легенда, такого содержанія:

„Дѣло происходило въ Іерусалимѣ. Одинъ весьма ученый раввинъ си-

дѣлъ въ синагогѣ, углубившись въ свои ученыя занятія, какъ вдругъ является туда же его знакомый и сообщаетъ раввину, что въ его домѣ случилось какое-то несчастіе (по однимъ варіантамъ заболѣла жена раввина, по другимъ— его ребенокъ). Пораженный извѣстіемъ, раввинъ стремительно побѣжалъ домой, не успѣвъ даже въ попыхахъ снять надѣтаго на него въ эту минуту Талэса. По дорогѣ встрѣтилъ его арабъ духовнаго званія и, замѣтивъ на раввинѣ плащъ синяго цвѣта, счелъ свою религію оскорбленной, такъ какъ синій цвѣтъ составляетъ исключительную принадлежность потомковъ Магомета. Арабъ выхватилъ ножъ и съ яростью бросился на разсѣяннаго и глубоко опечаленнаго раввина. Холодная сталь уже готова была вонзиться въ сердце несчастнаго, но по волѣ Провиденія, рука убійцы мгиовенно парализировалась, и благочестивый раввинъ былъ спасенъ чудомъ отъ неминуемой смерти".

Въ Талмудѣ же мы находимъ объясненіе, почему у современныхъ евреевъ голубой цвѣтъ пересталъ играть выдающееся значеніе, а именно въ трактатѣ „Менахотъ" 44) говорится, что голубой цвѣтъ (схелесъ) приготовлялся изъ крови рыбы, извѣстной подъ именемъ „алузэнъ". Рыба эта будто бы появлялась въ 70 лѣтъ разъ и составляла потому большую рѣдкость; это обстоятельство, будто бы и заставило позднѣйшихъ законодателей еврейскаго народа освободить его отъ обязательнаго ношенія „цыцэсъ" синяго цвѣта и разрѣшить для ношенія кисти изъ бѣлой пряжи. Интересно, что нѣкій цадикъ (благочестивый), по имени Гершонъ Генохъ, недавно умершій, родомъ изъ гор. Радзина, Сѣдлецкой губ., утверждалъ, что ему удалось найти въ одномъ акваріумѣ въ Италіи рыбу „халузэнъ". По возвращеніи домой онъ сталъ приготовлять на продажу эту краску, чѣмъ занимаются и до настоящаго времени наслѣдники и приверженцы этого цадика (цѣлая секта) и носятъ „цыцэсъ" не бѣлаго, а голубого цвѣта. Весьма вѣроятно, что со стороны цадика вся эта выдумка была чистой мистификаціей, сочиненной лишь для „хорошаго гешефта", но она характеризуетъ благоговѣйное отношеніе религіозныхъ евреевъ къ голубому цвѣту".

Если у русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ голубой цвѣтъ въ одеждѣ встрѣчается, сравнительно, рѣдко, то у ихъ азіатскихъ и африканскихъ единовѣрцевъ, повидимому, кое-что сохранилось по этой части отъ библейскихъ временъ. Такъ, напримѣръ, китайскіе евреи, живущіе въ городѣ Койфынъ (главномъ въ провинціи Хэ-нань) извѣстны китайцамъ подъ именемъ синихъ мусульманъ по цвѣту шапокъ ихъ раввиновъ (300). А Алжирскіе и Тунисскіе евреи зимою носятъ „длинный круглый плащъ синяго цвѣта" (301).

О синемъ цвѣтѣ у литовцевъ мы узнали кое-что отъ латышскаго этно-

графа, г. Новицкаго, который на латышской этнографической выставкѣ, бывшей въ г. Ригѣ въ 1896-мъ году, состоялъ однимъ изъ главныхъ ея распорядителей, а въ настоящее время завѣдуетъ латышскимъ этнографическимъ музеемъ въ томъ же городѣ. Показывая намъ на выставкѣ ткацкія издѣлія своего народа, въ которыхъ преобладали красный и зеленый цвѣта, г. Новицкій замѣтилъ, что эти два цвѣта настолько же характерны для латышей, какъ синій для ихъ ближайшихъ сосѣдей литовцевъ, а потому латыши считаютъ этотъ послѣдній цвѣтъ отличительнымъ признакомъ для литовца. Кромѣ того, у Д. Афанасьева (302) мы находимъ сообщеніе, что „обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты (у литовцевъ) составляетъ синій суконный кафтанъ, что богатыя женщины литовки въ уѣздахъ Вилькомирскомъ и Новоалександровскомъ „даже и въ будни носятъ юбки изъ тонкой голубаго цвѣта шерстяной матеріи, а мужчины литовцы носятъ кафтанъ, называемый кумала изъ льняной, смѣшанной съ шерстью ткани, подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ“.

Въ Забужской Руси, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ, какъ было описано выше, сохранился обычай трубить въ трубу, намъ приходилось бывать лично во многихъ селахъ и деревняхъ для собиранія этнографическаго матерьяла, а потому мы можемъ привести здѣсь наши личныя наблюденія. Въ этой мѣстности старинные народные костюмы крестьянъ исчезаютъ можно сказать съ каждымъ днемъ, замѣняясь полугородскимъ костюмомъ, общимъ почти всему Царству Польскому. Но намъ удалось кое-гдѣ оазисами встрѣчать здѣшній старинный костюмъ во всѣхъ четырехъ русскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскомъ, Радинскомъ, Бѣльскомъ и Влодавскомъ. Мѣстами онъ сохранился еще и у молодежи, какъ напримѣръ во Влодавскомъ уѣздѣ, а чаще носится людьми пожилыми или стариками (въ остальныхъ трехъ уѣздахъ). Костюмъ этотъ, впрочемъ, распространяется отсюда далеко во всѣ стороны, на востокъ въ Гродненскую, Минскую и Витебскую губернію, на югъ въ сѣверную часть Волыновой губерніи, въ Люблинскую и Кѣлецкую и, наконецъ, на западъ въ другіе уѣзды Сѣдлецкой губерніи: Луковскій и Сѣдлецкій. О распространеніи этого костюма въ западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и о различныхъ его видоизмѣненіяхъ по мѣстностямъ мы имѣемъ довольно обширный матерьялъ и намѣреваемся напечатать его въ отдѣльной статьѣ, теперь же опишемъ его лишь въ общихъ чертахъ. Мужчины носятъ сверхъ сорочки короткіе полукафтаны (съ рукавами) изъ бураго или чернаго сукна, по здѣшнему „кàбаты“, а сверхъ нихъ надѣваютъ длинные кафтаны такого же сукна, носящіе различные названія по мѣстностямъ, какъ-то: сукманы, свиты, кафтаны и проч. На головѣ шапка съ барашковымъ околышемъ (чернымъ) и съ верхомъ о четырехъ углахъ,

какъ у польской конфедератки или у нашей кучерской шапки. У женщинъ „кабаты“ замѣняются кофтами изъ чернаго же сукна, а верхняя одежда (сукманъ) совершенно такая же, какъ у мужчинъ. Характерной особенностью такого костюма для насъ являются его украшенія: онъ обшивается по всѣмъ швамъ, по борту, по воротнику, по рукавамъ и по обшлагамъ голубыми шерстяными шнурками, а иногда кромѣ того украшаются на груди шнурками того же цвѣта, идущими поперекъ груди (какъ у гусаръ). Верхъ шапки дѣлается изъ голубого сукна. Такой костюмъ намъ приходилось, напримѣръ, встрѣчать на праздникѣ въ Лѣсненскомъ монастырѣ Константиновскаго уѣзда на крестьянахъ того же уѣзда, приходившихъ въ монастырь на богомолье. Въ Радинскомъ уѣздѣ онъ сохранился уже только у стариковъ, мы видѣли его въ селахъ: Дрелевѣ, Рудно, Радче, Гусѣ, Яблонѣ, Давидахъ и Оссовѣ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ онъ существуетъ въ с. Кіёвцѣ, въ Межилѣсьи, Долгобродахъ, Ганнѣ и Кузовкѣ, а во Влодавскомъ въ селахъ: Орховекъ, Оконники и Вырыки (гмины Шиминна). Такой же костюмъ за исключеніемъ шапокъ съ голубымъ верхомъ мы видѣли на крестьянахъ Гродненской губ. Брестскаго уѣзда, бывшихъ на богомольи въ Лѣсненскомъ монастырѣ, они были изъ слѣдующихъ волостей: Мотыкальской (Чилѣево и Тюхеничи), Каннежуровской (Пугачово), Половецкой (Бобровка и Ставище), Лыщицкой (Лыщицы, Яцковичи и Подгубятичи), Мѣдянской, Домачевской, Приборовской и Ольшанской. Такіе же голубые канты (по здѣшнему „куснычки“) съ прибавкою красныхъ есть въ Волчанской волости (Гожевичи) и въ Лыщицкой (Кустынъ).

Кромѣ того въ селахъ Ганна и Долгоброды Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. молодые парни свои соломенныя шляпы украшаютъ по тульѣ непремѣнно голубой лентой, концы которой свѣшиваются на спину. Далѣе въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. въ селахъ: Руднѣ, Радчѣ, Дрелевѣ и Оссовѣ всѣ мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти носятъ штаны изъ домотканной матеріи ярко-голубого цвѣта. Тамъ же, въ Радиканскомъ уѣздѣ, а кромѣ того въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ мы собирали для Петербургскаго этнографическаго музея (при Академіи Наукъ) образцы домотканныхъ матерій и въ нихъ преобладающимъ былъ синій цвѣтъ. Но особенно сильнымъ пристрастіемъ къ синему и голубому цвѣту въ разсматриваемой нами мѣстности отличаются села Сѣдлецкой и Гродненской губерній, прилегающія къ рѣкѣ Бугу, выше города Брестъ-Литовска. Здѣсь существуетъ обычай подсинивать все бѣлье какъ мужское, такъ и женское, носимое и постельное и даже полотняные мѣшки, употребляемые въ хозяйствѣ; синятъ все это такъ сильно, что полотно представляется не бѣлаго, а голубого цвѣта. Въ особенности цвѣтъ этого бѣлья бросается въ глаза на праздникѣ въ гор. Холмѣ

(8-го Сентября), гдѣ Бѣльскіе и Влодавскіе крестьяне изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Бугу, рѣзко выдѣляются изъ остальной толпы богомольцевъ голубымъ цвѣтомъ своего бѣлья. Здѣсь же кромѣ того принято вышивать мужскія и женскія рубашки на груди на плечахъ и на рукавахъ, и вышивки эти дѣлаются исключительно нитками голубаго и чернаго цвѣта. Но любовь здѣшнихъ крестьянъ къ синему цвѣту не ограничивается одной одеждой: если кто нибудь изъ болѣе состоятельныхъ жителей села надумаетъ покрасить косяки и рамы своихъ оконъ и ихъ ставни, то краситъ ихъ не иначе, какъ въ голубой цвѣтъ. Послѣднее явленіе кромѣ мѣстностей, прилегающихъ къ р. Бугу съ обѣихъ сторонъ, мы встрѣчали еще и въ Радинскомъ уѣздѣ. Любопытно, что даже при раскопкахъ въ селѣ Чекановѣ Сѣдлецкой губерніи были найдены въ могилахъ бусы бѣлаго, синяго и близкаго къ синему фіолетоваго цвѣта (303). Быть можетъ, что такіе бусы служили въ древности амулетомъ, такъ какъ и теперь еще евреи, греки, армяне и мусульмане въ Турціи вѣшаютъ на шею своихъ новорожденныхъ и пришиваютъ на ихъ колпачки разныя мелкія изображенія изъ голубого стекла какъ предохранительное средство отъ „дурного глаза" (304).

Что касается синяго цвѣта въ одеждѣ Волынской губерніи, то мы, собирая этнографическій матерьялъ въ этой губерніи, находили тамъ синій цвѣтъ только въ сѣверо-западномъ ея углу, въ уѣздахъ: Владиміро-Волынскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ и отчасти въ Кременецкомъ. Въ Луцкомъ и Кременецкомъ уѣздахъ встрѣчаются такія же какъ въ Гродненской и Сѣдлецкой губерніяхъ черныя „світы" съ голубыми кантами, а въ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—бѣлыя „світы" тоже съ голубыми канатами, но только преимущественно у женщинъ, тогда какъ у мужчинъ встрѣчаются и бурыя „світы" съ красными кантами и сѣрыя съ черными. Кромѣ того въ Ковельскомъ уѣздѣ намъ случалось видѣть у крестьянъ зимнія черныя барашковыя шапки („кучмы"), съ ярко-голубымъ суконнымъ верхомъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, также какъ и вездѣ въ Малороссіи, излюбленнымъ цвѣтомъ, какъ для украшенія одежды, такъ и жилища, является красный.

Чтобы закончить съ излюбленными цвѣтами для украшенія одежды въ разсматриваемомъ нами районѣ западной Россіи, гдѣ существуетъ обычай трубить осенью, необходимо коснуться еще одного весьма интереснаго факта, нами замѣченнаго. Дѣло въ томъ, что въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, тамъ же, гдѣ мы указали рядъ селъ, имѣющихъ черныя или бурыя свиты съ голубыми кантами, въ перемѣшку съ этими послѣдними, есть другія села, которые также имѣютъ обычай трубить осенью, но въ которыхъ носятъ бурыя или черныя свиты съ зелеными кантами. Этотъ цвѣтъ кан-

товъ, какъ намъ приходилось наблюдать, не распространяется отсюда ни на западъ въ Польшу, ни на востокъ въ Бѣлоруссію, и только на югъ въ Ковельскій и Владиміро-Волынскій уѣзды Волынской губерніи. Надо замѣтить, что зеленый цвѣтъ кантиковъ нигдѣ болѣ, кромѣ упомянутой мѣстности, ни въ Польшѣ, ни въ западной Россіи, мы не встрѣчали, что и даетъ намъ поводъ предполагать, что народъ, придерживаясь обычая своихъ предковъ, украшать свою одежду матеріей извѣстнаго цвѣта не такъ чувствителенъ, какъ мы, въ дѣлѣ разбора цвѣтовъ, а потому смѣшиваетъ между собою такіе близкіе цвѣта, какъ синій и зеленый, какъ синій и фіолетовый, какъ красный и оранжевый и т. под. Поэтому, какъ кажется, что мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если мѣстности съ излюбленнымъ зеленымъ цвѣтомъ будемъ считать весьма близкими или даже одинаковыми въ этнографическомъ отношеніи съ такими, въ которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Вотъ списокъ деревень Брестскаго уѣзда Гродненской губ., въ которыхъ свиты украшаются кантами зеленаго цвѣта: Песчатка, Волька, Хлѣвище, Тулинъ и Клюковичи (Половецкой волости), Миневичи, Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подбурье, Березовка, Радѣевичи и Ясиновка (Верховичской волости). Сюда же надо отнести деревню Черново Высоколитовской волости, гдѣ канты зеленые съ краснымъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ польской мелкой шляхтѣ Сѣдлецкой, Варшавской, Ломжинской и Плоцкой губерній, среди которой распространенъ обычай трубить въ осеннее полугодіе, то увидимъ, что здѣсь старинный костюмъ уже исчезъ, вытѣсненный новѣйшимъ, полугородскимъ, однако коегдѣ, какъ напримѣръ, въ дер. Воевудкѣ Соколовскаго уѣзда (Сѣдлецкой губ.) старики разсказывали намъ, что прежде у нихъ также носили черную свиту съ голубыми кантами.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время у шляхты перечисленныхъ нами 4-хъ губерній свитъ съ голубыми кантами уже не носятъ, но голубой цвѣтъ намъ приходилось наблюдать въ Соколовскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи и въ Островскомъ Ломжинской у мужчинъ—въ будничныхъ рабочихъ шароварахъ голубого цвѣта, а у женщинъ — на передникахъ, которые почти исключительно ткутся полосатыми синими, или голубыми полосами попеременно съ бѣлыми. Кромѣ того въ домотканныхъ матеріяхъ, изготовляемыхъ здѣшней шляхтой, также какъ и у русскихъ Сѣдлецкой губ., преобладаетъ синій цвѣтъ. Косяки оконъ и дверей, а также ставни здѣшняя шляхта, если окрашиваетъ, то непремѣнно въ голубой цвѣтъ, чѣмъ отличается отъ крестьянъ, живущихъ рядомъ и красящихъ тѣ же части своего жилища въ желтый и красный цвѣтъ. Живя два года на дачѣ въ домахъ мелкой шляхты, въ деревнѣ Ростки Веляки, близь мѣстечка Малкина (Ост-

ровскаго уѣзда), мы просто поражались, какъ сильно въѣлась въ нашихъ хозяевахъ быть можетъ многовѣковая привычка къ синему и голубому цвѣту. Такъ напримѣръ, бывая въ хатахъ нашихъ сосѣдей, мы всюду находили на ихъ столахъ миніатюрные крестики, замѣняющіе распятія, непремѣнно голубого цвѣта, а на нихъ были повѣшаны четки тоже голубого цвѣта.

Въ Варшавской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ лигавки и въ Плоцкой губерніи такихъ подробныхъ наблюденій надъ внѣшнимъ бытомъ крестьянъ намъ дѣлать не приходилось, но близко отъ этихъ мѣстъ, въ самомъ городѣ Варшавѣ, у здѣшнихъ мѣщанъ, голубой цвѣтъ считается любимымъ цвѣтомъ Божьей матери, а потому на здѣшнихъ католическихъ процессіяхъ у всѣхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, участвующихъ въ несеніи разныхъ реликвій, ихъ бѣлыя платья украшены непремѣнно голубыми лентами и подпоясаны голубыми кушаками, голубыя же ленты употребляются и для украшенія образовъ, носимыхъ въ процессіи. Наконецъ, любопытнѣе всего обычай, существующій среди здѣшнихъ мѣщанъ католиковъ, это посвящать по обѣту своихъ дѣтей Божьей матери. Въ этомъ обѣтѣ для насъ всего интереснѣе то, что дѣвочекъ, посвященныхъ Божьей матери, до семи лѣтъ одѣваютъ въ платья исключительно голубого цвѣта.

О голубомъ цвѣтѣ въ одеждѣ черемисовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Въ книгѣ профессора Казанскаго университета, И. Н. Смирнова, „Черемисы“ (стр. 78) сообщается, что праздничные кафтаны тамошнихъ женщинъ шьются изъ синяго или зеленаго сукна. Кромѣ того изъ полнаго женскаго черемисскаго костюма этой мѣстности и модели мужского въ маломъ видѣ, пріобрѣтенныхъ нами для музея Императорской Академіи Наукъ, видно, что мужчины здѣсь носятъ бѣлыя свиты съ голубыми кантами, какъ у женщинъ малороссіянокъ во Владиміро-Волынскомъ и Ковельскомъ уѣздахъ Волынской губ., а женщины при лѣтнемъ костюмѣ сверхъ халатообразной бѣлой рубахи подпоясываются широкимъ и длиннымъ синимъ кушакомъ.

О синемъ цвѣтѣ у мингрельцевъ мы имѣемъ лишь только двѣ краткія замѣтки: во-первыхъ, что богатые изъ нихъ носятъ темно-синюю „чуху“ (верхнее платье), а подъ нею блѣдно-голубой „архалукъ“ (305). Кромѣ того мингрельскія женщины покрываютъ или покрывали до недавняго времени свое лицо голубыми и черными полосками (родъ татуировки) (306).

Чтобы покончить съ голубымъ цвѣтомъ, мы приведемъ въ заключеніе свидѣтельство путешественниковъ, изъ котораго можно заключить, что и для жителей Тибета голубой цвѣтъ имѣетъ, если не вполнѣ религіозное, то полу-религіозное значеніе.

Главной чертой Тибетскаго этикета служитъ поднесеніе „шарфовъ счас-

тія", маленькихъ шелковыхъ лоскутковъ блѣдно-голубого цвѣта въ три раза длиннѣе собственной ширины, обыкновенно съ бахромой на обоихъ концахъ, называемыхъ „кхату". Они всевозможныхъ видовъ и цѣнъ; никто не путешествуетъ, не запасшись ими. Приходя къ человѣку или къ божеству, прося какой-нибудь милости, каждый начинаетъ съ того, что беретъ „кхату" и подноситъ его. Если два друга встрѣтятся послѣ долгой разлуки, ихъ первое дѣло обмѣняться „кхатами", что имѣетъ еще большее значеніе, нежели рукопожатіе у европейцевъ. Если тибетцы пишутъ письмо, то вкладываютъ въ него „кхату"; самый низкій поклонъ или величайшій подарокъ считается за ничто, если не сопровождается „кхатой" (307). Кромѣ того о тебетцахъ побогаче пишутъ, что они, не довольствуясь обыкновеннымъ платьемъ желто-бѣлаго цвѣта, покупаютъ себѣ еще платье изъ синяго ситца (308) *).

*) Вышеприведенными примѣрами пристрастія разныхъ народовъ къ голубому цвѣту мы отнюдь не желали доказать, что цвѣтъ этотъ пользуется уваженіемъ, только у тѣхъ народовъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто. Есть кромѣ нихъ и другіе народы, объ обычаяхъ которыхъ съ трубой мы ничего или почти ничего не знаемъ, но которые также проявляютъ несомнѣнное пристрастіе къ голубому цвѣту. Такъ Ш. Летурно передаетъ, что древніе Кельты и Иллирійцы татуировались въ голубой цвѣтъ, а Германцы, Бритты и Пикты раскрашивали свое тѣло голубой краской. Пристрастіемъ къ голубому цвѣту отличаются также Персіяне и азіатскіе арабы. Первые (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ) окрашиваютъ себѣ бороду въ индиго, а щеголихи у Багдатскихъ арабовъ окрашивали себѣ губы лазурью, на колѣнахъ рисовали лазуревые кружки, вокругъ таліи голубой поясъ, а вокругъ каждой груди голубые цвѣты. Тоже видимъ мы и въ Суданѣ, въ Африкѣ. Здѣсь въ области Нигера, около озера Чадъ, путешественники видѣли султана съ бородою, окрашенною въ голубой цвѣтъ (309). Тамъ же въ городѣ Кукѣ знаменитый путешественникъ, Д-ръ Эдуардъ Фогель видѣлъ женщинъ, которые мазали себѣ лицо и руки краскою индиго (310). Наконецъ, у народа Гауза въ Среднемъ Суданѣ, женщины окрашиваютъ въ голубую краску свои волосы, руки, ноги, бедра и брови (311). О феллахахъ въ средней Африкѣ разсказываютъ также, что они красятъ свои волосы краской индиго (312).

Въ западной Индіи у женщинъ голубой цвѣтъ остался до настоящаго времени любимѣйшимъ цвѣтомъ для одежды. На памятникахъ индусской живописи, найденныхъ въ Аятской пещерѣ, женщины одѣты въ платье голубого цвѣта. Древніе индусскіе поэты постоянно воспѣваютъ женщину, одѣтую въ платье голубого цвѣта и сравниваютъ ее съ грозовой тучей, освѣщенной блескомъ молніи. Даже палачи одѣваютъ тамъ платье не краснаго цвѣта, какъ у насъ въ Европѣ, а голубого (313). Но что далеко не вся Индія раздѣляетъ пристрастіе къ голубому цвѣту, видно изъ того, что лица, принадлежащія къ сектѣ Вишну, не могутъ имѣть въ своей одеждѣ ничего синяго (314).

Синій цвѣтъ принадлежитъ также къ числу весьма уважаемыхъ цвѣтовъ въ Китаѣ, въ особенности у простонародья. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, передавая свои впечатлѣнія, вывезенныя изъ Китая, говоритъ: «Монотонность во всемъ: синія громадныя матовыя («Мата»—очень грубая мѣстная бумажная матерія) вывѣски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ...» (315). У Расинэ (316) говорится, что хотя въ костюмѣ китайской императорской фамиліи есть голубой цвѣтъ, но въ ряду другихъ цвѣтовъ онъ второстепенный, онъ цвѣтъ низшихъ классовъ народонаселенія. Желтый цвѣтъ принадлежитъ только императору, принцамъ крови и тѣмъ, кому государь дозволитъ его носить, красный цвѣтъ принадлежитъ мандаринамъ, а черный, синій и фіолетовый—всѣмъ. Обычный траурный цвѣтъ у китайцевъ составляютъ бѣлые и темносѣрые цвѣта, для глубокаго же траура служитъ синій цвѣтъ (317).

Голубой цвѣтъ въ одеждѣ интересующей насъ мѣстности западной Россіи, какъ мы видѣли выше, принятъ только какъ украшеніе, самая же одежда дѣлается изъ черпаго сукна. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи вездѣ, гдѣ сохранились голубые канты въ костюмѣ крестьянъ, самое платье ихъ, т. е. нижнія куртки („кабаты") и сукманы непремѣнно чернаго цвѣта, и наоборотъ: гдѣ исчезли голубые канты, костюмъ изъ чернаго дѣлается преимущественно сѣрымъ. Тоже самое можно сказать объ уѣздахъ Радинскомъ, Константиновскомъ и Влодавскомъ, а еще того болѣе о Гродненской губерніи, гдѣ старинный костюмъ сохранился въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ Сѣдлецкой.

Въ костюмѣ польской мелкой шляхты Сѣдлецкой и Ломжинской губерній въ настоящее время почти ничего не сохранилось чернаго цвѣта, такъ какъ черное сукно у простонародья вездѣ замѣняется сѣрымъ по его большей практичности. Но мѣстами сохранились на сѣрыхъ сукманахъ обшивки изъ черпаго сукна, а мѣстами, гдѣ и такой остатокъ старины уже исчезъ, между стариками сохранилось воспоминаніе о прежнихъ сѣрыхъ сукманахъ съ черной обшивкой. Если черный цвѣтъ еще въ чемъ здѣсь и сохранился, такъ это въ домотканныхъ матеріяхъ, въ которыхъ преобладаютъ черный и синій цвѣтъ. Черный цвѣтъ верхней одежды хотя безъ голубыхъ кантовъ, удержался сравнительно болѣе въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи.

О черномъ цвѣтѣ одежды у литовцевъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только краткія свѣдѣнія изъ Сувалкской губерніи. „Одежду мужчинъ составляетъ жилетъ обыкновенно темный и кафтанъ изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти — чернаго цвѣта)" (318).

Объ одеждѣ предполагаемыхъ остатковъ ятвяговъ, нынѣ исчезнувшаго народа литовскаго племени, одинъ изъ лучшихъ историковъ литвы, г. Нарбутъ (319), передаетъ, что восточнѣе Гродна въ Скадельской волости Гродненскаго уѣзда по берегамъ рѣкъ Котры и Пелассы остались слѣды ятвяговъ. Населеніе этихъ мѣстностей сосѣдніе литовцы называютъ jodwezai, что значитъ по литовски „черные рога". О другихъ также предполагаемыхъ потомкахъ ятвяговъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи въ волостяхъ Шкурецкой и Гродзиской въ нѣсколькихъ деревняхъ по рѣкѣ Нурцу говорятъ, что они отличаются своими нравами, преданіями и внѣшностью отъ сосѣднихъ жителей. Они высокаго роста, имѣютъ смуглый цвѣтъ

Что касается Европы вообще и Россіи въ особенности, то тамъ пристрастіе къ синему и красному цвѣту распространяется на значительныя области, но идетъ постоянно перемежаясь: то одолѣваетъ синій, то красный цвѣтъ, причемъ какъ во всей Европѣ, такъ и у отдѣльныхъ ея народовъ красный цвѣтъ, какъ кажется, преобладаетъ преимущественно на югѣ, а синій—на сѣверѣ. Но къ этому предмету мы еще вернемся въ отдѣльной статьѣ.

лица и въ одеждахъ предпочитаютъ темные цвѣта. Поэтому предполагаютъ, что мѣстныя названія съ прилагательными черный указываютъ иногда на то, что здѣсь жили ятвяги, отличавшіеся чернымъ цвѣтомъ тѣла и одежды. Таковы напримѣръ деревни: Черная Весь, Черный Стокъ и т. под. „Не можетъ, говоритъ г. Янчукъ, отъ котораго мы это заимствуемъ, не броситься въ глаза тотъ фактъ, что по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Соколку нѣсколько деревень рядомъ носятъ названіе Черная Весь“.

О черномъ цвѣтѣ одежды у древнихъ евреевъ мы ничего не знаемъ, но у современныхъ евреевъ нашего западнаго края, какъ извѣстно, преобладаетъ особенно въ мужскомъ костюмѣ черный цвѣтъ: достаточно припомнить ихъ длиннополые сюртуки и пальто и бархатные картузы исключительно чернаго цвѣта. А. С. Дембовецкій (321), разсказывая о прежнемъ еврейскомъ костюмѣ, который этотъ народъ носилъ до 1845 г., въ Польшѣ и западной Россіи, говоритъ, что балахонъ ихъ, шапка и поясъ были черные. Про Алжирскихъ и Тунисскихъ современныхъ евреевъ говорятъ тоже, что старые и правовѣрные изъ нихъ никакихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ чернаго, не носятъ (322).

О черномъ цвѣтѣ у мингрельскаго народа мы можемъ здѣсь только повторить слова Ш. Летурно, приведенныя нами выше, что женщины этого народа раскрашиваютъ свои лица не только голубыми, но и черными черточками (323).

О цвѣтѣ одежды у тибетцевъ путешественники сообщаютъ, что она обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, за исключеніемъ Кашмирской окраины, гдѣ мужчины одѣваются въ бѣлое, а женщины въ черное (324) *).

*) Нужно замѣтить, что пристрастіе къ чернаго цвѣта одеждамъ далеко не представляетъ собою рѣдкости. Уже не говоря о пристрастіи къ этому цвѣту западныхъ европейцевъ, у которыхъ наиболѣе приличнымъ костюмомъ мужчины считается черный, и кромѣ того цвѣтъ этотъ составляетъ принадлежность глубокаго траура, мы знаемъ, что въ Византіи онъ былъ принятъ, какъ цвѣтъ монашеской одежды, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію. Изъ числа прочихъ европейскихъ народовъ мы можемъ указать на уваженіе къ черному цвѣту нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народцевъ, какъ грузинъ (325), осетинъ (346) и особенно тушинъ (327). У кавказскихъ армянъ при выборѣ матерій на разныя части мужского костюма преимущество также отдается черному цвѣту (Сбор. свѣд. для опис. мѣст. и пл. кавк. вып. 13, 1892, стр. 75). Изъ числа азіатскихъ народовъ у Индусовъ ихъ богъ времени (соотвѣтствующій Сатурну) изображался въ платьѣ чернаго цвѣта (Истор. внѣшн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 148). У Арабовъ въ 16 столѣтіи національная одежда былъ бурнусъ, сдѣланный преимущественно изъ черной шерсти (Ibid. стр. 161). Тотъ же цвѣтъ пользовался уваженіемъ у древнихъ китайцевъ до завоеванія ихъ манджурами, какъ это видно изъ словъ нашего путешественника г. Грумъ-Гржимайло. Онъ говоритъ, что видѣнные имъ (въ западномъ Китаѣ) китайскіе жрецы, хотя были въ поношенныхъ, но національныхъ черныхъ костюмахъ, и добавляетъ въ примѣчаніи: современный цвѣтъ китайскаго костюма «навязанъ имъ (китайцамъ) ихъ побѣдителями манчжурами, національный же (т. е. черный) сохранился только у жрецовъ и при совершеніи нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ» (328). У китайскихъ татарокъ въ прежнія столѣтія одежда была исключительно чернаго цвѣта (Истор. внѣшн. культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 185). Наконецъ у древнихъ Мексиканцевъ мальчики, воспитывавшіеся въ школахъ монастырскаго характера, одѣвались въ черное платье (Ш. Летурно. Эволюція воспитанія. Спб., 1900, стр. 144).

Если отъ чертъ, общихъ всѣмъ разсматриваемымъ нами здѣсь народамъ, мы перейдемъ къ чертамъ общимъ между двумя или тремя изъ нихъ, то особенно любопытные признаки національнаго сходства мы найдемъ между Полѣшуками Минской губерніи съ одной стороны и черемисами съ другой. Интересно, что оригинальнѣйшіе головные уборы женщинъ Минскаго Полѣсья, которые носятъ названія: „пухбўка“ (Мозырскаго уѣзда), „голова“ (того же уѣзда) и „лямецъ“ (Пинскаго уѣзда) чрезвычайно сходны по своему виду и устройству съ женскимъ же головнымъ уборомъ у черемисъ, называемымъ „Сорокой“. Образцы всѣхъ этихъ четырехъ головныхъ уборовъ были нами пріобрѣтены для музея Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ, а потому мы имѣли возможность познакомиться съ ними во всѣхъ ихъ мельчайшихъ деталяхъ.

Пухоўку мы нашли въ с. Давыдъ-Городокъ, въ дер. Хорскъ, въ с. Ольшанкѣ и въ с. Хоромномъ (Мозырскаго уѣзда). Она состоитъ изъ повязки въ формѣ кокошника высотою около 2 вершковъ, сдѣланной изъ грубой бѣлой холстинки. Между двумя рядами этой холстинки набивается пакля и прошивается нитками, такъ что повязка эта остается на головѣ въ стоячемъ положеніи. На затылкѣ она натуго стягивается и завязывается. Къ передней части повязки, приходящейся на лбу, пришивается наглухо въ стоячемъ положеніи четыреугольная пластинка или дощечка, называемая подушечкой; она дѣлается или изъ лубка, или, для легкости, изъ перекрещивающихся лучинокъ, обшитыхъ снаружи холстинкой. Подушечка изгибается соотвѣтственно округлости лба и передней части повязки и составляетъ съ этой послѣдней одно цѣлое, высоко поднимаясь надъ головой. Форма и величина „подушечки“ въ разныхъ селахъ дѣлается различная: въ с. Давыдъ-Городокъ она достигаетъ самыхъ большихъ размѣровъ (до 6 вершк. въ вышину и до 7 верш. въ ширину) и имѣетъ боковыя стороны, если смотрѣть на нее спереди, выгнутыми въ наружу. Въ с. Хоромномъ и въ д. Хорскѣ „подушечка“ высокая, но болѣе узкая, чѣмъ предъидущая, въ формѣ правильнаго прямоугольника. Въ с. Ольшанкѣ она съуживается кверху.

Вся „пухоўка“, т. е. повязка и „подушечка“ обматываются толстымъ шнуркомъ изъ черной или бѣлой шерсти, назначеніе котораго непонятно не только для насъ, но и для самихъ хозяекъ „пухоўки“. Шнурокъ этотъ ничего не привязываетъ и не прикрѣпляетъ, украшеніемъ „пухоўкѣ“ онъ также служить не можетъ, потому что поверхъ его „подушечка“ накрывается холщевымъ мѣшкомъ или чехломъ, съ нашитымъ на него четыреугольнымъ кускомъ бѣлаго коленкору, вышитаго разноцвѣтными шерстями;

чехолъ этотъ называется чипецъ. Кромѣ того поверхъ чипца весь головной уборъ причудливо обматывается нameткой (родъ полотенца) изъ сѣрой прозрачной или полупрозрачной кисеи домашняго приготовленія, середина которой обхватываетъ подбородокъ женщины, а концы свѣшиваются по спинѣ, достигая вплоть до тальи. Такимъ образомъ, назначеніе шнурка становится совершенно непонятнымъ. За разъясненіемъ этого вопроса мы обратились къ хозяйкамъ головного убора. Но и онѣ, согласившись съ нами въ безполезности шерстяного шнурка, могли доказать его необходимость только тѣмъ, что „такъ носили бабушки и прабабушки". Отсюда было ясно, что когда-то шнуръ былъ для „пухоўки" необходимъ, но съ теченіемъ времени устройство этого головного убора вѣроятно измѣнилось, и шнуръ, переставъ быть необходимымъ, сохранился только какъ переживаніе прошлаго.

Уборъ этотъ весьма неудобенъ въ носкѣ: во-первыхъ, онъ очень тяжелъ для головы, а во-вторыхъ, если идти въ немъ противъ вѣтра, онъ сильно паруситъ и потому отгибаетъ голову женщины назадъ. Но женщины, носящія „пухоўку", надѣваютъ ее вовсе не для красоты. онѣ относятся къ ней съ религіознымъ уваженіемъ. Во-первыхъ, ея вовсе не носятъ въ будни, а надѣваютъ только по праздникамъ и только для того, чтобы сходить въ ней въ церковь, а во-вторыхъ, она носится только старухами. На наше замѣчаніе о неудобствѣ „пухоўки" женщины дер. Хорскъ вполнѣ соглашались, но прибавляли при этомъ: „что же дѣлать? Божья Матерь безропотно носила свою „коруну" и намъ велѣла носить".

Уборъ, называемый „головой", мы нашли въ селѣ Туровѣ Мозырскаго уѣзда. Отъ „пухоўки" онъ отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что повязка, составляющая основаніе убора, имѣетъ форму не кокошника, т. е. не открыта сверху, а сдѣлана въ видѣ круглой шапочки въ родѣ еврейской или татарской ермолки, плотно облегающей голову. А во-вторыхъ, передняя дощечка или „подушечка" имѣетъ совершенно иную форму, чѣмъ у „пухоўки", а именно: она меньше этой послѣдней и имѣетъ внизу лишь около 1 вершка шириною, но наверху расширяется въ формѣ ласточьяго хвоста. Шнура у „головы" никакого не имѣется. „Подушечка" также покрывается вышитымъ шерстями чепцомъ, а сверху обматывается „наметкой", которая здѣсь также кисейная, но не сѣрая, а бѣлая.

„Ля̀мецъ" мы привезли или с. Бережнаго Пинскаго уѣзда.

Отъ „пухоўки" и „головы" онъ отличается прежде всего формой своей „подушечки": эта послѣдняя при сравнительно большой ширинѣ (во весь лобъ) вдвое ниже, чѣмъ въ Давыдъ-Городкѣ, верхніе углы ея закруглены. Кромѣ того, „подушечки" у предыдущихъ уборовъ наклонены впередъ, а здѣсь она наклоняется назадъ. Наконецъ, лямецъ не имѣетъ „чипца", а

только обтянут бѣлымъ ситцемъ непремѣнно съ черными горошинками. „Намётка“ здѣсь также есть, но она дѣлается изъ обыкновеннаго полотенца („рушныка“) бѣлаго и непрозрачнаго.

Что касается черемисской сороки, то основаніе у этого головного убора такое же, какъ у „головы“, т. е. холстинная ермолка, плотно обхватывающая голову, но „подушечка“ здѣсь не изгибается по формѣ головы, а остается совершенно плоской, такъ что къ ермолкѣ она прикрѣпляется на лбу только серединой. Форма „подушечки“—совершенно правильный прямоугольный четыреугольникъ въ 3 вершка вышиною и въ 5 вершк. шириною, на головѣ она держится вполнѣ вертикально, не нагибаясь ни впередъ, ни назадъ. Весь головной уборъ, также какъ и полѣсская „пухоўка“, накрытъ сверху чехломъ, вышитымъ шерстями, въ родѣ „чипца“, но никакой „намётки“ сверхъ него не носятъ, а вмѣсто того поверхъ „сороки“ накладываютъ ситцевый платокъ, завязываемый подъ подбородкомъ. Отъ такихъ же вышеописанныхъ, полѣсскихъ головныхъ уборовъ „сорока“ отличается еще тѣмъ, что нижній край ея „подушечки“ располагается наравнѣ съ нижнимъ краемъ самаго головного убора и приходится на лбу, тогда какъ въ полѣсскихъ головныхъ уборахъ нижній ея край приходится выше лба, почти на темени, и вся „подушечка“ больше отнесена назадъ.

Какъ въ Полѣсьи, такъ и у черемисъ, описанные нами головные уборы носятся исключительно замужними женщинами, что̀ придаетъ двумъ сравниваемымъ народамъ еще одну лишнюю сходственную черту. Если мы теперь сравнимъ между собою всѣ четыре головныхъ убора, то увидимъ, что черемисская „сорока“ наиболѣе соотвѣтствуетъ идеѣ всѣхъ этихъ уборовъ или тому первоисточнику, отъ котораго всѣ они произошли. Эта идея, какъ мы думаемъ, заключается въ мягкой низенькой шапочкѣ, плотно обтягивающей голову и въ четыреугольной дощечкѣ, прикрѣпленной къ ней на лбу. Но такому опредѣленію головного убора, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ головной уборъ Іудейскаго первосвященника, Кидаръ, насколько мы можемъ судить объ устройствѣ этого убора изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Въ книгахъ Моисея, гдѣ такъ подробно описывается всякая мелочь въ одеждѣ Аарона, Кидаръ, къ сожалѣнію, остался безъ всякаго описанія, вѣроятно, потому, что авторъ считалъ совершенно излишнимъ знакомить своихъ читателей съ головнымъ уборомъ, всѣмъ и каждому въ его время хорошо знакомымъ. Однако, по нѣкоторымъ намекамъ священнаго писанія можно догадываться, что это былъ за уборъ. По мнѣнію одного изъ главныхъ комментаторовъ Библіи, Раши (жилъ отъ 1030 по 1105 годъ), „Кидаръ“ Первосвященника былъ низкій головной уборъ, такъ какъ въ Библіи (Исходъ гл. 28, ст. 40) сказано, что дѣти

Аарона должны были носить „высокій“ уборъ, тогда какъ слово, которымъ названъ головной уборъ самого Аарона (Исходъ гл. 28, ст. 39) значитъ „мягкій“. Такимъ образомъ, если соображенія Раши справедливы, то основаніемъ „Кидара“ была мягкая и низкая шапочка вродѣ еврейской ермолки или вродѣ мягкой полотняной шапочки, составляющей основаніе черемисской „сороки“.

Далѣе въ Библіи же (Исходъ гл. 28, ст. 36) сказано:

36) И сдѣлай дощечку изъ чистаго золота и выгравируй на ней: „Свято для Бога“.

37) И прикрѣпи ее (дощечку) синимъ шнуркомъ къ Кидару и чтобы шнурокъ былъ на уборѣ.

38) И чтобы она была на лбу у Аарона.

По поводу этихъ словъ Библіи, у различныхъ комментаторовъ ея возникаютъ споры: одни говорятъ, что дощечка должна быть спереди на самомъ головномъ уборѣ, а другіе, что она только подвѣшена была къ головному убору, но должна была быть непремѣнно на самомъ лбу. Судя по словамъ Библіи, можно думать, что вѣрнѣе первое изъ этихъ мнѣній. Если представлять себѣ „кидаръ“ въ видѣ обыкновеннаго головного убора, какой бы формы онъ ни былъ, въ такомъ случаѣ передняя его часть должна закрывать около половины лба, а въ такомъ случаѣ золотая дощечка была бы ужъ слишкомъ узка, чтобы занимать только остающуюся часть лба, неприкрытую головнымъ уборомъ. Если же дощечка была шириною не менѣе 2-хъ дюймовъ, то верхняя ея половина должна непремѣнно лежать на головномъ уборѣ. Во-вторыхъ, въ стихѣ 37 ясно сказано: „и прикрѣпи ее къ Кидару“, т. е. именно прикрѣпи, а не подвѣсь, такъ какъ въ стихѣ 37-мъ не было договорено, гдѣ именно нужно прикрѣпить дощечку къ головному убору: на затылкѣ, на одномъ изъ боковъ головы или на лбу, то во избѣжаніе недоразумѣній авторъ и прибавилъ еще лишній 38-й стихъ: „и чтобы она была на лбу у Аарона“.

Какъ бы то ни было, но тѣ соображенія, которыя мы здѣсь привели, на основаніи русскаго перевода Библіи, конечно, слишкомъ недостаточны, чтобы считать вопросъ о кидарѣ рѣшеннымъ. Высказавши свои предположенія, мы оставляемъ всетаки вопросъ объ устройствѣ кидара открытымъ, предоставляя его рѣшеніе спеціалистамъ.

Если принять, что кидаръ былъ устроенъ такъ, какъ предполагаемъ мы, то тогда онъ сходенъ съ описанными нами полѣсскими головными уборами и черемисской „сорокой“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ стало бы ясно, для чего у полѣсской „пухоўки“ существуетъ шнуръ, не имѣющій никакого назначенія. Ясно, что „подушечка“ когда-то не была такъ плотно скрѣплена

съ „пухоўкой“, какъ теперь, и что онѣ были соединены между собою шерстянымъ шнуромъ. Когда же „подушечку“ сшили съ „пухоўкой“, то шнуръ сталъ излишнимъ, но хозяева „пухоўки“ изъ консерватизма всетаки не считали удобнымъ уничтожить шнуръ, который много вѣковъ быть можетъ носили ихъ бабушки и прабабушки.

То обстоятельство, что въ Полѣсьи и у черемисъ описанный нами головной уборъ носятъ женщины, тогда какъ у евреевъ онъ былъ исключительно мужскимъ, не должно насъ удивлять, такъ какъ сравнительная этнографія даетъ подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Смѣло можно сказать, что нѣтъ той части мужского костюма, которую нельзя было-бы найти гдѣ-нибудь у женщинъ. А что и въ древности это не было рѣдкостью, видно изъ слѣдующихъ словъ Библіи (Второзаконіе гл. 22, ст. 5): „На женщинахъ не должно быть мужской одежды... ибо мерзокъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ всякій дѣлающій сіе“.

Интересно, что у черемисскихъ женщинъ можно найти еще и другую принадлежность одежды Іудейскаго Первосвященника.

Изъ Исходѣ (гл. 28) мы читаемъ:

15) Сдѣлай наперсникъ судный искусною работой... изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленной шерсти и изъ крученаго виссона сдѣлай его.

16) Онъ долженъ быть четыреугольный, двойной въ пядень длиною и въ пядень шириною.

17) И вставь въ него оправленные камни въ четыре ряда...

20) ... въ золотыхъ гнѣздахъ должны быть вставлены они.

21) Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу (двѣнадцати именъ сыновъ Израилевыхъ...).

22) Къ наперснику сдѣлай цѣпочки, витыя плетеною работою изъ чистаго золота...

Извѣстно, что у черемисскихъ женщинъ также носится на груди твердый четыреугольникъ, который повѣшенъ на шею на ремнѣ, а вмѣсто драгоцѣнныхъ камней унизанъ бисеромъ или монетами. У Racinet (Costume historique) есть рисунокъ черемисскихъ женщинъ съ четыреугольниками на груди, но изъ Симбирской губ. (т. 6, рисун. 495). Въ объясненіи къ рисунку сказано, что нагрудникъ этотъ дѣлается на жести и украшается монетами и мѣдными кружками. И. Н. Смирновъ въ своей книгѣ „Черемисы“ (стр. 77) говоритъ, что такой четыреугольный нагрудникъ у черемисскихъ женщинъ дѣлается изъ кожи и украшается монетами, что мѣстное названіе его ширкама или пычкама.

Что касается современныхъ евреевъ, то у нихъ фигура прямоугольнаго четыреугольника или квадрата считается священной, въ родѣ того, какъ крестъ

у христіанъ. Во-первыхъ, малый плащъ или Талэсъ-Кутонъ, который носитъ на себѣ каждый еврей мужчина (подъ жилетомъ, поверхъ рубахи, а если еврей щеголяетъ бѣльемъ, то подъ рубахой) имѣетъ форму прямоугольнаго четыреугольника съ вырѣзкой въ серединѣ его для продѣванія головы. На четырехъ углахъ этой части одежды, какъ мы уже говорили выше, пришиваются „кисти видѣнія" (329). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Россіи (намъ случилось это видѣть въ мѣст. Славутѣ Волынской губ.) старыя еврейки въ особо торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ на грудь поверхъ платья такъ называемый Brusttuch, т. е. нагрудникъ изъ парчи или изъ шелковой матеріи съ вышивками, имѣющій непремѣнно четыреугольную форму. Такъ же, какъ и у черемисскихъ женщинъ, онъ вѣшается на шею, но отличается отъ такого же черемисскаго нагрудника тѣмъ, что длина его направлена вдоль роста, а не поперекъ, какъ у черемисскихъ женщинъ. Что фигура прямоугольнаго четыреугольника или квадрата имѣетъ для евреевъ священное значеніе, доказываетъ еще слѣдующій фактъ:

Нѣкоторые благочестивые евреи въ нашемъ юго-западномъ краѣ при выбѣлкѣ и покраскѣ ихъ дома оставляютъ на стѣнѣ дома небѣленое и некрашенное квадратное поле въ 1 аршинъ и говорятъ, что они это дѣлаютъ въ воспоминаніе о разрушеніи Іерусалима (330). О литовскихъ женщинахъ мы нашли также бѣглую замѣтку, что онѣ въ древности „носили металлическія квадратныя бляшки", но, къ сожалѣнію, ни о видѣ этихъ бляшекъ, ни о ихъ размѣрахъ, ни о способѣ ихъ ношенія никакихъ свѣдѣній мы не нашли (330 А) *).

---

*) Четыреугольный нагрудникъ принадлежитъ, какъ оказывается, далеко не однимъ евреямъ и черемисамъ, онъ принятъ и у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у Расинэ (Costume historique т. 2 рисун. 1) приводится рисунокъ нагрудника, совершенно такой, какъ у Іудейскаго Первосвященника, но найденный на изображеніи Египетскаго фараона Рамзеса. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что главный египетскій судья носилъ на груди четыреугольную пластинку, украшенную драгоцѣнными камнями, и что въ витринахъ Египетской галлереи на Парижской всемірной выставкѣ 1867-го года можно было видѣть такой же четыреугольникъ, украшенный эмалями и драгоцѣнными камнями, относящійся къ болѣе древнему времени, чѣмъ времена Моисея, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу сокровищъ египетской царицы Аа-Готэпъ, матери Амазиса. Разница между Египетскими и Іудейскими нагрудниками, по словамъ того же автора, заключалась только въ томъ, что у первыхъ драгоцѣнные камни укрѣплялись на золотой металлической пластинкѣ, а у послѣднихъ на фонѣ тканной матеріи. Кромѣ того такой же четыреугольный нагрудникъ былъ у древнихъ этрусковъ. Въ Ватиканѣ сохраняются этрусскія вещи, добытыя при раскопкѣ близъ Кяре (Cäre), между которыми есть золотая нагрудная пластинка, совершенно такая, какая была изображена на могилахъ египетскихъ жрецовъ (331).

Изъ числа современныхъ народовъ четыреугольные нагрудники встрѣчаются у китайцевъ, гдѣ они даются въ видѣ отличія мандаринамъ. Два такихъ четыреугольника, вырѣзанные изъ матеріи, пришиваются къ ихъ одеждѣ на груди и на спинѣ, причемъ у мандариновъ военныхъ на нихъ изображаются четвероногія животныя, а у статскихъ—

Про украшенія ризы Іудейскаго Первосвященника въ Исходѣ (гл. 28, ст. 33) сказано: „по подолу ея (ризы) сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго, пурпуроваго и червленнаго цвѣта (и изъ крученаго виссона), вокругъ по подолу ея (такого вида яблоки) и позвонки золотые между ними кругомъ“.

Подобные же позвонки отъ пояса до колѣнъ, привѣшенные на шнуркахъ, носили въ древности литовскія дѣвушки (335) *).

Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще одну черту, общую литовцамъ съ древними евреями. Нарбутъ въ своей „Исторіи народа литовскаго“ (Вильно т. I, стр. 282) слѣдующимъ образомъ передаетъ разсказъ Грунау въ хроникѣ 1520-го года о жертвоприношеніи у древнихъ пруссовъ (литовскаго племени): „Вайдэлотъ (жрецъ) говорилъ передъ собравшимся народомъ о заповѣдяхъ боговъ и о томъ, что они требуютъ отъ людей, потомъ наступало накладываніе рукъ на голову козла, причемъ народъ громко каялся въ своихъ грѣхахъ...

А въ Библіи говорится слѣдующее: „возложитъ Ааронъ обѣ руки свои на голову козла и исповѣдаетъ надъ нимъ беззаконія сыновъ Израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, возложитъ ихъ на голову козла.. и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“...**).

Словомъ, передъ нами здѣсь проходитъ цѣлый рядъ загадочныхъ этнографическихъ параллелей между перечисленными нами народами, которыя нельзя объяснить общепринятымъ у насъ способомъ. Такъ какъ работы по

птицы (332). У чувашскихъ женщинъ есть такіе же четыреугольные нагрудники, какъ и у черемисскихъ, подъ названіемъ близкимъ къ черемисскому—Шульгама (И. Н. Смирновъ. Черемисы стр. 77). У Казанскихъ вотяковъ такой же нагрудникъ называется муроажъ и украшается монетами и позументомъ (333). Такой же четыреугольный нагрудникъ носятъ и башкирскія женщины, онъ называется сельдарь или идывшикъ, дѣлается изъ кораллов и украшается монетами и оловянными кружечками (334). У швейцарскихъ женщинъ есть также нагрудное украшеніе въ формѣ прямоугольнаго четыреугольника или квадрата. У Расинэ изображены двѣ швейцарскія женщины съ такими украшеніями изъ Бернскаго кантона. У тѣхъ же швейцарскихъ женщинъ, какъ необходимая принадлежность костюма, есть серебряныя цѣпи, неимѣющія въ настоящее время никакого практическаго значенія и свѣшивающіяся спереди отъ плечъ къ поясу. Онѣ напоминаютъ тѣ золотыя цѣпи, на которыхъ у Іудейскаго Первосвященника былъ подвѣшенъ къ плечамъ четыреугольный нагрудникъ.

*) Ф. Готтенротъ говоритъ, что въ Россіи при раскопкахъ найдено безчисленное множество побрякушекъ, которыя еще и теперь употребляются между латышами въ Гольдингенѣ, гдѣ онѣ служатъ украшеніями для кафтана и плаща. Авторъ предполагаетъ, что и русскія женщины высшихъ классовъ въ древности носили юбку, украшенную по подолу позвонками (336).

**) Тотъ же обычай былъ въ древности въ Египтѣ и въ Индіи: «всѣ племена, собравшись вмѣстѣ, обременяли своими дурными дѣлами и словами очистительную жертву и потомъ изгоняли ее въ пустыню». У египтянъ козла замѣняла телка, а у индійцевъ—лошадь (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XXXVI, II, стр. 87—88).

отысканію подобныхъ параллелей еще только что начинаются и потому составляютъ сравнительную новость въ нашей этнографической литературѣ, то мы воздержимся отъ какихъ-либо выводовъ, во ожиданіи того времени, пока фактовъ такого рода накопится болѣе. А теперь сопоставимъ только приведенныя нами параллели съ близкими къ нимъ и не менѣе загадочными параллелями, найденными нашимъ почтеннымъ ученымъ А. Фаминцынымъ между древними Прибалтійскими славянами и древними семитами (337).

В. Мошковъ.

Гор. Варшава.
26-го Января 1900-го года.

Три отпуска (наговора), произносимыхъ пастухами надъ скотомъ въ с. Уницѣ Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи.

(Записаны докторомъ С. В. Тучемскимъ).

1) *Майскій отпускъ.*

Господи и Боже, благослови! Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Святая и нераздѣльная Троица, пособи и помоги на доброе дѣло. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь. Боже, помози мнѣ. Сталъ я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) благословясь, пойду перекрестясь изъ избы дверями и изъ двора воротами и изыду я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) въ чистое поле со своимъ скотомъ на утренней зарѣ, стану на востокъ лицомъ. Помолюсь я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному и Пресвятой Богородицѣ, Матери Божіей, Царицѣ Небесной, и всѣмъ небеснымъ и безплотнымъ силамъ, Ангеламъ и Архангеламъ, Михаилу Архангелу, Гавріилу Архангелу, Іоанну Предтечѣ, Крестителю Господню, и четыремъ Евангелистамъ: Іоанну Богослову, Матѳею, Марку, Лукѣ, Петру и Павлу, верховнымъ Апостоламъ, вселенскимъ учителямъ: Василію Великому, Григорію Богослову, Іоанну Златоусту, Николаю Чудотворцу, святителю Господню, Георгію Храброму, Флору и Лавру, Власію и Медосію (?), Косьмѣ и Даміану. Отцомъ прощенъ, матерью благословенъ и беру я, рабъ Божій, пастырь (Имр.) на свои руки на все лѣто красное до поздней осени крестьянскій скотъ, милый животъ, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Ходятъ въ моей любимой поскотинѣ въ день при солнцѣ, въ ночь при младомъ мѣсяцѣ, при утренней зарѣ и при вечерней, при частыхъ звѣздахъ, при буйномъ вѣтрѣ, при дождливой каплѣ. Сохрани, Господи, и соблюди отъ чернаго звѣря, медвѣдя съ медвѣдицею, отъ широкополаго, отъ напастнаго, отъ насланнаго, отъ прохожаго и отъ жирового и отъ пакостника и опрокидня, отъ сѣдого, рыскучаго волка и отъ волчихи и отъ чернаго звѣря, отъ росомахи и отъ ползучаго гада змія и отъ лютой зміи — скорпіи и отъ моего недруга и супостата, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ шелудива и отъ киловата, отъ двоезуба и двоеволоса, отъ дѣвки—простоволоски, отъ старца и отъ старицы, отъ своей и отъ чужой лихой думы. Симъ моимъ добрымъ словомъ наставляется первая Майская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

1) *Іюльскій отпускъ.*

Господи, благослови меня, раба Божія, пастыря (Имр.) на доброе дѣло, на утренней зарѣ идти въ чистое поле со своимъ скотомъ, съ крестьянскимъ

животомъ, съ рогатымъ и двоекопытнымъ, съ разношерстнымъ, со стадомъ быковъ, коровъ, нетелей и малыхъ телятъ. Стоитъ въ чистомъ полѣ святая земля, златая лѣстница, и опускаются на святой, златой лѣстницѣ Свѣтъ истинный, Христосъ, Царь Небесный, и съ нимъ опускается мати Его Пресвятая Госпожа, Богородица, Царица Небесная, вся небесная бесплотная сила, Ангелы и Архангелы, Херувимы и Серафимы. И держитъ свѣтъ истинный Христосъ въ своихъ пречистыхъ рукахъ крестъ животворящій. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (имр.), ко Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, со своимъ скотомъ и наклоняю главу свою. Благославляетъ Свѣтъ истинный, Христосъ, Царь Небесный, своимъ крестомъ животворящимъ меня, раба Божія, пастыря (имр.) и мой милый скотъ и речетъ: „сохраню и сберегу я твой милый скотъ на все лѣто красное до самой поздней осени". И поклонюсь я, рабъ Божій, Свѣту истинному, Христу, Царю Небесному, до самой сырой земли и пойду изъ чистаго поля въ темные лѣса, ажно и печетъ, свѣтитъ красное солнце. На встрѣчу идутъ ко мнѣ, рабу Божію, пастырю (Имр.), святые угодники: Іоаннъ Предтеча, Креститель Господень и четыре Евангелиста: Іоаннъ Богословъ, Матөей, Маркъ, Лука, Петръ и Павелъ, верховные Апостолы,—вселенскіе учители, святители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Николай Чудотворецъ, святитель Христовъ, Георгій Храбрый, Флоръ и Лавръ, святой Власій и Медосій. Идутъ святые Косьма и Даміанъ, своими луками подпираются, а каменными стрѣлами росу стряхиваютъ и мнѣ, рабу Божію, пастырю (Имр.), путь очищаютъ. И подхожу я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), со своимъ скотомъ къ угодникамъ Божіимъ съ быками и съ коровами, съ нетелями и съ малыми телятами и наклоняю главу свою. Благославляютъ всѣ угодники Божіи меня, раба Божія, пастыря (Имр.), и мой милый скотъ и рекутъ: „сохранимъ и сбережемъ мы тебя, раба Божія, и твой скотъ милый, животъ крестьянскій, рогатый, двоекопытный, разношерстный, стадо быковъ и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ отъ всѣхъ лютыхъ звѣрей, когтей и зубовъ ихъ и отъ злыхъ человѣкъ, отъ чернаго звѣря, медвѣдя съ медвѣдицей, отъ широколапаго, насланнаго и отъ жироваго, отъ пакостника и опрокидня и отъ сѣраго волка съ волчихой и отъ чернаго звѣря, росомахи, и отъ ползучаго гада змія и отъ лютой змія— скорпіи и отъ моего недруга и супостата; отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ вѣдуна и отъ вѣдуньи, отъ шелудива и отъ килована и отъ двоезуба и отъ двоеволоса, отъ дѣвки — простоволоски, отъ старца и отъ старицы, отъ свой и отъ чужой лихой думы". И поклонюся я, рабъ Божій, пастырь (Имр.), всѣмъ угодникамъ Божіимъ до сырой земли и пойду со своимъ скотомъ въ темные лѣса и распущу скотъ по разнымъ мѣстамъ и проговорю: „Ходи мой милый скотъ, крестьянскій животъ, рогатое, двое-

копытное, разношерстное стадо, быки, коровы, нетели и малые телята въ осѣку и за осѣкомъ, въ полѣ и за полемъ, въ лугу и за лугомъ, въ шаграхъ, въ темныхъ лѣсахъ, и кажись мой милый скотъ всѣмъ лютымъ звѣрямъ пеньемъ и колодьемъ, при травѣ—травой, при водѣ—водой, при камняхъ—каменьями, при лѣсѣ—лѣсомъ. И какъ придетъ вечерняя заря, и заиграю я, рабъ Божій, пастырь (имр.) въ рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся, мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малые телята, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается, и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся къ своему царю, большому муравью, и какъ таетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ таяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божіемъ, пастырю (имр.), по моемъ трубномъ голосѣ". И пойду я рабъ Божій (имр.) къ синему морю и возмутится море и выходятъ изъ моря тридцать красныхъ дѣвицъ съ булатными замками и замыкаютъ тѣ дѣвицы всѣмъ лютымъ звѣрямъ губы и зубы и бьютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей по глазамъ и зубамъ и по всѣмъ ихъ суставамъ и заклинаютъ тѣ дѣвицы всѣхъ лютыхъ звѣрей: „и чтобы вамъ околѣть и одеревенѣть, ослѣпнуть и не увидѣть бы сего крестьянскаго скота во все лѣто красное до самой поздней осени". И еще я же, рабъ Божій, пастырь (имр.), поклонюсь небеснымъ Ангеламъ, и сходятъ небесные Ангелы съ небеснымъ огнемъ неугасаемымъ и зажигаютъ у моего скота поръ и сердце, чтобы всякая скотина горѣла бы и тосковала сердцемъ и по своемъ домѣ и по своемъ хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабу Божію, пастырю (имр.), и моемъ голосѣ. Симъ моимъ добрымъ и вѣрнымъ словомъ, небо—ключь, земля—замокъ и милость Божія буди. И поставляется вторая іюльская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

а) Сентябрскій отпускъ.

Постави Господи и утверди Господи около моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго, и двоекопытнаго, разношерстнаго стада быковъ, и коровъ, нетелей и малыхъ телятъ желѣзный тынъ, былатныя (sic) верея, мѣдные ворота, златое кольцо со всѣхъ четырехъ сторонъ, отъ неба и до земли, отъ земли до неба, отъ востока и до запада, отъ юга и отъ сѣвера. Сквозь тотъ тынъ желѣзный не опещи солнцу красному, сквозь тотъ тынъ не повѣяти вѣтру буйному, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройти черному звѣрю, медвѣдю со медвѣдицею, широколапому, насланному и прохожему, жировому, пакостнику и опровидцю, сквозь тотъ тынъ желѣзный не пройти ни колдуну

ни колдуньи, ни киловату, ни шелудиву, ни двоезубу, ни двоеволосу, ни дѣвкѣ-простоволоскѣ, ни старцу, ни старицѣ, ни своей, ни чужой лихой думѣ. Какъ сѣрому артаку (?) рыскучему волку и волчихѣ не перескать (?) имъ будетъ около синяго моря и не перезобать со всѣхъ береговъ морскихъ песку, чтобы всѣмъ лютымъ звѣрямъ не догнать моего скота, крестьянскаго живота, рогатаго... и проч. черному звѣрю медвѣдю... и проч... у того бы языкъ теменемъ вытянуло.

Всемилостивѣйшая Пресвятая Госпожа, Владычица, Богородица, Мати Божія, Царица Небесная, закрой меня, раба Божія (Имр.), своею нетлѣнною ризою и мой милый скотъ, крестьнскій животъ рогатое двоекопытое... и проч. на все лѣто красное до самой до поздней осени отъ всѣхъ звѣрей лютыхъ, ногтей ихъ и злыхъ человѣкъ. Буди милость Божія на мнѣ и на моемъ миломъ скотѣ, на быковъ, коровъ, на нетелей и малыхъ телятъ. Симъ моимъ добрымъ, крѣпкимъ и вѣрнымъ словомъ, небо — ключь, земля — замокъ и милость Божія буди. И поставляется третья, сентябрская печать. Нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Списокъ населенныхъ мѣстъ царства Польскаго и западной Россіи, въ которыхъ принятъ обычай обязательнаго трубленія въ осеннее полугодіе.

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
	Плоцкая губернія.	
	Пултусскій уѣздъ.	
Заторы и Барсуки (на лѣвомъ берегу р. Нарева).	—	—
	Ломжинская губернія.	
	Ломжинскій уѣздъ.	
С. Замброво.	—	—
	Мазовецкій уѣздъ.	
С. Дембовина (около ст. Лапы), стан. Шепетово.	—	—
	Островскій уѣздъ.	
Мѣст. Малкинъ, дер. Зависты, Ростки, Гонсіорово, Зузель, Зарембы косьцельнэ, Суммэнзно, Качково, Брокъ.	—	—
	Остроленскій уѣздъ.	
У шляхты на лѣвомъ берегу р. Нарева.	—	У крестьянъ на правомъ берегу Нарева.
	Варшавская губернія.	
	Радзиминскій уѣздъ.	
Д. Мадесинъ (гм. Страхувка).	—	Страхувка, Боруча, Рувнэ.
	Новоминскій уѣздъ.	
Ариновъ, Цыганка, мѣс. Станиславовъ, Ивовэ, Ляліны, Рэдзиньскэ, Хроминъ, Ольшанка, Страхоминъ, Вэльголясъ, Сѣнница, Уляновъ, Рудно (около м. Колбель) и Кшивица.	—	—
	Сѣдлецкая губернія.	
	Венгровскій уѣздъ.	
Д. Суходолъ, Карчевицэ, м. Ливъ, Людвиновъ, Стара Весь Баржихи, Паплинъ, Вулька Паплинска, Твароги, Каменна д. Бендажэ (гм. Корытница).	—	—

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
	Соколовскій уѣздъ.	
Рытэле Свэнскэ, Рытэле Сухэ, Рытэле Олехны, Длугэ Вшеборы, Длугэ Гжимки, Длугэ Каминске, м. Коссовъ, и Стэрдынь.	д. Пшевузка.	д. Пшедзятки, Воевудка.
	Сѣдлецкій уѣздъ.	
Олесница, Водыне и Серочинъ.	—	—
	Луковскій уѣздъ.	
д. Ягодна, Ружа, Вулька, и Правда.	—	—
	Гарволинскій уѣздъ.	
Юзя, Униковъ, Ягодна, Выгода, Жабенецъ, Нецеплинъ и Пузновъ.	—	—
	Константиновскій уѣздъ.	
Шидловка, Ольшанка, Корчовка, Мшанка, Гуслевъ, Кривосниты, Прохенки, Луги, Зачопки, Пратулинъ, Корница, Рудка, Рокитно, Дзятковэкъ, Силивонка, Копцэ, Вороблинъ, Дерло, Витулинъ, Богукалы, Кричевъ, Колчинъ, Мокраны, Непле и Бузовка.	—	Грудь, Целесница, Голодница, Михалки, Ольшино.
	Радинскій уѣздъ.	
Кожушки, Луговиско, Засядки, Кошелики, Мане, Рогожница, Долга, Шахи, Стольно, Жероцинъ, Загайки, Бероза, Преходиско, Дрелевъ, Квасовка, Виторожъ, Шостка, Лужки, Желѣзна, Коленбродъ, Валинна, Прогалины, Островки Осова, Деревична, Виски, Воронецъ, Березовый Контъ, Безволя, Рудно, Радче, Давиды, Яблонь, Пашенки, Коляно, Гусь, Чебераки и Миляновъ.	—	Русская Воля.
	Бѣльскій уѣздъ.	
Самовиче, Добрынь, Малашевице, Кобыляны, Кожановка, Добринка, Копытовъ, Колоски, Загоровъ,	Муравецъ, Хорощинка, Огродники, Дубовъ, Дубовская Воля, Красовка, Корчовка, Ломазы, Любенка,	Полятыче, Михалковъ, Лебедевъ, Добратыче, Вулька Добринская, Корощинъ, Горбовъ, Кіевецъ,

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Великая Дубровица, Малая Дубровица, Бокинка, Панская, докудовъ, Гуща (польская колонія), Копытникъ, Стасювка, Жуки, Межилѣсь, Ленюшки, Лишна, Заболотье, Волька Заболоцка, Ляцкъ, Кузовка, Ганна, Долгоброды, Костомлоты, Россошъ и Славатыче.	Костеневиче, Вулька Костеневицкая, Янувка, Ортель Королевскій, Колода и Яблочна.	Деречанка, Залѣсе, Гусинка, Кучуковка, Воскреница, Циціборъ, Чоснувка, Сидорки, Ортель Княжескій, Волька Бѣльская, Ситникъ, Пищацъ, Кошолы, Виски, Коденъ, Ольшанка, Саювка, Крива Волька, Матушовка, Добромысль.
	Влодавскій уѣздъ.	
Любень, Любичень, Коденецъ, Хмѣлевъ, Калинка, Лыневъ, Полубиче, Вишницы, Жещинка, Переходъ, Липники, Сосновка, Развадовка, Мутвица, Чепутка, Выгнанка, Романовъ, Хоростыта, Красовка. Константинъ, Ставки, Рожанка, Шуминна.		Грабовка, Липовка, Горки, Долголиско и Думипа.
	Гродненская губернія. *Бѣльскій уѣздъ.* Сѣмятицкая волость.	
Крупица, Огородники, Чисели, Роговка.		Клюково.
	Александровская волость.	
Шершени и Мацьковичи.	—	—
	Дубяжская волость.	
—	—	Суховольцы, Мокрое и Дидули.
	Орлянская волость.	
—	—	Спички.
	Новоберезовская волость.	
Истоки.	—	—
	Райская волость.	
—	—	Плески.
	Брестскій уѣздъ. Волчинская волость.	
—	Чижевичи.	—
	Мотыкальская волость.	
—	—	Чилеево, Тюхеничи и Ковердяки.
	Камижуровская волость.	
—	Пугачова.	—
	Мѣдянская волость.	
Дуричи, Збунинъ, Отоки, Дубица и Лоплавцы.	Страдэчъ.	—
	Домачевская волость.	
Домачево, Липинка, Харсы.	—	Новоселки.

Обычай принятъ въ настоящее время.	Обычай былъ прежде, но теперь исчезъ.	Обычай неизвѣстенъ.
Пещатка, Бобровка, Волька, Туменъ, Хлѣвище и Клюковичи.	Половецкая волость. Ставищи.	—
	Высоколитовская волость.	
Добнево и Чернево.	—	Волковичи.
	Лыщицкая волость.	
Подгубятичи.	Лыщицы.	Яцковичи и Кустынъ.
	Турневская волость.	
—	Турна и коростичи.	—
	Верховичская волость.	
Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подборье, Радовичи и Ясиновка.	—	—
	Ратайчицкая волость.	
Бучимля.	—	Церковники и Хотыново.
	Войсковская волость.	
—	—	Городище и Моньчаки.
	Каменецкая волость.	
—	Липна и Угляны.	Шербово.
	Дмитровичская волость.	
—	Рожковка.	—
	Пружанскій уѣздъ.	
	Бѣловѣжская - Александровская волость.	
—	Урочискъ, зановинъ, Чвирки.	—
	Шерешовская волость.	
—	Мыльниски.	—
	Кобринскій уѣздъ.	
	Збираговская волость.	
Мальки.	Рудки.	—
	Сехновецкая волость.	
Олизоровъ Кутъ.	—	—
	Дружиловичская волость.	
Трилистная.	—	—
	Слонимскій уѣздъ.	
	Песковская волость.	
Споровъ.	—	—
	Волынская губернія.	
	Луцкій уѣздъ.	
Полицы.	—	Борохово.
	Ковельскій уѣздъ.	
Кортылисы и Самары.	—	Заболотье.
	Минская губернія.	
	Минскій уѣздъ.	
Козляковичи, Столинъ, Вережное.	—	—
	Мозырскій уѣздъ.	
Давыдъ-Городокъ.	—	с. Турово.

ПРИМѢЧАНІЯ.

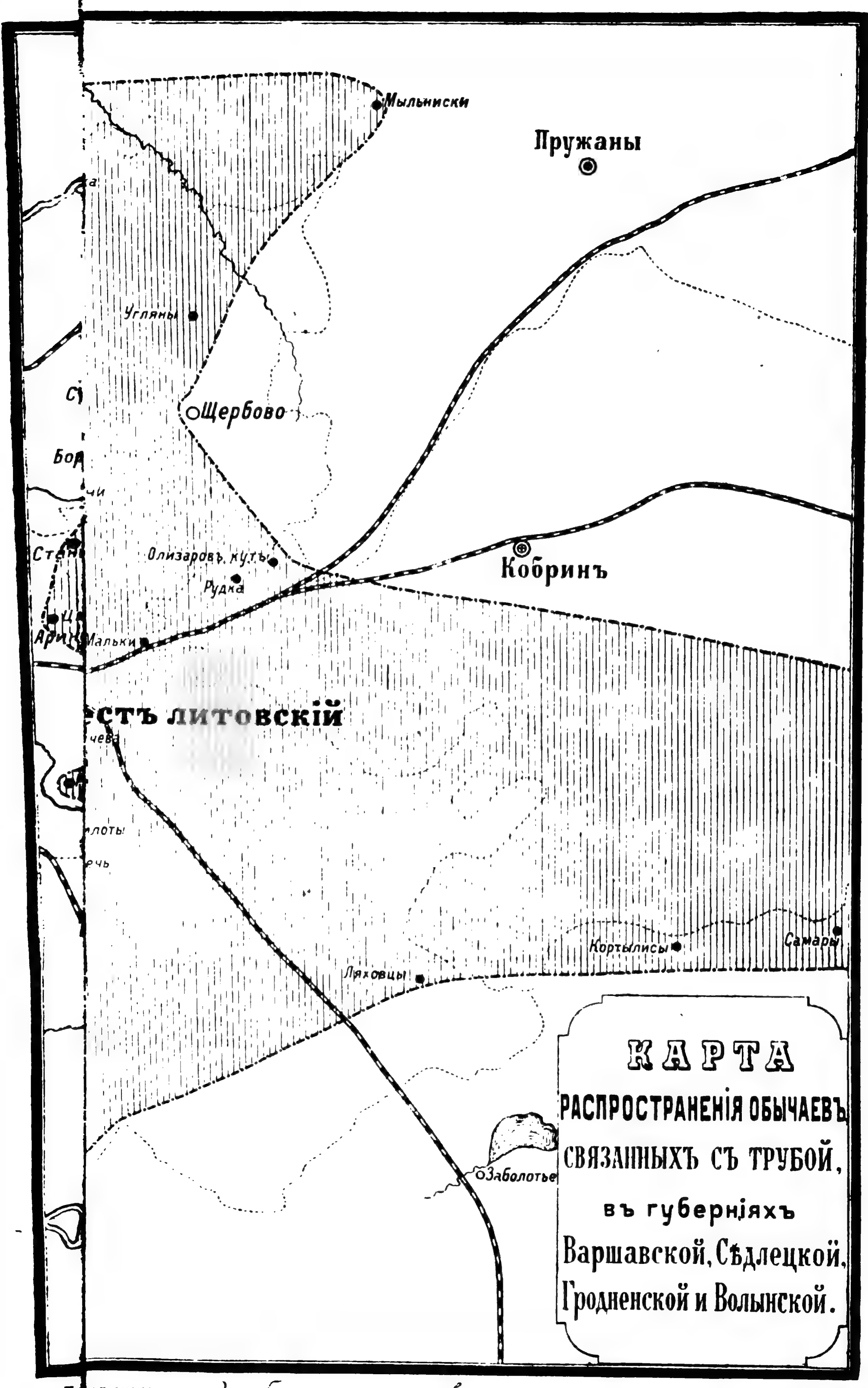
1)—Этнограф. Обозр. 1890 г. № 2 стр. 5 и 12. 2) и 3)—A. W. Ambros Geschichte der Musik I стр. 508. 4)—Musikalisch. Conversat. Lexik. v. H. Mendel 10 стр. 31. 5)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 6)—Газета «Новое Время» 1897 г. № 7593. 7)—Народы Россіи Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 8)—Zeitschrift für Ethnologie. 4. 1872 стр. 33. 9)—Ibid. 10)—Ibid. 11)—Mélusine (Франц. этногр. журн.). ч. 3 1886—87 г. стр. 460. 12)—Zeitschrift für Ethnologie 1872 т. 4 стр. 33. 13)—Ibid. и Musik. Convers. Lexik. v. H. Mendel т. 2 стр. 207. 14)—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейск. народ. ч. 1 стр. 320. 15)—Ibid. стр. 404. 16)—Český Lid Čislo I Ročn. 5 стр. 39. 17)—Ibid. 18)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 420; Musik. Convers. Lexik. von H. Mendel т. 9 стр. 150; Kaz. Łada Hystorja muzyki Warsz. 1861 стр. 8; 19)—Kostümkunde von Hermann Weiss. Stutgart 1860 ч. 4 стр. 255: 20)—Revue des traditions populaires т. II № 1 1896 стр. 7, статья Лалаянца. 21)—Матерьялы для антропологіи Таранчей. Диссертація В. Э. Пайселя Спб. 1897 стр. 21. 22)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 508. 23)—Ibid. стр. 356. 24)—Kostümkunde von Hermann Weiss Stutgart 1864, 1 стр. 431. 25)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 658. 26)—Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народ. Спб. 1878 т. 2 стр. 108. 27)—Ceský Lid Čislo I Ročnik 5 стр. 14. 28)—Dzieje starożytne narodu Litewskiego przez Teodora Narbutta Wilno 1835 стр. 13 т. 1. 29)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. 16 стр. 84—390. 30)—Kostümkunde von Hermann Weiss Stutgart 1860 т. 4 стр. 17; A. W. Ambros Geschichte der Musik Leipzig 1887 стр. 547. 31)—Ibid. 31 A)—O. Comettant. La musique et les instrum. de musique chez les differ. peuples du monde... Paris 1869 стр. 596; 32)—Kulturgeschichte des deutscheu Volkes von D-r Otto Henne... Berlin 1886 т. 1 стр. 95. 33)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 422. 34)—Musikalisches Conversations Lexikon H. Mendel т. 2 стр. 380. 35)—Musikal Conversations Lexikon ven Herm. Mendel IX ст. 33; 36)—Вѣстникъ Европы. Іюль 1874 стр. 703. 37)—L. Krzywicki. Zarys antropolog. etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. 38)—O. Comettant (смотр. примѣч. 31 A). 39)—A. W. Ambros Geschichte der Musik. Leipzig 1887 стр. 552. 40)—O. Comettant стр. 575. 41)—«Всемірный путешественникъ». Январь 1874 стр. 16—17. 42)—Musik. Conv. Lexik. v. H. Mendel т. 9 стр. 33. 43)—Kostümk. v. H. Weiss т. 5 стр. 851. 46)—Revue des trad. pop. ч. 6 № 11 стр. 685. 45) — O. Comettant стр. 590. 46)—Słownik rzeczy starożytnych opracował G... Krakow 1896 слово ligawka. 47)—Wisła. 1888 стр. 432. 48)—Kmiotek. Warszawa 1849 стр. 207. 49)—Wisla 1888 стр. 432. 50)—Смотр. примѣч. 44 и 52)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 1 стр. 169. 53)—O. Comettant стр. 586, 588 и 589. 54)—Kost. H. Weiss т. 5 стр. 432. 55)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel. т. 5 стр. 290 и т. 2 стр. 32—33. 56)—Ibid. 57)—Kulturgeschichte des deutschen Volkes von D-r Otto Henne am Rhyn Berlin 1886 т. 1 стр. 38. 57 A)—Ш. Летурно Эволюція торговли. Изд. Поповой Спб. 1889 стр. 109. 58)—Mus. Conv. Lex. H. Mend. т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 59)—Ibid. 60)—A. W. Ambros стр. 508. 61)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 62)—Народы Россіи Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 63)—«Новое Время» 1897 № 7593. 64)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этн. 17 в. т. стр. 8. 65)—Извѣст. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Имп. Казанск. унив. т. 14 в. 3 стр. 375. 66)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 1 стр. 324. 67)—M. A. Racinet. Le costume historique. Paris 1888 т. 3 рисун. № 141. 68)—Сборн. матер. для описан. мѣстност. и пле-

менъ Кавказа в. 19 стр. 126—127. 69)—Ibid. в. 10 стр. 47. 70)—A. W. Ambros стр. 375; Kostk. Weiss т. 4 стр. 60 и 111; Neu eröffneter Magasin musikalisscher Tonwerkzeuge. Bearb. von Heinrich Welker von Gontershausen Frankfurt am Main 1855 стр. 15. 71)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 72)—Ibid. 73)—Kostk. Weiss т. 5 стр. 851. 74)—Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. Граф. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ Спб. 1889. в. 2 стр. 69. 74 А) O. Commetant 75)—A. W. Ambros стр. 524. 76)—D-r Č. Žibrt. «Jak se kdy v Čechách tancovalo» v Praze 1895. 77)—Illustrirtes Wörterbuch der Römischen Alterthümer Antony Rich. Paris & Leipzig 1862. 78) ibid. 79)—Исходъ Глава 19. 80)—Ibid, 81)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 82)—Эме Гюмберъ Живописная Японія. Спб. 1870 стр. 3. 83)—Извѣст. Общ. Арх. Ист. и Этногр. т. 14 в. 3 стр. 375. Народы Россіи Изд. об. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 202. 84)—Ambros стр. 375. 85)—Der Olymp... A. H. Petiscus. Leipzig 1890 стр. 305—306. 86)—Смотр. примѣч. 70). 87)—A. W. Ambros стр. 551. 88)—Hahn. Albanesische Studien стр. 160. 89)—Česky Lid Číslo 1 Ročn. 3 стр. 39. 90)—Книга числъ. Глава 10. 91)—Ibid. 92)—Ibid. Глава 29 ст. 1. 93)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 2. стр. 380. 94)—Ibid. 95)—Смотр. примѣч. 70). 96)—Kostk. Weiss т. 4 стр. 255. 97)—A. W. Ambros. стр. 508. 98)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 10 стр. 31. 99)—Ibid. т. 10 слово tuba. 100)—Bibl. der neuest. und wichtigst. Reisebeschr. Sprengel. Weimar 1801 т. 4; Путешествіе въ Тибетъ г. Турнера. 101 и 102)—З. И. Р. Г. О. по отдѣл. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 103)—Народы Россіи Спб. в. 2 стр. 455—457. 104)—«Новое время» 1897 № 7593. 105)—Dzieje starożytne narodu L. przez Teodora Narbutta. Wilno. стр. 284. 106)—Этнограф. Обозр. 1895 № 3 стр. 35. 107)—Kostümk. Weiss т. 1 стр. 161. 108)—Revue de traditions populaires т. 6 № 11 стр. 685. 109)—Сборн. матер. для мѣстн. и плем. Кавказа в. 10 стр. 47. 109 А)—Страна эфіоповъ (Абиссинія) Е. Е. Долганева. Спб. 1896 стр. 116. 110)—D-r A. Petermanns Mitteilungen. Gotha. т. 37. 1891. т. стр. 235. 111)—Книга числъ. Глава 10. 112)—Hystorja muzyki K. Łada стр. 9. 113)—Журн. «Естествозн. и Географія» 1896 Апрѣль стр. 42—43; З. И. Р. Г. О. по. отд. этногр. т. 16 стр. 84—390. 117)—«Новое время» 1897 № 7593. 116)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel т. 8 стр. 382. 117)—H. Welcker. Neu eröffnetes Magazin muzikalischer Tonwerkzeuge Frankf. am Main 1855 стр. 33. 118)—Hyst. muz. K. Łada. Wasrzawa 1861 стр. 175. 119)—Musik. Conv. Lexik. H. Mendel. 120)—«Всемірн. путешествен.». Янв. 1874 стр. 1874 стр. 16—17. 121)—Естест. ист. плем. и нар. Фр. Гельвальдъ. Изд. Суворина. Спб. 1885 т. 2 стр. 285. 122)—Пешель. Народовѣдѣніе. (Въ польскомъ переводѣ). Варшава 1876 стр. 259. 123)—Э. А. Вольтеръ т. 1 стр. 202. 124)—L. Krzywicki Zarys antropolog etnicznej Warsz. 1893 стр. 219. (Изъ Пешеля. Народов.) 125)—Ibid. стр. 121. «Міръ Божій», ст. III. Летурно стр. 159. 126)—L. Krzywicki. Zar. antrop. etn. стр. 127)—Головацкій. Галиц. Пѣсни ч. 1 стр. 706. 128)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. ч. 2 стр. 492—493. 129)—Д-ръ Плоссъ. Женщина въ естествовѣдѣніи и народовѣдѣніи перев. подъ редак. Д-ра В. И. Рамма. Спб. 1899 стр. 409. 130)—Henri Mouhot. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos. Paris 1872 стр. 31. 131)—Le Costume historique... M. A. Racinet Paris 1888 т. 4. 132)—Musik. Conv. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 133)—Книга числъ. Глав. 10. 134)—Bibl. d. neuest. u. wicht. Reisebeschr... Weimar 1801 т. 4 стр. 130. 135)—Книга числъ. Глава 10. 136)—Mus. C. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 380. 137)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 137 А)—Журн. Минис. Народ. Просв. ч. XLII, II стр. 43. 138)—Книга Іисуса Навина. Гл. 6. 139)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 140)—Musik Con. Lex. H. Mendel т. 2 стр. 239 и т. 5 стр. 400. 141)—Смотр. примѣч. 193). 142)—Нар. Россіи. Спб. 1880 в. 2 стр. 455—457. 143)—A. W. Ambros. стр. 530—532. 144)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 19 стр. 126—127. 145)—Этногр. Обозр. 1891 в. 10 стр. 7 и 12. 146)—Сборн. Матер. для оп. Кавк. мѣст. и плем. Кавказа в. 20 1894 стр. 154. 147)—Чубинск. Труды т. 1 стр. 191. 148) Герб. Спенсеръ «Таинственный міръ» Спб. 1899, стр. 8—10. 149)—«Религіозные обряды черемисъ» свящ. Яковлева Изд. Миссіонерск. Общ. Казань 1887. 150)—Сообщ. моего брата,

Н. А. Мошкова. 151)—И. Н. Смирновъ. «Черемисы» стр. 165. 152)—Гр. Верещагинъ. Вотяки стр. 61—62. 153)—Максимовъ. Годъ на сѣверѣ. Спб. 1859. стр. 154. 154)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 17 в. 2 стр. 92. 155)—La Tradition годъ 3 № 86—87 стр. 109. 156)—Ibid. стр. 105. 157)—Этногр. Обозр. 1891 в. 10 ст. 7 и 12. 158)—«Естествозн. и Геогр.». 1891 май стр. 43. 159)—Герб. Спенсеръ «Таинств. міръ». Спб. 1899 стр. 9. 160)—La Traditiou 1895 № 86—87 стр. 105. 161)—O. Kolberg Mazowsze. т. 4 стр. 134 162)—И. П. Сахаровъ. Сказ. р. нар. Спб. 1885 стр. 4. 163) La Tradition 1895 № 86—87 стр. 105. 164)—Г. Спенсеръ. «Таинст. міръ». Спб. 1889 ст. 2. 9. 165)—Бытъ грековъ и римлянъ. Ф. Ф. Велишскаго. Прага 1878. 166)—Revue des Traditions populares годъ 6 т. 6 № 7 стр. 429. 167)—Е. Н. Водовозовой. Жизнь европ. народ. Спб. 1878 ч. 2 стр. 108. 169)—Rev. d. tradit. pop. т. 2 1887. 170)—Водовозова. Жизнь евр. нар. ч. 2 стр. 492—493. 171)—Dzieje staroż. nar. Lit. Narbuttó Wilno 1835 стр. 172)—O. Kolberg. Lud Ser. 5 стр. 303. 173)—Zbiór Wiadom. do Antropol. т. 14 стр. 67. 174)—Zeitschr. d. Ver. für Volksk. Berlin 1894 Heft. 3 стр. 309. 175)—Gregorowicz. Pamiętnik Towarz. Tatrzanskiego 1880. 176)—Путеш. чер. Монголію въ Тибетъ Гюка и Габэ. Москва 1866 стр. 278. 177)—Ibid. стр. 198. 178)—Сборн. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 18 стр. 130. 179) - Ест. ист. плем. и нар. Гельвальда. т. 2 стр. 325. 180)—Ethn. Mitteil. aus Ungarn. 1895 т. 4 Heft. 4—6 стр. 169. 181)—Толков. слов. русск. языка. Даля. Слово «труба». 182)—Путешествія и открытія д-ра Эдуарда Фогеля въ Африкѣ, преимущественно въ Суданѣ. На русск. языкѣ. 183)—Racinet. Le costume historique т 2 рисун. лит. GE. 184)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 18 стр. 135. 185)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 16 стр. 84—390. 186)—Р. др. въ памятн. иск. Толстаго и Кондакова. в. 2 стр. 69. 187)—Ill. Wört. b. d. Röm. Alterth. A Rich. Paris & Leipzig 1862 слово «tuba». 188)—La Tradition т. 12. Decembre 1893. стр. 328. 189)—Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 3 стр. 165. 190)—Kłosy 17 № 429. стр. 185. 191)—Острова Тихаго океана. Соч. Ф. Кристмана и Р. Оберлэндера. Спб. 1875 т. 2 стр. 336. 192)—Dzieje staroż. nar. Lit. Narbutt. Wilno 1835 стр. 352 и Ж. Мин. Нар. Пр. ч. XLII, II стр. 35. 193)— Racinet. Cost. hist. 194)—Путеш. къ верх. Нила и изсл. его источн. С. Уайтъ Бекера. Москва. 1868 стр. 145 и 147. 195)—Плоссъ. Женщ. Спб. 1899 т. 2. стр. 417. 196)—Hahn. Alb. St. стр. 160. 197)—Kostümk. Weiss т. 4 стр. 255. 198)—Racinet. Le Cost. т. 3 рисун. № 141. 199)—Ill. Wörtb. Rich. Paris 1862. 200)—La Tradition. Année 8—9 Juillet-Decembre. 1895 с. 209. 201)—Пешель Народ. (польск. пер.). Варшава 1876 стр. 260. 202)—Ethn. Mitteil. aus Ung. Іюнь 1893 стр. 27. 203)—Пут. Гюка и Габэ. 1866 стр. 54. 204)—Ill. W. d. R. A. Rich. Paris 1862. 205)—R. d. trad. pop. 6. № 11 стр. 685. 207)—Mus. Lex. Mendel 1 стр. 169. 208)—Zeitschr. d. Ver. f. Vlksk. 1894 H. 3 стр. 309. 209)—Český Lid Čislo 1 Ročnik. 5. стр. 14. 210)—Головацкій. Галицк. пѣсни ч. 1 стр. 706. 211)—Труды этногр. отд. Об. Люб. Ест, кн. 9 в. 1 1889 стр. 127. 212)—З. И. Р. Г. О. по отд. Этногр. т. 2 стр. 530. 213)—Памятн. кн. Арханг. губ. 1865 ст. 2 стр. 24—26. 215)—Český Lid. Čislo 1 Ročn. 3 стр. 39. 216)—«Естествозн. и геогр.». 1896 апрѣль стр. 42—43. 217)—Книга судей. Гл. 7. 218)—Паралипоменонъ кн. 2 гл. 13. 219)—Musik. Con. Lex. Mendel 1 стр. 220)—Kostümk. Weiss т. 4 стр. 255. 221)—Musik. Lex. H. Mendel т. 9 стр. 33. 222)—Н. О. Эминъ. Излѣд. и ст. по армянск. миѳолог., арх. Москва 1896 в. 2 стр. 57. 223)—Ambros стр. 356 и 375. 224)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 225)—A. W. Ambros стр. 375. 226)—Ibid. 227)—Чтен. Имп. Об. Ист. и Древн. Росс. 1846 № 1 стр. 35. 228),—229) и 230)—Ibid. стр. 39. 231)—Kostümk. Weiss т. 1 стр. 431. 232)—Narbutt. Wilno 1835 стр. 13. 233)—Чтен. въ И. О. Ист. и Др. Рос. 1 ст. Изслѣд. начала народ. слав. стр. 71. 234)—A. W. Ambros стр. 375. 235)—Н. Сумцовъ. Культурн. переживан. стр. 149. 236)—Ф. Готтенротъ. Ист. внѣшней культуры. Спб. 1885 ч. 9 стр. 136 237)—Mus. Lex. Mendel т. 10 стр. 345. 238)—A. W. Ambros стр. 464. 239)- И. Казанцевъ. Опис. киргизъ-кайсакъ. Спб. 1887. стр. 130. 240)—Д. В. Путята. Китай Спб. 1895 стр. 176; И. Я. Пясецкій. Путешествіе по Китаю. Спб. 1880. т. 1 стр. 49. 241)—

A. W. Ambros стр. 552. 242)—Fridr. Müller Allgem. Ethnografie. Wien. 1879. стр. 489. 243)—Стенли. «Какъ я отыскалъ Ливингстона». Спб. 1874 стр. 202. 244)—Mélusine т. 3 1886—87 стр. 460. 245)—Du Niger au Golfe de Guinée par les pays de Kong et te Mossi. Par le capit. Binger. Paris 1892 т. 1 стр. 104. 246)—A. W. Ambros стр. 541. 247)—Ill. W. Rich. Paris 1862. 248)—Racinet. Cost. Слово «Busine» 249)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. 1 стр. 393 и 404. 250)—Bibl. der neuesten u. wichtigsten Reisebeschreibungen... Weimar 1801 т. 3 стр. 126. 251)—Народы Россіи. Этногр. оч. Изд. ред. журн. «Природа и люди» Спб. 1880 т. 2 стр. 311. 252)—Rev. des trad. pop. 1886 т. 1 стр. 318. Ibid. т. 5 стр. 183; Ibid. т. 4 стр, 289; 253)—Е. Н. Водовозова. Ж. евр. нар. ч. III стр. 165. 254)—Ibid. I стр. 120; Истор. вѣстн. 1881 т. 4 стр. 646. 255)—Этногр. Обозр. 1891 № 2 стр. 6. 256)—Ibid. 1894 № 3 стр. 42. 257)—Народы Росс. т. 2 стр. 302. 258)—Слов. Даля. 259)—Narbutt. Wilno. 1835. стр. 281. 260)—Ibid. стр. 311. 261)—Ibid. 262)—Религіозн. обряды черемисъ Свящ. Яковлева. Казань 1887. 263)—Чубинск. Труды т. 7 стр. 61—62 и 64—66; А. С. Дембовецкій описан. Могилев. губ. 1882 т. 1 стр. 755—756. 264)—Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа в. 18 стр. 4. 265)—«Естествозн. и геогр.» 1896 апрѣль стр. 42—43. 266)—Путеш. Гюка и Габэ. Москва 1866. стр. 278. 267)—Смотр. примѣч. 245) т. 1 стр. 378, т. 2 стр. 184. 268) Movers Die Phönizier Bonn. 1841 т. 1 стр. 205 и 207. 269)—La Tradition № 3 Année 5 стр. 92. 270)—Zbiór Wiad. do Antr. т. 11 стр. 176. 271)—Сахаровъ Ск. р. нар. Спб. 1885 стр. 86—90. 272)—См. прим. 154. 273)—La Tradition Année 3—9 (№ 86—87) 1895 стр. 105 и 109. 274)—Ibid. 275)—Сборн. матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа в. 8 стр. 6. 276)—Ibid. в. 19 стр. 83. 277)—Народы Россіи. т. 2 стр. 311. 278)—«Естест. и Геогр.» 1896 май стр. 43. 279)—Народы Росс. Спб. 1878 т. 1 стр. 447. 280)—Начало цивилиз. Лёббока Втор. изд. редак. Д. А. Коропчевск. стр. 25. 281)—Ibid. стр. 22. 282)—Zbiór Wiadom. do Antr. т. 9 стр. 60; O. Kolberg Kraków. ser 7 стр. 50. 283)—La Tradition Année 9 № 86—87 стр. 140; Ibid. Année 8—9 № 88—93. стр. 231, 284)—Ibid. Année 7 № 78—80 стр. 317. 285)—Нач. цив. С. Дж. Лёббокъ. 161. 286)—Ibid. 287)—La Tradition. Année № 72—73 стр. 24. 288)—Сбор. матер. для описан. мѣст. и плем. Кавказа в. 17 стр. 147 и в. 19 стр. 79. 289)—Ibid. стр. 194. 290)—Ibid. стр. 202. 291)—Ibid. стр. 207. 292)—Ibid. в. 14 стр. 255. 293)—З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 17 в. 2 стр. 223. 294)—Нач. цив. С. Дж. Леббокъ стр. 160—161. 295)—Такъ о якутахъ пишутъ, что у нихъ «единственный» инструментъ—«хамысъ». Изв. Вост. Сибирск. отд. И. Р. Г. О. т. 13 1882 № 3 стр. 39. 297)—Ш. Летурно. Соціологія, основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 298)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1892 ч. 1 стр. 740, 749 и 751. 300)—Р. энц. словарь Брокгауза. Слово «Китайцы». 301)—Ф. Готтенротъ. Истор. внѣшн. культ. стр. 155. 302)—Матер. для географіи и стат. Россіи, собр. оф. генер. шт. въ Ковенской губ. Д. Афанасьева. Спб. 1861 стр. 571. 303)—Памятн. книж. Сѣдлецк. губ. 1891 стр. 250—251 стат. Г. Янчука; Pamiętnik fizyjograficzny т. 4 стр. 377—379. 305)—Народы Россіи т. 2 стр. 306. 306)—Ш. Летурно Соц. основ. на этногр. Спб. 1895 в. 1 стр. 92. 307)—«Естеств. и Геогр.» мартъ 1896 стр. 23; Путеш. Гюкъ и Габэ. стр. 177. 308)—«Ест. и Геогр.» март. 1896 стр. 20. 309)—Ш. Летурно. Соц., основ. на этногр. в. 1 стр. 92. 310)—Смотри примѣч. 182. 311)—Ест. ист. плем. и народ. Ф. Гельвальда Спб. 1885 т. 2 стр. 227. 312)—С. Дж. Леббокъ. Нач. цив. 2-е изд. стр. 44. 313)—Ф. Готтенротъ стр. 161. 314)—Folk-Lore. (Англ. этногр. журн.) London т. 6 № 1895 стр. 96. 315)—Путешеств. въ зап. Китай. Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Спб. 1896 т. 1 стр. 144. 316)—Racinet. Costume т. 2 рисун. CC. 317)—Ф. Готтенротъ. стр. 191. 318)—«Живая старина» 1894 в. 2 стр. 134. 319)—Пам. кн. Сѣдл. губ. 1891 стр. 235. 321)—А. С. Дембовецкій. Могил. губ. 1882 т. 1 стр. 749. 322)—Ф. Готтенротъ. Ист. вн. культ. стр. 155. 323)—Ш. Летурно. Соц. осн. на этногр. в. 1 стр. 92. 324)—«Естест. и Геогр.» мартъ 1896 стр. 20. 325)—«Истор. вѣст.» 1895 мартъ стр. 554. 326)—Народы Россіи т. 2 стр. 347. 327)—Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. 11 в. 2 стр. 113, 131 и 132. 328)—Пут. въ зап. Китай Г. Е. Грумъ-Гржимайло

т. 1 стр. 144. 329)—З. И. Р. Г. О. т. 3 1873 стр. 267 и Чубинск. т. 7 1872 стр. 25. 330)—Чубинск. т. 7 стр. 23 331)—A. W. Ambros стр. 375; 332)—M. A. Racinet. т. 2 къ рисун. подъ знакомъ «коса» (земледѣльч. орудіе); П. Я. Пясецкій Путеш. по Китаю Спб. 1880. т. 2 стр. 884. 333)—Этногр. Обозр. 1897. № 2 стр. 72. 334)—Этногр. Обозр. 1889 кн. 4 стр. 182. 335)—Narbutt. Wilno. 1835. т. 1 стр. 335. и Журн. Минис. Нар. Прос. ч. XLII. II стр. 49. 336)—Ф. Готтенроть. Истор. вн. культ. 337)—Этногр. Обозр. 1895 № 3 стр. 14. Статья А. Фаминцына. Древне-арійскіе и древне-семитскіе элементы въ обычаяхъ, обрядахъ, вѣрованьяхъ и культахъ славянъ.

● Д...ьстечки, гдѣ обычая этого неизвѣстно.

Хунъ-ну и Гунны.

(Библіографическій обзоръ теорій о происхожденіи народа Хунъ-ну китайскихъ лѣтописей, о происхожденіи европейскихъ Гунновъ и о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ народовъ).

(Окончаніе).

III.

Теорія турчизма Хунъ-ну и финнизма Гунновъ. Абель Ремюза, какъ сторонникъ первой части этой теоріи и разборъ его доводовъ. Клапротъ— главный представитель этой теоріи. Его изслѣдованія и разборъ ихъ. Другіе послѣдователи этой теоріи. Ея общее значеніе.

Слѣдующая по времени за теоріей монголизма была теорія, отличавшая Хунъ-ну отъ Гунновъ и считавшая первыхъ тюрками, а вторыхъ финнами. Особенно проводилъ ее извѣстный полиглотъ Клапротъ, неоднократно писавшій по этому вопросу. Этотъ ученый справедливо считается главнымъ представителемъ теоріи. Болѣе того, онъ, собственно говоря, создалъ ее, онъ-же развилъ и распространилъ ее въ наукѣ. Если теорія монголизма образовалась постепенно, слагалась изъ мнѣній различныхъ ученыхъ и нуждалась въ окончательномъ обобщеніи, то теорія финнизма Гунновъ и турчизма Хунъ-ну сложилась, можно сказать, почти сразу. Такимъ образомъ, если она должна была быть цѣльнѣе первой, то въ ней однако болѣе допустимы недосмотры. Трудность усложнялась еще тѣмъ, что предлагавшему ее нужно было не только доказывать вѣрность своего взгляда, но и отрицать другіе, предшествовавшіе доводы. Изъ всего этого видно, что взявшій на себя такой трудъ долженъ былъ явиться настоящимъ реформаторомъ въ изучаемомъ нами вопросѣ, и такимъ дѣйствительно нужно назвать Клапрота.

Однако, признавая все значеніе этого ученаго, мы должны сказать, что еще до него высказался по поводу происхожденія Хунъ-ну, придерживаясь уже мнѣнія о турчизмѣ этого народа, извѣстный французскій монгологъ Абель Ремюза въ своемъ сочиненіи „Recherches sur les langues tartares“ (Paris, 1820). Въ этомъ изслѣдованіи, какъ уже видно изъ самаго заглавія, не историческомъ, онъ однако коснулся нѣкоторыхъ историческихъ во-

просовъ. Къ нимъ принадлежитъ и вопросъ о происхожденіи Хунъ-ну. О Гуннахъ онъ почти ничего не говорилъ. Поэтому мы и можемъ считать его первымъ, высказавшимся по поводу новой теоріи, но только относительно одной ея части, именно происхожденія Хунъ-ну. Вышеназванное сочиненіе имѣетъ цѣли филологическія. Кромѣ небольшого предисловія, введенія и небольшого-же заключенія, сочиненіе это дѣлится на семь главъ. Первая говоритъ объ этихъ народахъ вообще. Вторая касается несторіанско-татарскаго алфавита. Третья—древняго письма Татаръ. Четвертая—орѳографіи и грамматики Маньчжуровъ. Пятая—монгольскаго языка и его діалектовъ. Шестая—восточно-тюркскаго или уйгурскаго языка. Наконецъ, седьмая—тибетскаго языка. Интересующаго насъ вопроса Абель Ремюза коснулся въ первой, пятой и шестой главахъ. Сообразно съ этимъ начнемъ и мы обозрѣніе его мнѣній и доказательствъ.

Говоря о различныхъ именахъ татарскихъ народовъ, этотъ ученый долженъ былъ сказать и о происхожденіи имени Хунъ-ну. Онъ вообще придерживался того взгляда, что почти всѣ варіанты имени этихъ кочевниковъ, приводимые въ китайскихъ лѣтописяхъ—тенденціозныя передѣлки съ оскорбительнымъ значеніемъ. Такъ „Хунь-ё (Hiun-io) можетъ значить проданные рабы; Гуй-фанъ (Kouei-fang)—дьявольскіе, Хянь-юнь (Hian-yun)—канальи, Хунъ-ну (Hiong-nou)—дурные рабы, Ту-гю (Thou-kiouei)—наглыя собаки и т. д. Это—воспоминанія о ненависти и презрѣніи, которыя китайцы всегда имѣли къ Татарамъ вслѣдствіе ихъ невѣжества, разбоевъ и набѣговъ, которые они постоянно совершали на землю имперіи“ (pp. 8—9). Однако, онъ думаетъ, что китайцы не произвольно выдумывали эти выраженія, а обращали вниманіе на имена, которыя татары сами себѣ давали. Онъ склоненъ видѣть въ нихъ татарскія имена, только транскрибированныя по китайски, съ измѣненіями, свойственными китайскому языку. Онъ думалъ, что китайцы старались, чтобы соединеніе знаковъ, передававшихъ эти имена, имѣло бы сатирическій или презрительный смыслъ. При этомъ Абель-Ремюза указалъ на слово Ту-гю, которое, будучи вѣрной передачей слова тюркъ на китайскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ ругательный смыслъ (p. 9). Подтвержденіе этому онъ видитъ еще въ томъ, что у китайскихъ авторовъ иногда имя одного и того-же народа измѣняется по эпохамъ, но эти измѣненія никогда не бываютъ очень значительны и безъ всякаго труда можно замѣтить ихъ общее происхожденіе. Такъ, одинъ и тотъ-же народъ носитъ то имя Хунь-ё, то Хянь-юнь, то Хунъ-ну (p. 10). Очень трудно, по его мнѣнію, найти настоящее имя народа, имѣя только китайскую транскрипцію. Причиной этого бываетъ часто незнаніе языка народа. Этотъ случай мы имѣемъ и въ отношеніи Хунъ-ну. Тутъ Абель-Ремюза высказалъ свое мнѣніе

о тожествѣ Хунъ-ну и Гунновъ и указалъ на Дегиня, какъ на главнаго представителя этого отожествленія. „Однако нужно сказать по правдѣ“, замѣчаетъ онъ: „что Дегинь не достаточно доказалъ это тожество, которое, хотя и имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, представляетъ и большія трудности“. (р. 11 и Introduction, р. XLVI). Въ совершенную противоположность Нейману, Абель Ремюза придерживался того мнѣнія, что „историки и географы китайскіе, говоря о татарскомъ народѣ, всегда стараются указать группу, къ которой онъ принадлежитъ, относится-ли это напр. къ Хунъ-ну т. е. къ Тюркамъ или къ Дунъ-ху т. е. къ Восточнымъ варварамъ“. (р. 23). Итакъ, хотя въ вопросѣ о происхожденіи имени этихъ кочевниковъ, Абель Ремюза и придерживался мнѣній, не отличавшихся отъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ предшествовавшихъ ему писателей (вспомнимъ мнѣніе Дегиня), но онъ развилъ ихъ и даже привелъ въ систему, распространивъ эти измѣненія не только на данный случай, но и на другіе. Нѣкоторые сторонники монгольской теоріи, напр. Нейманъ и о. Іакинѳъ, придерживались этого-же мнѣнія относительно измѣненія имени, и вообще нужно сказать, что оно можетъ считаться наиболѣе распространеннымъ въ изслѣдованіяхъ, касающихся нашего вопроса.

Говоря о Монголахъ, Ремюза въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ отношеніе ихъ къ Хунъ-ну и позднѣйшимъ кочевымъ государствамъ: „Монголы навѣрно часто входили, по крайней мѣрѣ въ качествѣ вассаловъ или подданныхъ, въ составъ тѣхъ страшныхъ союзовъ, которые образовывались къ сѣверу отъ Китая и угрожали цѣлой Азіи, подъ именемъ Хой-хэ (Hoeï-ke), Ту-гю (Thou-kiouei), Жуань-жуань (Jouan-jouan), а въ еще болѣе древнее время Хунъ-ну (Hiong-nu), Хянь-юнь (Hian-yun) и др.“ (р. 242). Отыскивая древнѣйшія извѣстія о Монголахъ, онъ даже высказалъ предположеніе, что Хунъ-ну, раздѣлившись на сѣверныхъ и южныхъ, слѣдовали „естественному раздѣленію двухъ народовъ, говорившихъ на разныхъ языкахъ, но до тѣхъ поръ соединенныхъ“ т. е. что Хунъ-ну раздѣлились на два, составлявшихъ ихъ элемента—на Тюрковъ и Монголовъ (р. 243) *). Въ этомъ предположеніи, кажется намъ, можно слышать отголосокъ сообщеній Абуль-Гази и мнѣнія Дегиня. Однако, трудно опредѣлять какихъ Хунъ-ну онъ считалъ отдѣлившимися Тюрками и какихъ Монголами. Если судить по порядку, въ которомъ онъ упомянулъ о нихъ, то можно думать, что сѣверные Хунъ-ну были, по его мнѣнію, Тюрки, а южные Хунъ-ну Монголы. Впрочемъ онъ высказался мимоходомъ, такъ что его воззрѣнію, какъ и мнѣнію по этому поводу Дегиня, нельзя придавать большого значенія.

Болѣе всего онъ сказалъ о Хунъ-ну въ главѣ, посвященной тюркскимъ

*) Хотя роль Монголовъ до раздѣленія онъ, видимо, считалъ совершенно незначительной, такъ какъ Хунъ-ну (до раздѣленія) онъ называлъ Тюрками.

народамъ (р.р. 249—330). Тюркское племя считаетъ онъ, какъ и большинство изслѣдователей, однимъ изъ самыхъ древнихъ въ Средней Азіи, самымъ большимъ по числу принадлежавшихъ къ нему народовъ, наконецъ имѣвшимъ болѣе всѣхъ другихъ сношеній съ Западомъ. Онъ замѣчаетъ, что, когда китайцы говорятъ о народахъ, принадлежащихъ къ тунгузскому племени, то только сообщаютъ, что они потомки Дунъ-ху, когда-же говорятъ о народахъ тюркскихъ, то называютъ ихъ потомками Хунъ-ну. Сохраненныя китайскими лѣтописями слова языка Хунъ-ну онъ считаетъ тюркскими; страна, изъ которой вышли Хунъ-ну, та самая, которую всѣ извѣстные намъ тюркскіе народы называютъ своей родиной: „Если вѣроятно, что имперія Хунъ-ну, разсматриваемая на всемъ ея большомъ протяженіи, заключала въ себѣ многія тунгузскія, монгольскія, сибирскія, готскія и, можетъ быть, финскія племена, тѣмъ не менѣе можно сказать навѣрняка, что главное ядро и господствующій народъ были тюрки" (р.р. 326—327). Изслѣдуя границы распространенія Хуннускаго владычества, онъ думаетъ получить правильное понятіе о распространеніи тюркскаго племени, „если не въ его первобытномъ состояніи, то по крайней мѣрѣ, въ самомъ древнемъ изъ извѣстныхъ намъ по исторіи". (327).

Сравнительно очень мало сказалъ онъ объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Мелькомъ онъ замѣтилъ только, что не могутъ касаться его сочиненія событія, „которыя распространили имя Хунъ-ну на Гунновъ, если только это имя есть то же самое, что имя гуннъ". (р. 328). Тутъ-же онъ добавилъ, что хотя Дегинь и считалъ это тожество несомнѣннымъ, однако оно представляетъ довольно много затрудненій (какихъ именно онъ не сказалъ) и нуждается въ новыхъ доказательствахъ (р. 328, n. 3).

Изъ этого обзора мнѣній Абель Ремюза мы можемъ заключить, что онъ главнымъ образомъ говорилъ о происхожденіи Хунъ-ну, причемъ считалъ какъ этотъ народъ, такъ и его потомковъ Ту-гю Тюрками, допуская впрочемъ, что въ ихъ составъ входили и другіе элементы, но только въ видѣ подданныхъ или вассаловъ. Гунновъ-же онъ считалъ финнами. Этого послѣдняго положенія онъ не доказывалъ или считая аксіомой, или думая, что этотъ вопросъ не относится къ области его знаній, и потому опираясь на мнѣнія другихъ. Изъ этой разноплеменности Хунъ-ну и Гунновъ естественно слѣдовалъ выводъ, что они могли быть однимъ и тѣмъ-же народомъ. Могла быть только передача имени, о которой, впрочемъ, какъ мы уже видѣли, Абель Ремюза не распространялся.

Этому изслѣдователю принадлежитъ та заслуга, что онъ первый указалъ на созвучіе именъ Хунь-ё, Хянь-юнь и Хунъ-ну. Нейманъ принялъ его воззрѣніе, не соглашаясь однако съ переводами нѣкоторыхъ именъ *).

*) Напр. Абель Ремюза переводитъ Хунь-ё—проданные рабы, а Нейманъ—лукоѣды.

Говоря неоднократно о бездоказательности мнѣнія Дегиня относительно тожества Хунъ-ну и Гунновъ, Абель Ремюза нигдѣ не приводитъ доводовъ въ пользу принятія выставленнаго имъ мнѣнія. Воззрѣніе его на раздѣленіе южныхъ и сѣверныхъ Хунъ-ну, какъ на естественное раздѣленіе этого народа на Монголовъ и Тюрковъ, не было проведено съ послѣдовательностью, да при томъ оно и не имѣетъ большого отношенія къ нашему вопросу, такъ какъ Абель Ремюза, какъ мы уже сказали, считаетъ монголами скорѣе южныхъ Хунъ-ну, а для насъ именно важенъ вопросъ о племени древнихъ Хунъ-ну и ихъ сѣверныхъ потомковъ, какъ возможныхъ соплеменниковъ Гунновъ Запада. Этихъ древнихъ Хунъ-ну Абель Ремюза, не сомнѣваясь, считалъ Тюрками, хотя и не привелъ много доказательствъ. Такъ напр. не мѣшало-бы указать тѣ хуниускія слова, которыя онъ считалъ несомнѣнно тюркскими. Вообще нужно сказать, что этотъ ученый высказался по нашему вопросу мимоходомъ, что̀ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что онъ въ этомъ сочиненіи не могъ говорить подробно о племенной принадлежности и происхожденіи народовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ уклонился-бы отъ основной, филологической задачи своихъ изслѣдованій. Во всякомъ случаѣ его нужно считать первымъ высказавшимся въ пользу турчизма Хунъ-ну.

Главнымъ представителемъ этой теоріи, какъ мы уже сказали, долженъ считаться Клапротъ, который нѣсколько разъ писалъ по этому вопросу и не мимоходомъ, а посвящая спеціальныя изслѣдованія. Его мнѣнія далеко не всегда были основательны и безошибочны, однако съ многимъ изъ того, что онъ писалъ, надо считаться. Впервые высказался онъ по этому поводу въ „Asia polyglotta“ (Paris, 1823). Выступая тутъ съ новыми взглядами, онъ видимо, руководился сообщеніями Абель Ремюза. Такъ, начиная изложеніе о Тюркахъ, онъ сказалъ слѣдующее: „китайскія лѣтописи называютъ ихъ Chiun-jü *) при династіи Шанъ (1766 г.—1134 г. до Р. X.); при Чжеу (1134 г.—256 г. до Р. X.) они назывались Chian-jün, а при Цинь и Хань (256 г. до Р. X.—263 по Р. X.) Chiun-nu. Видно, что это одно и то-же имя съ незначительнымъ измѣненіемъ въ выговорѣ“ (p. 210). Далѣе онъ сообщилъ о древнемъ китайскомъ извѣстіи, что князья этого народа происходили отъ Шün-wy или Chiun-jü (обѣ транскрипціи Клапрота), сына послѣдняго императора династіи Хя (Hia), который, послѣ смерти отца, бѣжалъ съ 500 человѣкъ въ землю этого кочевого народа и сдѣлался чень-ю (шань-юй) или царемъ. Оттого и весь народъ сталъ называться Chiun-jü. Такимъ образомъ, Клапротъ привелъ новое объясненіе происхожденію имени этого народа. Своеобразно толкованіе имъ нѣкоторыхъ историческихъ

*) Транскрипція Клапрота, какъ и всѣ слѣдующія транскрипціи этого имени въ данномъ отрывкѣ.

фактовъ. Движеніе сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ считаетъ онъ первымъ толчкомъ къ переселенію среднеазіатскихъ народовъ. Въ оставленныхъ ими странахъ между истоками Амура и Селенги съ одной стороны и Алтайскими горами съ другой, появились монгольскія и тунгузскія племена, которыя, усиливаясь, привели къ погибели царство южныхъ Хунъ-ну, рушившееся въ III-мъ вѣкѣ. Въ этомъ Клапротъ видѣлъ причину „второго разсѣянія и странствованія большей части народа Хунъ-ну на Западъ". Ихъ бывшая страна была окончательно заселена народами другого племени. Изъ части этихъ Хунъ-ну, ушедшей на Сѣверъ, вышли впослѣдствіи Ту-гю (p.p. 211—212). Въ этомъ же сочиненіи онъ выразилъ ту мысль, что какъ западные финны были германизованы, такъ восточные отуречены (p. 183).

Въ 1825 году Клапротъ напечаталъ въ Journal Asiatique (Novembre) статью „Mémoire sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-nou avec les Turcs". И въ этой статьѣ Клапротъ еще слѣдовалъ воззрѣніямъ Абель Ремюза, дополняя и доказывая ихъ. Редакція этого журнала сочла даже нужнымъ замѣтить при напечатаніи этой статьи, что „неоспоримое тожество Ту-гю и Хунъ-ну съ Тюрками также подтверждается и доказывается въ сочиненіи Абель Ремюза". Какъ показываетъ заглавіе, авторъ задался цѣлью доказать турчизмъ Ту-гю. Родство-же этихъ послѣднихъ и Хунъ-ну „ихъ предковъ", онъ считаетъ доказаннымъ *). Прежде всего Клапротъ привелъ доказательства изъ языка. Выше мы приводили возраженія Шмидта относительно производства слова тюркъ отъ такъя. Клапротъ однако предложилъ и другое толкованіе. Онъ указалъ именно на близость слова теркъ, которое значитъ шлемъ, къ слову тюркъ **). Кромѣ того онъ привелъ до 20 тугюйскихъ словъ, сохраненныхъ намъ китайскими лѣтописями, доказывая ихъ несомнѣнное тюркское происхожденіе и отличіе отъ монгольскихъ словъ. Къ этимъ лингвистическимъ доказательствамъ примыкаютъ, по его мнѣнію, и историческія. Онъ указалъ на одновременное появленіе въ византійскихъ лѣтописяхъ извѣстій о Тюркахъ и въ китайскихъ о Ту-гю, на сходство нѣкоторыхъ обычаевъ того и другого народа и т. д. Мы не будемъ долго оста-

*) Въ настоящее время, какъ видимъ, получается обратное. Турчизмъ Ту-гю, благодаря открытію Орхонскихъ надписей, несомнѣненъ, тогда какъ тожество ихъ съ Хунъ-ну требуетъ доказательствъ.

**) Замѣтимъ, что проф. Шоттъ (Ueber das Altaische oder Finnisch—Tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandlungen Berliner Academie, 1847) указалъ на то, что слово дулга употребляется и въ тюркскихъ языкахъ. Въ монгольскомъ языкѣ онъ указалъ на формы dughulga или dûlgha, а въ тюркскихъ на thughulgan, tughulga, tulgha, daghulghan, daulghan, daulgha, talgha, dalgha. Слово-же теркъ онъ считалъ не тюркскимъ, а арабскимъ или персидскимъ. Въ Турецко-Татарскомъ словарѣ Будагова теркъ и терке считаются словами персидскимъ и арабскимъ, см. стр. 351. Въ этомъ-же словарѣ на стр. 404 указаны татарскія, османскія и джагайскія формы слова тулга. Итакъ, во всякомъ случаѣ турчизмъ Ту-гю несомнѣненъ.

навливаться на этой статьѣ, такъ какъ во первыхъ тожество это еще было повторено Клапротомъ въ его главномъ сочиненіи по этому вопросу, во вторыхъ родство Ту-гю и Тюрковъ не относится непосредственно къ нашей работѣ и въ третьихъ, послѣ открытія Орхонскихъ памятниковъ, тожество это болѣе не нуждается въ доказательствахъ.

Вышеприведенные доводы относительно происхожденія Ту-гю, равно какъ и нѣкоторыя другія соображенія, Клапротъ повторилъ еще и въ „Mémoires relatifs à l'Asie“, книгѣ извѣстной уже намъ по критикѣ мнѣній Шмидта.

Всѣ эти изслѣдованія и статьи были подготовительными работами для обобщеній и заключеній, которыя Клапротъ представилъ въ своемъ сочиненіи, озаглавленномъ „Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826). Оно заключаетъ въ себѣ историческій атласъ и историко-этнографическія разысканія. Эти разысканія представляютъ собственно историческое и этнографическое объясненіе къ атласу. Конечно, не все, заключающееся въ нихъ, должно относиться къ нашему вопросу. Хунъ-ну посвящены стр. 101—121 (Aperçu historique et éthnographique des peuples de l'Asie moyenne; peuples de la race turque), а Гуннамъ стр. 234 — 260 (Recherches sur la grande migration des peuples de la race finnoise orientale; Huns et les tribus hunniques). Начнемъ по порядку съ его изслѣдованія о Гуннахъ.

Разбирая извѣстія о народахъ тюркскаго происхожденія, онъ конечно долженъ былъ начать съ Хунъ-ну. Описавъ обычаи этого народа и передавъ китайскія извѣстія объ ихъ именахъ въ разныя времена (Хунь-юй, Хянь-юнь и т. д.), онъ высказалъ о происхожденіи этихъ именъ то же мнѣніе, какого ранѣе держался Абель Ремюза и онъ самъ въ Asia polyglotta. Затѣмъ онъ перешелъ къ изложенію исторіи этого народа. Для пониманія взаимныхъ отношеній Хунъ-ну и Гунновъ чрезвычайно важно правильное отношеніе къ фактамъ, сообщаемымъ китайскими лѣтописями. Въ этомъ отношеніи Клапротъ далеко не безупреченъ. Передавая о неурядицахъ, происшедшихъ въ государствѣ Хунъ-ну въ половинѣ перваго вѣка по Р. Х. и о подчиненіи Китаю шань-юя Ху-хань-е (Hou-han-sie), онъ совершенно не упомянулъ о томъ, что случилось съ частью Хунъ-ну, откочевавшей подъ предводительствомъ Чжи-чжи на Западъ. Болѣе того—онъ даже совершенно не сообщилъ объ этомъ фактѣ, чрезвычайно важномъ въ нашемъ вопросѣ и которому придаютъ большое значеніе два другихъ изслѣдователя исторіи Хунъ-ну *). Признавая, что сѣверные Хунъ-ну откочевали въ 91—92 г.г. на Западъ, вотъ что онъ сказалъ объ ихъ дальнѣйшей судьбѣ: „Остатки

---

*) См. Дегинь, t. I, p. I, pp. 90—95 и о. Іакинѳъ, т. I, ч. I, стр. 76—80.

сѣверныхъ Хунъ-ну перешли въ своемъ бѣгствѣ въ Кинь-вей (Kin-wei) и направились на Западъ къ Канъ-гюю (Khang-khiu) или Согдіанѣ . . . (затѣмъ) они были принуждены остановиться къ сѣверу отъ Гуй-цзу (Khuei-thsu) или нынѣшняго Куча, въ странѣ, имѣвшей нѣсколько ли протяженія и въ которой они пребывали нѣкоторое время подъ именемъ Юе-бо или Юе-бань (Jue-po или Jue-pan). Позже они пошли на сѣверо-западъ и жили подъ тѣмъ-же именемъ въ странѣ, расположенной по обѣ стороны горъ Улу-тау (Oulou-tau) и Алгинъ-тау (Alghin-tau), которыя служили южной границей Ишимской степи. Затѣмъ эти Юе-бо заключили союзъ съ Жуань-жуань но въ концѣ концовъ поссорились, и эта ссора была поводомъ для многихъ сраженій. Въ 448-мъ году они отправили посольство къ Вэй (Goei), чтобы предложить имъ напасть на Жуань-Жуань съ Востока въ то время, какъ они сами нападутъ съ Запада. Послѣ этого исторія не упоминаетъ объ этихъ Хунъ-ну, которые вѣроятно смѣшались съ другими тюркскими народами" (pp. 109—111). Вотъ и все, что сообщилъ Клапротъ о выселеніи сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ. Оставшіеся послѣ такихъ пораженій немногочисленные сѣверные Хунъ-ну вполнѣ подчинились усилившимся Сянь-би и такимъ образомъ совершенно утратили какъ имя, такъ и политическое существованіе. Ту-гю или Тюрки, по его мнѣнію, потомки Хунъ-ну. Тутъ онъ передалъ сообщенное китайскими лѣтописями преданіе объ удаленіи части Хунъ-ну къ Си-хаю или Западному морю и объ ихъ усиленіи тамъ. Сходство-же преданія о происхожденіи Тюрковъ съ тѣмъ, что Сананъ-Сэцэнъ сообщилъ о происхожденіи Монголовъ, Клапротъ объяснялъ заимствованіемъ послѣдними у первыхъ.

Перейдемъ теперь къ извѣстіямъ о Гуннахъ. Первымъ сообщившимъ о нихъ Клапротъ считалъ Діонисія Періегета (писалъ около 160 г. по Р. X.), упомянувшаго о слѣдующихъ четырехъ народахъ, жившихъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, по порядку ихъ расположенія съ сѣвера на югъ: Скиѳы, Гунны (Οὖννοι), Каспіи и Албаны. Это извѣстіе нашъ изслѣдователь привелъ въ связь съ тѣмъ, что сообщилъ Эратосѳенъ (ум. въ 194 г. до Р. X.), извѣстіе котораго дошло до насъ лишь въ цитатѣ у Страбона. Онъ называетъ тѣ-же народы, живущіе къ Западу отъ Каспійскаго моря и въ томъ-же совершенно порядкѣ, только вмѣсто Гунновъ у него стоятъ Уитіи (Οὐίτιοι) „которые", прибавляетъ Клапротъ: „были вѣроятно гунскимъ племенемъ, наиболѣе выдвинувшимся на Западъ". Птолемей *) упомянулъ о Гуннахъ, которые, по его словамъ, жили между Бастарнами и Роксоланами т. е. на берегахъ Борисѳена (Днѣпра). Армянскіе историки тоже знаютъ

*) Замѣтимъ, что Клапротъ ошибочно думалъ, будто Птолемей жилъ въ половинѣ третьяго вѣка по Р. X. (Tab. hist., p. 532), тогда какъ онъ жилъ въ половинѣ втораго вѣка.

этотъ народъ, который они называютъ Хункъ. По ихъ сообщеніямъ онъ жилъ между Волгой и Дономъ. Зонара передаетъ, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, императоръ Каръ былъ убитъ во время похода на Гунновъ. Основываясь на всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, Клапротъ думалъ, что Гунны были извѣстны еще до своего вторженія, и если Аммiанъ Марцеллинъ замѣтилъ, что они мало были извѣстны древнимъ, то этимъ онъ вовсе не хотѣлъ сказать, что древній міръ ровно ничего не слыхалъ о нихъ. Затѣмъ Клапротъ привелъ извѣстія современныя и послѣдовавшія за гунскимъ вторженіемъ. Это—извѣстія Амміана Марцеллина, Зосимы, Іорнанда и Аполлинарія Сидонія. Признавая, что ужасъ, внушаемый этими варварами всѣмъ народамъ Европы, содѣйствовалъ возникновенію извѣстій объ ихъ отталкивающей внѣшности, онъ однако не считалъ ихъ арійцами. Различные варварскіе народы, напр. Лангобарды, Готы, Вандалы и др., которые раньше Гунновъ вторгались въ земли Римской имперіи, не отличались по внѣшнему виду отъ европейскихъ народовъ, до тѣхъ поръ извѣстныхъ, равно какъ и отъ самихъ Грековъ и Римлянъ. Гунны-же поражали и удивляли какъ несдерживаемымъ нападеніемъ, такъ и наружностью, безобразною и отъ того, что принадлежали къ чуждой, до тѣхъ поръ неизвѣстной расѣ, и, быть можетъ, отъ искусственнаго измѣненія ея.

Отдавая должное знанію и трудолюбію Дегиня, Клапротъ считалъ несновательнымъ отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ. Онъ особенно указывалъ на то, что въ эпоху переселеній этотъ народъ не назывался Хунъ-ну, а Юе-бо или Юе-бань. Это-же имя ничего общаго съ именемъ Гуннъ (Хуннъ) не имѣетъ. Болѣе того, гунское племя, упомянутое Эратосѳеномъ, жило за 200 лѣтъ до нашей эры къ Западу отъ Каспійскаго моря, тогда какъ Юе-бо не пришли еще тогда къ истокамъ Ишима, а жили вмѣстѣ съ другими Хунъ-ну въ областяхъ къ сѣверу отъ Китая.

Раньше мы привели возраженія Клапрота противъ объясненій гунскихъ именъ изъ монгольскаго языка, предложенныхъ Бергманомъ. Однако, онъ не только отрицалъ, онъ привелъ также и свое мнѣніе. Онъ указалъ на нѣкоторыя гунскія имена, которыя не могутъ быть ни тюркскими, ни монгольскими вслѣдствіе скопленія согласныхъ, напр., Бледа, Глонесъ, Боарексъ, Сираксъ Скотта и др. Тутъ Клапротъ задался вопросомъ къ какому племени могли принадлежать Гунны и отвѣтилъ, что византійскіе историки оставили намъ подробныя разъясненія по этому поводу. „Никита, Левъ Грамматикъ, Георгій Монахъ сообщаютъ намъ, что Венгры то-же, что гунны“. „Древнія венгерскія хроники говорятъ то-же самое“. „Киннамъ называетъ Венгровъ западными Гуннами (Οὖννοι ἑσπέριοι)“. Онъ видѣлъ сходство даже въ именахъ Гунновъ и Венгровъ (Oungri). Въ именахъ многихъ гунскихъ пле-

менъ встрѣчается имя Oungri или Ougri (Венгры). напр. Огоръ (Ogor), Унигуръ (Ounigour), Утигуръ (Outigour), Кутригуръ (Koutrigour), Сарогуръ (Sarogour) и др. Основываясь на словахъ Θеофилакта Симокатты, что „Авары по происхожденію Гунны“, Менандра, который назвалъ переводчика участвовавшаго въ переговорахъ византійцевъ съ хаканомъ аварскимъ — „переводчикомъ съ гунскаго“, Кедрина, который сообщилъ, что Хозрой желалъ заключить противъ византійцевъ договоръ съ „западными Гуннами, которыхъ также называютъ Аварами“,—Клапротъ призналъ, что Гунны и Авары одно и то-же племя. Онъ пытался объяснить гунскія имена при помощи венгерскаго и лезгино-аварскаго языковъ. Такъ, слова Αττιλας или Etsel онъ сближалъ съ венгерскимъ Atzel, „сталь“ и съ очень распространеннымъ у лезгино-аваровъ именемъ, Adilla, Μουνδιουχος или Μουνΐζαχ (имя отца Аттиллы)—съ венгерскимъ словомъ Mentseg, которое значитъ „покровительство“, Ηρναχ (имя сына Аттилы) съ венгерскимъ же словомъ Hir-nagy „большая слава“, Δεγγισιχ (имя сына Аттилы) съ венгер. Tenyészes, „плодородіе“, съ лезгино-аварскимъ Dingatsik, собственнымъ именемъ семейства и т. д. Нарицательныя гунскія слова онъ также старался объяснить при помощи этихъ языковъ. Рѣка по лезгино-аварски „оръ“ (or, hor, ouor), а по гунски „варъ“. Впрочемъ Клапротъ заявлялъ, что не считаетъ Гунновъ и Лезги-Аваровъ за одинъ и тотъ-же народъ. Онъ думалъ, что послѣ разрушенія аварскаго царства часть народа могла удалиться на Кавказъ и основать тамъ новое государство. Авары смѣшались съ древними обитателями этой страны, лезгинами, языкъ которыхъ они и приняли, сохранивъ лишь нѣкоторыя свои слова и имена.

Что касается до физическаго типа, то, какъ мы уже говорили, онъ не указываетъ, по мнѣнію нашего изслѣдователя, исключительно на монгольское происхожденіе этого народа. Клапротъ счелъ возможнымъ найти сходство въ наружности Гунновъ и наружности Вогуловъ, которые по описаніямъ „очень походятъ на Калмыковъ“. Къ этому сходству онъ присоединилъ еще то доказательство, что „во многихъ діалектахъ вогульскаго языка houm, khoum и koum означаетъ—человѣкъ“, а это слово есть то-же самое, что Гуннъ (правильнѣе Хуннъ). Вогулы живутъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которые прежде назывались Великой Гунніей или Великой Угріей. По словамъ Рюисбрёка „изъ страны Паскатировъ (т. е. Башкировъ) вышли нѣкогда Гунны, которые потомъ были названы Венграми“. Однако и въ данномъ случаѣ Клапротъ не утверждалъ, что Гунны и Венгры вполнѣ тожественны. Въ составъ послѣднихъ вошли еще тюркскіе, славянскіе и германскіе элементы, такъ что совершенно измѣнили наружность Венгровъ, но ядро народа было финское и даже спеціально гунское. Онъ считалъ „характернымъ различіемъ“

то, что, по разсказамъ китайскихъ лѣтописей, Хунъ-ну жили въ войлочныхъ палаткахъ, тогда какъ Гунны, по извѣстіямъ западныхъ писателей, ѣздили въ повозкахъ, запряженныхъ волами.

Итакъ, по мнѣнію Клапрота, Хунъ-ну были Тюрки, не имѣвшіе ничего общаго съ Гуннами. Эти же послѣдніе были Финны, предки теперешнихъ Венгровъ.

По поводу теоріи Клапрота высказался довольно подробно П. П. Семеновъ (631—634 стр. I-го тома „Землевѣдѣнія Азіи" Риттера въ русскомъ переводѣ, Спб. 1850). Одновременно съ этимъ онъ изложилъ и свои взгляды. Такъ какъ этого изслѣдователя нужно отнести къ третьей теоріи, то мы и приведемъ его разысканія въ слѣдующей главѣ; тутъ-же ограничимся его разборомъ доказательствъ Клапрота. Всю его теорію г. Семеновъ раздѣляетъ на три части: въ первой доказывается соплеменность Гунновъ и Финновъ, во второй—тожество Ту-гю и Тюрковъ, въ третьей соплеменность Хунъ-ну и Ту-гю. Изложивъ вышеприведенные доводы Клапрота, г. Семеновъ вполнѣ согласился съ тѣмъ, что Гунны были, по всей вѣроятности, финскаго происхожденія. Онъ также не считаетъ возможнымъ возразить что-нибудь противъ тожества Ту-гю и Тюрковъ. Это, по его мнѣнію, „самая несомнѣнная часть цѣлой теоріи Клапрота". Но третья часть, тожество Хунъ-ну и Ту-гю, встрѣчаетъ съ его стороны опроверженіе. Считая единственными доказательствами въ пользу этого полную замѣну Хунъ-ну Тугюйцами или тюркскими племенами на сѣверо-западныхъ предѣлахъ Китая (въ Иньшаньской альпійской странѣ) и показанія китайскихъ лѣтописей относительно того, что Ту-гю произошли отъ Хунъ-ну, г. Семеновъ признаетъ ихъ совершенно недостаточными. Тожество двухъ народовъ, по его мнѣнію, нельзя доказать такимъ путемъ. Происхожденіе Ту-гю отъ Хунъ-ну могло быть не этнографическое, а политическое; если-же дѣло обстояло такъ, то конечно Тюрки могли произойти отъ Финновъ.

Прежде чѣмъ представить разборъ главнаго сочиненія Клапрота, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о его мнѣніяхъ, выраженныхъ ранѣе въ „Asia polyglotta". Мы уже говорили о разныхъ именахъ Хунъ-ну при изложеніи и разборѣ мнѣній Абель Ремюза. Мнѣніе о происхожденіи имени народа Хунь-ю отъ имени основателя царствующаго дома не подтверждается другими изслѣдователями. Никто не говоритъ, что Шунь-вей (Шün-wy у Клапрота) иначе назывался-бы еще Хунь-ю и что народъ получилъ названіе отъ его имени, самъ-же Клапротъ не указалъ источника, изъ котораго почерпнулъ это извѣстіе и ни въ одномъ изъ послѣдовавшихъ сочиненій не упомянулъ о немъ. Тутъ-же онъ видѣлъ причину движенія Хунъ-ну на западъ, во первыхъ, въ паденіи сѣверныхъ Хунъ-ну (конецъ I-го вѣка по Р. X.)

и во вторыхъ въ разрушенiи государства южныхъ Хунъ-ну (въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х.). Однако о переходѣ Хунъ-ну на западъ въ III-мъ вѣкѣ ничего не сообщается у китайскихъ историковъ. О тожествѣ Ту-гю и Тюрковъ, равно какъ и о возраженiяхъ противъ теорiи Шмидта, мы уже говорили. Поэтому обратимся теперь къ его главному изслѣдованiю.

Клапротъ не точно изложилъ исторiю Хунъ-ну. Онъ совершенно не упомянулъ объ откочеванiи шаньюя Чжи-чжи. Какое-бы значенiе ни придавать этому движенiю, о немъ необходимо упомянуть. При изложенiи исторiи части сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ ихъ откочеванiя на Западъ, онъ сообщилъ, что этотъ народъ остановился въ области къ сѣверу отъ Куча, гдѣ и жилъ подъ именемъ Юе-бо или Юе-бань *). Здѣсь мы встрѣчаемся съ какимъ-то недоразумѣнiемъ, которое склонны приписать просто ошибкѣ Клапрота. Выше мы говорили, что Нейманъ предполагалъ видѣть въ странѣ Юе-бань или Юе-бо Eulysia древнихъ или Угорскiй край. Дегинь (t. I, p. II, p. 278) тоже сообщилъ по китайскимъ извѣстiямъ, что шань-юй (или какъ онъ называлъ танжу, tanjou) сѣверныхъ Хунъ-ну, перейдя страну Кань-гюй прибылъ въ страну, называемую Юе-бань (по мнѣнiю этого ученаго, область, соотвѣтствующая нынѣшней Уфимской губернiи). О. Iакинѳъ высказалъ то мнѣнiе, что страна Юе-бань была вѣроятно расположена по бассейну Зайсана и занята Хунъ-ну на ихъ пути въ Канъ-гюй. Часть ихъ тамъ и осталась. Слово Юе-бань, по его мнѣнiю, названiе династiи, правившей надъ этими отсталыми **). Въ настоящее время проф. Хиртъ тоже указываетъ на то, что часть Хунъ-ну пошла въ Канъ-гюй т. е. въ области къ западу отъ Юе-бани (см. Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu). Такимъ образомъ, всѣ эти ученые утверждаютъ, вопреки мнѣнiю Клапрота, что Юе-бань имя страны, причемъ одинъ высказываетъ мнѣнiе, что страна получила имя отъ династiи, оставшейся тамъ послѣ ухода Хунъ-ну далѣе на Западъ. Что касается до извѣстiя, сообщеннаго Клапротомъ, объ отправленiи посольства отъ народа Юе-бань

---

*) По мнѣнiю Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, высказанному въ статьѣ «Sur les Huns Blancs ou Ephtalites (въ Nouveles annalles des voyages, t. III, 1849, p. 39, n. 4), при Ханяхъ Канъ-гюемъ называлась не Согдiана, а киргизъ—казацкая степь, вопреки мнѣнiямъ Клапрота и Абель Ремюза (Nouveaux mélanges asiatiques, p. 225).

**) Вотъ текстъ перевода съ китайскаго: «Владѣнiе Юебань лежитъ отъ Усуня на сѣверозападъ... Это есть аймакъ, прежде принадлежавшiй сѣверному хуннускому шаньюю, прогнанному китайскимъ полководцемъ Дэу-хянь. Сѣворный шаньюй, перешедъ черезъ хребетъ Гинь-вэй-шань (Тарбагатай) ушелъ на Западъ, въ Кангюй; а малосильные, которые не въ состоянiи были слѣдовать за нимъ, остались по сѣверную сторону Кучи» (Собр. свѣд. о народахъ Средней Азiи, т. III, стр. 163—165); а вотъ собственное мнѣнiе о. Iакинѳа: «Юебань есть названiе владѣнiя, занимавшаго земли отъ Усуня на сѣверо-западъ. Это былъ одинъ изъ аймаковъ, принадлежавшихъ сѣверному хуннускому шаньюю... Слабосильные заняли нынѣшнiй Тарбагатайскiй округъ подъ названiемъ дома Юебань» (тамъ же, указатель именъ географическихъ, стр. 109).

въ Китай, то объ этомъ подробнѣе сообщилъ Дегинь (t. I, p. II, p. 342). Основываясь на извѣстіяхъ сообщенныхъ въ Гань-мо (Kam-mo), Лѣ-дай-ги-су (Lie-tai-ki-su) и Вень-сянь-дунъ-гао (Yen-hian-tung-kao), онъ заявилъ слѣдующее: „Болѣе всего безпокоило жужанскаго Чу-ло-хана посольство, которое Гунны, жившіе въ Юе-банѣ или странѣ Башкировъ, отправили къ императору Вэй, чтобы предложить ему заключить договоръ, по которому они обязывались напасть на Жу-жань съ Запада, тогда какъ Вэй сдѣлалъ-бы то же самое съ другой стороны Азіи: кажется, это посольство было отправлено Аттилой, который только что подчинилъ всѣ народы сѣверной Европы и государство, примыкавшее къ Жужанамъ". Дегинь, какъ и Клапротъ, относилъ это событіе къ 448 г. по Р. Х. Такимъ образомъ, этотъ фактъ нисколько не противорѣчитъ существованію Гунновъ въ Юе-банѣ. Такъ какъ Гунны въ 448 г. т. е. за три года до Каталаунской битвы подвинулись на Западъ очень далеко отъ предѣловъ Восточной Европы, то, быть можетъ, посольство не было снаряжено самимъ Аттилой, а какой-нибудь оставшейся позади ордой, которая и вступила въ сношенія съ далекимъ Востокомъ. Можетъ быть также, что, когда Гунны ушли изъ Юе-баня, имя ихъ осталось тамъ памятнымъ и перешло на другой народъ, ничего общаго съ ними не имѣвшій. Наконецъ, если принять мнѣніе о Іакинѳа, то и въ такомъ случаѣ ничто не будетъ противорѣчить тожеству Хунъ-ну и Гунновъ—вѣдь тогда Юе-бань являются отсталыми Хунъ-ну, далѣе на Западъ не пошедшими.

Клапротъ привелъ не много доказательствъ въ пользу турчизма Хунъ-ну. Это вѣроятно объясняется тѣмъ, что онъ уже не первый писалъ объ этомъ, а только повторялъ и распространялъ то, что до него сказалъ Абель Ремюза.

Такое-же недоразумѣніе, какъ и съ Юе-бань, мы встрѣчаемъ у Клапрота и въ другой разъ, именно въ изложеніи исторіи Гунновъ. Сообщивъ, что первыми извѣстіями объ этомъ народѣ мы обязаны Діонисію Періегету, онъ старался сопоставить эти сообщенія съ тѣмъ, что передалъ намъ Эратосѳенъ (по Страбону). Нужно сказать, что это сопоставленіе первый сдѣлалъ не Клапротъ, а гораздо раньше его Тунманъ (Untersuchungen über die Geschichte der östlichen, europäischen Völker, 1774, Erster Theil). Приведемъ его слова: „Діонисій Періегетъ располагаетъ Гунновъ у Каспійскаго моря, тамъ, гдѣ впадаетъ въ него Волга... Уже по словамъ Страбона сидѣлъ здѣсь, у Каспійскаго моря, народъ Унтіевъ, къ сѣверу отъ Каспіевъ, тогда какъ эти послѣдніе жили къ сѣверу отъ Албановъ. Въ такомъ-же порядкѣ помѣстилъ Діонисій Гунновъ, всего далѣе на сѣверъ, потомъ къ югу Каспіевъ и Албановъ". (ss. 24—25). Въ данномъ случаѣ Клапротъ повторилъ то, что сказали уже до него. Посмотримъ теперь насколько возможно подобное

отожествленіе. Противъ него возсталъ уже Нейманъ (см. стр. 39 его изслѣдованія). Дѣйствительно, неужели достаточно одного этого порядка для того, чтобы утверждать, что два народа, неимѣющіе никакого сходства въ имени, какъ Гунны и Уитіи (Οὐίτιοι или Κουίτιοι) одно и то же? Разстояніе во времени между извѣстіями Діонисія Періегета и Эратосѳена тоже слишкомъ значительно, чтобы предполагать ошибочную постановку одного имени вмѣсто другого. Принимая отожествленіе Гунновъ съ Уитіями совершенно произвольнымъ, мы считаемъ Птолемея и Діонисія Періегета сохранившими намъ древнѣйшія извѣстія о Гуннахъ. Прочія извѣстія древнихъ писателей объ этомъ народѣ, по нашему мнѣнію, переданы у Клапрота правильно.

Вполнѣ вѣрно сообщеніе, что византійскіе писатели производили Мадьяръ отъ Гунновъ. Въ данномъ случаѣ нельзя конечно серьезно относиться къ мнѣнію византійцевъ. Дѣло въ томъ, что страшные набѣги кочевниковъ не скоро забывались, и долго еще народы, приходившіе изъ тѣхъ-же мѣстъ, откуда пришли нѣкогда грабители и враги культуры и осѣдлости, назывались тѣми же именами. Вспомнимъ только какъ долго держалось имя Скиѳъ. Большинство ученыхъ не согласно съ производствомъ Мадьяръ отъ Гунновъ. Нѣкоторые видятъ причину существованія у Венгровъ преданій о происхожденіи ихъ отъ Гунновъ просто въ томъ, что они поселились тамъ-же, гдѣ нѣкогда жили Гунны т. е. въ Панноніи и въ силу этого унаслѣдовали мѣстныя преданія. Таковы напр. мнѣнія г. Уйфальви (Migrations des peuples touraniens, p. 85) и Ам. Тьерри (Histoire d'Attila, t. II, p. 360). S. Cassel, изслѣдователь древнѣйшей исторіи Мадьяръ, тоже не соглашался съ этимъ отожествленіемъ (Magyarische Alterthümer, Berlin, 1848, s. 1—70 *).

Хотя Клапротъ не утверждалъ, что Мадьяры чистые потомки Гунновъ, а думалъ, что ядро этого народа т. е. правители и окружавшая ихъ дружина были Гунны, однако мы именно это и считаемъ сомнительнымъ.

Не существуетъ конечно особеннаго „характернаго различія“ въ томъ, что одинъ народъ жилъ въ войлочныхъ палаткахъ, а другой ѣздилъ въ повозкахъ, запряженныхъ быками. Въ одномъ случаѣ византійцы могли говорить о способахъ передвиженія Гунновъ, а въ другомъ китайцы могли разсказывать о жизни Хунъ-ну во время стоянки.

---

*) Французскій угрологъ г. Сайу (Sayous) въ своей небольшой, но очень полезной, какъ обобщеніе всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій въ этой области, книжкѣ «Les origines et l'époque païenne de l'histoire des Hongrois» (Paris, 1874), считалъ однако возможнымъ установить черезъ Секлеровъ связь Мадьяръ съ Гуннами, «въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что переселенія Гунновъ, Аваровъ и Венгровъ—три результата аналогичныхъ движеній народовъ одной и той же расы» (p. 29). Впрочемъ отожествленіе подобнаго рода устанавливаетъ лишь очень отдаленную связь между двумя народами.

За Абель Ремюза и Клапротомъ послѣдовали многіе ученые. Подъ явнымъ вліяніемъ послѣдняго находился А. Жардо въ сочиненіи „Révolutions des peuples de l'Asie moyenne“ (Paris, 1839). Хунъ-ну у него Тюрки (t. I, pp. 175—6), Гунны-же Финны (t.I, p. 139), и при томъ Финны восточные (t.I, pp. 166—168; см. также приложенныя ко II-му тому таблицы). Отожествлять Хунъ-ну и Гунновъ онъ не считаетъ возможнымъ. Возраженія его противъ Дегиня и теоріи монголизма есть повтореніе возраженій Клапрота (особенно ясно вліяніе Клапрота въ томъ, что онъ считалъ Юе-бань именемъ Хунъ-ну, ушедшихъ на Западъ).

Знаменитый географъ Карлъ Риттеръ въ первомъ томѣ своего „Землевѣдѣнія Азіи“ (русскій переводъ, Спб. 1850), говоря объ Инь-шанѣ коснулся и Хунъ-ну. Тутъ онъ выставилъ тотъ взглядъ, что „они принадлежали къ родамъ многочисленнаго турскаго племени“ и что имя ихъ есть „обращеніе въ дурной смыслъ неимѣвшаго такого смысла созвучнаго туземнаго имени“ (стр. 625). Мы не будемъ долго останавливаться на томъ, что сообщилъ Риттеръ, такъ какъ въ его сочиненіи повторены мнѣнія Абель Ремюза и Клапрота *). Къ этому взгляду на происхожденіе Хунъ-ну присоединился и другой извѣстный географъ Рихтхофенъ (China, t. I, s. 49). Въ пользу турчизма Хунъ-ну высказались еще: извѣстный этнографъ Ф. Мюллеръ (Allgemeine Ethnographie, Wien, 1873, sr. 347—348), французскій этнографъ Жираръ де Ріаль (Mémoire sur l'Aise centrale, Paris, 1875, p. 37), В. В. Радловъ (Къ вопросу объ Уйгурахъ, LXXII т. Записокъ Академіи Наукъ, прилож. № 2), Н. В. Аристовъ (Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ въ Живой Старинѣ за 1896 г.), и др. Въ пользу финнизма Гунновъ высказались финскіе ученые Кастренъ и Коскиненъ. Первый въ своихъ „Reiseberichte und Briefe“ (herausgegeb. von A. Schiefner, 1856) на стр. 9 высказалъ мнѣніе, что „Гунны были по всей вѣроятности предками Финновъ“, а въ „Ethnologische Vorlesungen“ (Спб. 1857) повторилъ то, чтò сообщилъ Клапротъ (ss. 55—58), хотя тутъ, признавая Гунновъ алтайцами, сомнѣвался къ какой группѣ ихъ отнести (s. 71) **). Коскиненъ въ своей „Finnische Geschichte“ (Leipzig,

*) Замѣтимъ что Риттеръ, слѣдуя за Лассеномъ (Die altpersischen Keilinschriften von Persepolis) призналъ въ десятомъ народѣ персепольской гвоздеобразной надписи Hunâ, Hunas—Гунновъ (см. стр. 106 русскаго перевода Землевѣдѣнія Азіи, Иранъ, 1864). Однако это имя надо читать Яўна и разумѣть подъ нимъ Іонянъ или вообще Грековъ (см. тамъ-же, статью Шпигеля, стр. 166). Витерсхеймъ повторилъ однако то, что сообщилъ Лассенъ. Баронъ П. К. Усларъ (Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ въ Извѣстіяхъ Кавказскаго Отдѣла Географ. Общ., XII, стр. 535) тоже принялъ это мнѣніе (слѣдуя уже не Лассену, а Риттеру). Д. И. Иловайскій повторилъ сообщенное Усларомъ (Поборники норманизма и туранизма въ Русской Старинѣ, 1882, т. XXXVI, стр. 612).

**) Вотъ почему мы и не можемъ считать Кастрена опредѣленно высказавшимся за мнѣніе Клапрота, какъ то думалъ П. П. Семеновъ на 632 стр. I-го тома «Землевѣдѣнія Азіи» Риттера.

1874) на стр. 4 причислилъ Гунновъ къ угорской вѣтви финскаго племени. Историкъ Пальманъ высказался за финнизмъ Гунновъ (Geschichte der Völkerwanderung, 1863, s. 91). Въ „Geschichte von Ungarn“ Фесслера (второе изданіе, обработанное Клейномъ, Leipzig, 1867, Erster Band, 11), хотя ничего не сказано опредѣленнаго относительно того, къ какой этнографической группѣ надо отнести Гунновъ, однако принято то мнѣніе Клапрота, что они и Хунъ-ну не тожественны. Ф. Мюллеръ въ „Der Ugrische Volksstamm“ (Berlin, 1837) въ I-омъ томѣ сказалъ слѣдующее по поводу происхожденія этого народа. „Мы понимаемъ подъ именемъ гунскихъ народовъ тѣхъ, которые обыкновенно называются финскими и которые русскими называются чудскими, также угорскими народами, но лучше всего могли-бы вообще назваться уральскими, хотя это наименованіе имѣетъ болѣе географическій, чѣмъ историко-этнографическій характеръ“ (s. 2). Шафарикъ въ „Славянскихъ древностяхъ“ (перев. Бодянскаго, 1847, т. I, кн. II, стр. 87—88) повторилъ выводы Клапрота и отрицалъ словопроизводства, предложенныя сторонниками монголизма. Къ его мнѣнію относительно несостоятельности этихъ словопроизводствъ присоединился венгерскій ученый П. Хунфальви въ „Ethnographie von Ungarn“ (Budapest, 1877) на стр. 77 и 252 - 255. Гунны, какъ и ихъ потомки Болгары, принадлежали, по его мнѣнію, къ Угро-Финнамъ; къ какому отдѣлу этого племени—сказать трудно. Изъ русскихъ ученыхъ сторонникомъ теоріи финнизма Гунновъ явился этнографъ Риттихъ (Матеріалы для этнографіи Россіи, Казань, 1870, т. I, стр. 25), который даже склоненъ прямо считать ихъ за Остяковъ, смѣшанныхъ съ Вогулами, Вотяками и Башкирами. (Впрочемъ позже, въ изданныхъ этимъ изслѣдователемъ „Четырехъ лекціяхъ по русской этнографіи“, говоря мимоходомъ о Гуннахъ, онъ назвалъ ихъ тюркскимъ народомъ, въ войскахъ котораго были угры, финны и славяне. См. стр. 36 этого изслѣдованія).

Найдутся конечно и еще многіе другіе сторонники этой теоріи—мы старались указать главнымъ образомъ наиболѣе авторитетныхъ. Одни изъ нихъ просто высказывались за принадлежность Гунновъ къ обширной финской группѣ урало-алтайскихъ народовъ, другіе даже считали ихъ спеціально уграми и предками Мадьяръ.

Разсмотрѣвъ взгляды ученыхъ сторонниковъ этой теоріи и представивъ разборъ ихъ, мы должны сказать, что она совершенно противоположна теоріи монголизма. Она отрицаетъ всѣ три положенія этой послѣдней: и монголизмъ Хунъ-ну, и монголизмъ Гунновъ, и тожество этихъ двухъ народовъ. Что касается до ея общаго значенія, то нужно сказать, что, хотя нѣкоторыя ея положенія мы и считаемъ смѣлыми и недоказанными, однако большой за-

слугой ея является то, что ея послѣдователи, излагая ходъ переселеній народовъ изъ Средней Азіи въ Европу, внесли въ свою работу больше порядка, больше системы, чѣмъ сторонники первой теоріи.

IV.

Теорія финнизма Хунъ-ну и Гунновъ.—Сенъ-Мартенъ, его общіе взгляды и мнѣнія относительно отдѣльныхъ частей этого вопроса.—Сторонники финнизма Хунъ-ну. Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ и разборъ его доводовъ.—Семеновъ, его доказательства въ пользу финнизма Хунъ-ну и ихъ критика.—Мнѣніе Уйфальви.—Общее значеніе этой теоріи.

Третья теорія не произвела такого переворота во взглядахъ на происхожденіе Хунъ-ну и Гунновъ, какъ вторая. Въ то время, какъ эта послѣдняя отвергала все предложенное сторонниками монголизма, третья теорія отчасти примкнула къ воззрѣніямъ второй. По скольку представители этой теоріи являются сторонниками финнизма Гунновъ, по стольку же они могутъ быть причислены и ко второй теоріи. Различіе состоитъ въ томъ, что, думая видѣть въ Гуннахъ и Хунъ-ну одинъ и тотъ же народъ, они считаютъ и китайскихъ Хунъ-ну Финнами. Такимъ образомъ, съ одной стороны защищая финнизмъ Гунновъ, выставленный второй теоріей, съ другой же стороны соглашаясь съ тожествомъ Хунъ-ну и Гунновъ, которое предложилъ Дегинь, а за нимъ сторонники монголизма, эта третья теорія является какъ-бы „примирительницей“ различныхъ воззрѣній.

Первымъ, предложившимъ ее, былъ извѣстный французскій арменистъ Сенъ-Мартенъ (Saint-Martin). Не написавъ по этому вопросу отдѣльнаго изслѣдованія, онъ говорилъ о немъ въ своихъ важныхъ примѣчаніяхъ къ „Histoire du Bas-Empire“ Лёбо (Lebeau), главнымъ образомъ въ IV-мъ томѣ (Paris, 1824). Къ сообщеніямъ Лёбо о происхожденіи и исторіи Гунновъ, основаннымъ исключительно на сочиненіи Дегиня, Сенъ-Мартенъ прибавилъ свои соображенія (см. прим. 2 на стр. 60 IV-го тома). Началъ онъ, какъ почти всѣ изслѣдователи этого вопроса, съ критики взглядовъ Дегиня. Придавая очень большое значеніе задачѣ этого ученаго—посредствомъ восточныхъ и западныхъ источниковъ прослѣдить исторію переселенія народовъ, Сенъ-Мартенъ однако думалъ, что Дегинь преувеличилъ послѣдствія сличенія этихъ извѣстій. „Одно изъ первыхъ неудобствъ этой системы—распространеніе имени Хунъ-ну или Гунновъ на всѣ варварскія племена Средней Азіи. Соединяя ихъ такъ, подъ общимъ наименованіемъ, которое могло относиться къ нимъ въ извѣстныя только эпохи и въ извѣстныхъ условіяхъ, онъ значительно ослабилъ свою гипотезу. Дѣйствительно, трудно узнать изъ

его сочиненія, кому на самомъ дѣлѣ принадлежало имя Гунновъ, которое онъ даетъ Тюркамъ, Монголамъ, Маньчжурамъ и многимъ другимъ народамъ, разница въ происхожденіи которыхъ доказывается языками, на которыхъ они говорятъ. Къ какой вѣтви этихъ народовъ нужно отнести спеціально имя, о которомъ идетъ рѣчь? Дегинь не рѣшаетъ этого"... Далѣе Сенъ-Мартенъ взялся за опредѣленіе племенной принадлежности Гунновъ. По извѣстіямъ древнихъ писателей, Гунны жили на пространствѣ теперешней Европейской Россіи. Языки, на которыхъ говорятъ ихъ потомки, доказываютъ намъ, что Гунны были народъ, совершенно отличный отъ Тюрковъ, но имя, власть и языкъ ихъ, по мнѣнію Сенъ-Мартена, распространялись нѣкогда на страны, теперь занимаемыя вышеупомянутыми народами. Всѣ потомки древнихъ Гунновъ теперь называются Финнами. Какъ на ясный примѣръ, подтверждающій это, онъ указываетъ на Мадьяръ или Венгровъ. „Ихъ историческія воспоминанія связываются съ древними Гуннами, а языкъ доказываетъ, что они Финны". Сенъ-Мартенъ старался сблизить два имени: Гуннъ и Финнъ. Онъ замѣтилъ, что буквы „Х" и „Ф" очень часто замѣняютъ другъ друга. Поэтому онъ и думалъ, что Хуннъ (Гуннъ) и Финнъ—одно и то-же слово. Возможности этой гипотезы содѣйствуютъ, по его мнѣнію, и историческія доказательства. Всѣ извѣстія, идущія по Черному и Каспійскому морямъ т. е. южнымъ путемъ, сообщаютъ о народѣ Гуннахъ, а идущія по Балтійскому морю т. е. сѣвернымъ путемъ, о Финнахъ. Тацитъ получилъ извѣстія черезъ Германію и потому зналъ Финновъ. Значитъ, уже тогда этотъ народъ жилъ въ Восточной Европѣ, будучи ея первымъ насельникомъ, пока не пришли другіе народы, какъ-то Готы и Славяне. Кромѣ того, Сенъ-Мартенъ вполнѣ допускалъ тотъ взглядъ, что Гунны или Финны распространяли свое владычество гораздо далѣе на Востокъ и доходили даже до границъ Китая, подчинивъ себѣ тюркскія, монгольскія и маньчжурскія племена, которыя, дѣлаясь ихъ подданными, получали ихъ имя. Этимъ путемъ и древніе Тюрки получили имя Гунновъ. Изъ того, что всѣ хуннускія слова, сохраненныя китайскими лѣтописями, объясняются изъ тюркскихъ языковъ, заключили, по мнѣнію Сенъ-Мартена, что и сами Хунъ-ну были Тюрки, что въ свою очередь повело къ сомнѣнію въ тожествѣ Гунновъ или Финновъ и Хунъ-ну. Это противорѣчіе легко устранить, если допустить, что оба имени (все равно „обязаны ли они возникновеніемъ тюркскому или финскому племени" прибавляетъ Сенъ-Мартенъ) тожественны и относятся къ одному какому-нибудь племени, которое путемъ завоеванія распространило свое имя на другія племена. Примѣры подобнаго рода распространенія имени встрѣчаются очень часто въ исторіи. Такъ, Сенъ-Мартенъ передаетъ извѣстіе Ѳеофилакта Симокатты о томъ, что Персы на-

зываютъ Турками Гунновъ, живущихъ на сѣверо-востокѣ отъ нихъ. Мадьяры, располагавшіеся въ IX-мъ вѣкѣ на берегахъ Дуная, назывались современными византійскими писателями Турками, а страна ихъ Турціей. Наконецъ, въ XIII-мъ вѣкѣ всѣ воины Чингизъ-хана назывались Монголами, хотя только военачальники и небольшая часть простыхъ воиновъ были монгольскаго происхожденія. Впрочемъ, Сенъ-Мартенъ допускалъ и другой возможный случай перенесенія этого имени. Онъ считалъ возможнымъ, что имя Хунъ-ну или Гуннъ сначала носилось тюркскимъ народомъ, а позже, но все же „въ очень отдаленное время" было перенесено на Финновъ, которые только одни и сохранили его.

Что касается до сообщенія историческихъ фактовъ, то Сенъ-Мартенъ первый указалъ на извѣстія о Гуннахъ, встрѣчающіяся у армянскихъ писателей (см. Lebeau, t. III, p. 277, n. 3). Въ нихъ сообщалось какъ царь Тиридатъ Великій велъ войны съ Гуннами (Хункъ). Царь этотъ правилъ съ 259 по 312 г. по Р. Х. *). Основываясь на этихъ армянскихъ извѣстіяхъ, равно какъ и на сообщеніяхъ Птолемея и Діонисія Періегета, Сенъ-Мартенъ вывелъ заключеніе (Lebeau, t. IV, p. 63, note), что до начала второго вѣка по Р. Х. Гунны жили на берегахъ Каспійскаго моря, Волги, Танаиса (Дона) и даже Борисѳена (Днѣпра). Считая же Гунновъ тожественными съ Финнами, онъ нашелъ упоминаніе о нихъ у Тацита. На основаніи словъ этого автора и предполагаемаго тожества онъ считалъ, что этотъ народъ жилъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, даже до Ледовитаго океана.

Весьма замѣчательно для того времени, по нашему мнѣнію, то, что сказалъ Сенъ-Мартенъ о переходѣ имени съ одного народа на другой (t. IV, p. 65, n. 1). „Нужно обратить вниманіе на то, что сходство между двумя древними народами, указываемое греческими и римскими писателями, не всегда служитъ доказательствомъ того, что эти два народа принадлежатъ къ одному и тому-же племени; это только значитъ, что они наслѣдовали другъ другу въ одной и той-же области. Потому-то Гунны носятъ часто имя Скиѳовъ..." Сенъ-Мартенъ коснулся также и вопроса о монгольскомъ типѣ Гунновъ. Онъ думалъ, что все то, что передаютъ объ ихъ наружности, очень хорошо объясняется обычаями этого народа. Изъ этого можно, намъ думается, заклю-

*) Замѣтимъ, что Сенъ-Мартенъ первый указалъ на вѣроятность того, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ-же народъ. Лебо (t. II, p. 177) сообщилъ, что персидскій царь Шапуръ вступилъ въ 357 году въ войну съ Хіонитами и другими народами. Въ примѣчаніи Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что Хіониты и Гунны одинъ и тотъ же народъ. Поэтому г. Витерсхеймъ (Geschichte der Völkerwanderung, Leipzig, 1881, Zweiter Band, Ueber den Ursprung der Hunnen, ss. 16—17) неправъ въ томъ, что приписалъ себѣ и проф. Шотту открытіе тожества Гунновъ и Хіонитовъ.

чить, что этотъ ученый признавалъ возможнымъ то, что сообщилъ Аполлинарій Сидоній объ искуственномъ измѣненіи Гуннами наружности. Говорилъ Сенъ-Мартенъ и о китайскихъ извѣстіяхъ о Хунъ-ну, но только мимоходомъ и при томъ основываясь на сообщеніяхъ Абель Ремюза (см. Lebeau, t. IV, p. 74, n. 2). Онъ критиковалъ также и предположенія Дегиня о титулѣ хуннускаго государя. Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу (t. IV, p. 75, n. I): „Національный титулъ повелителей Хунъ-ну былъ не Тань-жу (Tan-jou), какъ писалъ Дегинь, а Чань-ю (Tchhen-ju); историкъ Гунновъ плохо прочелъ два китайскихъ знака, образующихъ это имя. Имя Чань-ю не значитъ „сынъ неба“, какъ думалъ Дегинъ, но этотъ титулъ, значеніе котораго неизвѣстно, прибавляли къ Тенгри-куту т. е. сыну неба. Что касается до отношенія Гунновъ и сѣверныхъ Хунъ-ну послѣ 93 г. по Р. Х., то Сенъ-Мартенъ думалъ, что „изъ разсказовъ китайскихъ историковъ видно, что остатки этого народа (т. е. сѣверныхъ Хунъ-ну) и царскаго племени (race royale) удалились къ Уральскимъ горамъ, но нельзя точно установить ихъ тожества съ Гуннами, которые позже управлялись Аттилой. Можно думать, что Финны, имя которыхъ тожественно имени Гунновъ, уже жили въ странахъ, гдѣ мы застаемъ ихъ теперь“. Итакъ, по мнѣнію Сенъ-Мартена, Гунны и Хунъ-ну были Финны и, вслѣдствіе этого общаго происхожденія, они тожественны.

Какъ видно изъ изложеннаго нами, мнѣнія Сенъ-Мартена можно раздѣлить на двѣ части: первая касается общихъ соображеній относительно происхожденія Хунъ-ну и Гунновъ, вторая-частныхъ историческихъ фактовъ и ихъ объясненій. Сообразуясь съ порядкомъ его изложенія, мы сначала представимъ критику его общихъ воззрѣній, а затѣмъ мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ.

Принимая тожество Гунновъ и Финновъ, Сенъ-Мартенъ считалъ основнымъ доказательствомъ для этого то, что всѣ народы, живущіе теперь на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили Гунны и по преданіямъ происходящіе отъ нихъ, говорятъ на финскихъ языкахъ. Это утвержденіе не выдерживаетъ критики уже потому, что недостаточно еще жить въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жилъ когда-то народъ, чтобы быть его потомками. Всѣ, входившіе въ составъ гунскаго государства назывались Гуннами, но не были ими по происхожденію. Народныя преданія Мадьяръ хотя и связываются съ именемъ и исторіей Гунновъ, однако эти преданія, какъ мы уже говорили, считаются лицами весьма компетентными въ этомъ вопросѣ не отвѣчающими исторической дѣйствительности. Еще Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ высказался противъ отожествленія именъ Гуннъ и Финнъ. Онъ называлъ его „болѣе чѣмъ случайнымъ“. О немъ-же писали и нѣкоторые другіе ученые. Такъ, Нейманъ (цит. соч.,

стр. 15) указалъ на то, что сами Финны называютъ себя Суоми или Саме, слово-же Финнъ есть нѣмецкій переводъ этого слова, которое значитъ „болотный житель“. Тацитъ, думалъ Нейманъ, только потому и назвалъ этотъ народъ Финнами, что извѣстіе о нихъ пришло къ нему черезъ Германію. Уйфальви (цит. соч., стр. 98) и Тьерри (цит. соч., т. 2, стр. 5) тоже утверждали, что самъ народъ называетъ себя Суоми. Этого-же взгляда придерживался и Цейссъ (Zeuss) (Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837, s. 272, an. 2). Насколько шатки подобнаго рода словопроизводства можно видѣть изъ того, что Венелинъ, совершенно отрицавшій тожество Гунновъ не только съ Финнами, но и съ какимъ бы то ни было изъ урало-алтайскихъ племенъ и старавшійся доказать славянство Гунновъ, находилъ сходство между словами Гуннъ и Вендъ (Древніе и нынѣшніе Болгаре, I, стр. 173). Не считая себя достаточно компетентнымъ въ вопросѣ о происхожденіи финскаго народнаго имени, я скажу только, что подобное, основанное только на созвучіи, отожествленіе совершенно не отвѣчаетъ современнымъ требованіямъ науки. Разъ мы примемъ мнѣніе Сенъ-Мартена, что Гуннъ-Финнъ, то не меньшаго довѣрія будетъ заслуживать и предположеніе Венелина, что Гуннъ-Вендъ *). Мы не можемъ также согласиться и съ тѣмъ, что сѣверныя извѣстія говорятъ о Финнахъ, а южныя о Гуннахъ. Тацитъ писалъ тогда, когда южнымъ путемъ не шло ровно никакихъ извѣстій о Гуннахъ. Кромѣ того, сѣверныя извѣстія говорятъ о нихъ: скандинавскія саги знаютъ страну Chunigard или Hunaland. Другое дѣло въ какомъ значеніи употребляли онѣ это слово; однако оно было имъ извѣстно, и онѣ не замѣняли слова Chun или Hun словомъ Finn. Въ вопросѣ о возможности перенесенія имени съ одного народа на другой, Сенъ-Мартенъ явился послѣдователемъ Абель Ремюза. Не имѣя предвзятыхъ мнѣній относительно нашего вопроса, этотъ изслѣдователь началъ изложеніе извѣстій о Гуннахъ съ Пто-

*) Мы однако считаемъ необходимымъ привести мнѣніе покойнаго А. А. Куника относительно происхожденія имени Финнъ (стр. 80—81 «Извѣстій Аль-Бекри и т. д.»): «Прежде предполагали, что Финны получили свое названіе отъ финскаго слова kainu (низменность), но теперь это словопроизводство считается столь-же ненаучнымъ, какъ и производство названія народа Суоми (Финны, по эст. Sõm—Финляндія) отъ слова suo (болото), тогда какъ оно происходитъ отъ общераспространенной формы названія племени Sam, въ которомъ «m» не окончаніе, а входитъ въ составъ корня. Также оказывается и общераспространенное производство слова Fenni отъ древне-норманскаго fen (болото), готскаго fani (грязь, пометъ) чисто абстрактнымъ словопроизводствомъ. Но изъ какой-же грамматики въ такомъ случаѣ вычитали, что форма этого народнаго названія именно германскаго происхожденія»? Спеціалистъ-финнологъ д-ръ Келлгренъ (Les Finnois et la race ouralo-altaïque въ Nouvelles annales des voyages. année 1848, t. III), утверждая, что слово Финнъ есть только нѣмецкій переводъ, приводилъ въ доказательство то, что буквы «ф» даже нѣтъ въ языкѣ этого народа. Въ такомъ случаѣ можно задаться вопросомъ: какъ это слово можетъ быть финскимъ разъ въ этомъ языкѣ нѣтъ буквы «ф»?.

лемея и Діонисія Періегета, ни слова не говоря о мнимыхъ извѣстіяхъ Эратосѳена. Вполнѣ правъ былъ онъ и въ приговорѣ относительно родства различныхъ народовъ, указываемаго различными писателями древняго міра. Напротивъ, трудно согласиться съ тѣмъ его мнѣніемъ, что Финны и Тюрки рѣзко отличаются физическимъ типомъ отъ Монголовъ. Что касается до его разбора мнѣнія Дегиня о титулѣ хуннускихъ государей, то необходимо указать, что никто изъ писавшихъ по этому вопросу не упомянулъ объ этомъ титулѣ въ такой формѣ. Впрочемъ, на 25-й стр. II-ой части I-го тома Дегинь далъ другое чтеніе. Онъ сказалъ, что хуннускіе государи носили титулъ „тань-жу или шань-ю (Chen-ju), который есть сокращеніе Цень-ли-ко-то-тань-жу (Tcem-li-ko-to-tan-jou) т. е. сынъ неба на языкѣ Хунъ-ну". Но тутъ же въ примѣчаніи онъ заявилъ, что въ этомъ выраженіи Цень-ли значитъ небо, а ко-то-тань-жу сынъ, по объясненію Ма-туань-линя, а по словамъ историка Ханьскаго дома цень-ли значитъ небо, ко-то сынъ, тань-жу высокій и плотный человѣкъ (grande et large figure?). Поэтому, Дегинь не утверждалъ, что шань-ю значитъ сынъ неба, а полагалъ, что все выраженіе имѣетъ такое значеніе, оговариваясь въ примѣчаніи, что существуютъ другія объясненія. Признавая слова Гуннъ и Финнъ за слова тожественныя, Сенъ-Мартенъ конечно долженъ былъ счесть уходъ сѣверныхъ Хунъ-ну на Западъ, какъ вообще всѣ ихъ переселенія, неважнымъ. Въ заключеніе нашего разбора нужно сказать, что Сенъ-Мартенъ, не будучи спеціалистомъ по исторіи Средней Азіи, очень мало касался вопроса о происхожденіи Хунъ-ну и вообще ихъ исторіи. Онъ въ этомъ случаѣ основывался на доводахъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей. Болѣе занялся онъ вопросомъ о происхожденіи Гунновъ; по этому вопросу онъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ (напр. армянскіе источники).

Пополненіе теоріи финнизма доводами въ пользу финскаго происхожденія Хунъ-ну принадлежитъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартену. Этотъ изслѣдователь спеціально занимался исторической этнографіей, этнологіей и географіей. Въ издаваемомъ имъ журналѣ „Nouvelles annales des voyages et des sciences géographiques" онъ напечаталъ рядъ статей подъ заглавіемъ „Etudes éthnographiques et historiques sur les peuples nomades, qui se sont succédé au nord du Caucase dans les dix premiers siècles de notre ère". Одна изъ этихъ статей посвящена вопросу о Гуннахъ (онъ назвалъ ихъ уральскими, какъ бы въ отличіе отъ Эфталитовъ, о которыхъ онъ написалъ особую статью въ этихъ-же этюдахъ). Статья эта напечатана въ четвертомъ томѣ журнала за 1848 г. (Декабрь, стр. 257—306).

Въ этомъ рядѣ статей предшествовавшая разбираемой нами была посвящена Аланамъ. Поэтому Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, въ началѣ статьи,

указалъ на отличіе Гунновъ отъ этого народа. Признавая, что Аланы и обычаями, и религіознымъ культомъ, и физическимъ типомъ были вполнѣ сходны съ предшествовавшими имъ сарматскими и готскими племенами, онъ замѣтилъ, что Гунны уже совершенно не походили на нихъ. Наружность ихъ, описанная Аммiаномъ Марцеллиномъ и Іорнандомъ дала поводъ, по его мнѣнію, весьма основательный, думать, что Гунны были Монголы. Однако, серьезныя препятствія для сближенія Гунновъ съ Монголами представили доводы Клапрота, который, основываясь на китайскихъ лѣтописяхъ, высказалъ мнѣніе, что Монголы въ эпоху вторженія Гунновъ жили еще далеко на Востокѣ, въ восточной Сибири, къ сѣверу отъ теперешней Монголіи и что громадныя пространства между землею ихъ и Гунновъ были населены народами тюркскими и готскими. Это, по мнѣнію Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена, представляетъ большое затрудненіе для отожествленія Гунновъ и Монголовъ. Кромѣ этого, нашъ изслѣдователь считалъ очень важнымъ и то, что Сенъ-Мартенъ, одинъ изъ лучшихъ, по его мнѣнію, знатоковъ этнографическихъ вопросовъ востоковѣдѣнія, отличалъ Гунновъ отъ Монголовъ. Воззрѣніе этого ученаго онъ считалъ настолько важнымъ, что привелъ буквально то мѣсто изъ замѣчаній Сенъ-Мартена, гдѣ изслѣдователь говорилъ объ исторіи нашего вопроса и происхожденіи Гунновъ. Въ подтвержденіе дѣйствительности финнизма Гунновъ, Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ указалъ на то, что и Клапротъ, и Мюллеръ (Der Ugrische Volksstamm) признавали за Гуннами финское происхожденіе. Это тожество, по его мнѣнію, одинъ изъ основныхъ фактовъ этнографіи Азіи. Относительно наружности Гунновъ онъ принялъ взглядъ Клапрота и утверждалъ, что восточные Финны и Монголы весьма сходны между собою. Однако вмѣстѣ съ Дегинемъ и Сенъ-Мартеномъ, онъ считалъ вполнѣ возможнымъ отожествлять Хунъ-ну и Гунновъ, вопреки доводамъ Клапрота. Извѣстія о нихъ можно, по его словамъ, прослѣдить до глубокой древности. Всѣ ихъ имена онъ считалъ несомнѣнными передѣлками собственнаго имени народа. При этомъ онъ указалъ на аналогичные факты у другихъ народовъ. Германцы, напр., передѣлали имя тѣхъ-же Гунновъ въ hund. Слово-же Хуннъ есть финское и встрѣчается въ этомъ языкѣ въ формѣ хумъ, что значитъ человѣкъ. Что касается до тожества Хунъ-ну и Гунновъ, то онъ, помимо историческихъ извѣстій, указалъ на сходство именъ. Онъ думалъ, что причина, побудившая Клапрота отказаться отъ отожествленія Гунновъ и Хунъ-ну, легко устранима. „Это затрудненіе исчезнетъ“, говоритъ онъ: „если признать, что первобытные Тюрки и Уральскіе Финны суть двѣ вѣтви одного ствола, первоначально бывшаго единымъ“. Относительно титула шань-юй онъ высказалъ довольно своеобразное мнѣніе, именно, что оно могло быть „транскрипціей монгольскаго слова нойянъ, которые значитъ

государь или вождь“. При изложении исторіи Хунъ-ну онъ считалъ временемъ главнаго ихъ переселенія конецъ I-го вѣка по Р. Х. Причину монгольскаго типа Гунновъ онъ видѣлъ въ томъ, что часть ихъ смѣшалась съ Сянь-би, монгольскимъ племенемъ. Усиленіе монгольскихъ-же племенъ То-ба и Жуань-Жуань въ IV-мъ вѣкѣ было причиной движенія на Западъ этихъ омонголившихся Хунъ-ну. Эти новые пришельцы и придали монгольскій видъ Гуннамъ. Извѣстія Птолемея, Діонисія Періегета и Моисея Хоренскаго онъ относилъ не къ тѣмъ Гуннамъ, которые вторглись въ Европу въ IV-мъ вѣкѣ, а только къ отдѣльнымъ ордамъ ихъ. Особенно же настаивалъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ на томъ, что „калмыцкій типъ былъ данъ восточнымъ Хунъ-ну смѣсью ихъ съ монгольскимъ народомъ Сянь-би послѣ разрушенія имперіи Хунъ-ну въ 93 г. Мы настаиваемъ на этомъ различіи, потому что оно кажется намъ основнымъ“. Что нѣкоторые византійскіе писатели (напр., Өеофанъ въ IX-мъ вѣкѣ) называютъ Гунновъ Турками, означаетъ только то, что эти писатели привыкли называть всѣ народы, приходившіе изъ странъ лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, Турками, какъ раньше они всѣмъ имъ давали имя Гунновъ или Скиөовъ. Наконецъ, что Ту-гю или Тюрки произошли, по китайскимъ извѣстіямъ, отъ Хунъ-ну, онъ приписывалъ общему происхожденію Финновъ и Тюрковъ. Таковы вкратцѣ воззрѣнія этого изслѣдователя.

Мнѣніе Вивьенъ-де-Сенъ-Мартена относительно физическаго типа Гунновъ, хотя онъ собственно только повторилъ высказанное Клапротомъ, гораздо удачнѣе, чѣмъ Сенъ-Мартена. Изъ его словъ относительно древнихъ Хунъ-ну явствуетъ, по нашему мнѣнію, то, что онъ считалъ ихъ за неразделившихся еще Тюрковъ и Финновъ. Предположеніе это ничѣмъ не доказано и не является вѣроятнымъ вслѣдствіе характера историческихъ извѣстій объ этомъ народѣ. Совершенно непонятнымъ является для насъ объясненіе этимъ изслѣдователемъ имени шань-юй. Какимъ образомъ оно могло быть монгольскимъ, если самъ Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ выразилъ мнѣніе, что монгольскій элементъ не входилъ въ первоначальный составъ Хунъ-ну (не говоря уже о сопоставленіи неимѣющихъ ничего общаго между собою словъ нойянъ и шань-юй)? Вполнѣ своеобразно мнѣніе этого изслѣдователя по поводу монгольскаго типа Гунновъ. Прежде всего нужно сказать, что позднѣйшія (послѣ конца перваго вѣка по Р. Х.) движенія могли быть, такъ какъ народныя переселенія, и во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ и позже, часто происходили въ Средней Азіи, но несомнѣнныхъ фактовъ не существуетъ. Сянь-би, по мнѣнію большинства ученыхъ, принадлежали не къ монгольской, а къ тунгузской или корейской группамъ *). Поэтому, если и было высе-

*) См. Клапрота «Tableaux historiques», p. 93; Григорьева «Объ отношеніяхъ между

леніе, то оно не могло внести новые, монгольскіе элементы; потому-же этотъ вопросъ не можетъ считаться „основнымъ“.

Мнѣній двухъ вышеназванныхъ ученыхъ придерживался и русскій изслѣдователь П. П. Семеновъ. Онъ, какъ и Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ, спеціально занялся вопросомъ о происхожденіи Хунъ-ну. Замѣчанія его по этому поводу находятся въ приложеніи къ I-му тому „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера (Спб. 1850 г.) на стр. 630—637. При разборѣ теоріи Клапрота, мы уже говорили, что ее до насъ разбиралъ П. П. Семеновъ, который подраздѣлилъ ее на три части и, соглашаясь съ финнизмомъ Гунновъ и турчизмомъ Ту-гю, отрицалъ тожество Хунъ-ну и Ту-гю. Указавъ на поразительное сходство именъ Хунъ-ну и Хуннъ, онъ привелъ китайскія извѣстія о томъ, что этотъ народъ пришелъ съ Алтая. Оттуда-же пришли и Гунны. Слѣдовательно, существуетъ не только общность имени, но и мѣстопребыванія. Происхожденіе Ту-гю (или, какъ онъ говоритъ, Ту-кюэ) отъ Хунъ-ну ровно ничего не доказываетъ. Хунъ-ну были пришельцами въ земляхъ къ сѣверу отъ Китая, туземцами-же тамъ были тюркскія племена, которыя, будучи покорены Хунъ-ну, приняли ихъ имя. Что касается до хуннускихъ словъ, сообщаемыхъ китайскими лѣтописями, то одно изъ нихъ цилянь (или килянь), которое значитъ небо, П. П. Семеновъ считалъ возможнымъ сблизить съ лат. coelum, греч. κοῖλον, франц. ciel, итальян. cielo, латыш. zeltees, т. е. онъ думалъ, что это слово индо-европейскаго языка и поэтому принадлежало одному изъ покоренныхъ Хунъ-ну народовъ. Среди этихъ подданныхъ находились въ большомъ количествѣ тюрки, изъ которыхъ впослѣдствіи вышли Ту-гю. „Шань-юй“, говоритъ онъ далѣе: „иначе Танъ-ли-куту, что значило сынъ неба, былъ титулъ хуннскихъ царей“. Не допуская, чтобы одно понятіе выражалось на одномъ и томъ-же языкѣ двумя словами, этотъ изслѣдователь полагаетъ, что шань-юй значило на настоящемъ хуннскомъ языкѣ „сынъ неба“, а танъ-ли-куту былъ переводъ этого слова на языкъ подвластныхъ народовъ. Слово тенгри значитъ по тюркски небо, слова-же куту нѣтъ въ языкахъ тюркскихъ и монгольскихъ народовъ. По маньчжурски „гуто“ значитъ сынъ. Другимъ словамъ, какъ-то: лу-ли, ту-ки, тей-ло онъ не находилъ аналоговъ въ тюркскихъ языкахъ *). Итакъ, по воззрѣнію

кочевыми народами и осѣдлыми государствами» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 года. Мартъ, стр. 11; П. П. Семенова у Риттера «Землевѣдѣніе Азіи», т. I (Спб. 1850 года), стр. 401.

*) П. П. Семеновъ приводилъ и объяснялъ упомянутыя въ китайскихъ лѣтописяхъ хуннускія слова по статьѣ синолога проф. Шотта (Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlechte, Abhandlungen Berl. Academie, 1847). Этотъ ученый сближалъ вышеупомянутое Лу-ли съ тюркскимъ ulu; съ этимъ-же словомъ сближалъ онъ и слово U-lui. Tu-ngu-sse можетъ быть тожественно, по его мнѣнію, съ тюркскимъ словомъ тунгузъ. Вообще проф. Шоттъ никакъ не можетъ считаться сторонникомъ финнизма Хунъ-ну, такъ

П. П. Семенова, Гунны и Хунъ-ну тожественны и принадлежатъ къ финскому племени.

Приступая къ разбору мнѣній этого изслѣдователя, укажемъ на сопоставленіе общей родины и сходства имени для отожествленія. Изслѣдованіе географическаго положенія дѣйствительно очень важно для правильнаго сужденія объ этомъ вопросѣ. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется то обстоятельство, что остальные изслѣдователи совершенно не обратили вниманія на общую родину того и другого народа *). Хунъ-ну были, по мнѣнію П. П. Семенова, пришельцами въ Инь-шанѣ; однако, они пришли туда „послѣ послѣдняго великаго потопа", какъ сказано у Риттера на 622 стр., на которую ссылается нашъ изслѣдователь. Насколько можемъ мы судить по древнѣйшимъ извѣстіямъ объ этомъ народѣ въ китайскихъ лѣтописяхъ, Хунъ-ну съ глубочайшей древности жили въ этихъ мѣстахъ. Мы держимся того взгляда, что до насъ не дошло ни одного точнаго извѣстія о приходѣ Хунъ-ну въ ту страну, гдѣ застаютъ ихъ китайскія лѣтописи. Что касается того объясненія, что слово шань-юй есть переводъ на настоящій хуннускій языкъ слова, принадлежащаго языку подчиненнаго тюркскаго народа, то это объясненіе совершенно не удовлетворяетъ насъ. Дегинь (t. I, p. II, p. 25) уже приводилъ объясненіе историка Ханьской династіи, что шань-юй или таньжу значитъ „grande et large figure". О. Іакинѳъ въ „Собраніи свѣдѣній" въ примѣчаніи на стр. 10-й I-й части I-го тома, говоритъ: „Въ Хань-шу-инь-и (т. е. въ томъ-же сочиненіи, про которое говорилъ Дегинь) сказано: шань-юй значитъ величайшій, на кит. Сянъ-тьхань" и на стр. 110: „Въ исторіи старшей династіи Хань сказано: шаньюй значитъ величайшій, т. е. въ великости подобный небу". Этотъ-же ученый далѣе указалъ на то, что древнее шаньюй и болѣе новое ханъ-два слова по смыслу совершенно тожественныя (см. тамъ-же, т. I, ч. II, стр. 267). Наконецъ, г. Каѣнъ сообщилъ слѣдующее (прим. на стр. 88 цитов. соч.): „Шань-юй не понятно, но переводъ этого слова можно возстановить. Китайскія лѣтописи го-

---

какъ онъ, хотя и не считалъ возможнымъ точно выяснить племенную принадлежность Хунъ-ну, однако думалъ, что они были «восточно-алтайскаго или татарскаго происхожденія». Слѣдовательно, онъ считалъ ихъ или Тюрками, или Монголами, или Тунгусами (см. ss. 290—291).

*) Особенно долженъ относиться этотъ упрекъ къ Клапроту, который издалъ даже атласъ. Въ этомъ атласѣ съ первой до седьмой картъ указано, что по восточную сторону Алтая жили тюрки Хянь-юнь и Хунъ-ну, а по западную—народы гунскіе и восточно-финскіе. На седьмой картѣ (116 г. по Р. Х.) на Алтаѣ и къ востоку отъ него указаны остатки сѣверныхъ Хунъ-ну, къ западу отъ этихъ горъ, въ теперешнихъ киргизскихъ степяхъ до Урала, расположены «Хунъ-ну, изгнанные на Западъ», а на Уралѣ, рѣзко отдѣленные отъ отъ этихъ Хунъ-ну, живутъ «гунскіе или восточно-финскіе» народы. Это сосѣдство продолжается и на картахъ восьмой, девятой и десятой (съ девятой Хунъ-ну называются уже Юе-бо).

ворятъ при 552 г.—Тумынь (вождь Ту-гю или Тюрковъ) принялъ титулъ И-ли-ханъ, слово, имѣющее тотъ-же смыслъ, что нѣкогда шань-юй. И-ли по тюркски въ IV-мъ вѣкѣ значило—знаменитый, блестящій, чѣмъ объясняется блестящее лицо, которое китайцы приписывали шань-юю". Такимъ образомъ, выясняется, что шань-юй и тань-ли-ко-то слова, совершенно различныя.

Къ этой-же теоріи должны мы отнести и финнолога г. Уйфальви-де-Мезо-Кёвешдъ. Онъ коснулся этого вопроса въ „Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens" (Paris, 1873). По его мнѣнію Гунны. принадлежащіе къ финскому племени, одно время владычествовали въ странахъ къ сѣверо-востоку отъ Китая. Онъ считаетъ вполнѣ допустимымъ мнѣніе Тьерри, что они очень смѣшались съ Монголами. Вслѣдствіе переворотовъ въ Средней Азіи, они были отброшены въ Европу и тутъ смѣшались съ разными другими народами, какъ то славянскими, готскими и др. (см. p.p. 80—85 и 126—127). Хотя этотъ ученый и стоитъ въ своихъ воззрѣніяхъ довольно близко къ мнѣніямъ Тьерри, однако онъ долженъ быть отнесенъ къ теоріи финнизма, потому что признаетъ Гунновъ Финнами, хотя и смѣшанными съ Монголами. Любопытно, что г. Уйфальви, финнологъ и природный венгерецъ назвалъ мнѣніе Клапрота относительно тожества Гунновъ и Мадьяръ „опирающимся на отдѣльныхъ и смѣлыхъ этимологіяхъ".

Къ этой-же теоріи долженъ быть скорѣе всего отнесенъ и бар. П. К. Усларъ, который мимоходомъ высказался по нашему вопросу въ „Древнѣйшихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ" (записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, Тифлисъ, 1881; помѣщено также въ „Собраніи свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ", X). Считая Гунновъ Финнами (стр. 161), онъ назвалъ Хунъ-ну смѣсью „нѣсколькихъ кочевыхъ племенъ тюрко-финскаго происхожденія" (стр. 164—165).

Въ заключеніе разбора мнѣній представителей третьей теоріи, мы должны сказать, что ее, по справедливости, можно назвать теоріей „примиренія". Одной-же изъ главныхъ ея заслугъ явилось указаніе на тожество Хунъ-ну и Гунновъ и стараніе доказать это.

V.

Теоріи относительно отдѣльныхъ частей вопроса.—Теорія славянства Гунновъ (Венелинъ, Вельтманъ, Забѣлинъ, Иловайскій, В. Флоринскій).—Теорія турчизма Гунновъ (Цейссъ, Куникъ, Ф. Мюллеръ, Томашекъ, Соколовъ, Ф. Коршъ, В. Миллеръ, Васильевскій, Витерсхеймъ, Вамбери, Радловъ, Аристовъ).—Новѣйшія изслѣдованія проф. Хирта.

Приведенныя и разобранныя нами въ предъидущихъ главахъ теоріи касались гунскаго вопроса въ широкомъ смыслѣ, т. е. разсматривали всѣ три

части, на которыя онъ распадается. Въ настоящей главѣ мы дадимъ краткій обзоръ теорій и изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ частямъ этого вопроса.

Европейскіе Гунны обращали на себя до сихъ поръ большее вниманіе, чѣмъ родственные имъ китайскіе Хунъ-ну. Это объясняется конечно тѣмъ, что исторія Европы разработана лучше, чѣмъ исторія сѣверо-восточной Азіи. Относительно европейскихъ Гунновъ возникли почти одновременно двѣ теоріи: славянства и турчизма.

Создателемъ теоріи славянства этого народа можно назвать Венелина („Древніе и нынѣшніе Болгаре", т. I, 1829). Главныя доказательства этого ученаго основывались на томъ, что гунскія имена сходны со славянскими (стр. 94). Каратонъ (Καρατον) сходно съ именемъ болгарскаго царя Кардама (Болгары были, по его мнѣнію, чистые славяне), Валамберъ-Владиміръ, Аттила-Тиланъ (болгарскій царь), Бледа-Владъ и т. д. Отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ онъ считалъ ошибкой. Хунъ-ну были, думалъ онъ, монголы, которые кочуютъ теперь, какъ и во времена древности, на сѣверныхъ границахъ Китая (стр. 157 — 158). Изъ сочиненій оріенталистовъ онъ ознакомился видимо только съ „Записками о Монголіи" о. Іакинѳа, при чемъ однако, упустивъ изъ вида замѣчаніе, что имя Хунъ-ну было лишь транскрипціей туземнаго имена на китайскій языкъ, возражалъ противъ приписываемаго имъ этому синологу мнѣнія, что монголы называли себя китайскимъ браннымъ именемъ (стр. 160 и далѣе). Онъ доказывалъ, что по гречески Гунны всегда назывались Οὖννοι, Οὐέννοι, Венны и только уже въ латинскомъ языкѣ появилась форма Hunni, отсюда и имя Гунны. Имя Гуннъ или Веннъ (что́ по его мнѣнію одно и тоже) Венелинъ сближалъ съ именемъ Вендъ и признавалъ такимъ образомъ Гунновъ тожественными Славянамъ.

Еще дальше въ такъ называемыхъ „дикихъ" этимологіяхъ, пошелъ послѣдователь Венелина въ теоріи славянства Гунновъ Вельтманъ. Онъ отожествилъ въ сочиненіи „Аттила и Русь въ IѴ—Ѵ вѣкахъ" (Москва, 1858) имя Hunni черезъ Kwäne съ Кыяне т. е. Кіевлянами, назвалъ Аттилу „всея Руси самодержцемъ" и т. д. Даже сторонникъ славянства Гунновъ Д. И. Иловайскій назвалъ это сочиненіе „мистическимъ сумбуромъ".

Въ пользу этой теоріи высказался и И. Е. Забѣлинъ на стр. 218—360 первой части „Исторіи русской жизни" (Москва, 1876). Считая сдѣланное Дегинемъ отожествленіе Хунъ-ну и Гунновъ основаннымъ лишь на сходствѣ именъ, онъ указываетъ на противорѣчіе этому свидѣтельствъ исторіи и географіи. По мнѣнію этого ученаго, „надо только удивляться какимъ образомъ несообразная догадка Дегиня утвердилась въ наукѣ, какъ непреложная истина. Съ его легкой руки всѣ стали твердить что Унны были истинные Калмыки и всѣ старались при всякомъ случаѣ только доказывать и распространять это

поверхностное заключеніе. Затѣмъ Клапротъ доказалъ, а Шафарикъ подтвердилъ, что Унны были Уральскаго происхожденія, родственники Башкировъ и предки Венгровъ. Теперь этой новой истинѣ уже никто не противорѣчитъ". (331—332). Переходя къ разбору источниковъ, И. Е. Забѣлинъ считаетъ портретъ Гунновъ, описанный Амміаномъ Марцеллиномъ, продуктомъ воображенія, возникшимъ изъ сказаній о бытѣ кочевыхъ народовъ. Гунны пришли не съ Востока т. е. не изъ за Волги, а отъ Ледовитаго моря. Лежащими за Меотійскими болотами назывались страны не къ Востоку, а къ Сѣверу отъ нихъ. Уннами, по его мнѣнію, стала называться дружина сѣверныхъ славянскихъ племенъ, призванная южными на помощь противъ Готовъ. Таковы въ краткихъ словахъ мнѣнія этого ученаго.

Самымъ убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи славянства Гунновъ является безспорно Д. И. Иловайскій. Какъ извѣстно, этотъ ученый одинъ изъ наиболѣе ожесточенныхъ противниковъ норманизма Руси. Отъ славянства Руси онъ перешелъ къ славянству Болгаръ, а отъ этого къ славянству и Гунновъ. Его доказательства и возраженія на нихъ составляютъ несомнѣнно своеобразное явленіе въ исторіи нашего вопроса. Напечатавъ въ майской книжкѣ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1881 г. статью подъ заглавіемъ „Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ", Д. И. Иловайскій повторилъ въ сентябрѣ 1881 г. на V-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Тифлисѣ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ въ этой статьѣ (см. Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, изд. подъ редакціей гр. Уваровой, Москва, 1887, стр. LIX—LXIII). Уже здѣсь мнѣнія раздѣлились: часть приняла воззрѣнія докладчика (Н. И. Костомаровъ, проф. Иконниковъ), часть высказалась противъ нихъ (Загурскій, Гаркави, проф. Анучинъ). 31-го декабря 1881 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго Общества Любителей Естествознанія состоялся предложенный Д. И. Ильвайскимъ диспутъ по вопросу о народности Гунновъ, а въ 1882 г. этотъ же изслѣдователь напечаталъ статью „Пересмотръ вопроса о Гуннахъ" (Русская Старина, 1882, февраль) и второе изданіе „Разысканій о началѣ Руси", къ которому приложилъ и изслѣдованіе по вопросу о Гуннахъ. Выводы этого изслѣдователя сводятся къ слѣдующимъ. Теорія туранства *) Гунновъ основывается, по его мнѣнію, только на описаніи ихъ наружности и образа жизни Амміаномъ Марцеллиномъ и Іорнандомъ. Описанію перваго нельзя придавать значенія потому, что онъ никогда въ своей жизни не видѣлъ Гунновъ, а писалъ съ чужихъ словъ,

*) Д. И. Иловайскій предпочитаетъ терминъ «туранскій» термину «урало-алтайскій», потому что онъ распространяется яко-бы и на монгольскіе народы, на которые терминъ «урало-алтайскій» не распространяется (см. Русская Старина, 1882, декабрь, стр. 609)—это конечно совершенно не вѣрно и противорѣчитъ современной этнографической классификаціи.

описаніе-же Іорнанда „плодъ тенденціозно настроеннаго воображенія". Кромѣ того, въ оставленныхъ описаніяхъ наружности Гунновъ не видно чертъ, свойственныхъ монгольскому племени. Гунскія слова, дошедшія до насъ—славянскаго происхожденія: медосъ—медъ, камосъ—квасъ, страва-тризна. На Хунъ-ну Д. И. Иловайскій не счелъ нужнымъ обратить вниманіе. Мимоходомъ говоритъ онъ, что Гунновъ старались связать „съ монгольскимъ народомъ Хіонгну" и заставили этихъ послѣднихъ переселиться въ IV-мъ вѣкѣ на Западъ. Все это Д. И. Иловайскій считалъ не основаннымъ на положительныхъ свидѣтельствахъ источниковъ.

Эта славянская теорія прежде всего встрѣтила много возраженій въ этнографическомъ отдѣлѣ Московскаго общества Любителей Естествознанія (см. труды этого отдѣла за 1886 г. VIII). Сначала возражалъ проф. Н. А. Поповъ, который, какъ историкъ, особенно возставалъ противъ мнѣнія Д. И. Иловайскаго, что Славяне не извѣстны исторіи до Гунновъ, тогда какъ Анты и Венды были безъ сомнѣнія Славяне. Далѣе выступилъ противъ этой теоріи проф. В. Ф. Миллеръ, приведшій возраженія съ точки зрѣнія лингвистики и этнографіи. Сопоставленіе словъ камъ и квасъ онъ считалъ безусловно произвольнымъ; при томъ слова камъ и медъ принадлежали по его мнѣнію языку деревенскаго населенія Паннонія, которое не было гунскаго происхожденія; собственныя имена—не славянскія (о томъ къ какому языку нужно отнести ихъ, по мнѣнію В. Ф. Миллера, мы скажемъ дальше); между Славянами и Гуннами существенное различіе и въ наружности (Славяне бѣлокуры и высоки ростомъ, Гунны-черноволосы и маленькаго роста), и въ бытѣ (Славяне-осѣдлые, Гунны-кочевники). Затѣмъ говорили противъ этой теоріи проф. Ф. Е. Коршъ (по поводу различія физическаго и лингвистическаго), и проф. Д. Н. Анучинъ (съ точки зрѣнія антрополога). Впрочемъ всѣ эти ученые высказались устно и объ ихъ воззрѣніяхъ можно судить только по протоколамъ засѣданій вышеупомянутаго отдѣла. Въ печати выступилъ противъ теоріи Д. И. Иловайскаго проф. В. Г. Васильевскій въ статьѣ „о мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ" (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882 г., іюль). Онъ указалъ на то, что древніе писатели, какъ-то Іорданъ, Прокопій, Маврикій отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ (стр. 145); по даннымъ языка, Славяне еще до раздѣленія индо-европейцевъ были земледѣльцами, а не кочевниками, какъ Гунны (146—149); камъ не квасъ, а особый паннонскій напитокъ, издавна извѣстный греческимъ писателямъ (150—151). Общій выводъ этого ученаго тотъ, что если и можно спорить о томъ, къ какой группѣ урало-алтайскихъ народовъ принадлежали Гунны: финно-угорской, турецко-татарской или монгольской, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно неславянское происхожденіе ихъ. Доводы Д. И. Иловайскаго встрѣ-

тили опровержение и со стороны оріенталистовъ. Проф. Н. И. Веселовскій въ статьѣ „Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь) указалъ на необходимость обратиться въ восточнымъ источникамъ. Д. И. Иловайскій въ статьѣ „Поборники норманизма и туранизма“ (Русская Старина, 1882, декабрь) высказался по поводу вышеупомянутыхъ критическихъ статей. В. Г. Васильевскій написалъ по этому поводу „Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ“ (Жур. Мин. Нар. Просв. 1883, апрѣль). Эти чисто полемическія статьи хотя несомнѣнно выясняютъ степень подготовки каждой изъ спорящихъ сторонъ къ занятіямъ историко-этнографическими вопросами вообще и вопросомъ о Гуннахъ въ частности, не даютъ какихъ либо новыхъ фактовъ. Отмѣтимъ только мнѣнія, высказанныя по поводу Гунновъ, упомянутыхъ у Птолемея. Д. И. Иловайскій, настойчиво отрицавшій азіатское происхожденіе Гунновъ, видѣлъ противорѣчіе этому въ упоминаніи о нихъ еще во II-мъ вѣкѣ, тогда какъ Гунны пришли, какъ думаютъ, въ Европу въ IV-мъ. В. Г. Васильевскій возражалъ, что этотъ фактъ равно какъ и упоминаніе о Гуннахъ у Плинія Старшаго, въ клинообразныхъ надписяхъ (какъ мы уже видѣли въ клинообразной надписи вмѣсто Хуна надо читать Яуна) и т. д., есть фактъ единичный и сближеніе Гунновъ Птолемея съ Гуннами Марцеллина безплодно, если нельзя заполнить хронологическій, географическій и филологическій промежутокъ между этими двумя народами. Замѣтимъ, что подобное-же отрицательное отношеніе къ Гуннамъ Птолемея было высказано и Цейссомъ въ „Die Deutschen und die Nachbarstämme (München. 1837, s. 727, b. 1). Кромѣ того, упоминаніе о Гуннахъ во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. не противорѣчитъ ихъ азіатскому происхожденію и тожеству съ Хуньну уже потому, что эти послѣдніе совершили два извѣстныхъ китайцамъ движенія на Западъ: въ половинѣ I-го в. до Р. Х. и въ концѣ I-го в. по Р. Х. Откочевавшая въ половинѣ I-го в. до Р. Х. часть могла быть уже извѣстна Птолемею.

Наконецъ, послѣднимъ представителемъ теоріи славянства мы должны назвать В. М. Флоринскаго (Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни въ Изв. Томскаго Унив. книга VII, 1895). Взгляды этого изслѣдователя на гунскій вопросъ сходятся преимущественно со взглядами И. Е. Забѣлина (см. стр. 53—54 и 350—354 его сочиненія). По его мнѣнію, перевороты въ Европѣ „сдѣлали не тѣ полудикіе, бездомные зауральскіе выходцы, какіе описываются подъ именемъ Гунновъ въ извѣстіяхъ Іорнанда и Амміана Марцеллина“. Имя Гуннъ онъ склоненъ производить отъ слова гунявый. Онъ вполнѣ соглашается съ объясненіями гунскихъ именъ, предложенными Венелинымъ, Забѣлинымъ, Иловайскимъ. Вопросъ, по его мнѣнію,

не въ имени Гунновъ, а въ силѣ, которою Славяне оттѣснили Готовъ, сплотившись въ одно политическое тѣло, а сплачивающимъ элементомъ не могла быть финская или монголо-татарская орда.

Такова въ общихъ чертахъ эта теорія славянства Гунновъ, встрѣченная цѣлымъ рядомъ существенныхъ возраженій со стороны ученыхъ самыхъ различныхъ спеціальностей. Мы, со своей стороны, разсматривая вопросъ о Гуннахъ въ широкомъ смыслѣ, должны указать на тотъ наиболѣе существенный недостатокъ представителей этой теоріи, что они совершенно не считались съ исторіей Востока. Голословно обвиняя Дегиня въ произвольномъ отожествленіи Гунновъ съ Хунъ-ну, ученые сторонники этой теоріи совершенно игнорируютъ историческіе факты, касающіеся переселеній Хунъ-ну на западъ *). Высказывая сужденія крайне категорично, придавая своимъ взглядамъ видъ неопровержимыхъ истинъ, призывая даже къ суду грядущее поколѣніе—сторонники этой теоріи не обратили вниманія на необходимыя условія при изслѣдованіи научнаго вопроса, именно на тщательное знакомство съ литературой предмета **).

Почти одновременно съ теоріей славянства Гунновъ возникла и теорія турчизма этого народа. Первымъ предложилъ ее еще Цейссъ (Zeuss, Die Deutschen und die Nachbarstämme, München, 1837). Статью, озаглавленную Hunni, онъ посвятилъ исключительно исторіи этого народа (ss. 706—710), тогда какъ о происхожденіи ихъ говорилъ въ статьѣ, посвященной Булгарамъ (ss. 710—727). Въ этомъ послѣднемъ народѣ онъ призналъ ушедшихъ на Востокъ Гунновъ. На Волгѣ, гдѣ удержались остатки Булгаръ, можно ожидать въ ту эпоху только либо Финновъ, либо Тюрковъ; такъ какъ Финны раньше (ss. 272—275) признаны имъ исключитетьно лѣснымъ народомъ, занимающимся охотой и рыболовствомъ, то Болгары и ихъ предки Гунны, народы кочевые, степные и конные должны быть отнесены къ Тюркамъ. По его мнѣнію, Гунны были первые Тюрки, пришедшіе изъ сѣверозападной Азіи и пробившіе путь въ степную полосу Европы. Отожествленіе Гунновъ съ Хунъ-ну принято имъ.

Настойчиво придерживался теоріи турчизма Гунновъ и лучшій знатокъ исторической этнографіи Россіи А. А. Куникъ. Изъ его статей по этому во-

*) Замѣчательно, что Фейеръ (Féjer, Aborigenes et incunabula Magyarorum), тщательно собравшій извѣстія о Гуннахъ у древнихъ писателей, совершенно упустилъ изъ вида китайскія извѣстія о Хунъ-ну. Къ заслугѣ этого изслѣдователя надо отнести то, то онъ съ большимъ терпѣніемъ привелъ имена авторовъ и мѣста въ ихъ сочиненіяхъ, гдѣ встрѣчается какая-нибудь изъ формъ имени Гунновъ (см. стр. 44—46 его сочиненія).

**) Къ изданію 1882 г. «Разысканій о началѣ Руси» Д. И. Иловайскій приложилъ, какъ мы уже говорили, изслѣдованіе о Гуннахъ и отчетъ о диспутѣ съ возраженіями оппонентамъ. Онъ самъ признается тутъ въ незнакомствѣ съ литературой—онъ говоритъ, что «услыхалъ съ удивленіемъ» о существованіи обширной литературы о гуннахъ. Ему, по собственнымъ словамъ, были лишь извѣстны два сочиненія: Ам. Тьерри и Бера.

просу мы прежде всего должны назвать „О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (помѣщена въ Запискахъ Академіи Наукъ за 1855, т. III). Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ высказалъ здѣсь, что „тюркскій элементъ совершенно ясно выступаетъ (въ южной Руси) лишь со времени гунскаго нашествія, когда Алтай, это первоначальное гнѣздо тюркскихъ племенъ, сталъ высылать орду за ордой на западную Азію и Черноморье“ (715). На этомъ основаніи онъ и призналъ нашествіе Гунновъ основнымъ пунктомъ въ исторіи тюркскихъ народовъ. Среди гунскаго войска находились, по его мнѣнію, многіе изъ тѣхъ тюркскихъ народовъ, которые позже другъ за другомъ явились въ исторіи южной Руси. Считая Финновъ совершенно неспособными соединяться въ государства, онъ даже полагалъ, что первобытные Магары (Мадьяры) были Тюрки, обратившіе своихъ подданныхъ Финновъ въ конный народъ и съ теченіемъ времени замѣнившіе свой языкъ языкомъ многочисленныхъ подданныхъ (какъ примѣръ возможности подобной замѣны онъ привелъ Франковъ въ Галліи). Причисленіе Гунновъ къ Тюркамъ замѣтно и въ написанномъ этимъ ученымъ совмѣстно съ бар. В. Р. Розеномъ изслѣдованіи „Извѣстія Аль-Бекри“ (ч. I, Спб. 1878). Въ написанной А. А. Куникомъ съ В. В. Радловымъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія Татаръ“, авторы высказались въ пользу турчизма Гунновъ и осудили теорію, признававшую Финнами нѣкоторые полукочевые народы южной и юго-восточной Руси. Печенѣги имѣли, по ихъ мнѣнію, въ южной Россіи предшественниковъ тюркскаго происхожденія—именно Аваровъ. Тюрки были главнымъ племенемъ въ Хазаріи. Болгары были тоже Тюрки. Финскій элементъ въ исторіи юга и юго-востока Россіи явился впервые съ Мадьярами, да и то подъ предводительствомъ тюркскаго рода. Гунны были несомнѣнно Тюрки.

Ф. Мюллеръ, признавшій, какъ мы уже говорили, Хунъ-ну за Тюрковъ, Гунновъ тоже назвалъ племенемъ татарскимъ (т. е. по его классификаціи тюркскимъ), хотя и призналъ ихъ сильно смѣшанными съ Финнами (см. его Allgemeine Ethnographie).

Къ теоріи турчизма Гунновъ примкнулъ и Томашекъ, который въ рецензіи на книгу Иречека „Исторія Болгаръ“ (помѣщена была въ Zeitschrift für Oester. Gymnasium за 1877 г., ss. 674—686) на основаніи и историческихъ преданій и тожества собственныхъ именъ доказывалъ, что Болгары и ихъ предки Гунны были Тюрки.

Къ авторитетнымъ мнѣніямъ Куника и Томашека присоединился и М. Соколовъ въ изслѣдованіи „Изъ древней исторіи Болгаръ“ (Спб., 1879).

Выше мы упомянули о замѣчаніяхъ и возраженіяхъ проф. В. Ф. Миллера и Ф. Е. Корша по поводу славянства Гунновъ. Отрицая возможность

этого, они предложили свои объясненія гунскихъ собственныхъ именъ. Ф. Е. Коршъ призналъ напр. собственное имя Ойбарсъ за тюркское. Подробнѣе говорилъ по этому поводу В. Ф. Миллеръ. Слова, имѣющія въ латинской или греческой транскрипціи окончаніе на „gan“ или „kan“, по его мнѣнію, несомнѣнно тюркскія, при чемъ это „gan“ есть тюркское ханъ (Zaber-gan= Забаръ-ханъ). Въ имени Денгизикъ онъ считаетъ корнемъ тюркское слово денгизъ. Ойбарсъ сравнивается имъ съ половецкимъ (а Половцы были несомнѣнно Тюрки) Багубарсъ, гунское имя Куридахъ=полов. Куртокъ и т. д.

Проф. В. Г. Васильевскій въ цитированной нами статьѣ, направленной противъ теоріи Иловайскаго, высказалъ (см. „О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ“) „что преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашека, Соколова)“.

Въ послѣднемъ сочиненіи по общей исторіи великаго переселенія народовъ, которое въ силу популярнаго характера должно было придерживаться наиболѣе распространенныхъ взглядовъ, было высказано мнѣніе въ пользу турчизма Гунновъ. Мы разумѣемъ „Geschichte der Völkerwänderung“ Витерсхейма. Здѣсь (Zweiter Band, 24—25) Гунны считаются Тюрками, среди которыхъ находились многочисленные финскіе и тунгузскіе (?) элементы.

Венгерскій тюркологъ А. Вамбери въ изслѣдованіи „Ursprung der Magyaren“ (Leipzig, 1882) посвятилъ вопросу о Гуннахъ три главы (вторая, третья и четвертая). Онъ, какъ Ф. Е. Коршъ и В. Ф. Миллеръ, особенно указывалъ на сходство гунскихъ именъ съ тюркскими, хотя и признавалъ ихъ сильно измѣненными греческой и латинской транскрипціей. Цѣлая глава (ss. 40—50) посвящена у него этимъ гунскимъ именамъ. Мунзукъ, Ирнакъ, Атакамъ, Баянъ—все это, по его мнѣнію, тюркскія имена. Считая этотъ народъ тюркскимъ, А. Вамбери тоже на основаніи лингвистическихъ данныхъ шелъ еще дальше и пытался опредѣлить къ какой группѣ изъ тюркскихъ племенъ слѣдуетъ отнести ихъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что они должны были быть ближайшей родней Уйгуровъ. Этотъ изслѣдователь привелъ также нѣкоторые историческіе факты, говорящіе въ пользу турчизма Гунновъ. Онъ указалъ напр. на то, что черезъ сто лѣтъ послѣ паденія гунскаго государства, Земархъ засталъ все пространство, занятое нѣкогда этимъ народомъ, населеннымъ сплошь Тюрками. Онъ допускаетъ, что среди нихъ были финно-угорскіе элементы, но не думаетъ, чтобы эти послѣдніе, состоящіе главнымъ образомъ изъ „рыбаковъ и жителей лѣсовъ“ когда нибудь выступали въ качествѣ грозныхъ завоевателей. Опредѣляя съ точностью происхожденіе Гунновъ, Вамбери ни слова не сказалъ объ ихъ отношеніяхъ къ Хунъ-ну; это тѣмъ болѣе странно, что онъ оріенталистъ по спеціальности.

Придерживаясь того-же взгляда на происхожденіе Гунновъ, Вамбери касался этого вопроса и въ „Das-Turkenvolk“ (Leipzig, 1885).

В. В. Радловъ высказался въ пользу турчизма Гунновъ какъ въ вышеупомянутой, написанной вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ рецензіи на сочиненіе Голубовскаго, такъ и въ изслѣдованіи „Къ вопросу объ Уйгурахъ“ (2-ое приложеніе къ LXXII тому Записокъ Академіи Наукъ, Спб. 1893). Этотъ изслѣдователь, основываясь на извѣстіяхъ Діонисія Періегета считаетъ вполнѣ возможнымъ отожествить Гунновъ и Хунъ-ну (стр. 103). Извѣстіе Моисея Хоренскаго служитъ ему доказательствомъ, что Гунны въ III-мъ вѣкѣ продвинулись еще болѣе на Западъ. Составъ этого народа опредѣляется имъ слѣдующимъ образомъ: „собственно гунны (восточные тюрки, уйгуры) составляли несомнѣнно лишь часть нахлынувшихъ въ Европу полчищъ; очевидно самыя различныя племена (западные тюрки, угры и пр.) двигались впередъ, имѣя въ гуннахъ предводительствующее племя и наростая, подобно лавинѣ, во время движенія“. (стр. 103). Описанія наружности Гунновъ у Аммiана Марцеллина, Іорнанда и др. вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ описаніемъ Хунъ-ну, которое мы находимъ у китайцевъ. Типъ Гунновъ есть типъ либо Тюрковъ, либо Монголовъ, либо Тунгузовъ. Изъ исторіи мы знаемъ, что сначала направлялись на Западъ Тюрки, при чемъ занятыя ими области заходили на Западъ за Аральское море уже до Р. Х. Въ III—X вѣкахъ стали пробиваться Тунгузы, не дошедшіе однако дальше центра Средней Азіи, а съ XIII-го вѣка появляются Монголы. „Если бы монгольскія племена уже раньше когда-нибудь проникли на западъ, то гдѣ нибудь тамъ остались бы осадки этого народа“. (стр. 106). Таковы вкратцѣ мнѣнія этого ученаго.

За признаніе Гунновъ Тюрками, тожественными Хунъ-ну, высказался и Н. В. Аристовъ („Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей“, въ „Живой Старинѣ“, 1896, III—IV).

Теорія турчизма Гунновъ несомнѣнно одна изъ наиболѣе распространенныхъ въ настоящее время. Ея сторонники, какъ можно видѣть по вышеизложенному, исходятъ изъ нѣсколько иныхъ взглядовъ, чѣмъ представители другихъ теорій. Они основываютъ свои выводы не столько на отдѣльныхъ фактахъ, на толкованіи собственныхъ именъ, сколько на общихъ соображеніяхъ по поводу историческаго хода событій и группировки племенъ. Такая точка зрѣнія имѣетъ многое за себя и, по нашему мнѣнію, характеризуетъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Однако, если и можно сказать, что во главѣ Гунновъ стояли Тюрки, вопросъ о томъ изъ кого состояла масса народа, изъ Финновъ или изъ Тюрковъ, еще не рѣшенъ окончательно *).

*) Необходимо сказать нѣсколько словъ объ изслѣдователѣ, писавшемъ о занимающемъ насъ вопросѣ и котораго, вслѣдствіе своеобразнаго характера его статьи, нельзя

Въ послѣднее время нашимъ вопросомъ занялся одинъ изъ лучшихъ европейскихъ синологовъ проф. Хиртъ. Это, помимо всего остального, можетъ служить доказательствомъ, что гунскій вопросъ заслуживаетъ вниманія изслѣдователей и не можетъ считаться сданнымъ въ архивъ. Статья этого ученаго, озаглавленная „Ueber Wolga Hunnen und Hiung-nu", (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss., 1899, Bd. II, Heft. II, 245—278, München, 1900) касается исключительно вопроса объ отношеніяхъ двухъ вышеупомянутыхъ народовъ. Только изъ одного мѣста его изслѣдованія (прим. на стр. 269) можно заключить, что Хунъ-ну (а слѣдовательно и Гунны, такъ какъ эти два народа тожественны) были, по мнѣнію проф. Хирта, Тюрки: имя хуннускаго шаньюя Ху-хань-е онъ старается объяснить при помощи тюркскаго языка. Справедливо считая необходимымъ для правильнаго рѣшенія этого вопроса обратиться къ первоисточникамъ, т. е. къ извѣстіямъ китайскихъ лѣтописей, этотъ изслѣдователь особенно остановился на томъ мѣстѣ изъ историческаго сочиненія Вэй-шу, въ которомъ сообщается объ области Сукъ—такъ, прежде называвшейся Янь-цай и лежавшей къ сѣверо-западу отъ Кангюя, о ея завоеваніи Хунъ-ну и о томъ, что правитель этой области Хутъ-ай-сы или Ху-ни-сы (Hut-ngai-ssi, alte Aussprache Hu-ni-ssi), современный извѣстію, принадлежитъ уже четвертому поколѣнію со времени завоеванія (ср. у о. Іакинѳа, Собраніе свѣдѣній, III, 166, гдѣ вмѣсто Сукъ—такъ страна называется Су-дэ). По разсчету разстояній, о которыхъ сообщаютъ китайскія извѣстія, Янь-цай (слово, которое есть передѣлка „Ἄορσοι или Alan-orsi") соотвѣтствуетъ областямъ у Аральскаго моря. Оставляя въ сто-

---

причислить ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ теорій. Это г. Боура (Bowra) и его статья «The Χοῦνοι and the Hsiung-nu» (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennys volume I, January—December, 1867, Hongkong). Тожества Монголовъ и Гунновъ онъ не признавалъ на томъ основаніи, что первые не только не сохранили никакихъ воспоминаній и преданій о побѣдахъ и выселеніяхъ, но должны были впасть въ непонятную «летаргію» и пробудиться лишь черезъ нѣсколько столѣтій—что̀ кажется ему невозможнымъ. Сходство тугюйскихъ словъ съ тюркскими кажется ему недостаточнымъ для заключенія о турчизмѣ Ту-гю, а слѣдовательно и Хунъ-ну. Финно-угорское происхожденіе Гунновъ тоже кажется ему мало вѣроятнымъ. Соглашаясь съ тѣмъ, что исторія тюркскихъ народовъ тѣсно связана съ исторіей славянъ и германцевъ и допуская, что разсѣяніе сѣверныхъ Хунъ-ну могло оказать вліяніе на движеніе народовъ, пограничныхъ съ Европой, онъ однако высказалъ мнѣніе, что «очень мало возможности доказать тожество Хунъ-ну и Гунновъ на основаніи китайскихъ лѣтописей. Мало точекъ соглашенія между исторіей Китая и исторіей Европы и мало сдѣлано для ихъ разъясненія». Тутъ-же онъ назвалъ вопросъ о тожествѣ Хунъ-ну и Гунновъ однимъ изъ наиболѣе интересныхъ. Въ концѣ статьи г. Боура заявилъ, что собирается извлечь изъ китайскихъ лѣтописей извѣстія о Хунъ-ну. Насколько ему удалось привести въ исполненіе это обѣщаніе, мы не знаемъ: ни въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, равно какъ и въ библіографическихъ сборникахъ, мы не нашли упоминанія о его дальнѣйшихъ работахъ въ этой области. Упомянутая же статья не вноситъ въ литературу по гунскому вопросу ничего новаго.

ронѣ нѣсколько смѣлое отожествленіе „да-цэ" т. е. „большаго моря" съ Чернымъ только потому, что извѣстіе о немъ относится къ половинѣ V-го вѣка т. е. ко времени смерти Аттилы, переходимъ къ интересному толкованію имени правителя Сукъ-така. По разсчетамъ проф. Хирта, время завоеванія этой области Хунъ-ну совпадаетъ со временемъ появленія Гунновъ (ср. Аристовъ въ „Живой Старинѣ", 1896, III—IV, 293), а имя Хуть-айсы есть китайская транскрипція имени Ирнакъ, одного изъ сыновей Аттилы. Что касается до его мнѣнія о странѣ Юе-бань, о которой такъ много писали изслѣдователи нашего вопроса, то о ней проф. Хиртъ сообщилъ тотъ же текстъ, что и о. Іакинѳъ (III, 163); изъ него же ясно, что значительная часть народа пошла оттуда на западъ. Далѣе авторъ даетъ историческій обзоръ хуннускихъ переселеній, начиная съ откочеванія Чжи-чжи въ половинѣ I-го вѣка по Р. Х. до извѣстія объ уходѣ части сѣверныхъ Хунъ-ну въ Кангюй въ концѣ I-го вѣка по Р. Х.

Такимъ образомъ эта статья представляетъ полный сводъ извѣстій объ отношеніяхъ Хунъ-ну къ Гуннамъ. Съ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ китайскихъ источниковъ, можетъ быть, откроется еще что-нибудь по исторіи переселеній Хунъ-ну и ихъ отношеній къ Гуннамъ. Пока, по нашему мнѣнію, можно довольствоваться и вышеприведенными фактами—ихъ не мало, и они имѣютъ несомнѣнную достовѣрность.

УКАЗАТЕЛЬ

главнѣйшихъ изслѣдованій по гунскому вопросу.

Аристовъ, Н. В., Замѣтки объ этническомъ составѣ тюркскихъ племенъ и народностей (Живая Старина, 1896, III—IV).

Бичуринъ, о. Іакинѳъ, Записки о Монголіи (Спб., 1828). Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена (Спб., 1851).

Васильевскій, В. Г., О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, іюль). Еще разъ о мнимомъ славянствѣ Гунновъ (тамъ-же, 1883, апрѣль).

Веселовскій, Н. И., Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о Гуннахъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь).

Венелинъ, Древніе и нынѣшніе Болгаре, т. I (1829).

Гиббонъ, Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи, т. III (русс. пер., Москва, 1883—1886).

Забѣлинъ, И. Е., Исторія русской жизни, I (Москва, 1876).

Иловайскій, Д. И., Вопросъ о народности Руссовъ, Болгаръ и Гунновъ (Жур. Мин. Нар. Просв., 1881, май). См. Труды V-го Археологическаго съѣзда. Пересмотръ вопроса о Гуннахъ (Русская Старина, 1882, февраль). Разысканія о началѣ Руси (2-е изд., 1882, Москва). Поборники норманизма и туранизма (Русская Старина, 1882, декабрь).

Каёнъ, Л., XVI-я глава II-го тома во Всеобщей Исторіи Лависса и Рамбо (русс. пер.).

Куникъ, А. А., О тюркскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источникамъ (Зап. Ак. Наукъ, 1885, т. III). Рецензія на соч. Голубовскаго о Печенѣгахъ, Торкахъ и Половцахъ (вмѣстѣ съ В. В. Радловымъ).

Радловъ, В. В., Рецензія на соч. Голубовскаго (вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ). Къ вопросу объ Уйгурахъ (2-е приложеніе къ LXXII тому Зап. Акад. Наукъ, 1893).

Риттеръ, Карлъ, Землевѣдѣніе Азіи, т. I (русс. пер. съ дополненіями П. П. Семенова, Спб., 1850).

Риттихъ, А. Ф., Матеріалы для этнографіи Россіи, I (Казань, 1870).

Семеновъ, П. П., см. Риттеръ.
Соколовъ, М., Изъ древней исторіи Болгаръ (Спб. 1879). *
Труды V-го Археологическаго съѣзда въ Россіи, изд. подъ редакціей гр. Уваровой. (Москва, 1887).
Труды этнографическаго отдѣла Московскаго Общества Любителей естествознанія за 1886 г., VII (Поповъ, Миллеръ, Коршъ, Анучинъ).
Усларъ, П. К., бар., Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ (Записки Кавказскаго Отд. Геогр. Общ., XII, 1881 и Собраніе свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, X).
Флоринскій, В. М., Первобытные Славяне по памятникамъ ихъ доисторической жизни (въ Изв. Томскаго Унив., VII, 1895).
Шафарикъ, Славянскія древности, I (пер. Бодянскаго, 1847).

Ber, Die Makrokephalen im Boden der Krym und Oesterreichs (Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pét., VII serie, II tome, № 6).
Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803 (Riga, 1804).
Bowra, The Χοῦνοι and the Hsiung-nu (Notes and Queries on China and Japan, edit. by N. Dennys, vol. I, January-December, 1867, Hongkong).
Cahun, L., Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405 (Paris, 1895).
Castren, Reiseberichte und Briefe (herausgeg. von A. Shiefner, 1856).
Deguignes, Mémoire sur l'origine des Huns et des Turcs, (Paris, 1748 *). Histoire des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux (Paris, 1756—8).
Fejer, Aborigenes et incunabula Magyarorum, (Budae, 1840).
Hirth, F., Ueber Wolga-Hunnen und Hiung-nu, (Aus den Sitzungsberichten der philos.—philol. und der histor. Classe der k. bayer. Akad. d. Wiss. 1899. Bd. II, Heft II, München, 1900).
Howorth H., Some notes on the Huns (Actes du VI congrès intern. des orientalistes en 1883 à Leide, IV partie, Leide, 1885).
Hunfalvy, P, Ethnographie von Ungarn (Budapest, 1877).
Jardot, Révolutions des peuples de l'Asie moyenne (Paris, 1839).
Klaproth, J., Asia polyglotta, (Paris, 1823). Sur l'identité des Thou-khiu et des Hioung-nou avec les Turcs (Journal Asiatique, 1825, Novembre). Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826).
Koskinen, Finnische Geschichte, (Leipzig, 1874).
Müller, F., Allgemeine Ethnogaphie, (Wien, 1873).
Müller F. H., Der Ugrische Volksstamm, (Berlin, 1837).

*) Монографія эта оказалась для насъ недоступной.

Neumann, Asiatische Studien, (Leipzig, 1837). Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung, (Leipzig, 1847).

Pallas. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I (1776).

Pallmann, Geschichte der Völkerwanderung, (1863).

Pray, Annales veteres Hunnorum (Vindobonae, 1761).

Richthofen, China, I (Berlin, 1877).

Saint-Martin, Примѣчанія у Lebeau, Histoire du Bas-Empire, томы II, III, IV.

Schmidt, Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literärischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens (St. Pet., 1824).

Schott, Ueber das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandlungen Berliner Academie, 1847.

Thierry, A., Histoire d'Attila et de ses successeurs (Paris, 1856).

Tomaschek, Рецензія на соч. Иречека, Исторія Болгаръ (Zeitschrift für österreich. Gymnasium, 1877).

Ujfalvy, Migrations des peuples et particulièrement celles des Touraniens (Paris, 1873).

Vambery, A., Ursprung der Magyaren, (Leipzig, 1882).

Vivien-de-Saint-Martin, Sur les Huns ouraliens (Nouvelles annales des voyages, t. III, 1848, Decembre).

Wietersheim, Geschichte der Völkerwanderung, Zweiter Band (Leipzig, 1881).

Wylie, History of the Heung-nu in their relations with China (Shan. Budget, 1873 *).

---

*) Эта статья г. Уайлея, которая, насколько я могъ заключить по упоминаніямъ ней въ другихъ изслѣдованіяхъ, представляетъ собою переводъ китайскихъ извѣстоій. Хунъ-ну, оказалась для меня недоступной за неимѣніемъ въ Петербургскихъ библіотекахъ

ОТДѢЛЪ II.

Распредѣленіе жителей Солунскаго Вилаета по народностямъ и вѣроисповѣданіямъ въ 1899 году.

(Окончаніе).

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей.										
		Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Сересъ	6544	12500	—	2000	—	—	13500	—	—	—	—	28000
Абда махале	12	—	—	69	—	—	—	—	—	—	—	89
Абдумалъ	124	120	—	—	—	—	459	—	—	—	—	579
Абедіе	59	336	—	—	—	—	—	—	—	—	—	336
Аго-махале	39	—	—	215	—	—	—	—	—	—	—	215
Ада чифликъ	30	—	—	165	—	—	—	—	—	—	—	165
Азизіе	50	194	—	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Алемдаръ Махале	57	231	—	—	—	—	—	—	—	—	—	231
Али бей	117	563	—	—	—	—	—	—	—	—	—	563
Али Паша	60	—	—	320	—	—	—	—	—	—	—	320
Арнаутъ Махале	10	—	—	56	—	—	—	—	—	—	—	56
Арни кіой	284	400	—	1190	—	—	—	—	—	—	—	1590
Баирактаръ махале	9	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Балджи	6	31	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31
Барли Джумая	873	1100	1200	1700	—	—	—	—	477	—	—	4477
Бахтіаръ махале	46	—	—	279	—	—	—	—	—	—	—	279
Бегличъ махале	76	—	—	397	—	—	—	—	—	—	—	397
Вери-Караджа Кіой	73	—	365	—	—	—	—	—	—	—	—	365
Біязали	52	255	—	—	—	—	—	—	—	—	—	255
Боница	137	—	682	—	—	—	—	—	—	—	—	682
Борсукъ	51	—	—	256	—	—	—	—	—	—	—	256
Бутково	268	600	—	707	—	—	—	—	—	—	—	1307
Буюкъ махале	86	—	—	448	—	—	—	—	—	—	—	448
Везникъ	251	—	—	—	—	—	1374	—	—	—	—	1374
Верджени	73	—	—	365	—	—	—	—	—	—	—	365
Вирнаръ	25	—	—	—	—	—	124	—	—	—	—	124
Вишанъ	34	—	—	141	—	—	1597	—	—	—	—	141
Гайдурахаръ	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1597
Георгула	36	70	—	97	—	—	375	—	—	—	—	167
Годбенъ	75	—	—	—	—	—	260	—	—	—	—	375
Горно Крушево	60	—	—	—	—	—	362	—	—	—	—	260
Долно Крушево	60	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	362
Горно Фращанъ	91	—	589	—	—	—	—	—	—	—	—	589
Долно Фращанъ	30	—	150	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Горно Христіанъ Камила	35	—	—	293	—	—	—	—	—	—	—	293
Долно Христіанъ Камила	30	—	—	150	—	—	—	—	—	—	—	150
Горозанли	27	151	—	—	—	—	—	—	—	—	—	151
Георгела	23	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112
Дедели	18	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Дели Хасанъ	78	70	—	269	—	—	—	—	—	—	—	339
Демиръ Ханларъ	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Дервишанъ	8	—	—	—	—	—	44	—	—	—	—	44
Дере махале	54	253	—	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Джами	67	200	—	152	—	—	—	—	—	—	—	352
Джелепъ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Джинджосъ	149	—	—	—	—	—	752	—	—	—	—	752
Джума махале	115	250	—	300	—	—	—	—	—	—	—	550
Димитричь	179	480	—	—	—	—	338	—	—	—	—	818
Динкечли	11	64	—	—	—	—	—	—	—	—	—	64
Довиста	330	—	—	—	—	—	1691	—	—	—	—	1691
Догларъ	20	84	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84
Долапъ чифликъ	9	—	—	35	—	—	—	—	—	—	—	35
Драгошъ	78	300	—	120	—	—	—	—	—	—	—	420
Джема махале	59	130	—	170	—	—	—	—	—	—	—	300
Дряново	67	—	—	317	—	—	—	—	—	—	—	317
Дутли	71	—	350	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Егнели	75	345	—	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Еди-Дериенъ	9	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Ежова	170	310	—	—	—	—	470	—	—	—	—	780
Елшанъ	234	—	—	1224	—	—	—	—	—	—	—	1224
Емирде-Делеръ	10	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Ени Кіой	124	160	—	486	—	—	—	—	—	—	—	646
Ени Махале	33	—	—	254	—	—	—	—	—	—	—	254
Ени Махале Томатико	41	—	—	169	—	—	—	—	—	—	—	169
Ени Чифликъ	36	—	—	—	—	—	158	—	—	—	—	158
Ески Али бей	23	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112
Зели	25	—	—	—	—	—	110	—	—	—	—	110
Зарвохаръ	32	—	—	—	—	—	149	—	—	—	—	149
Изва	216	—	—	—	—	—	1045	—	—	—	—	1045
Исманли	19	131	—	—	—	—	—	—	—	—	—	131
Каваклн	41	—	—	216	—	—	—	—	—	—	—	216
Кадріе	46	306	—	—	—	—	—	—	—	—	—	306
Какараска	57	—	—	280	—	—	—	—	—	—	—	280
Какара	12	—	—	—	—	—	62	—	—	—	—	62
Калеидра	109	—	—	544	—	—	—	—	—	—	—	544
Камила Мислимъ	130	—	—	609	—	—	—	—	—	—	—	609
Кара Сули	16	—	—	80	—	—	—	—	—	—	—	80
Карли Кіой	96	—	—	563	—	—	—	—	—	—	—	563
Карли	50	274	—	—	—	—	—	—	—	—	—	274
Карши-Яка	34	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—	161
Касри	35	—	—	—	—	—	136	—	—	—	—	136
Камарянъ	132	528	—	—	—	—	—	—	—	—	—	528
Копачъ	103	80	—	—	—	—	400	—	—	—	—	480
Копачъ Дере	26	127	—	—	—	—	—	—	—	—	—	127
Коприва	110	310	—	253	—	—	—	—	—	—	—	563
Кочанъ	122	665	—	—	—	—	—	—	—	—	—	665
Кранъ махале	38	176	—	—	—	—	—	—	—	—	—	176
Кула Топольница	82	—	—	421	—	—	—	—	—	—	—	421
Кулакъ махале	11	—	—	53	—	—	—	—	—	—	—	53
Кула	30	—	—	—	—	—	158	—	—	—	—	158
Курфали	15	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70
Кучусъ	117	—	—	—	—	—	552	—	—	—	—	552
Кіорлемели	42	186	—	—	—	—	—	—	—	—	—	186
Кіосели	34	156	—	—	—	—	—	—	—	—	—	156
Кузъ-бей	73	—	—	368	—	—	—	—	—	—	—	368
Куршейтанъ	135	682	—	—	—	—	—	—	—	—	—	682
Куяли	66	384	—	—	—	—	—	—	—	—	—	384
Лакосъ	76	—	—	410	—	—	—	—	—	—	—	410
Левшина	66	337	—	—	—	—	—	—	—	—	—	337

Мутесарифликъ Серес.

Каза Сересъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлеевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Луджа-дере	61	310	—	—	—	—	—	—	—	—	—	310
Мактаръ-махале	51	—	—	327	—	—	—	—	—	—	—	327
Махмудли	66	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	316
Мекешъ	68	—	—	328	—	—	—	—	—	—	—	328
Мелникичъ	99	—	—	494	—	—	—	—	—	—	—	494
Мертатъ	84	—	—	462	—	—	—	—	—	—	—	462
Мерянъ	61	—	—	364	—	—	—	—	—	—	—	364
Метокъ	32	—	—	161	—	—	—	—	—	—	—	161
Монухъ	85	—	—	—	—	—	471	—	—	—	—	471
Мраморъ	73	352	—	—	—	—	—	—	—	—	—	352
Муклевъ	60	—	—	318	—	—	—	—	—	—	—	318
Мерсна	110	—	—	548	—	—	—	—	—	—	—	548
Невиросъ	11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Неволянъ	109	210	—	315	—	—	61	—	—	—	—	525
Негославъ	119	—	—	250	—	—	—	—	—	—	—	541
Негрита	393	—	—	—	—	—	291	—	—	—	—	1978
Нихоръ-чифликъ	46	—	—	249	—	—	1978	—	—	—	—	249
Нуска	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	124
Овая	47	209	—	—	—	—	124	—	—	—	—	209
Орлякъ	181	210	—	724	—	—	—	—	—	—	—	934
Орманли	190	400	—	568	—	—	—	—	—	—	—	968
Орта-Махале	40	199	—	—	—	—	—	—	—	—	—	199
Пальотросъ	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	283
Патрикъ	6	—	—	—	—	—	283	—	—	—	—	29
Пещокли	46	230	—	—	—	—	29	—	—	—	—	230
Порлида	13	—	—	73	—	—	—	—	—	—	—	73
Просенекъ	160	—	—	853	—	—	—	—	—	—	—	853
Равна	244	500	—	630	—	—	—	—	—	—	—	1130
Рахманли	49	245	—	—	—	—	—	—	—	—	—	245
Ронди	763	—	3613	—	—	—	—	—	—	—	—	3613
Ряхотица Тахтали кiой	72	—	338	—	—	—	—	—	—	—	—	338
Сакавче	85	149	—	300	—	—	—	—	—	—	—	449
Салъ махале	34	—	—	177	—	—	—	—	—	—	—	177
Салта	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	220
Сармусакли	236	—	—	—	—	—	220	—	—	—	—	1356
Сендели	12	66	—	—	—	—	1356	—	—	—	—	66
Соколъ	51	252	—	—	—	—	—	—	—	—	—	252
Смарошъ	69	86	—	290	—	—	—	—	—	—	—	376
Су-баши	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1082
Суха Баня	111	200	—	318	—	—	1082	—	—	—	—	518
Тахиносъ	183	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	997
Топалъ-ова	41	81	—	132	—	—	997	—	—	—	—	213
Тополенъ	208	—	—	—	—	—	1060	—	—	—	—	1060
Троица	68	100	—	218	—	—	—	—	—	—	—	318
Тузгили	119	612	—	—	—	—	—	—	—	—	—	612
Тумбица	39	—	—	216	—	—	—	—	—	—	—	216
Турбишъ	12	—	—	63	—	—	—	—	—	—	—	63
Умуръ бегъ	124	300	—	—	—	—	362	—	—	—	—	662
Урумли	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Феризли	11	54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	54
Хазнедаръ махале	64	—	—	355	—	—	—	—	—	—	—	355
Хомондосъ	150	180	—	—	—	—	590	—	—	—	—	770
Христосъ	41	—	108	100	—	—	—	—	—	—	—	208
Хонкусъ	152	—	—	—	—	—	790	—	—	—	—	790

Мутесарифликъ Серес

Каза Серес.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Чавдарларъ	41	72	—	127	—	—	—	—	—	—	—	199
Чаиръ махале	48	—	—	297	—	—	—	—	—	—	—	297
Чакаларъ	32	170	—	—	—	—	—	—	—	—	—	170
Чакырли	23	121	—	—	—	—	—	—	—	—	—	121
Чали Махале	18	40	—	50	—	—	—	—	—	—	—	90
Чалякъ Махале	78	363	—	—	—	—	—	—	—	—	—	363
Черкесъ Махулеси	4	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Черписта	202	300	—	—	—	—	783	—	—	—	—	1083
Чешмели	37	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Чугулигово	74	—	214	210	—	—	—	—	—	—	—	424
Шабанларъ	32	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Всего въ Казѣ Серес	20566	31033	7609	25819	—	—	34593	—	447	—	—	99501
Каза Горная Джума.												
Горная Джума	1500	3000	4292	—	—	—	—	—	300	—	—	7592
Аргачъ	70	—	200	—	—	—	—	—	150	—	—	350
Ваирлеръ	60	—	366	—	—	—	—	—	—	—	—	366
Бариково	61	150	217	—	—	—	—	—	—	—	—	367
Бистрица	188	—	1211	—	—	—	—	—	—	—	—	1211
Вилямзино	34	—	201	—	—	—	—	—	—	—	—	201
Габрово	95	—	479	—	—	—	—	—	—	—	—	479
Градово	236	—	1415	—	—	—	—	—	—	—	—	1415
Дибучица	66	—	371	—	—	—	—	—	—	—	—	371
Дреново	104	—	616	—	—	—	—	—	—	—	—	616
Дукатичъ	13	—	67	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Желѣзница	171	—	880	—	—	—	—	—	—	—	—	880
Клисура	51	—	277	—	—	—	—	—	—	—	—	277
Крупникъ	166	400	425	—	—	—	—	—	—	—	—	825
Курджево	53	—	240	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Лешко	215	—	1165	—	—	—	—	—	—	—	—	1165
Лисія	100	—	559	—	—	—	—	—	—	—	—	559
Логодимъ	121	—	584	—	—	—	—	—	—	—	—	584
Марулево	67	—	397	—	—	—	—	—	—	—	—	397
Мущанца	36	—	163	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Ораново	101	—	645	—	—	—	—	—	—	—	—	645
Осеново	304	800	1041	—	—	—	—	—	—	—	—	1841
Падешъ	222	—	1274	—	—	—	—	—	—	—	—	1274
Покровникъ	100	—	561	—	—	—	—	—	—	—	—	561
Русово	51	—	124	—	—	—	—	—	100	—	—	224
Сепеще	107	—	591	—	—	—	—	—	—	—	—	591
Силистли	174	886	—	—	—	—	—	—	—	—	—	886
Смитли	43	206	—	—	—	—	—	—	—	—	—	206
Сербиново	321	—	1556	—	—	—	—	—	—	—	—	1556
Тросково	99	—	677	—	—	—	—	—	—	—	—	677
Черчево	135	—	831	—	—	—	—	—	—	—	—	831
Шущица	95	—	486	—	—	—	—	—	—	—	—	486
Всего въ Казѣ Горная-Джума	5159	5442	17646	—	—	—	—	—	550	—	—	23638

Мутесарифликъ Серес.

Каза Разлогъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлiевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патрiархистовъ.	Славянъ унiатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христiанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христiанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Мехомiя	943	—	2428	—	—	2150	—	—	150	—	—	4728
Бабякъ	747	—	—	—	—	5124	—	—	—	—	—	5124
Банско	996	—	4942	—	—	—	—	—	—	—	—	4942
Баня	300	—	750	—	—	750	—	—	—	—	—	1500
Бачево	250	—	812	—	—	400	—	—	200	—	—	1412
Бѣлица	467	—	2026	—	—	900	—	—	—	—	—	2926
Годлево	237	—	1180	—	—	—	—	—	—	—	—	1180
Горно Драгмица	250	—	1247	—	—	—	—	—	—	—	—	1247
Елешница	304	—	1589	—	—	—	—	—	—	—	—	1589
Недоберско	142	—	659	—	—	—	—	—	—	—	—	659
Якоруда	609	—	2087	—	—	1900	—	—	—	—	—	3987
Добриништа	342	—	1000	—	—	683	—	—	—	—	—	1683
Долно Драгмица	146	—	669	—	—	—	—	—	—	—	—	669
Всего въ Казѣ Разлогъ	5733	—	19389	—	—	11907	—	—	350	—	—	31646
Каза Мелникъ.												
Мелникъ	900	1500	500	—	—	—	2000	—	50	—	—	4550
Батокъ	11	—	58	—	—	—	—	—	—	—	—	58
Бождево	128	—	210	—	—	—	—	—	400	—	—	400
Бѣлехчево	70	—	318	—	—	—	—	—	—	—	—	318
Бѣлица	248	1200	366	—	—	—	—	—	—	—	—	1566
Важесъ	35	—	198	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Вакуфъ-Чалемъ	33	—	194	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Влахи	229	—	1549	—	—	—	—	—	—	—	—	1549
Вранци	75	—	373	—	—	—	—	—	—	—	—	373
Горня Сушница	60	—	359	—	—	—	—	—	—	—	—	359
Градишнеца	217	—	—	—	1322	—	—	—	—	—	—	1322
Гранчаръ	50	270	—	—	—	—	—	—	—	—	—	270
Дере-Манчо	52	—	269	—	—	—	—	—	—	—	—	269
Дере-Мислимъ	32	—	148	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Добрени	106	—	509	—	—	—	—	—	—	—	—	509
Долня-сушица	75	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Доляна	17	—	117	—	—	—	—	—	—	—	—	117
Держаново	30	—	158	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Ени-Чифликъ	14	—	64	—	—	—	—	—	—	—	—	64
Жигурево	144	500	227	—	—	—	—	—	—	—	—	727
Зевзели	24	77	70	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Калиманци	110	—	593	—	—	—	—	—	—	—	—	593
Канатово	31	—	174	—	—	—	—	—	—	—	—	174
Клисе	110	—	526	—	—	—	—	—	—	—	—	526
Кресна	115	—	616	—	—	—	—	—	—	—	—	616
Курланово	10	—	91	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Ладарево	47	—	341	—	—	—	—	—	—	—	—	341
Ласкарево	27	—	127	—	—	—	—	—	—	—	—	127
Лебовица	30	—	143	—	—	—	—	—	—	—	—	143
Левуново	120	458	220	—	—	—	—	—	—	—	—	678
Лески	10	—	63	—	—	—	—	—	—	—	—	63

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Мелникъ	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Лешница	11	25	40	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Либовка.	87	—	486	—	—	—	—	—	—	—	—	486
Ливадица	34	150	30	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Лиляново	47	—	203	—	—	—	—	—	—	—	—	203
Мечкулъ	110	—	588	—	—	—	—	—	—	—	—	588
Ново Село	34	—	—	—	191	—	—	—	—	—	—	191
Орманъ	18	—	133	—	—	—	—	—	—	—	—	133
Плоски	230	878	450	—	—	—	—	—	—	—	—	1328
Поляница	100	451	130	—	—	—	—	—	—	—	—	681
Припеченъ.	54	100	150	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Св. Врачъ	170	348	700	—	—	—	—	—	—	—	—	1048
Склави	135	442	200	—	—	—	—	—	—	—	—	642
Смилево.	10	20	40	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Спатево..	29	—	158	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Сугарево	30	—	194	—	—	—	—	—	—	—	—	194
Тимаръ-Чалемъ	34	—	164	—	—	—	—	—	—	—	—	164
Хотово	48	—	255	—	—	—	—	—	—	—	—	255
Хощава	185	—	1193	—	—	—	—	—	—	—	—	1193
Херсово.	99	—	534	—	—	—	—	—	—	—	—	534
Шатрово	45	—	—	—	—	—	—	—	275	—	—	275
Стозелеръ	19	—	109	—	—	—	—	—	—	—	—	109
Бербина.	18	—	84	—	—	—	—	—	—	—	—	84
Всего въ Казѣ Мелникъ.	4507	6419	14797	500	1513	—	2000	—	725	—	—	25954
Каза Петричъ.												
Петричъ	1400	5000	2351	—	—	—	100	—	200	—	—	7651
Бадиленъ	98	—	644	—	—	—	—	—	—	—	—	644
Байково.	28	—	143	—	—	—	—	—	—	—	—	143
Богородица.	92	—	560	—	—	—	—	—	—	—	—	560
Боровичъ	14	—	98	—	—	—	—	—	—	—	—	98
Брезница.	175	—	175	—	—	700	—	—	—	—	—	875
Будинца.	48	—	—	—	—	250	—	—	—	—	—	250
Велющецъ	61	—	387	—	—	—	—	—	—	—	—	387
Вишне	65	302	—	—	—	—	—	—	—	—	—	302
Вракуповци	25	—	161	—	—	—	—	—	—	—	—	161
Вексонъ.	48	—	245	—	—	—	—	—	—	—	—	245
Габрене	55	—	286	—	—	—	—	—	—	—	—	286
Гореме	104	—	551	—	—	—	—	—	—	—	—	551
Ріоргіево	100	552	—	—	—	—	—	—	—	—	—	552
Topolникъ	308	1495	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1495
Димидово	110	537	—	—	—	—	—	—	—	—	—	537
Добри-Лаки	69	—	491	—	—	—	—	—	—	—	—	491
Долене	84	—	436	—	—	—	—	—	—	—	—	436
Драгушъ	12	—	96	—	—	—	—	—	—	—	—	96
Дрожово	148	727	—	—	—	—	—	—	—	—	—	727
Дреновци	28	109	—	—	—	—	—	—	—	—	—	109
Дреново.	21	—	160	—	—	—	—	—	—	—	—	160

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Петричъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Егуменецъ	388	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2198
Елешница	150	217	500	—	—	—	—	—	—	—	—	717
Занога	4	—	26	—	—	—	—	—	—	—	—	26
Занополь	35	—	190	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Иваново	15	—	101	—	—	—	—	—	—	—	—	101
Играмица	103	—	608	—	—	—	—	—	—	—	—	608
Каменица	46	—	—	—	—	240	—	—	—	—	—	240
Камне	66	200	167	—	—	—	—	—	—	—	—	367
Алепало	12	—	86	—	—	—	—	—	—	—	—	86
Ключъ	195	813	100	—	—	—	—	—	—	—	—	913
Коларово	256	1188	150	—	—	—	—	—	—	—	—	1388
Колибите	19	—	182	—	—	—	—	—	—	—	—	182
Конарине	146	700	70	—	—	—	—	—	—	—	—	770
Крушица	53	—	512	—	—	—	—	—	—	—	—	512
Кренджилъ	7	—	88	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Корнагово	60	—	423	—	—	—	—	—	—	—	—	423
Корпелово	43	—	205	—	—	—	—	—	—	—	—	205
Керстилци	65	—	399	—	—	—	—	—	—	—	—	399
Ляшница	27	100	58	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Махала	28	—	141	—	—	—	—	—	—	—	—	141
Мендево	65	271	—	—	—	—	—	—	—	—	—	271
Микрево	20	—	175	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Митиново	35	—	155	—	—	—	—	—	—	—	—	155
Михново	52	—	178	—	—	—	—	—	—	—	—	178
Моровци	75	—	200	—	—	175	—	—	—	—	—	375
Мусели-гифлицъ	20	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158
Никодинъ	41	—	319	—	—	—	—	—	—	—	—	319
Обрадово	15	—	75	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Орманъ	62	—	283	—	—	—	—	—	—	—	—	283
Палатъ	83	—	448	—	—	—	—	—	—	—	—	448
Раздолъ	24	—	183	—	—	—	—	—	—	—	—	183
Решково	30	—	175	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Рибница	57	—	320	—	—	—	—	—	—	—	—	320
Рибница-Чифликъ	72	—	645	—	—	—	—	—	—	—	—	645
Седелецъ	36	—	169	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Селяне	14	—	71	—	—	—	—	—	—	—	—	71
Скретъ	94	460	73	—	—	—	—	—	—	—	—	533
Слимница	38	—	—	—	—	205	—	—	—	—	—	205
Смокляри	114	—	665	—	—	—	—	—	—	—	—	665
Старчево	112	100	620	—	—	—	—	—	—	—	—	720
Стиникъ	90	—	469	—	—	—	—	—	—	—	—	469
Тонско	9	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Тополница	46	—	230	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Цапарево	139	—	839	—	—	—	—	—	—	—	—	839
Чоричени	87	—	539	—	—	—	—	—	—	—	—	539
Шарбаново	41	—	241	—	—	—	—	—	—	—	—	241
Яворница	183	750	180	—	—	—	—	—	—	—	—	930
Яково	35	—	189	—	—	—	—	—	—	—	—	189
Всего въ Казѣ Петричъ	6400	13679	18291	—	—	1570	100	—	200	—	—	33840

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Неврокопъ. / Нахія Неврокопъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Неврокопъ	1613	7440	815	125	—	—	75	—	200	—	200	8855
Орманъ	18	—	80	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Чаркіевъ	12	—	60	—	—	—	—	—	—	—	—	60
Дагъ-Чифликъ	115	—	535	—	—	—	—	—	—	—	—	535
Средна	26	—	125	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Халимъ-Ата	11	—	69	—	—	—	—	—	—	—	—	69
Учъ-Дурукъ	86	—	555	—	—	—	—	—	—	—	—	555
Папасъ-Чаиръ	59	—	—	—	—	—	—	—	455	—	—	455
Копривленъ	65	340	—	—	—	—	—	—	—	—	—	340
Либяхово	265	—	1140	—	—	—	—	—	—	—	—	1140
Лаки	62	—	456	—	—	—	—	—	—	—	—	456
Лѣски	83	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Гайтаниново	180	—	849	—	—	—	—	—	—	—	—	849
Ловча	183	—	895	—	—	—	—	—	—	—	—	895
Зерново	362	170	1252	—	—	—	400	—	—	—	—	1822
Волково	101	589	—	—	—	—	—	—	—	—	—	589
Веземъ	208	500	525	—	—	—	—	—	10	—	—	1035
Кара-Кіой	245	—	1240	—	—	—	—	—	—	—	—	1240
Ляльово	119	—	—	—	—	—	—	590	—	—	—	590
Тешове	224	220	900	—	—	—	—	—	—	—	—	1120
Месомица	137	260	475	—	—	—	75	—	—	—	—	810
Броди	278	350	610	—	—	—	450	—	—	—	—	1410
Липе	197	800	210	—	—	—	—	—	—	—	—	1010
Куманичъ	128	400	244	—	—	—	—	—	—	—	—	644
Новый Чифликъ	30	—	140	—	—	—	—	—	—	—	—	140
Парилъ	52	—	200	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Итого въ Нахіи Неврокопъ	5859	11069	11750	125	—	—	1000	590	665	—	200	25399
Нахія Старища.												
Старища	407	580	1300	—	—	—	—	—	100	—	—	1980
Тепленъ	66	—	—	—	—	370	—	—	—	—	—	370
Петралитъ	58	—	—	—	—	370	—	—	—	—	—	370
Бесленъ	57	—	—	—	—	307	—	—	—	—	—	307
Ракищенъ	177	—	—	—	—	1121	—	—	—	—	—	1121
Дебренджикъ	33	—	—	—	—	200	—	—	—	—	—	200
Лозна	50	—	—	—	—	219	—	—	—	—	—	219
Горно-Луковица	88	—	—	—	—	599	—	—	—	—	—	599
Страня	55	—	—	—	—	284	—	—	—	—	—	284
Перухъ	58	—	—	—	—	350	—	—	—	—	—	350
Виршанъ	31	—	—	—	—	184	—	—	—	—	—	184
Садово	65	—	—	—	—	371	—	—	—	—	—	371
Блатенъ	56	—	—	—	—	324	—	—	—	—	—	324
Горно-Сангартія	37	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	303
Долно-Сангартія	160	465	400	—	—	—	—	—	—	—	—	865
Бѣлотинци	322	—	1653	—	—	—	—	—	20	—	—	1673
Махаледжикъ	36	163	—	—	—	—	—	—	—	—	—	163
Бутимъ	62	200	166	—	—	—	—	—	—	—	—	366

Мутесарифликъ Середъ.

Каза Неврокопъ. Нахія Старища.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Ливадица	66	—	407	—	—	—	—	—	—	—	—	407
Гущерекъ	66	—	—	—	—	365	—	—	—	—	—	365
Перица	69	—	—	—	—	340	—	—	—	—	—	340
Черешово	185	—	800	—	—	170	—	—	—	—	—	970
Лужица	66	—	—	—	—	429	—	—	—	—	—	429
Курница	111	—	—	—	—	757	—	—	—	—	—	757
Вреяница	109	—	—	—	—	821	—	—	—	—	—	821
Герменъ	177	—	1097	—	—	—	—	—	—	—	—	1097
Обидимъ	220	—	1235	—	—	—	—	—	—	—	—	1235
Густунъ	100	—	560	—	—	—	—	—	—	—	—	560
Филипово	81	—	60	—	—	357	—	—	—	—	—	417
Вуково	25	—	—	—	—	144	—	—	—	—	—	144
Рибна	105	—	—	—	—	625	—	—	—	—	—	625
Осиково	110	—	480	—	—	200	—	—	—	—	—	680
Скребатно	176	—	700	—	—	287	—	—	—	—	—	987
Дреново (горно)	75	—	—	—	—	311	—	—	—	—	—	311
Фотовица	135	—	417	—	—	220	—	—	—	—	—	637
Балдево	55	—	257	—	—	—	—	—	—	—	—	257
Цирополь	49	—	—	—	—	285	—	—	—	—	—	285
Баничанъ	69	—	340	—	—	—	—	—	—	—	—	340
Итого въ Нахіи Старища	3857	1408	10175	—	—	10010	—	—	120	—	—	21713
Нахія Терлисъ.												
Терлисъ	263	800	911	—	—	—	—	—	—	—	—	1711
Осѣново	92	—	520	—	—	—	—	—	—	—	—	520
Лѣщенъ	75	—	425	—	—	—	—	—	—	—	—	425
Ковачовица	235	—	1135	—	—	—	—	—	—	—	—	1135
Елешница	280	—	1281	—	—	—	—	—	—	—	—	1281
Дубища	77	355	—	—	—	—	—	—	—	—	—	355
Фустане	39	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Блатска	33	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	215
Абланица	185	—	—	—	—	1030	—	—	—	—	—	1030
Бугленъ	27	—	—	—	—	158	—	—	—	—	—	158
Волкоселъ	167	—	—	—	—	940	—	—	—	—	—	940
Слащенъ	143	—	—	—	—	794	—	—	—	—	—	794
Годешево	84	—	—	—	—	590	—	—	—	—	—	590
Дреново (долно)	64	—	—	—	—	287	—	—	—	—	—	287
Туховища	122	—	—	—	—	569	—	—	—	—	—	569
Витово	93	—	—	—	—	526	—	—	—	—	—	526
Избица	96	—	—	—	—	544	—	—	—	—	—	544
Плетена	148	—	—	—	—	757	—	—	—	—	—	757
Сатовица	262	—	—	—	—	1247	—	—	—	—	—	1247
Доленъ	258	—	750	—	—	334	—	—	—	—	—	1084
Любче	66	—	—	—	—	351	—	—	—	—	—	351
Осина	43	—	—	—	—	282	—	—	—	—	—	282
Серчанъ	55	—	—	—	—	350	—	—	—	—	—	350
Марулево	57	—	—	—	—	395	—	—	—	—	—	395

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Неврокопъ. / Нахія Терлисъ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Жижово	103	—	—	—	—	500	—	—	—	—	—	500
Коченъ.	155	—	—	—	—	973	—	—	—	—	—	973
Караулъ	56	—	—	—	—	290	—	—	—	—	—	290
Фергово	50	—	—	—	—	307	—	—	—	—	—	307
Крушево	55	—	—	—	—	347	—	—	—	—	—	347
Орѣше	66	—	—	—	—	224	—	—	—	—	—	224
Дебренъ	96	—	—	—	—	572	—	—	—	—	—	572
Хисарлыкъ	35	—	345	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Кременъ	146	—	750	—	—	—	—	—	—	—	—	750
Итого въ Нахіи Терлисъ	3715	1600	6117	—	—	12367	—	—	—	—	—	20084
Нахія Чечъ.												
Осойница.	157	—	—	—	—	735	—	—	—	—	—	735
Борово.	193	—	—	—	—	885	—	—	—	—	—	885
Дилянъ.	75	—	—	—	—	385	—	—	—	—	—	385
Малушица	65	—	—	—	—	381	—	—	—	—	—	381
Странджикъ	12	—	—	—	—	66	—	—	—	—	—	66
Костенъ	31	—	—	—	—	150	—	—	—	—	—	150
Ущица.	98	—	—	—	—	555	—	—	—	—	—	555
Никобица.	60	—	—	—	—	286	—	—	—	—	—	286
Метрулъ	53	—	—	—	—	280	—	—	—	—	—	280
Лумитица	63	—	—	—	—	393	—	—	—	—	—	393
Лорджово	67	—	—	—	—	310	—	—	—	—	—	310
Галумъ	58	—	—	—	—	225	—	—	—	—	—	225
Любанъ	84	—	—	—	—	393	—	—	—	—	—	393
Русково	33	—	—	—	—	155	—	—	—	—	—	155
Колюшларъ	90	—	—	—	—	475	—	—	—	—	—	475
Гурджелъ	63	—	—	—	—	375	—	—	—	—	—	375
Владиково	107	—	—	—	—	525	—	—	—	—	—	525
Попово	73	—	—	—	—	405	—	—	—	—	—	405
Дебрежилъ	74	—	—	—	—	372	—	—	—	—	—	372
Тисово	52	—	—	—	—	410	—	—	—	—	—	410
Берищенъ	53	—	—	—	—	274	—	—	—	—	—	274
Рашево	127	—	—	—	—	565	—	—	—	—	—	565
Колчюво	42	—	—	—	—	230	—	—	—	—	—	230
Бербонія	42	—	—	—	—	268	—	—	—	—	—	268
Бучанъ	51	—	—	—	—	290	—	—	—	—	—	290
Оракисъ	41	—	—	—	—	225	—	—	—	—	—	225
Бурунджикъ	34	—	—	—	—	176	—	—	—	—	—	176
Вирженица	47	—	—	—	—	210	—	—	—	—	—	210
Хисарликъ	45	—	345	—	—	—	—	—	—	—	—	345
Коларія	29	—	—	—	—	160	—	—	—	—	—	160
Монастирджикъ	27	—	—	—	—	175	—	—	—	—	—	175
Шурдилово	22	—	—	—	—	160	—	—	—	—	—	160
Кашица	57	—	—	—	—	242	—	—	—	—	—	242
Итого въ Нахіи Чечъ	2125	—	345	—	—	10736	—	—	—	—	—	11081
Всего въ Казѣ Неврокопъ . .	15556	14077	28387	125	—	33113	1008	590	785	—	200	78277

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Демиръ Хисаръ. / Нахія Демиръ Хисаръ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Демиръ Хисаръ	800	2500	1750	1000	—	—	—	—	550	—	—	5800
Айтакли	57	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	230
Амерли махале	20	146	—	—	—	—	—	—	—	—	—	146
Юранко	14	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Байракли	113	280	—	400	—	—	—	—	—	—	—	680
Баразли Джумая	250	900	250	—	—	—	—	—	—	—	—	1250
Бѣліово	113	—	732	—	—	—	—	—	100	—	—	732
Буюкъ Авренъ	15	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Буюкъ Махале	32	211	—	—	—	—	—	—	—	—	—	211
Ветерна	324	1640	—	250	—	—	—	—	—	—	—	1890
Враня чифликъ	81	—	472	—	—	—	—	—	—	—	—	472
Германъ	93	—	522	—	—	—	—	—	—	—	—	522
Гешишликъ	44	—	—	268	—	—	—	—	—	—	—	268
Голешва	195	—	973	—	—	—	—	—	—	—	—	973
Горно Спанчево	65	—	—	284	—	—	—	—	—	—	—	284
Гюсенли	50	—	—	206	—	—	—	—	—	—	—	206
Дервено	28	—	—	122	—	—	—	—	—	—	—	122
Долно Спанчево	59	200	—	126	—	—	—	—	—	—	—	326
Драготинъ	23	—	—	146	—	—	—	—	—	—	—	146
Елезли	24	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Ени-чифликъ	9	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43
Епридже	19	180	—	—	—	—	—	—	—	—	—	180
Ескиджи	45	235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	235
Камаротъ чифликъ	29	—	—	149	—	—	—	—	—	—	—	149
Камита	30	—	—	164	—	—	—	—	—	—	—	164
Караташъ	42	240	—	—	—	—	—	—	—	—	—	240
Катунци	40	—	253	—	—	—	—	—	—	—	—	253
Ковачево	65	—	303	—	—	—	—	—	—	—	—	303
Крачево	190	—	915	—	—	—	—	—	—	—	—	915
Кромидово	53	109	160	—	—	—	—	—	—	—	—	269
Крушово	384	60	2073	—	—	—	—	—	100	—	—	2233
Кула чифликъ	21	—	—	120	—	—	—	—	—	—	—	120
Кумлу	137	350	—	473	—	—	—	—	—	—	—	823
Кучукъ Авренъ	36	169	—	—	—	—	—	—	—	—	—	169
Ланова	222	—	—	1060	—	—	—	—	—	—	—	1060
Лешница	45	—	288	—	—	—	—	—	—	—	—	288
Липошъ	47	50	—	252	—	—	—	—	—	—	—	302
Лопово	14	—	—	101	—	—	—	—	—	—	—	101
Мандраджикъ	28	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91
Маракостина	66	—	447	—	—	—	—	—	—	—	—	447
Марино-поле	12	—	61	—	—	—	—	—	—	—	—	61
Махмудли	102	432	—	—	—	—	—	—	—	—	—	531
Мевси чали	37	202	—	—	—	—	—	—	—	—	—	202
Мешили	83	409	—	—	—	—	—	—	—	—	—	409
Мутуфли	46	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	190
Петрово	233	200	919	—	—	—	—	—	100	—	—	1219
Пиринъ	134	—	972	—	—	—	—	—	—	—	—	972
Пулево	12	—	—	112	—	—	—	—	—	—	—	112
Радила	38	—	—	—	—	156	—	—	—	—	—	156
Радово	53	—	—	360	—	—	—	—	—	—	—	360
Раиковци	72	—	353	—	—	—	—	—	—	—	—	353
Рамна	84	—	—	—	—	—	—	—	432	—	—	432
Савякъ	215	—	—	1256	—	—	—	—	—	—	—	1156
Синекли	253	200	1067	—	—	—	—	—	60	—	—	1327

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Демиръ-Хисаръ. Нахія Демиръ-Хисаръ.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Спатово	201	200	842	—	—	—	—	—	—	—	—	1042
Тартата	22	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	73
Тодорикъ	83	300	—	72	—	—	—	—	—	—	—	372
Хаджи-Бейликъ	97	—	523	—	—	—	—	—	—	—	—	523
Харкъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Ходжа	24	147	—	—	—	—	—	—	—	—	—	147
Храсна	76	—	245	—	—	—	—	—	—	—	—	245
Чавдарли	31	135	—	—	—	—	—	—	—	—	—	135
Червица	100	200	263	—	—	—	—	—	60	—	—	523
Черешница	79	—	307	—	—	—	—	—	—	—	—	307
Чешке	34	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Чефирли	16	—	—	66	—	—	—	—	—	—	—	66
Чифитчикъ	48	—	—	251	—	—	—	—	—	—	—	251
Чифликъ	25	88	—	—	—	—	—	—	—	—	—	88
Янова	56	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
Итого въ Нахіи Демиръ Хисаръ	6213	10945	14690	7438	—	156	—	—	1402	—	—	34631
Нахія Горно Порой.												
Горно Порой	559	300	1969	—	—	—	—	—	—	—	—	3019
Глабочица	41	—	—	200	—	—	—	—	—	—	—	200
Дере Тополникъ	103	414	—	—	—	—	—	—	—	—	—	414
Долно Порой	320	1000	688	—	—	—	—	—	—	—	—	1688
Долно Тополникъ	91	—	375	—	—	—	—	—	—	—	—	375
Кеседжи чифликъ	34	—	—	255	—	—	—	—	—	—	—	255
Матница	303	1206	400	—	—	—	—	—	—	—	—	1606
Палмешъ	207	—	—	—	—	1031	—	—	—	—	—	1031
Св. Петка	165	350	—	440	—	—	—	—	—	—	—	790
Срѣдне Тополникъ	122	689	—	—	—	—	—	—	—	—	—	689
Шуково	255	600	697	—	—	—	—	—	—	—	—	1297
Итого въ Нахіи Горно-Порой	2000	4559	4129	895	—	1031	—	—	750	—	—	11364
Всего въ Казѣ Демиръ-Хисаръ	8413	15504	18819	8333	—	1187	—	—	2152	—	—	45995
Каза Зихна.												
Зиляхово	640	800	—	—	—	—	1624	—	—	—	—	2424
Алистратикъ	600	500	—	1665	—	—	—	—	400	—	—	2565
Амфирополи	18	—	—	—	—	—	90	—	—	—	—	90
Анастасія	25	—	—	142	—	—	—	—	—	—	—	142
Витачище	181	200	—	—	—	—	773	—	—	—	—	973
Волчища	48	75	—	—	—	—	175	—	—	—	—	225
Василово	135	300	—	—	—	—	381	—	—	—	—	681

Мутесарифликъ Сересъ.

Каза Зихна.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
оренци	75	—	—	653	—	—	—	—	—	—	—	653
раменце	68	—	—	368	—	—	—	—	—	—	—	368
рачанъ	65	—	—	263	—	—	—	—	—	—	—	263
жаносъ	42	165	—	—	—	—	—	—	—	—	—	165
оксатъ	35	—	—	—	—	—	135	—	—	—	—	135
рачево	55	—	—	214	—	—	—	—	—	—	—	214
дравикъ	50	—	—	—	—	—	253	—	—	—	—	253
ихна	43	100	—	—	—	—	126	—	—	—	—	226
Игри Дере	180	880	—	—	—	—	—	—	60	—	—	940
алапотъ	350	—	1537	—	—	—	—	—	—	—	—	1537
арлуково	380	500	—	1522	—	—	—	—	—	—	—	2022
лепутна	150	—	512	300	—	—	—	—	—	—	—	812
ормица	198	250	—	—	—	—	879	—	—	—	—	1129
бочекъ	62	—	—	—	—	—	304	—	—	—	—	304
юпъ-Кіой	390	300	—	—	—	—	1800	—	—	—	—	2100
еквица	303	—	—	—	—	—	1639	—	—	—	—	1639
Мандилово	62	150	—	184	—	—	—	—	50	—	—	384
нуска	75	—	—	422	—	—	100	—	—	—	—	522
Еровище	50	—	—	—	—	—	259	—	—	—	—	259
Петелиносъ	32	—	—	—	—	—	153	—	—	—	—	153
Порна	90	150	—	—	—	—	420	—	—	—	—	570
Правища	200	250	—	—	—	—	702	—	—	—	—	952
Першево	18	—	—	107	—	—	—	—	—	—	—	107
Радоліево	650	400	—	—	—	—	3069	—	—	—	—	3469
Ряхово	120	330	—	—	—	—	336	—	—	—	—	666
Скрижево	260	—	1350	—	—	—	—	—	—	—	—	1350
Толонъ	32	60	—	—	—	—	105	—	—	—	—	165
Грестеница	50	—	—	244	—	—	—	—	—	—	—	244
Тумба	23	—	—	—	—	—	193	—	—	—	—	193
Ханджиста	95	200	80	—	—	—	200	—	—	—	—	480
Чеково Зихненское	62	342	—	—	—	—	—	—	—	—	—	342
Чеково Среднее	23	228	—	—	—	—	—	—	—	—	—	228
Чеково Серское	27	261	—	—	—	—	—	—	—	—	—	261
Чепелдже	25	198	—	—	—	—	—	—	—	—	—	198
Череплень	80	300	—	—	—	—	319	—	—	—	—	619
Шелиносъ	120	—	—	—	—	—	650	—	—	—	—	650
Шемалтосъ	250	—	—	—	—	—	1356	—	—	—	—	1356
Всего въ казѣ Зихна.	6427	6939	3479	6084	—	—	16041	—	510	—	—	33053
Во всемъ мутесарифликѣ Сересъ	72761	93093	128417	40861	1513	47777	53734	590	5719	—	200	371904

Мутесарифликъ Драма.

Каза	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Драма	1400	6433	—	—	—	—	500	—	—	—	—	693
Чаталджа	389	—	—	—	—	—	2091	—	—	—	—	209
Доксадо	411	1129	—	—	—	—	1000	—	—	—	—	212
Махлятъ Курларъ	162	928	—	—	—	—	—	—	—	—	—	92
Бучакъ	81	487	—	—	—	—	—	—	—	—	—	48
Дебезмекли	31	226	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22
Арапли	60	322	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32
Касапли	41	190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	19
Чалъ	9	48	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Пазарларъ	32	218	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Яси-Авренъ	74	325	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32
Вунуаръ-баши	40	117	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Демрджи-Авренъ	74	424	—	—	—	—	—	—	—	—	—	42
Кавакли	53	313	—	—	—	—	—	—	—	—	—	31
Поргеджилеръ	16	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Боргенъ	166	691	—	—	—	—	—	—	—	—	—	69
Каланбакъ	164	805	—	—	—	—	—	—	—	—	—	80
Ода чешме	47	204	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Меджелеръ	14	79	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Еди-Пере	234	1421	—	—	—	—	—	—	—	—	—	142
Кара Кавакъ	177	826	—	—	—	—	—	—	—	—	—	82
Султаніе	67	150	—	169	—	—	—	—	—	—	—	31
Ески-Кіой	165	812	—	—	—	—	—	—	—	—	—	81
Кюркъ-гелеръ	16	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Телерохоръ	27	—	—	—	—	—	140	—	—	—	—	14
Итого въ Нахіи Драма	3950	16336	—	169	—	—	3731	—	—	—	—	2023
Нахія Пресечене.												
Пресечене	536	1500	700	726	—	—	—	—	—	—	—	292
Азисъ-Беглинъ	23	81	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Али	101	490	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49
Бахова	68	352	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Балабанъ	136	623	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Бастрево	57	—	—	—	—	243	—	—	—	—	—	24
Бабичево	23	118	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Башиносъ	35	116	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11
Бубличъ	82	275	—	200	—	—	—	—	—	—	—	47
Букъ	93	492	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49
Бюреклеръ	6	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Височанъ	209	755	—	500	—	—	—	—	—	—	—	125
Волакъ	169	—	300	624	—	—	—	—	—	—	—	92
Горнево	51	283	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Османджи	17	86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Лачица	6	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Гіореджикъ	87	—	—	363	—	—	—	—	—	—	—	36
Доброчица	69	368	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36
Джирновица	90	626	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62
Допресима	52	329	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32

Мутесарифликъ Драма.

Каза / Нахія	Число домовъ.	Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
		Число жителей.										
Дреново	93	287	—	200	—	—	—	—	—	—	—	487
Едирнеджикъ	168	—	—	—	—	—	880	—	—	—	—	880
Ейлидже	80	396	—	—	—	—	—	—	—	—	—	396
Загоричъ	135	706	—	—	—	—	—	—	—	—	—	706
Загушъ	95	439	—	—	—	—	—	—	—	—	—	439
Ени-Ялиларъ	9	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43
Искренево	18	99	—	—	—	—	—	—	—	—	—	99
Калбучаръ	41	234	—	—	—	—	—	—	—	—	—	234
Калево	37	197	—	—	—	—	—	—	—	—	—	197
Кара-бучакъ	68	355	—	—	—	—	—	—	—	—	—	355
Кара-гьозъ	61	243	—	—	—	—	—	—	—	—	—	243
Караджа	41	209	—	—	—	—	—	—	—	—	—	209
Кара-Чали	19	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	67
Катонъ	147	642	—	—	—	—	—	—	—	—	—	642
Козица	84	414	—	—	—	—	—	—	—	—	—	414
Козлево	154	883	—	—	—	—	—	—	—	—	—	883
Конищанъ	72	279	—	—	—	—	—	—	—	—	—	279
Кранища	51	249	—	—	—	—	—	—	—	—	—	249
Кубалица	118	360	300	—	—	—	—	—	—	—	—	660
Курталаръ	22	153	—	—	—	—	—	—	—	—	—	153
Кутрилово	8	24	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Кьочеликъ	17	108	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108
Кючюкъ-Кіой	34	188	—	—	—	—	—	—	—	—	—	188
Левтере	3	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Лейлегеръ	23	122	—	—	—	—	—	—	—	—	—	122
Лещанъ	54	—	—	—	—	222	—	—	—	—	—	222
Ліотинъ	34	357	—	—	—	—	—	—	—	—	—	357
Лішанъ	27	—	—	—	—	143	—	—	—	—	—	143
Макрошъ	44	255	—	—	—	—	—	—	—	—	—	255
Мехметъ-бей	4	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18
Минаре	14	70	—	—	—	—	—	—	—	—	—	70
Нусратли	173	1053	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1053
Орманли	40	273	—	—	—	—	—	—	—	—	—	273
Пелпанъ	53	318	—	—	—	—	—	—	—	—	—	318
Перчиста	159	—	—	—	—	749	—	—	—	—	—	749
Пепелешъ	89	—	—	—	—	525	—	—	—	—	—	525
Плевня	348	—	1898	—	—	—	—	—	—	—	—	1898
Рабешъ	24	112	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112
Равня	96	614	—	—	—	—	—	—	—	—	—	614
Радибошъ	91	430	—	—	—	—	—	—	—	—	—	430
Рачникъ	36	192	—	—	—	—	—	—	—	—	—	192
Раховика	187	1048	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1048
Сивендрикъ	35	75	—	—	—	100	—	—	—	—	—	175
Сидерово	130	695	—	—	—	—	—	—	—	—	—	695
Таркухоръ	12	63	—	—	—	—	—	—	—	—	—	63
Теклево	35	213	—	—	—	—	—	—	—	—	—	213
Тимута	57	311	—	—	—	—	—	—	—	—	—	311
Тухалъ	37	159	—	—	—	—	—	—	—	—	—	159
Ула-бекташъ	88	525	—	—	—	—	—	—	—	—	—	525
Фотолитосъ	36	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	107
Хазыръ	65	313	—	—	—	—	—	—	—	—	—	313
Хамидіе	91	566	—	—	—	—	—	—	—	—	—	566
Хелванъ	64	340	—	—	—	—	—	—	—	—	—	340
Чай	11	56	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56

Мутесарифликъ Драма.

Каза	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Чали-баши	317	1162	—	—	—	—	—	—	—	—	—	116
Чайразъ-Чифликъ	8	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Чернакъ	13	86	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Чирешево	94	—	—	—	—	546	—	—	—	—	—	54
Чора	72	390	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39
Шипча	57	243	—	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Итого въ Нахіи Пресечене	6 203	23350	3198	2613	—	2528	880	—	—	—	—	32569
Всего въ Казѣ Драма.	10153	39686	3198	2782	—	2528	4611	—	—	—	—	528
Каза Сари-Шабанъ.												
Сари-Шабанъ	50	200	—	—	—	—	50	—	—	—	—	25
Апрашли-махале	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Али-бей	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Ашикларъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Байрамли	43	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Баракли	45	225	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22
Беклемишъ	46	230	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23
Бекчели	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17
Белялъ-Ага	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Бойну-Кизилъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Босова	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Газилеръ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Горно-Кіосилеръ	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Дари-ова	200	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Довиранли	26	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13
Деде-дагя	32	160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16
Долно-Кіоселеръ	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Домошли	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Дреново	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Елканли	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Емронли	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17
Ени-Кіой	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Ески-Кіой	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Инджелеръ	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Каваджикъ	43	215	—	—	—	—	—	—	—	—	—	21
Кади-Ова	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Кара-гадарли	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Караджа Кіонъ	56	280	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Караджа-Ова	16	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Караджаларъ	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Караманли	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30
Катуница	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Кенесъ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Керметли	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Коладжикъ	20	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Когъ-уларъ	60	300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3

Мутесарифликъ Драма.

Каза / Нахія	Число домовъ.	Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
		Число жителей.										
Кулджаларъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Куру-дере	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Куру-хумаюнъ	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Кюпри-баши	7	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35
Кызъ-богу	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Кыя-бунаръ	12	—	—	—	—	—	60	—	—	—	—	60
Менджесосъ	400	1600	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1600
Мураджикъ	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Муратли	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Мустафъ-уларъ	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Мустафа-Паша	4	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Недерли	100	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	500
Олуджакъ	200	800	—	—	—	—	—	—	—	—	—	800
Органджиларъ	18	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	90
Сепетчилеръ	26	130	—	—	—	—	—	—	—	—	—	130
Сугутъ-бей	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Су-сигари	20	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Тунлеръ	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Узунъ-Кіой	200	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1000
Хаджи Еминъ-Ага	8	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
Халебъ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Чейлакъ	250	1000	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1000
Чобанли	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Юрукъ-Хусеинъ	5	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Юсуфъ-бей	5	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25
Всего въ Казѣ Сари-Шабанъ	2898	13530	—	—	—	—	110	—	—	—	—	13640
Каза Прависта.												
Прависта	500	1400	—	—	—	—	1500	—	—	—	—	2900
Бобленъ	110	400	—	—	—	—	150	—	—	—	—	550
Бостанли-махале	90	450	—	—	—	—	—	—	—	—	—	450
Будахоръ	246	600	—	—	—	—	630	—	—	—	—	1230
Койранъ	160	150	—	—	—	—	650	—	—	—	—	800
Димирли	50	850	—	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Драничъ	80	—	—	—	—	400	—	—	—	—	—	400
Дрезна	113	—	—	—	—	—	565	—	—	—	—	565
Дреново	40	—	—	—	—	200	—	—	—	—	—	200
Ени-Кіой	22	—	—	—	—	—	110	—	—	—	—	110
Инамли-махале	10	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50
Казлата	5	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	25
Кенали	74	370	—	—	—	—	—	—	—	—	—	370
Мисоропи	350	—	—	—	—	—	1600	—	—	—	—	1600
Когенъ	50	250	—	—	—	—	—	—	—	—	—	250
Коткаръ	70	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Лефтера	150	200	—	—	—	—	550	—	—	—	—	750
Мандилъ	50	—	—	250	—	—	—	—	—	—	—	250
Мустена	375	600	—	—	—	—	1250	—	—	—	—	1850

Мутесарифликъ Драма.

Каза / Нахія	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османліевъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Петраковъ-чифликъ	10	—	—	—	—	—	50	—	—	—	—	50
Самоковъ	260	1300	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1300
Беве-Кирай	45	225	—	—	—	—	—	—	—	—	—	225
Толенъ	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Чіота	20	—	—	—	—	—	100	—	—	—	—	100
Мурсали	15	75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75
Фтеръ	30	—	—	—	—	—	150	—	—	—	—	150
Мешели	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Палеохори	220	600	—	—	—	—	500	—	—	—	—	1100
Гойранъ	100	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—	500
Никкшанъ	350	—	—	—	—	—	1700	—	—	—	—	1700
Османли	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Еледжикъ	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Иремли	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Авли	60	—	—	—	—	—	300	—	—	—	—	300
Цитакли	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Кулали	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Исирли	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Ахатларъ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Чифликъ	30	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	150
Сарли	70	350	—	—	—	—	—	—	—	—	—	350
Мусицили	25	125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	125
Бедебали	80	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
Бранли	40	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	200
Орфанъ	15	50	—	—	—	—	25	—	—	—	—	75
Веледжилеръ	35	175	—	—	—	—	—	—	—	—	—	175
Бибекли	84	420	—	—	—	—	—	—	—	—	—	420
Всего въ Казѣ Прависта	4414	11390	—	275	—	600	9830	—	—	—	—	2209[illegible]
Каза Кавала.												
Кавала	3500	9500	—	—	—	—	10000	—	—	—	500	2000[illegible]
Ески-Кавала	157	—	—	—	—	785	—	—	—	—	—	785
Кіосе Еліасъ	73	—	—	—	—	365	—	—	—	—	—	365
Оренъ Дере	62	310	—	—	—	—	—	—	—	—	—	310
Хореша	72	—	—	—	—	360	—	—	—	—	—	360
Корита	108	—	—	—	—	540	—	—	—	—	—	540
Кизили	104	520	—	—	—	—	—	—	—	—	—	520
Найпли	114	570	—	—	—	—	—	—	—	—	—	570
Куртлу	124	—	—	—	—	620	—	—	—	—	—	620
Сукюджикъ	126	630	—	—	—	—	—	—	—	—	—	620
Мохалъ	91	455	—	—	—	—	—	—	—	—	—	455
Кокала	154	—	—	—	—	770	—	—	—	—	—	770
Куруджу	96	480	—	—	—	—	—	—	—	—	—	480
Цигоше	296	1480	—	—	—	—	—	—	—	—	—	148[illegible]
Селіанъ	225	1125	—	—	—	—	—	—	—	—	—	112[illegible]
Рахга	79	395	—	—	—	—	—	—	—	—	—	395
Берекетли	45	225	—	—	—	—	—	—	—	—	—	225
Кинали	131	655	—	—	—	—	—	—	—	—	—	655

Мутесарифликъ Драма.

Каза Кавала.	Число домовъ.	Число жителей. Турокъ османлисовъ.	Славянъ экзархистовъ.	Славянъ патріархистовъ.	Славянъ уніатовъ.	Славянъ мусульманъ.	Грековъ христіанъ.	Грековъ мусульманъ.	Влаховъ христіанъ.	Влаховъ мусульманъ.	Евреевъ.	Всего.
Пернишово	101	505	—	—	—	—	—	—	—	—	—	505
Джари	13	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	65
Чинаръ	22	110	—	—	—	—	—	—	—	—	—	110
Костигазъ	19	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	95
Полечка	2	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Василаки	5	—	—	—	—	—	25	—	—	—	—	25
Чарпенги	2	5	—	—	—	—	5	—	—	—	—	10
Бадемли	3	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Всего въ Казѣ Кавала	5724	17150	—	—	—	3440	10030	—	—	—	—	30620
Во всемъ Мутесарифликѣ Драма . . .	23189	81756	3198	3057	—	6568	24581	--	—	—	—	119160
Во всемъ же Солунскомъ Вилаетѣ . .	197417	361584	248429	131258	3673	87842	179591	3794	22824	3917	48050	1090962

А. А. Ростковскій.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

Путешествіе антіохійскаго патр. Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Вып. I. М. 1896 г. X + 156 и вып. V. М. 1900 г. V + 245, съ приложеніями.

Для настоящей замѣтки мы нарочно выбрали первый и пятый выпуски интереснаго по содержанію путешествія патр. Макарія, потому что въ обоихъ этихъ выпускахъ авторъ путешествія, архидіаконъ Павелъ описываетъ Молдавію и Валахію, и своимъ точнымъ и многорѣчивымъ описаніемъ оказываетъ большую услугу для румынской археологіи и этнографіи. Въ остальныхъ выпускахъ архид. говоритъ о Россіи, и, несомнѣнно, его показанія будутъ провѣрены другими рецензентами и указанъ ихъ интересъ для исторіи и этнографіи Россіи.

Описаніе путешествія любознательнаго и наблюдательнаго архид. Павла представляетъ исключительное явленіе въ ряду остальныхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ придунайскія земли, такъ-какъ авторъ описанія былъ поставленъ въ условія, весьма благопріятныя для наблюденій и изученій: высокаго путешественника, т. е. патр. Макарія со всей его свитой всюду принимали, все показывали и, навѣрное, при этомъ давали самыя подробныя объясненія, такъ-что Павлу оставалось только записывать все слышанное и виданное, снабжать свои наблюденія остроумными замѣчаніями или-же украшать описаніе лирическими восклицаніями, такъ характерными для его живой и увлекательной рѣчи. Архид. Павлу не разъ приходилось описывать такія зданія и предметы и такіе обычаи, которыхъ теперь не существуетъ; одновременно съ этимъ онъ не разъ отмѣчалъ и такія явленія въ жизни румынскаго народа, существованіе которыхъ для половины XVII вѣка очень важно въ дѣлахъ этнографическихъ изученій. Указывать все, что можетъ быть интересно въ описаніи этого путешествія, едва-ли необходимо. Отмѣтимъ только то, что болѣе бросается въ глаза при чтеніи путешествія: описаніе жилищъ и одежды молдованъ (гл. II), пріемовъ при дворѣ Василія воеводы (гл. VII) и пировъ (гл. VIII и др.), погребальныхъ обычаевъ (гл. XIII), характеристика валаховъ и ихъ страны (кн. III, гл. I), описаніе свадьбы (гл. V) и похоронныхъ обрядовъ (гл. VI), описаніе чина поставленія новаго господаря (гл. IX), рудниковъ и работъ въ нихъ (гл. XII), цыганъ золотопромышленниковъ (кн. XIII, гл. VII), другое описаніе свадьбы и похоронъ (гл. XII), о румынскихъ евреяхъ (гл. XIV), описаніе мельницы (гл. XVI) и многое другое.

Интересны его разсказы о греческой рукописи толкованій на Псалтырь «изъ царскаго книгохранилища св. Софіи» (вып. V, стр. 27), принадлежавшей постельнику Константину Кантакузену, получившему между прочимъ образованіе въ Кіевской академіи и автору извѣстныхъ виршей въ честь Богоматери. Это извѣстіе архид. Павла даетъ одинъ изъ отвѣтовъ на тотъ вопросъ проф. А. И. Соболевскаго объ исчез-

нувшей или нынѣ разрозненной Константинопольской царской библіотекѣ, который почтенный ученый сдѣлалъ на страницахъ «Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ».

Въ IV главѣ XIII книги (стр. 22 и 23-я). Архид. Павелъ разсказываетъ о томъ, что однажды венгры обидѣли на базарѣ въ г. Тырговищѣ одного румелійскаго бѣднаго епископа и отняли у него единственную его лошадь, которую тотъ вывелъ на базаръ для продажи. Семеро венгровъ ложно поклялись, что эта самая лошадь принадлежитъ одному изъ нихъ, несмотря на то, что и у епископа нашлось-бы до сорока свидѣтелей, которые тоже могли бы засвидѣтельствовать, что лошадь принадлежитъ ему, самъ господарь долженъ былъ уступить венгерскому капитану и оставить лошадь за нимъ. Здѣсь Павелъ, очевидно, говоритъ о томъ институтѣ «соклятвенниковъ», который румыны заимствовали съ давнихъ временъ. по мнѣнію проф. И. Богдана, у сосѣдей славянъ (см. его конференцію Cultura veche romîna, pag. 56—57), а по мало-основательнымъ увѣреніямъ проф. А. Ксенопола у нѣмцевъ или даже у римлянъ (Istoria romanilor. etc. ed. populară, vol. VII, pag. 93).

Въ I главѣ XIV книги архид. Павелъ говоритъ о народныхъ метеорологическихъ примѣтахъ (стр. 67), въ главѣ VII о короновaніи новаго валашскаго господаря, и въ послѣдней главѣ той же книги о рыбныхъ ловляхъ на Дунаѣ. Но самыя важныя изъ этнографическихъ его замѣтокъ выпадаютъ на долю румынскихъ словъ и названій, а также ихъ объясненій и отдѣльныхъ наблюденій въ описаніи монастырей съ ихъ сокровищами и монашеской жизнью, торжественныхъ процессій, служеній, господарскихъ пріемовъ и безконечныхъ переѣздовъ по равнинамъ Валахіи въ разное время года и при разныхъ обстоятельствахъ. Насколько все это важно и интересно для исторіи и этнографіи Румыніи, показываетъ списокъ - далеко впрочемъ не полный тѣхъ изслѣдованій на румынскомъ языкѣ, въ которыхъ мы нашли ссылки на Путешествіе Павла. Около этого же времени, нѣсколько раньше, по Румыніи путешествовалъ католическій епископъ Бандиній, который оставилъ описаніе путешествія своего на латинскомъ языкѣ. (Codex Bandinius). Но всѣ его разсказы—въ сравненіи съ занимательными описаніями архид. Павла поражаютъ своею сухостью и краткостью. Это скорѣе журналъ путешествія католическаго ревизора, обозрѣвавшаго церкви католическихъ эпархій въ Румыніи и Бессарабіи, чѣмъ чисто-литературное или научное описаніе малоизвѣстныхъ и оригинальныхъ, по условіямъ жизни, странъ.

Просматривая пятый выпускъ Путешествія, мы были пріятно поражены небольшой замѣткой въ самомъ концѣ книги, гдѣ переводчикъ говоритъ, что «исправленіемъ именъ монастырей и селеній румынскихъ въ этомъ выпускѣ мы обязаны А. И. Яцимирскому, которому приносимъ нашу благодарность». Къ сожалѣнію, почтенный арабистъ забылъ, что намъ принадлежитъ и большая часть примѣчаній къ тексту, касающихся не только исторіи монастырей, но подчасъ и филологическихъ справокъ. Поэтому считаемъ пріятнымъ долгомъ напомнить объ этомъ многоуважаемому Георгію Абрамовичу.

Теперь перейдемъ къ указанію тѣхъ пробѣловъ, которые мы замѣтили въ настоящемъ переводѣ и библіографическихъ справкахъ въ предисловіяхъ переводчика къ обоимъ выпускамъ. Оказывается, переводчику неизвѣстно существованіе румынскаго перевода, какъ съ подлиннаго арабскаго текста, такъ и съ англійскаго, вышедшаго въ Румыніи еще въ шестидесятыхъ годахъ. Пространный переводъ по тексту Бельфура былъ сдѣланъ академикомъ Барбу Петричейку Хыждеу и напечатанъ въ его капитальномъ изданіи Arehiva istorică a Romăniei vol. I, 2, p.p. 59—111. Въ предисловіи къ этому переводу г. Hăjdeu (pag. 68), отмѣчая трудность перевода съ искаженнаго уже англійскаго переводчика, не понимавшаго многихъ техническихъ названій въ описаніи церквей и ихъ сокровищъ, обѣщалъ дать «переводъ непосредственно съ арабскаго языка». Но до сихъ поръ подобнаго перевода не вышло, и румынскіе ученые должны были довольствоваться далеко не исправнымъ румынскимъ переводомъ въ названномъ историческомъ сборникѣ.

Гораздо большее значеніе имѣютъ статьи извѣстнаго фольклориста и восточника д-ра М. Гастера, который перевелъ три отрывка изъ Путешествія Павла непосредственно съ арабскаго языка. Первый изъ нихъ представляетъ «Описаніе церкви трехъ святителей въ г. Яссахъ», напечатанное во второмъ томѣ изданія проф. Григорія

Точилеску. Revista pentru istorie, archeologie şi filologie, an. I, vol. II, p.p. 415—417, съ приложеніемъ подлиннаго арабскаго текста, воспроизведеннаго на отдѣльномъ листѣ (fig. 11). Этотъ отрывокъ остался непереведеннымъ и у Бельфура. М. Гастеръ указываетъ на трудность перевода этого текста, (въ переводѣ ему помогалъ доцентъ Бреславскаго университета д-ръ Френкель), полнаго греко-арабскихъ техническихъ выраженій; и дѣйствительно, г. Гастеръ дѣлаетъ нѣсколько ошибокъ: пропускаетъ слова «Всякое дыханіе», оставляетъ безъ перевода выраженіе абисишарь т. е. Επὶ σοὶ χαίρει, не понимаетъ слова tarianhas (triannas)?—люстра, kirait—χαριεντής переводитъ словомъ стасидія = strană вм. аналой или книжный шкафъ (?) и т. д. Второй отрывокъ послужилъ ему матерьяломъ для статьи «Grosveniile cosacilor sub Hmelnitzchi in anii 1648—58» т. е. «Звѣрства казаковъ Хмельницкаго въ 1648—58 гг.», помѣщенной въ букарештскомъ изданіи румынскаго сіониста д-ра М. Шварцфельда Anuar pentru israeliti vol. XVI, an. 1895, p.p. 1—15. Въ предисловіи онъ касается вопроса о преслѣдованіяхъ и истязаніяхъ евреевъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, главнымъ образомъ, въ Польшѣ и придунайскихъ княжествахъ въ XVI и XVII вв. Наконецъ, третій отрывокъ подъ заглавіемъ «Евреи въ Крайовѣ и Тырговищѣ въ 1657-мъ году» (изъ сообщеній въ историческомъ Обществѣ Юлія Бараша) касается разсказа архид. Павла о крещенномъ хахамѣ еврейскомъ Аѳанасіи и его дѣятельности на почвѣ крещенія другихъ евреевъ, и напечатанъ почтеннымъ гебраистомъ въ томъ-же «Ежегодникѣ для евреевъ» д-ра M. Schunarzfeld'a на 1887—88 г., an. X-ва, p.p. 199—202 (соотвѣтствующій переводъ Г. Муркоса въ V выпускѣ на стр. 54—56), также съ нѣсколькими неточными выраженіями и даже пропусками.

Кромѣ того, переводомъ г. Хыждеу румынскіе ученые пользовались очень часто такъ-какъ описанія архидіакона Павла-какъ мы сказали выше—имѣютъ большое значеніе для археологіи и этнографіи румынъ. Укажемъ на нѣкоторыя изъ такихъ заимствованій. Федоръ Бурада въ «Описаніи церкви св. Архангеловъ въ с. Скынтеѣ, основанной по преданію Стефаномъ Великимъ, приводитъ слова архид. Павла, относящіяся къ этой церкви, причемъ дѣлаетъ заключеніе, что Павелъ не преминулъ бы замѣтить объ основателѣ ея, воеводѣ Стефанѣ, если-бы послѣдній на самомъ дѣлѣ ее основалъ; поэтому, скорѣе она построена Василіемъ Лупу (Revista p. istorie, archeologie etc., vol. IV, pp. 717—719).

Тотъ же ученый, приводя славянскую надпись на каменномъ мостѣ 1636-го года въ Васлуйскомъ уѣздѣ, говоритъ что въ началѣ своего путешествія архид. Павелъ говоритъ объ этомъ именно мостѣ (см. его замѣтку въ томъ же изданіи Fr. Tocilescu, vol. II, an. I, pp. 428—430). Преосв. Мелхиседекъ еписк. Романскій († 1892 г.) очень часто пользуется свидѣтельствами архид. Павла въ своемъ капитальномъ изданіи «Notiţe istorice si archeologice, adunate de pe la multe monastirĭ, ii bisericĭ, antice din Moldova», Bucur. 95 an., pp. 21, 134, 181 и слѣд., 191, 198, 208, 214, 216, 218, 222, 236, 247, 311, 315 и др, напримѣръ, о времени оставленія каѳедры митр. Варлаамомъ, описаніе Васлуйской церкви, объясненіе слова simbolŭ, templŭ, analoiul, объ училищахъ Василія воеводы въ Яссахъ, описаніе монастырей Голіи и св. Саввы, монастыря Пречистой въ Галацахъ и др. У того же автора въ I томѣ его монографіи Chronica Romanului şi a episcopieĭ de Romanŭ, pag. 268 приведено описаніе романской митрополичьей церкви и ея святынь; причемъ въ 3 примѣчаніи еписк. Мельхиседекъ исправляетъ ошибку Павла или же переводчика его, Бельфура, о томъ, когда именно начался рождественскій постъ въ 1653-мъ году (соотвѣтствующее мѣсто у Г. Муркоса въ I вып. на стр. 111-й и раньше). Но конечно, больше всего ссылокъ на Путешествія Павла находимъ у проф. Ясскаго университета Александра Ксенопола, Istoria romanilor din Dacia Traĭana ed. populară, vol. III, p. 148, vol. VII, pp. 8, 10, 11, 41, 42, 58, 61, 128—135, 198, 290, vol. VIII, pp. 160, 161, 164—166, vol. IX, p. 93 и др. Показанія архид. Павла не только даютъ историку Ксенополу любопытныя указанія на бытъ и нравы при молдавскомъ и валашскомъ дворахъ въ половинѣ XVII вѣка, но часто исправляютъ хронологическія неточности, свидѣтельствуютъ о древности нѣкоторыхъ учрежденій, памятниковъ, даютъ живыя характеристики историческихъ дѣятелей и т. д. Къ сожалѣнію, впрочемъ, г. Ксенополъ относится къ разсказамъ архид. Павла

не всегда достаточно критически, въ особенности, когда послѣднiй приводитъ цифры. Нѣсколько ссылокъ мы нашли также въ недавно вышедшемъ изданiи Букарештскаго Географическаго Общества «Marele Dicționar Geografic al Romăniei» vol. I, pp. 117, 723 и др. Особенно драгоцѣнныя свѣдѣнiя оставилъ архид. Павелъ для исторiи букарештскихъ церквей и монастырей, собранныя въ капитальномъ трудѣ академика D. Ionescu-Gion, Istoria Bucureștilor, 1899 an., въ особенности главы III, VI, VII, VIII и IX. На русскiй переводъ Путешествiя архид. Павла ссылается и Алексѣй Панно въ своей Исторiи Бессарабiи, ч. II, въ очеркѣ быта румынской жизни XVII вѣка. M. Schwarzfeld приводитъ слова Павла о положенiи евреевъ во время нашествiя казаковъ Хмельницкаго въ 1653-мъ году, въ статьѣ «Ochire asupra istoriei evreilor in România» Anuar. p. israeliți, an. X, pag. 27 и мн. др. Однимъ словомъ, едва-ли можно найти какое нибудь серьезное изслѣдованiе по исторiи Румынiи безъ ссылокъ на путешествiе архид. Павла.

При видимой тщательности перевода и безукоризненномъ и легкомъ для чтенiя русскомъ языкѣ, въ переводѣ есть нѣсколько неточностей главнымъ образомъ реальнаго характера, на которыя мы и укажемъ.

Описывая церковь въ г. Васлуѣ, архид. Павелъ подробно останавливается на картинѣ страшнаго суда надъ вратами церкви. Во главѣ турокъ, изображенныхъ—повидимому въ аду или предъ Судьею, «идетъ кашидбари въ шапкѣ, и одинъ изъ злыхъ чертей карабкается къ нему на плечи и срываетъ съ него шапку» (вып. I, стр. 47). Въ другомъ мѣстѣ, передавая слова бывшаго еврейскаго хахама, архидьяконъ говоритъ, что «законъ кашидьяри и его послѣдователей по еврейски именуются «габель». (вып. V, стр. 55). Это слово въ одинаковой, приблизительно, передачѣ понимается съ большимъ трудомъ и переводчиками оставлено безъ всякихъ объясненiй. Мы склонны видѣть здѣсь еврейскiя названiя Дьявола—Hasidim или правильнѣе Schedim. Кромѣ того можно предложить другое объясненiе. Павелъ разсказываетъ въ другомъ мѣстѣ, что «въ монастырѣ Житьянь мы видѣли сатану нарисованнымъ въ образѣ чернаго пляшущаго медвѣдя» (вып. V, стр. 56-я). Поэтому, если слово «кашидьяръ» написанное по румынски т. е. casidiari разложить на три разныхъ слова cas,idiari (или dearea), то можно перевести «какъ будто барабанщикъ при ученомъ медвѣдѣ» (Bärentrommel). Возможно, что любознательный архидьяконъ запомнилъ это румынское, очень меткое въ данномъ случаѣ, выраженiе и употребляетъ его, какъ цѣльное слово. Подобные примѣры мы отмѣтимъ и далѣе въ настоящей замѣткѣ.

Въ примѣчанiи къ румынскому слову heleșteu (у Павла халистау) г. Муркосъ говоритъ, что «авторъ, повидимому, принимаетъ это слово за собственное имя (вып. I, стр. 48). Но это предположенiе не вѣрно, потому-что Павелъ прямо говоритъ: «пруда называемаго на ихъ языкѣ халистау» (стр. 48), на берегу большого пруда, то-есть халестау или садка для рыбъ» (стр. 65), «близъ хелештеу монастыря Бырновскаго т. е. великаго пруда близъ Яссъ» (стр. 153), «огромнаго озера, называемаго халистау» (стр. 153), «подойдя къ хелештеу имъ устроенному, онъ сѣлъ обѣдать (вып. V, стр. 76). Отъ этого слова получили названiя нѣкоторыя села въ Молдавiи, напримѣръ Heleștenii въ округѣ Романа и др. (Melchisedek, Not. istorice etc., pag. 141).

Слово «хоросъ» по недосмотру объяснено одинаково на двухъ почти сосѣднихъ страницахъ (I стр. 48 и 51); излишнимъ является объясненiе слова «Синаксарь» (I, стр. 53), которое лучше-бы передать совершенно понятнымъ и общеупотребительнымъ «Прологъ»; румынское слово curte=дворецъ передано чрезъ корту (I, стр. 54, 59 и 122), причемъ въ V выпускѣ оно нѣсколько разъ передано уже вполнѣ исправно; слово «драбантъ» взято румынами у нѣмцевъ вмѣстѣ съ введенiемъ института наемниковъ, несомнѣнно, съ древнихъ временъ, и «персидское его происхожденiе ни причемъ (вып. I, стр. 54 прим.); названiе господарыни во всемъ первомъ выпускѣ передается чрезъ «домина» (вѣроятно подъ влiянiемъ латинской формы domina вм. домна; арабское слово kirait и вся эта фраза передана неточно у М. Гастера in fie-care chor se află câte o strană=въ каждомъ хоросѣ находится по стасидiи (Revista p. istorie etc. vol. II, pag. 416) и у Г. Муркоса «на каждой сторонѣ хороса есть книжный шкафъ (вып. I, стр. 64); это мѣсто мы предлагаемъ перевести такъ:

«при каждой стасіи находится аналой» (въ которомъ, конечно хранятся и богослужебныя книги). Архид. Павелъ между прочимъ говорить, что подъ управленіемъ молдавскаго митрополита находятся «три епископа, изъ коихъ одинъ—упомянутый епископъ Романа, второй—епископъ округа Хушъ, третій—епископъ Орхани и его округа (I, стр. 111). Переводчикъ видитъ въ послѣднемъ изъ нихъ названіе нынѣшняго г. Оргѣева, Бессарабской губ.; и дѣйствительно архид. Павелъ въ другомъ мѣстѣ, называя его Орхай, указываетъ, что и здѣсь епископская каѳедра, какъ мы о томъ упоминали» (вып. I, стр. 153). Но съ этимъ согласиться трудно, и скорѣе всего у Павла какая нибудь путаница, потому—что этому противорѣчитъ слѣдующая за тѣмъ фраза «подъ вѣдѣніемъ послѣдняго—два другихъ епископа въ странѣ унгровъ т. е. мадьяръ» (вып. I, стр. 111). Это скорѣе всего городъ гдѣ нибудь въ Трансильваніи; быть можетъ ему говорили о городѣ Orasţie, гдѣ въ XVI вѣкѣ печатались славяно-румынскія книги; тѣмъ болѣе что въ Оргѣевѣ никогда не было епископской каѳедры. Монастырь Домны, о которомъ говоритъ Павелъ въ I главѣ, XIII книги, это—Ясскій монастырь Голія, не разъ упоминаемый въ I выпускѣ, напримѣръ въ главѣ VIII и стр. 64 и др., а не тотъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія въ цитируемой переводчикомъ книгѣ (вып. V стр. 2, прим. 2). Нѣкоторыя названія переданы не вполнѣ точно: вмѣсто Тратушъ должно быть Тотрушъ (вып. V, стр. 3). и др.

Считаемъ также необходимымъ разъяснить недоумѣніе переводчика по поводу значенія должности великаго дворника и логоѳета у Палаузова и Накко (вып. V прим. 1 къ стр. 5-й и слѣд.). По объясненію молдавскаго лѣтописца Урѣке, великій дворникъ былъ «главнымъ судьей въ округѣ—judecător mare în acele părţi». A. D. Xenopol прибавляетъ, что дворникъ вѣдалъ и дѣла чисто административныя (atribuţie de ocîrmuire), причемъ судилъ онъ при господарскомъ дворѣ—judecastorul curţei (Istoria romanilor etc. ed. popular, vol. III, pag. 163). Великій же логоѳетъ вѣдалъ и скрѣплялъ исключительно грамоты, выходившія изъ господарской канцеляріи и хранилъ господарскую печать (ibidem). Петръ II Хромой не былъ въ 1567 году изгнанъ въ Малую Азію. Изъ Павла же Алеппскаго узнаемъ теперь, что онъ былъ сосланъ въ Алеппо, въ верхней Сиріи» (вып. V, стр. 5 прим. 3). Во-первыхъ, это не второй по счету Петръ, а пятый, правившій въ 1574 – 1579 гг. Онъ былъ сосланъ турками въ концѣ 1579 года, какъ пишетъ австрійскій посолъ въ Константинополѣ Zinzendorff 15-го января 1580-го года: «Петръ свергнутъ съ престола турками за его двуличіе, арестованъ и сосланъ въ Алеппо. Но его жена и дѣти надѣются на то, что онъ будетъ снова посаженъ на престолъ (ibidem. vol. V. pag 97). Слѣдовательно, о ссылкѣ Петра въ Алеппо мы знаемъ не изъ Павла Алеппскаго, а изъ современнаго донесенія австрійскому двору.—Слово крендели (вып. V, стр 7) мы находимъ лучше замѣнить болѣе точнымъ «калачи» рум. colaci. Глосса къ слову «качифалосъ» (куцовлаховъ?) ничего не имѣетъ общаго съ объясненіемъ самого автора «т. е. цыганъ, монастырскихъ рабовъ» (V, стр. 9). Это, по всей вѣроятности, тотъ же оборотъ, который мы предложили въ объясненіе слова «кашидіари», т. е. качифалосъ состоитъ изъ caşi falos = какъ будто презрѣнный, обычное прозвище цыганъ. На такія объясненія насъ еще наталкиваетъ толкованіе самимъ Павломъ названія одного монастыря въ Валахіи Камшура, т. е. «убогій домъ» (вып. V, стр. 20). Опять, разложивъ на составныя части, получимъ чисто румынское выраженіе cam şura, т. е. какъ будто овинъ, сарай для зерна. Очень возможно, что путники ему сдѣлали подобное замѣчаніе, а Павелъ его записалъ, принявъ за собственное имя. Даты правленія Раду Негру, приводимыя переводчикомъ — «около 1241 г. 1264 г., совершенно не вѣрны (вып V, 44 прим.), а должны быть: 1292-го года (по Ал. Ксенополу). Вмѣсто Белаша (стр. 17) должно быть Балаша, вм. Ольтъ должно быть Олтъ (стр. 24), вм. Поливрасъ (у Павла «Бульфаражъ» V, стр. 35) должно быть Половрачь и др.). Глосса переводчика къ названію рѣки Жіу (Шиль) (стр. 44, прим. 1) основана на произвольномъ толкованіи архид. Павла названія города Тыргушора (у него—Тырго*шилъ*) отъ словъ «*тырго* означаетъ базаръ, а *шилъ* названіе рѣки» (стр. 35), въ то же время когда суффиксъ şor означаетъ уменьшительное имя, т. е. Tărgu-şor = городокъ, а такой рѣки съ названіемъ Şil совсѣмъ нѣтъ.

Во всемъ первомъ выпускѣ, который мы не имѣли возможности просмотрѣть раньше его напечатанья, собственныя названія и имена передаются очень непослѣдовательно: на ряду съ точной русской транскрипціей арабскихъ начертаній согласно рукописи, иногда мы находимъ современныя нѣмецко-русскія названія, которыхъ не уразумѣлъ-бы ни одинъ румынъ: иногда болѣе правильное названіе выведено въ скобки или наоборотъ, иногда въ примѣчаніи и т. д. Дѣло въ томъ, что у архид. Павла на ряду съ фонетически точными названіями, записанными имъ согласно румынскому произношенію, встрѣчаются названія, по которымъ можно только догадываться: о какомъ именно мѣстѣ онъ говоритъ. Послѣднее, по нашему мнѣнію, происходитъ отъ того, чо автору въ большинствѣ случаевъ передавали эти названія его спутники и переводчики греки, которые всегда искажали твердые румынскіе звуки. Выпишемъ, напримѣръ, такія же греческія по окончаніямъ или формамъ названія: Василури вм. Васлуй (I, стр. 47), баркаламъ вм. пырколабъ (I, стр. 45), бостеникосъ вм. постельникъ (I, стр. 51), менимча или бениса вм. рум. beciu = погребъ (I, стр. 72) или пивница (V, стр. 37, 48 и др.), названіе сорта яблокъ василико вм. рум. domnesţi = царскіе, господскіе (I, стр. 78), сатража вм. стража (I, стр. 92), сотникосъ вм. сотникъ (I, стр. 93), Нистросъ вм. Nistru или Днѣстръ (I, стр. 104), грамматикосъ вм. грамматикъ т. е. секретарь (I, стр. 140), пастрофосъ вм. пѣстрѣвъ (V, стр. 26) и мн. др. Въ то же время г. Яссы называются чрезвычайно правильно по-румынски Яшъ (I, стр 49). Иногда переводчикомъ сдѣланы исправленія, напримѣръ, г. Васлуй, а въ подлинникѣ стоитъ Fasiludi (Rezista p. istorie etc., vol. II, pag. 416), Тырговище — Доргашту (I, стр. 97), Сучава — Сатжао (I, стр. 98), Цецора—Татцура (I, 153), Жижіу—Зиза (ibid.), Бузео на стр. 152, а на 113-й—Бутза, Рымникъ на стр. 152, а на 113-й—Римнико и т. д. Трансильванскій банъ Ракоци всюду называется Ракочи (I, 87 и мн. др.).

Такимъ образомъ, остается пожелать, чтобы скорѣе былъ изданъ арабскій текстъ и привлечена къ изученію лондонская рукопись. Тогда многія сомнѣнія разъяснятся. Жаль также что въ концѣ послѣдняго выпуска не приложена карта съ означеніемъ пути слѣдованія патр. Макарія. Не менѣе интереснымъ былъ бы очеркъ сношеній антіохійской патріархіи съ румынскими монастырями и іерархами, подобно тому, какъ въ приложеніи къ послѣднему выпуску находимъ очеркъ, касающійся такихъ же сношеній съ московскимъ дворомъ. Матерьялы для него нашлись бы въ слѣдующихъ книгахъ: Papadopulo-Calimach, Un episod din istoria tipografieĭ în România. (Analele Academiei Române); A. Xenopol, Istoria românilor etc., vol. VII, pag. 264, vol. IX, pag. 196; Melchisedec episc., Notiţie istorice etc., pag. 286 и мн. др.

А. И. Яцимирскій.

Д-ръ **I. Поливка. Магьосникътъ и неговиятъ ученикъ.** Сравнителна фолклорна студия. София, 1898. Стр. 56.

Еще очень недавно приходилось слышать со стороны многихъ изслѣдователей народной словесности частыя жалобы на недостаточность и отрывочность сырого матеріала, предлагаемаго имъ для сравнительнаго удостовѣренія и изученія. Нынѣ приходится сѣтовать скорѣе на огромное накопленіе этого сырого матеріала, выпускаемаго собирателями разныхъ странъ и народовъ, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ наобумъ, безъ всякаго критическаго разбора. Тутъ является очень кстати сравнительная библіографія отдѣльныхъ сюжетовъ и мотивовъ народной словесности, вносящая порядокъ и свѣтъ въ черную работу собирателей и составляющая поэтому первое и необходимое условіе цѣлесообразнаго изученія фольклора.

Въ области библіографіи славянскаго фольклора стяжалъ себя въ послѣднее время почетную извѣстность профессоръ чешскаго университета Ю. И. Поливка, снабжающій уже нѣсколько лѣтъ почти каждый новый сборникъ славянскихъ сказокъ многочисленными библіографическими справками и примѣчаніями. Его полезную дѣятельность въ этомъ направленіи можно сравнить съ дѣятельностью покойнаго нѣмецкаго ученаго

Рейнгольда Кёлера, съ той развѣ оговоркой, что послѣдній обладалъ, кажется, болѣе широкимъ и полнымъ сравнительно-литературнымъ апаратомъ.

Кромѣ этихъ библіографическихъ росписей сказочныхъ параллелей, появляющихся постоянно въ разныхъ славянскихъ этнографическихъ изданіяхъ, г. Поливка издалъ также нѣсколько болѣе цѣльныхъ очерковъ по исторіи отдѣльныхъ сказочныхъ сюжетовъ, какъ-то: Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ, Докторъ Всезнайко, Мидасовы уши, Отчего стариковъ убивать перестали, О двухъ мальчикахъ и чудесной птичкѣ и др. Не желая нисколько умалять значеніе этихъ интересныхъ очерковъ почтеннаго пражскаго профессора, мы должны, однако, замѣтить, что они имѣютъ преимущественно тотъ-же библіографическій характеръ, только въ шире изложенномъ и обставленномъ видѣ. Это тѣ-же библіографическіе своды наличныхъ параллелей сказки, иногда далеко не полные, съ той только разницей, что вмѣсто однихъ заглавій, здѣсь приводятся самые тексты сказокъ, полностью или въ извлеченіи, съ попутными литературными спайками и примѣчаніями автора. Однако, исторіи сказки, ея происхожденія и броженія, ея измѣненій и наслоеній, эти очерки, въ большинствѣ случаевъ, не даютъ и, можетъ быть, даже ни могутъ дать. Есть-же такіе упорные сюжеты, съ которыми иногда ничего подѣлать не можно. «Уловить пути распространенія устной сказки, за многіе вѣка ея блужданія, по словамъ В. Ѳ. Миллера, все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ». Только зачѣмъже тогда гоняться напрасно за неуловимымъ призракомъ?

Типичнымъ выразителемъ этого рода разысканій г-на Поливки является новѣйшій его очеркъ, появившійся недавно въ XV томѣ болгарскаго министерскаго «Сборника» и вышедшій затѣмъ отдѣльной брошюрою. Онъ посвященъ разбору широко распространенной сказки о колдунѣ (Охѣ) и его ученикѣ, превзошедшемъ своего учителя въ колдовскомъ искусствѣ, бѣжавшемъ отъ него и, наконецъ, послѣ цѣлаго ряда обоюдныхъ превращеній, убивающемъ его въ ожесточенной борьбѣ. Авторъ сводитъ по очереди цѣлый рядъ славянскихъ и иноплеменныхъ варіантовъ сказки, отъ современныхъ болгарскихъ до древне-индійскихъ записей. Къ сожалѣнію, однако, даже этотъ сводъ варіантовъ не имѣетъ желательной полноты. Въ немъ пропущены такіе важные для исторіи сказки варіанты, какъ напр. малорусскіе Драгоманова (Преданія. с. 326—328), и Яворскаго (Живая Старина, 1897, 443—445), мадьярскій (Штиръ, Ungarische Sagen und Märchen, 102), Кавказскіе (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, VI, отд. 2, 197—200, VII, о. 1, 125—128 и о. 2, 110 - 117, X, о. 2, 322—324, XVIII, о. 3, 23—26), монгольскіе (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 198—199, 531—533), бурятскій (Этнографическое Обозрѣніе, XXVIII, 131), якутскій (Этногр. Обозр., XXXIV, 167—168), буддійско-китайскій (Orient und Occident, III, 374—375), и др. Въ послѣднее время, уже послѣ выхода въ свѣтъ статьи г-на Поливки, появились еще два интересные варіанта, именно, чешскій Český Lid, IX, 91—94), и качинскій (Живая Старина, 1899, 140—143).

Незнакомство съ вышеуказанными варіантами сказки не могло, конечно, не повліять въ значительной степени какъ на общее изложеніе ея исторіи, такъ и на критическую разработку ея составныхъ частей. Итакъ, хотя авторъ, по слѣдамъ Бенфея, относитъ происхожденіе сказки къ азіатскому Востоку, именно, къ индійскимъ и буддійскимъ источникамъ, однако, съ своей стороны ничѣмъ не обосновываетъ этого положенія и въ результатѣ даже не опредѣляетъ ближе этихъ источниковъ. Мнѣ кажется, что корень зла въ настоящемъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ фальшивомъ предположеніи автора, будто основу сказки составляетъ ея первая часть, т. е. разсказъ о колдовской школѣ и возникшихъ на этой почвѣ враждебныхъ взаимоотношеніяхъ между колдуномъ и его ученикомъ. Поэтому, отвергая, какъ нѣчто неважное и постороннее, вторую часть сказки, т. е. исторію борьбы и превращеній двухъ, обладающихъ сверхъестественной силою, соперниковъ, тамъ, гдѣ она является отдѣльно и самостоятельно, авторъ останавливается только на полныхъ редакціяхъ сказки и только для нихъ ищетъ и, конечно, не находитъ такого-же полнаго первообраза. Между тѣмъ стоитъ только отнестись къ этой второй части съ надлежащимъ вниманіемъ и уваженіемъ, и сложный вопросъ о происхожденіи сказки разрѣшился-бы, можетъ быть, гораздо легче. Она не

только по существу своему имѣетъ несомнѣнно древне-буддійскій характеръ, но важна также по сравнительно наибольшему количеству восточныхъ, особенно монголо-тюркскихъ варіантовъ. Въ пользу выдающагося и самостоятельнаго значенія этого мотива говоритъ также его широкое примѣненіе, какъ вставного эпизода, во многихъ другихъ сказкахъ, напр.: Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, III, 119, IV, 114; Манжура, Сказки, 27; Трейландъ, Латышскія сказки. 50; Радловъ, Proben, IV, 33; Пыпинъ Очеркъ лит. исторіи стар. повѣстей и сказокъ, 294—295, и мн. др. Еще болѣе подтверждаютъ это народныя, преимущественно славянскія и романскія пѣсни о дѣвушкѣ и преслѣдующемъ ее женихѣ-нелюбѣ, зависимость которыхъ отъ второй части нашей сказки не подлежитъ сомнѣнью (Ср. Петричейку-Хиждеу, Cărtile poporane ale Romanilor in sec. XVI, 501—566, 694—705).

На все это, однако, авторъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, такъ что въ опредѣленіи основного мотива сказки по неволѣ долженъ былъ отдать предпочтеніе первой ея части, подкупающей на первый взглядъ своимъ большимъ распространеніемъ въ народныхъ литературахъ современной Европы. Впрочемъ, даже внимательный разборъ самаго разсказа о колдовской школѣ долженъ-бы возбудить нѣкоторыя сомнѣнія относительно его основоположнаго значенія. Представленіе о чертовской, «черной» школѣ было распространено особенно въ средніе вѣка въ западно-южной Европѣ и возникло вѣроятно подъ вліяніемъ таинственной обстановки средневѣковыхъ ученыхъ, астрологовъ и алхимиковъ, окруженныхъ такими-же таинственными учениками. (Ср. Графъ, Naturgeschichte des Teufels, 249—250). Чертовская школа извѣстна хорошо также южнымъ славянамъ, румынамъ и мадьярамъ. (Ср. Archiv für slavische Philologie, II, 437—481, IV, 611, VII, 281—290; Маріану, Albina Carpatilor, III, 54; Шайнену, Basmele române, 871). Не естественно-ли предположить, что эти именно средневѣковыя представленія о чертовской школѣ легли въ основаніе нашей сказки о школѣ Оха, а затѣмъ въ ней-же перешли на Востокъ и слились тамъ съ существовавшимъ уже самостоятельно мотивомъ о чудесной борьбѣ двухъ могучихъ соперниковъ? Въ этомъ новомъ и сложномъ видѣ сказка могла впослѣдствіи возвратиться назадъ въ Европу, хотя параллельно съ нею могъ проникнуть сюда и самый разсказъ о борьбѣ и превращеніяхъ двухъ враговъ также отдѣльно и самостоятельно. Не открывается-ли ларчикъ, такимъ образомъ, совсѣмъ просто?

Другой вопросъ, тоже только поставленный, но не разрѣшенный авторомъ, состоитъ въ томъ, какими путями совершился этотъ переходъ сказки, какія посороннія наслоенія восприняла она во время своихъ блужданій и какіе слѣды оставила она на своемъ пути? Авторъ самъ сознаетъ и подчеркиваетъ выдающійся историко-литературный интересъ разбираемой сказки, но, къ сожалѣнію, ни одного изъ упомянутыхъ интересныхъ вопросовъ онъ не разбираетъ и не разъясняетъ нисколько, ограничиваясь только сухой схематической таблицей, испещренной неудобопонятными іероглифами и только еще болѣе осложняющей и запутывающей дѣло.

Вообще, на всемъ протяженіи своихъ разысканій авторъ поражаетъ какой-то странной безпомощностью, доходящей до той степени, что въ концѣ-концовъ онъ даже вовсе отказывается отъ какихъ-бы то ни было предположеній, предпочитая дожидаться «новыхъ открытій въ области древне-восточныхъ литературъ» (стр. 49). Только-же, если-бы даже въ самомъ дѣлѣ нужно было въ настоящемъ случаѣ дожидаться какихъ-то «новыхъ открытій», такъ почему-же авторъ такъ поторопился съ публикаціей своего «сравнительно-фольклорнаго изслѣдованія», почему еще не подождалъ малость? Зачѣмъ-же преждевременно ловить вѣтеръ въ полѣ?

Ю. Яворскій.

Allgemeine Methodik der Volkskunde. Berichte über Erscheinungen in den Jahren 1890—1897. Von L. Scherman und F. S. Krauss. Erlangen, 1899. Стр. 134, 8°.

Первое заглавіе этой полезной книги, кажется, слишкомъ громко. Вѣдь пока—

что едва-ли можетъ быть рѣчь о «всеобщей методикѣ» этногрифіи, какъ науки, если, до сихъ поръ не только ея мелкіе практическіе пріемы, но даже общіе принципы ея изслѣдованія не установлены въ ней нисколько, не сведены хоть въ мало-мальски цѣльную систему. Всякій изслѣдователь долженъ все еще искать собственныхъ средствъ и идти своей собственной дорогой, если не хочетъ попасть, по слѣдамъ перваго—лучшаго фантазера, въ какую-нибудь непроходимую трясину.

Впрочемъ, даже самое, такъ сказать, правовое положенія этнографіи, ея роль въ ряду другихъ наукъ, ея отношеніе къ нимъ, даже имя ея, наконецъ,—все это до сихъ поръ не уяснено, не установлено па столько, чтобы можно было говорить о какомъ-либо научномъ порядкѣ или методѣ. Этого въ ней пока-еще нѣтъ и до поры до времени даже быть не можетъ.

Доказываетъ это особенно наглядно первая часть «Всеобщей методики» (стр. 21), составленная извѣстнымъ оріенталистомъ Л. Шерманомъ и посвященная, разбору теоретическихъ словопреній англійскихъ и американскихъ фольклористовъ за 1890 годъ. Сколько тутъ разныхъ мыслей и взглядовъ, въ большинствѣ случаевъ неуловимыхъ и непримиримыхъ! Какой хаосъ направленій и методовъ, рѣзко оспаривающихъ, взаимно исключающихъ другъ друга! И это всего только за одинъ годъ, въ одной только семьѣ англо-саксонскихъ ученыхъ. Чего-же, послѣ этого, можно ожидать дальше?

И другой изъ авторовъ книги, сербо-хорватскій этнографъ Ф. С. Крауссъ, повидимому не слишкомъ увлекся преувеличенной задачей, сгоряча намѣченною въ заглавіи книги. Очевидно, при ближайшемъ соприкосновеніи съ наличнымъ матеріаломъ, вся предполагаемая «методика» автора разлѣзлась у него между пальцами. Поэтому авторъ ограничился въ концѣ-концовъ болѣе скромной задачей и сдѣлалъ только то, что въ данныхъ условіяхъ онъ сдѣлать могъ: далъ сжатый обзоръ важнѣйшихъ явленій этнографической литературы за семь лѣтъ 1891—1897. Къ сожалѣнію, однако, этотъ обзоръ далеко не полный, такъ какъ авторъ почему-то руководствовался своеобразнымъ протекціонизмомъ и удостоилъ своего вниманія только тѣ сочиненія, которыя были ему какъ редактору журнала «Der Urquell» доставлены непосредственно ихъ авторами и издателями. Вслѣдствіи этого библіографическій обзоръ г-на Краусса получилъ нѣсколько случайный и неровный характеръ, особенно-же блѣдно представлена въ немъ славянская и въ частности русская этнографическая литература. За послѣднюю въ данномъ случаѣ даже весьма обидно: авторъ отмѣтилъ только нѣсколько и то далеко не первостепенныхъ сочиненій русскихъ авторовъ, а такимъ важнымъ изданіямъ, какъ «Живая Старина» и «Этнографическое Обозрѣніе», посвятилъ всего нѣсколько ничего не значущихъ строкъ.

Тѣмъ не менѣе «Всеобщая методика» можетъ сослужить научному изученію этнографіи, особенно-же нѣкоторыхъ сторонъ ея нынѣшняго состоянія, преимущественно въ западной Европѣ, хорошую службу, а помѣщенныя въ концѣ ея «наставленія фольклористамъ» слѣдовало-бы дѣйствительно изучать и помнить наизусть. Въ этомъ смыслѣ она заслуживаетъ полной признательности, тѣмъ болѣе, что это, насколько намъ извѣстно, первая осмысленная попытка нѣкоторой систематизаціи богатой этнографической литературы, растущей и развивающейся не по днямъ, а по часамъ.

Ю. Яворскій.

Караџић. Лист за српски народни живот, обичаје и предање. Издаје и уређује Тих. Р. Ђорђевић. Година I. № 1—12. Алексинац, 1899. Стр. 280 + 26, 8°.

Какъ это ни странно, но сербская литература, давшая Славянству отца сербской этнографіи Вука Стефановича Караджича, не имѣла до сихъ поръ своего спеціально-этнографическаго изданія, а ея богатое «народно благо» ютилось и, конечно, пропадало въ разныхъ календаряхъ, журналикахъ и брошюрахъ, никому не извѣстныхъ и неоступныхъ. Только, въ самое послѣднее время возникли сразу два академическія изданія, посвященныя сербской этнографіи, но одно изъ нихъ, «Српски Етнографски Зборник» Бѣлградской Академіи Наукъ, посвящено только большимъ монографіямъ и сырымъ,

мелкимъ матеріаломъ не интересуется вовсе, другое-же, именно «Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena», издаваемый Южно-славянской Академіей въ Загребѣ, какъ по своимъ узко-хорватскимъ рамкамъ, какъ и вслѣдствіе своей непрактичной и неумѣлой редакціи, никакого значенія для сербской этнографіи, въ тѣснѣйшемъ этого слова значеніи, имѣть не можетъ [1]).

Поэтому можно только съ радостью и удовлетвореніемъ привѣтствовать новый, собственно-же первый сербскій этнографическій журналъ, начавшій выходить въ прошломъ году въ Алексинцѣ (въ Сербіи) и принявшій дорогое имя отца сербской этнографіи «Караџиђ». И имя это, въ настоящемъ примѣненіи, не пустой звукъ. Редакція, повидимому, относится къ дѣлу съ пониманіемъ и любовью, которыхъ сербская этнографія, послѣ Караджича и, пожалуй, еще Врчевича, не испытала, кажется, нисколько. Кромѣ этого журналъ не признаетъ никакой племенной розни между отдѣльными сербо-хорватскими областями и относится ко всѣмъ имъ, безъ различія вѣроисповѣданія и азбуки, съ одинаковымъ доброжелательствомъ и вниманіемъ.

Содержаніе журнала за первый годъ его изданія отличается прежде всего замѣчательнымъ разнообразіемъ и безпосредственной свѣжестью охваченнаго имъ сырого матеріала. Этотъ сырой матеріалъ и есть самое цѣнное и интересное въ журналѣ. Тутъ мы находимъ и цѣлый рядъ народныхъ пѣсенъ, преданій и сказокъ, большинство которыхъ пріурочено къ разнымъ мѣстностямъ и зданіямъ или-же къ Кралевичу Марку и богатые своды загадокъ, пословицъ, прибаутокъ и повѣрій, и интересные матеріалы для исторіи юридическихъ, музыкальныхъ и техническихъ народныхъ обычаевъ и пріемовъ — вообще въ тѣсныхъ рамкахъ журнала охвачена, можно сказать, вся народная жизнь и словесность почти въ полномъ, хотя только въ миніатюрномъ, видѣ. И какъ съ одной стороны нельзя не порадоваться такой всесторонности журнала, то, съ другой, слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что его маленькій объемъ вслѣдствіе этой именно всесторонности матеріала, чувствительно стѣсняетъ послѣдній, ограничивая его только небольшими замѣтками и отрывками. Изъ болѣе цѣльныхъ статей журнала отмѣтимъ особенно интересныя этнографическія замѣтки заслуженнаго В. В. Вукасовича («Народни везови у Далмацији», «Покон код Срба у Лици», «Стока у Харцег-Босни»), очеркъ похоронныхъ обычаевъ въ Мостарѣ Л. Г. Бѣлокосича, воспоминанія г. Миличевича изъ временъ смѣшной борьбы сербскаго правительства противъ Вуковой правописной реформы и др.

Наконецъ въ каждомъ выпускѣ журнала имѣется рядъ мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, а также краткіе библіографическіе обзоры новыхъ явленій этнографической литературы. Относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что желательна была-бы въ нихъ бо́льшая полнота именно сербскихъ библіографическихъ сообщеній, между тѣмъ какъ редакція, повидимому, болѣе интересуется «высокой», нѣмецкой и французской литературой. Эту роскошь, однако, могутъ позволять себѣ только совсѣмъ ужъ установившіяся развитыя изданія.

Какъ бы тамъ ни было, однако, можно только порадоваться, что сербское «народно благо», пренебрегаемое академическими изданіями, нашло. наконецъ, благодаря появленію «Караџиђа», свою надежную, хотя, впрочемъ, пока еще даже весьма скромную и невзрачную сокровищницу, спасающую его отъ преждевременной порчи и гибели.

Ю. Яворскій.

---

[1]) Съ этимъ рѣзкимъ отзывомъ ред. согласиться не можетъ. Въ различныхъ книжкахъ этого Сборн. заключается не мало важныхъ данныхъ, наблюденій о сербо-хорватской народности и ея живой старинѣ.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и отвѣты.

I.

Румынская «дойна».

(Къ квестіонарію Э. А. Вольтера).

Объясненіе румынской «дойны», сдѣланное г. Кожухаровымъ («Жив. Старина», 1900, III, 443), не вполнѣ правильно. «Дойна» дѣйствительно означаетъ пѣсню, но не одну какую-нибудь, съ опредѣленнымъ, хотя неизвѣстнымъ г. Кожухарову текстомъ и напѣвомъ. «Дойна», подобно малорусской думкѣ, составляетъ цѣлый отдѣлъ въ народно-пѣсенномъ репертуарѣ румынъ и имѣетъ, конечно, очень много разнообразныхъ текстовъ и мелодій, преимущественно грустныхъ и заунывно-протяжныхъ. Такое значеніе имѣетъ это слово въ Буковинѣ и Румыніи. Недавно вышелъ въ Букарештѣ даже цѣлый большой сборникъ такихъ народныхъ «дойнъ».

Ю. Яворскій.

II.

Считаю своимъ долгомъ представить весь разсказъ о чортѣ и Румынѣ, такъ какъ вкралась маленькая ошибка.

Существуетъ у насъ въ Бессарабіи разсказъ о чортѣ и Румынѣ, которые, встрѣтившись, шли въ ненастную погоду. Грязь была не пролазная и мужикъ предложилъ чорту везти по очереди другъ

друга на себѣ до тѣхъ поръ, пока сѣдокъ (или сидящій на спинѣ) не окончитъ произвольно избранной пѣсенки.

Бросили жребій, и мужикъ долженъ былъ первый везти чорта. Чортъ, сидя на спинѣ мужика, скоро спѣлъ свою пѣсенку и долженъ былъ слѣзть со спины мужика и предоставить послѣднему свою спину. Мужикъ, усѣвшись поудобнѣе на чортѣ, запѣлъ излюбленную «дойну». Потѣетъ чортъ подъ мужикомъ и ждетъ конца пѣсни, но не тутъ то было—пѣсня была безконечна, и чортъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ довезти мужика домой.

Очень сожалѣю, что письменно не представилъ Вамъ этого разсказа раньше, такъ какъ теперь прійдется ввести поправку.

Н. Кожухаровъ.

26 Сентября 1900 г.

III.

Получивъ отъ г. Н. В. Томаса изъ Лондонскаго Антропологическаго Института 3 Hanover Sq. слѣдующіе вопросы по части народныхъ суевѣрій относительно животныхъ, Редакторъ «Ж. Стар.» проситъ покорнѣйше редакціи «Губернск. и Епар. Вѣдомостей» перепечатать эти вопросы съ просьбою къ мѣстнымъ знатокамъ присылать отвѣты на тѣ или другіе изъ этихъ вопросовъ, если не на всѣ, редактору «Жив. Стар.» (Петербургъ, Звенигородская, 32).

Отвѣты по мѣрѣ полученія будетъ печататься въ «Жив. Стар.» (въ Отд. вопросы и отвѣты), и отдѣльными оттисками отсылаемы въ Лондонскій Антропологическій Институтъ.

1. Какія животныя (птицы, рыбы, насѣкомыя и т. д.) означаютъ счастье или несчастье тому, кто ихъ видитъ?

2. Какія животныя приносятъ дому, гдѣ живутъ, счастье или несчастье?

3. Какія животныя предсказываютъ смерть?

4. Какія животныя предсказываютъ цѣну хлѣба, обильную жатву?

5. Дается ли послѣднимъ хлѣбнымъ колосьямъ имя животнаго, и какого? Говорятъ ли, что то или другое животное пробѣжало по полю, когда хлѣбъ наклонило вѣтромъ?

6. Держатъ ли животныхъ (птицъ и т. д.) въ домахъ, дабы удержать благополучіе, охранить себя отъ болѣзней и т. д.? Нужно ли первое замѣченное весною какое-либо животное поймать, привѣтствовать и т. д.? Есть ли животныя (птицы, яйца и т. д.), коихъ нельзя брать къ себѣ домой?

7. Какое значеніе имѣетъ въ народномъ суевѣріи масть, цвѣтъ, краска того или другого животнаго? Оказывается ли предпочтеніе бѣлымъ животнымъ?

8. Какія животныя въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ считаются какъ бы священными, коихъ нельзя убивать, употреблять въ пищу, на коихъ неохотно смотрятъ, къ тѣламъ и гнѣздамъ коихъ неохотно прикасаются и коихъ даже не называютъ обыкновенными именами?

9. Есть ли животныя, мясо коихъ ѣдятъ лишь разъ въ годъ. и даже разъ въ годъ съ особенными обрядами?

10. Есть ли животныя, за коими охотятся разъ въ годъ или коихъ убиваютъ при народныхъ увеселеніяхъ? или сбрасываютъ съ извѣстной высоты, или по доброй волѣ отпускаютъ ихъ на свободу? Или такія, коихъ преслѣдуютъ, колотятъ и бьютъ?

11. Обносятъ ли въ Святое Воскресенье или вообще на Святой недѣлѣ какихъ-нибудь животныхъ или ихъ чучела или изображенія, и бросаютъ ли ихъ въ огонь? и т. д. Продаются ли единожды въ годъ какія-нибудь животныя или насѣкомыя? Покупаютъ ли ихъ, дабы отпустить на Божью волю?

12. Есть ли повѣрье, что можно получить цѣлебную или волшебную силу отъ употребленія въ пищу мяса извѣстныхъ животныхъ, или отъ прикосновенія къ нимъ, или когда онѣ гибнутъ въ рукѣ у человѣка? Людямъ какого возраста, какихъ лѣтъ должно это предпринимать?

13. Какихъ животныхъ употребляютъ при колдовствѣ или въ народной медицинѣ и съ какими цѣлями? Какъ нужно убивать такихъ животныхъ?

14. Изготовляются ли калачи, булки, пироги съ видомъ животныхъ или съ разными ихъ изображеніями, или такіе, коимъ придаются названія животныхъ?

15. Есть ли повѣрье, что покойники являются въ видѣ животныхъ?

16. Есть ли повѣрье, что вѣдьмы принимаютъ видъ животныхъ?

17. Какія животныя понимаютъ человѣческую рѣчь?

18. Какія животныя въ чужихъ странахъ принимаютъ видъ человѣческій или по собственному желанію появляются въ этомъ видѣ? Какія животныя считаются проклятыми людьми?

19. Какія животныя приносятъ маленькихъ дѣтей и откуда?

20. Есть ли сказки или преданія о лебедяхъ - дѣвахъ и юношахъ? Или преданія о предкахъ звѣрообразныхъ или съ звѣриными частями тѣла, о рожденіи животныхъ и т. д.?

21. Имѣютъ ли какое значеніе животныя при обрядахъ родильныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ?

22. Кладутся ли головы животныхъ или ихъ черепа на домовыхъ крышахъ или на поляхъ?

23. Какія животныя обыкновенно изображаются на вывѣскахъ (гостинницъ и пр.) и на флюгерахъ или флюгаркахъ (вѣтреницахъ)?

24. Есть ли дѣтскія игры съ именами или съ представленіями животныхъ (кошка и мышка, гуси - лебеди и т. д.)? Бываютъ ли на Свѣтлой недѣлѣ катанье яицъ, бѣга и пр.?

25. Хоронятъ ли по суевѣрнымъ основаніямъ найденныхъ мертвыми животныхъ, погребаютъ ли въ заговѣнье? и т. д.

При этомъ просятъ при каждомъ отвѣтѣ:

1. Всегда обозначать мѣсто наблюденій.

2. Сообщать народныя (мѣстныя) названія животныхъ.

3. При отвѣтахъ на вопросъ 14 приложить самые калачи или булки или по крайности ихъ рисунки, изображенія. Для объясненія отвѣтовъ на вопросъ 22 желательны также рисунки.

Н. В. Томасъ.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Изъ галицко-русскихъ народныхъ повѣрій.

1. Переступень.

Переступень (Bryobia alba L.) ростѐ, якъ сы полюбытъ мѝсце, за углòмъ за хàтовъ або въ горòди, съ-пивъ мэтра у землѝ. Лыстье маѥ таке, якъ на хмѐлю, скризь обсыпане чорнымы ягодами. Маѥ такый кòринь, акурàтъ такый, якъ малà дитѝна, маѥ гòлову, руки, ногы. Вонъ винъ ѥ зъ тыхъ дитэй-потырычатъ, перекидàѥся зъ ныхъ.

Хто не знаѥ, а ѐгò урвѐ або перѐтне, то винъ зàразъ пошкòдытъ, поранѝтъ на цилѝмъ тѝли, ажь кровь течѐ, видòйме руки, ногы, або й рòзумъ. А зъ корѝння ѐго тече бѝла кровь. Тогды той хрестьянѝнъ лежѝтъ хòрый и може лежыты й кѝлька рòкивъ. Ажь якъ-бы ся довѝдавъ, що то видъ переступня ѐму такъ ѥ, то тогды берѐ цилушку хлѝба и мàсла свячѐного и крѐйцарь, кладѐ тотò кòло тòго переступня, притулытъ до тòго мѝсця, дэ го утявъ, помастѝтъ и перепрòсытъ ѐго. И тогды прыгòрне землѐвъ и вже му тогды зàразъ полѐкшытъ.

Часòмъ дэ якъ горòдятъ плитъ и натрàфытъ хто колòмъ на нэго, то мýсытъ розибрàты плитъ и навкòло нэго обкопаты зѐмлю.

Переступень часòмъ перекѐдуѥся въ дитѝну. Выскочытъ зъ землѝ и сѝда собѝ на плòти або на якѝмъ слупи, поднѐсе однý руку и ногу до горѝ и сыдѝтъ. А потòму счѐзне—не знàты дэ.

Дэ винъ ростѐ, то прынòсытъ счѝстье и маѥ́токъ. Але якъ му ся мѝсце змерзѝтъ, або щò, то забѐреся и перѐйде на ѥ́нче мѝсце. Люде го дуже шинýютъ и не рýшаютъ го. Хто знае видмòвыты, той го може вырваты и ницъ му ся не стàне. То ѥ дуже дорогѐ корѝнье, нàвить го до аптѝки продаютъ и вже тамъ въ аптѝци знаютъ, до чòго онò ѥ налѐжне.

(Записана отъ Сеня Вереса изъ с. Русятычи. Бобрецкаго у.).

Срвн. мою статью «Die Mandragora im südrussischen Volksglauben» въ «Zeitschrift für österreichische Volkskunde», 1896, вып. 12, стр. 353—361; J. L. Holuby, «O Mandragore», въ «Slovenské Pohlady» 1883, стр. 183—191; «Zeitschrift für Ethnologie. Verhandlungen der Berliner Gesellschaft f. Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte», 1891, т. XXIII, стр. 726—746, 890—892; P. I. Veth, «De leer der signatuur. Met een naschrift: de mandragora». Лейденъ, 1894, стр. 9—16, 54—60, и др.

2. Богыня.

Богыня—то така нечыста кобыта, що жые въ лиси; она ходыть гола, а цыцькы маіе такі довгі, що може ихъ перевисыты черезъ плэчи, гыбы косы.

То она ссэ людый, цы дивокъ цы хлопцивъ, кого-будь. Такъ усыпляіе чоловика, же му ся такъ дуже спаты хоче, гыбы му очы зашывъ. Тай заразъ кладэсьи коло нэго и ссэ и ссэ, якъ дитына маму. То потому такый хлопець маіе такі цыцькы велыки, якъ кобыта, що маіе дитыну·

А она ще минаіе въ ноцы дыты; якъ ино не хрещене, то заразъ пидминяіе: возьме людську дитыну, а лышаіе свою, таку суху а паскудну, же сьи мэрзко подывыты. То іе видмина. (Записано отъ Каськи Загальской, изъ с. Стольска, Жидачевскаго уѣзда).

Срвн. Н. Сумцова «Boginki-Mamuny» въ варшавской «Вислѣ» 1893 г. и мою ст. «Галицко-русскія повѣрія о дикой бабѣ» въ «Живой Старинѣ». 1897, вып. III—IV, стр. 439—441.

Ю. Яворскій.

Примѣты и разсказы.

Примѣты, разсказанныя учениками 1-го класса Боровскаго уѣзднаго училища.

Глазъ правый чешется къ лучшему—къ радости, а лѣвый—плакать.

Рука чешется—деньги получать, которая нибудь все равно.

Воронъ кричитъ на крышѣ—къ упокойнику.

Носъ чешется—къ упокойнику.

А то носъ чешется—вино пить.

Собака воетъ къ верху—къ пожару, а къ низу—къ покойнику.

Курица запоетъ—къ покойнику, тогда ей голову нужно отрубить, не будетъ покойника? Небудетъ другой: нѣтъ, это невѣрно: будетъ покойникъ.

Кукушка близко кукуетъ—къ покойнику.

Зеркало лопнетъ—къ упокойнику, къ несчастью.

Когда ледъ на рѣкѣ не растаялъ, чернава въ пролуби каково-то увидалъ, выбѣжалъ черный изъ рѣки прямо побѣжалъ къ больницы—это къ упокойнику: у насъ мамаша померла.

Палѣно упадетъ съ дровъ,—кто нибудь женится или замужъ выйдетъ. Кто видѣлъ: одинъ мальчикъ шутливо: я сколько разъ видѣлъ.

Горшокъ въ печкѣ шибко шипитъ—значитъ къ упокойнику. У насъ такъ братъ померъ.

Самоваръ какъ гудитъ: если печально, къ упокойнику, если весело вонъ какъ пароходы гудятъ, къ новостямъ, или уѣзжать кому нибудь.

Еще чаю напьесься, а сомоваръ будетъ шумѣть, гости пріѣдутъ.

Еще когда чашку накроешь, чаю напьешься, она загремитъ—тогда вѣсти слышать.

Чугунъ гудитъ въ печкѣ—кто нибудь помретъ.

Кошка когда играетъ, да когтями когда скребетъ—къ морозу.

Если голубь на окнѣ сидитъ одинъ да что нибудь клюетъ—письмо получать.

Когда чайникъ обольешь, не усмотришь—какой нибудь человѣкъ придетъ.

Кошка на полу растянется, ноги протянетъ—къ теплу.

Голубь когда въ окно влетитъ--кто нибудь умретъ.

Сова на крестѣ—къ сильному пожару.

Сорока щебечетъ близко, на дворѣ—къ новостямъ.

Учениками 2-го класса.

Курица пѣтухомъ поетъ —очень нехорошо будетъ, по упокойнику.
Кошка на заклѣтѣ сидитъ—будетъ холодно.
Когда сорока кричитъ на дворѣ—письмо получите.
Собака воетъ кверху—къ пожару, внизъ—къ покойнику.
Воронъ на крышѣ кричитъ—къ покойнику.
Лѣвый глазъ чешется—очень будетъ хорошо, а правый—будетъ плакать.
Ладонь чешется, лѣвая если, деньги получать, а правая отдавать.
Голубь сидитъ на окнѣ—письмо.
Голубь въ домъ влетитъ—къ покойнику.
Когда чаю напьешься, чашка застучитъ—вѣсть получать.
Кошка умывается (лапкой)—гости будутъ.
Если ложка не опрокинута, говорятъ: у невѣсты ротъ разинутый.
Съ тарелки недоѣшъ—невѣста рябая будетъ.
Собака будетъ валяться какъ лошадь—перемѣна погоды.
Въ печкѣ ночью жаръ знаѣтъ (разгорятся угли)—къ морозу.
Вороны каркаютъ—къ дождю.
(Записано со словъ учниковъ 2 го кл. Боровскаго уѣзднаго училища).

Примѣты, разсказанныя двумя крестьянскими мальчиками изъ с. Добрина, Боровскаго уѣз.

Когда подъ Новый годъ на небѣ много звѣздъ—говорятъ много грибовъ будетъ
Когда нога мажжитъ—къ погодѣ.
Когда собака воетъ кверху мордой—къ пожару, а если внизъ—то къ покойнику.
Когда курица поетъ пѣтухомъ - къ пожару въ деревнѣ (въ избѣ)—къ покойнику. У насъ гоняютъ ихъ по улицѣ ребята. А кто рѣжутъ.
Когда куры выходятъ лѣтомъ на дорогу, на улицу—всѣ выдутъ словно кто ихъ выгоняетъ—къ дождю.
Воробьи кричатъ—къ дождю.
Ладонь чешется—деньги получать.
Когда дожжикъ идетъ и пузыри на рѣчкѣ показываются—то говорятъ ко дожжю.
Грыжа есть у кого, когда она начнетъ болѣть—перемѣна погоды.
Когда дѣти маленькія кричатъ безъ мѣры—къ ненастью.
Когда идешь къ заутрени на Пасху ежели дорога чистая,—то будетъ урожай плохой, ежели заметёная—хорошій урожай.
Когда пчелы сильно летятъ къ своимъ ульямъ—то скоро дождь; когда утромъ играютъ—ясный день.
Грачи играютъ—хорошая погода будетъ.
Когда ѣдешь дорогой да около лошади ласточка летаетъ—хорошій день.
Когда рыба кверху ходитъ и выскакиваетъ изъ воды—къ хорошей погодѣ.
Когда ѣдешь да лошадь упирается—гдѣ нибудь волкъ вблизи. Собака къ лошади жмется тоже.
Лягушки по избѣ прыгаютъ—къ дождю.
Когда кошка валяется—къ дождю.
Дымъ столбомъ изъ трубы—къ холоду.
Лягушки въ болотѣ и рѣчкѣ кричатъ сильно—къ дождю.
Уши у солнца—къ морозу.
Лице у мѣсяца—къ морозу.
Столбы на небѣ красные и розовые—къ войнѣ.
Кругъ около сонца—къ несчастью. Вотъ когда убили шаха персидскаго—кругъ былъ.

Молитва отъ лихорадки (кумохи).

На морѣ на Діёнѣ, на горѣ на Сіёнѣ лежитъ камень арлатскій. На томъ-то на камнѣ сидятъ три святителя: Петръ, Павелъ, Микола Милостливый. Мимо нихъ идутъ двѣ дѣвицы, двѣ на десять, дурныя нехорошія, косматіи, простоволосіи. Они и спрашиваютъ ихъ: «Что вы за люди?—«Мы Ардотовѣ дочери». «Куда вы идете?»—«Въ міръ хрещеный, во радѣ кости ломать, мозги выжимать, кристіянскую кровь проливать». И били они ихъ желѣзными прутьями, приговаривая: «Не ходите въ міръ хрещеный, не ломайте во родѣ кости, не выжимайте мозги, не проливайте кровь кристіянскую».

Кто будетъ эту молитву по три раза на день читать, къ тому лихорадка на 50 саженъ не подойдетъ.

Молитва отъ упорѣза.

Господи, благослови, руду заговори. Ты, воръ, не кравь (?) и ты, руда не конь (?). Трижды читается.

Обѣ молитвы записаны отъ женщины 50 лѣтъ изъ деревни Вязьмино, Александровскаго уѣзда, Владимірской губ. Сама она узнала ихъ отъ старухи, умѣющей заговаривать.

Сообщилъ С. А. Бѣлоцвѣтовъ.

Домовой.

Домовой бываетъ въ каждомъ домѣ. Проживаетъ онъ по преимуществу на дворѣ и имѣетъ отношеніе больше къ скоту, чѣмъ къ хозяину. Наружный видъ домового такой же, какъ и у хозяина дома: если хозяинъ черноватый, то и домовой-брюнетъ. Хозяева стараются пріобрѣтать скотъ соотвѣтствующей масти, потому что домовой не любитъ животныхъ окрашенныхъ въ иной цвѣтъ, различный съ его цвѣтомъ.

Крестьяне говорятъ, что домовой, не взлюбившій корову или лошадь, можетъ замучить ихъ. Поэтому, когда животное начинаетъ, повидимому безъ причины хирѣть, то говорятъ: «Она не по двору», т. е. домовой не взлюбилъ ее. Но бываетъ и такъ, что лошадь или корова, по мнѣнію хозяина, по цвѣту удовлетворяетъ вкусамъ домового, а между тѣмъ имѣетъ хворый видъ. Тогда хозяинъ говоритъ, что лошадь у него испортилъ лихой человѣкъ, т. е. колдунъ.

Домовой, не взлюбившій животное, начинаетъ его бить чѣмъ ни попало, гонять по двору, плевать на него, что имѣетъ для животнаго роковое дѣйствіе.

(Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ. Сообщилъ Е. Ѳ. Бѣдовъ).

Разсказъ старухи о томъ, какъ она видѣла лѣшаго.

Какъ-то я осенью пошла сушить овинъ. Разложила теплинку, легла да и задремала чуточку. Вдругъ слышу, что-то шумитъ вверху. Гляжу, а въ подлазъ лѣзетъ лѣшій, весь замерзшій въ сосулькахъ. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ погрѣюсь да уйду, погрѣюсь, да уйду!» Я была сама не въ себѣ. А онъ сталъ отогрѣваться, съ него такъ и потекло, всю теплинку у меня и залилъ, потомъ ушелъ. А я безъ памяти прибѣгла домой.

(Покровскій у., Влад. г., подъ Киржачемъ. Сообщилъ Е. Ѳ. Бѣдовъ).

Летунъ.

Летунъ — чертъ, являющійся женщинамъ, вдовамъ въ видѣ человѣка, совершенно похожаго на ихъ покойнаго мужа. Летунъ для другихъ чертъ, а для нея имѣетъ образъ мужа. Онъ летитъ въ видѣ огненной массы и разсыпается надъ тѣмъ домомъ, гдѣ ему нужно быть.

Вѣрованіе въ летуна существуетъ и въ Юрьевскомъ у. Владимірск. губ.

(Покровскій у., Владим. губ., подъ Киржачемъ Сообщилъ Е. Ѳ. Бѣдовъ).
Доставлено *В. Чернышевымъ*.

Л. Н. Майковъ † 7 апр. 1900 г.

(читано въ засѣданіи Отдѣл. Этнографіи 12 Мая).

Нынѣшнее засѣданіе я долженъ открыть грустнымъ напоминаніемъ о недавней кончинѣ Л. Н. Майкова, долго и плодотворно трудившагося на службѣ Географическому Обществу, по Отдѣленію Этнографіи въ особенности, сначала въ качествѣ Секретаря Отдѣленія (1865—67), затѣмъ Предсѣдательствующаго въ немъ (1872—1886) и, наконецъ, Члена Совѣта (1886—1888). Поступивъ было по выходѣ изъ Университета (1859) на службу въ Министерство Финансовъ, по полученіи магистерской степени («О былинахъ Владимирскаго цикла». Спб. 1863—маг. диссертація), Майковъ перешелъ вскорѣ на службу въ Центральный Статистическій Комитетъ, гдѣ и оставался до 1882 г., причемъ съ 1868—до 1882 г. состоялъ сверхъ того помощникомъ редактора Журнала М—ва Нар. Просв.; въ 1882 г. онъ покинулъ Статистическій Комитетъ, получивъ мѣсто Помощника Директора И. П. Б—ки, гдѣ и оставался до 1893 г., когда, по смерти Я. К. Грота, Ордин. Ак. М. со 2 ноября 1891 г., [былъ избр. Адъюкт. 1889 (янв.), экстр. 1890 (апр.)], былъ назначенъ Вице-Президентомъ И. А. Н., въ какомъ званіи онъ и оставался до своей смерти.

Съ 1863 г. до 1894 г. Л. Н. не переставалъ печатать свои изслѣдованія, отдѣльныя замѣтки, рецензіи, статьи по этнографіи, исторической этнологіи и географіи, по статистикѣ Россіи. Таковы были его труды по этой части: 1) Разборъ IV т. Пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ (Ж. М. Н. Пр. 1868, № 5). 2) Разборъ Онежскихъ былинъ Гильфердинга (ib 1873, № 8). 3) Разборъ Причитаній сѣв. края. Барсова (Отч. о 98-мъ присужд. наградъ гр. Уварова). 4) Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула (Изв. Г. Общ. 1874, № 6). 5) Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья (Др. и Нов. Россія 1876, № 6). 6) Ермакъ взялъ Сибирь и Заговоры донскихъ казаковъ («Жив. Стар.» г. I, вып. 2, Отд. II, стр. 133—136). 7) Обзоръ пѣсенъ, записанныхъ въ XVII в. (Ж. М. Н. Пр. 1880, № 11). 8) Матеріалы и изслѣд. по стар. р. литер. Спб. 1891. 9) «Сборникъ велико-русскихъ заклинаній», составл. и ред. М. въ Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этн. II, 1869 и отдѣльно). 9) Замѣтка о географіи древней Руси—разб. книги Барсова Геогр. нач. лѣтоп. Ж. М. Н. Пр. 1894, № 9). 10) О древней культурѣ западн. финновъ по даннымъ ихъ языка (Ж. М. Н. Пр. 1879, №№ 6, 7 и 12) по кн. Альквиста «Die Kulturvölker d. westf. Spr.), 11) Старинные русскіе паломники въ изд. Палест. Общ. (Ж. М. Н. Пр 1889, № 7). 12) Изд. съ предисл. «Краткое извѣстіе о народѣ Остѣцкомъ» Григ. Новицкаго (Спб. 1884). 13) Изданіе съ пред. «Путешествіе по сѣв. Россіи въ 1791 г. Спб. 1887). 14—18). Подъ ред. Майкова вышло 5 том. Зап. Г. Общ. по Отд. Этногр. Сверхъ того имъ напечатано было не мало статей въ Геогр.-стат. Слов. Р. Имп., въ ред. труд. Ст. Ком. Списки населенныхъ мѣстъ, Статистика позем. собственности и насел. мѣстъ Евр. Россіи; какъ членъ Арх. Ком. приготовилъ къ изд. XIV-го т. Русской Библіотеки (Акты Холмогорской и Устюжской Еп.).

Самые же главные и особенно любимые имъ предметы занятій принадлежали области исторіи русск. литературы XVII, XVIII и XIX в. Таковы «Очерки изъ исторіи

русской литературы XVII и XVIII ст. Спб. 1889. Сюда вошли «Симеонъ Полоцкій», «Одна изъ русск. повѣстей Петр врем.» «Къ характеристикѣ Ломоносова» (по поводу изв. изслѣд. Будиловича о Л—вѣ), В. И. Майковъ, Литер. мелочи Екатер. врем. Нѣсколько данныхъ для исторіи русск. литер. Имъ же изданы сочиненія В. И. Майкова (1867), записки И. И. Неплюева (1871), разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Особенно же замѣчательно его превосходное изданіе сочиненій Батюшкова, при сотрудничествѣ извѣстнаго библіографа Саитова, а также и I томъ Сочиненій Пушкина съ примѣчаніями, при сотр. того-же С—ва, и сборникъ: Пушкинъ. Біографич. матер. и истор.-литерат. очерки.

Сверхъ того Майковымъ представлены живыя характеристики разныхъ писателей и ученыхъ—въ статьяхъ о Жуковскомъ (поэзія Ж.), о Фетѣ, о Плетневѣ, Гротѣ, Срезневскомъ, Артемьевѣ, Минаевѣ, Замысловскомъ, Васильевскомъ, гр. Уваровѣ и пр.

Сверхъ разныхъ мелкихъ замѣтокъ и рецензій въ различныхъ журналахъ и сборникахъ (Студ. Сборн., Изв. Геогр. Общ., Изв. Арх. Общ., Ж. М. Н. Пр., Ист. Вѣстн., Эпоха), Майкову же принадлежатъ слѣд. статьи: «Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (Ж. М. Н. Пр. 1881, № 9),—«Отчетъ о предварительныхъ изслѣдованіяхъ каменнаго вѣка въ Крыму», «Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани (Ж. М. Н. Пр. 1886, № 2—3), «Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ (id 1892, № 1 — 2). Строго обдуманные труды Майкова отличаются внимательною обработкою и изящною отдѣлкою.

Дѣятельность Майкова въ Геогр. Общ. была болѣе или менѣе тѣсно связана съ трудами и занятіями въ немъ многихъ другихъ, тоже давно или недавно опочившихъ, заслуженныхъ, видныхъ дѣятелей нашего Общества:—Бера, Надеждина, Кавелина, Срезневскаго, Куника, Васильева, Захарова, Григорьева, Савельева, Артемьева, Огородникова, Костомарова, Калачева, Гильфердинга, Ор. Миллера, Бушена, В. Милютина, Безобразова, Замысловскаго, Майнова, Чубинскаго. И въ ряду этихъ достопочтенныхъ именъ имени Майкова принадлежитъ далеко не послѣднее мѣсто. Въ ряду же именъ нашихъ покойныхъ историковъ литературы, библіографовъ и критиковъ имени Майкова будетъ отведено еще болѣе почетное мѣсто. Оставилъ онъ по себѣ добрую память и какъ человѣкъ, вполнѣ уравновѣшенный, мягкій, доброжелательный, всегда готовый подать добрый совѣтъ, оказать посильную услугу, помощь... Вѣчная ему память!

В. Ламанскій.

---

[1]) Наиболѣе болѣе полный списокъ всѣхъ трудовъ, статьи, замѣтокъ—Майкова представленъ въ брош. нашего почтеннаго библіографа П. К. Симони—«Библіограф. списокъ ученыхъ и литературн. труд. и изданій Л. Н. М. Спб. 1900. Здѣсь перечисл.: 1) Статьи и замѣтки о Л. Н. М. и некрологи. 2) Перечень учен. и литер. труд. Л. Н. М. (1857—1900) № 1—230 (стр. 3—46).

Отдѣлъ IV.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.